

С. ДЗЕРЖИНСКАЯ

**В ГОДЫ
ВЕЛИКИХ
БОЕВ**

Институт
Марксизма-ленинизма
при ЦК КПСС

Институт
Славяноведения АН СССР

Издательство
социально-экономической
литературы
«Мысль»

У К А З

ПРЕЗИДИУМА
ВЕРХОВНОГО СОВЕТА
СССР

О награждении
тов. Дзержинской С. С.
орденом Трудового
Красного Знамени

За заслуги перед революционным
рабочим движением и в связи с вось-
мидесятилетием со дня рождения на-
градить тов. Дзержинскую Софию
Сигизмундовну орденом Трудового
Красного Знамени

Председатель Президиума
Верховного Совета СССР
Л. БРЕЖНЕВ.

Секретарь Президиума
Верховного Совета СССР
М. ГЕОРГАДЗЕ.

Москва, Кремль. 3 декабря 1962 г.

ОТ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА КПСС

Центральный Комитет КПСС с глубоким прискорбием извещает, что
27 февраля 1968 года на 86 году жизни скончалась Софья Сигизмун-
довна Дзержинская — активная участница революционного движе-
ния, член КПСС с 1905 года, жена и соратник Ф. Э. Дзержинского.

С.ДЗЕРЖИНСКАЯ

**В ГОДЫ
ВЕЛИКИХ
БОЕВ**

МОСКВА • 1964

Э К П 1 (002)

Д 43

Под редакцией

Н. А. Х Р Е Н О В А

Перевод разделов 1—42 и 44—48

с польской рукописи

М. Ф. Р О З В А Д О В С К О Й

Предлагаемая вниманию советского читателя книга написана женой, другом и боевым соратником Феликса Дзержинского Софьей Дзержинской, активным деятелем польского революционного движения.

Главное место в книге занимают воспоминания о революционной деятельности Ф. Э. Дзержинского. Вместе с тем подробно рассказывается о революционной деятельности автора книги, о польском революционном движении и его авангарде — Социал-Демократии Королевства Польского и Литвы (СДКПил).

Несомненным достоинством является то, что хотя книга С. С. Дзержинской и не является научным исследованием, однако богатство документированного фактического материала, ясность и четкость излагаемых принципиальных положений, яркость характеристик революционных деятелей, обоснованность выводов и обобщений придадут книге большое научно-политическое значение.

В книге нарисованы яркие картины самоотверженной борьбы польских социал-демократов против самодержавия и социального гнета за свободу и счастье трудящихся. Труден и сложен был путь революционера-подпольщика: аресты, судебные процессы, тюрьмы, ссылки по этапу в далекую Сибирь, скитания вдали от родины по чужим краям. Совсем еще юной девушкой С. Дзержинская навсегда связала свою жизнь с революцией, став на путь борьбы за народное счастье. Начинает она свою революционную деятельность в качестве распространителя нелегальной литературы, затем работает пропагандистом среди рабочих. С большой теплотой и искренним чувством уважения вспоминает С. Дзержинская тех, кто, преодолевая огромные трудности, вместе с ней шли по революционному пути.

Особую ценность представляют страницы, посвященные жизни и революционной борьбе Ф. Э. Дзержинского. Широко в книге использованы письма Дзержинского, которые были единственным средством общения между двумя революционерами в период их вынужденной восьмилетней разлуки. Со страниц книги перед читателем предстает благородный образ пролетарского революционера, кристально честного, беспристрастного и не отступающего ни перед чем, беспощадного к врагам революции, внимательного и чуткого к простым людям труда.

После победы Октября партия поручает Дзержинскому ответственные посты — председателя ВЧК, наркома путей сообщения, председателя ВСНХ, и везде он всю свою энергию, весь свой организаторский талант отдает делу строительства Советского государства.

Вся книга пропитана глубоким уважением к истории польского и русского революционного движения. Глубокий интернационалист, Дзержинский был горячим сторонником единства русского и польского революционного движения. При его активном участии состоялось единение СДКПиЛ с РСДРП. Ф. Э. Дзержинский, будучи выдающимся деятелем нашей партии и Советского государства, не переставал интересоваться судьбами польского рабочего движения, оставался мудрым советником польских коммунистов. Стараясь передать польским коммунистам опыт большевистской партии, Ф. Дзержинский резко критиковал ошибки руководства КПП, особенно «майскую ошибку» во время переворота Пилсудского. Находясь на передовых постах социалистического строительства в СССР, он глубоко верил в то, что этим приближает победу польских трудящихся. Ф. Э. Дзержинский был символом польского и русского революционного братства, символом польско-советской дружбы.

Замечательную характеристику Ф. Э. Дзержинскому дал Н. С. Хрущев: «Ярким олицетворением боевого содружества польского и русского рабочего движения был выдающийся революционер, один из ближайших соратников Ленина — Феликс Дзержинский». Ему, выдающемуся революционеру, пламенному борцу за счастье трудящихся, рыцарю революции, беззаветно служившему народу, посвящена большая часть книги, подготовленной его верным другом и боевым товарищем Софьей Дзержинской.

И. Хренов.

Родилась я в декабре 1882 года в Варшаве в ополченной мелко-буржуазной интеллигентской еврейской семье. Мой отец Сигизмунд Мухач, сын эконома небольшого поместья под Варшавой, начал работать с десятилетнего возраста мальчиком в одном из варшавских книжных магазинов. Тринадцатилетним подростком он принимал участие в восстании 1863 года, доставляя боеприпасы и еду скрывавшимся в лесах повстанцам.

Он рассказывал нам потом об этом восстании, о его подавлении и о тяжелой судьбе многих сотен повстанцев, сосланных в Сибирь. После подавления восстания отец продолжал работать мальчиком, а затем приказчиком в книжном магазине в Варшаве. Это дало ему возможность познакомиться с произведениями польской литературы.

У отца не было систематического образования, но был он начитан, сам научился читать, писать и неплохо говорить по-немецки, изучил также бухгалтерское дело, что позднее дало ему возможность работать счетоводом, бухгалтером и корреспондентом в торговых заведениях и промышленных предприятиях. В детстве он в школу не ходил, и только юношей он стал посещать воскресную школу.

Отец считал себя поляком (еврейского языка совершенно не знал), был горячим польским патриотом и хотел, чтобы ни его, ни его детей ничто не отделяло от польского населения. Поэтому-то в 1887 году он вместе со всей своей семьей принял католичество.

Мне тогда было 5 лет, но я хорошо помню обряд крещения, который состоялся в костеле на Кошिकाх. Я тогда впервые была в костеле, и на меня произвели большое впечатление красота его внутреннего убранства, игра на органе, пение артистов и хора. Родители мои были людьми верующими, но религиозных обрядов не соблюдали.

Принятие католицизма нашей семьей открыло моему брату и мне доступ в польскую среду и к польской культуре. Брату это дало возможность поступить в гимназию, где для евреев была установлена жесткая процентная норма.

От детства у меня осталось воспоминание необычайной душевной гармонии, настоящей любви и дружбы в семье, не нарушаемой ни одним резким словом, ни одной ссорой. В родительском доме не было лицемерия и лжи. Я никогда не слышала сплетен о ком-нибудь.

Моя мать Саломея-Станислава, урожденная Либкинд, была воплощением доброты. Она заботилась не только о муже и детях, но и о своих сестрах и братьях, которые были старше ее, а также и об их семьях. Мать была чутка и отзывчива к нуждам других. Она не только хорошо относилась к домашним работникам, но помогала чем только могла и их семьям. Старушка няня Юзефа Винтер, которая вынуждена была брать и меня, предложила жить у нас, хотя ослепла и ничего уже не могла делать.

Мать научила меня читать и писать. Она часто пела нам, детям. От нее я впервые услышала запрещенные царскими властями польские национальные гимны «Боже, ты, что Польшу...», «С дымом пожаров...», теперешний государственный гимн Народной Польши «Еще Польша не погибла...» и другие песни, которые я запомнила на всю жизнь. Любила она также петь народные песни «Эй, ты Впсла», «Стась мне с ярмарки привез колечко», «Эй, ребята, славщики» и арию Понтека из оперы Моношю «Галька». Она никогда не училась пению, но голос у нее был приятный. Возможно, что именно ее пение еще в детстве зародило у меня горячее желание учиться музыке. Когда мне исполнилось 7 лет, я начала брать уроки игры на рояле.

Одним из первых произведений, которые я тогда играла, была специально обработанная для детей прелюдия Шопена (opus 28, № 7A-dur). Эту прелюдию позднее, уже в польской школе, и пела с подругами в хоре:

«Наклонив головку,
Загрустил вьюнок,
И журчит, и шевчет
Чистый ручеек.

Светит месяц в небе,
Звездочки горят,
Над водой склонившись,
Розы тихо спят».

Семь лет меня отдали в только что открытый, второй по счету в Варшаве частный детский сад, организованный моей двоюродной сестрой Юлией Уншлихт по системе Фребеля¹. Первый, тоже частный, детский сад в Варшаве возник на несколько лет раньше. Его основательницей и хозяйкой была Юзефа Вэрыго. В детском саду меня подготовили к поступлению в подготовительный класс частной польской шестиклассной женской школы.

22 августа² 1891 года кончилось мое счастливое детство. Неожиданно на 37-м году жизни в расцвете сил умерла моя мать во время родов. Это был страшный удар, внезапно обрушившийся на нашу семью. Через несколько дней после смерти матери мы покинули нашу квартиру

¹ Ф. Фребель (1782—1852) — видный немецкий педагог, теоретик дошкольного воспитания.

² Здесь и дальше даты даны по новому стилю.

на Краковском предместье около Дворцовой площади с чудесным видом на Вислу, мост Кербедзя и Прагу и переселились в маленькую комнату на Маршалковской улице (дом № 148) в квартире моей тетки Дороты, которая за год до этого овдовела. Оставшись одна с семью детьми, она открыла в своей квартире небольшую белонивейную мастерскую.

По воскресеньям к тете часто приходили гости, и тогда ее старший сын Бенедикт Герц (позднее известный баснописец), прекрасно игравший на скрипке, под аккомпанемент фортепиано исполнял разные классические произведения. Чаще всего он играл траурный марш Шопена. Кто-нибудь из гостей проникновенно декламировал под звуки этой музыки волнующие стихи Корнея Уейского¹, специально написанные им для шопеновского марша. До сих пор помню некоторые строфы:

Сколько звона! Где так звонят?
Шум в ушах ужасный!..
И куда всецды шагают с этой песней страшной?
Предо мною как в тумане очень близко дроги..
Как темно мне!.. и как больно..
О, как черны дроги!..

.....

Я иду, плыву, как сплывший,
Двигаюсь безволиею,
Только в сердце так щемяще,
Так ужасно больно.

В мозг впились и в сердце клещи,
Острые, кривые..
Звонят, зволят все зловеще,
Вороне крикливо..
А, и музыка!.. я слышу, хорошо играют..
Слезы жгут, потом скупные по лицу стекают..
.....

Дроги медленно четверка тянет в крепе черном,
Я за ними, хоть бездушно, двигаюсь упорно..
Боже, боже, гроб качнулся!.. Я ищу ответа:
Тут загадка моей жизни — в этом гробе, в этом!

.....

На атласе спят красива,
Ручки в крест сложив,
Улыбается сквозь сон мне..
Ох, ты ведь не спишь!..
Ох, не видишь ароматных
Белых роз в венке..
Тебя нежным поделуем
Не поднять уж мне!..

¹ Корнелий Уейский (1823—1897) — польский поэт-демократ, в творчестве которого были сильны национально-освободительные мотивы.

Спяли гроб, на илечи вили,
попесни поспешно,
А меня хотят оставить... Ха-ха, безуспешно!
.....
Звонят.. Все гудит от звона...

Каждый раз, когда я слышала эту изумительную музыку Шопена и эти трагические слова Уейского, мне казалось, что я иду за гробом матери, и, притаившись за тяжелой портьерой под подоконником, я заливалась горячими слезами.

Через год после смерти матери отец женился вторично и мы уехали от тетки. Женился отец на художнице Каролине Шмурло, дочери известного (в то время уже покойного) проф. Аугустина Шмурло, специалиста по древнегреческому и латинскому языкам, переводчика «Илиады» и «Одиссеи» Гомера на польский язык.

Мачеха моя была очень красива. Мы с братом встретили ее с открытым сердцем, ожидая ласки и любви, которой нам не хватало. Была она женщина неплохая, но клерикалка, полная захолустных шляхетских предрассудков. Она заставляла нас с братом молиться по утрам и вечерам, ходить в костел по воскресеньям на мессу. По-своему она любила нас, но нашей родной матери заменить нам не могла.

Семейная обстановка резко изменилась. Не стало в доме прежней слаженности и дружбы. Между отцом и мачехой часто вспыхивали ссоры, возникали недоразумения на почве расхождения во взглядах. Отец был демократом, а мачеха считала себя аристократкой и презирала всех, у кого не было «голубой крови». Хотя она и вышла замуж за крещеного еврея, тем не менее оставалась антисемиткой и рассказывала несусветную чушь о евреях. Размолвки между отцом и мачехой доходили часто до того, что он уходил из дома и, уставший после целого дня работы, бродил до позднего вечера по улицам, а потом по нескольку дней они не разговаривали друг с другом. Все это чрезвычайно угнетало меня.

Через несколько лет родился брат Чеслав. Мачеха души в нем не чаяла и баловала его невероятно, потакая всем прихотям и капризам. В детстве я его очень любила. Но когда Чеслав вырос, между нами не оказалось никакой духовной близости. Долгие годы я с ним не виделась и только после второй мировой войны узнала, что он погиб в лагере смерти в Освенциме во время гитлеровской оккупации Польши.

В сентябре 1891 года меня приняли в подготовительный класс польской частной шестиклассной женской школы Ядвиги Сикорской (на углу Маршалковской и Крулевской улиц), где я училась шесть лет.

Царские власти проводили в Польше русификаторскую политику и даже в частных школах требовали вести преподавание всех предметов на русском языке. Но это не выполнялось. В частной школе Сикор-

ской, где я училась, преподавание велось на польском языке нелегально. Когда приходил инспектор, поднималась невероятная паника. Боялись, что, заметив что-нибудь недозволенное, он закроет школу. Паника охватывала не только начальницу и учителей, но и учениц. Мы торопливо собирали все польские учебники и тетради и бежали их прятать в спальни. Несколько десятков учениц, главным образом дочерей помещиков из так называемых тогда кресов (окраин), т. е. Литвы, Западной Украины и Западной Белоруссии, жили в школьном пансионе на том же этаже, где размещались классы. Вот к ним подальше от глаз инспекторов и другого «начальства» мы поспешно прятали все «недозволенное», все польское.

Учебников по таким предметам, как зоология, ботаника, всеобщая история, география, на польском языке не было. Преподавание тайком велось по-польски, а учебники были русские. Им мы почти не пользовались. Помню, что уже во 2-м классе на уроке зоологии мы записывали объяснения педагога, а потом по этим записям учились. Географию и историю Польши вообще не изучали. С историей Польши, вернее, с историей польских королей нас нелегально знакомила начальница Ядвига Сикорская на уроках рукоделия. В 5-м классе нелегально в 8 часов утра, за час до начала уроков, мы приходили в школу для прослушивания цикла лекций проф. Владислава Смоленского о разделах Польши и о Польше после разделов. Иногда эти лекции читались нам по вечерам после уроков, когда внезапное появление инспектора уже не предполагалось. На всякий случай мы все же брали с собой рукоделие.

История Польши излагалась в духе шляхетской историографии. (В 1911 году, находясь в тюрьме в Х павильоне Варшавской цитадели, я прочла «Историю Польши» Владислава Смоленского в легальном издании. Книга находилась в тюремной библиотеке.)

В том же 5-м классе в 8 часов утра мы приходили также на нелегальные уроки грамматики польского языка (и древнепольского). Этот предмет очень интересно преподавался проф. Мечинским, который к тому времени вернулся из сибирской ссылки, где находился за участие в восстании 1863 года. Его уроки я тщательно и подробно записывала и долго хранила у себя.

Но наибольшим уважением у учениц пользовался А. Бем, преподававший польский язык и польскую литературу, начиная с 3-го класса. Это был человек прогрессивных взглядов, демократ и, как поговаривали в учительской среде, атеист. Был он, кажется, родственником генерала Юзефа Бема, прославленного героя освободительной борьбы 1848 года в Венгрии.

Начальница, опасаясь, как бы Бем не выступил перед нами со своими вольнодумными взглядами, почти всегда присутствовала на его уроках. Мы любили Бема за то, что он прекрасно, почти артистически

читал нам произведения классической польской литературы. До сих пор помню, как замечательно он читал «Оду к молодости» или «Импронизацию» из III части «Дзядов» Адама Мицкевича. Для чтения этого произведения он выбрал день, когда начальницы не было в классе.

Среди прочих учителей были: преподаватель естествознания Хмелевский, старик, излагавший свой предмет скучно, сонно; учитель по алгебре и геометрии Кильтынович, антисемит, постоянно снижающий отметки ученицам-еврейкам; учитель по всеобщей истории, человек немолодой (фамилии не помню), дословно пересказывавший по-польски русский учебник Иловайского, который отличался, как известно, крайней реакционностью.

Недвужинной фигурой был преподаватель закона божьего ксендз Ян Гралевский, незулт, человек очень образованный, прекрасный оратор. Его уроки по истории церкви в 5-м классе были интересны тем, что он иллюстрировал их репродукциями выдающихся произведений искусства на религиозные темы. Но именно благодаря своему красноречию, умению увлечь своих слушателей этот человек оказывал пагубное влияние на девичьи умы. Он доводил учениц, особенно в дни говения, прямо-таки до религиозного экстаза. Этому способствовали специально создаваемая в эти дни почти театральная обстановка и особая атмосфера в школе. В одном из самых просторных классов устанавливался алтарь, утопающий в цветах. Одурачивающий запах цветов и ладана, полумрак, тишина и в этой тишине проникновенный голос проповедника, грозящего всеми ужасами ада за грехи, страстный шепот молитв, а затем церковное песнопение — все это вызывало необычное настроение. Не лишне будет упомянуть, что этот же ксендз Гралевский сыграл немалую контрреволюционную роль во время революции 1905—1907 годов, а затем в буржуазной Польше выступал перед самой черной реакцией. Но в те времена, когда я была в 5-м классе, ни одна из более или менее впечатлительных школьниц, в том числе и я, не могли устоять перед вредным влиянием его красноречивых проповедей.

Окончив 5-й класс школы Сикорской с похвальной грамотой, я перешла по желанию отца во 2-ю женскую гимназию, которая находилась на Вильей улице. (Частные учебные заведения не давали никаких прав, даже права преподавать в частных домах.) Из-за недостаточного по гимназическим требованиям знания русского языка меня приняли не в 6-й, а в 5-й класс, причем пришлось сдавать экзамены по русскому языку, арифметике, алгебре, геометрии, а также, что было самым трудным, по церковнославянскому языку, который в гимназии изучали в 4-м классе и о котором я не имела ни малейшего понятия. Для подготовки по церковнославянскому языку у меня был всего лишь один день. Весь этот день и всю ночь напролет я зубрила церковнославянскую грамматику. Поняла я ее без особого труда, так как в ней было

много общего с древнепольской грамматикой. Но читать библейские тексты на церковнославянском языке и переводить их на русский язык — этому научиться за один день было невозможно.

Шла я на этот экзамен как на казнь. Однако случаю было угодно, чтобы после ответа на вопросы, касавшиеся грамматических правил, меня не заставили читать библейские тексты, а предложили прочитать какой-то отрывок по-русски и разобрать его этимологически и синтаксически, что не представляло для меня ни малейшей трудности. Я сдала экзамен, о чудо! Этот экзамен — на пятерку!

В гимназии строго запрещалось говорить по-польски не только в классе, но и вне его — в коридорах, на лестнице, в небольшом дворике. За этим неотступно следила немолодая классная наставница Вишнякова. Поэтому во время перемен мы или молчали совсем, или говорили между собой шепотом. Насильственная русификация веда к тому, что гимназия дала нам знания не живого русского языка, а только книжного, и то лишь в весьма ограниченных размерах.

Не получили мы знаний и по русской классической литературе. Пушкин преподавался казенно, скучно. О его прогрессивной, революционной деятельности мы ничего не знали, так же как и о большой дружбе Пушкина с Мицкевичем. Гораздо больше я любила поэзию М. Ю. Лермонтова. С увлечением я перечитывала поэму «Мцыри» и охотно учила ее наизусть.

В старших классах одна из гимназисток дала мне почитать Л. Н. Толстого. С поэзией поэта-гражданина Н. А. Некрасова я познакомилась уже будучи революционеркой и читала ее с великим наслаждением.

Самыми яркими поляконенавистниками были Коялович, учитель русского языка и логики в 5-м и 6-м классах, хорошо знавший польский язык, по-видимому, поляк по происхождению (в период реакции он был кандидатом в депутаты от черносотенцев Королевства Польского в одну из Дум), и начальница гимназии баронесса Бойе, старая дева, ненавистная ученицам и прозванная ими Крокодилом.

Уроки польского языка в гимназии (только для поляков) кончались в 5-м классе. Но это были уроки не изучения польского языка, а падеательства над ним. Состояла эта учеба в том, что переводились на русский язык тексты учебника, составленного на корявом польском языке каким-то Дубровским. Как будто нам, полякам, для того чтобы понять польский текст, нужно было переводить его на русский язык. Таким образом, фактически это были упражнения в русском языке.

В «Хрестоматии» Дубровского не было отрывков из польской классической художественной литературы, а были какие-то скучные описания и короткие рассказы на скверном польском языке. Уроки польского языка проводились самое большее один-два раза в неделю, русского же

языка — ежедневно. О преподавании истории и географии Польши в гимназии, конечно, и речи не было.

Преподавательница польского языка Гуминская, очень, впрочем, трусливая, пыталась нелегально познакомить учениц с Мицкевичем и Словацким и стала жертвой провокации со стороны Кояловича. Однажды на уроке русской стилистики, объясняя разные стихотворные формы, Коялович стал утверждать, что поэзия Пушкина и Лермонтова богаче поэзии Мицкевича и Словацкого. Это потому, доказывал он, что ударения в польском языке бывают всегда только на предпоследнем слоге, в то время как в русском языке нет постоянного места для ударения. Он обратился к нам со словами:

— У вас, наверно, имеется при себе какое-нибудь произведение Словацкого? Дайте мне его, и я продемонстрирую вам превосходство русской поэзии.

В этот день у нас как раз был урок польского языка и в партах лежало несколько экземпляров «Отца зачумленных» Юлиуша Словацкого. Одна из учениц, не подозревая провокации, вручила это произведение Кояловичу, и он продемонстрировал разницу между польским и русским стихом.

Но через несколько дней после этого Гуминская была уволена с преподавательской работы в гимназии.

А с Крокодилом у меня было такое столкновение. За несколько дней до выпускных экзаменов, будучи уже кандидаткой на золотую медаль, я после уроков спускалась вниз по лестнице с 3-го этажа, где помещался наш класс. Кто-то снизу окликнул меня и спросил по-польски, нет ли наверху такой-то (следовала фамилия) ученицы. Я оглянулась назад, не обнаруживая за собой девочку, про которую спрашивали, и ответила тоже по-польски: «Нет».

В ту же секунду меня схватила за руку Крокодил, как раз поднимающаяся вверх по лестнице и не замеченная мной вовремя. С грозным окриком начальница потащила меня на третий этаж и приказала классной даме Вишняковой запереть меня в кардер на три часа. За одно только слово, сказанное по-польски! Я просидела три часа без обеда, голодная, запертая в пустом классе. Хорошо еще, что не в подвале, куда нередко сажали провинившихся.

Эти три часа, проведенные в карцере, значили, что в конце недели мне запишут в дневник двойку по поведению, а это в свою очередь повлияет на снижение годовой отметки до четверки; следовательно, золотая медаль исключается.

Когда на следующее утро я пришла в школу, Вишнякова заявила мне, что баровесса готова простить меня и не поставит двойки по поведению, если я попрошу у нее прощения. Я, разумеется, с возмущением отказалась и мысленно уже прощалась с медалью.

По руководству гимназии, по-видимому, неудобно было перед высшим начальством в последний момент отказываться от одной из двух золотых медалей, которые в тот год полагалось получить на всю гимназию. Вторую золотую медаль получала русская ученица Хлебникова из одного со мной класса. В параллельном же классе, 7 «Б», никто не был представлен к медали. Отказ от медали бросил бы тень на работу руководства и педагогического персонала II гимназии. Потому столкновение мое с Крокодилом не нашло отражения ни в моем школьном дневнике, ни в годовом табеле и золотая медаль была мне вручена. Много лет спустя, когда я в третий раз была арестована и понадобились деньги на оплату места в детских яслях для моего сына, брат Станислав по моей просьбе заложил эту золотую медаль в ломбарде, получив за нее 50 рублей. Потом брат выкупил медаль и хранил ее для меня. Во время войны гитлеровцы в Варшаве подожгли и разрушили дом, в котором жил брат с семьей, и медаль погибла в развалинах вместе со всеми вещами брата.

Слово «социализм» я впервые услышала в 1898—1899 годах, будучи в 6-м классе гимназии в Варшаве, от своей школьной подруги Софьи Смоларской. Ее зять Людвиг Кульчицкий¹ находился в то время в ссылке в Сибири. Зося Смоларская не смогла мне тогда толком объяснить, что значит «социализм», но из ее рассказа я все же поняла, что социалисты — это люди, борющиеся за свободу и лучшее будущее, за справедливый социальный строй, а царское правительство за это их преследует.

К нам домой иногда приходил, навещая мою маму, ксендз каноник Матушевский. Был он высокого роста, толстый, не прочь выпить и любил основательно, вкусно поесть. Не знаю почему, может быть, из уважения к его знаниям (он имел высшее образование), а может быть, потому, что казался дух противоречия (я тогда уже всерьез начала сомневаться в религии), мне вдруг пришло в голову в разговоре с каноником спросить, что значит «социализм». Помню, какое «священное» возмущение вызвал у него этот вопрос. Он осенил себя и меня крестным знаменем.

— Откуда у тебя, дитя мое, такие мысли? — в ужасе спросил он почти шепотом.

— Социалисты, — сказал он, — это вырожденки общества, это дети са-таны.

Но я не поверила ему. Социалисты, которых царское правительство ссылает в Сибирь, как ссылали польских повстанцев 1863 года, не могут быть плохими людьми, думала я, — скорее всего, это люди благород-

¹ Л. Кульчицкий — бывший деятель партии «II Пролетариат», позднее (в 1901 году) — основатель и вожак террористической «ППС Пролетариат» (так называемый «III Пролетариат»), в годы реакции — сторонник буржуазной «Прогрессивной демократии», после первой мировой войны — один из столпов буржуазного реакционного Национального рабочего союза в Польше и сотрудник «Полицейской газеты».

ные, заслуживающие уважения. Однако с социалистами я столкнулась лишь осенью 1904 года.

После окончания гимназии и проведения так называемого пробного урока, что давало право преподавать в частных домах и частных учебных заведениях, мне хотелось продолжать образование. Но женщинам в бывшем Королевстве Польском был совершенно закрыт доступ в университет. А средств на то, чтобы поехать учиться за границу или на Бестужевские курсы в Петербург, у меня не было. Я занялась музыкой.

После смерти матери мне пришлось прекратить уроки музыки из-за отсутствия в доме инструмента. Только когда я была уже в 5-м классе и начала зарабатывать как ренетитор в частных домах (за урок по 1 часу в день я получала 6 рублей в месяц) и когда брат Станислав, бывший на полтора года старше меня, студент математического факультета, также немного стал зарабатывать уроками, мы взяли напрокат пианино и возобновили занятия музыкой. У нас был очень хороший преподаватель — студент последнего курса Варшавской консерватории литовец Игнатий Пшибалговский. Он подготовил меня в консерваторию.

Окончив весной 1900 года гимназию, я в конце лета сдала экзамен в консерваторию и была принята на средний курс по классу проф. Ружичинского (отца известного композитора). Проучилась я в консерватории всего два года. Плата за учебу в консерватории составляла 100 рублей в год, и за отсутствием средств мне пришлось уйти, не закончив даже второго курса.

В течение последующих двух лет я работала учительницей в частной начальной школе госпожи Гениш, а потом зарабатывала на жизнь частными уроками музыки для начинающих.

По воскресеньям или по вечерам я посещала так называемый летучий университет. Это был цикл лекций по отдельным предметам. Занятия проходили нелегально один или два раза в неделю, каждый раз в новом месте, на квартире у одной из немногочисленных слушательниц (6—10 человек). Лекции оплачивались слушательницами в складчину.

Слушали мы лекции по истории Польши. Фамилию преподавательницы не помню. Лекции по геологии читал проф. Вацлав Налковский, по психологии — проф. Марбург, по географии Польши — Суйковский. Помню, с каким возмущением говорил он нам о хищническом способе добычи угля в Домбровском бассейне иностранными капиталистами. Лекции Марбурга были очень интересными, но самыми ценными были лекции Вацлава Налковского, умело включавшего в геологию социальные темы.

Группы слушательниц часто распадались, и занятия прекращались, не исчерпав программы. Стоило отсеяться нескольким слушательницам, посещавшим «летучий университет» ради моды, как оставшиеся были уже не в состоянии оплачивать преподавателя.

Одно лето мы с Зосей Смоларской самостоятельно и чрезвычайно усердно изучали «Эмбриологию» Нусбаума, экзаменуя друг друга.

Занимаясь в консерватории, я вступила в певческое общество «Лютня», которым руководил проф. Машинский, и уговорила Смоларскую тоже вступить туда. «Лютня» принимала участие в концертах филармонии, в том числе в концерте, где, кажется впервые в Варшаве, исполнялась Девятая симфония Бетховена под управлением какого-то иностранного дирижера. Участие в «Лютне» дало возможность посещать концерты в филармонии, знакомиться с классической музыкой. Я старалась широко пользоваться этой возможностью.

Зоя Смоларская в свою очередь повлекла меня в нелегальное учительское общество. Деятельность его носила сугубо культурно-просветительский характер, впрочем в весьма ограниченных размерах. Собрания общества проводились тайно один раз в несколько недель где-то на улице Новы-Свят, постоянно в одной и той же квартире какой-то зажиточной семьи, если не ошибаюсь, в квартире адвоката Гляса. На собраниях бывало человек 30 преподавателей частных школ и домашних учительниц. Принимала в них участие также начальница одной из школ-пансионов некая Панкевич, придерживавшаяся эндемичных взглядов¹.

Большую роль на этих собраниях играла Стефания Семполувская², которая пользовалась большим авторитетом.

С. С. Дзержинская. 1900 г.

¹ Эндеки — национал-демократическая партия контрреволюционной польской буржуазии.

² Стефания Семполувская (1870—1944) — педагог, редактор изданий для детей и юношества, автор ряда книг на историко-краеведческие темы, прогрессивная общественная деятельница. Многолетняя покровительница политических заключенных в царское время, потом в буржуазно-помещичьей Польше была представителем Советского Красного Креста. Она продолжала заботиться о политических заключенных и в период гитлеровской оккупации Польши. Умерла в Варшаве в тяжелых материальных условиях в 1944 году.

С двумя участниками общества, Михалиной Файнштейн и Барбарой Шпиро, позднее, в 1905—1907 годах, мне пришлось встретиться на партийной работе в Социал-Демократии Королевства Польского и Литвы (СДКПил)¹. Среди прогрессивных учителей помню также Рихтер, посещавшую эти целевые собрания.

Общество выработало программу по самообразованию для своих членов. Каждая из нас выбирала для изучения и разработки определенную тему и могла пользоваться при надобности библиотекой общества. Библиотека эта возникла, вероятно, на средства, собранные в складчину.

На каждом собрании одна или несколько участниц выступали с рецензией на вновь изданные книги для детей и юношества. Помню, что мне пришлось рецензировать какую-то книжку для юношества, где описывались жестокая эксплуатация и ужасные условия труда рабочих на золотых приисках в Клондайке.

Летом 1902 года мы вместе с Зосей Смоларской поехали на месяц отдыхать в Ойцов — живописное местечко в Келецкой губернии. Из Ойцова мы поехали на несколько дней к одному из братьев Зоси, который работал штейгером на шахте «Немцы» в Домбровском угольном бассейне. С его помощью мы получили разрешение посетить шахту. Спустились мы сначала на глубину 200, а затем 400 метров. Я никогда не забуду того тяжелого впечатления, какое произвела на меня работа шахтеров под землей.

Было жарко и невероятно душно. Полуголые шахтеры вырубали кайлом в породе шпур для закладки динамита. Когда поджигался фитиль, они торопливо разбегались, чтобы при взрыве не попасть под обвал. Во время взрыва мы стояли в другом конце штольни, но и на наши головы сыпались куски угля.

Местами проход был так узок и низок, что продвигаться можно было только ползком. Каждый держал в руке фонарь с кусочком свеч. Со стен ручьями стекала вода, под ногами тоже была вода. Но ужаснее всего мучил недостаток воздуха. Из-за плохой вентиляции местами совершенно нечем было дышать. Когда мы вернулись «на гора» и сняли шахтерскую спецовку, я подумала, что ни за что на свете не спустилась бы в шахту вторично. Всей душой сочувствовала я шахтерам.

В тот период (1902—1904 годы) меня очень занимали вопросы о бесправии женщин, судьбе обманутых и брошенных сыновьями помещиков

¹ Марксистская интернационалистическая партия польского пролетариата, образованная в 1893 году Розой Люксембург, Юлианом Мархлевским, Адольфом Варским, Яном Тышкой, Брониславом Весоловским и др. СДКП (после присоединения к ней Союза литовских рабочих и интернационалистических элементов Литовской с.-д. — СДКПил) вела решительную борьбу против националистических и оппортунистических позиций ЦПС, выступала за интернациональный союз с российским революционным пролетариатом.

С. С. Дзержинская с подругой С. Смоларской. 1902 г.

и капиталистов девушек и их «незаконных» детей. Одну из таких жертв знала лично. Глубокое сострадание вызывала ее тяжелая доля: она сначала пыталась отравиться, потом... стала проституткой.

Среди тем, предложенных для разработки в учительском обществе, была и тема «Мужчина и женщина». Я выбрала ее и жадно набросилась на рекомендованную литературу, надеясь найти в книгах ответ на вопрос, как преодолеть такое социальное зло, как бесправие женщины и проституция. Прочитав множество различных книг, я узнала о так называемом аболитционизме — этом буржуазном рецепте «уничтожения» проституции путем регламентирования ее, а по существу увековечении трагического положения этих несчастных женщин.

Во всей прочитанной литературе я не нашла ничего, что могло бы зародить хоть какую-нибудь искру надежды на подлинное уничтожение этого зла. Только позднее, познакомившись с социал-демократами,

прочитав известную книжку Августа Бебеля «Женщина и социализм», я поняла, что подлинное равноправие женщин наступит лишь после свержения капиталистического строя, в обществе, свободном от эксплуатации человека человеком, свободном от нужды и безработицы.

**Моя первая встреча
с социал-демократами
и начало революционного пути**

Начавшаяся в 1904 году русско-японская война вызвала значительное оживление рабочего движения в Варшаве и других промышленных центрах Королевства Польского, оказав влияние на подъем политической активности польской интеллигенции.

Осенью, после съезда представителей русских земств в Петербурге (19—21 ноября), разработавшего и представившего царскому правительству проект конституции, в среде варшавской интеллигенции начали проводиться собрания. На них принимались резолюции в виде петиций к царю о предоставлении политических свобод Королевству Польскому.

Однажды, осенью 1904 года, в учительском обществе меня пригласили на одно такое собрание. Оно проводилось, как и все прочее, в какой-то частной буржуазной квартирке. Здесь я встретила свою старую знакомую Ванду Краль (в девчестве Перль), с которой познакомилась еще в детстве в школе Ядвиги Слкорской. В 1891/92 учебном году, когда я была в подготовительном классе, Ванда училась уже в 6-м (последнем) классе. Окончив школу, Ванда проходила педагогическую практику в моем (первом) классе.

Летом 1900 года мы встретились с Вандой на даче под Варшавой, где сошлись довольно близко. Потом я несколько раз бывала у нее на квартире на литературно-музыкальных вечерах. С тех пор я не виделась с ней вплоть до этого собрания.

На собрании с резкой критикой докладчика и его предложения обратиться с петицией к царю выступал под какой-то вымышленной фамилией один из видных деятелей СДКПИЛ. Это был, как я позднее узнала, Винценты Матушевский, по партийной кличке Мартин. Петициям мелкобуржуазных интеллигентов он противопоставил призыв к борьбе за свержение самодержавия, за созыв Учредительного собрания, избранного на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования, за демократическую республику в России с самоуправлением Королевства Польского, за 8-часовой рабочий день. Это были социал-демократические лозунги. Выступление Мартина произвело на меня глубокое впечатление. Оказалось, что и Ванда уже с 1902 года была членом СДКПИЛ.

Таким образом, на этом памятном собрании я впервые встретила членов социал-демократов, а позднее благодаря Ванде Краль и сама стала членом Социал-Демократии Королевства Польского и Литвы.

Эта партия с самого своего основания (1893 года) поднимала польских рабочих на совместную с русскими рабочими и рабочими других национальностей России борьбу против царизма и капитализма. СДКП и Л, как известно, не была большевистской партией. Она совершила много серьезных ошибок, в частности по национальному и по крестьянскому вопросам, что отрицательно сказалось на борьбе польского пролетариата и всего польского народа.

Но Ленин и большевики считали СДКП и Л единственной марксистской партией в Польше и высоко ценили ее интернационализм. В своей работе «О праве наций на самоопределение» В. И. Ленин писал:

«Польской социал-демократии принадлежит громадная историческая заслуга впервые создать действительно марксистскую, действительно пролетарскую партию в Польше, насквозь пропитанной националистическими стремлениями и увлечениями»¹.

Интернационализм СДКП и Л в отличие от национализма и шовинизма Польской социалистической партии (ППС)² именно и привлек меня в ряды польских социал-демократов.

Тем, что я примкнула к СДКП и Л, я главным образом обязана Ванде Краль. От нее на том собрании я впервые получила социал-демократическую литературу, она познакомила меня с неизвестным мне до тех пор типом людей — пролетарскими профессиональными революционерами, от нее я получила первое партийное поручение, от нее узнала о принципах конспирации. В ее квартире на ул. Проста, 36³, я впервые встретила с товарищем Юзефом — Феликсом Держинским.

Собрания, на котором выступал Мартин, мы вышли вместе с Вандой. Она дала мне прочитать экземпляр газеты «Червоный Штандар»⁴ («Красное Знамя»), напечатанной на тонкой папирсной бумаге, и пригласила на пелегальное собрание, организованное членами СДКП и Л. Собрание это состоялось через несколько дней, а при следующей встрече Ванда предложила мне дать свой адрес для конспиративной партийной переписки. Эта с виду мелкая партийная обязанность на самом деле была очень важна и связана с опасностью ареста и тяжелого тюремного

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 25, стр. 284.

² Польская социалистическая партия (ППС) возникла в 1892 году. Это была националистическая оппортунистическая партия. В 1906 году в ППС произошел раскол, в результате чего образовалось 2 партии: ППС — «революционная» фракция (во главе с пилсудчиками) и ППС-левица.

³ Этот дом, как и вся улица, был полностью разрушен гитлеровцами во время второй мировой войны.

⁴ Центральный орган СДКП и Л, выходивший с 1902 по 1918 год.

показали. Тем не менее я охотно согласилась, так как давно уже искала случай принять участие в борьбе за лучшее будущее человечества.

Ванда уже в течение нескольких лет была серьезно больна базедовой болезнью, приковывавшей ее к постели на долгие месяцы и лишавшей возможности активно участвовать в партийной работе. Не будучи в состоянии иначе помогать партии, Ванда отдала в ее распоряжение весь свой небольшой, хотя и двухэтажный, домик. Дом этот юридически принадлежал ее мужу, который уже длительное время находился где-то на Дальнем Востоке по торговым делам. Примерно через год Ванда разошлась с мужем, идейно чуждым ее мировоззрению.

Квартира Ванды, состоявшая из трех комнат и кухни, находилась на втором этаже. На первом этаже, кроме комнаты для дворника, не было жилого помещения, а наверху, в мезонине, была всего одна комната, где, как я потом узнала, размещалась организованная Мартином небольшая нелегальная партийная типография. Мартин сам печатал листовки. Он и жил там, прописанный из конспиративных соображений дворником под чужой фамилией. Корректуру читала сама Ванда.

Ванда жила со своей трехлетней дочуркой Ядей и домашней работницей, сочувствующей социал-демократам. Таким образом, во всем доме не было никого постороннего, и его можно было использовать для партийных целей. И действительно, как я об этом узнала позднее, в квартире Ванды почти ежедневно по вечерам собирались партийные активисты. Большинство из них находилось на нелегальном положении, жили по чужим паспортам или вовсе без паспортов. С самого раннего утра они были заняты партийной работой. Встречаясь по вечерам у Ванды, они подбодрили итоги своей работы за день и обменивались мнениями по политическим вопросам, скромно ужинали в складчину — пили чай с хлебом и колбасой. Почти ежедневно один или двое, а то и трое из них, видимо бездомные, ночевали у Ванды в столовой на кушетке, на полу, даже на столе.

Однажды Ванда попросила меня прийти к ней вечером и поиграть для этих товарищей на рояле. Находясь на нелегальном положении, они не могли пойти ни в театр, ни на концерт, были лишены каких бы то ни было развлечений.

Встреча в домашней, дружной обстановке с этими людьми, профессиональными революционерами, произвела на меня сильное впечатление. Это были Мартин (Винценцы Матупевский), Малый (Мечислав Варшавский, в СССР — Бронский), Бохен, он же Сивый (Теодор Бресляуэр), и другие товарищи, а также сама Ванда. Фамилий всех этих товарищей, за исключением Ванды, я, разумеется, тогда не знала.

Никогда до этого я не встречала такой простоты и искренности в обращении, такой атмосферы взаимного понимания и глубокой идейности, такой преданности делу, которому они служили. Все они ежедневно

подвергались опасности. Каждый из них был готов пожертвовать собой во имя дела партии, каждый, не задумываясь, спешил на помощь товарищу.

По вопреки всем трудностям и опасностям, подстерегавшим их на каждом шагу, на этих встречах царило здоровое веселье и жизнерадостность. Бывали и неудачи, которых они не скрывали друг от друга. Однажды, например, Бохел на каком-то собрании потерпел поражение в споре с пенесовцами. Он был очень смущен и огорчен этим. Помню, как его уговаривали и утешали другие товарищи.

В тот вечер после ужина товарищи попросили меня сыграть что-нибудь. Я не привыкла играть в обществе, поэтому сначала очень волновалась. Дружеские слова одобрения придали мне смелость. Потом почти каждый раз, когда мне по вечерам приходилось бывать у Ванды, я играла товарищам прелюдии, мазурки, вальсы и nocturnы Шопена, сонату и небольшие произведения Грига, «Арабеску» и «Порыв» Шумана, «Осень» Чайковского и другие произведения. Часто после моей игры мы закрывали двери, плотно занавешивали окна, чтобы звуки не проникали на улицу, и приглушенными голосами пели хором польские и русские революционные песни.

Тут я впервые услышала и научилась петь «Червонный Штандар», «Варшавянку», «Беснуйтесь, тираны», «Мазурку кандалыников» (на слова Людвига Варынского), «Есть на Волге утес», «Вы жертвою пали» и величественно торжественный «Интернационал».

Польских слов «Интернационала» тогда еще не было, и мы его пели по-русски. У Ванды оказались ноты «Интернационала» с французским текстом. Автором текста был французский поэт-коммунар Эжен Потье, автором музыки — Пьер Дегейтер. Я научилась играть «Интернационал» на рояле. Некоторые товарищи обладали хорошими голосами, слушать их и самой петь вместе с ними было большим удовольствием.

Именно в те дни товарищи дали мне партийную кличку Чарна (Черная), которой я пользовалась до весны 1907 года. С тех пор я стала

Роза Люксембург.

Адольф Варский.

(Дзержинским). В Кракове печатался «Червоный Штандар» и другие издания СДКПил. Юзеф, который к тому времени уже дважды бежал из ссылки (в 1899 году из Вятской губернии и в 1902 году из Восточной Сибири), часто нелегально приезжал в Королевство Польское, чтобы лично руководить работой партийных организаций СДКПил в пределах царской России. В начале 1905 года он совсем переехал в Королевство Польское и работал там до момента ареста в июле того же года.

Конспиративная почта, приходившая на мой адрес, состояла из партийных писем и первых экземпляров издававшихся за границей газет СДКПил и РСДРП.

Конспиративные письма писались лимонной кислотой между строчками какого-нибудь невинного по содержанию письма, написанного обычными чернилами и для маскировки обращения ко мне. Среди партийных изданий, полученных мной, были: напечатанные на тонкой папиросной бумаге № 23 и 24, а потом № 25 «Червоного Штандара»¹.

Часто заходить к Ванде Крайц, принося ей поступающую на мой адрес партийную почту. Партийные письма, адресованные на мою фамилию, поступали из Кракова или Берлина и предназначались для членов Главного Управления СДКПил, находившихся в Варшаве, т. е. для Юзефа (Ф. Дзержинского), Миколая (Якова Фюрстенберга, в СССР — Ганецкий), а также для Мартина, о чем, разумеется, я узнала только позднее.

В Берлине жила Роза Люксембург — идеолог СДКПил, а также некоторые члены Заграничного Комитета. Там была и редакция центрального органа СДКПил «Червоный Штандар» и других партийных изданий. В редакцию входили Ян Тышка (Леон Иогинес), Адольф Варский (Варшавский) и Карский (Юлиан Мархлевский).

В Кракове находился секретариат Заграничного Комитета, возглавлявшийся в 1902—1904 годы Юзефом

¹ Это были последние номера, изданные за границей; следующие уже печатались в Варшаве нелегально, но в легальной типографии Левяцкого на ул. Новы-Свят за большие деньги.

приложение к «Червоному Штандару» («С поля вальки» («С поля борьбы»), выходявшее потом как самостоятельная газета; № 1 центрального органа большевиков «Вперед» (от 4(17) января 1905 года); очередные номера меньшевистской «Искры» и др.

Чтобы не обращаться на себя внимания царской цензуры, эти нелегальные газеты, сильно приглаженные утюгом, вкладывались в специальные фирменные конверты какого-нибудь заграничного торгового заведения или конторы промышленного предприятия. Товарищи, посылавшие корреспонденцию, получали, видимо, такие конверты от сочувствующих СДКПил работников этих фирм.

По поручению Ванды я часто писал для ответной корреспонденции фиктивные письма, между строчками которых затем вписывались конспиративные партийные тексты. Так как мой почерк тогда еще не был известен царской цензуре, мне поручали также надписывать адреса на конвертах для этих писем.

По законам конспирации и полученным от Ванды указаниям письмо, пришедшее из-за границы на мой адрес, я вскрывала, уничтожала конверт, а содержимое немедленно относила Ванде. Конверты следовало уничтожать, чтобы не провалился мой адрес в том случае, если бы со мной стряслась какая-нибудь беда по пути к Ванде или у нее. На этот адрес в тот же или на следующий день могла прийти новая партийная почта. Разумеется, что в случае моего ареста на улице или у Ванды я не имела права сообщать своего адреса. После передачи корреспонденции Ванде мне надлежало тоже по конспиративным соображениям немедленно покидать ее квартиру.

Таких конспиративных адресов, как мой, Главное Правление обычно имело несколько, и почта посылалась то по одному, то по другому, то по третьему адресу. Об этом я узнала позднее, когда мне поручили найти новые адреса для писем и «новинки», т. е. вновь выпускаемых за границей партийных изданий.

Наряду с приездом в Королевство Польское товарищей из-за границы или, наоборот, выездом их за границу (что было значительно

Юлиан Мархлевский.

сложнее, чем переписка) такие адреса были единственным средством связи заграничного партийного центра с организацией в стране. Поэтому припимались все меры к тому, чтобы эти адреса могли продержаться как можно дольше.

Знакомство с Юзефом

В один из морозных дней конца января или начала февраля 1905 года, принеся Ванде полученную мной корреспонденцию, я застала у нее в залитой солнцем столовой высокого, худощавого незнакомого товарища. Светлый шатен с коротко стриженными волосами, круглым бледным лицом без бороды, с огненным взглядом пропительных красивых серо-зеленоватых глаз стоял передо мной.

Это был Юзеф, которого в тот день я увидела впервые. Но еще до этой встречи я слышала о нем от Ванды и других товарищей. Они говорили о нем как о самом лучшем, самом преданном партии товарище, наиболее стойком и самоотверженном, как о необычайно любимом руководителе польских рабочих. Я слышала легенды о его революционной страстности, неслышаемой энергии, о его мужестве и героических победах из ссылки.

Юзеф поздоровался со мной крепким рукопожатием. Меня удивило, что он как хороший хозяин знает обо мне, о той скромной партийной работе, которую я тогда выполняла. Он посмотрел на меня пристально, и мне показалось, что он насквозь меня видит. Он знал мою фамилию и, как оказалось, до своего приезда в Варшаву несколько раз присылал из Кракова письма на мой адрес.

Я отдала Юзефу принесенную почту и согласно требованиям конспирации сразу ушла, взволнованная и обрадованная неожиданной встречей с ним.

В другой раз, придя к Ванде, я снова застала у нее Юзефа, но с ним тогда не виделась: он задремал в маленькой комнатке рядом со столовой после бессонной ночи, проведенной за работой. Позднее я узнала, что в тот период своей бурной партийной деятельности в первой половине 1905 года Юзеф не раз работал и ночевал в этой комнатке.

Вся квартира Ванды была скромно обставлена. Деревянные полы не были покрашены, их чистили мыли. Единственным «излишеством» был рояль в столовой. В комнатке, где работал или отдыхал Юзеф, были простая железная кровать, небольшой столик и стул.

Как сейчас вижу эту квартиру на ул. Проста, 36, залитую солнцем, как в тот памятный день, когда я там впервые увидела Юзефа.

Настоящего его имени и фамилии я, конечно, не знала. Только несколько лет спустя, в 1909 году, когда Судебная палата приговорила Феликса Дзержинского к лишению всех прав и к ссылке на вечное поселение в Сибирь, я узнала настоящее имя и фамилию Юзефа из газет, сообщавших об этом процессе.

С биографией Юзефа я ознакомилась еще позднее. Он родился 11 сентября 1877 года в семье польского мелкопоместного дворянина учителя математики Эдмунда-Руфина Дзержинского, в небольшой усадьбе Дзержиново, бывшего Ошмянского уезда, Виленской губернии (ныне Белорусская ССР, Минская область, Столбцовский район).

Отец Феликса умер, когда мальчику не было и пяти лет. В семье было 7 детей, и матери нелегко было их прокормить и поспитать.

Сын польского народа, Феликс с раннего детства узнал из рассказов своей матери о тяжелом национальном гнете и преследованиях, которым подвергалось польское, белорусское, литовское население со стороны царских властей, о том, как крестьян дожимали налогами, как зверски было подавлено польское восстание 1863 года виленским генерал-губернатором Муравьевым, прозванным народом «пешателем». Это, по словам самого Феликса, повлияло на то, что он возненавидел всякий гнет и несправедливость и впоследствии пошел по революционному пути.

В Виленскую гимназию он поступил лишь в возрасте 10 лет. В 1894 году семнадцатилетним юношей, будучи учеником седьмого класса гимназии, Феликс вступил в социал-демократический кружок самообразования и в этом же году вместе с несколькими товарищами дал торжественную клятву бороться со всяким злом, с гнетом и эксплуатацией до последнего дыхания. И эту свою юношескую клятву он свято выполнил.

Несмотря на националистическую агитацию, которая велась среди польской учащейся молодежи Виленской гимназии, Феликс с ранних лет был интернационалистом и считал необходимым совместную борьбу

Ф. Д. Дзержинский
в Ковенской тюрьме. 1898 г.

польских и литовских рабочих с русскими рабочими против царя и капиталистов.

В следующем, 1895 году, еще на школьной скамье, он вступил в Литовскую социал-демократию и, участвуя марксисту, руководил сам подпольными кружками ремесленных и фабричных учеников под псевдонимом Яцек.

В 1896 году он ушел добровольно из последнего, восьмого класса гимназии, считая, что «за верой (в победу социализма. — С. Д.) должны следовать дела и надо быть ближе к массе и с ней самому учиться».

С этих пор он стал профессиональным революционером. Не ограничиваясь пропагандистскими кружками, Феликс вел агитационную работу среди рабочих. В марте 1897 года илленская социал-демократическая организация направила его на партийную работу в г. Ковно (ныне Каунас), где еще не было социал-демократической организации. Здесь Феликс поступил простым рабочим в перешитную мастерскую, в то же время ведя партийную работу среди рабочих мастерской и других предприятий г. Ковно и его окрестностей. Он увидел неслыханную нищету и эксплуатацию рабочих и научился организовывать стачки.

В апреле Феликс выпустил газету «Ковенский рабочий» на польском языке, весь материал которой был написан и отпечатан на гектографе им самим.

В июле 1897 года он был арестован. Феликса допрашивали, требуя, чтобы он выдал своих товарищей, но он не сказал ни слова. Он писал в это время сестре Альдоне: «...хотя и в тюрьме, но не унываю... тюрьма страшна лишь для тех, кто слаб духом...»

В мае 1898 года Феликс был сослан на 3 года в Вятскую губернию: сперва в г. Нолпнск, а затем на 500 верст дальше на север, в село Каигородское.

Из ссылки он бежал в августе 1899 года в Вильно, а затем в Варшаву. Социал-демократической организации в Варшаве тогда не было: она была разгромлена полицией. Героическими усилиями Феликса и социал-демократов Яна и Антона Росолов варшавская социал-демократическая организация была восстановлена. Здесь он работал под псевдонимом Франек и Астрономек.

Вскоре, 4 февраля 1900 года, Феликс был вторично арестован. Сперва он сидел в известном своими тяжелыми условиями X павильоне Варшавской пятиадельи, затем в Седлецкой тюрьме и короткое время в Москве — в Бутырках.

В письме к сестре из X павильона он так охарактеризовал свою бурную пятимесячную работу в Варшаве: «Я жил недолго, но жил».

В начале 1902 года Феликса выслали на 5 лет в г. Виллюйск, Якутской губернии (Восточная Сибирь). В ожидании плавания по р. Лене Юзеф сидел в Александровской центральной пересыльной тюрьме под

Иркутском. Здесь он организовал бунт политзаключенных, которые выбросили за ворота тюрьмы всех стражников, водрузили красное знамя на воротах и провозгласили в тюрьме республику. Бунт этот был прекращен лишь тогда, когда тюремные власти выполнили требования заключенных.

По пути в Вильнюс Феликс, рискуя жизнью, бежал из Верхотенска в Варшаву, а оттуда за границу, в Берлин. Здесь он впервые знакомится с руководителями Социал-Демократии Королевства Польского и Литвы: Розой Люксембург, Юлианом Мархлевским, Адольфом Варским и Яном Тышкой.

По инициативе Феликса была созвана партийная конференция, на которой было решено издавать центральный партийный орган «Червоный Штабдар». На той же конференции Дзержинский был избран секретарем Заграничного Комитета СДКППЛ; с тех пор он долгие годы работал под псевдонимом Юзеф.

После короткого отдыха Феликс поселился в Галиции, в Кракове (Австро-Венгрия), где организовал издание «Червоного Штабдара» и пересылку партийной литературы через границу в ту часть Польши, которая находилась под властью Российской империи.

В 1902—1904 годах Юзеф неоднократно переезжал нелегально границу и объезжал партийные организации Домбровского угольного бассейна, Ченстоховы, Лодзи, Варшавы и другие, руководя их работой.

В начале 1905 года Феликс переехал в Варшаву для постоянной партийной работы в Королевстве Польском в качестве члена Главного Правления Социал-Демократии Королевства Польского и Литвы. Никто из членов Главного Правления СДКППЛ не был так тесно связан с ее подпольной организацией в стране, как Юзеф. Никто так хорошо не знал партийного актива во всех промышленных центрах Королевства Польского, как он.

Ф. Э. Дзержинский
в Седлецкой тюрьме. 1901 г.

«Кровавое воскресенье» в Петербурге 22 января 1905 года, когда царь приказал стрелять в безоружных русских рабочих, вызвало мощный отклик у нас в Польше, как и во всей России. Рабочие Варшавы, Лодзи, Згежа, Ченстоховы, Домбровского угольного бассейна, Радома, Люблина и других промышленных городов Королевства Польского по призыву СДКППЛ дружно как один человек поднялись на всеобщую забастовку. Это была замечательная демонстрация рабочей солидарности — результат деятельности СДКППЛ по воспитанию польских рабочих в духе боевого союза с русским пролетариатом. СДКППЛ непрестанно разъясняла трудящимся массам, что неперемнимым условием национального и социального освобождения польского народа является победа революции в России. «Польский пролетариат не дал себя столкнуть с пути классовой борьбы в омут национализма, — писала Роза Люксембург, — и по первому же сигналу из Петербурга поспешил самоотверженно включиться в борьбу за общее дело под общим знаменем».

В январские дни и позднее СДКППЛ выдвигала следующие основные требования: свержение самодержавия, созыв Всероссийского Учредительного собрания, избранного на основе всеобщего, равного, прямого и тайного голосования; установление в России демократической республики с автономией Королевства Польского; введение 8-часового рабочего дня и повышение заработной платы.

СДКППЛ, так же как и большевики, всегда связывала эти требования, близкие к ленинской программе-минимум, с лозунгом борьбы за конечную цель пролетариата — социализм.

Всеобщая забастовка солидарности с революционным пролетариатом Петербурга переросла в Королевстве Польском в многодневную политическую и экономическую стачку, охватившую широкие массы рабочих. К рабочим примкнули студенты и учащиеся средних учебных заведений.

На митингах в Варшавском университете и в Политехническом институте были приняты резолюции солидарности с революционным движением пролетариата, боровшегося за свержение царского самодержавия, и выдвинуто требование колонизации всех школ и высших учебных заведений. Началась также длительная забастовка учащихся средних школ, учительских семинарий и народных школ.

В призыве «Ко всему обществу» СДКППЛ отметила, что «университет и школы в Королевстве Польском являются орудием насильственной русификации и угнетения». Возникшая незадолго до этого организация социал-демократической молодежи успешно агитировала за присоединение студентов и гимназистов к стачечному движению под революционными лозунгами СДКППЛ.

Разгон ливарской демонстрации в Варшаве в 1905 г.

К стачке польской молодежи примкнула передовая русская молодежь школ и высших учебных заведений Королевства Польского, а также многие прогрессивные русские преподаватели. Все они поддерживали требование о колонизации учебных заведений Королевства Польского.

Под влиянием революционных выступлений рабочих пробудилось и революционное движение в деревне. Начались многочисленные забастовки сельскохозяйственных рабочих, которыми главным образом руководила СДКППЛ. Шла борьба крестьян за леса, дуга и пастбища. Выступали крестьяне также с требованием ввести польский язык в школе, волостных правлениях и суде.

Волнения охватили и часть расквартированных в Королевстве Польском русских войск, среди которых вела уснувшую пропаганду

Военно-революционная организация (ВРО) РСДРП. Военно-революционная организация была организационно связана с СДКПил. Активное участие в работе ВРО принимал Феликс Дзержинский. Он был первым представителем СДКПил в Варшавском комитете ВРО и придавал большое значение работе в армии, уделяя ей много времени, сил и энергии. Уже после смерти Феликса Сэвр (Эдвард Прухняк)¹ рассказал мне интересный случай, связанный с волнениями в пулавском гарнизоне весной 1905 года.

В Пулавах с 1903 года находился Южный комитет СДКПил. В 1904—1905 годах серьезную работу в пулавском гарнизоне совершила местная организация ВРО РСДРП. Настроения недовольства среди солдат и части офицеров этого гарнизона, вызванные русско-японской войной и агитацией ВРО, к весне 1905 года накалились до такой степени, что, по мнению руководителя Пулавской ВРО В. А. Антопова-Овсеенко², стоявший там 74-й Белевский полк в середине апреля готов был восстать. Еще в феврале полк отказывался подчиняться командованию и на призыв офицеров готовиться к защите «отечества и царя-батюшки» хором ответил: «Мы на войну не пойдем! Долой войну! Долой мобилизацию!»

СДКПил решила поднять на поддержку ожидаемого восстания Пулавского гарнизона рабочих и окрестных крестьян, находившихся под ее влиянием. С этой целью в Пулавы приехал Дзержинский и Варский.

В тот день, когда должно было начаться восстание, по призыву СДКПил в Пулавы съехалось на повозках и телегах много рабочих и крестьян, вооруженных кто чем мог. Дзержинский, Варский и Прухняк (в то время член пулавской организации СДКПил) в условленном месте на окраине города ожидали револьверного выстрела из казарм, означавшего сигнал к восстанию. Вдруг они услышали гиканье и докот лошадиных копыт. Это из переулка в их сторону мчались во весь опор казаки, видимо уже предупрежденные о демонстрации в казармах, которая и должна была положить начало восстанию.

¹ Сэвр, Люциан (Эдвард Прухняк) — член СДКПил с 1903 года. Работал на Дзержинском угольном бассейне, Радоме, Лодзи. Учился в организованной В. И. Лениным партийной школе Лонжюмо под Парижем. Был несколько раз арестован. После второго ареста в 1906 году был приговорен Варшавским военным судом к ссылке в Сибирь на вечное поселение, откуда бежал в Краков.

В 1912 году был снова арестован и приговорен к 8 годам каторги. Освобожденный Февральской революцией вступил в ряды большевистской партии. Принимал активное участие в Великой Октябрьской революции в Москве. В 1920 году член Президиума ИККИ. Неоднократно избирался членом ИККИ, член Президиума ИККИ после VI конгресса. Член ЦК и Политбюро РКП.

² В. А. Антопов-Овсеенко — член РСДРП с 1902 года, примыкавший к меньшевикам. В мае 1917 года вступил в большевистскую партию. Активный участник Великой Октябрьской революции и гражданской войны в России.

Встреча с казаками в такой момент грозила не только арестом, но и расстрелом: все трое были вооружены револьверами. Стрелять было бесмысленно — слишком неравны были силы.

Дзержинский, обладавший необычайной находчивостью, быстро осмотрелся. Улица была совершенно пуста, а вблизи ни одного дома. Сзади же сбитый из сплошных досок забор такой высоты, что немолодой Варский и невысокий Савэр не в состоянии были бы влезть на него. Нельзя было терять ни минуты, укрыться необходимо было немедленно, прежде чем казаки появятся из-за угла. Феликс, не раздумывая, быстрым движением ловко подсадил Варского, а затем и Прухняка на забор и лишь тогда, когда те уже были в безопасности на другой стороне, сам молниеносно перемахнул через забор и благополучно скрылся.

Эпизод в Пулавах характерен для Дзержинского. Он всегда прежде всего думал и заботился о товарищах, а потом уже о себе.

Следует добавить, что восстание Пулавского гарнизона не состоялось. Дело ограничилось лишь антиправительственной демонстрацией в казармах.

Первое мая 1905 года

Приближался день 1 Мая. Уже 14 апреля Юзеф, как это видно из его письма в Заграничный Комитет СДКПП, организовал в Варшаве комиссию по подготовке первомайской забастовки и рабочей демонстрации. В связи с приближающимся днем международной пролетарской солидарности было выпущено большое количество партийной литературы, в прежде всего первомайских листовок. Помню, что первомайская листовка Главного Правления СДКПП была отпечатана красной краской.

Из Кракова прислали специальный «праздничный» номер «Червоного Штандара» с «С поля вальки». Кроме того, было издано много листовок-малюток с призывом к забастовке и участию в первомайской демонстрации.

Прокламации Главного Правления были напечатаны в нелегальных партийных типографиях Варшавы и Лодзи в количестве до 50 тыс. экземпляров и одновременно доставлены варшавской и лодзинской партийным организациям, а также завезены во все другие промышленные центры Королевства Польского: Ченстохову, Домбровский угольный бассейн, Радом, Люблин, Петров, Кельце, Плоцк, Влоцлавек, Жгрудов и др. В Варшаве они были широко распространены среди рабочих, расклеены на стенах домов, на оградах, заборах, столбах. Заранее были подготовлены красные знамена и выделены ораторы.

На фабриках, заводах, в мастерских широко проводилась предмайская агитация. «Агитацию мы сейчас ведем на фабриках и заводах

в рабочее время; приходят напп, останавливают работу, выступают, потом уходят», — писал Фелпкс Эдмундowi Главному Правлению СДКПiЛ.

С начала апреля Варшавский комитет СДКПiЛ устраивал с агитационной целью каждое воскресенье так называемые маевки, т. е. массовые выходы рабочих за город.

Я была на двух таких маевках. Во время одной из них — в Пустельниках около Варшавы, где присутствовало человек 250, — были арестованы два наших товарища: Заграничный (Мартин Пакош) и Габинет (Константин Кручковский), которые выступали с речами перед собравшимися рабочими.

Во время маевки мы собирали по подписным листам деньги в пользу партии. Революционный подъем в массах сказывался положительно и на результатах этих сборов. Заметки о маевках и отчеты о собранных средствах печатались в газете «Червоный Штандар». На одной маевке я познакомилась с видным деятелем варшавской организации СДКПiЛ — Красным (Юзефом Ротштадтом) и его братом Генрихом (в период реакции Генрих отошел от революционного движения).

В изданной Главным Правлением СДКПiЛ первомайской листовке «Ко всем рабочим города и деревни» отмечалось особое значение демонстрации 1 Мая в этом революционном году. «Этот май, — писалось в листовке, — должен быть последним, который нас и наших русских братьев застает в политическом рабстве... Наступает последний бой с самодержавием, и победа уже близка». Листовка кончалась призывом к всеобщей забастовке в день 1 Мая и лозунгами:

«Долой царя и войну! Да здравствует Учредительное собрание и республика с крайним самоуправлением! Да здравствует восьмичасовой рабочий день! Да здравствует социализм!»

Польский рабочий класс единодушно поднялся на борьбу по призыву социал-демократии.

В Варшаве была объявлена всеобщая забастовка, состоялась мощная 20-тысячная многочасовая первомайская демонстрация, расстрелянная полицией и царскими войсками.

Никогда не забуду я этой демонстрации, хотя непосредственного участия в ней и не принимала. Ванда и Мартин, опасаясь, чтобы меня не арестовали и не провалился бы мой адрес, сознательно не указали мне место сбора. С самого раннего утра в тот день мне пришлось в какой-то квартире на Журавей или Новогродской улице помогать товарищу Маньке¹ размножать на гектографе обращения СДКПiЛ к солдатам на русском языке.

Закончив эту работу, я вышла на Маршалковскую улицу. Она была совершенно пуста: абсолютно никакого движения. Посреди мостовой

¹ Манька — Ашкенazy. В 1906 или 1907 году она эмигрировала в Америку и больше в Польшу не возвращалась.

нависая опрокинутый трамвайный вагон. Все магазины и лавки были закрыты. Почти совсем не было видно пешеходов. Обыватели боялись выйти на улицу, где все еще разъезжали конные жандармские патрули. Я спешула на Иерусалимские Аллеи в сторону Железной улицы в надежде, что где-нибудь в рабочем районе еще встречу демонстрантов.

Каков же был мой ужас, когда, пройдя всего несколько домов, я увидела на широком тротуаре с левой стороны улицы, там, где лопались огороженные высокими заборами пустыри, огромные лужи засохшей крови. Стало ясно, что тут разыгралась страшная трагедия.

Пятна крови пели также к пролому в заборе. Я пошла туда. В глубине пустыря стоял сарай, по всей видимости склад досок. В самом сарае на земле тоже были следы крови. Около сарая мне встретился какой-то рабочий. От него я узнала, что на Иерусалимских Аллеях стреляли в демонстрацию, что среди демонстрантов много убитых, еще больше раненых. Убитых увезли в морг при больнице младенца Иисуса на ул. Теодора. Я поспешила туда. С тревогой думала я о товарищах. У дверей прозектория стояли полицейские, но входящих пропускали беспрепятственно. По-видимому, им было важно установить личности убитых, а это могли сделать родные и знакомые.

Страшное зрелище предстало перед моими глазами. Вдоль всех стен лежали трупы мужчин и женщин, людей разного возраста, был тут даже трупик ребенка. Среди убитых я не увидела ни одного знакомого лица. Но, как оказалось позднее, среди убитых были наши товарищи: активный член молодежной социал-демократической организации 19-летний Мечислав Вишомирский, который шел во главе колонны с красным знаменем, и партийные активисты Кароль Шонерг, 18-летний рабочий-гравер, и 50-летний Зыгмунт Кемпа, котельщик. Всего было убито 50 и ранено около 100 человек; расстрелом руководил офицер поляк граф Пшездецкий, который вскоре был убит пулей мстителя.

Из морга я пошла прямо к Ванде, чтобы у нее и Мартина узнать о демонстрации и страшной развязке. Ванду я застала в большом волнении. Она очень беспокоилась за Мартина и Юзефа, которые все еще не вернулись, и она ничего о них не знала.

У Ванды я пробыла до позднего вечера. Вернулся Мартин живой и невредимый, но о Юзефе ничего не было известно. Только на следующий день я узнала от Ванды, что Юзеф, пренебрегая грозидцей ему опасностью, спасал на месте расстрела раненых, пряча их от полицейских и помогая поместить в больницы наиболее тяжело пострадавших.

Член Главного Правления СДКПИЛ Миколай (Яков Фюрстенберг) писал, что Феликс срочно созвал тогда Варшавский комитет. На заседании было решено призвать рабочих провести 4 мая всеобщую забастовку протеста против зверской расправы царских палачей с первомайской демонстрацией.

Баррикады в Лодзи в июне 1905 г.

По призыву Варшавского комитета СДКПил в день похорон жертв — 4 мая — в Варшаве остановились все фабрики, заводы и мастерские, прекратилось всякое движение, магазины и лавки были закрыты, не вышла ни одна газета, не работал ни один театр.

Всеобщая первомайская забастовка охватила рабочих и других городов: кое-где также произошли кровавые стычки демонстрантов с полицией и войсками. В Лодзи было убито 10 человек.

5 мая по инициативе Ф. Э. Дзержинского была выпущена прокламация от имени Главного Правления СДКПил, озаглавленная «На царский террор ответим усилением революционной борьбы». Написана она была, по всей вероятности, Варскими. Рабочий класс, весь народ призывался к «массовой мести — массовому террору». Фактически это был призыв к партизанской борьбе против царского правительства.

Состоявшийся 25 апреля — 10 мая 1905 года III (большевистский) съезд РСДРП принял специальную резолюцию протеста против массового расстрела первомайской демонстрации рабочих Варшавы и Лодзи и пригласительное героним польского пролетариата.

Сильное впечатление на меня и на других варшавских товарищей произвела повесть об июньском вооруженном восстании в Лодзи 22—24 июня 1905 года — первом, как говорил В. И. Ленин, вооруженном выступлении рабочих России.

Ф. Э. Дзержинский, которого известия о событиях в Лодзи застали в Варшаве, немедленно организовал выпуск листовки в нелегальной парламентской типографии от имени Главного Правления СДКПНЛ, написанной, по-видимому, Варским. Листовка была озаглавлена «Улицы должны принадлежать рабочим!». Она призывала рабочих всех городов выйти на улицы, вооружиться кто как может и принять участие в демонстрации, чтобы доказать, что хозяином улицы является народ.

Второй листовка, вышущая от имени Варшавского комитета в тот же день, 24 июня, также по инициативе Юзефа, призывала рабочий класс Варшавы и всех трудящихся к всеобщей забастовке 26 июня «в знак солидарности с нашими братьями в Лодзи, в знак протеста против новых, не прекращающихся преступлений царского правительства».

Находившийся за границей Юлиан Мархлевский, оценивая значение Лодзинского восстания, писал в немецкой социал-демократической газете «Лейпцигер Фольксцейтунг»: «Эта героическая борьба лодзинских рабочих станет, несомненно, новым стимулом для пролетарского революционного движения во всей царской империи, и жертвы принесены не напрасно».

Через несколько дней после вооруженного выступления лодзинских рабочих петербургские и московские большевики выпустили листовку, призывавшую русских рабочих поддержать дружным выступлением борьбу трудящихся Лодзи и Варшавы.

Знаменательно, что во время вооруженного восстания в Лодзи отдельные русские солдаты с оружием в руках переходили на сторону восставших, а 37-й полк пехоты был заперт царскими властями в казармах и потом в течение всего года не привлекался к подавлению революционных выступлений, как «неблагонадежный». Это был результат успешной работы ВРО РСДРП, которая действовала в тесном контакте с СДКПНЛ.

Провал конференции в Дембах Вельких

Летом 1905 года на время каникул я поехала отдыхать в Казимеж, живописный городок на берегу Вислы в Люблинской губернии. Этим летом туда съехалось на дачный сезон много варшавян. Было там также

несколько человек членов и сочувствующих СДКПНЛ, в том числе Красный с женой и братом Генрихом, Ваида Краль и др. Казимеж славился чудесными окрестностями и богатыми фруктовыми садами. В конце лета ежегодно огромные баржи, так называемые берлинки, груженные сочными яблоками, отплывали отсюда по Висле в Варшаву и причаливали у моста Кербедея. Вся Варшава высыпала тогда на берег и запасалась вкусными яблоками.

В Казимеже все было очень дешево, и этим, по-видимому, объяснялся большой приток дачников из Варшавы. Политическая жизнь в то лето там была ключом. В квартире Красного велись бесконечные споры по вопросам политического положения. Один из социал-демократов прочел в Казимеже цикл лекций по истории Французской революции конца XVIII века, другой — ряд докладов по политической экономии.

Однажды мы устроили платный концерт в пользу СДКПНЛ, на котором вместе с другими товарищами выступала и я, сыграв несколько произведений Шопена и Шумана. Концерт дал значительный сбор. После концерта, поздним вечером, весь наш коллектив, сев в большие рыбацкие лодки и выплыв на середину Вислы, пел хором революционные песни.

Один раз в Казимеже была я и на рабочем собрании. Как-то вечером Ваида повела меня за город, где в овраге среди холмов собралось около 50 рабочих из города и несколько батраков из окрестных деревень. Ваида говорила им о социализме, о необходимости для рабочего класса объединяться в политическую организацию — социал-демократическую партию. Эти малосознательные еще рабочие, вероятно, впервые слышали слово «социализм», но речь Ваиды встретили с большим подъемом. Через несколько недель Ваиде удалось создать там социал-демократическую группу.

В те времена не было еще районных организаций СДКПНЛ. Существовали только партийные кружки по профессиям, т. е. не территориальные, например металлистов, столяров, сапожников, портных, пекарей и т. д. Как уже упоминалось, я оказывала партии различные услуги: предоставляла свой адрес для конспиративной переписки, собирала деньги в пользу СДКПНЛ по подписным листам, но еще не входила ни в одну определенную организацию. Мне приходилось лишь постоянно сталкиваться с отдельными членами партии, и я не понимала точного значения слова «организация». Поэтому мое внимание привлекал слова Ваиды, подчеркивавшей неоднократно в своем выступлении значение организации и необходимость для рабочих объединяться в эту организацию.

Приятное и полезное пребывание наше в Казимеже было омрачено печальной вестью: 30 июля «проваплась» Варшавская межрайонная конференция СДКПНЛ в Дембах Вельких вблизи Варшавы.

38 Через несколько дней мы узнали и тяжелые подробности. Всего на конференции присутствовала 42 человека, в том числе 36 мужчин и

6 женщин. Рабочих было 32, интеллигенции 10 человек. Арестованы были 37 человек, среди них Мартин и Юзеф, который взял на себя всю ответственность за нелегальные материалы, обнаруженные полицией на месте. Юзеф содержался в страшном Х павильоне Варшавской цитадели.

Это известие угнетающе действовало на всех нас. Ванда, обеспокоенная провалом Мартина, который жил в ее доме, срочно выехала в Варшаву. Я тоже вернулась туда через несколько дней.

О провале в Дембах Вельких и о роли Юзефа в создавшейся обстановке написал участник конференции Л. Красевский:

«Было уже около 5 часов пополудни, и конференция близилась к концу, когда мы заметили на краю поляны выезжающих из леса конных солдат.

Мы не знали, каковы их намерения. Но решили немедленно разойтись. Поляна была очень большой, и солдаты находились еще довольно далеко. Нас разделяло несколько сот шагов.

Юзеф крикнул:

-- Товарищи! Быстро давайте сюда все нелегальное, что есть у вас. Мне в случае ареста терять нечего.

В одно мгновение приказ этот был выполнен и люди начали быстро расходиться...

Но вот мы уже окружены со всех сторон солдатами. Офицер скакивает с лошади и любезно обращается к нам:

— Вы арестованы, господа. Прошу предъявить документы. У кого из нас имеется что-либо недозволенное, извольте сдать сами.

Юзеф встает с видом хозяина дома, к которому пожаловали непрошенные гости.

— Пожалуйста. Вот мой паспорт.

Офицер проверяет документы, затем спрашивает:

— Что вы тут делали, господа?

Юзеф отвечает:

— Об этом поговорим после, на следствии. Сейчас я только скажу, что с этим обществом, которое вы тут видите, у меня нет ничего общего. Не знаю, как их, а меня вы сами загнали в кучу со всеми прочими.

Произвели обыск. Кроме как у Юзефа, ни у кого ничего нелегального, разумеется, не нашли...

Отвели нас, окруженных десятками конных солдат, в ближайшее местечко Новоминск¹. Там нам пришлось провести две ночи в импровизированной тюрьме. Нас поместили в небольшой деревенского типа домик (на Варшавской улице), состоявший из двух или трех комнат. Внутри нас никто не сторожил, только сам домик был окружен солдатами. Общаться с внешним миром, закупать продукты питания можно было

¹ В настоящее время Минск Мазовецкий.

Разгон полицией конференции СДКПпЛ в Дембах Вельких. Июль 1905 г.

только через солдат. Впрочем, питания было предостаточно, так как нас окружала необычайно сердечная забота местного населения.

Несмотря на то что нас охраняли очень старательно, время от времени кто-нибудь извне пробрался к нам. Не помню, однако, было ли это вопреки воле или же с согласия карауливших нас солдат. Вспоминаю только, что около полудня пришел к нам какой-то парнишка из пекарни, принес хлеба и таинственно сообщил, что захватил с собой одежду пекаря для того, чтобы один из нас мог переодеться и бежать. Дорогу он нам указал. Мы все бросились к Дзержинскому и стали его упрашивать

воспользоваться такой необычной оказией. Он категорически отказался, заявив, что нас не бросит. Напрасно убеждали мы его, что ведь за ним числится еще и старое серьезное дело, что кроме всего прочего всю тяжесть пылешнего дела он тоже целиком взял на себя. Он настоял на своем и не бежал.

Дзержинский производил на солдат большое впечатление, они чувствовали в нем «начальника», как наивно выражались одни из них, спрашивая:

— Вот тот, это ваш начальник?

Так вот, одного из них Дзержинский взял в оборот. Вспоминается довольно комическая деталь их беседы. Дзержинский стал ему объяснять:

— Смотри, как с тобой обращаются, каждый офицершкa может выругать тебя, ударить, каждый тычет тебя.

Солдат ответил:

— Что ж, «ты» — это всем хорошим людям говорят, это не обидно.

На это Юзеф:

— Если я тебе говорю «ты» и ты мне говоришь «ты», то это как раз, как ты сказал, «не обидно», потому что мы говорим друг с другом по-дружески, как братья. Но офицер говорит тебе «ты», а попробуй ты к нему обратиться на «ты», как ты думаешь, ничего тебе за это не будет?

Солдат почесал за ухом:

— Правда, я об этом и не думал. Уж так положено, что им «ты» говорить нельзя. Умная ты, брат, голова!

Такие простые вещи приходилось им, беднякам, вколачивать в голову. Ну, мы и вколачивали в эти солдатские головы сколько только влезет! Думаю, что это наше краткое пребывание в Новоминске дорого обошлось царю. Не менее сотни солдат прошло через наши руки. Как только среди них разнесся слух о нас, каждый спешил прийти.

А под вечер, после работы, у нашего домика собирались толпы рабочих. Через головы солдат, которые нами почти уже были сагитированы, мы произносили пламенные, страстные речи, обращаясь к рабочим, никогда до этого, может быть, таких выступлений не слышавшим. Рабочие горячо подхватывали наши возгласы в честь революции.

Ф. Д. Дзержинский. 1905 г.

Солдаты нам в общем не мешали, только иногда, увидев приближающегося офицера, просили прервать выступления и не «подводить» их. Мы удовлетворяли их просьбу, а когда офицер удалялся, они сами умоляли нас, что можно продолжать».

Другой товарищ вспоминает, как Дзержинский из окна обратился с речью к солдатам. Результат выступления был таков, что они предложили ему бежать. Но Феликс Эдмундович не воспользовался этим, не желая подвергать солдат наказанию.

Юзеф был арестован под чужой фамилией как Ян Эдмундович Кржечковский, а Мартин под именем Казимира Станиславовича Рокосского. (Он имел при себе паспорт на имя Казимира Рокосского, но пропущен был в доме Ванды под другой, тоже чужой фамилией.)

После возвращения в Варшаву я узнала, что Вада вынуждена скрываться, так как квартира ее «скомпрометрована» принадлежавшей ей собакой. Это был большой пес очень редкой в то время в Варшаве закопанской породы с длинной белой шерстью в темных подпалинах. Собака была очень привязана к Ванде и ее социал-демократическим жильцам. Во время конференции в лесу около деревни Дембы Вельки собака находилась недалеко отсюда на даче, где жила в то время с няней дочурка Ванды. Мартин часто ночевал там. Когда Мартин в тот вечер не вернулся домой, собака начала его искать и бегала до тех пор, пока не нашла на его след и не нашла его в Новоминске среди арестованных. Собака затем бежала за ним до самой Варшавы, куда арестованных отвезли на подводах. А когда их заперли в тюрьму Павлак (ул. Дзельна, 26), пес отправился домой на улицу Проста. Жандармы обратили внимание на собаку и по ней выследили квартиру Ванды.

Вада Краль по состоянию здоровья, а также по соображениям конспирации не могла навещать заключенных. У Мартина не было никого из родных, кто бы мог о нем заботиться. Вада предложила мне пойти на свидание с ним, отнести ему передачу и постельные принадлежности. Я охотно согласилась, потому что очень уважала и любила этого пламенного революционера. Мартин, хотя и был резковат в обращении и весьма критически отзывался о товарищах-интеллигентах, все же ко мне относился очень хорошо. Было ему тогда лет под сорок. Он целиком отдал себя служению рабочему делу. Высококвалифицированный закройщик известной в Варшаве фирмы дамского платья Герзе, он, Винченцы Матушевский, мог как мастер этой фешенебельной, богатейшей пошивочной фирмы хорошо зарабатывать и безбедно жить. Но он бросил все и, став профессиональным революционером, посвятил все свои силы, всю свою жизнь социал-демократической деятельности. Прекрасный конспиратор, замечательный организатор, требовательный к себе и другим, он пользовался большим авторитетом среди рабочих, хотя его слегка и побаивались из-за непримиримости и строгости.

Тюрьма Павлак.

Помню мое первое посещение Мартина в Павлаке. Я тогда впервые в жизни шла на свидание в тюрьму.

В то время тюрьмы были переполнены. На улице у ворот Павлака столпилась масса людей в ожидании свидания. Приходилось ждать по несколько часов, прежде чем пропускали в ворота. Сначала нужно было протиснуться к небольшому отверстию в железных воротах и заявить дежурному стражнику, к кому идешь на свидание. Ради конспирации я назвала себя невестой Мартина. Через 2 или 3 часа в этом же отверстии показалась рожа стражника, и меня вызвали на свидание.

Я вошла на большой тюремный двор, окруженный высокой каменной оградой. Лестница в несколько ступенек вела в саму тюрьму Павлак. В те времена свидания в Павлаке происходили в небольшой комнате без решеток. Одновременно происходило свидание нескольких заключенных. Тут же, в присутствии заключенных и посетителей, проверялась передача. Помню, как тюремный надзиратель разрезал вдоль и поперек

Влодзислы Матушевский.

весь кусок принесенной мной колбасы и поисках запретной записки. Но при этом он не заметил, как поймал руку Мартина, обрадованного свиданием, и незаметно сунула ему маленькую записочку от Ванды.

При следующих свиданиях по примеру других, более опытных посетителей, называя в отдушину у порот фамилию заключенного, к которому шла на свидание, я давала дежурному 10 грошей, благодаря чему ожидание сокращалось почти наполовину. Научилась я также так ловко манипулировать рукопожатием при встрече и прощании с Мартином, что передавала ему не только записки, но и газеты, а раз даже всунула ему в руки экземпляр «Червоного Штандара», полученного от Ванды.

Признаюсь, что, когда меня в тот раз ввели во двор Павиака, а особенно когда, находясь уже в комнате для свиданий, я ждала Мартина, сердце тревожно сжималось в груди. Опасность нависла надо мной как раз в тот момент, когда я готовилась вместе с передачей всунуть Мартину «Червоный Штандар». В эту именно минуту назойливый надзиратель и подошел к нам. Но Мартин, опытный конспиратор, сразу смекнул, в чем дело, и, быстрым движением вырвав у меня из рук передачу вместе с «Червоным Штандаром», метнул на надзирателя такой яростный взгляд, что тот отвернулся и отошел. Мартин быстро попрощался со мной и исчез за дверью.

Вскоре мне пришлось прекратить эти свидания, так как партийная работа, которую мне поручили, не позволяла привлекать к себе внимание, быть часто на виду у тюремных властей и шпижков, постоянно кружившихся около Павиака.

■ **Моя первая партийная работа**

В конце августа 1905 года в Варшаве появился Бронислав (Юлиан Гемборек), бывший штейгер Домбровского угольного бассейна, профессиональный революционер. Член Варшавского комитета, Бронислав только что вышел из тюрьмы, куда попал в марте того же года вме-

сте с десятком других товарищей на варшавского так называемого Цептрального кружка.

Когда в 1905 году Вада Краль познакомила меня с Брониславом, ему было лет 25. Был он довольно высокого роста, худой, коротко остриженный. На бледном безусом лице небольшие карие глаза и длинный острый нос. Знакомство наше состоялось после того, как Вада предложила мне заняться разноской нелегальной литературы, на что я охотно согласилась. Речь шла о партийных изданиях, которые для облегчения перевозки и распространения печатались на тонкой папиросной бумаге.

Как сейчас помню маленькую чистую комнатку на Новогородской улице, где жил Бронислав и куда он мне велел прийти за литературой. Комнатка была так мала, что в ней помещались лишь железная кровать, стул и маленький столик. Зато она прекрасно подходила для конспиративных целей. Вход в нее вел прямо с лестницы, и была она совершенно изолирована.

Мои посещения были очень краткими, ограничивались несколькими минутами, необходимыми для получения литературы и адресов, куда ее следовало доставить. Бронислав дал мне второй ключ, чтобы я могла приходить, когда мне понадобится, независимо от его присутствия. Когда его не было дома, я находила пачку литературы, оставленную в условленном месте.

Примерно через неделю, когда Бронислав убедился, что я умею сохранять конспирацию и добросовестно выполняю его поручения, он передал в мое распоряжение склады партийной литературы, предназначенной для Варшавы и ближайших окрестностей. С тех пор я приходила на Новогородскую улицу только за указанным: сколько, какой литературы и по какому адресу нужно доставить.

Складов социал-демократической литературы было несколько. Точных адресов я не помню. Один из них помещался на Братской улице, во втором доме от угла Журавей улицы. Войдя в ворота, нужно было повернуть направо и подняться на третий этаж. Прямо с лестницы был вход в небольшую комнату, занимаемую какой-то учительницей-французской, которая отдала в наше распоряжение целый большой платяной шкаф. Он был заполнен брошюрами СДКПНЛ. А было их тогда довольно много: «Кто чем живет» Яна Млота (Ш. Дикштейла); «Праздник Первого мая» Р. Крушинской (Р. Люксембург); «Пауки и мухи, или рабочие и капиталисты» Вильгельма Либкнехта (перевод с немецкого); «Независимость Польши и рабочее дело» Мадея Рузги (Р. Люксембург); сборник «Песни борьбы и труда»; брошюра Б. Кричевского «Из Великой французской революции» (перевод с русского); брошюры «Церковь и социализм» Р. Люксембург, «Из мартовских воспоминаний» Б. Кричевского, «Как и за что бороться» Ю. Карского, «Начало революции в царской России» Р. Люксембург и так называемая «Полоника» — сборник статей

Р. Люксембург, К. Каутского, Ф. Меринга и других по польскому вопросу. Статьи «Полоникки» полемизировали с ППС и защищали позиции СДКП[П] по национальному вопросу.

На этом складе хранились также номера «Пшеглонда социаль-демократycznego» («Социал-демократическое обозрение») за годы, предшествовавшие революции 1905 года, и «Пшеглонда-роботничего» («Рабочее обозрение»).

Второй склад находился на квартире одного рабочего на Медзяной улице. Там в мое распоряжение была предоставлена оттоманка, заполненная прокламациями и листовками.

Третий помещался в одном из домов на Пулавской улице. Там в основном хранились «Червоний Штандар» и «С поля вальки», но были также брошюры и прокламации.

Когда литература на этих складах исчерпывалась, я ходила за новым запасом на главный склад, который помещался где-то на южной окраине города вблизи Бельведера. Туда привозили литературу, по-видимому, из заграничцы. Склад этот обслуживал не только Варшаву, но и другие промышленные центры Королевства Польского. Это был большой сарай, в котором лежали обшитые рогожей, сложенные в большие деревянные ящики пилы прямо на полу кипы газет, брошюр и листовок.

Литература из заграничцы привозилась также и на другие адреса. Однажды, помню, Бронислав дал мне адрес какой-то квартиры на Черняковской улице, откуда нужно было взять чемодан с нелегальной литературой. В другой раз мне дали адрес Вакара, в то время члена ВРО¹, который жил где-то вблизи ул. Лешно. У него было очень много брошюр, и мне пришлось ездить за ними несколько раз. Квартира его находилась далеко от трамвайной остановки. Как-то зимой я нигде не могла найти извозчика и с большим трудом тащила заколеченным руками тяжелый чемодан, набитый брошюрами. При этом мне приходилось притворяться, что он легкий, чтобы не вызвать подозрений у прохожих и стоявших на углах городских. К счастью, дело было вечером, при плохом освещении, и мне удалось благополучно добраться до места.

В другой раз я чуть-чуть не «засыпалась». В тот день я везла на извозчике от Вакара на склад литературы на Братской улице огромную пачку «Полоникки» и брошюр, завернутых в бумагу и перелазанных бечевой. Когда я подъезжала к площади Александра (Трех Крестов), то с ужасом увидела, что дальше ехать нельзя. Часть площади на углу Журавей и Братской улиц была перегорожена из-за ремонта. Каменная мостовая была разворочена, укладывалась новая брусчатка. В довершение всего вокруг было пусто, а на площади, недалеко от ворот дома, к которому мне нужно было подъехать, стоял городской. Что тут делать?

¹ Позднее, в буржуазно-помещичьей Польше, Вакар стал реакционером.

Вернуться обратно к Вакару? А вдруг я его уже не застаю дома? Сойти с извозчика и с тюком пелегальной литературы шагать через всю площадь прямо на городского? Это привлечет его внимание, тем более что бумага в нескольких местах прорвалась и можно было разглядеть, что в тюке книги. Раздумывать было некогда. Я лелела извозчику подождать, а сама направилась к городскому, простовато спросила его, где находится пужный номер дома. Получив ответ, я вернулась к извозчику, расплатилась с ним и, взяв свой тюк, перед посом окопаченного мной городского «нахально» перешла через площадь и исчезла в воротах дома.

Но на этом не закончились мои приключения в тот день. Когда я со своей пошей поднялась на третий этаж, обрадованная, что так ловко удалось провезти городского, оказалось, что моей французенки нет дома! Я звоню, звоню, никто не открывает. Стоять на лестнице с тюком пелегальной литературы опасно. Что делать? Я поднялась на пятый этаж, где квартир уже не было, а только вход па чердак. Положив злополучный тюк на пол у чердачных дверей, я спустилась обратно на третий этаж и стала ждать прихода французенки.

По лестнице, то поднимаясь вверх, то опускаясь вниз, мимо меня время от времени проходили люди. Тогда я отворачивалась к окну, чтобы случайно не попался кто-либо знакомый и не узнал меня. Так простояла я несколько часов, боясь обратить на себя внимание и беспокоясь по поводу долгого отсутствия французенки. А вдруг она уехала куда-нибудь из города и не вернется на ночь? Но вот наконец и она!.. Чтобы такие случаи не повторялись, она дала мне ключ от комнаты, и с тех пор я спокойно хозяйничала в своем шкафу.

С разноской нелегальной литературы было довольно много возни и забот. Я зарабатывала себе на жизнь частными уроками и ежедневно после нескольких часов напряженного труда отправлялась на склад, нагужалась «Червоным Штандаром», брошюрами, листовками и разносила их по указанным мне адресам. Эту нелегальную литературу я прятала на груди и спине под платьем, закладывала в чулки и под шляпу, остальное клала в потную папку, которая сохранилась у меня со времени учебы в консерватории. Фигура моя по объему увеличивалась в несколько раз, но это скрывали широкая черная пелерина и длинное, почти до земли, платье, которые, к счастью, были тогда в моде.

Нагуженная таким образом, я чаще всего разносила литературу пешком, иногда только ездил па трамвае, если там было немногочисленно. Извозчиками не всегда можно было пользоваться. Во-первых, это стоило слишком дорого, во-вторых, в рабочих кварталах извозчики были явлением довольно редким и поэтому обращали на себя внимание.

Теперь мне часто приходилось бывать в рабочих районах. Тут я узнала нную Варшаву, резко отличающуюся от той, к которой привыкла с детства. Это была совсем другая Варшава, ничего общего не имевшая

с чистой и красивой Варшавой центра, с Маршалковской улицей и Саксонским садом, Краковским предместьем и Театральной площадью, Новым-Святым и Уjazdовскими Аллеями. Я познакомилась с предместьями Варшавы, с плохо вымощенными улицами, без асфальтовых тротуаров, с облезлыми домами казарменного типа, без канализации, без всяких удобств. Улицы утопали в грязи, а по вечерам окутывались непроглядной тьмой. Глубокие воюющие сточные канавы, в которых играли оборванные и грязные ребятишки, худые, бледные, в коросте и царапах, — рахитичные дети рабочих.

Помню «страшный» дом на Новолипках, куда я постоянно носила литературу члену партии фабричной работнице товарищу Марте¹. Литература эта, видимо, предназначалась для Повонзковского района. Попасть в эту двухэтажную деревянную развалюху было нелегко. Нужно было пройти по огромному темпому двору через непролазную липкую грязь. Эта вязкая грязь была так глубока, что в ней тонули галоши.

Помню квартиру во флигеле дома на углу Сенной улицы и площади Витковского. Флигель находился в глубине двора. Я носила туда литературу товарищу Веселому. Это был молодой рабочий. В 1906 году его арестовали, и о дальнейшей судьбе этого товарища мне ничего не известно. Я познакомилась тогда с его сестрой Яппной (Красовской), видной деятельницей СДКПиЛ. Ее вместе с мужем, по фамилии Пекарж, в 1919 году расстреляли в Новосибирске колчаковцы.

Помню дома в сплошных дырах и провалах. В подвальных или чердачных каморках таких домов часто жили наши товарищи в районах Старое Място, Повисле, Мокотов, Воля, Прага. Помню самый ужасный из виденных мной четырех- или пятиэтажный дом казарменного типа на улице Смочей с облезлой штукатуркой и подпорками. Узкие деревянные лестницы с проломами и, видимо, никогда не мытым ступеньками. Слой липкой грязи рос на них толщиной буквально в несколько сантиметров. На каждом этаже длинные, узкие, совершенно темные коридоры. По обеим сторонам их низенькие двери вели в сырые, холодные и невероятно грязные каморки. Там, особенно на верхнем этаже, ютились самая обездоленная беднота. Через проткрытые двери видны были ужасные, мрачные и грязные коуры, в которых жили люди. Не было там абсолютно никакой, даже самой убогой обстановки. В углу на полу обычно лежала лишь куча пчел не прикрытой гнилой соломы, по-видимому, служившая постелью. На лестнице и особенно в коридоре царил такой неопишимо душный смрад, что от него кружилась голова и тошнило.

¹ Марта (Наталья Смолинская) — член первой группы СДКПиЛ в Варшаве. Арестованная в 1900 году и высланная на 3 года из Варшавы, она вернулась туда нелегально и работала в партии до 1909 или 1910 года, затем эмигрировала в Америку.

Вид этого дома, его грязных лестниц, темных коридоров, мрачных конур-жилищ был так страшен, что я долго не могла прийти в себя от гнетущего впечатления, которое он на меня произвел. Этот и подобный ему дома особенно в сопоставлении с богатыми, красивыми домами центра города были ужасающим обвинительным актом против господствовавшего тогда капиталистического строя.

Против этого строя, против ненавистной царской власти самоотверженно боролись лучшие представители рабочего класса — социал-демократы. Многие из них ждала трагическая судьба, многие погбли в неравной борьбе. В те дни меня потрясло сообщение о военном суде над Маришлом Каспшаком и Бенедиктом Гурцманом. Это зверское судилище 1 сентября 1905 года приговорило Каспшака к смертной казни через повешение, а Гурцмана — к 15 годам каторги за вооруженное сопротивление 27 апреля 1904 года при нападении жандармов на нелегальную типографию СДКПН в Варшаве.

Обращение Главного Правления СДКПН к польскому рабочему классу от 2 сентября 1905 года, в котором сообщалось об этом, было одной из первых листовок, полученных мной от Бронислава для распространения. Защитники осужденных борцов обратились в кассационный суд в Петербург, добиваясь отмены приговора. В связи с этим прокламация Главного Правления СДКПН призывала рабочий класс ни на минуту не упускать из вида дальнейший ход дела, быть готовым в соответствующий момент по зову партии подняться для протеста. Но варшавский генерал-губернатор Скалон, опираясь на закон о военном положении, объявленном в Королевстве Польском, запретил посылку кассационной жалобы в Петербург и утвердил приговор.

8 сентября 1905 года на рассвете на склоне Варшавской гитадели Каспшак, герой польского рабочего класса, был казнен. Когда его вели на виселицу, он пел «Червоный Штандар», а когда набросили петлю на шею, крикнул: «Да здравствует революция!» Это были последние слова революционера, который все свои силы, всю свою жизнь до последнего дыхания отдал борьбе за свободу польского народа, за социализм.

В тот же день, 8 сентября, Варшавский комитет СДКПН выпустил прокламацию, призывая рабочих к забастовке протеста 11 сентября.

Однако военное положение, а также усталость рабочих, вызванная непрекращающимися с января забастовками и массовыми выступлениями, были причиной того, что забастовка 11 сентября не стала всеобщей. Но не было в Варшаве завода, фабрики или мастерской, где бы часть рабочих не бастовала. Против забастовки выступили ППС и национал-демократия (эндеецля). Полиция арестовала множество людей. Крупные заводы, фабрики и типографии были окружены войсками. Многие улицы в Повисле и вся Воля были буквально забиты войсками.

Литература, которую я разносила, распространялась среди рабочих на заводах и фабриках партийными кружками. Я получала от Бронислава указания доставлять столько-то таких-то изданий металлистам, сапожникам, столярам, каменщикам, пекарям и т. д.

О том, как работали эти партийные кружки, вспоминает Юзеф в своих письмах первой половины 1905 года. «Мы стремимся к тому, — писал он из Варшавы 1 марта 1905 года, — чтобы кружки по профессиям собирались лучше, собирались еженедельно... они должны стать сердцем нашей организации и определять нашу силу и гибкость...» В их обязанность, по мнению Юзефа, должны входить «корреспонденция, агитация, дискуссии, собрания, забастовки и т. д., а задачей Центрального кружка является наблюдение за работой кружков партии по профессиям и их организация».

В письмах Юзефа упоминаются кружки металлистов, столяров, сапожников, каменщиков, женский кружок. Кроме того, существовали кружки портных, пекарей, железнодорожников, кружок интеллигентов, молодежи и др. Был также кружок пропагандистов для рабочих. Центральным кружком, которым непосредственно руководил Варшавский комитет, делился на Верхний, охватывавший районы Варшавы: Волю, Повонзки, Мокотов, и на Нижний (Дольный). Он охватывал район Варшавы на левом берегу Вислы, т. е. Повисле и Прагу.

В марте 1905 года Верхним кружком и кружком металлистов от Варшавского комитета руководил Пшоляж (Бронислав — Юлиан Гемборск). Возможно, что эту же работу он выполнял и по выходе из тюрьмы — в августе — октябре 1905 года.

В годы подъема революционного движения быстрыми темпами росла и организация СДКППЛ. Возникли многочисленные фабрично-заводские кружки партии и объединяющие их районные организации. Кружки по профессиям, так же как и Верхний и Нижний кружки, перестали существовать.

В первые недели моей работы по заведованию складами партийной литературы и ее распространению я познакомилась с двумя членами Главного Правления партии — Адольфом Варским (Варшавский), приехавшим в Варшаву из заграницы весной 1905 года, и с Миколом — Яковом Фюрстенбергом (Я. Ганецкий). Обоим им по поручению Бронислава я приносила свежие номера партийных газет, брошюр и других изданий: Варскому — на квартиру членов СДКППЛ Станиславы¹ и Станислава (Софьи и Якова Гольденберг) на Вежбовой улице (обычно я там заставала одного Варского), Ганецкому — на квартиру сестер Эвелинны Нейгольдберг и Марии Альтер, живших на Школьной улице. Познакомилась

¹ Софья Гольденберг в период реакции как представительница СДКППЛ входила в состав ЗБ ЦК РСДРП. В Советском Союзе она работала в Большой Советской Энциклопедии. Умерла несколько лет тому назад.

я тогда и с сестрой Николая Юлией¹ (Франциска Ляндау), которую также снабжала литературой, принося ей на квартиру на Целинной улице.

В этот период моей партийной работы я познакомилась еще с рядом товарищей, в том числе с Флорианом (Стефан Братман), членом ЦККПН с 1903 года, инженером-электриком, который в 1912—1914 годах был секретарем Главного Правления. После приезда летом 1918 года в Швейцарию Советской дипломатической миссии Стефан Братман работал секретарем этой миссии. Когда в ноябре этого же года швейцарское правительство заставило миссию покинуть пределы страны, С. Братман выехал вместе с членами миссии в Советскую Россию.

Тут он работал некоторое время среди польского населения как секретарь Польского бюро агитпропа ЦК РКП(б). Во время войны с белополяками Братман был членом Реввоенсовета 16-й армии Западного фронта. Позднее под фамилией Бродовского он был советским дипломатом — секретарем посольства СССР в Германии, затем советским послом в Латвии.

Всеобщая Октябрьская политическая забастовка

Наступили памятные дни октября 1905 года. Всеобщая политическая стачка, начавшаяся с забастовки печатников в Москве, перебралась на железные дороги, почти и телеграф, охватывая завод за заводом, фабрику за фабрикой, город за городом почти всей царской России. Польский пролетариат шел в первых рядах революции.

Когда до Королевства Польского дошла весть о начавшейся железнодорожной забастовке в России, и у нас сразу остановились все железные дороги, несмотря на решительное противодействие эльзевиков. Забастовали работники почты и телеграфа. Всеобщая политическая стачка охватила Варшаву, Лодзь, Домбровский бассейн, Ченстохову и все остальные промышленные города Королевства.

В те дни В. И. Ленин писал:

«Геройская Польша снова уже встала в ряды стачечников, точно пэдеясь над бессильной злобой врагов, которые мнили разбить ее сво-

¹ Франциска Ляндау после Великой Октябрьской революции вела культурно-просветительную работу среди польского населения в Москве. В течение нескольких лет она заведовала польским детским домом имени Розы Люксембург в Москве. Потом была зав. польским сектором КУНМЗ имени Мархлевского. Впоследствии работала в Главном Политуправлении Красной Армии референтом. Умерла несколько лет тому назад в Вене.

ими ударами и которые только ковали крепче ее революционные силы»¹.

В Варшаве остановились не только все заводы, фабрики и мастерские, но не работали телефон, водопровод, фильтры, газоподача. Все магазины были закрыты. Прекратилось движение городского транспорта. На заводах и фабриках в помещении или во дворах проходили массовые собрания и митинги. На многих из них присутствовали представители различных воинских частей варшавского гарнизона. Некоторые полки, в которых было сильно влияние ВРО, принимали резолюции солидарности с рабочими в борьбе с царизмом.

В те дни было столько работы по распространению партийной литературы, что я целыми днями не появлялась дома и совершенно забросила свою педагогическую работу, которой зарабатывала на жизнь. Вся литература на моих складах исчерпалась. Запросы были так велики, что если бы литературы было раз в десять больше, то и тогда не хватало бы ее. В моей оттоманке на Медзпой улице кроме свежих, только что выпущенных листовок и прокламаций лежали кучи старых воззваний, которые в свое время не удалось полностью раздать. Теперь все расхватали. На площади Витковского собирались толпы рабочих. Один митинг сменялся другим. Мы тут же раздавали листовки. Рабочие жадно хватали их и быстро прятали в карманы или за пазуху.

Полиция в те дни боялась появляться в рабочих районах. Только крупные воинские части иногда проходили мимо собравшихся рабочих, но не трогали их. Рабочие часто встречали войска возгласами: «Да здравствует союз рабочих и солдат!», «Да здравствует революция!», «Да здравствуют революционные солдаты!», «Долой царзм!»

Опасались только казаков. Они врываются на лошадях прямо в толпу, въезжали на тротуары, давили людей, рубили шашками, избивали нагайками без разбора направо и налево. Однажды на углу Маршалковской и Хмельной улиц досталось и мне. Это произошло в дни Московского вооруженного восстания, когда у нас проводилась декабрьская всеобщая стачка. Спасла меня барашковая шапка. На ней осталась полоса — след казачьей нагайки.

В дни объявления лицемерного царского октябрьского манифеста Варшава представляла собой необычное зрелище. 30 октября вся Маршалковская улица от края и до края была залита людским потоком, который медленно двигался к Иерусалимским Аллеям и дальше к Саксонскому саду с революционными возгласами и пением революционных песен: «Червоного Штандара», «Варшавянки», «На баррикады». Над головами развевалось множество красных знамен. Почти на каждом углу

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 12, стр. 2.

толпа останавливалась, чтобы выслушать поднятых на руки или взобранных на фонарные столбы ораторов.

А кто только тогда не выступал! Те, что недавно еще сидели в мышиных норах и всячески поносили непрерывные забастовки, организованные социал-демократами, теперь воспевали манифест и наступившую якобы свободу. Среди разношерстной толпы были, конечно, и политические младенцы, принимавшие все это за чистую монету, но сознательные рабочие встречали такие речи свистом и насмешками.

Социал-демократические ораторы предостерегали массы от обмана, разъясняли, что свободы не будет до тех пор, пока под натиском революции не рухнет и не превратится в прах царизм, до тех пор, пока на его месте не возникнет демократическая республика во всей России с автономией для Королевства Польского.

Людской поток нарастал с каждой минутой. Около Саксонского сада толпа свернула на Крулевскую улицу в сторону Краковского предместья. С балкона углового дома какой-то буржуазной квартиры несколько человек, улыбаясь, махали толпе носовыми платочками. Это вызвало бурю возмущения. Раздавались выкрики: «Вниз, вниз, трус!» Буржуи поспешили скрыться в комнаты.

На Крулевской, потом на Краковском предместье — всюду митинги, митинги. Часто по очереди, друг за другом выступали пепезовец и социал-демократ. Слушатели аплодировали без разбора и тому и другому. В те дни тысячи людей впервые прощались с политической жизнью, впервые слышали социал-демократические речи. Полицию и войска как метлой смело. Массы овладели улицей.

На следующий день Варшавский комитет СДКПНЛ организовал мощную демонстрацию на Театральной площади перед Ратушей. Другая демонстрация отправилась к Павяку. Целью этих демонстраций было освобождение политических заключенных.

На Театральной площади собралась огромная толпа людей. Проводился митинг. Раздавались возгласы: «Освободить политических заключенных!» Но вдруг на площади во весь опор неожиданно выскочили казаки и драгуны, и началась зверская расправа. Несколько сот демонстрантов было ранено.

Так на другой же день после объявления манифеста царские власти начали в Варшаве и других промышленных городах «проводить его в жизнь».

Весть об этой расправе не снизила революционного пакала шпрых рабочих масс. Наоборот, это вызвало вместе с сильным возмущением еще большую жажду борьбы за постоянную свободу вплоть до победного конца. Всеобщая стачка продолжалась. Продолжались массовые митинги и демонстрации. В филармониях и около нее с утра до вечера толпился народ и проводились непрерывные митинги. 3 ноября после полудня в

Разгон демонстрации на Театральной площади в Варшаве. 1 ноября 1905 г.

филармонии состоялся большой митинг, организованный Варшавским комитетом СДКППЛ. Зал был переполнен. С красными бантами на груди проходили мы по рядам между скамейками, продавая свежие номера «Червоного Штандара», «С поля вальки», собирая по подписным листам и кватандонным книжкам деньги в пользу СДКППЛ. На разукрашенную красными знаменами эстраду то и дело поднимались и выступали с речами социал-демократические ораторы. Люди слушали их затаив дыхание, реагируя на каждое меткое слово бурей аплодисментов.

С основным докладом на этом митинге от Главного Правления СДКППЛ выступил Адольф Варский. Он не был блестящим оратором, но простотой изложения, ясностью мысли, логикой аргументации привлекал внимание слушателей и вдохновлял их на борьбу. После него выступил Ксесидз (Малэцкий — Александр Рубинштейн), прекрасный оратор, пожалуй лучший оратор среди видных деятелей СДКППЛ. Потом

выступали представители фабрик, заводов и революционных русских солдат — членов ВРО. Митинг начался в 5 часов пополудни и продолжался до позднего вечера.

Большое впечатление на присутствующих произвела речь одного товарища — заводского рабочего. Это был поистине прирожденный оратор. Во время своего выступления он поднимал вверх руку. Она была изуродована на производстве из-за отсутствия техники безопасности. Это еще больше усиливало впечатление от его речи.

Мы, советские люди, давно привыкли к тому, что торжественные собрания и митинги проводятся в прекрасных, светлых и просторных залах и театрах. Тот митинг произвел на меня неизгладимое впечатление. Ведь мы впервые вышли из подполья, когда собирались маленькими горсточками, максимум 10—20 человек. Собирались в какой-нибудь комнатухе рабочего, в лучшем случае в производственных цехах или в квартире сочувствующего интеллигента. А тут пяти тысячная масса в самом большом и самом красивом здании Варшавы! Президиум — за столом, покрытым красным сукном. На знаменах — социал-демократические лозунги. Зад гремит революционными песнями. Поются они с необыкновенным подъемом. И ни одного жандармского или полицейского мундира. Митинг охраняют наши бойшки. На трибуне и в президиуме обращают на себя внимание солдаты. Это представители социал-демократической Военно-революционной организации.

Митинг с большим подъемом принял резолюцию о полной солидарности польского и русского пролетариата и о необходимости продолжать политическую стачку.

На этом митинге Юзеф отсутствовал. Он был освобожден лишь 2 ноября по амнистии, которую власти вынуждены были объявить под напором революционных выступлений. Когда Юзефа выпустили из Хавльбога, в городе была всеобщая забастовка. Не работали ни трамваи, ни извозчики. Выйдя из цитадели, он вместе с выпущенным в тот же день руководителем левых пепеэсовцев Максимилианом Горвипцем (Валецким)¹ отправился в город пешком. Потом они нашли какую-то бричку, которая довезла их до центра города.

По дороге, как рассказывал Валецкий, Юзеф все время возвращался к одной и той же мысли: не обольщаться, не верить царской конституции, никаким иллюзиям, ни в коем случае не легализоваться (Держинский и Горвитц были арестованы под чужими фамилиями).

В тот день, не зная еще об освобождении Юзефа, я встретила его неожиданно на углу Свентокшиской и Влодзимерской улиц. Вопреки за-

¹ Генрик Валецкий — видный деятель польского и международного коммунистического движения. С 1899 года — член ППС, с 1906 года — один из лидеров ППС-левых. В 1918 году вступил в КРПП, член ЦК КРПП, впоследствии один из ответственных работников ИККИ.

конам конспирации, запрещающим здороваться на улице, он еще издали поклонился мне и остановился. Мы пожали друг другу руки. Юзеф сиял. Он смеялся и шутил, радовался, что на свободе, что из тюремных стен его вырвала революция, что можно снова отдать всего себя без остатка партийной работе — своей стихии.

Он уже куда-то торопился. Поговорил с минутой, мы разошлись. Он свернул на Влоцламерскую, а я пошла своей дорогой, унося в душе радость, что наш Юзеф, которому угрожала многолетняя каторга, снова на свободе.

Тюрьма оставила свой след на лице Юзефа, но глаза его горели пламенем революционного подъема.

Я. Гапецкий в своих воспоминаниях о Дзержинском рассказывает, что Юзеф, выйдя из тюрьмы и увидев на улицах толпы людей с сияющими лицами, выступил «с горячей речью, в которой призывал: «Не верьте царским податкам! Не верьте буржуазии! Она вместе с царизмом будет бороться против рабочих. У рабочих свои цели...» И сразу же отправился в рабочие районы, выступал там на митингах на улицах до последней капли».

По другой версии — Владислава Штейна (А. Краевский) — Юзеф прямо из тюрьмы вместе с несколькими другими товарищами, освобожденными из Павяка и «Сербии», пришел на чрезвычайную конференцию СДКПЛ, созванную в связи с парастающей революционной обстановкой. Конференция эта проходила в квартире Францишки Ляндау, на ул. Цегляной, в доме № 4.

«Можно себе представить, — пишет А. Краевский, — какой овацией они были встречены. Тов. Станислав¹, который как член Варшавского комитета руководил конференцией, немедленно передал председательство Юзефу...»

Другой участник этой конференции, Красный, говорит, что из выступления Юзефа ему особенно запомнились слова: «Теперь надо к оружию, к оружию, только с оружием... Слово «оружие», т. е. вооруженная борьба, заполняло всю его речь, и она сейчас звучит у меня в ушах».

Вскоре после всеобщей политической забастовки в Варшаву из-за границы приехали идеолог СДКПЛ Роза Люксембург и член Главного Правления Ян Тышка. Оба они вскоре были арестованы. Роза Люксембург, предъявившая германский паспорт, была выслана в Германию. Тышка был приговорен к восьми годам каторги. О пребывании Розы Люксембург в Варшаве и ее аресте я узнала значительно позже, когда ее уже не было в Королевстве. Видеть Розу Люксембург мне так и не удалось. Но я воспитывалась на ее революционных прозвещениях,

¹ Яков Гольденберг — старый член СДКПЛ, член Заграничного Комитета в 1902—1904 годах, участник Берлинской конференции СДКПЛ 1902 года и IV съезда СДКПЛ. Умер, кажется, в 1936 году в Москве, будучи членом ВКП(б).

с восторгом читала ее пламенные статьи и прокламации, проникнутые духом боевого пролетарского интернационализма.

В первых числах ноября 1905 года в Варшаве начала выходить легальная газета «Трибуна людова» — орган СДКПНЛ. Мы открыто продавали ее на улицах. Я продавала ее на углу Маршалковской и Крулевской улиц. Начиная с первого номера ее конфисковали. Всего вышло четыре номера общим тиражом 250 тыс. экземпляров. После этого снова стал выходить нелегально «Червоный Штандар», но уже не за границей, а в Варшаве, сначала несколько раз в неделю, с февраля 1906 года ежедневно, затем снова реже.

Осенью 1905 года СДКПНЛ приступила к массовой организации профессиональных союзов. Я присутствовала на собраниях рабочих швейных мастерских. Собрание проходило на чердаке какой-то новостройки за Железной Брамой. Выступал Винцент Матушевский. На этом собрании был организован Социал-демократический профессиональный союз работников плы.

Как известно, Ленин был решительным противником пейтральности, «независимости» профсоюзов. Он считал, что профсоюзы в интересах рабочего класса и социализма должны признавать идейное руководство большевистской партии и поддерживать с ней организационную связь. Но это должно осуществляться путем воздействия большевиков — членов профсоюзов, пользующихся большим авторитетом благодаря своей политической сознательности и самоотверженной борьбе с царизмом и буржуазией.

Между тем СДКПНЛ называла организуемые ею профсоюзы социал-демократическими и считала, что вступающие в профсоюзы рабочие должны признать руководство со стороны СДКПНЛ. Такая позиция была проявлением сектанства, непонимания роли профсоюзов как приводного ремня партии к самым широким массам рабочих. Результат был таков, что, в то время когда СДКПНЛ летом 1906 года насчитывала в своих рядах до 30 тыс. членов, социал-демократические профсоюзы имели всего лишь 10 400 членов.

10 ноября 1905 года, через 11 дней после объявления манифеста, окончились так называемые дни свободы в Королевстве Польском: на территории всего Королевства было восстановлено военное положение.

В. И. Ленин писал тогда: «Пролетариат стоит на своем посту. Он не допустит, чтобы героическая Польша была еще раз задавлена. Он ринется сам в бой и не только уже мирной стачкой, а с оружием в руках поднимется за свободу и России и Польши»¹.

В ответ на введение военного положения Главное Правление СДКПНЛ призвало рабочих продолжать всеобщую стачку, создавать по

примеру русских рабочих боевые дружины, идти в деревню и проводить агитацию среди крестьян, чтобы поднять их на совместную борьбу за свободу. Необходимо, однако, сказать, что, говоря об агитации в деревне, СДКПНЛ имела в виду не широкие массы крестьянства, а лишь батраков и малоземельных крестьян-бедняков. Это отчетливо видно из статьи Ю. Мархлевского «Конференция сельских агитаторов». Борьбе русских крестьян за землю, за «экспроприацию помещиков, правительственных чиновников и других сельских паразитов» здесь противопоставляется «чисто классовая борьба пролетариата с капиталом» в польской деревне. СДКПНЛ, заявляет автор, «не нуждается ни в каких особых аграрных программах».

Это была в корне неправильная точка зрения. Вытекала она из недооценки пережитков феодализма в Польше, из отрицания революционной роли крестьянства в буржуазно-демократической революции, из непонимания вопроса о гегемонии пролетариата в народной революции.

Ф. Э. Дзержинский лучше других руководителей СДКПНЛ понимал большое значение работы среди крестьян. Сам он неоднократно выезжал в деревню (между прочим, в Люблинскую губ.) и посылал туда агитаторов. В письмах Главному Правлению он настойчиво добивался издания манифеста к крестьянам. Еще в феврале 1905 года он писал о необходимости немедленно издать такой манифест: «Это самая первая, самая главная наша потребность, важнее «Червоного Штандара», «Пшегловда», брошюр».

В России в ходе классовых боев возникали Советы рабочих депутатов. В. И. Ленин сразу оценил Советы как орган восстания, как зародыш революционной власти трудового народа, возникший в результате самостоятельности самих рабочих масс.

СДКПНЛ не понимала роли и недооценивала значения Советов рабочих депутатов на территории Королевства Польского. Поэтому они там не возникали. Были они созданы только за пределами Королевства Польского — в Белостоке.

Такое отношение к Советам наши товарищи объясняли тем, что СДКПНЛ достаточно сильно и влиятельна и сумеет сама руководить революционным рабочим движением. Занимая такую позицию, СДКПНЛ, вероятно, руководствовалась и нежеланием сотрудничать в Советах с ППС, которая имела влияние на довольно значительное число польских рабочих, особенно среди более обеспеченных. Это было проявлением сектантства со стороны СДКПНЛ.

Не понимали также руководители СДКПНЛ и того, что Советы рабочих депутатов были привязным ремнем от партии к широчайшим массам трудящихся, были органами восстания и зародышами народной власти.

Во время «дней свободы» 1905 года произошли серьезные организационные изменения в структуре варшавской организации СДКПН¹. Верхний и Нижний кружки, а также кружки партии по профессиям и в связи с ростом влияния СДКПН¹ в массах были превращены в фабрично-заводские и районные партийные организации.

Возникло 5 районов: Воля, Повонзки, Мокотов, Дол (т. е. Полисле) и Прага. Меня направили в Мокотовский район. Фабрично-заводские партийные организации возглавлялись фабричными и заводскими правлениями, районные организации — районными правлениями, состоявшими обычно из пяти членов. Работой партийной организации всего города руководил Варшавский комитет СДКПН¹.

В каждом районе ежедневно проходили так называемые биржи¹. Собиралась биржа тайпо, каждый раз в новом месте, в какой-нибудь рабочей квартире. В горячие дни собирались и по два раза в день. Руководили районными биржами члены районного правления партии. В бирже участвовали представители фабрично-заводских партийных организаций данного района, агитаторы и пропагандисты, а когда были организованы боевые дружины, то приходили и бойвики. Сюда обращались со всеми нуждами и запросами, здесь решались всевозможные текущие вопросы: выделялись ораторы на митинги и массовки, направлялись на фабрики, заводы и в мастерские агитаторы и пропагандисты, выслаивались организаторы для проведения все еще продолжавшихся экономических забастовок. Здесь принимались членские взносы и деньги за литературу, выдавались и принимались обратно подписные листы и квитанционные книжки с собранными деньгами.

Уплата членских взносов отмечалась наклейкой специальных марок в особую тетрадь. Марка наклеивалась против соответствующей партийной клички. Партийных билетов тогда, разумеется, по соображениям конспирации не было. Тетрадь с наклеенными марками всегда хранилась у членов районного правления, обычно у казначея.

На биржу приносили свежий номер выходившего в 1906 году в Варшаве почти ежедневно «Червоного Штандара», прокламаций и другие партийные издания. Представители фабрик, заводов и мастерских получали здесь литературу для распространения на своем предприятии.

На биржу приходили представители социал-демократических профсоюзов для решения своих вопросов. Здесь фабрично-заводские правления партии и кружки получали директивы и указания вышестоящих партийных органов, здесь же оформлялись новые связи с фабриками и заво-

¹ Биржа — ежедневное дежурство членов Варшавского комитета или районных правлений СДКПН¹ для оперативного руководства всей организационной и агитационной работой.

дами, назначались пропагандисты для новых кружков, обсуждались с членами районного правления вопросы текущей политики. Сюда приносили информации и корреспонденции для «Червоного Штабдара» из жизни фабрик, заводов, мастерских, ежедневно отчитывались о выполнении партийного поручения, о том, как прошла массовка или митинг, занятие кружка или забастовка. На бирже в течение трех-четырех, иногда пяти часов было непрерывное движение. Одни приходили, другие уходили. В самые горячие дни на биржу одновременно собиралось до 30—40 человек.

Кроме районных бирж собирались центральные биржи, на которые приходили представители Варшавского комитета и районных правлений. Таким образом осуществлялось оперативное руководство партийными организациями.

Раз в месяц или несколько реже в зависимости от состояния и потребностей организации собирались районные партийные конференции, где отчитывались районное правление и представители фабричных и заводских правлений, обсуждались вопросы текущей политики и партийной работы, выбирался новый состав районного правления и делегаты на межрайонные (т. е. общегородские) конференции.

В период Московского вооруженного восстания

28—30 ноября 1905 года в Варшаве состоялась краевая конференция СДКППЛ с участием всех членов Главного Правления, представителей редакций изданий Главного Правления и 20 представителей местных организаций.

Я не присутствовала на конференции. Пишу о ней на основе отчетов и архивных материалов.

В резолюции по пункту первому повестки дня «Оценка текущего момента и задачи партии» конференция отметила: «Революция в Российском государстве, не свергнув существующего строя, находится лишь в начальной стадии, а не в конечной стадии своего развития».

На конференции был выдвинут лозунг борьбы за Учредительное собрание в масштабе всего Российского государства, за демократическую республику с автономией для Королевства Польского.

Предвидя новое, значительно более мощное наступление на царское правительство, чем всеобщая октябрьская стачка, неизбежность «столкновения всего народа с властью», конференция постановила «организовать рабочую милицию», а «в момент нового революционного взрыва овладеть по возможности всеми местными государственными учреждениями».

Но о подготовке этого «столкновения народа с властью», т. е. о подготовке вооруженного восстания, в резолюции ничего не было сказано.

С докладом по последнему пункту повестки дня «Партийная работа в армии» выступил Дзержинский. Сохранилось написанное его рукой следующее предложение, внесенное им на конференции: «В настоящее время наша работа в армии должна ставить своей целью подготовку солдат к вооруженному восстанию».

Это предложение свидетельствует о том, что Ф. Э. Дзержинский хорошо понимал необходимость вооруженного восстания для спержения царского самодержавия в России и привлечения к этому восстанию революционных солдат и офицеров царской армии.

Как известно, первая русская революция достигла наивысшего подъема во время вооруженного восстания московских рабочих в декабре 1905 года, подготовленного большевиками. Узнав о вооруженном восстании в Москве, Главное Правление СДКПиЛ призвало массы польских трудящихся к всеобщей забастовке солидарности.

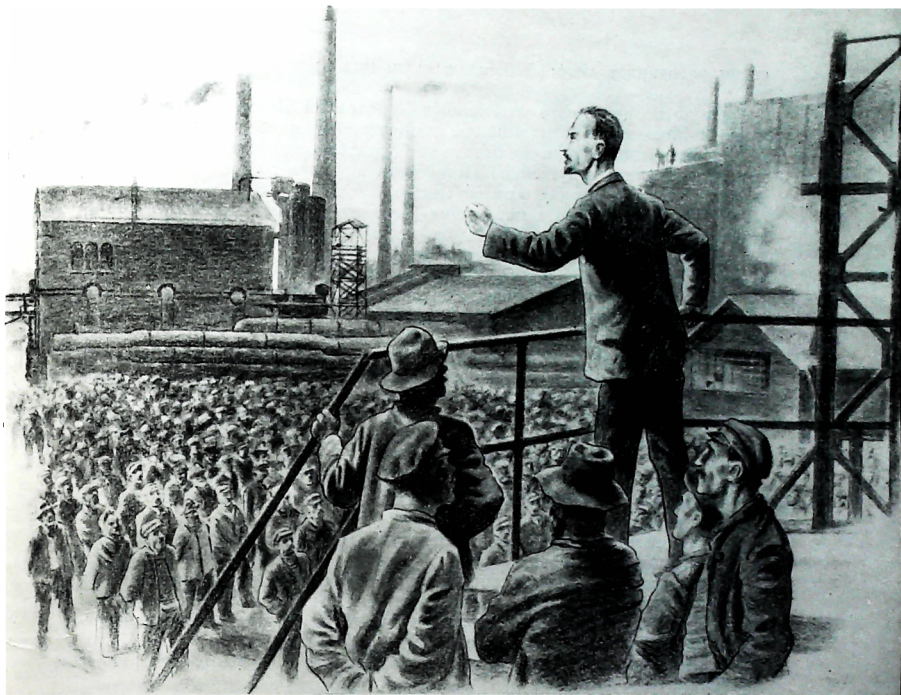
Я присутствовала на организованном СДКПиЛ 22 декабря грандиозном митинге в Варшавской филармонии. Митинг этот прошел с большим подъемом, участники постановили приступить к всеобщей забастовке и призвали польских рабочих быть готовыми в любой момент нанести царизму последний, смертельный удар при помощи вооруженного восстания.

Идея вооруженного восстания уже жила в умах членов СДКПиЛ. О необходимости вооруженного восстания говорили на партийных собраниях и на рабочих митингах. Но думали при этом, что всеобщая стачка стихийно перерастет в вооруженную борьбу, в восстание. Большевистская постановка вопроса о необходимости технической подготовки восстания еще не была понята в рядах СДКПиЛ.

Несмотря на страшный террор царизма и яростное сопротивление польской буржуазии, католического духовенства, эндеков и правого руководства ППС, всеобщая забастовка охватила в декабре 1905 года Варшаву и все другие промышленные центры Королевства Польского.

Вся жизнь в Варшаве замерла. Стали фабрики, заводы и мастерские, перестал работать водопровод, прекратилась газоподача, остановилось всякое движение городского транспорта, закрылись магазины, кофетерские, рестораны.

В Домбровском угольном бассейне забастовке особенно сильно сопротивлялись эндеки. В дни декабрьского вооруженного восстания в Москве Дзержинский силой прорвался на территорию металлургического завода в Сосновце «Гута Банкова» (в настоящее время завод имени Ф. Дзержинского). Этот завод обычно давал сигнал к забастовке всего угольного района. Феликс Эдмундович в пламенной речи призывал

Выступление Ф. Э. Дзержинского на заводе «Гутз Банкова».

рабочих приступить к всеобщей забастовке. Во двор завода ворвалась полиция. Но в это время раздался протяжный гулкий гудок. Сигнал к забастовке был подхвачен. Остановилась работа всех шахт и заводов Домбровского бассейна.

Забастовкой были охвачены все государственные железные дороги в Королевстве Польском. Это имело большое значение, так как лишило правительство возможности перебросить войска в Россию для подавления Московского вооруженного восстания. Не удалось только полностью остановить движение на частной Варшавско-Венской железной дороге,

среди работников которой большим влиянием пользовались ИПС и энкавдеки.

Но до вооруженного восстания в Королевстве Польском дело не дошло. А Московское восстание, не поддержанное в достаточной степени петербургскими рабочими, которым не удалось остановить движение на железной дороге, ведущей на Петербург и Москву, потерпело поражение под ударами царской артиллерии.

Как известно, после поражения восстания меньшевик Плеханов заявлял, что «не надо было браться за оружие».

В. И. Ленин был совершенно иного мнения. «Напротив, — говорил он, — нужно было более решительно, энергично и наступательно браться за оружие, нужно было разъяснить массам невозможность одной только мирной стачки и необходимость бесстрашной и беспощадной вооруженной борьбы»¹.

Среди руководителей ИПС, будущих «левицковцев», раздавались голоса, поддерживавшие точку зрения меньшевиков. Но СДКПил в этом вопросе решительно встала на большевистскую позицию. «Реки крови, пролитой в Москве, не укрепляют, а подрывают силу царизма, — писал «Червоный Штандарт». — Героизм революционной Москвы дойдет до всего народа России, отзвук ее сражений всюду зажжет пламя новой борьбы... Царь победил потому, что пролил кровь бойцов Москвы, царь побежден потому, что из каждой капли этой крови вырастут новые мстители за страдания народа».

Я не встречала ни одного члена СДКПил, который бы не осудил точку зрения Плеханова.

Феликс Кош в своих воспоминаниях о Дзержинском приводит слова Феликса Эдмундовича, сказанные в тюрьме Павпак в 1907 году в споре по поводу политической обстановки в стране и плехановской оценки ее. В ответ на пытые оппортунистов Дзержинский заявил:

«Только через поражения, только в действии и борьбе рабочий класс приблизится к победе...»

«Он сказал это, — пишет Ф. Кош, — просто, но с таким убеждением, с такой верой в силу пролетариата, что замолчали даже самые отъявленные маловеры».

После поражения Московского восстания волна революции начала постепенно спадать, но борьба как в России, так и у нас, в Королевстве Польском, продолжалась в течение всего 1906 года и первой половины 1907 года.

1 Мая 1906 года в Варшаве и других городах Королевства Польского по призыву СДКПил была проведена всеобщая забастовка. Под проливным дождем рано утром в день 1 Мая мы с двумя товарищами обходили

фабрики, заводы, все промышленные предприятия Мокотовского района, чтобы остановить те из них, которые еще не начали забастовку. Но никто не работал в тот день в Варшаве. Магазины и лавки были закрыты, трамваи не ходили, извозчики не появлялись на улицах. Не вышла ни одна газета, ни один журнал, даже грязная эдесская газетка «Дзвон польский» вынуждена была подчиниться воле рабочих.

В рабочих районах на фабричных трубах и телеграфных проводах развевались красные знамена. Но о демонстрации не могло быть и речи. Царские палачи в страхе перед демонстрацией заполнили весь город войсками, терроризировали население; остановилось пешеходное движение на центральных улицах. При этом солдаты, особенно казаки, позволяли себе дикие выходки.

Несмотря на это, все же состоялись две демонстрации. Товарищи из Праги рано утром отправились на кладбище в Брудно, чтобы почтить память похороненных там героев, сложивших головы в революционной борьбе. Вторую демонстрацию устроили политзаключенные Павшака. Они пели «Червоный Штандар» и провозглашали из-за тюремных решеток лозунги в честь 1 Мая, в честь революции. Один из демонстрантов был убит часовым.

Слияние СДКПил с РСДРП

23 апреля — 8 мая 1906 года в Стокгольме состоялся IV (Объединительный) съезд РСДРП. На этом съезде при непосредственном участии Адольфа Варского, Феликса Дзержинского и Якова Ганецкого СДКПил вошла в состав РСДРП. Ф. Дзержинский вошел затем в состав редакции центрального органа РСДРП и в состав Центрального Комитета РСДРП как представитель СДКПил. Объединение партий, имевшее историческое значение, было воспринято всеми организациями СДКПил с величайшей радостью и получило всеобщее одобрение.

Вскоре в Варшаве были проведены районные конференции, на которых представители СДКПил, участвовавшие в работе IV съезда РСДРП, выступали с докладами об итогах съезда и о слиянии СДКПил с РСДРП. Одновременно шла подготовка к созыву V съезда СДКПил.

20 мая я принимала участие в работе районной конференции Мокотовского района. От Главного Правления этой конференцией руководил Юзеф. Он сделал доклад о IV (Объединительном) съезде РСДРП, о текущем политическом положении и задачах партии.

Подробное содержание доклада Юзефа после стольких лет стерлось из моей памяти. Но хорошо помню, с каким подъемом он говорил о присоединении партии польского пролетариата к общероссийской партии, что издавна было его горячим желанием.

Я тогда впервые слышала Юзефа-оратора. В первый момент мне показалось, что он неважный оратор: говорил он медленно, как бы даже с некоторым трудом. Но это продолжалось лишь несколько секунд. Вскоре он загорелся и говорил так пламенно, так убедительно, с такой горячей верой в победу революции, так захватывающе, как может говорить только настоящий народный трибун.

Во втором своем выступлении на этой конференции Юзеф охарактеризовал проект составленного им нового Устава СДКПНЛ, § 4 которого о партийном членстве был сформулирован в большевистском духе. Устав этот обсуждался позднее на V съезде СДКПНЛ.

При обсуждении по пунктам проекта Устава один из товарищей выступил против § 20, в котором устанавливался следующий порядок выборов в члены районного правления: из пяти членов районного правления четырех выбирает районная конференция, а пятого назначает Варшавский комитет. Этот товарищ требовал, чтобы все пятеро выбирались на районной конференции.

Юзеф выступил против этой поправки. Дело в том, что в 1905 году в партию вступило много новых членов, еще недостаточно подготовленных и недостаточно проверенных, особенно из среды мелкобуржуазной интеллигенции. В условиях нелегального существования партии важно, чтобы в каждом районном правлении был один более опытный, испытанный в борьбе, хорошо известный Варшавскому комитету товарищ. Конференция большинством голосов поддержала точку зрения Юзефа. В партийной практике этим назначенным членом районного правления был обычно один из членов Варшавского комитета. В Мокотовском районном правлении таким членом в 1906 году был Леон (Юзеф Уншлихт).

■ Моя пропагандистская работа

В конце 1905 года или в начале 1906 года совершенно неожиданно для себя я стала пропагандистом. Случилось это так. Однажды вечером я отнесла на квартиру Недзведзю (Миттельштэдту) пачку нелегальной литературы. Я застала его в постели в тяжелом состоянии с простреленной ногой. Оказалось, что он положил в карман револьвер, не поставленный на предохранитель. Произошел выстрел. Пуля попала в колено.

Недзведзь руководил смешанным кружком, т. е. состоящим из рабочих с разных фабрик и заводов. Занятие этого кружка должно было состояться на следующий день. О том, чтобы он сам провел это занятие, не могло быть и речи. При мне пришел хирург. Осмотрев раненого, он отправил его в больницу Св. Духа, где наш товарищ пролежал несколько месяцев.

Оставить кружок без руководителя значило обречь его на развал. Недаведзя попросил меня заменить его. Я сначала отказывалась, говорила, что никогда пропагандистом не была, не подготовлена для такой работы. Но, чтобы сохранить кружок, другого выхода не было. Искать другую замену было слишком поздно. Волей-неволей пришлось согласиться. У меня не было даже возможности узнать у Недаведзя, о чем он говорил кружковцам на последнем занятии и о чем собирался говорить на следующий день. Я взяла у него только адрес, чтобы в назначенный час быть на месте.

Дома я долго раздумывала над тем, о чем мне, молодому, недостаточно опытному члену партии, говорить этим взрослым рабочим. В конце концов я решила взять за основу хорошо знакомую мне ценную книжку Ш. Дикштейна «Кто чем живет». Еще раз прочла я внимательно главу, в которой автор объясняет, на чем основана и как происходит эксплуатация рабочего капиталистом.

На другой день, несмотря на тщательную подготовку, я шла на занятие кружка как на казнь. Не знаю, заметили ли слушатели мое волнение, помню только, что сначала мне трудно было произнести хоть слово, горло было точно сдавлено чем-то.

Но, увидев, что рабочие, которых было человек 15, слушают меня внимательно и сосредоточенно, я успокоилась и со всем жаром молодости продолжала беседу. Слушатели были, видимо, довольны, потому что на следующее занятие пришли все до единого.

Этот первый свой кружок я вела до середины лета, когда мне пришлось в качестве репетитора ради заработка на время выехать из Варшавы. С тех пор пропагандистская работа стала для меня самой любимой партийной работой.

Вскоре в Варшаве были организованы две школы для пропагандистов. Одной из них руководила Станислава (Софья Гольденберг), второй — Юлия (Францишка Ляндау).

Я посещала сначала школу Станиславы, а потом вторую, руководимую Юлией. Занятия проводились нелегально раз в неделю, каждый раз в новом месте. Посещали эти занятия человек 15—20 пропагандистов.

Юлия преподавала нам политэкономю. Кроме того, на занятиях обсуждались злободневные политические вопросы. Мы самостоятельно изучали переведенные на польский язык в издании «Научной библиотеки» (издателем ее был Станислав Кухарский) книги «От утопии к науке» Ф. Энгельса, «Наемный труд и капитал» К. Маркса, «Экономическое учение Карла Маркса» К. Каутского и отдельные главы I тома «Капитала» К. Маркса на русском языке.

В конце 1906 года для пропагандистов Мокотовского района была организована партийная школа под руководством Юлиана Мархлевского,

которого я тогда впервые узнала. Эту школу посещало всего несколько человек (4—5), по-видимому в связи с тем, что революционное движение по сравнению с первой половиной 1906 года пошло на убыль. Усилились правительственные репрессии, и начался отход от партии ряда интеллигентов.

В этой школе система занятий была плая. Изучали мы также политэкономию, но каждый из нас готовил доклад на определенную тему, а Мархлевский указывал нам литературу, давал принципиальные установки во вступительном слове. С первым докладом выступил студент Варшавского политехнического института Подпалач (в последующие годы Роман — Самуил Лазоверт).

К сожалению, удалось провести всего лишь два занятия этой школы, так как Мархлевский был арестован.

В 1906—1909 годах я руководила целым рядом кружков. Некоторые из них были смешанными, другие охватывали рабочих одного определенного завода или фабрики. Смешанные кружки занимались каждый раз в новом месте, в какой-нибудь рабочей квартире, иногда в такой маленькой комнатухе, что из-за тесноты и недостатка кислорода гасла керосиновая лампочка на столе. Однажды на занятии кружка летом 1906 года в небольшой комнате рабочего собралось так много народа, что всем не хватило места. Комната была на первом этаже. Часть слушателей стояли во дворе у открытого окна и слушали там мое выступление.

Обычно в рабочих каморках не хватало стульев и некоторые стояли. Но интерес к социал-демократическому слову в 1905—1907 годах был так велик, что эти неудобства, более того, опасность ареста не отпугивали рабочих от посещений кружков.

Случались и всякие неожиданности, приводившие к срыву занятий. Однажды, например, я пришла на занятие кружка в один из домов Старого Мста. В квартире уже было несколько рабочих, и мы стали ждать прихода остальных слушателей. Вдруг открывается дверь и входит веселый вооруженный донской казак. Мы сделали вид, что пришли в гости к хозяйке, и через несколько минут стали расходиться. Нужно было встретить и предупредить других товарищей, чтобы казак не догадался, что тут собирался нелегальный кружок. Оказалось, как мы потом узнали, что у него не было никаких плохих намерений. Молодой казак просто пришел в гости к хозяйской дочери, хорошенькой девушке, к которой был неравнодушен. Кроме того, сам он находился под влиянием Военно-революционной организации. Но занятие кружка было сорвано, и немалых трудов стоило оповестить слушателей о месте следующего собрания.

В течение довольно долгого времени я вела кружок на ленточной фабрике Шевягитца на Вспульной улице. Занятия проводились прямо

на фабрике около ткацких станков. Рабочие останавливали машины, один из них дежурил у телефона, чтобы фабрикант не вызвал полицию.

Руководила я кружками на металлургическом заводе Ортвейна на Злотой улице, на арматурном заводе на Сепной улице, на ковровой фабрике на Маршалковской улице, в железнодорожных мастерских около Прушкава; в самом Прушкове вела смешанный кружок, состоявший из рабочих местного металлургического завода и рабочих карандашной фабрики Маевского; вела я также кружок в психиатрической лечебнице Творки для технического персонала этой лечебницы.

Один из моих варшавских смешанных кружков занимался на ул. Солец то в одном, то в другом доме. Среди слушателей этого кружка обращал на себя внимание своим живым интересом, полнотическим развитием не по возрасту умный шестнадцатилетний гимназист, по кличке Пиорун (Здзислав Шеринский). Он был членом СДКПиЛ с 1904 года. В 1914 году он дважды арестовывался. В 1915 году был мобилизован в царскую армию. В 1917 году его избрала в Псковский Совет рабочих и солдатских депутатов. В 1918 году он стал одним из организаторов и первым комиссаром 4-й Петроградской дивизии Красной Армии. В течение ряда лет был комиссаром организованной в Минске полштоделом 52-й дивизии Польской революционной военной школы. В 1920 году сражался на Западном фронте во 2-м корпусе кавалерии Гая, был комиссаром управлений военными школами Западного фронта, а затем — Туркестанского фронта. В 1922 году поступил в Военную академию РККА (ныне Военная академия имени М. В. Фрунзе), после окончания которой работал в Главном управлении военных училищ в Москве, а с 1933 года — директором Архива Красной Армии Советского Союза и преподавал военные дисциплины в высших учебных заведениях.

Не имея достаточной подготовки и необходимого опыта в ведении пропагандистской работы, я в своих выступлениях на партийных конференциях и позднее на VI съезде СДКПиЛ обращала внимание на необходимость разработки программы для кружков и снабжения ею пропагандистов. Не помню, когда это было, я получила программу, составленную З. Ледером (Владислав Файнштайн). Но в этой программе теория не увязывалась с практикой, не затрагивались актуальные жизненные вопросы и задачи, стоявшие перед партийными организациями. Программа эта не давала пропагандисту никаких методических указов. Совсем не нашли в ней отражения вопросы текущей политики партии, ее стратегии и тактики. Она фактически охватывала лишь вопросы политэкономии и некоторые вопросы истории французской революции. Такая программа не могла удовлетворить ни слушателей, ни нас, пропагандистов.

Однажды, придя на завод Ортвейна на занятие кружка, я застала там общее собрание рабочих. Собрание проводилось в цехе около станков. Шла горячая дискуссия между пепезовцами и членами СДКПиЛ. Сначала выступил пепезовец-интеллигент. После него от СДКПиЛ выступил Здзислав (Владислав Файнштайн — Ледер), которого и тогда слышала впервые. Мне не понравилось его выступление, хотя вообще он был хорошим оратором. В его словах была логика, но от лавительного, злобного тона оставался неприятный осадок. Такое выступление не могло убедить тех рабочих, которые сочувствовали ППС. Поэтому при голосовании резолюции, предложенной Здзиславом, голоса разделились.

Здзислав в течение долгого времени был членом Главного Правления СДКПиЛ. В апреле 1904 года во время нападения полиции на подпольную типографию СДКПиЛ он находился там вместе с Каспшаком. Не помню, сумел ли он бежать или был арестован, а затем выпущен под залог и скрылся. В 1905 году он находился в стране нелегально. В перепод реакции Здзислав был вынужден эмигрировать за границу и работал в Берлине, а в конце 1910 года и в 1911 году, — в Париже как представитель СДКПиЛ в ЦО РСДРП «Социал-Демократ».

Я встретила с ним в Швейцарии в 1918 году. Он тогда скептически относился к социалистической революции в России. Когда осенью того же года Юзеф приехал в Швейцарию ко мне и сыну, Ледер виделся с ним и под его влиянием изменил свое отношение к Советской власти. Ф. Э. Дзержинский помог ему приехать в СССР, где он вступил в ряды ВКП(б). Под руководством Дзержинского Ледер работал в Высшем Совете Народного Хозяйства (ВСНХ).

Летом 1906 года меня выбрали в Мокотовское районное правление. Одновременно со мной в районное правление были выбраны Вир (Феликс Миних) и Тадеуш (Франциск Горский).

Мы собирались тогда почти ежедневно, часто в комнате Вира где-то на Желязой улице. Все трое мы крепко подружились.

Вир, высокий, худой, с изможденным от тяжелой жизни и болезнью лицом, изрытым оспой, был прекрасным организатором, очень энергичным и деловым. Он отличался скромностью и большим тактом. В этом почти сорокалетнем рабочем была какая-то детская простота и искренность. Это был человек необыкновенно чистой души.

После третьего ареста осенью 1906 года и нескольких месяцев тяжелого одиночного заключения в форте Варшавской цитадели он был освобожден с условием немедленного выезда за границу. Он уехал в Краков, где жил впроголодь. Через год нелегально вернулся в Королевство Польское и снова целиком отдался партийной работе. В 1910 году его подкосила чахотка, которой болела вся его семья. Он не мог больше работать, медленно угасал и вслед за своими сестрами и младшим братом умер в Варшаве в 1912 году.

Тадеушу тогда было 20 лет. Это был человек необычайно благородного характера. Когда его вместе с другими товарищами арестовали осенью 1906 года на Мокотовской бирже, он взял на себя всю ответственность за обнаруженные там полицией нелегальные материалы, в том числе за тетрадь, в которую мы записывали требования с фабрик и заводов на присылку агитаторов, пропагандистов и организаторов для ведения партийной работы среди рабочих. Были там также записки, сделанные рукой Тадеуша.

Благодаря такому поведению Тадеуша при аресте и допросах жандармы не смогли предъявить обвинения никому из арестованных и все, кроме него, были через несколько месяцев освобождены или административно высланы. Зато сам Тадеуш был предан военному суду и приговорен к 4 годам каторги. После отбытия каторги его оставили в Иркутской губернии на вечное поселение.

Когда весной 1912 года я встретилась с ним в Сибирь, он оказался сторонником меньшевиков.

Из ссылки его освободила Февральская революция 1917 года. Он остался в Сибири, работал по линии Центросоюза в Новосибирске. В начале 20-х годов вступил в ряды ВКП(б).

V съезд СДКПиЛ в Закопане

18—25 июня 1906 года состоялся V съезд СДКПиЛ. На этом съезде присутствовали 52 делегата с решающим голосом и 13 делегатов с совещательным. Они представляли 56 организаций, объединявших около 30 тыс. членов партии. Из руководителей СДКПиЛ на съезде были только Дзержинский, Ганецкий, а также Ю. Мархлевский как представитель редакции центрального органа партии. Роза Люксембург, Тышка и Варский в это время находились в тюрьме. ЦК РСДРП представляли бундовец Леон Гольдман и меньшевик Отто Ауссем. От редакции большевистской газеты «Вперед» по приглашению Главного Правления СДКПиЛ в работах съезда участвовал поляк Вацлав Воровский.

С отчетным докладом от Главного Правления выступал Юзеф. Этот доклад был позднее издан в виде отдельной брошюры¹.

Съезд единогласно принял следующую резолюцию по вопросу слияния СДКПиЛ с РСДРП:

«V съезд СДКПиЛ одобряет и приветствует слияние нашей партии с РСДРП.

¹ В русском переводе доклад этот опубликован в кн.: Ф. Э. Дзержинский, Избранные произведения, т. I, М., 1957, стр. 95—117.

В связи с тем что в партии существуют два течения, которые все сильнее себя проявляют, съезд выражает уверенность, что участие нашей организации в общепартийной жизни будет иметь тем большее значение».

Съезд высказался за созыв чрезвычайного съезда РСДРП в связи с тем, что избранный на IV (Объединительном) съезде партии ЦК, в котором преобладали меньшевики, не отражал взглядов большинства членов партии.

После V съезда СДКПил Юзеф руководил работой Варшавской, Лодзинской, Ченстоховской межрайонных конференций и выступал там с докладами об итогах V съезда СДКПил.

В августе — октябре этого же года Юзеф находился в Петербурге, где принимал активное участие в заседаниях ЦК РСДРП. Он энергично боролся против меньшевиков, участвовал в работе большевистской фракции, поддерживал требования большевиков о созыве чрезвычайного съезда РСДРП.

* *
*

В конце декабря 1906 года лодзинские фабриканты, ободренные усилившимся террором царских властей, решили отнять у рабочих добытые ими в борьбе завоевания (сокращение рабочего дня, увеличение заработной платы, право собираться на заводах и фабриках и др.) и объявили локаут. 30 тыс. рабочих оказались выброшенными на улицу; 100 тыс. человек были лишены средств к существованию. СДКПил призывала рабочих не идти на уступки. Была создана специальная социал-демократическая локаутная комиссия, а также межпартийная и межсоюзная локаутные комиссии, которые собирали средства среди рабочих Варшавы и других промышленных городов для оказания помощи локаутированным лодзинским рабочим. Знаменательно, что на помощь лодзинским рабочим поспешили прийти Центральное бюро петербургских профсоюзов и петербургский союз текстильщиков. Они обратились с призывом к российским рабочим оказать помощь лодзинским братьям. Обращение их заканчивалось словами: «Дело лодзинских рабочих — это дело рабочих всей России! Да здравствует пролетарская солидарность! Жертвуйте, товарищи, в пользу лодзинских рабочих!»

Все мы глубоко переживали трагедию лодзинских рабочих. Не было такого собрания, где бы не пускались по кругу подписные листы в пользу локаутированных. Рабочие Варшавы делились последним, чтобы поддержать лодзинских братьев.

Осенью 1906 года царские власти приступили к массовым репрессиям, преследуя социал-демократические организации в Варшаве, Лодзи и других городах Королевства Польского. Первый массовый арест в Мокотовском районе Варшавы, где я тогда работала пропагандистом, произошел в ноябре.

В пасмурный ноябрьский день на биржу Мокотовского района на Вспульной улице внезапно нагрянула полиция. Она застала человек двадцать — двадцать пять. Еще не все товарищи успели собраться. Остальных спас солдат, который, видимо, сочувствовал революционерам. Когда я вошла во двор дома, где во флигеле проводилась биржа, я не заметила ничего, что говорило бы об опасности. Перед входом во флигель и на лестнице было «чисто». Я поднялась на второй этаж, проверила номер квартиры и толкнула дверь. Перед самым моим носом ее захлопнул вооруженный солдат, который довольно грубо, но спасительно шепнул: «Иди вон!»

Я инстинктивно поняла, что произошло, тем более что в щели неплотно прикрытой двери успела заметить кроме солдата и знакомых мне лиц нескольких товарищей также мундиры жандармов и полиции. Что есть духу сбегала я вниз и только тогда увидела во дворе около одного из окон флигеля спокойно прохаживавшегося солдата с винтовкой. Боясь вызвать его подозрение, я размеренным шагом вышла на улицу. Там я начала ходить взад и вперед, чтобы предупредить товарищей, которые еще могли прийти. Действительно, через несколько минут с одной, а затем и с другой стороны подошли товарищи. Оставив одного из них в карауле, я поскорее поехала по известным мне адресам захваченных товарищей, чтобы навести у них дома «порядок», т. е. убрать из их квартир нелегальную литературу, пока полиция не явилась с обыском.

Среди арестованных были и мои друзья — товарищи Вир и Тадеуш. Накануне мы договорились, что они оба придут к самому началу биржи, а я немного запоздаю, так как в это время у меня был урок. Поэтому я сразу же заторопилась на Железную улицу, где жил Вир со своим братом, и велела последнему очистить квартиру от нелегалщины. Потом побежала на Твардую улицу, на квартиру одной из наших партненок, лицо которой мелькнуло передо мной в дверной щели. Затем — на Сенную улицу, где вместе с родителями жил Тадеуш. Я застала дома мать и отца, для которых сообщение об аресте сына было полной неожиданностью. Отец Тадеуша был директором завода Ортвейна и не разделял взглядов сына. Мать же, хоть и не понимала сути, но материнским инстинктом чувствовала правоту дела, за которое борется ее сын, и сочувствовала ему. Поэтому она сразу же стала мне помогать наводить «порядок» в его вещах. Потом она самоотверженно заботилась о сыне, когда он сидел

в фортах крепости, а затем в Павнаке и Арсенате, и даже ездила навещать его в Сибирь.

Выйдя из квартиры Тадеуша, я обошла еще несколько квартир товарищей, предупреждая о провале и арестах.

Это был первый провал, который так больно и непосредственно коснулся моей организации. Я была потрясена. Из наших рядов выбыло много хороших, деловых товарищей. Как работать дальше?

Через несколько дней такал же судьба постигла и Попонковскую биржу. Но наши партийные организации были довольно гибки, и в течение двух-трех дней они были восстановлены. Кое-кто из пропагандистов избежал ареста, кооптировали новых членов в районное правление, достали новые адреса, и Мокотовская, а вслед за ней и Повонковская биржи снова начали работать бесперебойно.

Через несколько недель Мокотовская биржа провалилась вторично. Снова сократился партийный актив, но организация была еще настолько жизнеспособна, что опять восстановилась через несколько дней, и хотя с большими трудностями (труднее было найти квартиру для биржи, новые представители фабрик и заводов были менее подготовлены, менее опытные и т. д.), но все же продолжала работать.

31 декабря 1906 года вечером, накануне Нового года, мы собрались на биржу за Мокотовской заставой, на улице Далекой, в доме № 4. Это был небольшой деревянный двух- или трехэтажный угловой дом по двору, окруженный забором. Биржа проходила на первом этаже в маленькой комнатке одного рабочего. Комнатка эта была одновременно и кухней.

Собралось нас около 30 человек. У столлика, освещенного керосиновой лампочкой, была толкучка. Каждый торопился поскорее решить свой вопрос с представителем районного правления и уйти домой после целого дня утомительной работы: канун Нового года, нужно успеть забежать в магазины, закупить продукты. На следующий день, в Новый год, все магазины будут закрыты.

На столике лежала тетрадь, куда записывались все заявки, все вопросы, которые нужно решить, партийные клички товарищей, которым поручалось выполнение соответствующего задания.

Предусмотрительная хозяйка разожгла огонь в плите, чтобы в случае надобности можно было сжечь все нелегальное. Перед домом на улице дежурил по поручению матери двенадцатилетний сынишка хозяев, охраняя нас от внезапной опасности.

Работа биржи была в полном разгаре, когда вдруг вбежал этот мальчонка с пронзительным криком: «Полиция!» Все сорвались с места, выбежали в сени и во двор. Мы надеялись, что нам удастся выскочить на улицу и, пользуясь темнотой, скрыться. Но мы были со всех сторон окружены. Полиция и солдаты уже входили во двор. Мы разбежались по двору во все стороны. Одни, в том числе и я, добежали к какой-то дере-

виной будке, которая оказалась уборной, другие побежали по лестнице на верхний этаж, третьих полиция схватила во дворе, когда они пытались проскочить на улицу.

В комнатке-кухне полиция, кроме хозяев, не застала никого. Хозяйка, не потерявшая присутствия духа, успела бросить в огонь нашу тетрадку с опасными записями и пометками. Но в комнате все же остались «вещественные доказательства», указывающие на то, что здесь только что было много народа: в углу около дверей на полу лежало свыше десятка пар галош. В спешке никто не подумал о галошах, хотя в Варшаве, как обычно в эту пору, снег сменялся слякотью и грязью. Хозяйка, занятая уничтожением нелегалщины, или не заметила, или же не успела спрятать галоши.

Не найдя никого из нас в комнате, полиция и шпики разбежались по всему двору, обыскали каждый уголок, всех нас обнаружили и привели обратно в помещение, где проходила биржа. Сколько же было смеха, несмотря на то что обстановка была вовсе не из веселых, когда мы увидели на полу... кучу предательских галош.

Милая наша хозяйка взглядом дала нам понять, что тетрадь наша сгорела дотла, пока полиция гонялась за нами по двору. А это было важнее всего, так как всякую имевшуюся при себе нелегальную бумажку: листовку, квитанцию об уплате членских взносов, записку или конспиративный адрес — каждый постарался уничтожить или проглотить прежде, чем был схвачен.

Обыскав всех присутствующих, записав фамилии, имена и адреса, нас отвели в полицейский участок, а оттуда в тюрьму в Ратушу.

Это был мой первый арест. Помню, что в течение нескольких часов я не могла освоиться с мыслью, что не попаду домой, что там отец, вернувшись с работы, чтобы встретить Новый год в кругу семьи, будет напрасно меня ждать и беспокоиться, теряясь в догадках, что со мной случилось. Не желая волновать отца, постоянно предупреждавшего моего старшего брата Стаислава, чтобы он не занимался политикой, я ничего не говорила в семье о моей принадлежности к СДКПнП и о партийной работе. Мой арест и обыск, который жандармы, несомненно, сделали ночью в нашей квартире, свалятся на отца как гром среди ясного неба. Эти мысли терзали меня неустанно. Из участка, где мы встретили новый, 1907 год, запертые в железной клетке, я послала с одним из солдат отца маленькую записку, сообщая о случившемся и успокаивая его.

В Ратушу нас привели поздно ночью. Не помню, велили ли нас сначала, как это обычно делалось, на предварительный допрос в охранку, которая помещалась в том же здании, или же сразу в тюрьму. Помню только, что около трех или четырех часов ночи я оказалась вместе с несколькими своими товарищами-женщинами в довольно широком, темном,

холодном и нестерпимо вонючем тюремном коридоре. Отпратительная надзирательница с треском захлопнула за нами железные двери, напоминая этим, что мы за решеткой. Снова обыскав нас, она вышла.

В этом вонючем, темном, холодном коридоре мы провели ночь. Утром опять явилась надзирательница и отперла нам камеру. Из камеры пахнуло еще более отпратительной вонью. Этот смрад преследовал нас все время, пока мы находились в Ратуше. Камера была рассчитана человек на 30, а сидело нас там свыше 100 человек: уголовные и проститутки вместе с полпозаклоченными.

Камера была неопикуемо грязна. Годами ее никто не убирал. Стены, ободранные и облезлые, были покрашены до половины в черный цвет. Потолок и верхняя часть стен, когда-то белых, были темно-серыми от грязи. Окна с решетками, почти полностью закрытые снаружи жестяными листами, были так грязны, пропускали так мало света, что в нескольких шагах от окна ничего не было видно. По вечерам, бесконечно длинным, камера освещалась одной маленькой керосиновой копилкой, помещенной в коридоре над дверью. Свет от нее просачивался через грязное оконце величиной с тетрадку. Отовсюду свисала черная от копоти паутина. Дощатый пол был черен от грязи. Посреди камеры находились нары — единственная мебель, не считая параш, стоявшей у двери. Ночью камера не отпиралась и в уборную не выпускали. Нары имели форму огромного стола, разделенного посередине чем-то вроде вешалки. На нарах были разложены в два ряда грязные тюфяки, в которых солома годами не менялась. Спали по обе стороны «вешалки» головами друг к другу.

Нары были рассчитаны только на 30 человек. Когда мы вместе с Камельгар, молодой швей, пришли в камеру, там находилось уже свыше 70 человек. Политических среди них было всего человек 10. Все политические занимали места на нарах друг около друга, ближе к окну. Там же поместились и мы. Спали в такой тесноте, что на спину лечь было невозможно. Лежали боком, вплотную, прижавшись друг к другу как селетки в бочке. Нельзя было и повернуться на другой бок. Если кто-нибудь хотел подняться или хотя бы пошевелиться, то волей-неволей будил всех остальных. Нары и вся камера были полны клопами, хватало и других паразитов.

И все же мы на нарах были в привилегированном положении. Камера ежедневно заполнялась все больше и больше. Вновь прибывшие уже не могли втиснуться на нары и вынуждены были спать на соломенном тюфяке прямо на грязном полу, кишящем паразитами, мышами и даже крысами. Вещи некуда было положить. Обувь на ночь прятали под сеник в изголовье, чтобы не украли.

В Ратуше не было двора, куда заключенные могли выходить на прогулку. Поэтому прогулок вовсе не было. Вместо этого открывали на час двери камеры и разрешали гулять по коридору. Гнилой, отравленный зло-

вопиями воздух камеры пзнурил, доводил до головокружения и тошноты. Ни в одной из тюрем, в которых мне позднее пришлось сидеть в Варшаве и России, не было такого пропитанного зловониями воздуха, как тогда в Ратуше. Но самым страшным местом была уборная. Туда просто невозможно было войти. Весь пол на несколько дюймов был покрыт нечистотами! Мы не ели по несколько дней, чтобы до минимума ограничить необходимость посещения этой клоаки. Не трудно также представить себе, как выглядели коридор и камера в связи с таким состоянием этой уборной.

Почти ежедневно прибывали новые товарищи. Среди них оказалась и Елена Брыл (потом по мужу Бобинская), писательница, в то время член СДКПнЛ. Товарищи эти приносили нам печальные вести: массовые аресты ширились по всем районным партийным организациям Варшавы. Захватили опи и членов руководящих партийных инстанций.

Во время часовой прогулки по коридору нам иногда удавалось связаться с кем-нибудь из товарищей, сидевших на втором или третьем этажах. В первые же дни моего пребывания в Ратуше я с ужасом узнала, что в общей камере над нами сидит Юзеф. Весть о его аресте, о том, что он находится в этом аду, подействовала на нас угнетающе. Тем более удручало нас это сообщение, что мы не знали, при каких обстоятельствах он был арестован и что ему угрожало.

Только через несколько дней мы узнали, что его арестовали во время рождества в хорошо знакомой мне квартире Красного на Слизкой улице. Арестован Красного, полиция устроила там трехдневную засаду. Сам Красный тоже сидел в Ратуше. Больше ничего нам не удалось узнать, а это не давало повода для успокоения.

Вот что в своих воспоминаниях о пребывании Юзефа в Ратуше пишет Красный: «Трудно описать, что творилось в те времена (1906—1907 гг.) в знаменитой варшавской Ратуше. В камере, где было места всего на 10 человек, сидело 60 и больше. Люди спали попеременно. Ложились по очереди. Были избранные судьбы, которым удавалось провести ночь, сидя на параше. Канцелярия и камеры для женщин в Ратуше размещались на первом этаже, общие мужские камеры были на втором этаже, на третьем помещались небольшие камеры и одиночки...

Тов. Дзержинский немедленно после прибытия в тюрьму наладил связь с товарищами из женского отделения. Они сидели в худших, чем мы, условиях¹.

Он ходил на кухню за обедом, таскал ведра с водой, таким образом по пути связывался с товарищами.

¹ Худшие условия заключались в том, что мы сидели вместе с уголовными, в то время как политические заключенные мужчины, которых было значительно больше, чем нас, сидели хоть и на одном этаже с уголовными, но в разных камерах.

Но через несколько дней Ф. Э. Дзержинского, меня и трех бундовцев с совещания¹ перевели на третий этаж. Это было результатом хлопот товарищей, находившихся на свободе. На третьем этаже в Ратуше сидела «аристократия». Тех заключенных, которых там держали, считали очень опасными, поэтому Дзержинскому не разрешили больше ходить на кухню, и связь с остальными товарищами была прервана.

Однако без дела Дзержинский не умел сидеть даже в тюрьме. Он и там занимался кипучей деятельностью, не гулял при этом никакой работой. Красный вспоминает о том, что произошло после перевода их на третий этаж:

«Мы увидели страшно грязную камеру. Грязь залепила окно, свисала со стен, а с пола ее можно было лопатой сгребать. Начались рассуждения о том, что нужно вызвать начальника, что так оставлять нельзя и т. д., как это обычно бывает в тюремных разговорах.

Только Дзержинский не рассуждал о том, что делать: для него вопрос был ясен и предпринят. Он начал переговоры с надзирателем Сергеевым, потребовал горячую воду, щетку для скребки и тряпку. Сергеев стал торговаться: можно, дескать, мыть и холодной водой, а щетки вообще нет. Все же Дзержинский настоял на своем. Прежде всего он снял сапоги, засучил брюки до колен, пошел за водой, принес щетку. Через несколько часов в камере все: пол, двери, стены, окно — было чисто вымыто. Дзержинский работал с таким самозабвением, как будто уборка эта была важнейшим партийным делом. Помню, что всех нас удивила не только его энергия, но и простота, с какой он работал за себя и других».

Дальше Красный вспоминает, что, когда через некоторое время их перевели в следственную тюрьму Паппак, «Дзержинский организовал там школу, разделенную на 8—10 групп. Преподавал там все, начиная с азбуки и кончая марксистской теорией в зависимости от научной подготовки. Этой школой он был занят по 5—6 часов в день, следил, чтобы ученики и лекторы собирались в определенное время и в определенном для них месте, чтобы учеба проводилась регулярно. Сам себя он называл инспектором.

Это была очень сложная работа. Школа держалась не только благодаря авторитету Дзержинского, но и благодаря его организаторским способностям и энергии».

Я просидела тогда в Ратуше несколько недель. В течение всего этого времени у нас были постоянные стычки с начальником тюрьмы — жирной свиньей, невероятным взяточником и негодяем Куракиным. Столкновения были из-за киятка, которого давали для чая слишком мало, из-за

¹ Совещание по вопросу выборов во II Государственную думу, на котором был арестован Красный.

грязи в уборной и камере, из-за света, так как часто вовсе не зажигали континку и камера с четырех часов пополудни до утра тонула в непроглядной тьме. Время мы коротали за пением революционных песен, которые охотно слушали и уголовные. В нашей среде политических, разумеется, царила коммуна.

Однажды нас в камере посетила, вероятно по просьбе Юзефа, Стефания Семполовская. Это была очень большая радость, так как она принесла нам газеты и книги, вести и передачи с воли.

Меня освободили из Ратуши совершенно неожиданно в результате хлопот матери одной из моих учениц — Ротмилы. Добиться этого ей удалось благодаря следующим обстоятельствам. Мое «работодателя» Ротмилу возвращались как-то из-за границы в одном купе с тогдашним обер-полицеймейстером Варшавы Мейером. Мейер за границей растратил все деньги (возможно, и казенные) и был без гроша. Не знаю, попросил ли сам Мейер деньги взаймы у Ротмилы или последний предложил ссудить незадачливому игроку, но только Ротмиль выручил обер-полицеймейстера в тяжелой минута. Мейер в знак благодарности за данные ему взаймы 100 или 200 рублей сказал Ротмиле, чтобы он обратился при надобности к нему, и он выполнит любую его просьбу. Так вот жена Ротмилы, которая, конечно, ничего не знала о моей принадлежности к СДКПшЛ и относилась ко мне очень хорошо, отправилась к Мейеру и уверила его, что я «не виновна», что попала я случайно. А так как я при мне, я у меня дома во время обыска ничего нелегального найдено не было. Мейер, видимо, поверил Ротмиле и велел выпустить меня из тюрьмы.

Вскоре после моего освобождения я узнала, что мои товарищи из Мокотовского района — Вир, Тадеуш и др. — находятся в фортах Варшавской цитадели. В то время там были очень тяжелые условия. Нужно было помочь этим товарищам. Свиданий в фортах не разрешали. Там царил голод и холод. Передачу принимали раз в неделю в открытом поле перед цитаделью. Ежедневно вместе с матерью Тадеуша мы ездили к фортам, чтобы передать нашим заключенным немного пищи смену белья. В ту зиму морозы стояли свирепые. В ожидании прихода тюремного начальства часами приходилось стоять в очереди на холоде перед расставленными в поле столами, где проверялась передача. Самоуправство царило там невероятное. Случалось, что люди бесполезно ждали и мерзли до темной ночи и только тогда им объявляли, что «сегодня приема передач не будет».

Невыразимо тяжело было возвращаться домой с мыслью, что там голодные, прозябшие товарищи напрасно ждут проявления внимания и помощи с воли. А когда удавалось вручать передачу, то и тогда не было уверенности, что ее отдадут в неприкосновенном виде заключенным. Подтверждения в получении передачи мы никогда почти не имели. Только изредка удавалось тайно переправить в коробке с папиросами или в хлебе

маленькую записочку и получить такой же ответ, запечатанный в возвращаемом для стирки белье.

Через несколько месяцев Вир был административно выслан за границу, а Горского перевели в следственную тюрьму в Павнак, где дело о нем передали в военный суд.

Я посещала Тадеуша несколько раз и в Павнаке. Свидания происходили там в то время уже за двумя решетками, между которыми прохаживался жандарм или стражник. Одновременно давалось свидание семи-восьми заключенным. Расстояние между решетками было довольно большое. Свидания продолжались всего 10 минут. Говорили все одновременно, стараясь перекричать друг друга. В комнате для свиданий поэтому стоял такой крик, что трудно было что-либо понять. Во время одного из таких свиданий с Тадеушем я вдруг услышала знакомый, звучный голос и разительный смех. Я посмотрела в ту сторону и увидела в третьем от меня проеме решеток бледное, но улыбающееся лицо... Юзефа. Мне удалось улучшить минутку, когда карауливший нас стражник чем-то отвлекся, и подойти поближе. Мы обменялись с Юзефом через решетку несколькими словами.

Он был оживлен, в хорошем настроении и подшучивал над каким-то товарищем, который, не слыша из-за невероятного шума, что ему говорят, совсем повесил нос на кивнуту. Юзеф стал посредничать в его разговоре и делал это так остроумно, что все рядом стоящие заключенные и их посетители хохотали. Он сумел разрядить тяжелое настроение, господствовавшее в тюрьме, где редко удавалось сказать друг другу то, что хотелось. Вид полного энергии и жизнерадостности Юзефа и несколько слов, услышанных из его уст, влияли бодрость, способствовали новому подъему в работе товарищей.

На этом же свидании у одной из перегородок я увидела также Адольфа Варского, который был арестован в 1906 году.

После того как Тадеуша приговорили к каторге, его перевели в Арсенал. Мы с его матерью приходили и сюда к нему на свидание. Однажды он прислал мне тайную записку с сообщением, что несколько его товарищей, приговоренные к многолетней каторге, готовят побег. Они собирались перепилить кандалы и решетки на окне своей камеры, выходящем на улицу. Они просили прислать пилки от лобзика, а также вешний план Арсенала с указанием, где стоят часовые.

Я купила пилки, как сумела нарисовала план и все это положила в картонную коробку с папирсами между прокладками специально сделанного двойного дна. Прокладки крепко склеила. Матери Горского я ничего не сказала об этом, чтобы ее не волновать. Но сама я испытала немало страха, когда стражник проверял передачу и заглянул в коробку с папирсами.

Не раз уже удавалось пересылать Тадеушу таким способом запретные записки. Но на этот раз опасность была несравненно больше и для него и для меня. К счастью, все кончилось благополучно. Коробка со всем содержимым попала в руки Тадеушу. Однако пилочки и план Арсенала не были использованы. Этих товарищей гораздо раньше, чем предполагалось, отравили на каторгу куда-то в Сибирь. Тадеуша позже отправили в Александровскую каторжную тюрьму около Иркутска.

Однажды, ожидая у ворот Павиака свидания с Горским, я познакомилась с одним из самых старых членов СДКППЛ — Яном Росолом. В те времена он уже не вел активной работы в партии, но заботился о наших товарищах, брошенных в тюрьму. Он приносил им из ближайшей столовой еду.

Вернувшись из тюрьмы, я застала моковтовскую организацию разгромленной. Из осторожности мне пришлось в течение нескольких недель избегать встреч с товарищами. Убедившись, что за мной нет слежки, я снова начала работать в Моковтовском и Вольском районах, где партийная организация также сильно поредела. Затем я стала работать в железнодорожных мастерских около Прушкова и в самом Прушкове под Варшавой. Летом 1907 года я несколько раз ездила по партийным делам в Гродзиск и в Жирардов.

По совету товарищей я заменила свою партийную кличку Чарна на Богдана.

В Прушкове

В связи с моим арестом в семье отца наступил кризис. Теперь уже всем было ясно, где я пропадаю по целым дням до поздней ночи. Мачеха стала из-за меня устраивать скандалы отцу, который ни разу не сделал мне ни малейшего замечания, ни упрека за причиненные огорчения и беспокойства. Он всегда защищал меня перед мачехой. Дошло до того, что она потребовала развода, поставив вопрос ребром: «Или я, или она». Отец, огорченный, не желая бросать на произвол судьбы ее и малолетнего сына, не знал, что делать.

Мне давно уже хотелось уйти из дома, где царил такая тяжелая атмосфера. Из-за этого я никогда не могла пригласить к себе никого из своих товарищей. Можно было нарваться на неприятности со стороны мачехи. Не ухаживая я исключительно из-за отца, который меня очень любил. Для него мой уход был бы тяжелым ударом.

Но вот однажды отец поделился со мной своими огорчениями и повторил слова мачехи: «Или я, или она». Конечно, я в тот же день ушла из дома. Однако это не облегчило жизни моему бедному отцу. Утешением для него было лишь то, что, несмотря на мое пожелание встречаться с мачехой, я все же навещала его каждое воскресенье. Старалась я воздей-

ствовать и на избалованного младшего двенадцатилетнего брата Чеслава и помогать ему в учебе.

Первую ночь вне дома я провела у своей гимназической подруги Софьи Смоларской, которая, не будучи революционеркой сама, все же сыграла немалую роль в том, что я вступила на революционный путь. Как я уже упоминала, именно от нее в 5-м или 6-м классе гимназии я впервые услышала слово «социализм», сказанное с большим благоговением.

На другой день после ухода из отцовского дома я поехала в Прушков. Секретарь прущиковской организации СДКППЛ Млот (Кароль Маллцкий) предложил мне поселиться в одном из рабочих домов в Прушкове. В этом же доме жил и он сам. Я охотно согласилась, тем более что благодаря Маллцкому получила преподавательскую работу в прущиковском филиале «Университета для всех». Это была легальная культурно-просветительная организация, основанная при активном участии СДКППЛ. Комнатка, куда я перебралась, была дешевой, занятия в университете отнимали у меня всего лишь по нескольку часов три раза в неделю. Оставалось, таким образом, достаточно времени для партийной работы. Кроме того, я освободилась от поездок по железной дороге, во время которых легко было обратить на себя внимание шпииков, постоянно окопавшихся на вокзалах в Варшаве и Прушкове.

В Прушкове я по-прежнему вела пропагандистскую работу среди рабочих металлического завода, карандашной фабрики Маевского и среди обслуживающего персонала психиатрической лечебницы в Творках. Кроме того, я руководила смешанным кружком рабочих мелких мастеровских, находившихся в Прушкове. Вместе с Млотом мы использовали «Университет для всех» для организации по воскресеньям докладов на антирелигиозные и политические темы, для которых я приглашала товарищей из Варшавы.

Кроме Млота из прущиковских рабочих помню безгранично преданного партии товарища металлиста Рутковского, который вместе с матерью жил в маленькой комнатухе. В период черной реакции этот скромный герой не боялся оказывать партии услуги в самых опасных делах. Он держался дольше других, но в конце концов в 1909 году и он был арестован. У него при обыске нашли нелегальную литературу и квитанционную книжку для партийных взносов. Его приговорили к шести годам каторги. Старушка мать осталась одна, без всяких средств к существованию. Ей помогали товарищи сына. Помогала ей и я, сколько могла, пока не была сама арестована. Что случилось с ней потом — не знаю.

Однажды летом 1907 года ко мне в Прушков неожиданно явился Мартин вместе с Кларой (Софья Фиялковская — Громковская), которой он устроил побег из какой-то провинциальной тюрьмы. Над Кларой

появилась угроза смертной казни, кажется в связи с участием в ликвидации какого-то провокатора. Нужно было ее укрыть до времени, пока Мартин организует безопасный проезд через границу. Моя комнатунка, куда никто (кроме Млота, да и то редко) не заходил, была довольно безопасным пристанищем. Через несколько дней Мартин появился снова, и Клара, получив от него деньги и «левый» паспорт, благополучно переехала через границу.

СДКПиЛ на V съезде РСДРП

В конце апреля или в начале мая 1907 года я принимала участие в варшавской межрайонной конференции СДКПиЛ, которая проходила в лесу в Милиянувке, под Варшавой. Я тогда впервые видела лес такой ранней весной. Вид этого леса с массой белых цветов ночных фиалок, их одуряющий аромат навсегда остались у меня в памяти.

На конференции в Милиянувке мы избрали от варшавской организации СДКПиЛ делегатов на V (Лондонский) съезд РСДРП.

На этом съезде, который проходил 13 мая — 1 июня 1907 года, 25 тыс. членов СДКПиЛ были представлены 44 делегатами (из общего числа 336 делегатов съезда). По основным вопросам: отношение к буржуазным партиям, о Думе, о рабочем съезде — делегаты СДКПиЛ шли вместе с большевиками. Однако польские делегаты допустили примпренчество при оценке съездом работы меньшевистского ЦК РСДРП, а также оценки деятельности социал-демократической думской фракции.

Насколько я знаю, внутри самой польской делегации были разногласия по некоторым вопросам и на ее заседаниях шла острая борьба. Часть делегатов из рабочих стояли ближе к большевикам, чем участвовавшие в работе съезда руководители СДКПиЛ Роза Люксембург и Тышка.

На Лондонском съезде в члены ЦК РСДРП были выбраны два члена СДКПиЛ и в кандидаты — три ее члена. В члены ЦК РСДРП был заочно избран Ф. Э. Дзержинский, находившийся тогда в тюрьме.

О позиции Юзефа после V (Лондонского) съезда РСДРП рассказывает в своих воспоминаниях Станислав Бобинский:

«Когда я с ним встретился в 1908 году уже за границей, то не раз слышал от него страстную защиту большевизма. В Кракове в своей скромной комнатке он зачитывался большевистской литературой. Хотя о разногласиях и спорах внутри Главного Правления он не имел привычки говорить, все же однажды у него вырвалось, что мы слышим дипломатичнее по отношению к большевикам. Он имел в виду V съезд в Лондоне и нашу политику в ЦК после этого съезда. Я также хорошо помню, что в партийных кругах уже тогда Юзефа считали легионцем».

Через несколько дней после окончания Лондонского съезда, 4 июня, Юзеф был освобожден из Павнака под залог.

На следующий же день после выхода из тюрьмы он пришел в Павнак на свидание к целый час стоял у решеток, беседуя с товарищами, оставшимися в заключении, и с их семьями.

Царские власти потребовали от Юзефа, чтобы он указал место, где будет проживать. Они собирались установить над ним полицейский надзор. Юзеф указал Дзержинову в бывшей Виленской губернии — место своего рождения. Но вместо Дзержинова поехал в Люблинскую губернию, в Былонги, около Казимежа, к своему брату Игнацу. Там его окружили заботой и создали условия для отдыха, в котором Юзеф после тюрьмы очень нуждался. Отдохнув несколько недель, он снова вернулся к партийной работе.

В Варшаву ему являться было нельзя, поэтому он работал в провинции, в том числе в Лодзи.

3—5 августа 1907 года он принял участие в работах третьей конференции РСДРП в Котке, в Филяндии, а 18—25 ноября — в четвертой конференции РСДРП в Гельсингфорсе.

В сентябре того же года он был в Лодзи, откуда выслал в Берлин Главному Правлению свое известное письмо от 23 сентября о расстреле генерал-губернатором Казнаковым группы лодзинских рабочих без суда и следствия.

22 сентября 1907 года Юзеф руководил конференцией Верхнего (Гурного) района СДКПил в Лодзи, потом был в Ченстохове и Домбровском угольном бассейне.

В Варшавском подполье (1907—1908 годы)

1 сентября 1907 года я начала работать в семиклассной железнодорожной женской школе Варшавско-Венской железной дороги, пачальницей которой была Софья Матысек. Преподавала я там математику в 1—4 классах. Дела в школе было много, а по вечерам — партийная работа. Поселилась я снова у Зоси Смоларской на Хмельной улице, в доме № 50, где у нее был зубо врачебный кабинет. Работая в школе, я продолжала ездить в Прушков и руководить там кружками.

В то время я познакомилась с товарищем, руководившим центральной партийной техникой, — Фелпсом (Радомским, настоящая его фамилия, если не ошибаюсь, была Цедербаум). Торговый служащий, очень ловкий, изобретательный и находчивый, он как нельзя лучше подходил для такой работы. Он умел вовремя явиться в легальную типографию, где нелегально печатался «Червоный Штандар», быстро и незаметно

вывести весь тираж на партийный склад, без задержки разослать литературу в провинцию, развезти ее в указанные места в Варшаве.

В 1908—1909 годах он приносил мне гранки «Червоного Штандара» и прокламации для корректуры, а готовые отвозил обратно в типографию. Радомский рассказал мне, что первые экземпляры отпечатанных партийных изданий он всегда посылает по почте варшавскому генерал-губернатору, чтобы тот знал, что, несмотря на аресты и разгром организации, мы живем и действуем. Я сердилась на него за это ухарство, доказывала ему, что если губернатор узнает о нашей нелегальной печати раньше, чем она будет доставлена партийным организациям, то можно ждать провала. Но мои слова и убеждения не действовали, он продолжал делать по-своему, а литература наша, как ни странно, продолжала благополучно издаваться и распространяться.

Много позднее в Советском Союзе, куда Радомский приехал уже после смерти Феликса Эдмундовича и где он работал на довольно ответственном посту в таможене, он говорил мне, что в 1908 году жил одно время в Варшаве вместе с Юзефом. Когда ему удалось быстро и хорошо выполнить какое-нибудь трудное и опасное поручение Юзефа, тот в восторге хватал его в охапку, прижимал к себе, целовал и кружился с ним по комнате, весело напевая. Радомский горячо любил Юзефа.

Радомский был мало начитан, плохо разбирался в партийной стратегии и тактике, но ненавидел царизм и буржуазию и был до мозга костей предан партии. За несколько лет до войны с фашистской Германией его командировали за границу, больше я его не видела.

В конце января 1908 года Юзеф приехал в Варшаву. Это был необычайно трудный период самой черной реакции. Партийная организация была совершенно разгромлена. Тюрьмы переполнены. Неустойчивые элементы отошли от партии. В Варшаве среди партийного актива, который посещал Центральную биржу, осталось не больше шести-семи человек. С трудом встречались мы два-три раза в неделю, с трудом находили квартиры для новых встреч. Царила апатия. Работа шла вяло.

Но вот неожиданно на бирже появился Юзеф, как обычно, полный революционного порыва и энергии. Настроение товарищей сразу изменилось. Все воспрянуло духом. Точно живой родник влил он в них новые силы. Люди эти снова стали способны совершать самые опасные, самые героические подвиги. Безграничны были доверие и любовь к Юзефу. Каждый член партии готов был пойти за ним в огонь и воду. Партийная работа сразу оживилась. Как по волшебству нашлись и квартиры для встреч актива.

Достаточно было одного только присутствия Юзефа, чтобы без всяких слов и замечаний в организации восстановилась должная дисциплина. Прекратились опоздания на биржу. Всем передавался его энтузиазм, его вера в новый революционный подъем.

Присутствие Юзефа наполнило всех уверенностью, что теперь работа в парторганизации пойдет.

Юзеф отличался необычайной находчивостью и хладнокровием в минуты опасности, быстрой соображения и решительностью. Это не раз спасало его и его товарищей от ареста.

Станислав Бобинский (партийная кличка Рафал) рассказывал мне об одном таком случае. Однажды, в 1907 или 1908 году, Юзеф приехал в Лодзь для руководства межрайонной конференцией. Явившись по указанному адресу, он вбежал по лестнице (у него было обыкновение перескакивать через 2—3 ступеньки), приоткрыл дверь в квартиру, где должна была проходить конференция, и вдруг увидел там полицию и жандармов. Не растерявшись, он быстро захлопнул дверь, а заметив торчащий в замочной скважине ключ, повернул его и запер таким образом в квартире полицейских, жандармов и шпииков. Сам же мгновенно сбегал вниз, зашел к знакомому партийному товарищу, чтобы его и других предупредить о провале конференции, после чего отправился на вокзал и благополучно вернулся в Варшаву.

В другой раз Юзеф вместе с Миколоае (Я. Фюрстенберг) сидели в буфете на Варшавском вокзале в ожидании поезда на Лодзь. Ради конспирации оба были элегантно одеты. Обычно Юзеф одевался очень скромно, чтобы не обращать на себя внимания. На этот раз Миколоай одолжил ему свой костюм. С ними был чемодан, набитый прокламациями. Чемодан и его хозяева обратили на себя внимание железнодорожного жандарма. Он неподвижно стоял у дверей и неотрывно следил за ними. Раздался первый, а затем и второй звонок. Нужно было садиться в вагон. Буфет опустел, а жандарм и не думал уходить. Юзеф лихорадочно думал: как вывернуться из опасного положения? Если он и Миколоай встанут, возьмут чемодан и пойдут на перрон, жандарм неминуемо их задержит. Проходит полминуты, минута. Вдруг на весь зал раздается звуковой голос. Юзеф властно подзывает к себе жандарма, приказывает подать пальто, кивком головы указывает на чемодан и быстрым шагом отправляется на перрон. Миколоай следует за ним. Ошарашенный жандарм, думая, что имеет дело с «сильным мира сего», семенит за ними с чемоданом, подсаживает их в курьерский поезд, сам вносит в вагон их багаж. Поезд медленно трогается, увозя революционеров и их нелегальный багаж.

4 марта 1908 года Юзеф писал товарищам из Варшавы в Краков: «Районы уже работают, как могут, на месте взятых (товарищей. — С. Д.) такие же усердные, только менее подготовленные». 8 марта он пишет, что выслан «архив прокламаций и партийных изданий (полтора пуда) в Краков». Он постоянно заботился о том, чтобы в нашем архиве в Кракове были все партийные издания.

В этом же письме от 8 марта Юзеф пишет о трудностях с адресами для писем: «Адресов у нас пока мало, а полиция устраивает на нас облаву

Х павильон Варшавской цитадели.

в широком масштабе». Он напоминает краковским товарищам о том, чтобы они не забывали о присылке «Пшеглонда социаль-демократычного» в Королевство Польское, издание которого после нескольких лет перерыва было возобновлено за границей в 1908 году.

16 марта того же года Юзеф сообщает краковским товарищам, что «шкепий Павел Каменецкий с площади Александра, 8, служащий управления Привислинской железной дороги — провокатор, шпион и шантажист». А на адрес этого Каменецкого поступали из-за границы посылки с нашей литературой. Это грозило конфискацией литературы и арестом нашего товарища Радомского.

В конце марта Юзеф выехал на неделю из Варшавы для проведения партийных конференций в Лодзи и Ченстохове, а потом 12 апреля он руководил краевой конференцией СДКППЛ, которая проходила нелегально в Королевстве Польском.

Свои письма этого периода в Главное Правление Дзержинский подписывал «Эдмунд», но мы продолжали знать его только под именем Юзефа.

В этот период Юзеф несколько раз заходил ко мне на квартиру на улице Хмельной, дом 50, главным образом по вопросам печати, так как я тогда делала корректуру «Червоного Штандара» и прокламаций СДКПпЛ, а Юзеф следил за подготовкой партийных изданий к 1 мая. В последний раз Юзеф пришел ко мне 15 апреля, довольный, что все издания к 1 мая — специальный номер «Червоного Штандара» и листовки, призывающие к забастовке, — были уже не только отпечатаны, но и разосланы на места. Оставалось только распространить их на заводах, фабриках и в мастерских. Юзеф пришел попрощаться, намереваясь уехать из Варшавы, чтобы не попасть в руки полиции, которая обычно перед 1 мая устраивала массовые облавы на революционеров. На следующий день он собирался еще встретиться с Радомским, но не пришел к нему. Обеспокоенный Радомский прибежал ко мне узнать, не у меня ли случайно Юзеф. Его не было. Вскоре выяснилось, что Юзеф по пути к Радомскому зашел на Главный почтамт на Варейской площади. При выходе из зданий почты 16 апреля 1908 года он был арестован.

Снова мрачные стены и мертвая тишина Х павильона Варшавской Цитадели. Снова отрыв от жизни и любимой работы. В почной тишине Юзеф пишет свой «Дневник заключенного», который мы с большим волнением читали потом в «Пшеглонде социаль-демократычном».

В этот период у стен Х павильона, куда помещали самых опасных для царского режима революционеров, палачи почти каждый день вешали политических заключенных. Юзеф тяжело переживал эти ужасы и описал их в своем дневнике. Прпведу лишь несколько слов из этого дневника, характеризующих безграничную преданность Юзефа делу рабочего класса, его стойкость и непоколебимую веру в победу социализма.

«Не стоило бы жить, — писал Юзеф, — если бы человечество не озярлось звездой социализма, звездой будущего».

31 декабря 1908 года, в пятый раз встречая Новый год в тюрьме, он писал: «В тюрьме я созрел в муках одиночества, в муках тоски по миру и по жизни. И, несмотря на это, в душе никогда не зарождалось сомнения в правоте нашего дела... Здесь в тюрьме часто бывает тяжело, по временам даже страшно... и тем не менее, если бы мне предстояло начать жизнь сызнова, я начал бы так, как начал. И не по долгу, не по обязанности. Это для меня — органическая необходимость. Тюрьма сделала только то, что наше дело стало для меня чем-то осязательным, реальным, как для матерп ребенок, вскормленный ее плотью и кровью...»

Весь дневник проникнут непоколебимой верой Юзефа в неминувый новый подъем революции и ее победу. В нем он клеймил маловверов и ликвидаторов.

В Варшавской судебной палате слушались два дела Юзефа о его революционной работе. По обоим делам по совокупности Судебная палата

8 мая 1909 года приговорила Юзефа к лишению всех гражданских прав и ссылке на вечное поселение в Сибирь.

После ареста Юзефа весной 1908 года связь между Главным Правлением и организацией в стране поддерживал Николай, но он не приходил на биржу, приезжал в Варшаву редко и виделся только с отдельными товарищами.

Встречался он несколько раз и со мной. Но Николай не имел ни такого влияния на людей, как Юзеф, ни такой веры в новый революционный подъем, ни такого горения и энергии.

Из товарищей, с которыми мне приходилось встречаться в то время по работе, помню Тадеуша (Францишек Сошинский), Впосляжа (Антония Забойсца), упомянутого уже Радомского и какого-то гимназиста (клички не помню). Тадеуш и Впосляж руководили каждый двумя районами. Я продолжала править корректуру. Приносил ее мне, как и раньше, из типографии и уносил обратно Радомский. Работала я и в Прушкове и была казначеем Варшавского комитета СДКППЛ. Кассовые отчеты я систематически высылала в Краков.

Находился в то время в Варшаве и Леон (Юзеф Уншлихт), но непосредственного участия в работе варшавской организации он не принимал. Через него мы получали денежные средства для оплаты типографии и партийных работников — профессиональных революционеров. Он вел, кажется, также корреспонденцию с границей. Бывала и я у него по партийным делам. Связь с ним держал Николай.

VI съезд СДКППЛ

5—13 декабря 1908 года состоялся VI съезд СДКППЛ. Мне довелось участвовать в нем в качестве делегата от варшавской организации. Благодаря помощи чешских социал-демократов съезд происходил в Праге в Народном доме. Поехала я в Прагу на съезд вместе с Впосляжем, также делегатом от Варшавы. Из конспиративных соображений мы ехали до границы в разных вагонах и делали вид, что незнакомы. От Катовиц (тогдашняя Пруссия) мы уже ехали вместе.

Мне удалось поехать на съезд благодаря помощи Подпалача (Самуил Лазоверт), который согласился заменить меня на время отсутствия в железнодорожной школе. Ни начальника школы, ни мой отец настоящей причины моей поездки, разумеется, не знали.

СДКППЛ, которая во время V съезда насчитывала около 30 тыс. членов, к V (Лондонскому) съезду РСДРП сократилась до 25 тыс. человек, а в конце 1908 года, к своему VI съезду, СДКППЛ еще больше уменьшилась в связи с массовыми арестами, а также уходом из партии случайных

и неустойчивых элементов. Это отразилось на составе съезда. На нем присутствовали всего лишь 27 делегатов с решающим голосом, в том числе 5 членов Главного Правления. Непосредственно из Королевства Польского прибыли в Прагу только 16 товарищей. Шесть делегатов хотя и были избраны на съезд краевыми организациями, но в течение продолжительного времени в Королевстве переработали и прибыли из-за границы. От варшавской организации было 8 делегатов, из Лодзи — 3 человека, из Ченстоховы — 6 и из Домбровского угольного бассейна — 5 человек.

На съезде возник конфликт между частью делегатов варшавской, лодзинской, домбровской организаций и Главным Правлением. Опозиция, к которой принадлежала и я, обвиняла Главное Правление в отрыве от партийной организации страны, в недостаточном освещении в партийной печати и в организационном порядке внутрипартийной жизни РСДРП, где тогда шла острая борьба с ликвидаторами и отзовистами.

Инициатором и организатором оппозиции на съезде был Мартин (В. Матушевский). Его энергично поддерживал Бронислав (Юлиан Гемборек) и Ванда Краль, которая принимала активное участие в закрытом собрании оппозиции, хотя не была делегатом съезда, а только гостем. Принять участие в этом собрании пытался и Миколай (Гапцкий) — член Главного Правления, осуществлявший связь Главного Правления с подпольной организацией страны. Но неприязнь Мартина была в то время направлена главным образом именно против Миколая, и его не допустили на собрание оппозиции.

Оппозиция правильно критиковала Главное Правление за проект резолюции по докладу Тышки «О политическом положении в России и Польше и задачах партии». Там было сказано, что в России существует возможность двух путей развития — путь новой революции и путь преемственных экономических реформ, которые создали бы условия для свободного развития капитализма. Как известно, большевики придерживались того мнения, что, несмотря на известные шаги со стороны царского правительства, направленные на превращение России в буржуазную монархию, новый подъем революции неизбежен, так как причины, вызвавшие революцию 1905—1907 годов, продолжали существовать.

Принятая VI съездом СДКП(Л) резолюция по этому вопросу выражала большевистскую точку зрения о единственно возможном, революционном пути развития России. Но в то же время эта резолюция единственно правильно, большевистскому лозунгу «революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства» противопоставляла лозунг «завоевания власти пролетариатом при помощи революционных слоев крестьянства». Это была ошибочная люксембургская концепция так называемой перманентной революции, перескакивавшая через этап буржуазной революции, недооценивавшая революционную роль крестьян-

ства, следовательно, обрекавшая пролетариат на изоляцию, а революцию на поражение. Резолюция съезда рекомендовала «укреплять и расширять партийную организацию», которая, естественно, в настоящих условиях может быть только нелегальной, а также «использовать любые возможные возможности для агитации и объединения масс». Но на практике, кроме легального еженедельника, начавшего выходить лишь в 1910 году, и легального культурно-просветительного общества «Университет для всех», СДКПНЛ не использовала должным образом легальных возможностей.

Съезд правильно высказался против оппортунизма меньшевиков и отзовистов, но в то же время ошибочно выступил в защиту единства общероссийской партии (с меньшевиками и отзовистами) и требовал прекращения любой «фракционности», понимая под «фракционностью» также проводимую большевиками непримиримую борьбу против ликвидаторских тенденций меньшевиков. Фактически это было примиренчеством по отношению к ликвидаторам.

Насколько помню, эта резолюция была принята единогласно. По требованию оппозиции съезд поручил Главному Правлению «подробнее ознакомить всю партийную организацию как через партийную печать, так и организационным путем с внутренним положением в РСДРП. Главному Правлению необходимо следить за тем, чтобы в партийной печати подробно освещалось и постоянно подвергалось принципиальной критике оппортунистическое направление в партии.

Съезд поручает Главному Правлению принять все меры к изданию отчета о Лондонском съезде».

На повестке дня стоял также вопрос: «Крестьянские требования в Польше и аграрная программа РСДРП». Докладчиком по этому вопросу был Ю. Мархлевский. Съезд признал, что аграрная программа РСДРП не была достаточно разъяснена в печати СДКПНЛ, чтобы можно было вынести определенное мнение. Поэтому съезд выразил пожелание, чтобы аграрная программа РСДРП была подробно освещена в «Пшеглонде социаль-демократичном» для обсуждения этого вопроса на следующем съезде СДКПНЛ. Помнится, руководство СДКПНЛ больше склонялось к меньшевистской программе муниципализации, чем к большевистской программе национализации земли.

Съезд единогласно утвердил директивы для ведения агитации среди сельского населения. Но в этих директивах речь шла только об агитации среди сельского пролетариата (наемных рабочих в сельском хозяйстве) и малоземельных крестьян, о «средствах ограничения эксплуатации и улучшения жизни наемных рабочих в сельском хозяйстве» и о «средствах хозяйственного подъема малоземельных крестьян». Вопрос о передаче земли крестьянам обходился полным молчанием. Докладчик Ю. Мархлев-

ский, говоря о возможной конфискации помещичьей земли в Польше, высказался против раздела этой земли между крестьянами, за превращение крупных поместий в производственные кооперативы сельскохозяйственных рабочих.

Докладчиком по национальному вопросу был З. Ледер. Никто из делегатов не выступил против заключавшейся в его выступлении критики большевистской программы по этому вопросу. Предложенная Главным Правлением резолюция о включении в программу СДКППЛ требования автономии для Королевства Польского была принята единогласно.

По таким принципиальным вопросам, как крестьянский, национальный и другие, оппозиция стояла на платформе люксембургства, проливая в некоторых вопросах еще большее сектанство, чем руководство партии.

Сектантским было отношение оппозиции (в том числе и мое) к вопросам кооперативного движения. Как известно, большевики использовали потребительскую кооперацию как одну из легальных возможностей связи с рабочими массами и распространения среди них идей социализма. VI съезд СДКППЛ согласно с выступлениями членов оппозиции решил: «У социал-демократии в настоящее время нет никакой надобности развешивать агитацию за создание кооперативных объединений».

По вопросу о профсоюзах съезд подтвердил (тоже сектантскую) точку зрения, которую отразил V съезд СДКППЛ.

Оппозиция на VI съезде резко критиковала Главное Правление и отказалась выразить ему полное доверие. Но при всем этом она не имела намерений изменять его персональный состав. Это ясно высказал в кругу делегатов-оппозиционеров Мартин. Поэтому новое Главное Правление было на съезде выбрано в следующем составе: Тышка, Мархлевский, Ледер, Ганецкий и отсутствовавший на съезде А. Варский. Он был административно сослан в Петерский край, но вскоре после съезда бежал по пути в ссылку. Кандидатами в члены Главного Правления были избраны Ф. Дзержинский, который находился в тюрьме и не скоро мог оказаться на свободе, и Малецкий. З. Ледер обиделся на съезд за критику Главного Правления и отказался принять мандат.

После съезда связь между Главным Правлением и организацией в стране продолжал осуществлять Ганецкий, а потом — Видек (Даниель Эльбаум).

1909 год был годом наибольшего упадка революционного движения. Мы пробовали согласно решениям съезда заняться повышением идеологического уровня центрального партийного актива в Варшаве. Нас было всего несколько человек. С этой целью организовали так называемый клуб. Его деятельность заключалась в том, что время от времени в рабочих квартирах, разумеется каждый раз в новом месте, проводились собрания немногочисленного актива. На этих собраниях мы по очереди выступали с докладами на актуальные политические и программные темы, используя

партийную литературу («Пшеглонд социаль-демократычный» и брошюры). После доклада проходил обмен мнениями. «Клуб» внес некоторое оживление в нашу партийную работу, но не мог заменить систематической учебы в партийной школе.

Снова в тюрьме

26 сентября 1909 года я была вторично арестована у себя на квартире, на Новогородской улице. От моей подруги Зоси Смоларской мне пришлось переехать в связи с тем, что она вышла замуж и в ее квартире не осталось для меня места. Муж Зоси инженер-химик Гарабашевский был по убеждениям анархо-синдикалист.

После ареста меня посадили в только что выстроенную новую тюрьму на Спокойной улице. В это же время был арестован и Юзеф Уншлихт. Но через месяц или два его освободили. В тюрьме я застала члена нашей партии Меланию Цукер, которую знала ранее, и нескольких неизвестных мне пересылок. Меня и я вели с ними бесконечные дискуссии.

В это время ожидался приезд в Королевство Польское царя Николая II. В связи с этим проводились массовые аресты не только среди лиц, ранее замешанных в революционном движении, но и ничего общего с этим движением не имевших. Например, арестовали и в чем не повинную немолодую уже женщину — Кемпнер, мать двух девушек социал-демократок, которые сами давно уже не принимали никакого участия в партийной работе. В нашей камере № 6 сидели и другие женщины, совершенно непричастные к революционному движению.

Были арестованы и Софья Смоларская-Гарабашевская с мужем, хотя уже в связи я не жила в их квартире, а сами они не занимались активной революционной работой. Подруга моя, с которой мы оказались в одной камере вместе с другими 15—20 заключенными, держала себя образцово, проявляя заботу о товарищах по неволе. Тяжело переживала она только заключения своего мужа, больного костным туберкулезом. Супруги Гарабашевские просидели в тюрьме около двух месяцев.

Камеры днем на довольно длительное время открывались, и заключенным удавалось общаться между собой. В том же коридоре было также несколько камер для уголовных. Кругом царил постоянный шум и гам. Читать, особенно что-нибудь серьезное, было трудно, тем более что дни становились все короче, а камера и днем и ночью освещалась лишь одним небольшим постоянно мигающим газовым рожком без колпачка.

Не будучи в состоянии читать и не желая тратить время попусту, я воспользовалась присутствием сидевшей в соседней камере Мелании Цукер, которая знала математику в объеме мужской гимназии. С ее помощью я изучила до конца весь курс алгебры по программе 8-го класса

мужской гимназии. Этого в женской гимназии не проходили. Бесперывные разговоры мешали мне читать, но, страшное дело, несколько не мешали сосредоточиться при решении алгебраических задач и примеров. Учебник я получила с воли.

В одной камере с Меланней сидела молодая девушка, белонивейка из какой-то пошловочной мастерской. Она привлекла мое внимание тем, что постоянно плакала. Оказалось, что ее арестовали за принадлежность к Национальному рабочему союзу — профсоюзу, который был агентурой буржуазии в рабочем движении и в период реакции вел борьбу против революционеров. Полиция преследовала даже эдические рабочие организации как антирусские.

Эту девушку звали Францишка Гutowская. Была она религиозна и совершенно несознательна. Я принялась воспитывать ее и добилась своего. Позднее она стала членом СДКПНЛ. Просидела она в тюрьме недолго.

Я тогда пробыла в тюрьме на Спокойной улице три месяца. При обыске во время ареста, кроме, кажется, одной листовки, у меня ничего нелегального не обнаружили. После освобождения из тюрьмы в канун нового, 1910 года меня выслали за границу.

Такое наказание было выгоднее для царского правительства, чем административная ссылка в глубь России. Вместо выплаты ежемесячно по несколько рублей на содержание административным сыльным государство само брало от высылаемых за границу значительную по тем временам сумму — 25 рублей — за заграничный паспорт и в течение всего времени нахождения сыльного в эмиграции ничего ему не платило.

В эмиграции (1910 год)

По выходе из тюрьмы мне разрешили один день провести в Варшаве. После этого я сначала выехала по приглашению Ванды Краль в Грэфенберг (Австрийская Силезия). Это был курорт, расположенный на высоте 600 метров над уровнем моря, с прекрасным видом на горы, с чистым живительным воздухом. Зимой он пустовал. Ванда летом и осенью лечилась там в санатории, который на зиму закрывался. Тогда она наняла меблированную комнату и брала обеды в единственном работавшем зимой ресторане. Те несколько недель, которые я после тюрьмы провела у Ванды в Грэфенберге, показались мне раем. Отдохнув у нее, я уехала в Краков.

Поселилась я вместе с Кларой (Софья Фиалковская) на окраине Кракова, в районе Дембники, расположенном на другом берегу Вислы. Энергичная, деятельная, активная участница революции 1905—1907 годов, она была членом СДКПНЛ, потом Польской Рабочей партии, Польской Объединенной Рабочей партии (ПОРП), в которой активно рабо-

тала, была секретарем партийной организации города Закопанэ. Умерла она в Польше в начале 1958 года.

Найти работу в Кракове было очень трудно, и я голодала бы, если бы не помощь старшего брата Станислава, который ежемесячно присылал мне необходимые на жизнь средства. Он даже предлагал мне поступить вольнослушательницей в Ягеллонский университет в Кракове и проучиться там несколько лет, общая в течение всего этого времени высылать деньги на содержание. Такая перспектива мне очень улыбалась, но я не хотела быть в тягость брату, у которого тогда уже на иждивении была семья.

В Кракове, во второй половине марта 1940 года, мы снова встретились с Юзефом.

Составленный осенью 1909 года на вечное поселение в Сибирь, Юзеф, пробыв неделю в селе Тасевке, Капского уезда, Енисейской губернии, совершил побег. Он благополучно перебрался через границу и в январе 1910 года приехал в Берлин. Полугодовичное пребывание в тюрьме и особенно тяжелая почти двухмесячная дорога этапом в Сибирь ухудшили и без того плохое состояние его здоровья. Оно было подорвано пятикратными уик к тому времени арестами, ссылками и чрезмерной работой в условиях подполья. Несмотря на это, Юзеф еще в Берлине начал снова выкипать в партийные дела. Но здоровье его требовало отдыха. И, подписавшись настоящим уговором товарищей, он выехал в Италию на остров Капри. Там он познакомился и подружился с Максимом Горьким.

Хотя Юзеф был очень пуглив, он все же и на Капри занимался партийными делами. Как видно из его письма Ледеру от 4 февраля 1910 года, он работал над материалами о провокации в подпольных организациях СДКПНП. Посылая свои выводы по делу одного из подозреваемых в провокации, Юзеф писал:

«Прпшло над этим немного поработать. Ясно вижу, что в теперешних условиях подполья деятельность наша в стране будет сизифовым трудом до тех пор, пока не удастся все же обнаружить и ликвидировать провокаторов. Надо обязательно организовать что-то вроде следственного отдела... Иначе мы будем посылать людей только для того, чтобы сделать очень немного для большой награды провокаторам...»

Юзеф не забывал и о легальном органе партии — журнале «Трибуна», начинавшем выходить в 1910 году. Как видно из его письма Ледеру от 11 февраля, он просил Горького написать что-нибудь для «Трибуны». На это Горький ответил, что хотел бы написать, но голова у него так запята большой работой, что сомнительно, сможет ли написать до 1 марта. Он хотел бы написать картинки о посылке в другие города детей бастующих рабочих и о приеме их в этих городах.

Еще в Берлине, сразу после побега из Сибири, Юзеф дал Ледеру для прочтения свой дневник, написанный во время следования этапом

к месту ссылки. Это было продолжением дневников из X павильона, опубликованных летом 1909 и 1910 годов в «Пшеглонде социаль-демократыч-ном». В письме Ледеру от 4 февраля 1910 года Юзеф спрашивал, подходит ли для печати этот дневник. Он добавляет при этом, что у него имеются записи о трехнедельном пребывании в Арсенале в 1909 году, и задает вопрос, стоит ли также описывать свое пребывание там.

На «волшебном» острове Капри Юзеф не только знакомится с положением дел в партии, но начинает рваться к непосредственной нелегальной работе. Поскольку возвращение его в Королевство Польское было слишком рискованно, он обращается к Главному Правлению с предложением, чтобы его послали как члена ЦК РСДРП на партийную работу в Петербург. На пароходе по пути из Капри в Неаполь 16 февраля 1910 года Юзеф пишет Я. Тышке: «Однажды ночью, когда я долго не мог уснуть (вина Сириуса — смотрел на меня и мерцал всеми цветами радуги: он воспылал к какой-то звезде, а я подсмотрел), мне пришла в голову мысль, что, собственно, за границей мне незачем сидеть, что как только смогу разобраться в русских вопросах, то буду, кажется, самым подходящим кандидатом в Питер среди тех, для кого это не связано со слишком большим риском...

Если мой проект будет Вами принят, я мог бы остаться в Берлине на март, чтобы ознакомиться с жизнью партии, а в апреле бы поехал... Подумайте над этим серьезно и только прошу Вас не руководствоваться сентиментальными соображениями, которые могли бы Вас заставить отклонить этот план...»¹

В письме Ледеру от 1 марта 1910 года Юзеф снова касается вопроса отправки на нелегальную работу в Петербург:

«Мой отъезд в Питер не очень уж и отразится на работе (в СДКПЫЛ. — С. Д.), Вицек заменит меня в Кракове. Это предложение я уже мотивировал, не буду поэтому повторять. Добавлю только еще одно, о чем не писал: в связи с новым курсом Главного Правления в сторону меньшевизма по вопросу о легализации профессиональных союзов мне было бы очень трудно выполнять обязанности секретаря Главного Правления, а может быть, даже невозможно»².

На обратном пути из Италии Юзеф заехал в Берн, где ознакомился с резолюцией январского пленума ЦК РСДРП.

За те два года, что Юзеф был оторван от жизни, положение в РСДРП значительно изменилось. Обострилась борьба на два фронта за последовательную революционную линию пролетарской партии — борьба против ликвидаторов и отзовистов, с одной стороны, и против Троцкого, который поддерживал ликвидаторов, — с другой.

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 76, оп. 1, ед. хр. 221.

² ЦПА ИМЛ, ф. 76, оп. 1, ед. хр. 222.

В январе 1910 года состоялось пленарное заседание ЦК РСДРП, на котором в результате ареста ряда членов ЦК — большевиков преобладали неустойчивые элементы. Эти элементы, и среди них представитель СДКПНЛ Тышка, проталили на пленуме антиленинские решения, которые, как писал В. И. Ленин, содержали «чрезмерные уступки» ликвидаторам и отзовистам, оставляли «лазейку для ликвидаторов»¹.

Дзержинский, познакомившись с решениями январского пленума ЦК РСДРП, написал Ледеру из Берна 2 марта 1910 года:

«Резолюция ЦК не нравится мне. Она туманна — неясна. В объединении партии при участии Дана не верю. Думаю, что перед объединением следовало довести меков до раскола, и Дано, ныне маскирующихся ликвидаторов, предварительно выгнать из объединенной партии».

Слова эти свидетельствуют о том, что Юзеф при первом же ознакомлении с решениями январского пленума и с примиренческой политикой Тышки и других членов Главного Правления к ликвидаторам выразил свое несогласие с этой позицией.

3 марта 1910 года в Берне состоялся доклад Адольфа Варского для членов РСДРП и СДКПНЛ о январском пленуме ЦК РСДРП, в работе которого он участвовал. На этом докладе присутствовал и Юзеф.

Сообщая 2 марта о предстоящем докладе Варского Флорпану (Стефан Братман), который был тогда секретарем Бюро заграничных секций СДКПНЛ и жил в Цюрихе, Юзеф добавляет: «Горю лихорадочной работы»².

Прочитав потом направленную против ликвидаторов статью В. И. Ленина «Голос» ликвидаторов против партии, Юзеф 1 апреля написал Ледеру: «Это мне страшно нравится... такой мощный голос, как некогда у «Искры» против экономистов»³. 29 июня Юзеф писал Тышке: «Войну не на живот, а на смерть должны мы объявить «голосовцам», примиренцам, заграничным интеллигентам, копящимся в грязном белье»⁴. 2 июля 1910 года в письме к Тышке Юзеф снова возвращается к январскому пленуму ЦК РСДРП и пишет: «Свой взгляд на общепартийные вопросы я уже не раз высказывал. Решениями пленарного заседания ЦК я не был удовлетворен. В этом отношении я согласен с Лениным, с его статьей в номере втором «Дискуссионного листка»⁵. Юзеф имел в виду вторую часть статьи «Заметки публициста» — «Объединительный кризис» в нашей партии»⁶, в которой В. И. Ленин подверг критике

¹ См. В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 19, стр. 286, 272.

² ЦПА ИМЛ, ф. 76, оп. 1, ед. хр. 224.

³ ЦПА ИМЛ, ф. 76, оп. 1, ед. хр. 244.

⁴ ЦПА ИМЛ, ф. 76, оп. 1, ед. хр. 359.

⁵ ЦПА ИМЛ, ф. 76, оп. 1, ед. хр. 361.

⁶ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 19, стр. 252—304.

рошения январского пленума и враждебную по отношению к партии деятельность ликвидаторов и троцкистов на пленуме.

После январского пленума ЦК РСДРП 1910 года Главное Правление направило представителем СДКПил в находившуюся в Париже редакцию центрального органа РСДРП «Социал-Демократ» Адольфа Варского. Во второй половине марта этого же года Тышка предложил Ленину заменить в редакции ЦО Варского Ледером. В ответ на это В. И. Ленин 28 марта писал Тышке: «...я должен протестовать самым решительным образом... Я не буду говорить о том, что нельзя заменять опытного литератора, умного марксиста и прекрасного товарища неопытным и малопривлекательным человеком...»

Но я буду говорить о положении в редакции ЦО и о кризисе партии. Не может быть, чтобы Вы не видели, что положение критическое. Мы с Варским пишем в ЦК о перемене состава ЦО¹... И в такое время когда безусловно необходим человек, бывший на пленуме, испытанный на работе, спевшийся в коллегии, начавший серьезную войну с серьезным врагом, — в такое время заменять его новичком!! Побойтесь бога — ведь это значит парализовать ЦО! Ведь ЦО остался пока единственным органом руководства всей партии (пока ЦК не соберется после срыва его ликвидаторами!)»².

Юзеф, узнав, что Ленин решительно возражает против замены Варского в ЦО Ледером, писал 24 мая Тышке: «Меня очень печалит, что наши союзники в ЦО (большевики. — С. Д.) требуют оставить Адольфа в Париже». Юзеф считал, что Варский был очень нужен в Берлине из-за недостатка в СДКПил литературных сил, а также чтобы устранить в редакции изданий СДКПил трения и не допускать ошибок оппортунистического характера, как это имело место в № 173-м и 175-м «Красного Штандара»³.

Это не означало недооценки Юзефом роли и значения центрального органа РСДРП. Свидетельствуют об этом слова его в письме к Тышке от 10 июля 1910 года: «...я думаю, что... роль «Искры» (речь идет о ленинской «Искре». — С. Д.) должна выполнить теперь ЦО — без ЦК вплоть до возрождения партийных (не ликвидаторских) организаций в стране»⁴.

Юзеф клеймит антипартийную деятельность Троцкого. В письме Главному Правлению от 23—24 декабря 1910 года он предлагает не оказывать никакой моральной поддержки фракционному органу Троцкого — венской «Правде» и поддерживать большевистскую «Рабочую газету». Он

¹ Меншевики добивались введения в редакцию ЦО ярого ликвидатора Потресо-ва, против чего как раз и возражали Ленин и Варский.

² В. И. Ленин, Соч., т. 36, стр. 133.

³ ЦПА ИМЛ, ф. 76, оп. 1, ед. хр. 313.

⁴ ЦПА ИМЛ, ф. 76, оп. 1, ед. хр. 379.

считал, что Варский и Тышка должны поместить в центральном органе РСДРП «Социал-Демократ» статью против троцкистской «Правды», что нужно выступать против нее в «Красном Стандарде».

«Уже время, — пишет Юзеф, — утереть нос этим «краснобаям». Их пренебрежение к идеологической борьбе с ликвидаторством, их претенциозность к своей «работе», которая, по-моему, является сотрясением воздуха, приносит партии огромный вред».

Прочитав в Берне № 173 «Красного Стандарда», Юзеф был серьезно обеспокоен. Этот номер свидетельствовал о том, что в политике Главного Правления наметился «новый курс» — курс к оппортунизму.

На пути из Берна в Берлин Юзеф заехал на несколько часов в Цюрих, где было довольно много польских эмигрантов социал-демократов. Как он писал 2 марта Флориану, ему хотелось услышать их мнение «о новом повороте «Красного Стандарда» и Главного Правления в сторону легальности, т. е. об изменении оценки общего положения в сторону меньшевизма»¹. Из Цюриха Юзеф вернулся в Берлин.

Проработав почти две недели в Берлине, познакомившись с протоколами заседаний Главного Правления за все время своего пребывания в тюрьме и ссылке, а также просмотрев партийную литературу, Юзеф 19 марта принял от Тышки кассу Главного Правления и выехал в Краков. Поехал он туда в качестве секретаря и казначея Главного Правления, чтобы быть ближе к границе и руководить из Кракова партийными организациями в Королевстве Польском.

Однажды в воскресенье, во второй половине марта, через несколько дней после своего приезда в Краков, Юзеф пришел к нам с Кларой на Дембянки. Он был весел и оживлен. На лице его еще был загар — результат месячного пребывания в Италии. Но на висках его я заметила глубокие морщины, которых раньше не было. Это были следы тяжелых пережитых в Хавильонсе цитадели, а затем во время следовавшего этапа в Сибирь.

Клару часто навещал молодой товарищ портной Законник (Владислав Громковский), эмигрировавший, как и мы, в Краков. Узнав, что к нам собирается прийти Юзеф, Громковский тоже пришел, чтобы его увидеть.

В нашей скромной комнатке не хватало стульев, и Юзеф вместе с Законником сидели обнявшись на одном стуле. Законник как зачарованный смотрел на Юзефа, которого он, пожалуй, тогда видел впервые, но о котором так много слышал от товарищей.

Юзеф с восторгом рассказывал нам о волшебной природе Капри и с еще большим восхищением — о «певце пролетариата», как он называл Максима Горького.

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 76, оп. 1, д. 224, л. 1.

Ф. Э. Дзержинский. Краков. 1911 г.

Однако приход Юзефа к нам не был обычным визитом. Он задался целью сплотить рассеянных по всему Кракову эмигрантов — членов СДКПпЛ, оживить нашу политическую жизнь и привлечь нас к партийной работе.

Юзеф предложил мне помочь ему привести в порядок архив партийных изданий. Я охотно согласилась. На следующий же день я отправилась на квартиру Юзефа, чтобы приступить к работе.

Юзеф жил за городом, в Лобзове, на ул. Петра Росола, в доме № 13 вместе с Вицеком (Даниель Эльбаум). Дом, в котором они жили, был в то время, кажется, единственным зданием на этой улице с открытым видом на луга и курган Костюшки. Это как раз и привлекло сюда Юзефа, всей душой любившего природу. Просторы, открывавшиеся отсюда взору, и были главным положительным качеством этого дома, расположенного в малоринной местности, далеко от Главного почтамта, куда Юзеф ежедневно сам относил для отправки партийную корреспонденцию.

Квартира состояла из большой комнаты и кухни, также превращенной в жилую комнату. В комнате на полу лежала большая куча разбросанных как попало и беспорядочно перемешанных между собой изданий СДКПпЛ, ППС-левицы и «революционной» фракции ППС, I «Пролетариата» и ППС «Пролетариат», изданий РСДРП — большевиков и меньшевиков, а также эсеров и анархистов.

Это был богатейший архив литературы польских и русских революционных партий, тщательно собиравшийся в течение многих лет, но доведенный до невероятного хаоса партийным функционером Збигневом (Вацлав Копдерский), отвечавшим за его сохранность.

Помню ярость и возмущение Юзефа, когда он мне показывал эту «свалку». Он говорил, что поставит перед Главным Правлением вопрос о привлечении к партийной ответственности Збигнева за преступное отношение к хранению архива.

Юзеф и Вицек спали на полу на сенниках, готовили на примусе себе чай, обедали в какой-то столовой в городе.

Приехав в Краков, Юзеф сразу же связался с партийными организациями в Королевстве Польском. Это видно из записей отправленных партийных писем, которые он вел начиная с 20 марта 1910 года в небольшой тетрадошке.

Он отправил сразу письма в Лодзь Люциану (Сэвэр — Эдвард Прухняк), в Варшаву — Брониславу (Юлиан Гемборек), в Ченстохову — Нэрп и сразу же начал заботиться о материалах для очередного номера «Червоного Штандара».

В письме Ледеру от 31 марта 1910 года Юзеф возвращается к вопросу о своем дневнике с этапа, вторично спрашивает, подойдет ли он для «Пшеглонда социаль-демократичного», если нет, то он хотел бы его продать в пользу политических заключенных¹. Наконец 21 июня он еще раз просит Тышку ответить «да или нет» по поводу дневника².

Задержка с ответом по этому вопросу была, по-видимому, вызвана тем, что редакция партийных изданий прекратила выпуск «Пшеглонда социаль-демократичного». В то время редакция была занята изданием легального еженедельника «Трибуна», а также центрального органа партии «Червоный Штандар», который тогда выходил очень нерегулярно. Большие опоздания и нерегулярность выхода «Червоного Штандара» вызывали недовольство Юзефа и партийных организаций Королевства. Последний, № 19 «Пшеглонда социаль-демократичного» вышел в июне 1910 года. В нем была напечатана последняя часть «Дневника заключенного», написанного Юзефом в Хавильоне.

В конце лета берлинские товарищи вернули Юзефу его дневник с этапа. Он дал мне его прочитать и сказал, что если найдет издателя, то попросит меня стилистически отредактировать рукопись. Дневник отражал несерьезно тяжелые условия этапа, грубое обращение конвойных и тюремного начальства с заключенными в пересыльных тюрьмах Москвы (Бутырки), Самары, Челябинска, Красноярска и других городов. Заключенные, следующие по этапу, находились там по несколько дней или недель в ожидании дальнейшей отправки.

Прочитав дневник, я вернула его Юзефу. К сожалению, этот дневник, как и записи Юзефа о его пребывании в 1909 году в варшавской тюрьме Арсепал, до сих пор не найдены.

4 мая 1910 года Юзеф переехал на ул. Коллонтая, 4, кв. 8, поближе к железнодорожному вокзалу и почте. Это была квартира на флигеле на втором этаже. На входной двери была прибита табличка с надписью: «Пшеглонд социаль-демократичный». Квартира состояла из небольшой

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 76, оп. 1, ед. хр. 242.

² ЦПА ИМЛ, ф. 76, оп. 1, ед. хр. 347.

кухонки и двух комнат, в которых жилл Ганецкий и еще какой-то товарищ. Юзеф поселился в проходной кухонке. Вся обстановка состояла из маленького письменного столлика, этажерки с книжками, стула и коротенького диванчика, где без подушки, которой он не имел, спал беглец из Сибири — Феликс Дзержинский. Столпи тут еще кухонная табуретка с тазом, кувшин с водой и рядом ведро (водопроводный кран был на лестничной площадке). На покрытой газетами плите стояли примус и чайник.

Перевезли на ул. Коллонтая и архив, который был уже приведен более или менее в сносное состояние. Разместили его на полках вдоль стен смежной с кухней большой комнаты и завесили полотняными занавесками. Архив требовал, однако, еще многих месяцев напряженной работы. Я продолжала помогать приводить его в порядок. К этой работе привлекли также Меланию Цукер.

Запущена была Збигневом и партийная касса и экспедиция.

Денежные поступления за литературу в течение целого года не были заприходованы. Юзеф не имел возможности никому предъявить счета. Ему приходилось прочитывать все письма, сопоставлять все заметки, записи в приходо-расходной книге, квитанции, счета за два года, чтобы установить, сколько кому было выслано литературы, сколько кто заплатил, сколько кто должен. А так как Юзеф дорожил каждой копейкой партийных денег и не гнушался никакой черной работой, то он просиживал над счетами целыми ночами до тех пор, пока не привел все в полный порядок и не собрал всю задолженность.

В течение продолжительного времени Юзеф не только вел кассу Главного Правления, но занимался также депозитами нелегальных социал-демократических профсоюзов, которые хранились в разных местах Королевства Польского и за границей.

Феликс берег каждую рабочую копейку и тщательно подсчитывал, сколько у какого союза денег в депозите. «Составление этих расчетов, — писал он впоследствии (13 января 1914 года) одному из хранителей депозитов, Венцковскому (Винценты Раабе), — стоило мне колоссальных трудов. Начал я в 1907 году и только сейчас закончил»¹.

Вся сумма профсоюзных депозитов, хранившихся у разных лиц, составляла 4133 руб. 50 коп. плюс 1343 марки 85 пфеннигов у Оскара Мархлевского (брата Юлиана) в Познани.

После ареста Дзержинского в апреле 1908 года счета этих профсоюзных депозитов вел с октября 1908 года Ян (Юзеф Уншлихт). По словам Феликса, забыли вписать в расчетную книгу депозитов, что Ганецкий вернул взятые займы для партии 336 рублей с копейками.

Депозиты хранились у Венцковского (вероятно, в Варшаве), у Стефана Вольфа (в Кракове), при посредстве Розы Люксембург у немецкого социал-демократа Вурма, у Яна (в Варшаве) и Оскара Мархлевского в Познани.

Пребывание в эмиграции в 1910 году было для Юзефа очень тягостным. После двух лет вынужденного отрыва от жизни он нашел местную организацию в стране в плачевном состоянии. Не хватало людей для работы. Направляемые из-за границы на подпольную работу товарищи «проваливались» один за другим. Главное Правление СДКПиЛ, большинство членов которого находились в Берлине, было оторвано от страны. В политике Главного Правления наметился, как уже было сказано выше, «новый курс» в сторону оппортунизма. Тышка и другие вели примиренческую политику по отношению к ликвидаторам. Все это чрезвычайно беспокоило и угнетало Юзефа.

Находясь в эмиграции, он вел такую же деятельную жизнь, как и в подполье: работал целыми днями и ночами, не отдыхал даже по воскресеньям. В Кракове у него было много различной работы. В его обязанность входила прежде всего связь с подпольными партийными организациями Королевства Польского. Он должен был оказывать им всевозможную помощь: посылать информации и директивы, давать советы и указания, подбирать и направлять товарищей для руководства местными партийными организациями. Он вел постоянную переписку с членами Главного Правления в Берлине и Париже; держал связь с бюро зарубежных секций СДКПиЛ и с отдельными товарищами; переписывал собственноручно рукописи прокламаций и материалов для «Червоного Штандара» и пересылал их конспиративно в Королевство Польское. В его обязанности входили также: связь с типографией в Кракове, где печатался «Штеглонд социаль-демократический» (выходил с большим опозданием), «Отчет о VI съезде СДКПиЛ», а в случае необходимости там печатались также и воззвания; корректура этих изданий или организация ее; ведение кассы Главного Правления; наблюдение за работой Центральной комиссии социал-демократических профсоюзор; склад партийной литературы; экспедиция и нелегальная перевозка ее через границу в страну; партийный архив; обеспечение паспортами направляемых на подпольную работу товарищей; подыскивание адресов для конспиративной переписки; выполнение различных поручений членов Главного Правления по доставке им книг, газет, журналов и т. д.

Организовывать перевозку нелегальной литературы через германорусскую границу, находить для этого контрабандистов помогал Каспар, который жил в Катовицах. Был он членом националистической прусской ППС, входившей в состав германской социал-демократии, но по своим взглядам был интернационалистом, сочувствовавшим СДКПиЛ. Приезжая в Катовице по делам перевозки литературы или же для того,

чтобы самому нелегально перейти германо-русскую границу в Королевство Польское, Юзеф всегда останавливался у Каспары.

Редакция партийных изданий обычно с большим опозданием присылала Юзефу в Краков материалы к «Червоному Штандару» — рукописи статей Р. Люксембург, Варского, Мархлевского, Ледера, иногда Малэцкого. Юзеф сам от руки переписывал все это мелким, но очень четким и разборчивым бисером в течение одного дня, а на другое утро отправлял в Королевство в обложках книг, которые он сам переплетал. Ведь недаром же в юности он работал в Ковно в переплетной мастерской, а потом, находясь в эмиграции в Швейцарии, повышал свою квалификацию по этой профессии.

До апреля Юзефу в партийной работе помогал Вицек. Он диктовал Юзефу материалы для «Червоного Штандара», что значительно ускорило дело. В начале апреля Вицек поехал на некоторое время в Варшаву с материалами к № 174 «Червоного Штандара», чтобы их там напечатать. Тогда временно помогал Юзефу в партийной работе Чеслав (Ганецкий), а со второй половины июня — Мартин (интеллигент, по фамилии Тлустый).

Юзеф очень беспокоился, что майский номер «Червоного Штандара» не выйдет вовремя из-за запоздалой присылки ему материалов. Он получил их только 9 апреля. В тот же день он писал Ледеру: «Тороплюсь из-за всех сил переписать номер. Сегодня получил, завтра утром хочу выслать»¹.

Но Юзеф не просто механически переписывал материалы, предназначенные для печати. Так, например, когда ему прислали рукопись майских прокламаций для Лодзи и Ченстоховы, автором которых был Ледер и которые кончались лозунгами «Долой царизм!» и «Долой режим 16 июня!»², Юзеф запротестовал. Он выступил против последнего лозунга, называя его «кадетско-меньшевистским», и требовал убрать его.

В середине июня Юзеф выступил с резкой критикой написанного Ледером проекта резолюции о Финляндии и земствах в связи с обсуждением этих вопросов в Думе. Проект этой резолюции нужно было послать в Королевство Польское как образец для рабочих собраний. Юзеф назвал эту резолюцию «скандальной», «совершенно кадетской» и выступил против нее в письмах к Ледеру, Мархлевскому и Тышке. Они, как члены редакции партийных изданий, были также ответственны за этот проект резолюции.

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 76, оп. 1, д. 255, л. 1.

² 3(16) июня 1907 года царское правительство разогнало II Государственную думу и издало новый, гораздо более реакционный избирательный закон. Лозунг «Долой режим 16 июня!» был полоничатый, либеральный, «кадетско-меньшевистским» лозунгом. Он отвлекал внимание рабочего класса от основной, главной задачи — борьбы за свержение самодержавия.

Юзеф писал, что в этом проекте нет ни слова о том, что новая революция в России является объективной неизбежностью и что, вместо того чтобы заклеивать кадетов за их контрреволюционную позицию, «резюмируя Главного Правления СДКПНЛ их приветствует».

Еще раньше, как я уже упоминала, Юзеф подверг резкой критике № 173 «Червоного Штандара» за неправильную оценку политического положения в России, за провозглашенный в этом номере «культ легальности». «Социал-демократия, — говорилось там, — стремится именно к тому, чтобы придать своей деятельности по возможности легальный, а социальному перевороту — по возможности мирный и менее болезненный характер». Юзеф критиковал «Червоный Штандар» за то, что «в корреспонденции из Лодзи он издается над «порами», «кротовой» работой подполья», т. е. над нелегальными партийными и профсоюзными организациями. Юзеф упрекал Тышку в том, что он не информировал его должным образом о внутрипартийных вопросах РСДРП. Он ставил в вину Главному Правлению отсутствие коллегиальности в работе.

Оценивая деятельность Главного Правления, Юзеф заявляет, что такое руководство «вносит в партию хаос», тянет к меньшевизму. Он высказывает пожелание, чтобы Роза Люксембург стала снова, как прежде, политическим руководителем СДКПНЛ (в тот период она была поглощена работой в социал-демократии Германии и уделяла СДКПНЛ мало внимания). А если это невозможно, то следует «Главное Правление сосредоточить в одном месте», ближе к Королевству Польскому, лучше всего в Кракове. И нужно, чтобы оно стало «более коллегиальным учреждением». «В таких же условиях, как до сих пор, — писал Юзеф Тышке 16 июня 1910 года, — я работать не могу. Я вижу, что происходит в партии: люди перестают доверять политическому руководству Главного Правления, каждый по-своему определяет тактику и задачи партии. Я вижу это начало хаоса и не могу противодействовать, ибо, по моему мнению, линия Главного Правления гибельна...» И он делает вывод: «При таких условиях оставаться в Главном Правлении решительно не могу»¹.

Нужно было предотвратить хаос, который вносили в ряды партии № 173 и 175 «Червоного Штандара» и проект резолюции по вопросу Финляндии и земств, проявленное в них скатывание к оппортунизму. Юзеф предложил Главному Правлению издать брошюру, в первую очередь популярную брошюру, которая бы подвела итоги революции 1905—1907 годов, дала бы оценку политического положения и указала на объективную необходимость новой революции. Он советовал также дать при этом критику партий, действующих в Королевстве Поль-

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 76, оп. 1, ед. хр. 342.

ском: эндеков, ППС-«революцпоппой» фракции и ППС-левницы, и предлагал, чтобы такую брошюру написала Роза Люксембург.

В то же время он предлагал выпустить отдельным изданием статью Розы Люксембург «Уроки трех Дум»¹, а также сборник статей против ППС-левницы, чтобы перетянуть в СДКПНЛ рабочих-левицонцев. Значительное число их были в то время недовольны оппортунистической политикой ППС-левницы и тяготели к СДКПНЛ.

«Червоный Штандар» выходил недостаточно часто, главным образом из-за нехватки авторов для передовиц и руководящих статей по вопросам партийной тактики.

В печати же необходимо было освещать чаще и без задержек вопросы как партийной работы, так и рабочего движения, которое к 1910 году стало оживляться. В связи с этим Юзеф предлагал выпускать приложения к «Червоному Штандару» — «С фабрик, заводов и мастерских» и «Из жизни партии» — независимо от выхода самого «Червоного Штандара».

О взаимоотношениях внутри Главного Правления и своей борьбе против его «нового курса» в сторону оппортунизма Юзеф по совершенно понятным причинам конспирации и партийной дисциплины ничего не говорил членам Главного Правления. Но в своих сомнениях, касавшихся правильности линии на легализацию профессиональных союзов, он старался разобраться в беседах с товарищами. Особенно прислушивался он к мнению тех товарищей, которые недавно прибыли из страны и лучше, чем живущие за границей, знали местные условия и возможности легализации профсоюзов. Спрашивал он также Законника и меня, какого мнения придерживаемся мы по этому вопросу. По моему мнению, в то время не было возможности легализовать профсоюзы. Того же мнения был и Законник. В том, что попытки легализовать наши профсоюзы нереальны, особенно убедило Юзефа сообщение, поступившее в конце марта из Лодзи, о закрытии там полицией всех легальных, так называемых польских, т. е. эвдецких, желтых, штрейкбрехерских, профсоюзов.

Наши нелегальные социал-демократические профессиональные союзы находились тогда в состоянии почти полного упадка, в то время как среди рабочих масс заметно было уже значительное оживление. Встал не терпящий отлагательства вопрос о восстановлении и расширении деятельности социал-демократических профсоюзов. В плачевном состоянии находились так называемые беспартийные легальные профсоюзы,

¹ Эта статья была напечатана в мае 1908 года в № 3 «Пшегловда социаль-демократичного». В ней говорилось об объективной неизбежности новой революции, но в то же время там развивалась в корне ошибочная люксембургская теория перманентной революции.

организованные ППС-левницей. Некоторые из них, хотя и не были закрыты, имелись только на бумаге, другие владели жалкое существование.

В связи с этим А. Варский выступил с предложением, чтобы наши товарищи использовали создавшееся там положение и механически овладели этими профсоюзами. Он советовал, в том случае если «беспартийный» или даже эндецкий профсоюз слаб, насчитывает, например, 25 членов, чтобы 30 человек наших товарищей записались туда и на общем собрании, имея большинство, выбрали свое правление и таким образом препарили этот союз в социал-демократический.

Юзеф категорически запротестовал против этого проекта Варского. 23 мая 1910 года он писал Главному Правлению:

«Свести социал-демократизм легальных союзов только к тому, что в правлении будут социал-демократы, достигнув этого всевозможным уловками по отношению к «беспартийным» и «польским» профсоюзам вместо неустанной, повседневной агитации в массах и воспитания их сознания... подобная тактика может привести только к разложению партийных рядов и масс, идущих под нашими знаменами, и свести идеологическую борьбу с ППС к кулачной схватке»¹. По мнению Юзефа, среди членов «беспартийных» и «польских» профсоюзов надо проводить агитационную работу, воспитывать классовую сознательность, а не брать их за грудки силой, что вдобавок было фантазией при существующем в то время состоянии социал-демократических профсоюзных организаций.

Под влиянием критики со стороны Юзефа и других товарищей № 173 «Червоного Штандара», выдвигавшего лозунг легализации профсоюзов, в одном из номеров газеты появилась статья Розы Люксембург. Она исправляла основные ошибки 173-го номера «Червоного Штандара». Но статья эта не удовлетворила полностью Юзефа. По его мнению, слабой стороной статьи Розы было то, что она обуславливала массовость профсоюза его легальностью.

«Я признаю только одну легальность, — писал Юзеф 20 июля 1910 года Тышке, — только такую, которая нас легализует перед массами. Она не имеет ничего общего с легализацией перед царскими законами». Статья Розы, по мнению Юзефа, не содержала ни одного доказательства того, что легализация профсоюзов в то время была возможной. «Дело не в том, следует ли вообще использовать легальные возможности, дело в оценке возможности»², — подчеркивает Юзеф в своем письме.

23 июля Юзеф в письме Тышке снова возвращается к статье Розы, «интерпретирующей» ошибки передовой № 173-го «Червоного Штан-

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 76, оп. 1, ед. хр. 311.

² ЦПА ИМЛ, ф. 76, оп. 1, ед. хр. 387.

дара», и делает вывод: «Вся статья Розы производит на меня впечатление исправления ошибок, которых полностью исправить невозможно».

Несмотря на свое неверие в возможность в тот период перевода профсоюзов на легальное положение, Юзеф принимает меры к тому, чтобы выяснить возможность их легализации.

В апреле 1910 года он сообщает Главному Правлению, что в Домбровском угольном бассейне есть люди, которые могли бы заняться легализацией профсоюза горняков. 25 мая он составляет и посылает Ледеру выдержки из легальных уставов «польского» и «беспартийного» профсоюзов горняков как образец для нашего горняцкого союза и просит как можно скорее прислать спонсирования, для того чтобы сделать попытку легализовать этот профсоюз¹.

27 октября 1910 года он спрашивает членов Главного Правления, не знают ли они, могут ли русские легальные профсоюзы иметь спонсирования в Королевстве Польском. «В таком случае, — пишет он, — мы могли бы этим воспользоваться. Мы имели бы двойную пользу (т. е. мы имели бы готовую форму легальных профсоюзов и объединили бы социал-демократические профсоюзы с русскими. — С. Д.)»².

К этому же вопросу он возвращается в письме от 17 ноября 1910 года³. Однако первойшей и главной задачей в области профсоюзной работы Юзеф считал восстановление нелегальных социал-демократических профсоюзных организаций и создание их органа печати.

Характерной чертой Юзефа была его непримиримость к недостаткам в партийной работе как в области идеологической и политической, так и в организационной. Со свойственной ему энергией открыто критиковал он недостатки, кто бы ни был их причиной, не глядя на лица.

Прямо в глаза говорил он правду Мархлевскому, Тышке и Варскому, упрекал их в том, что они целиком погрузились в литературную деятельность для легального органа СДКПил «Трибуна» (позднее «Млот»), что не выпадают и жизненно важные вопросы подпольных партийных организаций, что «потеряли способность работать так, как это требуется от Главного Правления».

Вопросы прокламаций, лозунгов, статей в «Черный Штандар», писал он Тышке, «это ваша первейшая обязанность. И прикрываться недостатком времени вы совершенно не имеете права. Этот «недостаток времени» лишь констатация... невыполнения своих обязанностей»⁴.

Он не колебался подвергнуть критике и статью Розы Люксембург, когда заметил в этой статье недостатки, несмотря на то что необычайно ее ценил и считал, что среди руководящих деятелей СДКПил она «почти

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 76, оп. 1, ед. хр. 314.

² ЦПА ИМЛ, ф. 76, оп. 1, ед. хр. 461.

³ ЦПА ИМЛ, ф. 76, оп. 1, ед. хр. 482.

⁴ ЦПА ИМЛ, ф. 76, оп. 1, ед. хр. 347, л. 3

одна у нас умеет революционно, объективно и по-марксистски дать ответ на вопрос, «что дальше?»»¹.

Выход из тяжелого положения в руководстве партии Юзеф видел, как уже было сказано выше, в том, чтобы Главное Правление стало учредившим более коллегиальным, чтобы оно сосредоточилось в одном месте, ближе к Королевству Польскому, в Кракове. И он добивается, чтобы Главное Правление послало его в страну на легальную работу.

В начале июля Юзеф писал Тышке, что свое участие в Главном Правлении считает фиктивным, и снова коснулся вопроса отсутствия там коллегиальности в работе. «На мои протесты, — отмечает он 2 июля, — мне отвечали «по-домашнему», по одним вопросам голосовали против меня, по другим — ставили меня в известность постфактум, по третьим — давали нагоний за введение бюрократизма. Наконец я бросил свои протесты, ведь мне ясно, что у нас нет *коллегии*, нет коллективной совместной работы; каждый думает в одиночку — письменный обмен мнениями — это смехотворно, когда между нами столько разногласий».

Критикуя и борясь против недостатков в партийной работе, Юзеф всегда относился самокритично к собственной работе. Ему всегда казалось, что он сделал слишком мало, хотя трудно было найти человека, который бы умел так честно, так добросовестно и так производительно работать, как он.

21 июля Юзеф получил сообщение из Королевства Польского, что Ежи (Вицек — Даниэль Эльбаум) арестован.

Через два дня он пишет Тышке: «Все сообщения из страны... говорят об огромном оживлении в массах, о целом ряде забастовок и столкновений. Наш организационно-агитационные задачи все больше расширяются, и наша машина должна стать более гибкой, быстрее и своевременнее реагировать, чем до сих пор. А это требует сплочения Главного Правления и партийных сил. «Штандар» и прокламации должны выходить чаще, нужно издать «Форвертс» (для немецких рабочих в Лодзи. — С. Д.). Нужно... чтобы кто-нибудь из Главного Правления был в стране или часто наезжал туда. Следовательно, вопрос сосредоточения Главного Правления в Кракове и моего выезда в Варшаву становится все более неотложным — иначе мы будем для масс «тайными советниками», группой, оторванной от рабочего движения»². 25 июля Юзеф снова пишет Тышке: «Я решительно должен ехать в страну (т. е. в Королевство Польское. — С. Д.) или ездить туда время от времени. Без такого руководителя, который бы ездил всюду, узнавал бы людей, налаживал бы отношения все время связи (аресты, провалы адресов и т. д.), искал бы

¹ Из письма Ю. Мархлевскому от 16 июня 1910 года.

² ЦПА ИМЛ, ф. 76, оп. 1, ед. хр. 390.

во все дела, без этого вся работа будет ужасно хромать»¹. 4 августа Юзеф снова напоминает Тышке: «Уже 8 месяцев я за границей» — и требует, чтобы его послали в Королевство Польское².

Во второй половине августа должна была состояться общекрасная партийная конференция. Главное Правление поручило Юзефу выступить на этой конференции с отчетом о деятельности Главного Правления. Юзеф подготовил краткий конспект своего отчетного доклада, который сохранился в Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма в Москве. Привожу основные пункты отчета Юзефа:

Общий фон политической деятельности партии.

1910 год — признаки оживления.

Организация: а) Главное Правление,
б) местные организации,
в) заграничные.

Финансы. Издания и перевозка партийной литературы.

Вопрос о самостоятельности масс.

Агитация.

Отношение к другим партиям.

Участие СДКППЛ в РСДРП.

Профессиональные союзы и профсоюзное движение.

Общее положение и наши задачи.

Вопрос о делегации СДКППЛ на Международный социалистический конгресс в Копенгагене.

Общепартийная конференция.

Краевая конференция СДКППЛ состоялась в Кракове 19—22 августа 1910 года в квартире на ул. Коллонтал, 4. Из членов Главного Правления в работах конференции участвовали Тышка, Ганецкий, Дзержинский. Среди делегатов, приехавших из Королевства Польского, помню, что был Юлиан Гемборек, от Бюро заграничных секций — Флориан (Стефан Братман—Бродовский). Я на этой конференции не присутствовала.

С докладом о политическом положении и задачах партии от имени Главного Правления выступал Юзеф.

Из замечок Юзефа к этому докладу видно, что он обращал внимание на то, что социал-демократия должна возглавлять рабочий класс в обстановке оживления рабочего движения. Он подчеркивал, однако, отсутствие массовой партийной организации, отсутствие партийных комитетов в крупных промышленных городах (кроме Ченстоховы), отсутствие даже фабричных и заводских партийных правлений или их пассивность, отсутствие пропагандистов. Он указывал на трудности в работе, вытекающие из непреодоленной еще апатии масс, распространения провокации и существования в организации отдельных разложившихся элементов.

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 76, оп. 1, ед. хр. 410.

² ЦПА ИМЛ, ф. 76, оп. 1, д. 400, л. 1.

В связи с упадком социал-демократических профсоюзов экономической борьбой вынуждены были руководить партийные организации.

Говоря о финансах партии, Юзеф обращал внимание на важность систематической уплаты партийных взносов. Он подчеркивал при этом, что «освобождение рабочего класса может быть делом только его собственных рук».

Касаясь вопроса использования легальных возможностей, он остановился на легализации профессиональных союзов и, выражая свое мнение, ранее изложенное в письмах к членам Главного Правления, сделал упор на необходимость восстановления прежде всего нелегального партийного ядра этих профсоюзов.

Остановившись на деятельности легального партийного еженедельника «Трибуна», он подчеркнул недостаточно широкую поддержку его и призывал помочь наладить это дело.

Говоря о партийных изданиях и об агитации, он обращал внимание на необходимость выпуска нелегальной газеты на немецком языке для немецких рабочих Лодзи, профсоюзной газеты, брошюр, прокламаций. Он предлагал изменить характер «Пшеглонда социаль-демократического», превратив его в научно-дискуссионный (теоретический и практический) журнал. Предлагал он также возобновить издание приложения к «Червоному Штандару» — «С. фабрик, заводов и мастерских».

В своем докладе Юзеф коснулся «кампании против национал-демократии — НД и христианской демократии — ХД, кампании за присоединение к СДКПП рабочих из ППС-левницы и за отмежевание «фракции» (ППС) от социализма».

Он говорил об использовании социал-демократической фракции в Государственной думе, о том, чтобы придать социал-демократической агитации более конкретный характер, о необходимости сделать партийные организации более самостоятельными¹.

Августовская краевая конференция в резолюции по вопросу об организации и агитации признала издательскую деятельность партии неудовлетворительной и поручила Главному Правлению лучше обеспечивать нужды массовой агитации, в частности возобновить выпуск популярного агитационного издания на немецком языке и чаще печатать прокламации и листовки.

По вопросу о профсоюзах конференция приняла длинную, но недостаточно четкую и ясную резолюцию, в которой отмечала, что «в настоящих условиях контрреволюционной России призрачной фантазией является всякая вера в возможность существования легальных профессиональных союзов».

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 76, оп. 1, ед. хр. 408.

Дальше резолюция указывала, что в условиях Королевства Польского легальные профессиональные союзы не были бы в состоянии выполнить поставленные перед ними задачи по руководству боевой экономической борьбой рабочих, по воспитанию их в социал-демократическом духе и поддержке политической борьбы пролетариата. Резолюция рекомендовала создание социал-демократических нелегальных профессиональных коллективов, которые должны окружить себя «средой легальных профсоюзов», организуемых с этой целью по инициативе членов СДКПнЛ.

По вопросу кооперативных обществ конференция признала необходимым выявить при помощи анкеты участие членов СДКПнЛ в существующих кооперативах, возможность влияния ее на эти кооперативы и целесообразность образования кооперативов по инициативе членов СДКПнЛ.

По вопросу о культурно-просветительных обществах конференция признала необходимым активное участие членов партии в работе этих обществ для использования их в интересах социал-демократического движения и партии. Работу эту предлагалось вести под контролем местных партийных организаций и согласованно с ними.

По вопросу об участии СДКПнЛ в работе РСДРП конференция выразила уверенность, что «это участие необходимо для сохранения партийного единства, которому угрожает серьезная опасность из-за обострения борьбы между русскими фракциями. Необходимо это также для того, чтобы общая партийная политика развивалась в сторону революционного марксизма, которому без участия революционных социал-демократических частей партии угрожала бы полная оппортунизма, заливающая ряды определенной части русских товарищей».

Резолюция эта выразила стремление к «сохранению партийного единства» с меньшевиками и носила, таким образом, примиренческий характер по отношению к ликвидаторам¹.

В отчетной статье о краевой конференции в августе 1910 года в № 179 «Черногого Штандара» говорится, что конференция «с удовлетворением приняла к сведению сообщение Главного Правления о предании К. Залевского партийному суду».

Залевский издавал антипартийную газетку «Солидарность работников» и вел подрывную деятельность в заграничных секциях СДКПнЛ и в отдельных партийных организациях в Королевстве Польском, внося туда разложение и распространяя меньшевистские и ликвидаторские взгляды в СДКПнЛ. Залевского поддерживали ликвидаторы, которые в октябре 1910 года ввели его в редакцию своего «Голоса Социал-демократа»².

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 164, оп. 1, ед. хр. 5153.

² В 1917 году К. Залевский вступил в ряды большевистской партии. Он умер в 1918 или 1919 году, будучи большевиком.

Ганецкий в письме Флориану 5 января 1910 года выразил «удовлетворение» Августовской конференцией 1910 года¹. Кстати говоря, Ганецкий в то время выступал в защиту «Солидарности роботничей» п Залевского.

Другой из позднейших организаторов раскола в СДКПНЛ, Мартин (Винценты Матусиевский), который не был на конференции, в ноябре 1910 года писал Юзефу, что «целиком стоит на почве решений последней (т. е. Августовской). — С. Д.) конференции».

Несмотря на «удовлетворение» краевой конференцией, Ганецкий вскоре предложил на собрании краковской секции СДКПНЛ три резолюции, критикующие конференцию за то, что она не выбрала делегатов на Международный социалистический конгресс, а поручила это Главному Правлению, что по вопросу о профсоюзах она приняла резолюцию, «прямо противоположную ранее принятым на межрайонных конференциях», и что она не высказалась по вопросу статьи Залевского в «Дискуссионном листке». Отдельные члены секции встали на защиту Залевского. Юзеф отстаивал свое мнение о необходимости отдать его под партийный суд и исключить из партии.

Первая из этих предложенных Ганецким на краковской секции резолюций (по вопросу выбора делегатов на Международный социалистический конгресс) апеллировала к ближайшему партийному съезду, вторая потребовала открытия на страницах партийной печати дискуссии по вопросу о профсоюзах, третья требовала, чтобы Главное Правление ответило на грязный ликвидаторский листок «Торжество кляузы», что было бы ниже всякого достоинства для партийной печати.

Юзеф протестовал против принятия этих резолюций, считая, что они носят скандальный и интриганский характер, но они все же были секцией приняты.

* *
*

В самом начале сентября 1910 года в Варшаве были арестованы доверенное лицо Главного Правления Бронислав (Юлиан Гемборек), который поехал в Королевство Польское в конце июля, чтобы заменить только что арестованного там Випека (Дангель Эльбаум), Роман (Самуил Лазоверт), Эрнест (Фершт) и другие товарищи. Провал являлся результатом провокации. Во время обыска на квартире Бронислава шпик сразу же подошел к тайнику, очень умело устроенному в шкафу, и вынул оттуда много нелегальных бумаг. Об этом тайнике знали только несколько человек. Бронислава посадили в Х павильон Варшавской цитадели и

¹ ЦПА ИМЛ, оп. 1, папка 185а, док. 2.

передал дело в Судебную палату. Романа и Эрнеста через три месяца выслали за границу.

Через неделю после ареста Бронислава арестовали еще одного товарища из лодзинской организации. При этом провалился адрес для партийной переписки и для денег, которые Юзеф высылал для Вацлава, руководителя лодзинской организации. Вацлав (Дужы, Чеслав — Копець) — рабочий, который до этого руководил всей партийной организацией Домбровского угольного бассейна.

В середине сентября в Варшаве и в других городах Королевства Польского были проведены массовые аресты революционеров в связи с ожидавшимся приездом туда царя Николая II. Была мобилизована целая армия шпионов. Об арестах запретили писать в газетах.

Получив сообщение об этих арестах и потеряв всякую связь с Варшавой, Юзеф писал Тышке 16 сентября: «Я не могу наладить связь с Лодзью. Адресов не присылают. Письма к ним не доходят. Из Варшавы ни слова. Вижу, что другого выхода нет — придется самому ехать туда, иначе постоянная, непрерывная мука. Мы совершенно оторваны. Я так работать не могу... лучше даже провал (его, Юзефа. — С. Д.), чем такое положение. И мой провал, если бы я время от времени ездил туда, вовсе не был бы обязательным. Сидя тут у меня складывается впечатление, что я только даром хлеб ем»¹.

24 сентября Юзеф сообщал Тышке, что в Лодзь находятся Бохен (Теодор Бреслауэр) и Казимир (Добраницкий)², которые обещали «как-то сделать», и что и Новяцкий (Тадеуш — Францишек Сошницкий) тоже там, но он настроен пессимистически. Юзеф добавлял, что, несмотря на аресты, работа в Лодзи, кажется, проводится неплохо³.

Около 1 октября предложил свою кандидатуру для выезда на подпольную работу в Варшаву с 25 декабря Мартин (Винценцы Матушевский). Он просил только, чтобы, кроме Главного Правления, никто о его выезде не знал. Юзеф считал, что следует воспользоваться предложением Мартина. Главное Правление дало свое согласие. В ноябре Мартин писал Юзефу, что положительный «ответ Главного Правления на его предложение поехать в Варшаву очень его обрадовал и что партия в нем не ошибется».

В связи со сложившейся обстановкой в Королевстве Польском Юзеф предложил поехать туда на подпольную работу Верному (Владиславу Штейну — Краевскому), который находился в эмиграции в Цюрихе. Это был прекрасный агитатор, очень способный товарищ, трудолюбивый, безгранично преданный партии. Верный выразил согласие, но просил

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 76, оп. 1, ед. хр. 420.

² Добраницкий в 1917 году примыкал к меньшевикам.

³ ЦПА ИМЛ, ф. 76, оп. 1, ед. хр. 427.

разрешения остаться за границей до 10 октября. Юзеф охотно согласился на это, тем более что следовало за это время несколько разобрататься в провалах и арестах в Варшаве и Лодзи. По мнению Юзефа, Верного нельзя было посылать в Варшаву. Там его пять раз арестовывали, его там знали шпик. Он 20 лет прожил в Варшаве, и у него было очень много знакомых. Юзеф предложил Главному Правлению послать Верного в Лодзь, откуда он мог бы иногда ездить на кружки в Варшаву. Главное Правление одобрило это.

В конце октября Юзеф направил Верного в Лодзь, где он стал работать под кличкой Фелпидан. Но уже в середине декабря его выследили шпики. В связи с этим он должен был вернуться в Краков, чтобы потом поехать на подпольную партийную работу в Варшаву. Однако около 22 декабря он был арестован на вокзале в Лодзи под чужим паспортом на имя Казимира Дреаса из Познаныщины.

Почти одновременно был арестован в Лодзи и Чеслав (Юпець). Отпал, таким образом, план посылки его в Варшаву, как намечалось ранее. В это время в Варшаве находился Мартин (Тлустый), но он не проявлял никакого желания приступить к партийной работе. Вскоре (в декабре 1910 года) стало известно, что его призвали на военную службу.

Один за другим арестовывались руководители партийных организаций. Царские власти действовали решительно. «Черный кабинет» конфликтовал даже частные письма Юзефа.

С момента приезда в Краков Юзеф энергично занимался делом раскрытия провокации. Он руководил комиссией, которая вела следствие по делу лиц, подозреваемых в провокации. В этом ему помогли ответственные партийные работники Королевства Польского: Вицек, Бронислав, Савэр и другие, а за границей — Жултый (Гебартовский) и др. После каждого «провала» Юзеф собирал подробные сведения об условиях, сопутствовавших этому, о лицах, которые знали адрес данного товарища или квартиры, где должно было состояться собрание, и т. д.

* *
*

Ни Фелпкс и никто другой из нас, членов СДКПНЛ, находившихся в эмиграции в Галиции, не мог принимать участия в партийной работе среди галицийских рабочих, так как действовавшая на этой территории Социально-демократическая партия Галиции и Силезии, входившая в состав социал-демократической партии Австрии, была подобно ППС оппортунистической и социал-шовинистической партией.

Мы встречались с отдельными краковскими рабочими-интернационалистами, и некоторые из них, в том числе рабочих, по фамилии Бобровский, входили в краковскую секцию СДКПНЛ.

Реакционный руководитель галицийской партии Игнацы Дашинский славился как признанный оратор. Поэтому я пошла с несколькими нашими товарищами на один из митингов, где он должен был выступать. Митинг проходил в Народном доме. Но речь Дашинского ни по содержанию, ни по форме не произвела на меня никакого впечатления. Дух этой речи был необычайно далек от революционного духа выступлений деятелей СДКПП¹.

После приезда Юзефа в Краков начали регулярно проводиться собрания краковской секции СДКПП, жизнь которой до тех пор почти не чувствовалась. 1 мая все члены секции во главе с Юзефом с приколотыми к груди красными цветами гвоздики (Юзеф, кроме того, и в красном галстуке) пошли на демонстрацию и митинг, организованные Социально-демократической партией Галиции и Силезии. Демонстрация и митинг на площади около памятника Адаму Мицкевичу проводились легально. Но наши мысли и чувства были в Варшаве, где в условиях польшейского террора рабочие после нескольких лет упадка революционного движения снова поднимались на борьбу.

По инициативе Юзефа в конце мая 1910 года в краковской секции СДКПП был организован клуб самообразования. Юзеф предложил привлечь в этот клуб кроме меня и Клары Стефана (Вольф), Жултово (Гебартовский), Кракуса (Генрих Штейн), Роберта (фамилии не помню), Александра (Сергей Бароцкий), Марка (Кароль Чапинский)², австрий-

¹ В начале января 1906 года, сразу после подавления паризмом декабрьского вооруженного восстания московских рабочих, поддержанного польским рабочим классом всеобщей политической забастовкой, Дашинский (1866—1936), как известно, публично выступил со статьей «Открытое письмо», в которой осуждал участие польских рабочих в этой забастовке, защищая, таким образом, интересы польских и иностранных капиталистов. В № 44 и 48 «Червоного Штандарта» от 16 и 27 января 1906 года была помещена статья Розы Люксембург «Открытое письмо» господина Дашинского, или ППС на бунт». Статья клеймила «Открытое письмо» как памфлету революции и социализму.

Во время первой империалистической войны Дашинский прислуживался перед австро-венгерским правительством. После падения монархии в Германии и Австро-Венгрии Дашинский в течение недель (с 7 по 14 ноября 1918 года) был премьером так называемого народного правительства в оккупированном австрийцами Люблине, в действительности буржуазного правительства, враждебно настроенного к возникшим тогда под влиянием СДКПП Советам рабочих депутатов в Польше и к социалистической России. Начиная с 1919 года Дашинский был видным деятелем националистическо-реформистской ППС, образовавшейся в этом же году в результате объединения так называемой революционной фракции ППС и Социально-демократической партии Галиции. В 1920 году, во время нападения буржуазно-помещичьей Польши на Советскую Россию, Дашинский был заместителем премьер-министра буржуазного правительства Витоса. Дашинский поддерживал фашистский переворот Пилсудского в мае 1926 года и режим санации.

² Чапинский в то время склонился в сторону меньшевизма, а позднее, в буржуазно-помещичьей Польше, стал правым певцом, выступал против коммунистов и писал в «Роботнике» грязные, клеветнические статьи об СССР.

ского гражданина Гольдфлггера, Наталлиу (Фрейдсена — первая жена Вагоцког), рабочего Несволя, повара Бедного, который незадолго бежал на ссылку.

В клубе самообразования мы собирались изучать историю революции и социализма, а также положение в России и Королевстве Польском в связи с революцией 1905—1907 годов. Первый доклад — по истории классовой борьбы во Франции — сделал сам Юзеф.

Не все те, которых Юзеф хотел привлечь в клуб, приходили на его занятия. Собиралось человек шесть-семь. Юзефа беспокоило, что ряд членов краковской секции и других заграничных секций СДКППЛ пытались приравнять свои секции к подпольным партийным организациям в Королевстве Польском. Они претендовали на право определять политику партии, решать ее внутрипартийные организационные вопросы, несмотря на то что большинство заграничных секций состояли из значительной своей части из людей, ничего общего в прошлом с партией не имевших.

Юзеф требовал, чтобы Бюро заграничных секций указало секциям на то, что их роль является подсобной, что это всего лишь группы, призванные помогать партии, а не решать вопросы за нее. Члены заграничных секций, по мнению Юзефа, должны были распространять партийную литературу, оказывать финансовую помощь партии (регулярно уплачивать членские взносы, что не все добросовестно делали), а также записывать социал-демократическим самообразованием.

Юзеф постоянно заботился о легальном органе СДКППЛ — еженедельнике «Трибуна», а после его закрытия царскими властями — «Млоте». После прочтения первых номеров «Трибуны» он писал 12 апреля Варскому, что журнал ему очень нравится, но считал при этом, что администрация «Трибуны» в Королевстве Польском, защищаясь ее распространением, работает хуже всякой крптыки, и требовал от имени Главного Правления, чтобы для этой работы нашли подходящего специалиста¹. За границей распространением «Трибуны» занимался Ганецкий, а с сентября эту работу стала выполнять я, руководствуясь указаниями Юзефа.

Предвидя закрытие «Трибуны» в связи с ее революционным социал-демократическим характером. Юзеф еще в первой половине апреля требовал, чтобы товарищи в стране подготовили заранее запасную концессию². В письмах варшавским товарищам Юзеф постоянно напоминал, что обязательно нужно иметь в запасе несколько концессий на случай закрытия «Трибуны», а потом и «Млота».

«Млота» вышло 18 номеров, после чего его редактор (в первой половине декабря 1910 года) был арестован, помещен в редакцию печатано, список подписчиков, кажется, был взят.

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 76, оп. 1, ед. хр. 258.

² Концессия — разрешение царских властей на издание газеты.

Произошел перерыв в выпуске еженедельника. Обеспокоенный этим, Юзеф писал мне 16 декабря в Варшаву, куда я по поручению партии поехала в конце ноября 1910 года, что обязательно нужно энергично заняться делом еженедельника, и спрашивал, почему Тадеуш Радванский, который получил на свое имя концессию, не начинает работу. Юзеф настаивал на том, чтобы Ян (Юзеф Уншлехт) занялся вопросом ускорения выпуска еженедельника под новым заголовком и с подписью нового «изд-редактора»¹.

Юзеф постоянно следил за тем, чтобы все члены партии систематически платили членские взносы. Он говорил товарищам, что ничего не стоит та партийная организация, которая сама не может обеспечить своих нужд. Он, как уже было упомянуто, экономя каждую копейку партийных денег. Когда в конце июня он привлек в помощь себе Мартину (Тлустого), то сообщил Главному Правлению, что будет платить ему из своей зарплаты. Тышка и Ледер считали, что Мартину нужно платить из средств партийной кассы. Юзеф не согласился на это, заявляя, что бюджет, утвержденный на ту работу Главного Правления, которая проводится в Кракове, скорее слишком велик, чем мал, по сравнению со всем бюджетом Главного Правления, и добавил, что если берлинские товарищи будут оставаться при своем мнении, то ему придется отказаться от помощника. И он платил Мартину из своей скромной зарплаты, о чем помощник его, разумеется, не знал.

Юзеф никогда не забывал о товарищах, томившихся в царских тюрьмах Королевства Польского и России, особенно заботился он о каторжанах. Руководителям местных партийных организаций он писал, чтобы они помнили о каторжанах Мужине (Томаш Магжик), Собеке (Ян Собкович), Адаме Токарском, оказывали им и их семьям материальную помощь. Сам он также посылал им деньги. Со многими политкаторжанами — Адамом Токарским, Кацпаром (Александр Гердавой), Красным (Юзеф Ротштадт), Анджеем (Станислав Пестковский) — он переписывался лично, помнил, когда у кого кончается срок каторги, когда кто будет отправлен на поселение, и заботился о том, чтобы вовремя послать им деньги и обеспечить их «левыми» паспортами для побега.

Заботился Юзеф и об эмигрантах, подыскивал им работу для обеспечения их существования, обращал внимание также других зарубежных секций на то, чтобы они заботились и находили работу для членов партии, которые оказались вынужденными эмигрировать за границу.

Юзеф следил за тем, чтобы товарищи, работавшие в стране в подполье, могли продержаться как можно дольше, чтобы в случае их рас-

¹ Редактор для отсыдки — подставной редактор, несущий официальную ответственность перед властями и в случае репрессий отсыживающий в тюрьме наказание.

конспирирования он немедленно меняли место работы, чтобы они правильно использовались и имели соответствующие условия для наиболее полного применения своих сил, своего опыта и способностей, чтобы они росли на работе. Характерным с этой точки зрения было отношение Юзефа к Люциану (Сэвр — Эдвард Прухняк). Юзеф ценил его и видел в нем быстро растущего товарища. 22 октября 1910 года он писал Главному Правлению: «Силы Люциана в Домбровском угольном бассейне пропадают даром, зря растрачиваются...»¹ 25 октября Юзеф запрашивает, согласно ли Главное Правление перевести Люциана в Лодзь, с тем чтобы он руководил партийной работой в Пабяницах, Зегже, Томашове и других окрестностях Лодзи, а также работой в Домбровском угольном бассейне. «Потому что спдеть ему в Домбровском бассейне, где нельзя найти квартир (для проведения собраний. — С. Д.), совершенно бесполезно, жалко вообще на это и денег, и его сил. За все время после красной конференции (которая состоялась 19—22 августа 1910 года. — С. Д.) там было всего лишь три собрания, и он мог за все это время только встречаться с отдельными людьми. А в Лодзи он может жить, но работать там ему уже нельзя, поэтому он руководил бы провинцией и оказывал бы неоценимые услуги самой Лодзи, будучи лишь в комплекте и не посещаая никаких собраний. Таким образом он мог бы держаться долго»².

Поднимая в конце октября вопрос о своем выезде в Королевство Польское и в Петербург, Юзеф для работы в Кракове вместо себя выдвигал кандидатуру Люциана.

Повторяя свое требование о посылке на подпольную работу, Юзеф снова 30 октября рекомендует на свое место Сэвра, добавляя, что следовало бы отозвать его из Королевства Польского, принимая во внимание его будущую работу и то, что «он мог бы вырасти и очень быстро продвигнуться как партийный руководитель»³.

Сэвр тогда уже целый год работал в Королевстве Польском, и Юзеф указывал, что после такого длительного срока подпольной работы ему угрожает неминуемый арест.

В середине ноября Сэвр приехал в Краков на двухнедельный отдых. Юзеф сразу же снова обратился в Главное Правление с предложением оставить его вместо себя хотя бы на полгода, а самому поехать в Королевство Польское. Он мотивировал это необходимостью постоянного пребывания в Королевстве кого-нибудь из членов Главного Правления, а также тем, что для Сэвра работа в Кракове была бы очень полезной.

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 76, оп. 1, ед. хр. 455.

² ЦПА ИМЛ, ф. 76, оп. 1, ед. хр. 458.

³ ЦПА ИМЛ, ф. 76, оп. 1, ед. хр. 462.

Юзеф был необыкновенно дисциплинированным членом партии и самополюсь, без согласия Главного Правления и без его санкции на свою замену в Кракове, ехать в Королевство Польское не хотел. Однако он обращал внимание Главного Правления на то, что пребывание в Кракове, оторванность от непосредственной работы в массах при ожилении рабочего движения и при существующем положении в партии отнимает у него так много сил и здоровья, что партия может его «совсем потерять»¹.

Но Главное Правление снова отвергло предложение Юзефа, и он остался в Кракове, а Сэвэр 1 декабря выехал в Ченстохову, оттуда через некоторое время в Лодзь, а затем в Варшаву.

После отъезда Сэвэра в Королевство Польское Юзеф в письме от 18 декабря советует ему, чтобы он не брал на себя руководство работой одного из районов Лодзи, а бывал бы всюду и присматривал за партийной работой по всей стране, за использованием легальных и нелегальных возможностей, за подбором людей, давал бы им указания и т. д. А если у него будет оставаться немного свободного времени, то чтобы он исполнял его на составление докладов, тезисов для агитации и т. д.

Юзеф считал совершенно ненормальным, чтобы инициативу проявляла только заграница — Главное Правление. Он считал, что партийные организации в стране должны быть более самостоятельными, независимыми в финансовом отношении, более инициативными, более живыми и связанными между собой. А связывать их между собой должен именно Сэвэр, объезжая их, а также давая письменные указания.

*
*
*

Весна в 1910 году была очень ранней. В Кракове в середине февраля было так тепло, что можно было ходить одетой почти по-летнему. И я, и Клара очень любили природу и с самой весны каждое воскресенье, взяв с собой продукты, отправлялись пешком на прогулку в окрестности Кракова.

Необычайно любил природу и Юзеф, но он всегда был так занят, что немало трудов стоило вытащить его в воскресенье за город в живописные окрестности Кракова. За всю весну и лето нам это удалось всего несколько раз. Когда он отказывался, я приносила ему вечером с прогулки огромные букеты полевых и лесных цветов. Он принимал их с радостью и за неимением ваз развешивал на стенах, наслаждаясь запахом. Все же мы совершили вместе с Юзефом незабываемые прогулки на Паненские скалы, где в то время как раз цвели фиалки, наполняя воздух одуряю-

ним ароматом. Ходили мы на Беляны и в Тынец, где восхищались живописными руинами монастыря, основанного еще Болеславом Храбрым. Руины эти утопали в густых кустах цветущей сирени. Прогулку совершили мы и по берегу Вислы. Легче было вытащить Юзефа по печерам на короткие прогулки на окраины самого Кракова, в парк Иордана, на Блони или Вавель¹.

Во время этих прогулок Юзеф любил вспомнить детство, свою горячо любимую мать, игры и мальчишечьи проказы, Дзержипово, где он родился и провел детские годы, красоту природы, окружавшей Дзержипово, особенно речку Усу, в которой удил рыбу и раков, в густые сосновые леса Надлибской пущи. Со стыдом он вспоминал, что в лесу Дзержипова крестьянам не разрешали собирать грибы и хворост.

Он всегда и во всем старался не отставать от своих трех старших братьев. Это однажды чуть было не кончилось плохо. Старшие братья собрались в какой-то поход и не хотели брать с собой маленького Феликса, боясь, что он их свяжет. Чтобы от него избавиться, они положили его навзничь на землю и напихали полный рот песку. Мальчик чуть-чуть не задохнулся. Не помню, кто нашел его в таком состоянии и помог спастись. Феликс вспоминал об этом без всякой обиды на братьев, без тени упрека, лишь как иллюстрацию того, что могут натворить дети, когда мать, обремененная большой семьей и работой, не в состоянии уделять им достаточно внимания.

Юзеф рассказывал мне, что в детстве был очень религиозным и хотел даже стать ксендзом. Но его дядя, сам будучи католическим священником, отговаривал его от этого намерения, мотивируя тем, что Феликс мальчик очень живой, обладает слишком горячим темпераментом.

Юзеф говорил, что в 1894 году в его взглядах произошел коренной перелом под влиянием марксистской литературы, с которой он тогда познакомился. Он стал убежденным атеистом и всех вокруг себя убеждал, что бога нет.

Скучно, но с неохотой вспоминал Юзеф гимназический режим, рубликаторство, шпионаж за учениками, принудительное посещение в табельные дни² молебнов, дрессировку на квартире учителя гимназии в Вильно, где он жил вместе с братьями.

Зато охотно и с удовольствием вспоминал он первые годы своей революционной деятельности, свою юношескую клятву в 1894 году в том, что будет бороться со злом до последнего своего дыхания. Об этом он писал мне потом из Х павильона Варшавской цитадели 24 июня 1914 года.

Однажды Юзеф рассказал мне, что, будучи гимназистом, он влюбился в ученицу находившейся неподалеку женской гимназии. Они обме-

¹ Вавель — краковский кремль.

² Дни рождения и именин царя и членов его семьи.

нивались запискам. Письмоносцем был, не подозревая об этом, ксендз, который преподавал закон божий в обеих гимназиях. Записки Феликса и предмет его любви клал в галоши ксендза. Так продолжалось до тех пор, пока этот способ переписки не был раскрыт. Когда выяснилось, что первая любовь была без взаимности, он хотел лишить себя жизни. К счастью, победил здравый рассудок и большая жажда жизни.

Юзеф любил животных и птиц. С детства в течение всей своей жизни он не позволял никому обижать их. С горячностью и жалостью рассказывал он, что ему однажды пришлось собственноручно застрелить медвежонка, которого он сам выдрессировал. Это было в 1899 году во время пребывания Юзефа в ссылке в Вятской губернии, в селе Кайгородском. Крестьяне подарили ему медвежонка. Был он веселым, привным и очень забавным. Юзеф научил его служить, танцевать и удить рыбу. Юзеф вместе с сыльным народником Якшиным брал медвежонка с собой в лодку, когда ездил на рыбную ловлю. В подходящем месте Юзеф приказывал медвежонку: «Мишка, ловь рыбку!»

Мишка понимал, что значат эти слова, и — бултых в воду! А через минуту вылезал с щучкой или судаком в пасти. Но, когда он подрос, начали проявляться кровожадные инстинкты: он начал душить кур, бросился на корову и поранил ее. Юзеф посадил его на цепь, но Мишка сделался еще злее, начал бросаться на людей и наконец на самого Юзефа. Не было другого выхода — пришлось медведя застрелить.

В селе Кайгородском, чтобы заглушить мучительную тоску по родной стране, по партийной работе, Юзеф занялся охотой. Он рассказывал мне, что как-то участвовал в охоте на медведя. Охотился он на диких птиц. Однажды он отправился вместе с товарищем на озеро, где было много диких уток. В тот момент, когда их лодка подплыла к небольшому островку, заросшему камышом, из зарослей поднялись и пролетели над головами охотников два больших лебедя. Юзеф выстрелил, и один лебедь упал на островок. Это была самка, а самец улетел. Но через минуту он вернулся и начал кружиться над местом, где лежала самка. Юзеф выстрелил в него, но промахнулся. Тогда лебедь поднялся выше, сделал несколько кругов и в отчаянии камнем бросился вниз грудью в озеро и разбился насмерть.

Юзеф рассказывал об этом с волнением, изумляясь и восхищаясь лебединой верностью.

* * *

В июне 1910 года мы с Кларой отправились на две недели в горы в деревню Стасиконку в 12—14 километрах восточнее Пороньяно по дру-
122 гую сторону железной дороги. Мы поселились в избушке горца. Хозяева

уступили нам свою комнату в пэбушке, сами же перебрались на чердак. Это была глухая деревушка, в ней было всего несколько хат. Кроме молока и мамалыги, ничего там нельзя было достать. Чай и сахар мы привезли с собой, а за хлебом приходилось ходить на станцию Пороняно.

Мы с Кларой сочувствовали нашим хозяевам — горцам, которые жили в очень тяжелых условиях. Хлеба они совсем не ели, питались одной мамалыгой.

В стенах пэбушки были такие щели, что можно было руку просунуть. Ветер свободно гулял в комнате. Зато стояла нам эта дача очень дешево. Из окон открывался прекрасный вид на высокие Татры. Татры были тогда еще покрыты снегом, серебрились на солнце и окрашивались в кроваво-красный цвет по вечерам. Ночи в Стаспковке были еще так холодны, что горный поток, в котором мы умывались рано по утрам, местами замерзал, а роса на траве, по которой мы ходили босиком, была холодна как лед.

Из Стаспковки мы отправились с Кларой и Законником, специально для этого приехавшим из Кракова, в пятидневный туристический пеший поход в Закопаня и в Татры: к Гонсеницовым гаям (высокогорный луг) и к горному озеру Чарны Став, через перевал Заврат к пяти Польским озерам, дальше до водопадов Мпцкевича и высокогорного озера Морское Око. Оттуда по горе Медзяна в Темносыречинскую долину, затем, по другим уже путем снова к Гонсеницовым гаям в Закопаня и обратно пешком в Стаспковку.

Это была первая в моей жизни экскурсия в горы. Она произвела на меня такое сильное впечатление, что до сих пор вспоминаю о ней с восхищением.

Мы отправились в Татры без проводника, хотя никто из нас там еще не бывал. У нас была с собой только небольшая горная карта с обозначением малочисленных в то время убежищ для туристов. Но в этих убежищах ничего из пищи нельзя было купить. Только на Гонсеницовых гаях можно было достать молока. Все продукты на 5 дней пришлось носить на себе плюс чайник, кружки, спиртовку, спирт для нее и т. д. У Клары и Законника были рюкзаки, у меня не было, а купить я не могла возможности. Поэтому, сложив свою долю хлеба и вещей в кусок холста и перевязав ремнями от чемодана, я приспособила это так, чтобы можно было носить на спине. На троих у нас была одна-единственная горная трость с металлическим топориком и две обычные палки. Обувь наша тоже не была приспособлена для ходьбы по горам.

Но это несколько не портит нам настроения. Мы переночевали в Гонсеницовых гаях и на следующий день рано утром двинулись дальше. Обошли озеро Чарны Став гонсеницовый, которое казалось наполненным чернилами вместо воды, затем начали подъем к перевалу Заврат. Сначала все шло очень хорошо, но вскоре оказалось, что северный склон

Заврата, по которому нам предстояло идти, был еще покрыт глубоким снегом. Сильные пятна масляной краски на скалах — указатели дороги — были засыпаны снегом. Железные скобы, вбитые в гранит в наиболее опасных местах, за которые можно было ухватиться или встать ногой, были тоже скрыты под глубоким слоем снега. Оказалось, что мы отпривились в поход слишком рано, во всяком случае рискованно было выбираться на Заврат в это время года без проводника. Но денег на проводника у нас не было. Из туристов мы не встретили никого. Мы с трудом продвигались вперед, шагал друг за другом гуськом, палки наши скользили по снегу, который на солнце начал таять, а на ветру замерзал. Упираться часто приходилось не палкой, а рукой, погружая ее глубоко в снег. В узких и опасных местах очень сказалось отсутствие настоящего рюкзака: пристроенный на ремнях багаж за спиной был шире моих плеч и мешал пробираться между выступами скал.

В одном месте, когда мы прошли уже две трети пути от подножия Заврата, Клара вдруг заявила, что дальше не пойдет. Она была бледна как смерть и вся дрожала. Мы втолковывали ей, что прошли уже две трети пути до перевала, что возвращаться нельзя, что спускаться вниз по снегу гораздо труднее, чем подниматься вверх, и очень опасно. Она уперлась: «Нет и нет, дальше не пойду». Мы не знали, что делать, никакие уговоры не помогали.

Наконец Законник прибегнул к хитрости и заявил:

— Ну, так оставайтесь тут, а мы с Богданой пойдем дальше.

И он шагнул вперед. Это подействовало. Правда, неохотно и надувшись, Клара при нашей помощи все же медленно начала двигаться вперед. Наконец мы достигли перевала. Тут свирепствовал такой ураганный ветер, что, казалось, вот-вот нас швырнет обратно вниз. Мы ухватились за выступы скал и как зачарованные стояли на этом ветру, глядя вниз на открывшийся перед нами вид необычайной красоты. Внизу, в широкой долине, раскинулись пять Польских озер.

С Заврата мы легко спустились вниз. Тут снега совсем не было. Осмотрев пять Польских озер, мы пошли дальше по направлению к подножию Мицкевича и Морскому Оку. По пути нас застал проливной дождь, и мы промокли до последней нитки. Переночевали мы в убежище в Ростке, где удалось высушить одежду и обувь. Утром отправились дальше, к Морскому Оку. Как сейчас стоит у меня перед глазами это прекрасное огромное горное озеро, в котором вода кажется разноцветной от отражения то склонов гор, покрытых буйной растительностью, то гранитных скал хребта Рысы, то голубого неба.

Не обошлось без приключений и дальше. Налюбовавшись Морским Оком и Чарным Ставом, расположенным над Морским Оком, мы переночевали в убежище и, руководствуясь своей картой, начали подниматься по голому песчаннику горы Медзяна, потом через Шпиглясовую и

Морское Око.

Липтовские Муры к долине Темносмречинской. Солнце жгло, дорога была не очень трудная, но утомительная своей однообразностью. Вблизи вершины мы вдруг потеряли пятна-ориентеры и, когда оказались на самом верху, не знали, как спуститься вниз к долине. Склон с этой стороны был крутой, почти вертикальный и поросший скользкой травкой. Искать правильную дорогу не было времени. Нужно было спешить, чтобы дотемпа добраться до убежища, которое по карте находилось на дне Темносмречинской долины. Мы решили съехать со склона так, как это делают дети, съезжая с горки. Этим примитивным способом мы добрались до того места, где дальнейший путь нам преградили настолько густые заросли кустов карликовой сосны, что продаться сквозь них не было никакой возможности. Пятен-ориентиров не было никаких, на их поиски времени уже не было. И мы перепрыгивали по кривым веткам карликовых сосен паподобие обезьян. Тут мне снова здорово мешала моя бесформенная огромная поклажа. Наконец кончились кусты карликовых сосен, и мы оказались на дне долины, густо заросшей высокими смреками (стрельчатыми елями). Но тут мы заметили тропинку и пошли по ней.

Через некоторое время, о радости мы увидели на дереве нарисованное синей масляной краской пятно-ориентир. Значит, убежище уже близко!

Но каково же было наше удивление и разочарование, когда вместо убежища мы увидели деревянный шалаш — четыре стены без дверей, крыша лишь с двух сторон, пола нет. В углу — несколько камней для очага. По-видимому, это был шалаш пастухов или охотников. Сумерки уже сгустились, нужно было быстро подготовиться к ночлегу. Мы натаскали мха для постелей и хвороста, чтобы развести огонь. Костер разожгли на поляне перед самым шалашом. Огонь пришлось поддерживать всю ночь, потому что в долине Темноосречинской, как указывал путеводитель, встречались медведи. В темноте за густыми елями не видно было горной речки, и, закусив поэтому всухомятку, мы легли спать. Сначала а дежурила у костра, подбрасывая хворост. Через несколько часов меня сменил Законник, а его потом — Клара. Когда я легла, то никак не могла уснуть: волновали впечатления, в памяти одна за другой возникали и сменялись картины виденных красот горной природы. Поднялись мы на рассвете: ведь нас ждала еще дальняя дорога.

Перед нами снова предстала волшебная картина. Одну сторону долины замыкала высокая зубчатая гряда скалистых гор — грань Грубого, до середины залитая алым светом утренней зари. С вершины хребта Грубого стекали, как серебряные нити, пенящиеся ручейки, впадающие в такой же пенистый горный поток с каменистым дном у подножия горной цепи. Мы умылись в ледяной воде потока, набрали в чайник воды, вскипятили чай, съели последние куски хлеба и, не насытившись (горный воздух вызывает волчий аппетит), двинулись дальше. Путь наш вел через перевалы Заборы и Свищичий к Гонсеницовым гаям, оттуда пешком через Закопань и Порошино в Стасковку.

На другой день мы вернулись в Краков загоревшие от солнца и ветра, бодрые, отдохнувшие, окрепшие и помолодевшие на несколько лет.

Мне в жизни пришлось видеть много красивых мест, совершать чудесные экскурсии. Прекрасна сибирская природа, виды на Лепо, замечательны Альпы и швейцарские озера, великолепы Крым, Кавказ. Но ничто не произвело на меня такого сильного впечатления, как где я так не чувствовала живительного действия воздуха, ни одна картина природы, ни одна прогулка не запали так глубоко в душу и память, как живописные виды Татр и походы в эти горы.

Вернувшись в Краков, я продолжала помогать Юзефу приводить в порядок архив, писать письма, между строк которых он вписывал лимонной кислотой конспиративные партийные тексты товарищам в Варшаву,

Подзь, Ченстохову, Домбровский угольный бассейн. Я надписывала адреса на конвертах, так как почерк Юзефа был хорошо известен полиции и жандармам и письма с адресами, написанными его рукой, легче могли быть перехвачены и подвергнуты просмотру.

В это же время я начала помогать Юзефу переписывать материалы для «Червоного Штандара».

Я приходила на ул. Коллонтая рано утром, и мы писали целый день с кратким перерывом на обед, до позднего вечера, пока все не было переписано. Мы сидели в проходной комнатке-кухонке Юзефа за его маленьким письменным столиком. Я диктовала с рукописей, присланных из Берлина, а Юзеф писал мелким бледным почерком, очень четко и разборчиво на маленьких листочках бумаги специального формата для удобства с точки зрения конспиративных методов пересылки материалов.

Юзеф сам подсчитывал количество печатных знаков в рукописях, потому что, как он говорил, в Берлине недостаточно точно считали, сообщал обычно меньше знаков в статьях, чем они на самом деле содержали. Это могло создать трудности товарищам, которые в Королевстве Польском занимались выпуском номера. Я предложила Юзефу, что я буду подсчитывать количество знаков. Тогда он показал мне, как это делается, и я стала его заменять в этой технической, но важной части работы.

В то лето я наглядно убедилась в том, как горячо Юзеф любит детей. Много раз заставляла я его работающим за письменным столиком, а из соседней комнаты за прикрытой дверью слышались детские голоса или детский смех. Оказывается, Юзеф собирал в свою квартиру детвору бедноты, населявшей этот дом, и организовывал для них у себя нечто вроде детского сада: позволял им бегать, шуметь, устраивать из стульев трамвай или поезда, делал для них простые игрушки из спичечных коробок и из каштанов. Однажды я застала его в таком виде: он сидел за письменным столом и работал. На коленях у него был малыш, что-то сосредоточенно рисовавший, а другой, вскарабкавшись сзади на стул и обняв Юзефа за шею, внимательно смотрел, как он пишет.

Я спросила Юзефа, не мешают ли ему эти малыши, не мешает ли шум ребятшек, играющих в соседней комнате. Он ответил, что ничуть не мешают, что голоса и смех детей доставляют ему радость, а эти малыши около него сидят тихо: знают, что нельзя мешать работать. В хорошую погоду детишки играли во дворе. В сырую же приходили в квартиру к своему взрослому другу.

Дети отвечали Юзефу на любовь любовью: когда он, возвращаясь из города, появлялся в воротах дома, ребятки бежали ему навстречу с криком:

— Наш дядя идет!

Уцепившись за его руки, они провожали «своего дядю» через весь двор до самых дверей квартиры.

В Кракове был прекрасный театр. Однажды мы решили с Кларой пойти на «Свадьбу» Выспянского. Я предложила Юзефу пойти с нами. Он отказался, и не только потому, что ему некогда было, но и потому, что посещение театров, концертов, выставок изданных искусств доставляло ему, как он мне говорил, больше неприятных переживаний и страданий, чем удовольствия и удовлетворения. Там он еще отчетливее ощущал несправедливость капиталистического общественного строя, при котором искусство, культурные развлечения доступны лишь людям привилегированных классов. Там живее возникали в памяти подвальные каморки, в которых ютятся рабочие семьи, фабричные цехи со спертым воздухом, трактиры и трущобы с пьяными скандалами, где ищут забвения рабочие, измученные тяжелым трудом, болезнями, вечным недосыпанием и заботами о пропитании семьи.

Там, говорил Юзеф, он не может избавиться от чувства собственной «вины», не может избавиться от укоров совести, что пользуется плодами культуры и искусства, недоступными большинству людей. При этом Юзеф рассказывал мне, что однажды, когда был в Дрездене, товарищи повели его в знаменитую картинную галерею. Он был восхищен бесценными шедеврами искусства, собранными в Дрезденской галерее. Но, осмотрев несколько залов, он так остро почувствовал неравенство и несправедливость, что не был в состоянии продолжать осмотр и ушел из галереи.

Юзеф был так тесно связан с рабочим классом не только разумом, но и чувством, всем своим любящим сердцем, что не мог пользоваться благами, недоступными для эксплуатируемых масс.

В Кракове среди части товарищей господствовал распространенный в кругах интеллигенции обычай встречаться и проводить вечера за беседами в кафе. Юзеф работал днями и ночами и избегал бесцельного времяпрепровождения в кафе. Случилось, однако, что однажды несколько товарищей затаскали его вечером в кафе на Краковском рынке. Пили кофе с ликером и пирожными. Каждый платил за себя. Юзефа содержала партия, и он считал, что деньги, которые ему давала партия, он имеет право тратить лишь на самое необходимое, а не на излишества, какими, по его мнению, были черный кофе, пирожные и рюмка ликера. Чтобы загладить свою «вину» перед партией, он на другой же день внес в партийную кассу из своей скромной зарплаты сумму, потраченную накануне в кафе. В связи с этим ему пришлось потом несколько ограничить свои расходы на самые неотложные нужды.

Через несколько дней после Августовской краевой конференции СДКПил Юзеф, измученный непомерной работой, обратился в Главное Правление с просьбой предоставить ему недельный отпуск. Еще в июне, когда мы с Кларой вернулись из Стасиковки, Юзеф говорил мне, что хотел приехать к нам хотя бы на один денек. Но сделать этого он не

смог. Теперь он предложил мне совместный поход в Татры. Я знала уже дорогу к Морскому Оку и могла быть проводником туда. Товарищи советовали нам от Морского Ока перейти через хребет Рысы на венгерскую сторону, дали нам небольшую карту и указали, по какому пути вернуться в Закопанэ. Мы приняли этот план и начали готовиться в дорогу. На этот раз и у меня был рюкзак, который я одолжила у Клары. Но специальной альпинистской обуви не было ни у меня, ни у Юзефа.

Во время нашего похода в горы в Кракове Юзефа замечал Мартин (Тлустый).

Мы выехали из Кракова утром 28 или 29 августа. Юзеф, который систематически недосыпал, заснул, спя у окна вагона третьего класса. Его разбудил громкий и неприятный разговор рядом сидящих пассажиров. В то время польские реакционеры развязали в печати антисемитскую кампанию, а также травлю социал-демократов. В числе этих реакционеров был и Анджей Немоевский — редактор и издатель так называемой «Мысли неподделгой» («Независимой мысли»), атест, считавшийся прогрессивным деятелем. Один из наших полупутчиков-пассажиров с пылом повторил клеветнические нападки Немоевского на СДКППЛ и некоторых ее членов. Услышав это, Юзеф вскопился словно кипятком ошпаренный и дал такой отпор клеветнику, что тот вынужден был замолчать и перейти в другое отделение вагона.

Приехав в Закопанэ, Юзеф зашел на минутку к сестре Юлиана Мархлевского, которая там жила, и одолжил у нее трость-топорик. В тот же день мы отправились пешком в Гонсеницовой гали. Мы добрались до них еще засветло. Там мы встретили брата Марии Братман (жены Флорыана), в то время еще молодого паренька Генриха Лягуера, позднее видного деятеля КПП (Брандта). Переночевав в убежище, мы намеревались утром двинуться дальше, но задержались в Гонсеницовой галих еще на сутки и только рано утром следующего дня, обойдя озеро Чарны Став, начали восхождение на Заврат. Дорога была легче, чем в прошлый раз, потому что снега уже не было, синие пятна-указатели отчетливо виднелись, железные скобы, вбитые в гранитные скалы, были обнажены и доступны. Поэтому мы без труда поднялись на перевал. И снова взором открылся чудесный вид на пять Польских озер. Погода была замечательная, горный воздух чист и упоителен. Мы спустились к озерам. Только нам кружилося много птиц. В Юзефе проснулись охотники. Он жалел, что не взял с собой двустволку, которой, кстати, у него не было. Мы продолжали восхождение. Снова ночлег в убежище в Ростке и дальше путь к Морскому Оку. Мы немного свернули с дороги, чтобы увидеть водопады Мпцкевича. Они очень понравились Юзефу. Очарованный красотами природы, он мыслями оторвался от беспокоивших его партийных дел. Я сознательно не касалась их за все время нашей экскурсии, чтобы дать отдых его мозгу и нервам. К Морскому Оку подошли вечером, когда

уже стемнело. Мы ощущали приятную усталость и были голодны. Расположились на отдых в убежище, вскипятили чай на спиртовке, которую взяли с собой, и принялись изучать дальнейший маршрут по карте. Но гостеприимные горы подшутили над нами. Уже когда мы подходили к Морскому Оку, небо нахмурилось, а ночью начался дождь. Погода испортилась. На второй и на третий день лил проливной дождь. О подъеме на высокие и крутые горы Рысы не могло быть и речи. В первый день, несмотря на дождь, мы все же поднялись к озеру Чарны Став. Но Чарны Став был весь окутан туманом. На следующий день мы совершили прогулку в противоположную сторону долины, которую пересекал горный поток. Он так стремительно и бурно катил по каменистому дну горного ущелья, что воды совсем не было видно — одна сплошная белая пена. Подойдя к потоку, мы увидели большое стадо косуль во главе с крупным самцом. Они, видимо, шли на водопой к потоку. Заметив нас, покаж на секунду остановились, повернул свою красивую голову, украшенную ветвистыми рогами, дал движением головы сигнал об опасности, повернулся и с быстрой молнией умчался. За ним мгновенно понеслось все стадо и исчезло в зарослях.

Мы стояли, очарованные этой волшебной картиной, жалея, что спугнули красивых быстроногих животных.

Вечером мы вместе написали открытку сестре Феликса Альдоне, которой он, занятый работой, давно не писал.

Утром на следующий день шел мелкий дождик, все кругом заволело таким туманом, что, стоя на берегу прекрасного Морского Ока, совсем не видно было озера. О восхождении на Рысы и дальнейшем пути в горы нечего было и думать, тем более что близился к концу и последний отпуск Юзефа. Не было другого выхода, как вернуться по шоссе от Морского Ока в Закопане. Мы так и сделали. Денег, чтобы нанять лошадей, у нас не было. Поэтому мы пошли пешком. Тридцать километров по шоссе до Закопане мы прошагали за 6 часов. Однако идти пришлось все время в таком густом тумане, что стоило только одному из нас отойти в сторону на несколько шагов, как мы уже не видели друг друга. Разумеется, не видел мы и живописных окрестностей у дороги, по которой шли.

Переночевав в каком-то домике на окраине Закопане, мы поездом вернулись в Краков.

Дождь и туман несколько испортили нашу вылазку в горы, но, несмотря на это, она доставила нам много радости. Ее можно назвать нашим свадебным путешествием.

130 Через несколько дней после возвращения в Краков я переехала к Юзефу. Мартин уехал из Кракова на отдых и освободил комнатку, которую он занимал в квартире, где жил Юзеф. Мы с Юзефом перебрались

и эту комнатку. Вся наша обстановка состояла из двух железных кроватей и маленького столика у окна.

После возвращения с Татр Юзеф получил несвежие вести из Варшавы: были арестованы Бронислав и несколько других товарищей, о чем я уже упоминала.

В связи с отъездом Мартина (Тлустый) из Кракова Юзеф обратился в Главное Правление с вопросом, нет ли возражений против того, чтобы я помогала ему в работе. Главное Правление, видимо, дало согласие, потому что Юзеф поручил мне заграничную администрацию «Млота». Я помогала ему также вести корреспонденцию с Королевством Польским. Кроме того, я продолжала помогать приводить в порядок архив и переписывать рукописи прокламаций и материалов для «Червоного Штандара», отправляемых в набор и печать в Королевство Польское. Как и раньше, Юзеф сам занимался переписыванием и пересылкой этих материалов.

Характерной чертой Юзефа была его строгая конспиративность. Он тщательно соблюдал принцип, что о конспиративных делах должны знать только те лица, которых это непосредственно касается, которым полагаются знать это для их работы. И даже самый близкий, самый достойный доверия товарищ, если вопрос не касался его работы, не должен был знать об этом. В переписке с товарищами у него был для каждого свой особый ключ для зашифровки наиболее конспиративных текстов и слов, писанных химическим способом. Эти слова он зашифровывал сам. Так, например, в переписке с Вацлавом (Копець) он пользовался ключом «Матка боска ченстоховска» («Ченстоховская божья мать»), а в письмах к Олеку, рабочему Домбровского угольного бассейна, ключом были слова из популярной народной песни «Когда будет солнце и хорошая погода»¹. Поэтому о способах переписки в Королевство Польское материалов для «Червоного Штандара» или прокламаций знал только тот, кому они были предназначены.

Однажды поздно ночью мы с Юзефом закончили переписывать материал в очередной номер «Червоного Штандара». Собираясь лечь спать, я увидела, что Юзеф что-то мастерит с куском картона и даже не думает о сне. Не подозревая, что он занят конспиративной работой, я напомнила ему, что пора на отдых. Юзеф ничего не ответил и продолжал свою работу с картоном.

Чем он тогда был занят, я узнала только в конце ноября 1910 года, когда собиралась уезжать в Королевство Польское для выпуска очередного номера «Червоного Штандара» и когда материалы для этого номера были предназначены мне. Оказалось, что эти материалы Юзеф

¹ Стендами этих ключей я ознакомилась лишь в партийном архиве ИМЛ. — С. Д. 131

высылал в картонном паспорту, замаскировав их какой-нибудь цехиной картинкой.

Такая тщательная конспирация была необходима для того, чтобы избежать ненужных разговоров или провалов и чтобы в случае спровоцированного провала легче можно было раскрыть провокатора.

Время от времени к Юзефу в Краков приезжали руководители местных организаций СДКПиЛ — рабочие из Ченстоховы, из Домбровского угольного бассейна, из разных других городов Королевства Польского. Они всегда останавливались у нас и получали от Юзефа исчерпывающую информацию и подробные инструкции.

Он же расспрашивал их о положении в стране, в партийных организациях, о нуждах партийных организаций и о взглядах товарищей по актуальным вопросам.

Юзеф очень волновался, видя, что Главное Правление недостаточно быстро реагирует на события в Королевстве Польском, мучительно переживал он также отсутствие коллегиальности в работе Главного Правления и свою оторванность от страны и от остальных членов Главного Правления. «Я тут совершенно отрезан от Главного Правления, — писал он 22 октября 1910 года, — и если так будет продолжаться дальше, то нас воронье заклюет, а что касается меня, то я без постоянной связи работать не могу. У нас «всяк молодец на свой образец»»¹.

А 24 октября он писал Тышке: «Сегодня получил рукопись воззвания в связи с забастовкой трамвайщиков. После драки кулаками не мажут. Новой забастовки вовсе не предвидится... Теперь нужно... воззвание в связи с забастовочным движением вообще в Варшаве, которое колоссально. В этом воззвании следует упомянуть и подчеркнуть забастовку трамвайщиков, по сей час, 2—3 недели после этой забастовки, выпускать о них специальную листовку, не упоминая об общей борьбе пролетариата в Варшаве по всему фронту, по-моему, смешно»².

Вскоре после январского пленума ЦК РСДРП 1910 года в России были арестованы три члена ЦК РСДРП — большевики. В связи с этим возникла необходимость создать русскую часть («коллегию») ЦК и пополнить ее новыми членами путем кооптации. Ликвидаторы, относившиеся отрицательно к возобновлению деятельности ЦК в России, всячески противились созыву заседания и кооптации новых членов.

В. И. Ленин еще 20 июля 1910 года в письме к Тышке требовал от Главного Правления СДКПиЛ послать кроме Ганецкого в Петербург еще одного члена ЦК РСДРП — поляка на 2—3 недели для созыва во что бы то ни стало заседания ЦК только для кооптации новых членов. «Мы про-

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 76, оп. 1, д. 456, л. 1.

² ЦПА ИМЛ, ф. 76, оп. 1, ед. хр. 457.

садили *трех* беков после пленума, — писал Ленин. — Больше не можем. Если не выручат поляки, капут»¹.

Требование Ленина было удовлетворено, и в Петербург выехал тогда Ю. Мархлевский. Но заседание ЦК не состоялось.

В конце октября Юзефу сообщил, что в России готовится созыв заседания ЦК РСДРП. Юзеф был членом ЦК РСДРП, и он обращается в Главное Правление с требованием послать его в Петербург на это заседание. «Если я попадусь, — читаем мы в его письме по этому вопросу (без даты), — то меня сможет и должен заменить Люцпан (Эдвард Прухняк)»².

29 октября 1910 года ЦК Бунда обратился в Главное Правление СДКПил с предложением, чтобы руководящие органы Бунда, СДКПил и Латвийской социал-демократии взяли на себя инициативу по созыву первого заседания ЦК РСДРП. Юзеф предложил 2 ноября, чтобы Главное Правление СДКПил ответило отказом на это предложение, потому что заседание ЦК может иметь значение и вообще состояться только в том случае, когда созыв его подготовит русская часть партии, а не «националы»³.

30 октября он делает новую попытку добиться от Главного Правления своей посылки в Петербург на заседание ЦК РСДРП. Он считал это заседание очень важным, так как оно должно было, по его мнению, исправить «организационно-формальные глупости», совершенные январским пленумом ЦК РСДРП⁴.

15 и 17 ноября Юзеф снова возвращается к вопросу о своем выезде в Королевство Польское и о вручении ему одновременно мандата на заседание ЦК РСДРП.

Но члены Главного Правления, считаясь с тем, что Юзефу за один лишь побег с вечного поселения в Сибирь угрожает каторга, и принимая во внимание плохое состояние его здоровья, противились его посылке на подпольную работу.

Юзеф нервничал все больше и больше. Его сердило и беспокоило, что редакция продолжает запаздывать с присылкой рукописей прокламаций и материалов для «Червоного Штандара», не считаясь с нуждами работы и условиями печатания и распространения в Королевстве Польском.

Юзефа угнетал конфликт, возникший между Малацким, Ганецким и Ледером, с одной стороны, и Главным Правлением — с другой.

В Бюро Главного Правления с октября 1910 года входил находившиеся в Берлине Тышка, Мархлевский и Варский. Последний в октябре

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 36, стр. 136.

² ЦПА ИМЛ, ф. 76, оп. 1, ед. хр. 462.

³ ЦПА ИМЛ, ф. 76, оп. 1, д. 467, л. 2.

⁴ ЦПА ИМЛ, ф. 76, оп. 1, д. 462, л. 1—3.

был отозван для работы в редакции изданий Главного Правления СДКППЛ, а его место в Париже как члена редакции центрального органа РСДРП «Социал-Демократ» занял Я. Медер, входивший до этого в состав Бюро Главного Правления в Берлине. Выход из создавшегося положения Юзеф видел в том, чтобы «удвоить и утроить работу Главного Правления в области организации и агитации». Между тем, по его мнению, тогдашнее Главное Правление, которое состояло из «весьма умных, опытных, старых товарищей», было не на высоте. «Теперьшнее Главное Правление, — писал Юзеф 3 декабря 1910 года, — совсем не является Главным Правлением действующей партии... быть членом так работающего Главного Правления для меня просто моральная пытка». И Юзеф требует, чтобы Главное Правление нашло пути, чтобы стать «фактором партии и в партии, а не над партией, учреждением, плетущимся за жизнью и борьбой пролетариата только мысленно, да и то с опозданием».

Юзеф волновался, что Главное Правление продолжает с большим опозданием реагировать на события, происходящие в Королевстве Польском, и вовремя не обеспечивает нужды и потребности нелегальных организаций. 5 декабря он пишет Тышке: «Ваша тройка перестает быть Главным Правлением партии. При всей важности «еженедельника» (незаконного. — С. Д.) и «разного рода» другой работы сводить всю деятельность Главного Правления тогда, когда налицо рабочее движение и когда у нас тысячи задач, непосредственно связанных с жизнью партии, только к «еженедельнику» — это ликвидация партии. Я решительно против этого восстаю. К сожалению, я не вижу ничего, что я мог бы здесь делом исправить. Факт остается фактом, что группа литераторов не может быть практически Главным Правлением, если эти литераторы таковы... как ваши. Вы должны наконец принять меры, чтобы покончить с этим»¹.

В сентябре или в октябре приехал в Краков и пришел к Юзефу (Стах) Эдвард Соколовский и предложил послать его (Соколовского) в Варшаву на подпольную работу. Юзеф знал его со времен своей работы в Вильне в юности, но колебался дать согласие, зная, что Соколовский сочувствовал меньшевикам. Только после того как Стах обязался не встать в ряды СДКППЛ никакой агитации в меньшевистском духе, он согласился.

Но уже спустя месяц положение в Варшаве его беспокоило: один из руководителей партийной работы, Зеленый (Арон Визнер), тяжело заболел, два других, Новицкий (Тадеуш — Францишек Сошлянский) и Стах, не справились с делом, а Ян (Юзеф Уншлихт) не подавал признаков жизни, не подтверждал получения материалов для № 179 «Червоного Штандара». Юзефу пришлось эти материалы переписать заново и вторично послать в Королевство Польское.

Помню, что Юзеф был очень огорчен и обеспокоен письмом Стаха из Варшавы. В этом письме отразились пессимизм последнего, недооценка им чрезвычайно важной и кропотливой повседневной организационной работы по постановлению разгромленных полицией в период реакции партийных и профсоюзных организаций. Стах же хотел «широкой деятельности» и предлагал, чтобы его послали в Петербург с интерпретацией от имени польских рабочих к социал-демократической думской фракции.

В ответ на это письмо Стаха Юзеф так определил цели политики партийных организаций в тот момент: «Это прежде всего восстановление сильной организации, чтобы отвоювать обратно то, что было отобрано у рабочих в области экономической и политической жизни во время господства контрреволюции, чтобы пролетариат опять приобрел силы для выполнения задач 1905 года. С этой целью мы должны терпеливую деятельность масс развивать возможно дальше, охватить ее организацией (кружки по профессиям, фабрично-заводские организации, профсоюзные и политические и т. д.), придать ей смысл и политическую сознательность. А это возможно путем повседневной организационно-пропагандистской работы, путем издания прокламаций, путем использования думской фракции, легальной и нелегальной печати, путем идеологической борьбы со всеми врагами и буржуазными течениями, путем кампании за присоединение (к Социал-Демократии Польша и Литвы) рабочих из ППС-левицы, путем агитации среди рабочих из «Народовой демократии» и «Христианской демократии» и т. д. и т. п. И при всех этих задачах вы пишете, что нет для вас подходящей работы...»

В этом же письме Юзеф упрекает Стаха в том, что он не написал и не издал прокламации от имени Варшавского комитета о стачках на заводе «Вулкан», у Яриушкевича и др.

В начале ноября Юзеф составил партийную анкету для членов СДКПиЛ из 25 вопросов и 14 ноября послал ее на утверждение в Главное Правление. Эта анкета содержала вопросы, касавшиеся персональных данных членов партии (время вступления в СДКПиЛ, в профсоюз и т. д.), а также вопросы, выяснявшие мнение членов партии по ряду партийных проблем, например: «имеются ли замечания по партийной литературе и какие? Как смотрит на вопрос партийности профессиональных союзов и на возможность их легализации? Как относится к вопросу объединения с левицей-ППС? Стоит ли за *объединение* со всей левицей-ППС или за *присоединение* рабочих-левицовцев к нам и почему?»¹

Летом 1910 года в рядах рабочих — членов ППС-левицы начало проявляться большое тяготение к организационному объединению с рабочими СДКПиЛ, а осенью в некоторых районах Варшавы и Ченстоховы стали

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 76, оп. 1, ед. хр. 486.

проводиться совместные дискуссионные собрания по данному вопросу. В связи с этим в № 179 «Черногого Штандара» в начале декабря 1910 года была помещена статья «Подлинное или мнимое единство». Но к этому вопросу я вернусь позднее.

В конце 1910 года Юзеф работал над уставом молодежной социал-демократической организации, вносил поправки и написал свои замечания.

В письме 14 ноября к Флориану Юзеф снова поднимает вопрос о своем выезде на подпольную работу, жалеет при этом, что Флориан не может в данный момент его заменить в Кракове, и спрашивает, нет ли у него подходящего кандидата на эту работу.

15 ноября 1910 года Юзеф опять ставит вопрос перед Главным Правлением о своем выезде или временных поездках в Королевство Польское. В крайнем же случае, в связи с тем что нет в Варшаве энергичного человека, который мог бы заняться там изданием «Черногого Штандара» и прокламаций, он предлагает перенести на время печатание этих изданий в Краков. «Так дальше, — писал он, — оставаться без партийного органа в момент, когда он важнее всего, нельзя, и я не согласен...»¹

19 ноября Юзеф пишет Тышке: «...я лично абсолютно не в состоянии работать в такой атмосфере «осадного положения» Главного Правления со стороны всех товарищей и вынужден буду уйти из Главного Правления и поехать в страну в качестве рядового члена партии. При настоящей изоляции Главного Правления от всех членов партии польза от его работы минимальна»².

Через несколько дней Юзеф упрекает Главное Правление в том, что оно недостаточно информирует его о своей работе и об очередных задачах СДКПил и РСДРП.

«...Я узнаю случайно, — писал Юзеф Тышке с возмущением, — что Заграничное Бюро ЦК РСДРП наложило арест на пособие для журнала думской фракции, требуя ввести в редакцию Потресова (ликвидатора. — С. Д.)».

Юзеф спрашивает, как Главное Правление намерено реагировать на нападки «фраков» на «Млот». Он упрекает Тышку в том, что он не выполняет своих обязанностей по отношению к товарищам из Главного Правления. Юзеф требует, чтобы ему присылали письма Эдзислава (Ледера), который представлял в то время СДКПил в ЦО РСДРП, «Социал-Демократ» в Париже, а его, Юзефа, письма пересылали Эдзиславу³.

Через несколько дней Юзеф писал Главному Правлению, что, учитывая существующее положение в партии, его пребывание за границей дальше невозможно. Он считает, что непосредственный контакт с партией-

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 76, оп. 1, ед. хр. 487

² ЦПА ИМЛ, ф. 76, оп. 1, ед. хр. 494.

³ ЦПА ИМЛ, ф. 76, оп. 1, ед. хр. 514.

ными организациями в стране должно держать бюро Главного Правления, находящееся в Берлине и состоящее из трех человек, имеющих добавок платного работника для помощи. В Кракове же, по мнению Юзефа, следует работу свести к экспедиции партийных изданий, сохранению архива, а вопрос личного представительства Главного Правления в Кракове можно бы поручить Жултому (Гебартовскому). Если бы в Кракове было необходимо совмещать представительство Главного Правления с выполнением технических функций, то следовало бы поставить на место Юзефа Люциана. Сам же Юзеф в который раз уже ставит вопрос о своем выезде на подпольную работу в Королевство Польское и в Петербург в качестве члена ЦК РСДРП, избранного на V съезде РСДРП в 1907 году в Лондоне. Юзеф протестует против посылки в Петербург на заседании ЦК РСДРП Ганецкого. Он добавляет, что оставаться дольше за границей для него равносильно «самоубийству», ибо он слишком много растрчивает нервных сил при слишком малой пользе для партии¹.

Мой отъезд в Варшаву и третий арест

Еще 23 июля 1910 года вскоре после ареста Ежи (Вищек — Даниель Эльбаум, в Советском Союзе — Битнер) Феликс писал Тышке, что после краевой партийной конференции, назначенной на август, нужно будет кого-нибудь из Кракова (например, Богдану) послать в Варшаву для издания «Черногого Штандара» и поздравить! 9 августа Феликс снова писал Тышке: «На будущее у меня такой план, если в Варшаве не будет никого и если у Богданы будет время, как сейчас, то послать ее отсюда в Варшаву с материалами «Штандара», чтобы она все организовала и сделала». И Феликс дает дальше мне такую характеристику: «Она очень пунктуальна и охотно выполняет всякую работу»². Эти похвальные слова из уст такого человека, как наш Юзеф, для меня и сейчас являются наказом служить до последнего дыхания святому делу — делу коммунизма.

Около середины августа Феликс сказал мне об этом плане, с которым я охотно согласилась. Однако в связи с тем, что 1 ноября кончался срок моей высылки за границу, Феликс признал целесообразным послать меня в Королевство Польское только по истечении этого срока, когда я смогу ехать легально.

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 76, оп. 1, д. 515, л. 1.

² ЦПА ИМЛ, ф. 76, оп. 1, ед. хр. 404.

Сначала Юзеф, как я уже упоминала, намеревался послать меня в Варшаву на короткий срок с материалами «Червоного Штандара» для его издания, но потом пришел к выводу, что это непрактично и невозможно, так как в Варшаве не было «никого, кто хотел бы и мог бы заняться подыскиванием адресов, корректурой, связью с типографией и т. д. А судя по положению дел в стране и в связи с решением Главного Правления (две прокламации в неделю) работы в области печати будет много и придется об этом *постоянно* заботиться»¹.

Я выехала в Варшаву 28 ноября на два, максимум на три месяца, пока не найдется кто-нибудь вместо меня. Но оправдалась поговорка «человек стреляет — бог пули посыл».

Юзеф проводил меня на вокзал, и мы расстались не на короткий срок, а... на восемь лет. Через месяц после приезда в Варшаву меня арестовали, а во время моего побега из Спбпри, 14 сентября 1912 года, Юзеф был заключен в тюрьму и приговорен к каторге, из которой его освободила лишь Февральская революция 1917 года.

Перед моим отъездом из Кракова мы договорились с Юзефом о ключе для наиболее секретных зашифрованных мест в партийных письмах. Партийные письма писались химическим способом (обычно лимонной кислотой) между строчками обыкновенного письма или же в конце его. Юзеф спросил меня, какой ключ я предлагаю. Он это сделал сознательно, считая, что если я предложу ключ, то лучше его запомню. Записывать его я не имела права. Сам он, живя за пределами России, в Кракове, мог хранить у себя ключи для переписки со многими товарищами. У меня под руками оказался сборник поэзии А. Ланте, и я предложила слова из одного стихотворения — «Души человечья вечно одиноки». Ключ этот, записанный рукой Юзефа, находится в Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС в Москве среди документов Фелпса Эдмундовича.

Перед моим отъездом из Кракова Юзеф сказал мне также, что материалы для «Червоного Штандара», написанные его рукой на маленьких листках почтовой бумаги точно определенного формата, будут вложены под какую-нибудь картинку, вклеенную в картонное паспарту. Картинка эта вместе с картонной рамкой будет вложена в конверт и выслана по указанному мной адресу.

По совету Юзефа на время пребывания в Варшаве я сменила свою партийную кличку Богдавы на Ванду в честь Ванды Краль, проложившей мне путь в СДКПП.

Приехав в Варшаву, я поселилась у своих родителей. Через Яна (Юзефа Уншлихта), адрес которого знал Юзеф и дал мне², я связалась

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 76, оп. 1, д. 499, л. 1.

² Уншлихт жил в то время на Кошиковой улице, в доме № 35.

с членами недавно организованного временного Варшавского комитета. Самым деловым и самым энергичным из них был Зеленый (Арон Визнер), который незадолго до моего приезда простудился на митинге рабочих завода «Вулкан», где руководил забастовкой. Он тяжело заболел и находился в больнице.

Второй — Стах (Эдвард Соколовский), интеллигент, человек очень трудолюбивый, делал все, что мог, но был слабым организатором и пессимистически настроен. Стах руководил Повонзковским районом, очень оживленным. Он возглавлял партийную комиссию, задачей которой было восстановить профессиональные союзы кожевников и деревообделочников, и руководил пропагандистским кружком железнодорожников на Праге.

Новицкий (Тадеуш — Францишек Сошинский) за несколько недель до моего приезда прибыл в Варшаву из Лодзи. Это был старый член партии, рабочий, несколько флегматичный и медлительный, но опытный и добросовестный. Он руководил районом Праги и обслуживал Дольный, Мокотовский и Вольский районы, организовывал забастовки, вел счета временного Варшавского комитета.

Им помогал Сергюш (Шатковский), но его уже заметили шпики, и стоял вопрос об отстранении его от работы, а также гимназист Стефан, который, однако, не пользовался достаточным доверием.

Был в Варшаве также известный партийный литератор Тадеуш Радванский. Но он был занят работой в редакции легального партийного органа и, чтобы не подвергать опасности это издание, в тот период не мог участвовать в нелегальной партийной работе.

В середине декабря я узнала о приезде в Варшаву из Швейцарии Марыси (Стефании Пшедецкой), которую знала со времен революции 1905—1907 годов. Я отыскала ее и привлекла к участию в работе.

Осенью 1910 года значительно оживилось стачечное движение в Варшаве: после забастовки трамвайщиков, рабочих завода «Вулкан», Януш-кевича во второй половине ноября забастовали рабочие паровых мельниц. Эта забастовка кончилась победой рабочих. Я застала еще забастовку на «Вулкане», которая началась в конце октября или в начале ноября и продолжалась долго, но из-за уторства фабрикантов и отсутствия профессионального союза и фонда пособий для бастующих закончилась в начале декабря только частичной победой рабочих.

Согласно директиве Юзефа после приезда в Варшаву я занялась прежде всего подыскиванием адресов для партийных писем из Кракова, а также для материалов к «Червоному Штандару», присылаемых из-за границы. Я нашла несколько таких адресов, в том числе у знакомых мне по 1905—1907 годам сестер Анжхштейн из Мокотовского района. Во время реакции они отошли от революционного движения, но теперь согласились предоставить свой адрес для партийной переписки. Нашла я старого члена

партии Тодзю, жену Эдварда Прухняка, которая охотно дала свой адрес для партийной переписки.

Для материалов «Червоного Штандара» я также получила совершенно «чистый» адрес Францишки Гutowской, с которой в 1909 году познакомилась в тюрьме. Порвав (под влиянием моей агитации) с Национальным рабочим союзом, членом которого она раньше была, Францишка до самого моего приезда не имела никакой связи с СДКПил и никаких услуг ей не оказывала. Она меня встретила радостно и очень охотно согласилась предоставить свой адрес. Я принесла ей последние номера «Червоного Штандара» и программную брошюру СДКПил «Чего мы хотим?».

Мне удалось заполучить еще несколько адресов, но уже не помню чьих. Один из них, кажется, у рабочего завода «Вулкан» члена СДКПил Бловдина (Станислав Моравский). Вскоре я начала получать на этот адреса партийные письма от Юзефа. Частные письма Юзеф писал мне из осторожности не по моему адресу, а на имя моего отца на адрес типографии «С. Орельбранда сыновей», в которой отец работал счетоводом.

Вскоре на адрес Франки Гutowской поступили от Юзефа рукописи листовок «Социал-демократия и церковь» и «Об оккупации в промышленности и о стачечном движении». Написаны они были химическим способом. Я проявила их над огнем лампы, четко переписала, исправила ошибки, которые вкрались в итоге химического способа писания, и отнесла в типографию Левицкого на улице Новы-Свят для набора. Это была частная типография, легальная, но в ней за большие деньги печатались наши нелегальные издания. В этой типографии у нас было несколько рабочих, в том числе наборщиков, социал-демократов. За напечатание этих листовок Левицкий потребовал 90 рублей, что по тем временам и по финансовым возможностям партии было суммой баснословной.

Отправив рукописи листовок, Юзеф прислал мне и точные указания, как понимать знаки, которыми он в рукописи отметил слова и предложения для выделения курсивом или жирным шрифтом. Поскольку в рукописи, писанной химическим способом, он не мог подчеркивать этих мест согласно принятым типографским правилам, так как он не видел написанных слов, поэтому он ставил до и после них соответственно один или два крестика. Юзеф указал мне и тираж листовок, а также количество для рассылки в Домбровский бассейн и Ченстохову (по 1000 экз.) и в Лодзь (2000 экз.). За корректурными оттясками я ходила в типографию. Читать гранки в квартире отца я не могла: у меня не было там своего угла и это привлекло бы внимание домашних. Поэтому я делала корректуру у товарища Густава (Францишек Трускер, в КПП — Фидлер) на Варецкой улице недалеко от типографии.

Листовка «Социал-демократия и церковь» вызвала среди членов партии недовольство. Юзеф сообщал об этом 23—24 декабря Тышке, добавив,

что и ему она не нравится, так как в ней «слишком много приспособленчества к перу народа и она лишь формально соответствует нашей точке зрения, что религия является частным делом».

Помню, что у нас были большие трудности с обеспечением работы в области партийной техники. Ведал партийной техникой Гиндон. Но появились серьезные подозрения в том, что он провокатор. Нужно было поэтому избавиться от него и изолировать его от партийных организаций. Готовые листовки взял из типографии и разослал в местные партийные организации временно привлеченный к этой работе товарищ, который, однако, для постоянного занятия партийной техникой не подходил. Мы подыскивали новую кандидатуру, но пока безрезультатно.

Еще в конце ноября пришло сообщение, что в России готовится легальный съезд врачей. В связи с этим Стах, отвечая, по-видимому, на вопрос Юзефа, есть ли возможность использовать этот легальный съезд, сообщал ему, что на этот съезд из Королевства Польского сможет послать своего делегата только Общество гигиены и что наш варшавские товарищи идут путей к этому Обществу, чтобы найти возможность послать на съезд врача, сочувствующего СДКПиЛ. Он внес бы на съезде решение СДКПиЛ по вопросу о кустарном промысле, широко распространенном в Варшаве и других городах Королевства.

Варшавские товарищи намеревались обратиться к властям за разрешением провести легальное публичное собрание по вопросу о кустарном промысле. Это собрание могло бы принять резолюцию СДКПиЛ для вынесения на съезд врачей. В связи с этим Юзеф обратился в берлинскую партийную редакцию с предложением подготовить проект решения по вопросу о кустарничестве и вообще резолюции СДКПиЛ для съезда врачей. Юзеф предложил также, чтобы к этой легальной работе привлекли Людвика Кшивицкого¹.

Во второй половине декабря выяснилось, что съезд врачей должен был состояться лишь в апреле 1911 года. Мы получили одновременно программу съезда и разные указания об условиях отправки делегатов. Оказалось, что евреи, не имевшие права на жительство в России, не могут быть делегатами. В связи с этим отпал наш план отправки из Варшавы на врачебный съезд сочувствующего СДКПиЛ врача-еврея.

Готовясь к съезду врачей, мы занялись организацией ряда лекций в Варшаве. Подыскивать лекторов должны были социал-демократы из числа торговых работников и Ян (Юзеф Уншлихт).

В начале декабря в Варшаве вышел № 179 «Червоного Штандара», в котором была напечатана статья «Подлинное или мнимое единство».

¹ Людвик Кшивицкий (1859—1941) — выдающийся польский ученый — социолог, экономист и этнограф, близкий социалистическому движению. Ему принадлежит первый перевод на польский язык «Капитала» К. Маркса.

Это была реакция «Червоного Штандара» на широко распространенное среди рабочих ППС-левицы стремление к единству с рабочими СДКПнЛ, о чем я уже упоминала выше. Статья эта призывала рабочих отдельных организаций ППС-левицы группами вступать в соответствующие организации СДКПнЛ, причем гарантировала им пропорциональное представительство в соответствующих партийных комитетах. Эта статья вызвала большое недовольство среди членов СДКПнЛ, частично обоснованное, частично же отражавшее сектапские настроения в партии. 13 декабря Люциан (Сэвэр) писал Юзефу из Лодзи о недовольстве чешеховских товарищей этой статьей. Люциан от себя добавил, что ему статья в общем нравится, по на какие-то там «представительство левищовцев» он согласиться не может, это противоречило бы как содержанию статьи в целом, так и решениям Августовской (1910 года) краевой конференции. Против такого «представительства» высказался также Блыскавица, руководитель чешеховской организации. Среди варшавских товарищей также были недовольные этой статьей, особенно гарантий пропорционального представительства в партийных комитетах левищовцам, которые перейдут в СДКПнЛ. Особенно возмущены были этим Ян (Уншлихт) и Чеслав (Ганецкий). Последний не принимал тогда участия в варшавской партийной работе. Он приехал в Варшаву, чтобы связаться с Яном и вместе с ним воздействовать на других товарищей в духе недовольства этой статьей и вообще Главным Правлением.

Независимо от точки зрения Яна и Ганецкого мы, Новицкий, Стах и я, также были недовольны предложением пропорционального «представительства» левищовцев, выдвинутом в № 179 «Червоного Штандара».

19 декабря, сообщая Юзефу о нашем недовольстве статьей «Подлинное или мнимое единство», я мотивировала его следующим образом: в статье «левищу обвиняют в стремлении к мнимому единству, в желании сохранять организационную самостоятельность, а в конце статьи пропагандируется как раз это же. Неужели левищовцы, которые войдут в нашу партию как эсдеки, будут нуждаться в особом представительстве? Неужели у этих рабочих, а ведь мы обращаемся к ним, имеются какие-то особые интересы, которые нужно представлять? Разве их не удовлетворит то, что удовлетворяет наших товарищей — принцип демократизма при выборах в любые партийные инстанции? Это совершенно новая идея, которая до сих пор никогда не высказывалась ни на съезде, ни на партийной конференции, но, главное, она *противоречит* существующей до сих пор нашей точке зрения».

Люциан в упомянутом уже мной письме Юзефу от 13 декабря высказал пожелание, чтобы кто-нибудь выступил в «Червоном Штандаре» с критикой статьи из № 179.

18 декабря в своем ответе Люциану Юзеф писал: «Что касается предоставления левице представительства, то, разумеется, это только мнение

редакции «Червоного Штандара»... подлежащее дискуссии. Я думаю, что это указание не следует принимать как конкретный план при объединении, поскольку практически этот план не выдерживает критики, но понимать это надо лишь как проявление того, что мы не хотим механически использовать свое численное превосходство, если они без оговорок примут нашу программу, это надо понимать лишь как переходную форму... Я думаю, что выразить это можно было бы иначе, чем это сделал № 179. Во всяком случае вопрос открыт для дискуссии, и в своих ответах о работе кружков и т. д. вы должны отразить свое особое мнение по этому вопросу»¹.

20 декабря Юзеф в письмах Люциану еще раз возвращается к вопросу о статье в № 179 «Червоного Штандара», подчеркивая, что «желательно отразить мнение широких партийных кругов по этому вопросу». Юзеф также добавляет, что, по его мнению, не следует слишком подчеркивать разногласия по поводу этого предложения о представительстве присоединяющихся к СДКПНЛ левизовцев в районах, что это — неудачное выражение неправильной мысли, что мы не хотим их подавлять своим количественным превосходством и что это лишь кратковременная переходная форма.

Пересылая Тышке копию письма Люциана по поводу статьи «Подлинное или мнимое единство», Юзеф приложил к нему следующие свои замечания: «Голос Люциана по этому вопросу не одинок, я отовсюду слышу от товарищей критику этой идеи, которая практически никогда не сможет быть осуществлена, а в основном туманна и может рассматриваться лишь как переходная форма, как выражение того, что мы не хотим присоединяющихся к нам левизовцев механически численно подавлять.

При переписывании (материалов для «Червоного Штандара». — С. Д.) я прозевал это место. Я думаю, что в будущем редакция «Червоного Штандара», давая такого рода указания, должна предварительно обращаться в Главное Правление».

За несколько дней до рождества в Варшаву приехал Люциан. На Твардой улице, не помню в чьей квартире, я встретила с ним. Были там также Ян и Ганецкий, которые выступили с предложением, чтобы активисты Варшавы обратились с протестом в Главное Правление по вопросу статьи «Подлинное или мнимое единство».

В связи с приездом Люциана, выполнявшего в то время партийную работу в Королевстве Польском от имени Главного Правления и обьежавшего по очереди местные партийные организации, на 27 декабря было назначено узкое партийное собрание по организационным вопросам. Ян и Ганецкий, зная об этом собрании, предложил обсудить на нем также вопрос о статье «Подлинное или мнимое единство».

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 76, оп. 1, ед. хр. 297.

27 декабря 1910 года, на третий день рождества, мы с утра собрались в районе Волы в доме для рабочих предприятий Вавельберга на Гурчевской улице, 11, в квартире 99.

Сворачивая с Вольской улицы в переулок, который вед на Гурчевскую улицу, я заметила на углу какую-то подозрительную фигуру, которая прохаживалась по этому переулку. Но на Гурчевской улице было «чисто».

В условленной квартире был уже Люциан и, кажется, Тадеуш, но остальных товарищей еще не было. Я сказала Люциану о фигуре на Вольской улице, которая меня беспокоила. Ни он, ни Тадеуш этой фигуры не заметили. Не видели ее также ни Стах, ни Марыся, которые вскоре пришли. Решили поэтому не расходиться и провести собрание.

В доме на ул. Гурчевской жило несколько социал-демократов, поэтому наши собрания часто проводились у кого-нибудь из них. Хозяин квартиры, в которой мы собрались, велел своему сынишке стоять на улице и сообщать нам, если увидит полицию.

Когда собрались все пять человек, которые должны были явиться, мы открыли собрание. На повестке дня стояли организационные вопросы о перераспределении работы в связи с возвращением в Варшаву Марыси, приступившей к партийной работе, вопрос о замене Сергея, о подыскании постоянного работника для партийной техники и т. д. Марысе поручили один из варшавских районов, который до тех пор обслуживался лишь от случая к случаю Новичком.

После решения организационных вопросов мы собрались перейти к обсуждению вопроса о статье «Подлинное или мнимое единство». Но до обсуждения этого вопроса дело не дошло. Когда мы заканчивали решение организационных вопросов, в комнату бежал сыншишка хозяев с криком: «Полиция!» Мы немедленно начали очищать свои карманы, рвать на мелкие части и класть в рот бумажки с конспиративными записями, чтобы их проглотить. Уйти никому не удалось, так как через минуту ворвались полиция и шпиксы, заорав: «Руки вверх!» Начался личный обыск. Марысю и меня обыскала дворничиха, которую для этого вызвала полиция. У меня отняли паспорт и бывший при мне ключ от квартиры отца. Ни у кого из нас ничего серьезного не обнаружили. Но меня очень беспокоило, что взяли мой паспорт с последней пропиской у отца на Вуспульной улице, 39, а также ключ от этой квартиры. Правда, ничего нелегального в квартире отца у меня не хранилось, но я со дня на день ожидала поступления из Кракова на адрес Франки Гutowской материала для № 180 «Червоного Штандара», который должен был прийти еще до рождества. В голове возникла страшная мысль, что эти материалы могли прийти накануне вечером. 26 декабря после полудня я заходила за ними к Франке,

но их еще не было. Они могли поступить и сегодня, 27 декабря, утром, и Франка могла их принести ко мне на квартиру. Несколько успокоила меня мысль, что материалы эти пересылались в паспорт под какой-нибудь картинкой и что Франка строго предупреждена мной, чтобы сразу же после получения пакета уничтожила конверт со своим адресом и ни в коем случае не выходила с ним на улицу. Однако сам факт моего ареста и мысль, что никто не сможет получить материалы и сдать их в типографию для печати, были немалым ударом. Мое положение усугубляло еще и то обстоятельство, что я уже несколько месяцев была беременна.

С улицы Гурьевской под усиленным конвоем нас отвели на Театральную площадь в охранку, помещавшуюся в здании Ратуши. Поздно вечером после многих мучительных часов ожидания, во время которых, как оказалось, был произведен обыск в квартире моего отца и, вероятно, в квартирах остальных товарищей, меня вызвали на допрос.

Были ли уже допрошены другие товарищи, я не знала, нас сразу же разделили, чтобы мы не могли договориться о даче показаний.

Меня допрашивал жандармский ротмистр в присутствии двух жандармских офицеров. После того как мне был задан ряд вопросов, касавшихся персональных данных (имя, фамилия, возраст и т. д.), ротмистр открыл ящик стола, вынул оттуда и положил передо мной... странички, написанные хорошо знакомым и дорогим мне мелким почерком Юзефа. Это были рукописи материалов для № 180 «Червоного Штандара». Рядом лежало паспорт с мадонной Рафаэля и конверт с адресом Франки Гутовской.

Я мгновенно поняла всю глубину свершившейся катастрофы и ужас создавшегося положения.

Все три жандарма хитро впились в меня жадными глазами. Не желая доставлять им удовольствия, чтобы они увидели меня ошеломленной этим «вещественным доказательством», я тут же овладела собой и, не ожидая их вопросов, совершенно спокойно сказала, что эти рукописи предназначены мне. Нужно было снять ответственность за них с Франки. Поэтому я добавила, что адресат понятия не имел о содержании конверта.

Я не знала еще, при каких обстоятельствах материалы для «Червоного Штандара» попали в лапы жандармов. Как потом оказалось, жандармы не поверили моим словам о полной невинности Франки, о том, что я скрыла от нее содержание пакета, который должен был прийти на ее адрес для меня.

Они начали задавать мне вопросы, касавшиеся моего присутствия в квартире на ул. Гурьевской. Я придумала тут же какую-то вымышленную версию. Жандармы спросили меня, кто прислал мне рукописи из Кракова. Желая отвлечь их внимание от Юзефа и его почерка на рукописях, я назвала первую попавшуюся вымышленную фамилию.

На вопрос, кому я должна была вручить эти рукописи, где они должны печататься, я, разумеется, отказалась ответить.

Много лет спустя, работая в ИМЛ над архивами Ф. Э. Дзержинского, я узнала из его письма Тышке от 13—14 февраля 1911 года, что к рукописи было приложено письмо с указаниями относительно печатания этих материалов. Письмо предназначалось мне, но по конспиративным соображениям Юзеф обращался в нем как к мужчине, а не как к женщине. Так тщательно обдумал Феликс каждую деталь, чтобы в случае провала уменьшить ответственность получательницы этих материалов! Письмо должно было стать доказательством, что рукописи предназначались не мне. Я об этом не знала. Письмо с указаниями Юзефа жандармы мне не показали, и использовать его для своей защиты я не смогла. А Феликс, как это видно из его письма от 13—14 февраля, рассчитывал на то, что приложенное к материалам письмо спасет меня и что меня вскоре удастся освободить под залог до суда. Он тогда еще не знал, что я сказала жандармам: «Это для меня». Узнал он об этом позднее из моего обвинительного заключения.

После окончания допроса меня увели обратно в комнату, в которой я находилась раньше. Тут я нашла в совершенно подавленном состоянии Франку Гutowскую, с которой только сейчас, после ее и моего допроса, мне разрешили встретиться. Теперь со слов Франки я узнала о том, где и как она попала и как из-за неопытности и невыполнения данных ей мною указаний она провалила с ущербом для дела партии и на свою и мою беду материалы к «Червоному Штандару». Дело произошло так: 27 декабря утром материалы к «Червоному Штандару» поступили на адрес Франки Гutowской. Вместо того чтобы немедленно разорвать и сжечь конверт со своим адресом и отнести мне только паспорт с репродукцией мадонны Рафаэля, под которой находились рукописи, она принесла на квартиру моего отца весь пакет с конвертом. Мало того. Вместо того чтобы оставить паспорт с материалами для меня и немедленно уйти, о чем я тоже ей давала указания, она села в столовой за стол и начала писать мне письмо, спрашивая в нем о вещах, которых не поняла в данной ей мною нелегальной брошюре «Чего мы хотим». В это время жандармы, пользуясь ключом, взятым у меня во время обыска, без шума открыли входные двери и вошли в квартиру. Это было в 3 часа пополудни. Из маленькой прихожей двери направо вели в кухню, где была моя мачеха, а двери прямо — в столовую. Другого выхода из квартиры не было.

Франка растерялась: она схватила нераспечатанный конверт, открыла дверь в кухню и бросила через порог конверт со всем содержимым моей мачехе, по-видимому надеясь, что та бросит его в огонь. Но конверт с паспортом упал на пол. Жандармы заметили движение Франки, схватили конверт, разорвали его, вынули паспорт и вытащили из него рукописи. Франку, конечно, арестовали.

В квартире отца сделали обыск. Нашли только квитанцию на имя Богдаты в получении небольшой суммы денег для партии (партийные взносы). Квитанции эти были мне выданы в Кракове назначенном секции Кракусом (Генрих Штейн — Каменский) и подписаны им. Не знаю, каким образом эти квитанции оказались в моих вещах в Варшаве.

После обыска в квартире отца оставили засаду на двое суток. По четыре — шесть жандармов дежурили там попеременно без перерыва день и ночь.

Об этом написал Феликсу мой отец 29 декабря после снятия засады, сообщив о моем аресте.

Во время следствия Франк держалась очень хорошо. Она отрицала, что конверт с паспортом должна была отдать мне.

Поздло вечером нас всех в тюремной карете, окруженной копной полицией, отвезли в тюрьму на Спокойную улицу.

На следующий день в камеру, где вместе с другими заключенными женщинами сидели мы с Марысей и Франкой, посадили Тодзя (Теодору Прухняк), которую арестовали дома ночью с 27 на 28 декабря, после чего оставили у нее засаду.

В этой тюрьме у меня было неожиданное 10-минутное свидание с отцом через две решетки. Он добился его у начальника тюрьмы.

Одновременно свидания имели 7—8 заключенных, и стоял такой крик и шум, что трудно было разговаривать.

Через несколько дней, вечером 31 декабря, Людяна, Стаха, Новицкого (Тадеуша), Марысю и меня перевезли в тюремной карете в Х павильон Варшавской цитадели, а Франку Гутовскую — в следственную женскую тюрьму «Сербия» на Дзельную улицу. Тодзя осталась в тюрьме на Спокойной улице.

В Х павильоне Варшавской цитадели

В Х павильоне нам пришлось распрощаться, так как всех нас поместили в одиночки на разных этажах, и за все время пребывания в Х павильоне я ни разу в окно не видела на прогулке никого из арестованных вместе со мной товарищей.

Новый, 1911 год я встретила в полном одиночестве. Второй раз Новый год встречала я в тюрьме. Меня мучили тяжелые мысли о провале материалов для «Червоного Штандара», о Юзефе, о моем бедном отце, которому я снова причинила огорчение, о моем будущем ребенке, которого царские власти обрекли на такие ненормальные условия развития.

Меня поместили в камеру № 14 на втором этаже. Камера была довольно просторная, солнечная. Стены и потолок — белые с грязными пятнами. (Стены до половины выкрашены в черный цвет масляной краской.) Цементный серый пол — грязный. Большое окно без жестяного заслона, но с решеткой и с рифлеными стеклами, сквозь которые ничего не было видно, выходило на южную сторону. Только на самом верху форточка была из обычного стекла. Зато наружная рама форточки была обита такой густой сеткой, что и спички через нее нельзя было просунуть. Это было сделано с той целью, чтобы заключенные не могли пересылать друг другу через форточку записки.

Обстановка камеры состояла из железной кровати с прутьями, на которых лежала доска с соломенным тюфяком, маленького столика у окна, стула и табуретки. На этой табуретке, которая стояла у самой двери напротив окна, можно было (если имелся) держать чайник и кое-какую посуду. Разрешали иметь спиртовку, но не с жидким спиртом.

Двери, ведущие в коридор, были выкрашены в желтый цвет и имели «глазок», через который дежурный жандарм часто заглядывал в камеру. Жандарм захлопывал двери со страшным стуком и треском, закрывал на ключ и большой железный засов. Этот грохот и треск закрываемой двери, пронзительный звон кандалов на ногах заключенных были единственными звуками, раздававшимися в X павильоне. В остальном царила гробовая тишина.

Надзирателями были жандармы, которые выпускали и выпускали заключенных в уборную, на допросы в канцелярию, на свидания, на 15-минутную прогулку. Обслуживающий персонал в X павильоне также состоял исключительно из мужчин. Солдат «убирал» камеру, вечером приносил, а утром уносил маленькую кухонную керосиновую лампочку, разносил кипяток для чая, хлеб, обед и ужин. Пища в X павильоне по сравнению с тюрьмой на Спокойной улице и с «Сербией» была значительно лучше. На обед кроме водянистого супа давали две небольшие мясные котлеты. Можно было также за собственные деньги, хранившиеся в канцелярии, выписывать молоко, раз в неделю — чай, сахар и т. д.

С солдатом заключенный не имел права обменяться ни одним словом. За этим следил жандарм, всегда стоявший в полуоткрытых дверях, когда солдат входил в камеру.

Жандарм не имел права входить в камеру. Запрещение это объясняли тем, что так безопаснее для жандарма, на которого якобы мог напасть заключенный.

За пределами двери заключенный один не мог сделать ни шага. Куда бы он ни шел, в уборную, на прогулку или в канцелярию, его всегда вводил и выводил жандарм, а сади шел солдат с винтовкой.

Жандармы тщательно следили за тем, чтобы заключенный не встретил или хотя бы издали не увидел другого заключенного — знакомого

или же совершенно незнакомого. Если случалось, что по коридору шел какой-нибудь заключенный, а на другом конце коридора открывали коридорные двери и появлялся возглавляемый жандармом другой заключенный, то жандарм немедленно вталкивал заключенного обратно в дверь и ждал, пока коридор не опустеет и не захлопнутся двери за первым заключенным.

Старались также не допускать, чтобы кто-нибудь из заключенных мог увидеть через сетку форточки другого заключенного на прогулке в садике. Поэтому жандармы не спускали глаз с заключенного. Они следили за ним в «глазок» не только когда он находился в камере, но даже когда он был в уборной. Чтобы выглянуть в форточку, нужно было влезать на железную спинку кровати у изголовья или на подоконник.

На прогулки выводили в маленький садик с одной-единственной дорожкой, по которой можно было пройти шагов 50—60 вперед и столько же назад. На одном конце дорожки стоял жандарм, на другом — солдат с винтовкой, те самые, которые привели заключенного из камеры. Несколько деревьев и маленький клочок земли, засыпанный сеном, узкая дорожка, вверх кусочек неба, а вокруг голые стены Х павильона — вот все, что видел заключенный во время прогулки. В Х павильоне была неплохая библиотека, которой заключенные могли пользоваться. Книжки по заказу заключенных приносил жандарм. Поэтому время пребывания в Х павильоне я коротала за чтением польской и русской художественной литературы. Мне прислали французско-польский словарь, и для усовершенствования своих знаний французского языка я читала какие-то новеллы Мопассана в оригинале. Взяла я из библиотеки «Историю Польши» Владислава Смоленского и изучала ее по несколько часов в день. Для улады жизни читала Мицкевича и повторяла выученные еще в школе «Оду к молодости» и отрывки из «Пана Тадеуша». Выучила я на память и ряд других его чудесных стихотворений, в том числе «Фариса». По моей просьбе отец прислал мне также учебник тригонометрии, и я начала ее изучать.

Письма можно было писать только раз в неделю, и то в присутствии жандарма, который для этого приносил в камеру чернила. Читая книжки, я находила в них разные сведения о заключенных, которые раньше читал эти книги. Чуть заметными точками под соответствующими буквами они отмечали свое имя, фамилию, откуда происходят, в чем обвиняются и по какой статье или к чему приговорены и т. д. В одной из книжек я нашла отмеченные таким образом имя и фамилию, дату, когда сделаны эти заметки, и другие данные о Фелксе Держспинском.

Рядом со мной в камере направо сидел «фрак» Свиерский, обвинявшийся в участии в каких-то террористических актах. Ему за это угрожалась смертная казнь, и, чтобы избежать такого приговора, он симулиро-

вал сумасшествие. В связи с этим он уже несколько раз был в доме для умалшенных. Свирский первый начал перестукиваться со мной через стену. Я не умела тогда еще объясниться стуком, но знала, что для перестукивания заключенные пользуются тем же алфавитом из 23 букв, который мы употребляли для зашифровки конспиративных мест и писем. Поэтому я быстро научилась понимать Свирского и отвечать ему. Во время одного из таких перестукиваний Свирский сообщил, что в камере № 14, в которой я тогда сидела, в 1909 году сидел рядом с ним Челпек, и Свирский с восторгом рассказывал мне о нем, о том, как он у него многому научился, какой это был хороший товарищ, как заботился о других заключенных, какие хорошие советы давал им, каким боевым и мужественным он был. (Уже после Октябрьской революции я узнала, что царским судом Свирский не был приговорен к смертной казни.)

С левой стороны рядом со мной сидел какой-то заключенный, закопанный в кандалы, звон которых я слышала при каждом его движении или шагах. Фамилии его я не знаю, потому что сам он не стучал и не отвечал на мой стук в стену.

Жандармы старательно следили за тем, не перестукиваются ли заключенные, не общаются ли таким путем между собой. Они тихонько подкрадывались к двери (а коридор умышленно был выстлан мягким поломком), заглядывали в камеры через «глазок» и подслушивали. Заключенных, которые много стучали, переводили из камеры в камеру. И меня через несколько недель перевели из камеры № 14 в другую в том же коридоре, но на противоположной его стороне с окном, выходящим на северную сторону, и большой железной печью вместо кафельной. С одной стороны соседа не было или он не отвечал на стук, с другой — не было камеры. Следовательно, в этой камере я была совершенно оторвана от других заключенных. Оставался единственный способ общаться с моим бывшим соседом при помощи тайных записок, которые засовывались куда-нибудь в условленном месте в уборной, в какую-нибудь щель в переплете окна, на печке и т. д. Но этот способ был опасен, потому что каждый раз, после того как жандарм отводил заключенного обратно в камеру, он возвращался в уборную и тщательно обыскивал все места, где могли быть спрятаны записки, и часто их находил.

Из этой второй камеры меня через некоторое время перевели снова в другую камеру в первый коридор рядом с лестницей, которая вела в канцелярию.

Это была, кажется, камера № 4. Рядом со мной в соседней камере сидели вместе два товарища: левеловец Нейман (впоследствии видный член КПП) и «фрак» Ржепецкий, с которым позднее я познакомилась лично на поселении в Сибирь. С обоими этими товарищами я перестукивалась через стену.

* *
*

Феликс узнал о нашем аресте через несколько дней от Ганецкого, который сразу после этого приехал в Краков. Но Ганецкий знал только, что арестованы мы — я и Марыся. Никаких подробностей он не знал. Феликс в письме Тышке от 30 декабря, сообщал об этом, добавлял, что, вероятно, засыпался также Люциан и Стах, потому что иначе они немедленно написали бы об этом аресте. Тышка также был, видимо, уже осведомлен телеграфно Яном (Уншлихтом) об этом, потому что Феликс просил его сообщить подробности. Феликс добавлял: «В Варшаве есть провокатор, это несомненно. Все руководители проваливаются, типография — нет, районы — нет».

В том же письме Феликс ставит в известность Главное Правление, что с 1 января 1911 года он начнет ликвидировать свои дела в Кракове, чтобы выехать в Королевство Польское, и предлагает, чтобы в связи с арестом Люциана экспедицией и другими вопросами партийной техники занялся в Кракове Роман (Подпалляч — Самуил Лазоверт).

В то же время Феликс сообщает Главному Правлению, что Мартин (Винценты Матушевский) выедет из Галиции в Варшаву на следующий день или 1 января. Он выражает, однако, опасение, что в связи с существующей в Варшаве нераскрытой провокацией приезд Мартина принесет мало пользы.

Феликс беспокоится о том, что в Варшаве некому будет издать прокламацию Главному Правлению к 22 января — годовщине начала первой революции в России, и предлагает отпечатать эту прокламацию заранее в Кракове, а тираж ее переправить через границу¹.

Из письма Феликса в Главное Правление от 31 декабря видно, что, несмотря на трудности и заботы, он работал с обычной своей энергией и готовился к выезду в Королевство Польское.

* *
*

Первое свидание в Х павильоне я получила только через несколько недель. 28 января пришел мой бедный отец, страшно огорченный моим новым арестом. Феликс, естественно, за все время моего пребывания в тюрьме прийти на свидание не мог, он был бы немедленно арестован.

Свидание происходило на первом этаже около канцелярии в особой для этого предназначенной комнате в присутствии жандармского нах-

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 76, оп. 1, ед. хр. 531.

мистра. Комната эта была разделена на две части двумя параллельными железными стенками на расстоянии одна от другой не меньше чем метр. Верхняя половина этих стенок была из густой проволочной сетки. Заключенный стоял по одну сторону железных стен, а посетитель — по другую. Тут же, рядом с заключенным, за маленьким столиком сидел надмистр, который прислушивался к каждому слову и, в случае если разговор начинал выходить за рамки семейных дел, прерывал его. Свидание продолжалось самое большее 15 минут. О Фелпксе я не могла спрашивать отца, так как сидела под своей девичьей фамилией, хотя на допросе сказала, что я замужем, но фамилии мужа не назвала.

Со слов отца я узнала, что у него снова из-за моего ареста большие неприятности на работе и дома с матерью. Ему временно пришлось даже уйти из дома и поселиться у своей сестры Анны Лянды. Это страшно угнетало меня, и всю ночь после этого свидания я не спала. А отец на другой день после свидания самокритично писал Фелексу: «...вамучился я, нарабатался, настрадался... Стремления мои часто бывали мелочные, идиотские. Если бы я сейчас начал жизнь заново, она была бы, конечно, иной. Зося меня подняла, облагородила... С тех пор я стал настоящим человеком...»

Хотя я недостаточно сознательный и не знающий учения Маркса и Энгельса, отец мой стал сторонником идеи, за которую боролись мы с Фелпксом. Отец приносил мне белье и продукты, в том числе шоколад. Улы, у меня не было никакой возможности делиться этими продуктами с товарищами. Я предложила дежурившему в коридоре жандарму, чтобы он отдал шоколад и часть других продуктов Свиерскому. Но жандарм с возмущением отказался и даже пригрозил мне, что донесет о моей просьбе моему начальству и меня за это накажут.

За время моего пребывания в X павильоне у меня было еще несколько свиданий с отцом. Каждый раз после них я возвращалась в камеру с тяжелым сердцем.

Посетил меня также адвокат Скоковский, который по просьбе отца занялся моим делом. Он ходатайствовал об освобождении меня под залог, мотивируя тем, что я беременна и что мое пребывание в тюрьме плохо отразится на ребенке. Но жандармам были чужды человеческие чувства, и они отказались до разбора дела отпустить меня под залог.

Скоковский возбудил также ходатайство о переводе меня из X павильона в «Сербию», где тюремный персонал состоял из женщин. Я не возражала против этого, хотя нахождение в X павильоне считала для себя почетным. Мне хотелось связаться с Франкой Гutowской и договориться с ней о наших дальнейших показаниях. хлопоты Скоковского о моем переводе в женскую тюрьму увенчались успехом, и 20 марта 1911 года я была переведена в «Сербию».

Камер для женщин, обвиняемых в политических «преступлениях», было всего 6 или 7. В них сидело по одной или по две женщины — всего человек 13. Камеры эти помещались на втором этаже с левой стороны коридора. Камеры они небольшие, полутемными и сырыми. В узкой стене напротив двери высоко наверху было маленькое зарешеченное окошко с одним стеклом, вдобавок закрытое снизу и с боков жестяным заслоном. Через оставшийся наверху небольшой просвет виден был лишь маленький кусочек неба. Окошечки эти выходили в небольшой садик, примыкавший с одной стороны к стене «Сербии», а с других сторон огороженный высокой каменной оградой и глухой стеной соседнего многоэтажного дома. В этот садик выводились на прогулку заключенные. Из камеры этот садик из-за заслона на окне не был виден.

В каждой камере вдоль одной из ее стен были прикреплены две железные рамы, обтянутые серым холстом, служившие койками, а днем сиденьем. Стульев в камере не было, стояла одна табуретка с тазом и кувшином на ней, а рядом ведро для грязной воды. Между железными откидными койками к стене был прикреплен небольшой железный столик с железной полкой под ним. Эта полка была единственным местом, где можно было держать посуду (чайник, кружки, тарелки и т. д.), а также те немногие продукты, которые могли быть у заключенных.

Спали головами к столику, так были сделаны железные откидные койки с приподнятым изголовьем. Это было неприятно, потому что в камере было много мышей, которые ночью добирались до хлеба и других пищевых продуктов, лежавших как раз на высоте голов спящих заключенных, и могли беспрепятственно бегать по нашим головам. С воли нам припесл мышеловку, в которую каждую ночь попадало по несколько мышей.

Камеры «Сербии» целый день были заперты, за исключением одного часа около полудня, когда все заключенные выходили в садик на общую прогулку. Кроме того, камеры открывались по стуку заключенных, когда им нужно было в уборную, или пойти за чистой водой, или же вылить из ведра грязную воду.

Камеры политических заключенных убрали уголовные. Они ежедневно вытирали мокрой тряпкой деревянный покрашенный пол. Особая уголовная заключенная приносила кпятков в огромном медном чайнике и разливала его в наши небольшие чайники.

Дежурили в нашем коридоре по очереди две надзирательницы, сменяясь через сутки. Они открывали и закрывали камеры, а также железные двери из коридора на лестницу. Они отводили заключенных в канцелярию на допросы и на свидания.

Одна из них, пожилая женщина, была неплохим человеком. С ней у нас не было стычек. Вторая, молодая, была гадиной. Где только могла, она дожимала заключенных, шпионила за ними, заглядывая в «глазок» дверей. Часто во время прогулок, чтобы угодить помощнику начальника, как потом выяснилось охраннику, она делала в камерах обыск. Однажды она подсмотрела, что я что-то пишу, и ни с того ни с сего ворвалась в камеру и начала делать обыск в моем присутствии. Я запротестовала, но это не помогло. Она не ограничилась обыском вещей, а пыталась обыскать и меня лично. А я как раз написала небольшое письмо Стефании Семполовской о деле, касавшемся одной из политических заключенных. Стефания Семполовская, как я уже упоминала, всю жизнь заботилась о политических заключенных. В тот же или на следующий день у меня должно было быть свидание, и я рассчитывала, что передам это письмо через моего отца. Написав это письмо, я спрятала его у себя на груди. Когда же надзирательница пыталась меня обыскать, я быстро вынула и разорвала его на мельчайшие кусочки. Что я не успела разорвать, сунула в рот и проглотила. Подлая надзирательница, таким образом, ничего не добилась, хотя и подобрала кусочки письма.

Надзирательницы всех отделений тюрьмы подчинялись старшей надзирательнице, а она — начальнику тюрьмы и его помощнику.

Когда меня перевели в «Сербию», там среди политических заключенных находились две социал-демократки. Одной из них была Владислава Гузовская, толковая молодая работница, которая до ареста занималась партийной техникой и неоднократно перевозила по поручению Юзефа нелегальную литературу и оружие через границу. Через несколько месяцев она была приговорена Варшавской судебной палатой к вечному поселению в Сибири и сослана в Енисейскую губернию. Там она вышла замуж за ссыльного певесовца и отошла от революционного движения.

Второй была Францишка Гутовская по моему делу.

Сидели там также три члена так называемой революционной фракции ППС, из них две работницы. Одна — молодая, по фамилии Вальчак, и пожилая, фамилия которой не помню. Третьей была интеллигентка Гликсон. Она обвинялась в участии в каких-то террористических актах и до этого сидела некоторое время в X павильоне. В «Сербии» она, по-видимому за большую взятку, содержалась в особых условиях: ей разрешали в любое время выходить из камеры и т. д. Ее присудили впоследствии не к повешению, как опасались, и не на каторгу, а (опять же за крупную взятку) к поселению в Сибири.

Кроме того, в это время там сидели Мартынская, не входившая ни в одну определенную партию, отправленная потом в административную ссылку в Сибирь на 3 года; одна анархистка (фамилия ее не помню) с 10-месячным сынышкой, которой грозила каторга, и, наконец, жена адвоката Смяровского, которую через несколько месяцев освободили.

При мне уже посадили в «Сербию» социал-демократку работницу Марию Гржежлик, которая позднее была приговорена к вечному поселению в Сибирь, и пителлигентку из ЛПС-левицы, по фамилии Фрейер; из Х павильона привезли социал-демократку Розу Каган.

Свидания в «Сербии» происходили раз в неделю по субботам, так же как и в Х павильоне — через две железные сетки, с той только разницей, что стражник прохаживался между сетками и следил за разговором.

Слух у отца был притуплен, и через две сетки он бы ничего не услышал, особенно при одновременном разговоре нескольких человек, как это бывало на свиданиях. Ссылаясь на плохой слух отца и представив врачебное свидетельство, мой адвокат добился для моего отца разрешения на свидание через одну сетку.

Это было очень важно для меня, потому что давало возможность переписываться с Феликсом без всякой цензуры. За все время своего пребывания в Х павильоне я получила от него только две коротенькие открытки, официально посланные через прокуратуру или жандармское управление. Написаны они были поэтому измененным почерком, чтобы жандармы не узнали, кто их автор.

Одна из этих открыток была с видом Гонсеницовых галей, где мы с Феликсом провели день во время нашего путешествия к Морскому Оку.

Из Х павильона и у меня не было никаких возможностей послать Феликсу письмо без жандармской цензуры. Послала я ему поэтому несколько писем официальным путем, написанных в присутствии и под наблюдением жандарма. Адресовала я их не на фамилию Феликса и не на его краковский адрес, а на условленное еще в мою бытность в Кракове вымышленное имя и фамилию Бронислава Карловича по адресу физического факультета Краковского университета. Письма эти проходили жандармскую цензуру, писать поэтому можно было только о незначительных вещах.

После перевода меня в «Сербию» и получения свиданий с отцом через одну сетку условия моей переписки с Феликсом изменились к лучшему.

Феликс посылал свои письма на адрес типографии «С. Оргельбрандта сыновья», где работал мой отец, на его фамилию, а отец на свиданиях со мной передавал мне незаметно через дырочку в густой сетке письмо, свернутое в узенькую трубочку. Таким же образом я передавала отцу мои письма для Феликса. Отец отсылал их в Краков на вышеуказанный адрес фиктивного студента Краковского университета Бронислава Карловича.

Но и эти письма приходилось писать осторожно, пользуясь заповедным языком, ведь и они могли провалиться.

Первое присланное мне этим способом письмо Феликса было датировано 6 апреля 1911 года. В нем Феликс писал мало, мотивируя это отсутствием времени, что у него «лихорадочная работа» и он не спал две ночи. Он сообщал мне в этом письме, что в «семье» (т. е. в партии) снова

несколько лучше, обрадовал меня вестью, что «вернулся Сэвцпо», т. е. что Люцпан (Сэвэр), арестованный вместе со мной, освобожден из тюрьмы. Я тогда еще не знала, только позднее мне стало известно, что не только Сэвэр, но и другие арестованные на Гурчевской улице — Тадеуш, Стах, Марыся — были освобождены. Таким образом, в тюрьме остались только мы с Фравкой. О причине этого неожиданного освобождения Сэвэра и других я узнала лишь осенью 1912 года в Кракове от Стефана Братмана.

А дело обстояло следующим образом. Тадеуш (Францишек Сошпильский), чтобы поскорее выбраться из тюрьмы, обещал жандармам во время следствия служить охранке, передавать ей всякого рода данные о СДКПил и социал-демократах. Чтобы скрыть его измену, жандармерия освободила из тюрьмы кроме него трех других товарищей, у которых во время обыска ничего нелегального не нашли.

Выйдя из тюрьмы, Тадеуш в течение нескольких месяцев, по его словам, давал охранке только общеполитические сведения о СДКПил, ее позиции по разным вопросам, но не провалил ничего. Недовольная этим, охранка начала прижимать его и все настойчивее добиваться от него конкретных данных о людях. Припертый к стене, не желая, как он потом говорил, выдавать товарищей и опасаясь мести со стороны охранки, Тадеуш обратился к руководившему с января 1911 года партийной работой в Варшаве Мартину (Матушевскому). Он признался ему, что дал обещание охранке выдавать товарищей, и просил помочь вырваться из рук охранников, перейти границу и уехать в Краков. Свое позорное обещание служить охранке Тадеуш объяснял исключительно тяжелыми семейными обстоятельствами, сложившимися у него в момент ареста. Действительно, за несколько дней до ареста Тадеуша жена его, которая продавала на улице в киоске газеты, сгорела (по-видимому, от железной печки). После ареста Тадеуша его малолетняя дочка осталась совершенно одна без помощи и надзора. Несчастье, свалившееся на Тадеуша, было действительно велико, но оно все же не могло оправдать его поступка.

Мартин помог Тадеушу уехать в Краков, где он сразу же явился к Юзефу.

Юзеф несколько раз подробно допрашивал Тадеуша и собственно-лично записал его показания в маленькой тетрадке¹, которую уже после ареста Юзефа мне дал прочитать Стефан Братман. Стефан добавил при этом, что Юзеф был того мнения, что Тадеуш рассказал ему всю правду, что он действительно сообщал охранке лишь общеполитические данные о партии и никого не выдал. Юзеф помог также Тадеушу найти за границей работу.

¹ Тетрадка с записанными рукой Юзефа показаниями Тадеуша до сих пор не найдена.

В 1912 или в 1913 году Главное Правление назначило партийный суд по делу Тадеуша в составе Флорина, меня и, если не ошибаюсь, Закошника (Владислава Громковского). Мы несколько раз допрашивали Тадеуша. Для меня остался неясным один момент в его показаниях. Именно: как я уже указывала, на собрании на Гурчевской улице после решения организационных вопросов мы собрались обсудить вопрос о статье «Подлинное или мнимое единство» и определить свое отношение к ней. Но мы этого пункта сразу не включили в повестку дня собрания и еще не успели приступить к обсуждению его, когда явилась полиция.

Между тем в моем обвинительном заключении, которое было мне вручено 14 августа 1911 года, было сказано, что на собрании на Гурчевской улице мы обсуждали вопрос о статье «Подлинное или мнимое единство», вопрос о присоединении левцовцев к СДКПил.

Получив обвинительный акт, я ломала голову над тем, откуда охранка могла знать об этих вопросах повестки дня, которые предполагалось обсудить, но которые не обсуждались на собрании. Обвинительный акт явно свидетельствовал о том, что в Варшаве был провокатор. А мог им быть лишь один из участников собрания или кто-нибудь из тех, кто знал, что на предстоящем (состоявшемся на ул. Гурчевской) собрании должен быть обсужден вопрос о статье «Подлинное или мнимое единство». Об освобождении Тадеуша и обстоятельствах, связанных с этим, находясь в тюрьме, я не знала. Я никого конкретно не подозревала, но в том, что был провокатор, не сомневалась. Поэтому в одном из писем Юзефу, которое передала отцу на свидании, я химическим способом (лимоном) написала об этом беспокоившем меня вопросе, а также о том, что вопрос о вышеназванной статье должен был обсуждаться на собрании 27 декабря 1910 года.

Участвуя в партийном суде над Тадеушем, я задала ему вопрос, давал ли он в охранку жандармам сведения о пункте повестки дня собрания, который должен был быть (но не был) обсужден на Гурчевской улице. Тадеуш дал отрицательный ответ, а когда я вторично задала ему этот же вопрос, он багрово покраснел.

До сих пор не знаю, чем объяснить это. Покраснел ли он потому, что врал, или потому, что чувствовал себя глубоко обиженным моим подозрением, не знаю. Добавлю при этом, что раньше в течение нескольких лет в тяжелых условиях периода реакции я близко была связана по работе с Тадеушем, доверяла ему и очень тяжело переживала то, что он так запятнал свое доброе имя профессионального революционера. Партийный суд исключил Тадеуша из партии с правом вновь вступить в партию, когда она станет легальной.

Тышка, узнав о приговоре, заявил, что, по его мнению, наш приговор был слишком суров.

Позднее я слышала, что после возникновения КПП в течение короткого времени ее полулегального существования Тадеуш (Францишек Сошинский) был членом партии и работал в Домбровском угольном бассейне.

Из письма Феликса в тюрьму я узнала, что он еще более настойчиво стал добиваться своего направления на подпольную работу в Королевство Польское. В конце января 1911 года Феликс получил от Стефана Братмана согласие приехать в Краков и заменить его по работе. Сообщая об этом Тышке 30 января, Феликс пишет: «Следовательно, я смогу выехать (в Королевство Польское) с чистой совестью»¹. Одновременно с этим он просит Главное Правление дать ему недельный отпуск в конце февраля. Использовал ли он этот отпуск — не знаю.

24 февраля Феликс обратился в Главное Правление с предложением направить его в Королевство Польское для объезда всех местных партийных организаций². По-видимому, это предложение не было принято Главным Правлением, так как 14 марта Феликс писал Тышке: «В связи с положением нашей партийной организации в стране, в связи с отсутствием связи Главного Правления с ней, в связи с финансовым положением, в связи с абсолютным отсутствием подходящего занятия для меня за границей еще раз обращаю Ваше внимание на необходимость моего пребывания в стране. Возможность провала была бы незначительная, если бы я соприкасался не с организацией, а лишь с отдельными лицами... При теперешних условиях мое пребывание за границей как партийного функционера теряет всякий *raison d'être*»³.

Пребывание мое в Берлине будет бесполезным для партии, поэтому нестерпимым для меня лично и несомненно отрицательно отразится также на товарищах, которые находятся или же приезжают в Краков»⁴.

24 марта Феликс снова возвращается к вопросу о своем выезде в Королевство Польское и пишет Тышке, что этот выезд для него — «субъективная необходимость»⁵.

В письме из Кракова, которое отец просунул мне через отверстие густой сетки во время свидания, Феликс 13 апреля 1911 года сообщал мне, что по желанию Варского и Тышки он должен переехать к ним в Берлин, что в Краков уже приехал из Швейцарии Флоранс, чтобы заменить его по работе. Но обстоятельства сложились так, писал Феликс, что он в этот же день (13 апреля) выезжает ненадолго в Берлин, а потом вернется в Краков, где ему придется остаться на длительное время.

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 76, оп. 1, д. 571, л. 1.

² ЦПА ИМЛ, ф. 76, оп. 1, ед. хр. 599.

³ *Raison d'être* (франц.) — смысл.

⁴ ЦПА ИМЛ, ф. 76, оп. 1, ед. хр. 608.

⁵ ЦПА ИМЛ, ф. 76, оп. 1, д. 620, л. 1.

Из этого письма видно, что в начале апреля, после того как Стефан Братман принял у него дела в Кракове, Феликс нелегально приезжал в Варшаву. «За мой неожиданный визит у матушки (т. е. в Варшаве. — С. Д.), — писал он мне конспиративно, — мне здорово жалется (разумеется, от Главного Правления. — С. Д.), придется отказаться от таких поездок. Но ты, Зося моя милая, не сердись на меня за эту вылазку, не правда ли? Тут сидеть тяжело, хотя я признаю, что нужно. Я страстно жажду движения, жизни, хотел бы вырваться из краковской серости...» И он добавляет: «Впрочем, все это глупости, только бы ты была сильной и все перенесла. Порой, когда думаю о тебе и ребенке, несмотря на все и вопреки всему (т. е. вопреки тому, что наш ребенок должен был родиться в тюрьме. — С. Д.), меня охватывает какая-то волнующая удивительная радость...»

Приехав в начале апреля 1911 года нелегально в Варшаву по партийным делам, Феликс побывал на квартире моего отца, чтобы познакомиться с моей семьей, но по конспиративным соображениям представился не как Феликс Дзержинский, а как брат Феликса. 9 апреля отец был у меня на свидании, рассказал об этом визите и, видимо из разговора со мной, догадался, что был у него не брат Феликса, а он сам. Об этом отец конспиративно (он быстро усвоил правила конспирации) написал Феликсу на следующий день после посещения меня в тюрьме «Сербия».

Возвращаясь 9 апреля в Краков и переехав границу, Феликс в письме, написанном в вагоне между станциями Шакова и Тржебница, сообщал Тышке: «А теперь еще относительно моего выезда в страну. Насколько мне удалось осмотреться, я мог бы в Варшаве, встречаясь только с отдельными лицами, сидеть совершенно безопасно с огромной пользой для дела как в области связи Главного Правления со страной, так и в финансовой и организационной областях. Прошу Вас, назначьте день нашего совещания, и я приеду, если... действительно можно надеяться на то, что такое совещание приведет к взаимопониманию. Ибо Ваше упорство и настойчивость в том, чтобы я оставался тут, несмотря на ряд моих веских аргументов, не сулят успешных результатов такого совещания. Своим упорством и ультиматумом¹ Вы только совершаете насилие над мной, которое ведь лучше совершить в письменном виде, чем устно».

В том же письме Феликс пишет, что ему необходимо выехать в Катовице, чтобы связаться с новым контрабандистом для организации перевозки литературы через границу, а также по вопросу о деньгах для организации побегов товарщиц с поселений в Сибири и о деньгах для легального еженедельника².

¹ Тышка пригрозил, что выйдет из Главного Правления в случае выезда Феликса в Королевство Польское.

² ЦПА ИМЛ, ф. 76, оп. 1, ед. хр. 635.

Снова пришлось Фелпксу остаться в Кракове, но, как видно из его переписки с Тышкой, он время от времени нелегально приезжал в партийные организации Королевства Польского.

Так, например, в начале июня он был на межрайонной партийной конференции в Честохове. Во второй половине июля Фелпкс снова был нелегально в Королевстве Польском, что видно из его письма от 30 июля из Шаковы (в Галиции), в котором он сообщал Тышке, что уже вернулся¹.

По-видимому, в середине сентября 1911 года Фелпкс посетил одну из подпольных партийных организаций в Королевстве, потому что письмом его от 19 сентября моему отцу было написано таким измененным почерком, что скорее всего оно было послано из Польши.

Для непосредственного обсуждения партийных вопросов с Главным Правлением Фелпкс несколько раз ездил в Берлин. Был он там также в октябре 1911 года.

Не удовлетворяясь кратковременными приездами в страну, Фелпкс в своем письме от 11 октября 1911 года снова энергично добивается у Тышки, чтобы Главное Правление послало его на постоянную подпольную работу в Королевство Польское: «Не возражайте против этого, — писал он, — ибо я должен либо весь быть в огне и подходящей для меня работе, либо меня свезут... на кладбище. Дело со мной обстоит хуже, чем Вы полагаете, и Ваша политика не пускать меня в страну, лишать меня возможности делать то, что мне приказывает не только *мой* партийный разум, но и все мое существо, кончится тем, что я бесславно погибну для дела. Польза для партии от этого будет невелика. Если же я все-таки буду арестован, тогда мой пример даст Вам силу и право требовать этого (поездки на подпольную работу. — *С. Д.*) и от других и даст Главному Правлению моральную силу, ибо, когда нужно было, оно не побоялось тюрьмы для себя»².

Внутрипартийные вопросы в РСДРП и СДКПил

Как член ЦК РСДРП, Фелпкс продолжал живо интересоваться внутрипартийными вопросами российской партии. 13—14 февраля 1911 года Фелпкс писал Тышке: «Что касается политики Ц[ентрального] О[ргана], то, насколько я разбираюсь в этих вопросах, с этой политикой я согласен, иду даже дальше, ибо я солидарен с политикой Ленина. Позицию мою Вы знаете.

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 76, оп. 1, д. 707, л. 1.

² ЦПА ИМЛ, ф. 76, оп. 1, ед. хр. 762, л. 2.

По моему мнению, внутренняя политика партии, начало которой положил и санкционировал пленум (имеется в виду январский пленум ЦК РСДРП 1910 года. — С. Д.) год тому назад, принесит огромный вред...»¹

Как известно, в июне 1911 года (10—17 и. ст.) в Париже состоялось организованное по инициативе В. И. Ленина совещание членов ЦК РСДРП, находившихся в то время за границей. На приглашении явиться на это заседание, разосланном заграничным декистам, рядом с подписью Ленина стоит подпись Дзержинского. 14 мая 1911 года Феликс сообщил Тышке: «Что касается письма лондонцев (большевиков. — С. Д.), требующего созвать пленум, то согласие на свою подпись я послал Вам вчера, сразу после получения письма»². В. И. Ленин ставил перед советом задачу подготовки созыва общероссийской партийной конференции для окончательного решения вопроса о пребывании меньшевиков и ликвидаторов в партии.

На июньском совещании членов ЦК РСДРП в Париже, в котором от СДКПНЛ участвовали Дзержинский и Тышка, на вопрос В. И. Ленина, необходимо ли исключить голосовцев³ из партии, Юзеф воскликнул: «Это необходимо сделать».

После окончания этого совещания Дзержинский вернулся в Краков, Тышка же, видимо, некоторое время еще оставался в Париже. Юзеф опасался, что Тышка ведет там примиренческую политику по отношению к ликвидаторам. В письме от 23 июня 1911 года Варскому в Берлин, уже после возвращения туда Тышки, он спрашивал: «Что нового приехал Леон? Напишите несколько слов. Мое большевистское сердце в тревоге»⁴.

Вскоре после июньского совещания декистов Феликс упрекал Тышку и Ледера в том, что они не информируют его должным образом о внутрипартийных делах РСДРП. 18 июля он писал (вероятно, Варскому), что не получает абсолютно ни от кого информации о русских делах, и просил переслать это свое письмо Ледеру и Тышке в Париж⁵.

А 17 августа он пишет Тышке с пронией: «Стало быть, мне только казалось, что Вы не информируете нас о русских делах, и жалобы мои свидетельствуют лишь о «несколько кружковом (неужели лишь несколько?) характере организации». Они так смешны, эти Ваши выкрутасы, что не стоит на них вовсе отвечать и нервничать».

Еще в мае 1911 года Феликс решительно высказался против начатой меньшевиками, а в Королевстве Польском — ППС-левицей петиционной

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 76, оп. 1, ед. хр. 593.

² ЦПА ИМЛ, ф. 76, оп. 1, ед. хр. 651.

³ Голосовцы — ликвидаторы, издававшие свой партийный орган «Голос Социал-демократа».

⁴ ЦПА ИМЛ, ф. 76, оп. 1, ед. хр. 683.

⁵ ЦПА ИМЛ, ф. 76, оп. 1, д. 699, л. 3.

кампании, считая ее ошибочной и вредной. 20 мая в одном из своих писем он писал, что если бы существовало массовое движение и оно вылилось бы в такие формы, то это было бы «печальным явлением»¹.

В письме Тышке от 17 августа Феликс спрашивает, намеревается ли редакция «Червоного Штандара» «ответить Троцкому на его нападки на нас и рекламу для левизы в его статье «Свобода коалиций и петиционная кампания», намеревается ли редакция «поместить в «Червоном Штандаре» статью, критикующую явно ликвидаторское направление последнего номера (228) «Роботника» левизы».

Он обращает внимание Тышки на то, что «Троцкий идентифицирует себя с левизой в вопросе о петиционной кампании», и указывает на то, что «следует поэтому использовать против него передовицу «Роботника» (№ 228), в которой не так умело скрытаны концы, как у Троцкого»².

Дальше Феликс спрашивает Тышку, «будет ли и когда написана наша статья о русских (внутрипартийных) вопросах» и намерено ли Главное Правление что-то предпринимать по вопросу о выборах в IV Думу³.

В ноябре 1911 года Феликс выехал по внутрипартийным вопросам РСДРП в Брюссель и (8—10 ноября) на обратном пути в Берлин заехал на два-три дня в Париж. Об этом свидетельствуют его письма Тышке от 2 ноября 1911 года в моему отцу от 14 ноября.

Феликс продолжал тяготиться своим вынужденным пребыванием за границей. Но все же он оставался там, подчинялся партийной дисциплине.

7 ноября 1911 года он писал моему отцу по пути в Брюссель: «Из жизни своей я вынес большой оптимизм и спокойствие, несмотря на то что здесь я далеко от поля моей деятельности, далеко от места, где все мои мысли, от места, по которому тоскую и куда постоянно стремлюсь».

Вернувшись из Брюсселя, Феликс довольно долго — с 15 ноября до второй половины декабря, вплоть до рождества, — находился в Берлине. Это видно по его письмам моему отцу от 14 и 28 ноября, а также 5—6 и 19 декабря 1911 года.

* *
*

В декабре 1911 года состоялась Варшавская межрайонная конференция СДКПпЛ, которая положила начало расколу в польской социал-демократии.

По вопросу об отношении СДКПпЛ к РСДРП конференция правильно упрекала Главное Правление в том, что оно ни в партийной печати, ни организационным путем не информирует партийные организации о внутрипартийных вопросах в РСДРП.

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 76, оп. 1, ед. хр. 662.

² ЦПА ИМЛ, ф. 76, оп. 1, ед. хр. 723.

³ Там же.

Конференция в своей резолюции заявила протест против самовольного помещения редакцией «Червоного Штандара» в № 179 статьи «Подлинное или мнимое единство» и призвала предполагающуюся краевую конференцию обсудить вопрос об отношении СДКП(Л) к ППС-левцы, а также предложила поручить редакции «Червоного Штандара» провести на его страницах широкую дискуссию по этому вопросу.

Конференция приняла резолюцию, требующую созыва краевой конференции не в обычном составе, а с двойным представительством от местных межрайонных конференций. По вопросу о профсоюзах конференция заняла обычную сектантскую позицию СДКП(Л) и высказалась против легализации профсоюзов.

Решения конференции были приняты по инициативе Мартлина (Вяценты Матушевский), Яна (Юзеф Уншлхт) и Ганецкого.

Варшавский комитет не сообщил заранее Главному Правлению срока созыва межрайонной конференции. В связи с этим конференция проходила без участия представителя Главного Правления, что было нарушением партийного устава. В то же время конференция обвиняла Главное Правление в том, что оно не прислало своего отчета.

Главное Правление расценило созыв этой конференции без участия своего представителя и принятие вышеуказанных резолюций как объявление войны себе и не утвердило избранного там нового состава Варшавского комитета СДКП(Л). Но комитет не подчинился решению Главного Правления и продолжал работать.

Дзержинский, как известно, в своих письмах Главному Правлению и его отдельным членам еще в 1910 году значительно рече, чем Варшавская конференция, критиковал и Главное Правление, и редакцию газеты «Червоный Штандар». Критиковал он их за отрыв от партийных организаций Королевства Польского, за скатывание к оппортунизму, за ошибочную, примиренческую по отношению к ликвидаторам позицию Тышки и Варского на январском пленуме ЦК РСДРП 1910 года и неоднократно высказывал свою солидарность с Лениным. Он упрекал редакцию «Червоного Штандара» и Главное Правление за недостаточно резкую критику ППС-«фраков» и ППС-левцы, за недостаточную информацию партии и его как члена Главного Правления по внутрипартийным вопросам РСДРП, за полное отсутствие коллегиальности в работе Главного Правления. В письмах Тышке Дзержинский добивался решительного выступления против Троцкого и его венской «Правды», а также против ППС-левцы. Но, критикуя Главное Правление, он был решительным противником раскола в СДКП(Л). Он не раз писал, что выйдет из Главного Правления, не желая брать на себя ответственности за такую его деятельность, и уйдет на подпольную работу как рядовой член партии. Но он не выходил из Главного Правления, чтобы не вносить в партию еще большего хаоса.

В письме Главному Правлению 3 декабря 1910 года, вновь критикуя его деятельность, Феликс писал: «...пусть партия снова выберет Мартина и других в свое Главное Правление, но пусть это Главное Правление работает по мере своих способностей, а не будет тем, чем Главное Правление является теперь: собранием весьма умных, опытных, старых товарищей, которые потеряли способность работать так, как это требуется от Главного Правления».

Феликс не видел, однако, в партии новых людей, достойных стать членами Главного Правления. Он странно мучился и волновался. Его угнетало интригантское положение в СДКПНЛ. В письмах ко мне, пересылаемых нелегально в тюрьму через отца, Феликс с болью писал о Варшавской декабрьской межрайонной конференции и расколе партии.

Я не одобряла созыва Варшавской межрайонной партийной конференции без ведома Главного Правления и без участия его представителя. Но мне все же казалось, что такая резкая реакция Главного Правления на решения этой конференции и неутверждение избранного там Варшавского комитета неправильны и вызовут дальнейшее обострение взаимоотношений между варшавской партийной организацией и Главным Правлением. Я сообщила Феликсу эту точку зрения в одном из своих писем.

В следующих письмах ко мне Феликс с возмущением писал о сключенчестве Ганецкого, Уншлихта и Мартина, на что я отвечала, что не защищаю их, но что и методы борьбы Главного Правления с ними считаю неправильными. Обстановка, сложившаяся в варшавской партийной организации после декабрьской межрайонной конференции 1911 года, побудила Феликса в первой половине января 1912 года поехать в Варшаву. Там после решения самых неотложных партийных вопросов он 12 января, перед возвращением в Краков, побывал на квартире у моего отца. Как видно из письма отца к Феликсу от 21 января того же года, через полчаса после его ухода в квартиру нагрянула полиция. Сделав обыск и арестовав оказавшуюся там сестру моей тачехи Ядвигу Шмурло, а также пришедших позднее вторую ее сестру Августу Рышковскую с дочерью-подростком и нашего товарища Лазоверта, полиция оставила в квартире отца засаду до вечера 14 января. Письма Феликса к отцу и корреспонденцию, поступившую на адрес отца для меня, полиция захватила с собой. Через несколько недель эти письма были возвращены отцу.

Поставленный в известность, по-видимому, Лазовертом об этой обстановке, Феликс писал 18 января Главному Правлению: «Провокация в Варшаве несомненна. Представьте себе, что, кажется, на следующий день после моего отъезда из Варшавы на меня была устроена охота. Оставила даже засаду у отца Зоси. Конечно, так легко поймать им меня не удастся...»¹

Несмотря на грозившую ему опасность, Феликс в марте 1912 года совсем переехал в Варшаву на подпольную работу.

В Варшаве Феликс нашел хорошо ему известных старых членов СДКПиЛ. С их помощью он создал параллельную оппозиционной варшавскому партийную организацию и Варшавский комитет, признавшие руководство Главного Правления. Таким образом, в Варшаве образовались две организации СДКПиЛ. Организация, не признававшая Главное Правление, получила название «розламовцев».

Из Варшавы Феликс ездил в Лодзь, Ченстохову, Домбровский угольный бассейн, где руководил партийными конференциями. Занимался он также восстановлением нелегальных социал-демократических профсоюзов. В июле Феликс принимал участие в конференциях социал-демократических профсоюзов мукомольной, кожевенной и металлообрабатывающей промышленности.

Он провел подготовительную работу и организовал выборы делегатов на краевую конференцию СДКПиЛ от местных партийных организаций, поддерживавших Главное Правление. Конференция эта состоялась в Берлине 11—17 августа 1912 года. Феликс участвовал в ее работе. После краевой конференции он по очереди объезжал партийные организации Домбровского угольного бассейна, Ченстоховы, Лодзи и Варшавы, где руководил межрайонными конференциями.

Во второй половине июня Феликс организовал кампанию протеста против поддержки буржуазным польским Колом III Государственной думы проекта ассигнования 502 млн. руб. на царский военно-морской флот.

В начале сентября 1912 года была распущена III Дума и назначены выборы в IV Думу. Феликс приступил к подготовке партии к участию в избирательной кампании по выборам. В Варшаве он лично руководил собраниями партийных организаций Повонзковского и Мокотовского районов, где обсуждалась избирательная платформа СДКПиЛ по вопросу выборов в IV Государственную думу.

Работал Феликс, как обычно, с раннего утра до поздней ночи, совершенно не заботясь о себе. В одном из своих писем в Главное Правление, от 24 июля 1912 года, он писал, что страшно переутомлен и что постоянно недосыпает.

Его напряженная работа продолжалась до ¹14 сентября 1912 года — до того момента, когда он был в шестой раз арестован в Варшаве в своей комнате в квартире Вакара, бывшего в то время членом СДКПиЛ.

* *
*

Раскол между тем охватил и некоторые другие организации СДКПиЛ в Королевстве Польском. Через некоторое время возникло Краевое правление, возглавившее организации «розламовцев». Оно установило органи-

защитный контакт с большевистской партией, их представитель присутствовал на Поронинском совещании ЦК РСДРП большевиков в 1913 году, но по всем принципиальным вопросам «розламовцы» продолжали оставаться на ошибочных позициях люксембургизма. При этом оппозиция представляла собой отнюдь не монолитную организацию.

Наряду с такими людьми, как ВинCENTы Матушевский, Юлиан Мещинский, Стефания Пшедецкая, Юзеф Уншлихт и другие, которые затем участвовали в Великой Октябрьской социалистической революции и стали активными деятелями большевистской партии или КПП, были и такие «розламовцы», как К. Радек, предложивший еще на VI съезде СДКПП в 1908 году объединиться с близкой меньшевисткой ППС-левых, а потом, в СССР, ставший ярым троцкистом; как Кракус (Домский — Генрих Штейн-Каменский) и Софья Уншлихт (Оспенская), которые позднее стали троцкистами и все трое были исключены из большевистской партии; как Малецкий (Александр Рубинштейн), стоявший во время первой мировой войны на позициях защиты империалистических держав Франции и Англии, длительное время не признававший социалистической революции в России и лишь в 20-х годах вступивший в ВКП(б).

Как известно, В. И. Ленин поддержал организацию «розламовцев», надеясь, что она займет последовательно революционную позицию по отношению к меньшевикам и ликвидаторам. В своей статье «Раскол в польской социал-демократии» от 12 (25) января 1913 года Ленин писал об остром противоречии между варшавской организацией и Главным Правлением, проявившемся еще на VI съезде СДКПП в декабре 1908 года. «Конфликт был организационный, но имел большое политическое значение. Периферия требовала возможности влиять на политическую позицию партии...» В. И. Ленин добавляет: «В РСДРП Тышка хозяйничал и интриговал от имени СДКПП, ничуть не справляясь с волей последней. В политике партии пошла эра беспринципности и шатаний, например, по вопросу о профессиональных союзах, об отношении к ППС, о тактике ПСД внутри РСДРП»¹.

В этой статье Владимир Ильич подверг резкой критике методы борьбы Главного Правления с оппозицией. В то же время Ленин в предложении им на «февральском» совещании ЦК РСДРП с партийными работниками в Кракове (8—14 января 1913 года) резолюции «О «национальных» с.-д. организациях» и принятой на этом совещании выразил «глубокое сожаление по поводу раскола рядов польской социал-демократии, чрезвычайно ослабляющего борьбу с.-д. рабочих Польши»².

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 22, стр. 288.

² «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. I, М., 1953, стр. 299.

В другой своей статье, «Тоже-«объединители»», в ноябре 1913 года В. И. Ленин критиковал «берлинский кружок польских с.-д. (Роза Люксембург, Тышка и К°)» за внесение в Международное социалистическое бюро предложения о том, чтобы МСБ на своем заседании обсудило вопрос о восстановлении единства в российской партии. Ленин подчеркивал, что такой шаг Р. Люксембург и Тышки был на руку ликвидаторам¹.

По решению Международного социалистического бюро 16—18 июля 1914 года в Брюсселе состоялось объединенное заседание десяти групп и течений, входящих в РСДРП, а также ППС-леппцы. На этом совещании возникло антибольшевистское объединение, получившее название «брюссельский блок».

«Розановцы», представленные на Брюссельском совещании Ганецким, Малецким и Долецким, вошли в этот блок, также как и представительница Главного Правления СДКПНЛ Роза Люксембург.

В связи с этим В. И. Ленин в статье «Польская с.-д. оппозиция на распутье» отметил «переход польской с.-д. оппозиции на Брюссельском совещании к ликвидаторам...» и подчеркнул, что среди польской оппозиции имеются «два течения: одни хотят сместить Тышку и Розу Люксембург, чтобы самим продолжать политику Тышки. Это — политика беспартийной дипломатии и «игры» между беками и меками², между партией и ее ликвидаторами...

Другое течение за полнейший разрыв с ликвидаторами, с федерализмом, с «игрой» в роли «маятника» между двумя борющимися сторонами; — за искренний и тесный союз с правдистами, с партией.

В Брюсселе первое течение у польских с.-д. победило... Поживем — увидим, удастся ли второму течению сплотиться, выкпнуть ясное, точное, определенное знамя последовательной, принципиальной политики... Нечего и говорить, что объединение польского с.-д. пролетариата возможно только на основе такой политики.»³

Раскол в СДКПНЛ был ликвидирован в ноябре 1916 года, однако без пересмотра ее люксембургявских взглядов.

* * *

В январе 1912 года, как известно, в Чехословакии, в Праге, состоялась созванная по инициативе В. И. Ленина VI Всероссийская конференция РСДРП, сыгравшая величайшую роль в дальнейшем развитии партии большевиков. Конференция эта приняла ряд важных решений, в том числе решение об исключении из РСДРП меньшевиков.

¹ См. В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 24, стр. 169—172.

² Т. е. большевиками и меньшевиками.

³ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 25, стр. 429—430.

Главное Правление СДКПП, несмотря на то что получило приглашение, не послало своих представителей на конференцию в Прагу, и никто из членов СДКПП не участвовал в ней.

Значительно позднее, уже после Октябрьской революции в России, в беседе со Станиславом Бобиным и другими товарищами — бывшими членами СДКПП Дзержинский самокритично подчеркивал, что величайшей ошибкой Главного Правления СДКПП, а значит, и его лично было то, что после 1910 года, когда В. И. Ленин взял курс на полный и окончательный разрыв с меньшевиками, Главное Правление не поддержало его в этом вопросе целиком и полностью без всяких оговорок, «что наше недостаточно решительное сближение с большевизмом сказалось роковым образом на расколе, что если бы мы пошли с Лениным, то большевики несомненно помогли бы нам быстро ликвидировать раскол и, что самое главное, партия идейно развивалась бы успешнее, не впадая в ту идеологическую слабость, которая была характерной для деятельности обеих частей СДКПП в годы раскола...».

Позднее, в 1924 году, находясь на отдыхе в Архангельском под Москвой, Дзержинский прислал мне письмо, направленное Польскому бюро агитпропа ЦК ВКП(б), ответственным секретарем которого я тогда была. В этом письме Феликс советовал, чтобы Польское бюро произвело «исторический расчет с политической совестью», с прошлым СДКПП, чтобы изучило все протоколы съездов II, IV (Стокгольмского) и V (Лондонского) РСДРП и выступления членов СДКПП на них, чтобы выяснили, в чем и когда мы, эсдекапеловцы, расходились с большевиками, имели ли мы и какие точки соприкосновения с меньшевиками и Троцким.

Дзержинский рекомендовал заняться этим делом членам ВКП(б) — бывшим эсдекапеловцам Станиславу Будзынскому и Бернарду Заксу.

Люксембургские ошибки СДКПП были подвергнуты всестороннему критическому разбору значительно позднее, в 1931—1932 годах, Центральным Комитетом Коммунистической партии Польши — наследницы СДКПП, а также редакционной коллегией польских изданий Института Маркса — Энгельса — Ленина.

В женской тюрьме «Сербия» (продолжение)

В тюрьме «Сербия» по моей и Франки Гutowской просьбе нас поместили в одну камеру. Я старалась помочь Франке поднять ее теоретический и политический уровень. Мы читали легально изданные в 1905—1907 революционных годах труды Маркса и Энгельса в польском переводе «От утопии к науке», «Наемный труд и капитал», книгу К. Каут-

ского «Экономическое учение К. Маркса», а для отдыха — польскую художественную литературу. Неполитные Франке места в научных трудах я ей объясняла, а потом задавала вопросы, чтобы проверить, хорошо ли она поняла и усвоила прочитанное.

Во время общей прогулки политических заключенных я обычно проводила беседы на политические темы для нескольких товарищей, интересовавшихся этими вопросами.

Коротали мы время, занимаясь и полезным рукоделем — шили приданое для моего будущего малыша. Хотя при окончании гимназии я и получила за кройку и шитье награду в виде огромного плюшевого пессера, я все же не умела как следует кроить. В этом мне помогла Франка. Она скроила распашоночки и белые бумажные кофточки, которые мы с ней вдвоем и шили. Распашонки были батистовые с оборочками, обшитыми у шейки тонкими кружевами валаппек. Так было в Польне принято, хотя ребенку было бы удобнее без этих оборочек.

Мачеха прислала мне материал для приданого, в том числе и шерсть кремового цвета, из которой под руководством Франки я крючком связала две теплых кофточки. Они оказались спасительными в условиях холодной и сырой камеры.

Прислали мне пленки. Их скроила мачеха, а подрубил отец на ручной швейной машине.

Питание в «Сербии» было очень плохое и недостаточное. Отец в связи с моим положением добился разрешения приносить мне обеды. Вблизи «Сербии» жил старый член СДКПП Ян Росол. Старичок из чувства солидарности с заключенными и ради заработка доставлял некоторым заключенным в «Павнак» и в «Сербию» обеды из находившегося поблизости дешевого ресторана. Он и меня снабжал обедами, которые, разумеется, мы съедали вместе с Франкой, физически слабой, нервной и малокровной.

Примерно в середине мая, как я уже упомянула, привезли в «Сербию» из X павильона социал-демократку Розу Каган и поместили ее в камеру рядом с нашей. Вскоре оказалось, что Каган психически больна. Увидев на прогулке Гликсон, которую она знала еще по X павильону, Каган вдруг совершенно необоснованно начала кричать во весь голос по-русски: «Гликсон провокатор, вор!» А потом эти же слова выкрикивала и по отношению к другим женщинам, совершенно не зная их. Целыми часами и днем и ночью колотила она табуреткой в дверь или пела трагическим голосом душераздирающие песни. Это создавало совершенно невыносимую обстановку.

Мы вызвали начальника тюрьмы и потребовали перевода Каган в психиатрическую лечебницу. Но тюремные власти не торопились, и Каган оставалась в «Сербии» почти до конца июня.

Однажды, когда мы выходили на прогулку, она начала выкрикивать свои клеветнические обвинения, назвав мою фамилию, и чуть не столкнула меня с лестницы. Это было 21 июня, а на следующий день меня перевели в тюремный лазарет, помещавшийся одним или двумя этажами выше, где у меня 23 июня рано утром родился сын Ян.

Лазарет состоял из двух или трех палат и ванной комнаты. Меня положили в одну из этих палат, довольно просторную и солнечную комнату с двумя обычными окнами с матовым стеклом, хотя и за решетками, но без железных заслонов, как в камерах. Окна выходили на Дзельную улицу. Когда для проветривания палаты их открывали, я видела противоположную сторону улицы и идущих людей. Я видела лица людей, то со следами усталости от труда и забот, то бессмысленно самодовольные от духовной пустоты. Видела я также небосвод, акацию, маленький садик, ребятшек, играющих во дворе дома напротив.

В палате были не откидные железные рамы, обтянутые холстом, как в камере, а обычные железные кровати. Постель и постельное белье у меня было свое. Роды принимала тюремная акушерка.

Ребенок родился преждевременно (восьмимесячным). У него еще не было потопков на пальчиках рук и ног. Был он таким худеньким и слабым, что все — акушерка и уборщица из уголовных — открыто говорили о том, что он жить не будет. А известный врач-гинеколог Тимэ, которого пригласили на другой день после родов, о чем отец мой хлопотал еще заранее, успокаивал меня, говоря, что у меня еще будут дети. Насколько маленьким, худеньким и слабым был мой сын, видно по тому, что почти через два месяца, 12 августа, когда он уже несколько подрос и поправился, весил всего лишь 9 с половиной фунтов. А 17 ноября вес его равнялся 13 фунтам.

Хотя мальчик был очень маленьким и слабым, он тянулся к жизни и сосал энергично. Однако на третий день после рождения у него начались судороги, и я думала, что он умирает. Тюремные власти, заботясь о «спасении душ» младенца, а не о спасении его жизни, вместо врача вызвали ксендза, вырвали у меня из рук ребенка и насильно окрестили. Восприимниками были помощник начальника тюрьмы, охранщик, как оказалось католик, и, кажется, Франк Гутовская.

Только через несколько дней пришел тюремный врач, но, не входя даже в палату и не взглянув на ребенка, бросил: «В тюрьме не место для детей».

Судороги повторились на девятый день. Ребенок был слаб, а помощи — нигде и совета ни от кого. Официальным путем послала я письмом своему отцу, сообщая о болезни Ясика. Не помню точно, через сколько дней после родов неожиданно разрешили матеке прийти ко мне в лазарет. Матеха ужаснулась, увидев худобу младенца. Но ребенок так ей понравился, что она нарисовала его нежный профиль. Я уже писала,

что мате́ха моя была художни́цей. Рисунок тот послал Феликсу в Краков. К сожалению, он не сохранился.

Мате́ха принесла с собой небольшую записку от Феликса, которую она незаметно для караулившей нас надзирательницы передала мне.

Эта записочка Феликса, уже знавшего о состоянии нашего малыша, ободряла меня. Он выражал уверенность, что Ясик, несмотря ни на что, будет жить и вырастет здоровым.

Через несколько дней после моих родов в палату привели роженку — уголовную, убившую свою пяти- или семилетнюю дочь и приговоренную за это к 12 годам каторги. В течение двух дней она беспрерывно шагала взад и вперед по палате и, загадывая, сопровождала каждый свой шаг словами «изменяет, не изменяет» (приговор) и, когда получалось «не изменяет», в отчаянии ломала руки.

Я следила за каждым ее шагом и дрожала от страха, когда она подходила к колыбели моего сокровища, боясь, чтобы она не сделала ему чего-нибудь плохого.

А она все ходила и ходила до последней минуты, и только успела лечь, как раздался крик ее ребенка. Родилась девочка, на удивление крупный и упитанный ребенок, несмотря на долгие месяцы, проведенные матерью в тюрьме.

Меня удивило отношение этой преступницы к родившемуся ребенку — глубина ее любви и нежности. Я не могла понять, как женщина, которая убила своего первого ребенка, систематически истязая его до тех пор, пока не замучила до смерти, как она может любить второго ребенка.

Оказалось, что первый ребенок был внебрачным и семья ее или муж так допрашивали ее попреками по поводу этого несчастного ребенка, что она решила его убить. Вот до чего доводили отношения, господствовавшие при капитализме.

Несколько дней у этой уголовной не было молока в груди и я кормила кроме своего малыша и девочку этой убийцы. О дальнейшей ее судьбе, о том, смягчили ли ей приговор или нет, я ничего не знаю. Что же касается ее ребенка, то мне говорили, что, несмотря на пребывание в тюрьме, девочка развивалась хорошо.

Из-за слабого здоровья моего сына мне разрешили остаться в лазарете дольше, чем это обычно было принято. Таким образом, я оставалась там еще после возвращения в камеру уголовной заключенной.

На другой день на ее койку положили какую-то ни в чем не повинную крестьянку, которая оказалась проездом в Варшаве на вокзале, где у нее начались предродовые схватки. В Варшаве у нее не было ни родных, ни знакомых, поэтому ее поместили в тюремный лазарет.

После трех недель пребывания в лазарете, 14 июля 1911 года, меня перевели в маленькую камеру, в отделение, где сидели уголовные, так как наше отделение ремонтировалось. Я оказалась совершенно оторван-

ной от товарищей. А через несколько дней я вернулась со своим малышом в ту камеру, где сидела раньше. Она показалась мне еще более мрачной, темной и сырой, чем прежде. Мы опять были в камере вместе с Франкой. Она с величайшей нежностью относилась к моему сынишке.

Я была рада, что снова не одна, что вижу с товарищами, могу с ними общаться. В лазарете за все время только один раз Франке разрешили меня навестить.

Снова я начала ходить на свидания с отцом и получать через него письма от Феликса.

Но для Ясика пребывание в тюрьме было вредным. Через несколько дней он простудился и начал кашлять и чихать.

Такой слабенький, преждевременно родившийся ребенок должен был некоторое время, как мне потом сказали, лежать в вате, но в тюремных условиях это было невыполнимо. Его спасло то, что лето 1911 года в Варшаве было исключительно жаркое. Пригодились вланские шерстяные кофточки, которые я одевала ему поверх бумажной кофточки и распашонки. Он лежал в колыбели рядом с моей койкой в теплом детском конверте. Осенью и зимой я накрывала его еще и теплым шерстяным платком.

С воли мне прислали детскую ванночку, и я начала его купать в камере. Горячую воду мне приносила уголовная, выполнявшая обязанности уборщицы. В камере стирать детское белье и пеленки не разрешалось, меня же не пускали в больничную ванную комнату, где можно было заниматься стиркой. Разрешили мне пользоваться услугами уголовной заключенной, которая за соответствующую плату охотно согласилась на это.

У меня не было никакого опыта по уходу за грудными детьми, поэтому я попросила отца достать мне какое-нибудь книжное пособие и в точности придерживалась советов этой книги. В тюрьме не с кем было посоветоваться. Тюремный врач, как я уже сказала, не смотрел даже на ребенка и каждый раз, когда я его вызывала, он, стоя на пороге, только поучал меня, что в тюрьме не место для детей.

Между тем, несмотря на то что я тщательно выполняла все книжные указания по уходу за ребенком, у него все время болел животик. Поэтому при одном из свиданий с мамочкой я попросила ее обратиться за советом к какому-нибудь детскому врачу. Я рассказала ей подробно о всех проявлениях и симптомах болезни Ясика. Мамочка обратилась к хорошему детскому врачу Вольфсону, лечившему в свое время моего младшего брата. Доктор Вольфсон заочно определил необходимость перевода Ясика на трехдневную строгую диету. Он советовал кормить его через каждые два часа по пять минут и, когда симптомы болезни исчезнут, перейти на нормальное кормление через каждые три часа, следя за тем, чтобы ребенок не передедал. Я точно выполняла указания доктора Вольфсона, и сынишка мой через три дня выздоровел.

Встал вопрос о прикармливании. А в тюремных условиях это было нелегко. Варить Ясню и греть молоко было не на чем. Держать в камере спиртовку даже с сухим спиртом не разрешалось. Не помню уже, кто посоветовал мне варить на маленькой (кухонной) керосиновой лампочке, которая освещала камеру.

Для этого отец принес мне жестяной кружок, который одевался на ламповое стекло. На кружок этот ставился горшочек с водой и геркулесом или молоком. Такая керосинка была не из удобных. Во-первых, лампочка из-за недостаточного притока воздуха часто чадила, наполняя и так уже душную камеру невыносимой керосиновой вонью и копотью. Во-вторых, если я на минуту отрывалась от горшочка, чтобы заняться Яснем, закипевшая овсянка заливала пламя, и лампочка гасла. Вечером в темноте трудно было ребенка перепеленать, и лампочку очистить и снова зажечь.

Все же кое-как я со всем этим справлялась и три раза в день прикармливала сынишку. Но такое питание для трехмесячного ребенка было не очень подходящим, и его из-за дня в день спяно мучили боли в желудке и кишечнике. Бедняжка вечером плакал и кричал по нескольку часов, я же была совершенно беспомощна, носила его на руках и заливалась горькими слезами. Я искала совета в пособиях для молодых матерей, но не нашла там ничего. Кишечка не была рассчитана на ребенка, растущего в тюрьме. Снова вызвала я тюремного врача, надеясь, что, может быть, плач младенца тронет его, но он, как обычно, с порога камеры бросил мне свое: «В тюрьме не место для детей» — и, не дав никакого совета, не сказав больше ни слова, ушел.

Более человечной оказалась пожилая надзирательница. Она заходила в камеру, советовала дать ребенку чаю, сделать ему компресс на животик.

В книжке прочла я и другие советы, но они были неподходящими. Тогда я убедилась в том, что слепо придерживаться книжных указаний без учета практики нельзя. Мой сын страдал из-за тюремных условий и моей неопытности, и меня в такие вечера охватывало отчаяние.

Зато, когда Ясик был сыт и здоров, он своей улыбкой и лепетом доставлял мне столько радости, что она вознаграждала за полные муки и отчаяния вечера. В тяжелой тюремной обстановке, в мертвой вечерней тишине смех ребенка был ясным солнечным лучом, напоминая о радостях жизни.

*
*
*

Около 24 июня 1911 года дело мое перешло из жандармского отделения в прокуратуру Варшавской судебной палаты. А 14 августа меня с Яснем и Франку Гutowскую повезли в тюремной карете на Медовую улицу в Судебную палату, где нам вручили обвинительное заключение.

Мне предъявили обвинение по 102 параграфу (I часть) в принадлежности к СДКПил и ее Варшавскому комитету, а также в том, что я занималась изданием «Червоного Штандара» и принимала участие в партийных собраниях и т. д.

Гутовскую обвинили в принадлежности к СДКПил, хотя на самом деле она еще не была членом партийной организации, а давал мне согласие на использование своего адреса для пересылки материалов для «Червоного Штандара», оказала лишь первую услугу партии.

На другой день после получения обвинительного заключения я выписала отрывки из него и на первом же свидании с отцом передала для пересылки Феликсу.

Акт обвинения меня очень обеспокоил и взволновал, так как из него явствовало, что в самом ядре варшавской организации была провокация.

Как уже было сказано выше, в этом обвинительном заключении говорилось, что еще до нашего собрания на Гурчевской улице, в доме 11, кв. 99, охранка уже знала, что будет обсуждаться поднятый в № 179 «Червоного Штандара» вопрос об объединении СДКПил с «умеренной фракцией ППС». В обвинительном заключении было также сказано, что охранка заранее знала о созыве собрания на Гурчевской улице. Однако это скорее всего бахвальство. Но о том, что мы, собравшиеся на Гурчевской улице, должны были обсуждать статью «Подлинное или мнимое единство» из № 179 «Червоного Штандара» (чего, кстати, мы сделать не успели), об этом охранка могла узнать лишь от кого-нибудь из участников этого собрания или же от кого-то, кто не был там, но знал, что вопрос этот должен обсуждаться.

Это свидетельствовало о том, что среди самого узкого актива варшавской организации был провокатор. К этому же выводу пришел и Юзеф, ознакомившись с пересланными ему отрывками из моего обвинительного заключения. Обеспокоенный этим, он писал Тышке, что в Варшаве, несомненно, имеется провокатор.

В моем письме Феликсу от 15 августа или в одном из последующих писем я химическим способом сообщила ему, кто из товарищей, не присутствовавших на собрании на Гурчевской улице, мог знать, что там будет обсуждаться статья из № 179 «Червоного Штандара». Партийные клочки этих товарищей я зашифровала нашим условным шифром. До сих пор не знаю, проявил ли Феликс это место моего письма и получил ли эти мои данные.

* *
*

2 сентября 1911 года меня поставили в известность, что суд над мной и над Гутовской состоится 26 сентября. Но его затем отложили почти на два месяца.

В связи с приближением срока суда, который мог приговорить меня к ссылке на поселение в Сибирь, я и Феликс стали обдумывать, что делать с Ясенком, когда наступит время моей отправки.

Мачеха не была в состоянии взять на себя заботу о моем ребенке. У моей подруги Софьи Смолсарской-Гарабашевской у самой был грудной ребенок. Она работала зубным врачом и не имела возможности взять к себе Яска.

Феликс очень хотел взять сына к себе и ради этого поселился даже в Кракове вместе с молодыми супругами Братманами, надеясь, что Мария Братман, которая в октябре также родила сына, сможет заботиться и о нашем малыше. Но Марилька с большим трудом справлялась со своим ребенком, нечего было поэтому и думать, чтобы она могла взять еще и нашего.

Другие мои родственники и друзья, которые, возможно, и могли бы взять на себя эту заботу, боялись, что такой слабый ребенок может умереть, и, по-видимому, не хотели брать на себя такую ответственность.

В одном из своих писем к моему отцу Феликс писал, что мать его друга Бернштейна, которая жила где-то в деревне в Королевстве Польском и очень любила Феликса, готова была взять к себе нашего сына, но через несколько недель она сообщила, что, к сожалению, сделать этого не может.

Таким образом, я ожидала суда в большом беспокойстве за дальнейшую судьбу Яска.

Осенью Франку Гутовскую перевели в соседнюю камеру, где она сидела вместе с Марией Гржеляк. Виделись мы с ними только по утрам, когда камеры были открыты, да на прогулках. И Франка, и я пытались еще иллюзии насчет того, что после почти 11 месяцев заключения в тюрьме она будет судом освобождена или же приговорена лишь к административной ссылке.

Во второй половине октября на нас обрушилось новое несчастье: Франка начала харкать кровью, и тюремный врач сказал, что у нее чахотка.

Это было настоящим горем. При этом очень ухудшилось состояние ее нервной системы. А в ноябре, незадолго до суда, нервное состояние Франки дошло до такой степени, что в течение девяти суток она не сомкнула глаз ни днем ни ночью. Это еще более ослабило ее. Она снова плакала по целым дням. А мы с Гржеляк ничем помочь не могли. В связи с заболеванием Франки чахоткой ее адвокат Штерлинг начал ходатайствовать об освобождении ее под залог, но из этого ничего не вышло.

В эти же примерно дни мы получили сообщение о том, что наш товарищ Владислава Гузовская, сосланная в Канский уезд Енисейской губернии, оказалась без гроша денег, без теплой одежды и белья, без обуви, так как организация, занимавшаяся помощью политзаключенным,

пообещав доставить ей все это в пересыльную тюрьму на Праге (правобережная часть Варшавы), не сделала этого.

Я написала об этом Феликсу, который хорошо знал Гузовскую по ее подпольной партийной работе. Он обратился в Красный Крест и в Краковский союз помощи политкаторжанам и ссылопоселенцам в России. Из Кракова ей послали немного денег, а из Варшавы Красный Крест послал обувь и одежду.

Однажды я узнала, что в тюрьму должен прийти фотограф и будет снимать приговоренных к каторге уголовниц перед их отправкой. Я обрадовалась приходу фотографа, надеясь на то, что можно будет сфотографировать Ясика и послать его снимок Феликсу. Это доставило бы ему большое удовольствие.

Но сфотографировать сына не удалось. Уголовниц снимали в садике. Ясик же был сильно простужен, и вынести его поздней осенью в плохую погоду во двор я не могла. А начальник не позволял снимать его в канцелярии.

2 ноября Феликс в письме попросил моего отца доставить мне № 2 и 3 еженедельника «Праца»¹, легального органа СДКПил. Вскоре во время одного из свиданий в субботу я получила большой сюрприз: отец просунул мне в дырочку сетки не один, а несколько рулончиков. Кроме письма от Феликса в них были два номера «Працы». Это доставило мне большую радость. Мы читали еженедельник по очереди. Когда же все товарищи, кто хотел ознакомиться с журналом, прочитали его, пришлось уничтожить эти номера, так как они были доставлены нелегально. Газет и журналов, даже буржуазных, в тюрьму не пропускали.

В начале декабря отец снова передал мне номер нашего еженедельника, который тогда уже выходил под названием «Наше дрог», а также вырезки из легального органа ППС-левых «Курьер Поранни» с интерpellацией социал-демократических депутатов в Думе.

Суд

21 ноября в Варшавской судебной палате состоялся суд надо мной и над Францишкой Гузовской. Хотя день был холодный и сыкотный, я взяла с собой на суд Ясика, так как мне не с кем было его оставить и нужно было кормить. Нас привезли в тюремной карете под усиленным конвоем на Медовую улицу только в половине одиннадцатого.

Суд проходил при закрытых дверях, но ближайшим родственникам разрешили присутствовать. Отец мой и матека прибыли на Медовую

в 9 часов утра и ждали меня в сенях. Когда нас с Франкой ввели в здание суда под конвоем солдат, отец, несмотря на сопротивление солдат, бросился ко мне, и впервые за 11 месяцев я обнялась с ним и с маточей.

На суд приехал из Люблина и мой старший брат Станислав с женой Яшиной. Он работал в Люблине заведующим Палатой мер и весов (филиал Петербургской палаты мер и весов для Королевства Польского) и, кроме того, преподавал математику в двух люблинских средних школах.

Присутствовала на суде также мать Франки Гutowской. Франку и меня поместили в небольшой комнатке рядом с залом суда. Вскоре началось суд, который закончился лишь в 4 часа дня.

Феликс с большим трудом собрал для моей защиты разные документы, касавшиеся моего пребывания за границей во время принудительной эмиграции. Как я уже упоминала, в конце 1909 года, после трехмесячного заключения, я была административно выслана на 10 месяцев за границу и по истечении этого срока вернулась легально в Варшаву. Между тем прокурор в обвинительном заключении предъявил мне обвинение в том, что я нелегально вышла за границу по партийным делам. Суд отверг все собранные Феликсом и предъявленные Судебной палате адвокатом Скоковским материалы, кроме одного документа — свидетельства австрийской полиции о моем пребывании в январе 1910 года в Грэфенберге в Австрийской Силезии.

Охранка выставила нескольких свидетелей обвинения. Один из них показал, что на Гурчевскую улицу шпики пришли за одним из наших товарищей из числа арестованных вместе со мной, именно за Эдвардом Соколовским. Их внимание привлекло то, что этот интеллигент направился в рабочий район и вошел в дом для рабочих. Поэтому они якобы догадались, что там будет происходить собрание.

Искп в течение всего судебного процесса вел себя очень прилично, только во время грозной речи прокурора, которая продолжалась полчаса, начал попискивать, а потом громко кричать. Я делала все, что могла, чтобы его успокоить, дала ему грудь, на минутку он затих, но потом снова начал кричать. Председатель суда звонил помпунтно, но ребенок не обращал на это никакого внимания — он не желал лежать в мокрых пеленках.

Судья стал нервничать и звонил все яростнее. А в публике начали смеяться по поводу этого протеста маленького узника.

К моему ужасу, прокурор требовал ссылки на вечное поселение в Сибирь не только для меня, но и для Гutowской, что было невероятной подлостью и жестокостью царских судебных властей.

Не помню, как защищали нас адвокаты: Скоковский — меня, а Штерлинг — Франку.

Возмущенная требованием прокурора сослать в Сибирь на поселение Франку, я не отказалась от последнего слова и, когда мне его предоста-

вила, снова со всей категоричностью заявила, что Франка не была членом партии и что она не знала содержания конверта, присланного из Кракова на ее адрес для меня.

Но царский суд руководствовался лишь невинностью к революционерам и желанием мстить. Он приговорил нас обеих к лишению всех прав состояния и к ссылке на вечное поселение в Сибирь. Мой приговор не удивил меня нисколько, я не ждала более мягкого, но приговор Франки был для нас всех как гром среди ясного неба. Можно было предполагать, если не освобождения ее после 11 месяцев пребывания в тюрьме, то в самом худшем случае — год заключения в крепости или административной ссылке на определенный срок, а не в Сибирь, а в глубь европейской части России. Приговор был тем более тяжел для Франки, что она была больна.

Франка и ее мать приняли приговор в ужасном отчаянии. Я была тоже страшно подавлена.

Во время первого же свидания с отцом, я просила его вызвать к Франке ее защитника адвоката Штерлинга. Он пришел на следующий же день, но отсоветовал ей подавать апелляцию. По его мнению, это не изменило бы приговора к лучшему, а только продлило бы срок ее пребывания в тюрьме.

Мой отец, подготовленный мной к тому, что меня ждет поселение в Сибирь, принял этот приговор, хотя и с большой болью, но довольно спокойно.

Этот старый человек, которому тогда был 61 год, страдавший тяжелой сердечной болезнью и в связи с моим арестом уже несколько месяцев бывший без работы, писал Феликсу 26 ноября 1911 года об этом процессе и о царских судебных властях: «...смехотворное и жалкое впечатление производил этот кичащийся своей силой судебный аппарат с семью судьями, мечущимися в ярости прокурором, секретарем и судебным исполнителем против двух слабых, худеньких женщин с грудным младенцем под стражей солдат с обнаженными саблями в руках. Знать, этот аппарат, пожираемый ржавчиной подлости и беззакония, скоро уже рассыплется в прах, если две слабые женщины наводят на него такой ужас, что ему приходится высылать их на край света».

В тот же день в Судебной палате слушалось дело еще двух членов СДКП(Л): Юлиана Гемборека (Бронислава) и Даниэля Эльбаума (Вицека). Их также приговорили к ссылке на вечное поселение в Сибирь.

В коридоре Судебной палаты я увиделась с ними впервые после длительного перерыва. Мы обменялись лишь несколькими словами. Они на минутку вошли в комнату, где мы находились с Франкой, чтобы посмотреть на Ясика. Но поговорить нам не удалось, так как их увели в другую комнату.

Меня с Франкой и ребенком продержали в Судебной палате до 7 часов вечера, до конца разбора дела Бронислава и Вицека, после чего нас всех пятерых в одной тюремной карете отвезли в «Сербию» и расположили рядом с ней мужскую тюрьму Павнак.

В ожидании ссылки в Сибирь

Отец сразу же после суда отправил Фелпксу телеграмму с сообщением о приговоре. Феликс в своем ответе успокаивал отца, писал, что приговор не так суров, что хорошо уже то, что мы знаем, что будет дальше, и что теперь следует заняться вопросом устройства ребенка и связи с предстоящим мне выездом этапом в Сибирь, а также подготовкой к дороге.

После суда я написала Феликсу письмо, в котором просила прислать мне его фотографию. Отец от моего имени тоже попросил его об этом, указав, что фотографию не следует наклеивать на картон, чтобы можно было при свидании просунуть ее обычным путем через дырочку в железной сетке.

Фелпкс был тогда в Берлине, но вскоре вернулся в Краков, где наш товарищ Стефан Братман, очень хороший фотограф-любитель, сделал замечательный снимок.

Феликс согласился прислать мне свою фотографию потому, что он находился тогда за границей и в случае поездки на подпольную работу намеревался изменить свою внешность: сбрить бороду и усы, перекрасить волосы, как это он и раньше делал. Кроме того, в охранке и так имелось его снимки, сделанные в разное время при многократных его арестах.

После того как приговор по моему делу вошел в силу, во второй половине декабря Фелпкс прислал эту фотографию моему отцу. Но она все же была наклеена на тонкий картон, поэтому свернуть ее трубочкой и просунуть через дырочку в сетке было невозможно.

Не было другого выхода — пришлось передать ее через канцелярию, что я и попросила сделать отца. Отец получил на это согласие начальника тюрьмы, и вот однажды принесли в камеру дорогую мне фотографию.

Я не в состоянии описать той радости, которую мне доставила эта фотография, притом снятая специально для меня. Конечно, я показала ее Ясику. Он протянул к фотографии ручонки, но, разумеется, не мог представить себе живого человека и не понимал еще, что значит отец. Радость, однако, была недолгой. Помощник начальника тюрьмы, ваяточник и прислужник охранки, недовольный тем, что снимок был мне вручен

официальным путем, а не через него за взятку, из мест донес охранке о передаче мне фотографии моего мужа.

Через два дня в «Сербию» явились два охранника с намерением про-извести у меня в камере обыск, но, видимо, начальник тюрьмы возражал против этого. Представителей охраны выручила подлая надзирательница. Она ворвалась в мою камеру. Фотография стояла на столике. Не говоря ни слова, мерзавка схватила ее и, несмотря на мои протесты, унесла из камеры, заперев, как обычно, двери на ключ.

Я была в отчаянии и потребовала, чтобы меня отвели к начальнику тюрьмы, который ведь сам разрешил передать мне фотографию. Но меня не отвели к нему, и в течение нескольких дней, несмотря на мои настоя-тельные требования, так и не сделали этого. Наконец через несколько дней мне вернули фотографию без всяких объяснений, зачем ее у меня брали. Однако я догадалась, что ее взяли для того, чтобы переснять для охраны. Догадка моя подтвердилась. Как оказалось, охранники, каким-то образом узнав уже, кто является моим мужем, принесли с собой в «Сербию» клише старых снимков Феликса, сняли их с присланной мне фото-графией и, удостоверившись, что это он, послали фотографию в охранку, чтобы ее там пересняли.

После Великой Октябрьской социалистической революции, когда в Москве был организован Польский коммунистический архив, его руково-дитель Красный (Юзеф Ротштадт), собирая материалы из бывших царских архивов России, получил из ряда русских губернских городов копии этой фо-тографии Феликса, присланной мне в 1911 году в «Сербию». Копия очень хорошая, только несколько меньшего формата, чем сама фотография.

Оригинал фотографии Феликса перед переводом меня в «Сербию» в пересыльную тюрьму для отправки этапом я отдала на хранение отцу при последнем свидании с семьей. После побега из Сибири и встречи с отцом я получила ее обратно. Она была со мной все годы в эмиграции в Кракове, Закопане, Вене и в Швейцарии, а в 1919 году я привезла ее в Москву. Она хранится у меня до сегодняшнего дня, и я берегу ее как зеницу ока. Но фотография эта была плохо проявлена, выцвела в рамке па столе и нуждается в реставрации. Поэтому я заменила ее, вставил в рамку одну из тех копий, которые в свое время были сделаны в охранке.

Эта копия, сделанная фотографом-специалистом и в течение многих лет пролежавшая в темноте среди царских архивных документов, сохранилась так хорошо, что один молодой советский художник — бывший беспризорник Костюков нарисовал с нее акварелью большой портрет Феликса Эдмундовича. Портрет в целом хорош, только художнику не уда-лось передать так, как на фотографии, мечтательного, как бы устремлен-ного в светлое будущее взгляда. Выражение глаз на портрете слишком острое. Правда, точно передать настоящее выражение глаз Феликса Эдмундовича — дело нелегкое.

Итак, нас с Франкой начали готовить к отправке этапом. Довольно долго мы не знали, куда нас вышлют. Каждые три года меняли место ссылки поселенцев в Сибирь.

В 1911 году их высылали в Енисейскую губернию, но мы в течение ряда недель не знали, будем ли высланы в 1911 или же в 1912 году. Только в конце декабря стало уже точно известно, что нас отправят в 1912 году. А 1 февраля 1912 года выяснилось, что нас вышлют в Иркутскую губернию, причем не раньше чем в середине марта. Так как мы были лишены всяких прав, то к нам относились во время этапа как к каторжанам. Нам не разрешалось ехать в собственном белье, одежде и обуви. Выдали нам по одной рубашке из грубого, нестираного серого холста и что-то вроде уродливых халатов из серого солдатского сукна, а на ноги — так называемые коты — грубая обувь, похожая на почные туфли, но из очень твердой кожи и сделанная не по размеру ноги. Мне достались такие большие коты, что при каждом шаге они слетали с ног. На голову, несмотря на мороз, выдали только белую тонкую ситцевую косынку. На всех этих вещах стоял тюремный штамп, и заключенный отвечал за их сохранность вплоть до момента прибытия на место поселения, после чего мог с ними делать что угодно. Кроме этих вещей разрешалось брать с собой, и то не всегда, в зависимости от настроения и милости или немилости конвойного офицера 12 с половиной фунтов собственных вещей: одну смену белья, маленькую подушечку и шерстяное одеяло — все это серого или белого цвета, да еще немного чаю и сахару. Денег с собой можно было взять всего только 99 копеек.

Личные деньги заключенного, сданные в касселярию, тюремные власти пересылали лишь на место поселения, так что ни в пути, ни в какой-нибудь пересыльной тюрьме пользоваться ими было нельзя. Впрочем, на место поселения они поступали иногда только через полгода.

По пути этапом ссыльнопоселенцам выдавали по 10 копеек кормовых на день. На эти деньги конвойный покупал на станциях хлеб и кипяток.

Все эти правила хорошо знал Феликс, который в 1909 году, как лишенный всех прав состояния, совершил тяжелый путь этапом на вечное поселение в Енисейскую губернию, в Канский уезд, откуда бежал уже через неделю после прибытия в назначенное ему место — деревню Тасеевку.

Зная условия этапа, Феликс в письмах моему отцу давал советы и подробные указания, что и как делать, чтобы дорога была менее мучительной. Он советовал кроме дозволенных 99 копеек взять тайком с собой несколько рублей, зашив их старательно куда-нибудь в белье или одежду.

Он не ограничился только советами, а купил мне в Берлине и прислал с okazji отцу две тонкие шерстяные рубашки и кусок шелкового полотна на рубашку с указанием, что в пути и в пересыльных тюрьмах она будет спасать меня от вшей, от которых там невозможно уберечься.

Пользуясь швейными способностями Франки и достаточным временем, оставшимся до отправки, мы перешили оба чудовищных халата из солдатского сукна на юбки и кофты наподобие жакетов, так что наша одежда не производила такого отталкивающего впечатления. Когда мы прибыли в Москву в пересыльную тюрьму, находившиеся там товарищи — ссыльнопоселенки — удивлялись, что в Варшаве выдают такие красивые костюмы.

В швы юбок или жакетов мы зашили по несколько рублей. Вынуть их и воспользоваться ими мы смогли лишь в Иркутской тюрьме.

В этой одежде с белыми косынками только не на голове, а на шее тюремные власти сфотографировали нас 14 февраля. Во время фотографирования я сознательно придавала своему лицу злое, угрожающее выражение, желая этим проявить свою ненависть к царским властям и всему царскому режиму. Но не знаю, почему на фотографии мое лицо оказалось печальным, а не злым. Вид у меня получился какой-то несчастный, хотя я вовсе не чувствовала себя несчастной.

Наоборот, фотографирование нас свидетельствовало о том, что приближается наш отъезд, а следовательно, и желанная свобода. Мои товарищи по тюрьме, глядя на эту фотографию, удивлялись и говорили, что никогда не видели меня такой печальной.

Франка Гутовская все еще не могла примириться со своим приговором и довольно долго колебалась, не подавать ли кассационную жалобу высшим судебным властям. Это означало бы отсрочку нашего отъезда или, в том случае если бы выслали только меня одну, обрекло бы ее на этапный путь в одиночестве, что сделало бы для нее дорогу еще тяжелее. Поэтому она в конце концов решила не подавать кассационной жалобы. Но эти переживания и болезнь легких еще больше расшатали ее нервную систему. Она плакала целыми часами, отказывалась от еды, не хотела выходить на прогулки, не спала по ночам. Не помогли ниш с Гржеляк уговоры и просьбы. Это привело в конечном счете к тому, что я сама, будучи подавлена необходимостью расстаться со своим ребенком и очень обеспокоенная за него, не была уже в состоянии разговаривать с Франкой спокойно. Только во второй половине марта, незадолго до нашей отправки, она несколько успокоилась. А 23 марта, когда в «Сербию» привезли много новых женщин из-за тифа, вспыхнувшего в тюрьме Ратуши, Франка перебралась в мою камеру, и нам снова вместе было так же хорошо, как раньше.

Мое одиночество в тюрьме скрапнялось памятью обо мне товарищей, письмами и открытками, приходившими от них. Постоянно писала мне очень любившая меня и Яска Вада Краль, хотя лично его и не знала. Она все еще болела и лечилась на курорте в Графенберге. Я писала ей часто. Большую радость доставляла мне полученная в конце декабря 1911 года из Берлина открытка, написанная коллективно членом Главного Правления Варским, которого я не видела с 1905 года, его женой и Феликсом.

Получала я письма и открытки от моей старой знакомой со времен революции 1905—1907 годов Марты (Наталии Смолинской), от Ирены Фрида, которую я знала по Кракову, и от других товарищей.

* * *

По мере приближения времени моего отъезда на поселение все больше тревожило меня, Феликса и мою семью будущее Яска. Беспокоил нас вопрос, куда его определить, кому доверить, чтобы он был окружен заботливым уходом и находился по возможности в наиболее гигиенических условиях. Брать мне его с собой было просто немислимо. Даже для самого здорового ребенка дорога по этапу была бы опасной, а тем более для такого слабенького, как Яска. Как я уже упоминала, Феликс хотел его взять к себе в Краков. Но сделать этого не удалось, тем более что в связи с положением в партии не только он сам рвался на подпольную работу в Королевство Польское, но и Главное Правление вскоре, видимо, признало необходимость его присутствия там.

Возникали самые различные проекты того, куда лучше определить Яска. Наши товарищи в Берлине советовали Феликсу поместить ребенка в один из берлинских домов для младенцев, что обошлось бы недорого, и где, как говорили, были хорошие условия и современные рациональные методы ухода за грудными детьми.

С. С. Дзержинская в тюрьме перед отправкой в ссылку. 1912 г.

Сестра моей мачехи Аугуста Рышовская, работавшая в Варшаве воспитательницей в какой-то одноклассной школе Общества благотворительности и имевшая связи среди персонала госпиталя младенца Иисуса, советовала поместить Ясика в детский приют при этом госпитале. Там, говорила она, дети заключенных содержатся за счет государства и воспитываются на основе новейших методов ухода за детьми. Я же не раз слышала, что дети кормилиц, которые отдавали туда своих младенцев, а сами кормили чужих детей, чаще всего в этом приюте умирали. Поэтому я попросила Зосю Гарабашевскую, чтобы она сама побывала в этом приюте и сказала свое мнение, стоит ли туда отдавать Ясика.

Феликс в письме к моему отцу просил о том же Гарабашевскую и Лазоверта и, кроме того, предложил обратиться к известному детскому врачу и прогрессивному общественному деятелю Янушу Корчаку, узнать его мнение. Гарабашевская и Лазоверт познакомились с этим приютом и были против помещения туда Ясика.

В это время наш товарищ Мария Альтер¹ обратилась к моему отцу с предложением взять няньку, которую она соглашалась оплачивать, если ребенок будет находиться у него. Отец мой был тогда без работы и вместе со своей женой и младшим сыном Чеславом находился на изгнании моего старшего брата, проживавшего в Люблине. Никакой возможности оплачивать няньку у него не было. Притом отец еще в 1911 году, потеряв работу, вынужден был перебраться из своей квартиры в такие жилищные условия, где для ребенка с нянькой не было места.

Феликс же из скромной своей партийной зарплаты мог давать лишь 15 рублей в месяц на содержание сына, а на няньку у него также не было средств. И так он отказывал себе в самом необходимом. Таким образом, все эти проекты отпали. Зато появился новый проект по совету доктора Корчака о помещении Ясика в только что открывшиеся частные ясли, хозяйкой которых была, по-видимому, знакомая Корчака — пани Савицкая. Тогда мы и решили отдать нашего Ясика. Чтобы поместить ребенка в любое детское учреждение, нужно было выправить метрику. Для этого нужен был документ о браке, а также запис о крещении ребенка в костеле. Власти, ведающие выдачей метрик, признали недостаточным крепление на скорую руку, совершенное в тюрьме. Поэтому вторично пришлось совершить этот бессмысленный обряд.

«В связи с тем что срок нашей отправки был назначен на середину марта, а пребывание ребенка зимой в «Сербии» было очень вредно для него, я решила отнять его от груди и за несколько недель до своего отъезда отдать в детский дом пани Савицкой, чтобы, находясь еще в тюрьме, зная, как он будет себя чувствовать на новом месте.

¹ Мария Альтер была убита вместе с Брониславом Весоловским в январе 1919 года пилсудчиками на польско-советской границе, когда возвращалась из Польши в Советский Союз как член миссии Советского Красного Креста.

Последние недели, перед тем как расстаться со мной, ребенок чувствовал себя очень плохо. В камере было страшно холодно и сыро. Только что выстиранные и выглаженные чистые пеленки через час в камере становились совсем влажными от сырости, и ребенок простужался, когда я его завертывала. При том холоде, который царил в камере, нельзя было купать малыша. Ясик сильно кашлял, пришлось даже ставить ему банки. Так как он был простужен, то я его не могла выносить на прогулку. Почти восемь месяцев пребывания в тюремной камере без достаточного света и солнца, в сырости привело к тому, что у ребенка стал развиваться рахит.

А мое первое состояние в последние недели пребывания в «Сербии» отразилось на молоке, что вызывало у малыша желудочное заболевание. Ясик похудел так, что ручки и ножки у него стали как прутики.

15 февраля 1912 года наступил тяжелый день расставания с Ясиком.

Всю ночь я не спала, ребенок был нездоров и плакал, но откладывать больше было нельзя. Я уже договорилась с мачехой на этот день и не имела возможности сообщить ей, чтобы она не приезжала за ребенком. Мачеха наняла карету и вместе с панн Савицкой приехала за Ясиком в «Сербию».

Условия в детском доме Савицкой по сравнению с «Сербией» были идеальными: нормальная, светлая, солнечная, теплая комната, постоянный детский врач Рощковский, няня.

Детей вместе с Ясиком было не больше четырех. Уход мог поэтому быть достаточным. Но Савицкая в поисках новых детей целыми днями отсутствовала, и дети оставались на попечение недостаточно квалифицированной и недостаточно добросовестной няни. Когда Ясика привезли к Савицкой, его взвесили. Он весил всего лишь 12 с половиной фунтов.

В первый же день его сразу накормили манной кашей на молоке, чего он у меня никогда не ел, и у него начались судороги. После этого он страшно ослаб. Судороги повторялись в середине марта и в середине апреля. Доктор Рощковский и вызванный по моей и Феликса просьбе доктор Корчак заявили, что судороги эти не были опасны, что они вызваны рахитом и нервным состоянием ребенка и что, когда ребенок окрепнет, это пройдет. Так оно и произошло. Можно себе представить мой испуг и мои страдания, когда я узнала о болезни ребенка, а также мое постоянное беспокойство о нем.

Доктор Корчак сказал, что ребенка обязательно нужно прикармливать грудным молоком. Дорогая моя подруга Зоя Гарабашевская нашла какую-то женщину, мать четырехмесячного ребенка, которая за деньг согласилась два раза в день приходить к Ясику и кормить его грудью.

Зоя Гарабашевская, придя ко мне на свидание, заставила меня дать согласие на то, что она будет оплачивать эту кормилицу. Но ребенок

этой кормилицы было намного моложе моего сына, и молоко ее было подвистым и недостаточно питательным. В связи с этим через некоторое время вместо этой женщины кормить грудью Ясика стала товарищ Юстина, урожденная Кемпнер (фамилию ее по мужу не помню) — мой партийный товарищ по Мокотовскому району варшавской организации СДКП в период революции 1905—1907 годов. Многие друзья и товарищи спасали меня и нашего Ясика в беде.

По инициативе Гарабашевской адвокат Скоковский за несколько недель до моего отъезда добился разрешения, чтобы Зоя Гарабашевская приходила ко мне в «Сербию» и лечила мне перед отъездом в Сибирь зубы. Таким образом, Зоя несколько раз в неделю приезжала в «Сербию» со своими инструментами и лечила меня. Это происходило около канцелярии в комнате для свиданий на обыкновенном стуле, так как зубо врачебного кресла в тюрьме не было. Во время этих медицинских сеансов никто из тюремных властей не присутствовал, только время от времени в комнату заглядывала надзирательница или помощник начальника. Поэтому мы пользовались каждой подходящей минутой для разговора без свидетелей. Эти визиты Зои Гарабашевской продолжались почти до самого моего отъезда.

Перед отправкой в Сибирь меня посетили в обычный день свиданий (через две решетки) несколько человек, которых я не видела со дня своего ареста. Это был близкий мне товарищ Самуил Лазоверт, мол тетка Анна Лянды¹, дочь адвоката Христовского Паулина, с которой в 1906—1908 годах мы вместе жили в квартире Зои Гарабашевской, а также мать находившегося в Сибирь на поселении Францишека Горского. Пришла ко мне на свидание также сестра моей матеки Августа Рышовская.

Из Варшавы нас увезли 26 марта около часа ночи. В субботу, воскресенье и понедельник 23—25 марта 1912 года у меня были три свидания с семьей в канцелярии без решеток. 23 марта ко мне пришли отец, матека и госпожа Савицкая с Ясыком. Это было мое последнее с ним свидание перед отъездом в Сибирь. Радость этого свидания смешивалась с болью разлуки на длительное время, а также с беспокойством из-за состояния здоровья Ясика. Когда я его отдавала из «Сербии» в ясли Савицкой, он был худенький и бледный, но сидел, когда его брали на колени, и хотя не очень крепко, но держал головку. Теперь он лежал пластом на подушке и не пытался даже поднять головку. Он меня упал сразу, радостно мне улыбулся, а когда я взяла его на руки, протянул ко мне свои ручки и гладил ими меня по лицу. Свидание продолжалось минут 15. Я думала, что на этом свидании без решеток мне удастся передать матеке все письма Феликса, нелегально доставленные мне отцом

¹ А. Лянды впоследствии была умерщвлена в Освенциме гитлеровцами.

в «Сербию». Поэтому я взяла их с собой, идя на свидание. Но свидание происходило в присутствии подлой надзирательницы-шпионки, которая все время не спускала с меня глаз и внимательно следила за каждым моим движением. Очень важно было, чтобы эти письма не попали во враждебные руки не только потому, что были мне переданы нелегальным путем, но и потому прежде всего, что содержали, правда в завуалированной форме, сведения о партийных делах. Поэтому я вернулась в камеру с письмами Фелпкса.

Прощаться со мной из Люблина в Варшаву приехал мой брат Станислав с женой и сынишкой. Они были у меня вместе с отцом на свидании без решеток в воскресенье. А в понедельник состоялось мое последнее прощальное свидание со всей моей семьей. Не было на том свидании только моего Ясика.

Во время этих двух последних свиданий без решеток я снова напрасно пыталась передать отцу или мачехе письма Фелпкса. Но за нами непрерывно следили то бдительное око помощника начальника, то надзирательницы.

Так и не удалось отдать эти дорогие письма на волю, и с болью в сердце мне пришлось их уничтожить.

В понедельник, 25 марта, в 2 часа дня меня вместе с Франкой Гутовской и Мартынской из «Сербии», а также 30 мужчинами из Павлака в тюремных каретах под сильным полицейским и военным конвоем увезли в пересыльную тюрьму на Прагу (Петербургская улица, 10). Мартынская была приговорена не к поселению, а к административной ссылке на 3 года в Тобольскую губернию. Камера на Праге, куда нас поместили, была полна женщинами-уголовницами. Только мы три были политическими. Сразу после прибытия туда обыскали не только наши вещи, но и нас лично. Делалось это в такой грубой форме, что я смогла удержаться и отругала надзирательницу, производившую обыск. Она донесла об этом своему начальству и, пернувшись, сообщила, что если я не извинюсь перед ней, то меня посадят в карцер и не отправят в этот день из Варшавы. Это была перспектива не из приятных, прежде всего потому, что доставила бы новые огорчения и заботы моей семье, а во-вторых, настолько ужасны были условия в этапной тюрьме на Праге, что невыносима была даже мысль о проведении там хотя бы одной ночи. Несмотря на это, у меня не было ни малейшего намерения извиняться перед надзирательницей, и я терпеливо ждала, что будет дальше.

Отца и мачеху, которые пришли, желая получить еще одно свидание со мной, отправили ни с чем. Приняли от них лишь немного вещей для меня: шерстяное одеяло, мыло и кое-что из еды.

Начальник пересыльной тюрьмы по просьбе отца принял также два фотоснимка Ясика и согласился поставить штамп, чтобы конвой не выбросил. Снимки эти в засяках Савицкой сделал товарищ Лазоверт. Эти

фотографии я взяла с собой и привезла на место поселения. Такие же фотографии Лазоверт переслал и Феликсу.

В 10 часов вечера под сильным конвоем нас вместе с мужчинами погнали пешком на Тереспольский вокзал. Таким образом, угроза посадить меня в карцер и задержать в этапной тюрьме Праги, к счастью, не была выполнена. По-видимому, начальник этой тюрьмы не захотел иметь лишних забот и долго держать у себя политическую заключенную.

Когда открылись тюремные ворота, я увидела около них Зосю Гарабашевскую и С. Лазоверта, которые проводили нас на Тереспольский вокзал, разговаривая с нами через головы конвоиров.

Вырвавшись из отвратительных тюремных стен, ожидая увидеть и окно арестантского вагона широкие поля и леса, мы повеселели. У нас было необыкновенно хорошее настроение, мы смеялись и шутили, как будто предстоял не тяжелый этапный путь, а веселая экскурсия. Я увидела по этому поводу даже удивление в глазах своих друзей.

На Тереспольском вокзале нам пришлось несколько часов ждать поезда на Москву. Самуил Лазоверт, по-видимому за небольшую взятку, получил разрешение начальника конвоя передать мне несколько открыток с марками и карандаш. Я очень обрадовалась этому, так как с дороги могла подать о себе весть.

На вокзал приехали также мой отец и мачеха. Когда нас посадили в поезд, идущий на Москву, они подошли к решетчатому окну нашего арестантского вагона. При помощи жестов и мимики они разговаривали с нами до самого отхода поезда. Наши веселые лица несколько их успокоили.

По этапу в Сибирь

Вагон, в котором мы ехали, был обыкновенным пульмановским вагоном третьего класса. Он отличался от обычного только тем, что на окнах были решетки. Мы втроем сидели в одном купе. Потом к нам посадили еще какую-то уголовницу. У каждой из нас была целая полка, так что мы могли удобно лежать и спать ночью, хотя и без матраца, на твердой скамейке с маленькой думкой под головой. Другие купе были заняты мужчинами, а одно — конвойными. Нам выдавали, как сказано выше, «кормовые» по 10 копеек в день. Конвоиры на станциях покупали нам хлеб и приносили кипяток.

По пути в Минск я написала отцу открытку и дала ее одному из солдат-конвоиров, который обещал бросить ее в почтовый ящик на станции Минск. Эту открытку отец переслал Феликсу, приписав, что получил он ее не по почте, а что ее принес ему русский солдат из конвоя, который нас сопровождал до Минска, а затем вернулся в Варшаву. Этот случай

показывает, каково было отношение некоторых простых русских солдат к революционерам.

По дороге мы восхищались прекрасными белорусскими лесами. По пути мы проехали ночью. В Москву мы приехали 28 марта утром. С вокзала нас пешком под конвоем отвели в Бутырки. Тут после обыска нас поместили в довольно большую камеру на 10—15 человек. Здесь днем койки поднимались, и можно было сидеть только на табуретках, но их было так мало, что большую часть дня приходилось стоять или ходить по камере. В Бутырках нас свели в баню, где мы смогли вымыться и постирать белье.

В Москве мы пробыли почти три суток. Перед отправкой в дальнейший путь нам вручили тяжелые солдатские шинели с красным тузом на спине, чтобы каждый издала мог увидеть, что одетый в эту шинель человек — каторжанин или ссыльнопоселенец. Выдали нам также огромные плохо выделанные овчинные тулумы с очень неприятным запахом.

В Бутырках нас присоединили к большой партии каторжан и ссыльнопоселенцев. А затем посадили в арестантские вагоны и через Пензу отвезли в Самару (ныне Куйбышев).

Вагоны были очень неудобны, с короткими полками, на которых нельзя было лежать; дошмала страшная жара, так как кошвойные беспрерывно подбрасывали дрова в огромную железную печь.

По пути в Самару я познакомилась с несколькими русскими товарищами и впервые услышала прекрасные революционные песни «Славное море, священный Байкал», «Дубинушка» и другие. С дороги — между Пензой и Самарой — я послала вторую открытку отцу, чтобы он не беспокоился.

В Самару мы приехали только вдвоем с Франкой. Мартынскую из Москвы отправили в Казань и дальше на восток.

В Самаре партию принял начальник пересыльной тюрьмы, который обращался с заключенными совершенно грубо. Обыск также сопровождался грубостями. Тюрьма была грязная, кишела клопами и вшами. К счастью, нас не держали там долго, но достаточно было несколько часов, чтобы набраться паразитов.

Еще в Бутырках нам говорили о красоте Волги, и мы радовались при мысли, что увидим ее. Правда, она была закована в лед и засыпана снегом и, по-видимому, не так красива, как летом. Но нам и такой не удалось ее увидеть. Мы проезжали мост через Волгу ночью.

Из Самары нас увезли в Челябинск. Как сейчас помню сверкающий огнями, расположенный в горах точно большое птичье гнездо город Златоуст. В Челябинской пересыльной тюрьме мы провели сутки. Из Челябинска двинулись дальше на восток по знаменитой сибирской дороге, по которой уже столько сотен и тысяч политических заключенных пролежал в далекую Сибирь. Дорогой мы любовались замечательными бере-

зовыми и хвойными лесами, тянувшимися сотни верст. На следующих этапных пунктах в тюрьмах Омска, затем Красноярска мы сидели один-два дня. Вагоны на сибирской железной дороге были удобны, у каждого заключенного была целая длинная полка, так что можно было спать.

В дороге между Красноярском и Иркутском я встретилась с членом СДКПил из Лодзи товарищем Сохой, который после четырех лет каторги ехал на поселение.

Дорога от Варшавы до Иркутска продолжалась свыше трех недель. В Иркутск мы прибыли только 17 апреля. На одной из остановок перед Иркутском я, к великому своему удивлению и ужасу, увидела Тадеуша (Францишка Горского) в штатской одежде, которого жандармы ввели в один из арестантских вагонов нашего поезда. В Иркутске при выходе из вагона я снова встретилась с Тадеушем. Мы пожали друг другу руки и обменялись несколькими словами, прежде чем нас опять разделили, чтобы отвезти в тюрьму. Оказалось, что Тадеуш, отбыв каторгу, бежал из ссылки в Иркутской губернии, но по дороге на запад был арестован жандармами в вагоне и высажен из поезда. Его везли обратно в тюрьму. К счастью еще, что его арестовали в Сибири, а не в Челябинске на границе Европы и Азии или дальше на западе, ибо тогда за один только побег он получил бы снова по крайней мере три года каторги. Теперь ему угрожала не каторга, а несколько месяцев пребывания в пересыльной тюрьме в Александровске под Иркутском и снова, как до этого, ссылка на вечное поселение, только еще дальше на север. Об этой печальной встрече я дала знать из Иркутска моему отцу с просьбой сообщить матери Тадеуша.

В Иркутске нас сначала поместили в пересыльную тюрьму. Сидя там, я из окна увидела Видека (Даниель Эльбаум), но говорить с ним не смогла. Еще в середине февраля узнала я, что Видек и Бронислав уже переведены в мужскую пересыльную тюрьму Арсенал для каторжан и ссылнопоселенцев в Варшаве. Выслали их этапом из Варшавы в начале марта, еще до моей отправки. Не знаю, сидели ли они в Иркутской пересыльной тюрьме или же в расположенном недалеко Александровске.

Из Иркутской пересыльной тюрьмы нас с Гутовской перевезли в Иркутскую женскую губернскую тюрьму в пересыльную камеру. Было нас там немного: мы с Франкой и еще две политические заключенные. Кроме того, в нашей камере были три уголовницы и какая-то женщина с двумя детьми, которая, не имея средств, чтобы доехать до дома, сама явилась в тюрьму для поездки этапным путем. Камера наша находилась на первом этаже, была небольшой, сырой и холодной, с длинными нарами вдоль стены, на которых мы все спали вповалку.

Деревянный некрашеный пол в камере нас заставлял мыть через день. Мыли мы его оригинальным и трудным способом: не водой и щеткой, а затем тряпкой, но кучей мокрого песка и метлой. Сначала метлой терли пол песком, а затем выметали песок вон. В камере у дверей

стояла параша, которую мы ежедневно по очереди вдвоем выносили по двору. Мы с Франкой прибыли в эту камеру последними, поэтому на парах нам достались самые плохие места около параша. И хотя ее прикрывали деревянной крышкой, все же лежать рядом с ней было малоприятно. На парах лежали довольно грязные соломенные тюфляки. Так как в камере были уголовные — воронки, вещи приходилось на ночь класть под голову под тюфляки, чтобы их не украли, как это приходилось в свое время делать в Варшаве в Ратуше. Несмотря на эти предосторожности, у меня в этой тюрьме украли пару теплых шерстяных чулок, когда я после стирки повесила их сушить во дворе.

За водой мы ходили с чайничками к обедневшему колодцу во дворе. Нам разрешали также полтора часовую прогулку. В Иркутске стояли сильные морозы. Жажущие воздуха легкие вдыхали с наслаждением морозный, сухой, пронизанный солнцем, какой-то не такой, как у нас, пахнущий озоном воздух. Через некоторое время женщину с двумя детьми увели из нашей камеры, а на ее место привели молодую женщину с четырехмесячным грудным ребенком, тяжело больным коклюшем. Это была ни в чем не виновная женщина, муж которой, живший где-то на востоке или севере от Иркутска, систематически издевался над ней, истязал ее. Она убежала от него с маленьким ребенком к своим родителям, кажется, в Омск. А муж по нечеловечески жестокому царскому закону потребовал через полицию ее возвращения к нему по этапу. Такова была рабская судьба женщины в царские времена. Больной ребенок целыми ночами кашлял, не давая спать ни матери, ни всем нам. Тяжело было смотреть на страдания малютки.

В Иркутской тюрьме мы были в тяжелых материальных условиях. Несколько рублей, вынутых из распоротой одежды, деньги иссякли, и у нас не было ни гроша на так называемую выплату. Деньги (10 рублей), внесенные в Варшаве в канцелярию «Сербии» и высланные тюремными властями в Иркутск, так и не дошли. Мы обе с Франкой прибыли в Иркутск простуженные в результате невыносимой жары в вагоне. Фелпкс, предвидя, что мы окажемся без гроша денег, выслал мне, как только получил мой адрес, 5 рублей в Иркутск. Но деньги эти не застали меня уже в Иркутске и не пришли потом на место моего поселения. По-видимому, начальник Иркутской тюрьмы отправил их обратно в Варшаву, если не присвоил себе. Мы постоянно были голодны, так как тюремная пища была несъедобна, особенно в связи с моей хронической желудочной болезнью. В пак, которые ежедневно давали на обед, плавали мыши, а черный хлеб, получаемый по 1 фунту в день, был полон отрубей и соломы и до того недоеден, что внутри оставались капли воды. Поэтому мы питались кипятком с сахаром или в лучшем случае кирпичным некусным чаем.

13 мая Франку Гутовскую выслали в Усть-Уду, Балаганского уезда, а меня с вещами на следующий день вместе с другой, пожилой женщи-

ной Александровой, из камеры для политических на втором этаже отвели к мужскому корпусу тюрьмы, где начали готовить партию заключенных в дальнейший путь. Александра была русской социал-демократкой, меньшевичкой, о которой В. И. Ленин писал, что на II съезде РСДРП она принадлежала к «болоту». После Великой Октябрьской революции и до самой смерти она была членом ВКП(б).

После нескольких часов пребывания около мужского корпуса нас увели обратно в женскую тюрьму из-за непогоды. Мне еще ничего не сообщали о месте моего поселения, но я догадалась, что назначена в Киренский уезд, так как партия, которую готовили в мужском корпусе, должна была двинуться по Лене в Якутск.

После возвращения от мужского корпуса меня перевели в камеру для политических на втором этаже.

В противоположность страшно грубому обращению стражников и надзирательниц с политическими заключенными в пересыльной камере на первом этаже, где к нам относились так же, как к уголовным, в камере для политических на втором этаже отношение к женщинам-политическим было нормальным. Условия тут были несравненно лучше уже хотя бы потому, что мы были среди своих, в кругу товарищей. Александрова находилась в той же камере. Тут я узнала от товарищей о событиях в Бодайбо, на Ленских золотых приисках, — о расстреле мирной толпы бастующих рабочих, шедших на переговоры с администрацией. Было там убито 270 и ранено 250 человек. Узнала я и о массовых выступлениях русских рабочих в ответ на эти события, о забастовках по всей России, о демонстрациях в Варшаве. Эта весть воодушевила нас, дала новые силы, ибо это было доказательством начала нового революционного подъема.

Незадолго перед моей дальнейшей этапной дорогой условия нашего пребывания в камере на втором этаже улучшились. К нам в камеру поместили только что прибывших двух политкаторжанок-грузинок. Это были эсерки, которым удалось каким-то образом взять с собой деньги. По-видимому, в Тифлисе меньше придирались к политическим заключенным, чем в Варшаве.

Они устроили настоящий «пир»: «выписали», т. е. купили через канцелярию баранки, копченую кету, которую я тогда ела впервые в жизни. Кета и баранки с чаем после довольно длительного голодания показались необычайно вкусной едой. Эти политкаторжанки сильно натерпелись в Грузии, не раз сидели в карцере, а из Иркутска их должны были отправить на каторгу в Акатуй.

От Александровой я узнала несладкие вещи об условиях жизни ссыльнопоселенцев в Киренском уезде. Она находилась там уже на поселении, бежала отсюда, но была, кажется в Иркутске, арестована. Теперь ее ссылали на поселение еще дальше на север, в Якутск. Она расска-

живала, что в Киренском уезде очень трудно с питанием, жильем и работой.

В первое мгновение меня это испугало, но весть о ленских событиях и массовом рабочем движении в России отодвинула эти опасения на задний план, наполнила меня надеждой и верой, что скоро и в России, и у нас в Польше все изменится к лучшему.

Только 17 мая получила я в Иркутске первые, по малоутешительным сведениям о моем Яске. У него не было еще ни одного зубка, он не умел еще сидеть. Из-за недостатка средств Савлякая не вывезла детей на дачу, и они оставались в Варшаве. Беспокойство о ребенке и тоска не оставляли меня ни на мгновение. Однако в такие моменты перед моим мысленным взором возникали дети, которых я видела в тюрьмах и в пути по этапу, бывшие в гораздо худших условиях, чем Яск. Это были дети, брошенные на съедение клопам и вшам, больные оспой или коклюшем, без всякой врачебной помощи, дети, кричащие от голода, в то время как матери не могли их накормить высохшей грудью. И мне становилось стыдно, что я так терзалась вынужденной разлукой с сыном.

С момента выезда из Варшавы я не имела никаких вестей от Фелкса или о нем, что также очень меня беспокоило. Я была уверена, что он снова на нелегальной работе в Королевстве Польском, и боялась за него, за возможность провала.

17 мая мне вручили письма от Мартынской из Тобольской губернии и от Владки Гузовской из Енисейской губернии. Владка писала, что находится в очень тяжелых материальных условиях. Получила я также письмо от товарищей из «Сербии», которые сообщили, что обнаружен провокатор, якобы выдавший нас на Гурчевской улице.

Лишь 23 мая сообщили мне место моего поселения: волость Орлыга, Киренского уезда, в 800 верстах к северу от Иркутска. На следующий день я письмом сообщила отцу этот адрес.

В конце мая нас (снова) с вещами отвел в мужской корпус, где составлял большую партию заключенных, насчитывавшую 300 человек. Партия эта двинулась по этапу дальше на север. В нее попала и Александрова. Мы вместе следовали до Орлыга, после чего ее повезли дальше в Якутск.

В Иркутске нас посадили на небольшой пароходик и перевезли на другой берег бурной реки Ангара. В этой же партии заключенных был и Францишек Горский. После отсидки в течение нескольких месяцев в Иркутской тюрьме его везли в Усть-Кут, Киренского уезда.

На другом берегу Ангара начался наш путь по сибирской степи до Качуга — до места, откуда Лена была уже судоходной. Мужчины шли пешком, а мы, три женщины (Александрова, я и одна уголовная), ехали на подводе. Эта «подвода» просто была квадратной доской в полтора метра длиной и столько же ширины на двух колесах. Опереться было не на

что, ухватиться тоже не за что. Во время движения доска подпрыгивала и раскачивалась так, что удержаться на ней было очень трудно. Везли эту «подводу» две лошади. Впереди сидел возчик-бурят. Он всю дорогу немилосердно матерился, Александрина ужасно возмущалась и зажимала уши, а я не знала и не понимала этой нецензурной ругани, и поэтому она не произвела на меня никакого впечатления.

Кроме нашей подводы двигались еще и другие подводы. На них везли нескольких больных товарищей — мужчины, которые не могли идти пешком. На других подводах везли вещи идущих пешком поселенцев. Партию всю дорогу окружал со всех сторон конвой, состоявший из конных жандармов и солдат.

Двигались мы по обычной полевой дороге. От идущих впереди мужчин, от лошадиных копыт, от колес сывье десятка подвод, ехавших одна за другой, пыль столла столбом. Этот путь до Качуга продолжался 7 суток. Мы ежедневно делали 30 верст. На ночь нас запирали в каталажку, окруженную высоким плотным забором с колючей проволокой наверху. Каталажка — это небольшой деревянный сарай с дощатым полом и кучей соломы на нем. До наступления темноты можно было ходить по небольшому огороженному двору вокруг этого сарая. Заключенных разводили костры и кипятили воду для чая. Выдавали нам, как и во время езды по железной дороге, 10 копеек кормовых в день, на которые конвойные покупали нам в деревнях и селах хлеб и что удавалось достать из съестного.

После семи дней такого пути мы прибыли в Качуг, Верхоленского уезда. Тут всю партию посадили на три паузка. Паузок — это пятиугольный ящик, насаженный на лодку. Сбит он был из досок с такой же деревянной крышей. Паузки плыли по Лене без весел вниз по течению. Сзади паузка в воду был опущен длинный шест, служивший рулем и защищавший это «судно» от крушений на поворотах реки. Внутри ящика из лодки вела небольшая дверь, вдоль стен паузка были нары, которых, однако, не хватало для всех, и многие спали под нарами. Из-за отсутствия окон в паузке было неопишимо душно. На нашем паузке было 119 заключенных, в том числе 100 политических и 15 солдат конвоя. Нас, женщин, как я уже сказала выше, было только три. Товарищи уступили нам места поближе к двери, так что к нам проникало немного воздуха. В стенках паузка товарищи сделали несколько небольших отверстий, заменивших окна. Днем нам разрешали по лесенке подниматься на крышу паузка, где мы и проводили целые дни, восхищаясь живописными видами Лены и ее берегов. Лена в этих местах еще довольно узкая, извивается среди гористых берегов, поросших густым лесом, сворачивая то направо, то налево. Горизонт то и дело заслонялся горами, и впечатление создавалось такое, что плывем мы не по реке, а по целому ряду соединенных друг с другом озер, попадая из одного озера в другое, то большее, то меньшее, с разными прибрежными видами. Деревни встречались очень редко, и

наш паузок всегда при этом сворачивал к противоположному берегу. Многие годы, прошедшие с тех пор, как бы прикрыли собой все то, что было тигостным в этой поездке: теснота и духота внутри паузка и грязь, разседающий глаза удушливый дым от костра на посу паузка, хождение в темноте друг у друга по ногам и головам, отсутствие самых элементарных санитарных устройств.

Зато остались живыми в памяти чудесные виды Лены и необычайно красивые сибирские восходы и заходы солнца, золотистые или кроваво-красные фантастических форм облака.

100 политических заключенных на нашем паузке разделились на группы по 10 человек, и группы эти жили коммуной. В моей десятке кроме Александровой был Франциск Горский и какой-то русский социал-демократ, по фамилии Трофимов. Мы сдавали в общий котел коммуны свои 10 копеек, и одна из наших товарищей, копонируемый двумя солдатами, отправлялся в ближайшую деревню на привязанной к паузку лодке закупать для всей группы хлеб, картошку, молоко. Чистили мы картошку коллективно на крыше паузка, варили и с большим аппетитом съедали.

Свежий воздух, на котором мы проводили долгие часы, делал свое дело: аппетит у нас был невероятный, и мы постоянно были голодны. По вечерам мы готовили чай и пели хором революционные песни, невзирая на запрет конвоя. У одного из товарищей, по-видимому административно-ссылного, был с собой фотоаппарат, и он снял на паузке нашу группу. Эту фотографию показывал мне потом, в советское время, в Москве Ф. Горский, но у него был только один экземпляр, и он не хотел его лишиться: так я и не получила этого снимка.

Была весна. Берега Лены покрылись светлой зеленью молодой травы и свежей листвой деревьев. Однажды мы увидели посреди Лены островок, заросший цветущей черемухой. Это было замечательное по красоте зрелище; мы упростили конвой направить наш паузок к этому островку. А когда паузок пристал, мы выскочили на берег, упивались одуряющим запахом черемухи и царяли огромные букеты. Жаль было покидать этот очаровательный островок.

Поездка паузком от Качуга до Орлинги продолжалась неделю. В Орлингу мы прибыли около середины июня. Увидели мы это село издали. Орлинга располагалась на огромной поляне у изгиба Лены, и поэтому была с двух сторон окружена рекой. За поляной тянулась бескрайняя тайга. К берегу за селом мы пристали еще до захода солнца, но конвойный офицер, пьяный по обыкновению встелку, так медлил, что нас привели в волостное правление только около полуночи.

Пришлось распрощаться с товарищами по паузку: с Александровой, с которой мы очень сблизились за время пути на подводе и паузке, со старым моим знакомым Тадеушем и другими.

Высадил в Орлинге нас, четверых политических: тяжелобольного меньшевика Андреева, двух латышей и менл, а также нескольких уголовных. Мы ждали, что в Орлинге нас встретят местные политические ссыльнопоселенцы и помогут сразу найти ночлег. Но никто из них не явился. По-видимому, они не знали, что в тот день прибудет партия. Принял нас волостной писарь и предложил мне и больному Андрееву провести ночь в помещении волостного правления. Но мы не хотели пользоваться любезностью царского слуги и пошли... в каталажку — волостную тюрьму, в то время пустовавшую, но страшно грязную и полную клопов. Таким образом, первую ночь на «свободе» мы добровольно провели в тюрьме. Были мы, особенно Андреев, ужасно измучены и голодны. В волостном правлении нам дали дрова и свечку. Мы разожгли огонь в печке и вскипятили чайник. Нашлось немного сахара и сыру, и мы несколько подкрепились. Легли на голые нары и, измученные дорогой, уснули.

Ночью разбудил нас какой-то шум. Это уголовные, которые сразу же после прибытия в Орлингу отправились на поиски водки, пришли пьяные с бутылкой и начали угощать Андреева водкой и дрянными конфетами.

С трудом утихомирили мы их и попытались снова заснуть. Однако клопы спать не дали. На следующее утро мы отправились осматривать Орлингу и на поиски товарищей. К Орлингской волости было приписано около 60 политических ссыльнопоселенцев, но почти все они разъехались в поисках работы в другие деревни и села этой волости, а также в другие волости Киренского уезда.

Некоторые, как, например, большевик Караваев (при Советской власти — член ЦКК ВКП(б)), работали в Ленском речном пароходстве около Киренска и т. д.

В Орлинге оставалось всего человек 5—6 ссыльнопоселенцев, из которых четверо были без работы. Узнав о приезде новых поселенцев, проживавший уже длительное время в Орлинге эсер Безверхний вышел нам навстречу и горячо записал нами. Больного Андреева он поместил в так называемую больницу с тремя кроватями, до сих пор пустовавшую. Служителем в этом лазарете был совсем уже пожилой человек, ссыльный поляк, участник восстания 1863 года.

Устройство Андреева в больницу было счастьем для него. Там он имел крышу над головой, был в тепле, лежал на чистом белье, имел хотл и скудную, но здоровую больничную пищу и бесплатный уход фельдшера. Врача в Орлинге не было. От эсера Безверхого мы узнали, что местный волостной писарь — либерал и человек сравнительно культурный, что он хорошо относится к политическим ссыльнопоселенцам и охотно дает им читать книжки из своей небольшой библиотеки. Безверхий сказал мне

также, что в квартирке волостного писаря сдается комната, и отвел меня туда.

И наняла эту маленькую комнатку с железной койкой без матраца, со столиком, табуреткой и лампой за два рубля в месяц. Тут пригодился мне серый казенный халат с красным тузом на спине. У меня не было мешка, чтобы набить его соломой или сеном, поэтому я использовала вместо тюфяка сложенный четверо халат. И хотя спать на нем было неудобно, но все же он защищал от холода спину. В изголовье я клала казенную суконную одежду, все это покрывала простыней, а под голову — маленькую подушку-думку.

Село Орлинга, хотя и было волостным центром, насчитывало всего лишь 31 деревянный домик. В Орлинге не было ни одного деревца, не было ни садилов, ни огородов около домов, как принято в польских деревнях. Только у одного волостного писаря был небольшой огоролик за домом, где росли капуста и морковь. Другие жители Орлинга не выращивали совершенно никаких овощей. В селе была одна-единственная улица, довольно широкая, но утопающая в грязи и лужах. Мужчины по целым дням пили водку, зарабатывали перевозкой на подводах людей или товаров.

Вся работа в поле, где сеяли пшеницу и немного картошки, легла на плечи женщин, нагруженных также и домашней работой и заботой о детях.

Кроме церкви, больницы и волостного правления в Орлинге были еще почта с телеграфом, что было чрезвычайно важно для нас, ссыльно-поселенцев, школа с учительницей в лице попадьи. В школу эту ходило очень мало детей. Они были заняты дома в хозяйстве как рабочая сила. Был также монополия — казенная лавка, торговавшая водкой и спиртом, и лавчонка, где можно было достать только керосин, спички, сахар (п то не всегда), пшеничную муку грубого помола и «кирпичный чай», а также плохонький ситчик. Хлеба в лавке вообще не продавали, приходилось печь самим или давать хозяйке муку и платить за выпечку.

В первый же день после приезда я пошла на почту и с большой радостью узнала, что там уже ждут меня деньги, высланные моим заботливым отцом. Это было, разумеется, спасением для меня.

Я отправила отцу большое письмо, описывая условия жизни в Орлинге и успокаивая его, Феликса и всех моих близких.

Через несколько дней хозяйка предложила мне обучать ее десятилетнюю дочку арифметике и русскому языку и обещала за это кормить меня.

Я с радостью приняла это предложение и по 2—3 часа ежедневно занималась с девочкой.

Волостной писарь, хоть и говорили о его «культурности», был непробудным пьяницей. Пил он запоем по несколько дней кряду, а в пьяном

виде немилосердно избивал свою несчастную жену и детей, если они попадались ему под руку. Тяжело было смотреть на эту странную семейную жизнь. Моя ученица много работала, помогая матери: убирала квартиру, стирала белье в находившейся во дворе баньке, которая топились по-черному, растапливала печку в этой баньке, таскала тяжелые корзины мокрого белья на берег Лены, полоскала его в студеной воде реки с быстрым течением. Она присматривала также за тремя младшими детьми, нянчила восьмимесячную сестренку. У детей не было своих кроваток. Они спали вповалку в просторной, почти пустой комнате в углу на полу на большой медвежьей шкуре.

Жизнь в Орлине была однообразна и бессодержательна. Оживление вносили лишь поступавшие по почте газеты и письма. Через некоторое время отец выпсал мне варшавскую газету «Курьер Поранны», благодаря чему я не совсем была оторвана от жизни. А она в это время двигалась вперед, ускоряя свой темп.

Со времени моего отъезда из Варшавы я получила, еще находясь в Иркутской тюрьме, всего лишь одну открытку с невеселым сообщением о сыне. От Феликса и от отца никаких вестей не было. Меня не оставляло беспокойство и удручала тоска о моих близких, особенно о моем малыше. Около 25 июня я неожиданно получила сообщение о том, что Ясика увезли из детского дома Савицкой в белорусское местечко Клецк¹ к моему дяде-врачу Мариану Мушкату и его жене Юлии. Взяли ребенка у Савицкой потому, что, оставленный на попечении няни, он там постоянно болел. Увезла в Клецк Ясика моя мачеха, за что я ей была бесконечно благодарна. Дядя мой — терапевт, как все уездные врачи имевший большой практический лечебный опыт, следивший за всеми новыми течениями в медицине, и его жена Юлия, хотя и занятая собственной четверкой детей, окружили моего малыша заботливым уходом. Только в Клецке под постоянным врачебным наблюдением он начал постепенно поправляться. Там, в Клецке, когда ему было уже больше года, у него прорезался первый зуб. Отец мой, желая сам присматривать за внучком, также перебрался на лето к своему брату в Клецк.

Вместе с сообщением о переезде в Клецк отец прислал мне вторую фотографию Ясика, сидящего голышом в кресле. Тельце его несколько округлилось, но по неестественной его позе было видно, что он самостоятельно еще не умеет сидеть. Письмо о том, что ребенка увезли в Клецк, очень обрадовало и успокоило меня, но не уменьшило тоски по нем. От Феликса по-прежнему не было никаких известий, и беспокойство мое за него все усиливалось.

Лето в Орлине было короткое, но очень жаркое, поэтому там созрела яровая пшеница. Ее и сеяли там местные жители. Ржи в Орлине

не было, она там не вызревала. Не было поэтому ни ржаного, ни пекле-
ванного хлеба. Летом страшно допымали комары и особенно мошка. Ее
было так много, что вместе с дыханием она попадала в рот и нос. Для
защиты от этой мошки приходилось надевать густую сетку на голову
и лицо.

Не помню, каким образом во второй половине июля я узнала, что
вскоре должна прибыть новая партия ссыльнопоселенцев. Так как Гем-
борек и Эльбаум не были в моей партии, то я была уверена, что они по-
падут в следующую. Поэтому мы с Безверхим караулили, чтобы не про-
пустить их приезд.

В ожидании встречи с товарищами мы отправились в глубь тайги и
парвали красной и черной смородины, которая там росла в большом ко-
личестве. Я купила сахару и сварила для моих друзей несколько банок
варенья. Ожидание мое продолжалось не очень долго. 26 июля прибыла
новая партия ссыльнопоселенцев. С этой партией следовали дальше на
сепер к Киренску, кажется в Усть-Кут, Гемборек, Эльбаум и самый стар-
ший из наших варшавских социал-демократов Ойнец (Л. Добровичский),
многие годы работавший в нелегальных партийных типографиях.

В течение нескольких часов, пока принимали и записывали прибыв-
ших в полномочном правлении, паузок с Гембореком, Эльбаумом и Добро-
чинским стоял у берега. Им разрешили сойти на берег, а меня пустили
к ним. Мы провели несколько часов, беседуя, делясь своими пережива-
ниями, скромными сведениями, которыми мы располагали о политиче-
ских событиях в России и Королевстве Польском, а также о деятельности
СДКП(П) и жизни наших товарищей, разбросанных по разным тюрьмам
и беспредельным просторам Сибири. Я передала товарищам банки с ва-
реньем, что было для них приятным сюрпризом. Эльбаум позже, нахо-
дясь в ссылке, работал на паузке, курсировавшем между Усть-Кутом и
Киренском по Лене и обслуживавшем работы по углублению русла реки.
Гемборек в Усть-Куте не нашел работы и собирался в Киренск, где не-
трудно было найти уроки. Он писал мне об этом и предлагал прехесть
в Киренск. И Гемборек, и Эльбаум через некоторое время, кажется в
1913 или 1914 году, до начала войны, бежали из Сибири за границу.

Среди прибывших в Орлинг 20 товарищей было несколько социа-
л-демократов: большевик Петр Николаевич Львов из Москвы и два мень-
шевника — Николай Николаевич Попов (после Октябрьской революции —
член ВКП(б) и активный партийный работник в Кпее, а потом в Ис-
полкоме Коминтерна) и бывший депутат во II Думу Зурабов. С этой
партией прибыл также член националистической ППС (так назы-
ваемой революционной фракции) Ржепецкий, с которым в 1911 году я
сидела в X павильоне в одном коридоре и с которым перестукивалась
через стенку. В Орлинге он нанял большую комнату на втором этаже
в доме моих хозяев. В прибывшей партии не было ни одной женщины.

Вновь прибывшие товарищи с трудом и не все нашли себе в Орлинге жилище, поэтому некоторые поехали в другие деревни и села. Работы никто из оставшихся не нашел.

Большинство из приехавших товарищей жили коммуной, вместе готовили себе на костре еду на открытом воздухе. Я не присоединилась к ним, так как питалась у хозяйки за уроки. Однажды чалдоны убили в тайге лося и продали поселенцам кусок мяса. Это было необычное событие, потому что в Орлинге никто из нас мяса еще не ел. Товарищи зажарили это мясо и пригласили меня на свой пир. Впервые и единственный раз в жизни я тогда ела мясо лося, которое всем нам очень понравилось.

Жизнь в Орлинге после прибытия новой партии пошла живее и веселее. В нашем эсдецком кругу, естественно, тоже не было полного единства взглядов из-за принадлежности к разным фракциям. Наша небольшая группа социал-демократов держалась вместе. Мы читали газеты и книжки, вели дискуссии по партийным вопросам и часто совершали прогулки. «Фрак» Ржепецкий держался в стороне от русских товарищей, разговаривал только со мной, и то редко, так как я предпочитала быть в кругу единомышленников.

Для характеристик моих взглядов и вообще позиции эсдекапезовцев приведу одну беседу с Львовым, когда мы однажды были вдвоем на прогулке. Львов спросил меня, к какой фракции я принадлежу: к большевистской или меньшевистской. Я ответила, как это сделал бы каждый член СДКПиЛ, что не принадлежу ни к какой фракции. На это Львов ответил: «Значит, вы в болоте?»

Я удивилась и возмутилась, потому что мы были убеждены, что СДКПиЛ самая революционная партия в мире.

Однажды вместе с Безверхим в качестве проводника и еще несколькими товарищами мы отправились в глубь тайги. Я была удивлена ее непроходимой чащей, ее дикостью. Случалось, что, ступая по мягкому мху среди столетних сосен и елей, вдруг провалишься в глубокую по пояс яму. Оказывалось, что это вовсе не яма, а сваленное или упавшее от старости много лет тому назад дерево, прогнившее внутри и полое, а сверху поросшее густым мхом. Это произвело на меня сильное и какое-то неприятное впечатление. Идя по тайге, я тосковала по нашим смешанным лесам под Варшавой, по молодым душистым сосенкам, по развесистым дубам и березовым рощам с зарослями вереска.

Прекрасные, но чужие виды усиливали тоску по родной стороне, и невольно искала я в тайге или в лесах на берегу Лены уголков, похожих на наши. Я любила поздним вечером выходить на воздух и смотреть на звездное небо. Я отыскивала Большую Медведицу и другие знакомые мне звезды и, долго всматриваясь в них, забывала, что я на чужбине, думала о том, что, может быть, именно в эту минуту Феликс или отец смотрят

па этп же звезды. Это, впрочем, было невозможно, пбо там был еще день. Но это как бы приближало меня к ним, к Варшаве и ее окрестностям.

Однажды в августе мы отправились выпз по Лене за 12 верст. Там как раз мы увидели леса, похожие на польские. Нам сказали, что мы дойдем до села, где сможем подкрепиться. Поэтому мы не взяли с собой ничего съестного. Оказалось, однако, что село расположено на противоположном берегу Лены. Вернулись мы назад в Орлингу голодные и усталые, но полные приятных впечатлений.

В конце июля или же в начале августа мне вручили на почте присланную отцом книжку Павла Адама «Сила». Эту книгу Феликс послал отцу через Лазоверта для меня. Книжка была старая, потрепанная, кажется, без начала, в потертой картонной обложке. Во второй половине августа я получила письмо от Феликса, написанное 14 августа. В письме он советовал мне внимательно прочитать эту книжку, так как она придаст мне много сил. По виду книжки совершенно неизвестного мне писателя и по письму Феликса я поняла, что книжка эта чрезвычайно ценна для меня, что она содержит то, что мне необходимо для побега: паспорт на чужое имя.

Книжку эту я сохраняла некоторое время нетронутой, ожидая присылки денег для побега. Без этого нельзя было двинуться в путь. Деньги для побега Феликсу пришлось еще добывать. Я догадывалась, что паспорт спрятан в обложке, собственноручно сделанной Феликсом.

Но и не выпытывала его, пбо в случае обыска его могли бы найти. В письме отцу я подтвердила получение книжки и просила прислать мне «комментарии» к ней, т. е. деньги на дорогу. Я собиралась ехать до Качуга пароходом, а мне сказали, что навигация по Лене кончается в августе. Желая обмануть бдительность властей, которые, возможно, проверяли мои письма к семье, я писала отцу, чтобы мне в Сибирь прислали сына, что доказывало бы, что я намереваюсь остаться на зиму в Орлинге или в другом месте Киренского уезда. Но эта моя просьба ввела в заблуждение моего отца и Феликса, которые забеспокоились, думая, что я, может быть, действительно отказалась от мысли совершить побег осенью и хочу остаться в Сибири на зиму.

Узнав из письма отца об их беспокойстве, я написала ему 17 августа, что проезд Ясика в Орлингу совершенно невозможен. И отец понял, что прежние мое письмо было лишь дипломатической уловкой.

Во второй половине августа я получила письмо от Феликса из Кракова от 7 августа. В этом письме он снова касался вопроса о расколе. Письмо это свидетельствовало, как тяжело переживал Феликс раскол в СДКПил. Он писал: «Ты не знаешь и не сможешь понять того, что тут происходит, а то, что происходит, так ужасно, что если только жить одним этим сегодняшним днем, то надо умереть».

Вместе с этим письмом он прислал мне какую-то буржуазную газету, а под оберткой бандеролл оказались вырезки из «Червоного Штандара» и из газеты «розламовцев» «Газета Роботничча», касавшиеся вопросов раскола. Меня очень удручало положение, создавшееся в партии. В упомянутом письме от 7 августа Феликс сообщал мне также, что, предвидя свой близкий арест, он в этот же день напишет «прощальное письмо» товарищам, в котором хочет выразить «всю свою любовь к делу... уверенность в том, что все минует, не минует только это дело...».

В это же время до нас дошли вести из Жигалова на Лене, Верхотурского уезда, о страшных репрессиях по отношению к политическим ссыльпоселенцам. Там ежедневно производились обыски и аресты. В Иркутск увезли свыше 40 закованных в кандалы поселенцев. Их привлекли к ответственности за якобы намечавшуюся экспроприацию почты под Жигаловом.

В середине августа я получила также письмо от Франки Гutowской с сообщением о плохом состоянии ее здоровья и тяжелом материальном положении. Еще раньше, когда я в Орлинге получила 10 рублей от Феликса, я послала половину из этих денег Франке. Теперь же, к сожалению, я ничем не могла ей помочь, у меня самой не было денег даже на почтовую марку.

Только 24 августа получила я высланные Феликсом через моего отца 100 рублей для побега. Как раз в тот день я потеряла свой урок, так как даже те несколько часов, которые уходили на занятия у моей ученицы, понадобились для ухода и присмотра за младшими детьми и для другой ее домашней работы.

Потеря урока была еще одним поводом ускорить мой побег. Поэтому сразу же по получении денег я начала собираться в дорогу, тем более что приближался конец навигации по Лене.

Побег

О моем намерении совершить побег знали Петр Николаевич Львов и Ржепецкий, от которого скрыть это было невозможно, так как он жил в одном доме со мной.

Хозяйкам своим я сказала, что, потеряв урок, я хочу переехать в село Шаманово, расположенное южнее Орлинга и назначенное мне для поселения. 26 или 27 августа в Орлинге должен был прибыть с севера последний пароход, идущий в Качуг. Я уложила свои немногочисленные пожитки, оставив хозяйкам тюремный халат, одежду и белье. Из переплета книжки «Сила» я вынула паспорт на чужое имя и нетерпеливо стала ждать прибытия парохода. Паспорт оказался не сфабрикованным,

а подлинным, паспорт какой-то женщины моего возраста, сочувствующей СДКШУ, проживавшей в Королевстве Польском. Она сама на время дала этот паспорт Феликсу, чтобы помочь мне совершить побег. Фамилии ее, к сожалению, не помню. Я заучила тогда эту фамилию и все данные касательно времени и места ее рождения, местожительства и т. д. Научилась также и подписываться так, чтобы похоже было на ее подпись на паспорте.

Наконец пришел пароход. Львов пошел на берег, чтобы посмотреть, нет ли там знакомой полиции, которая могла бы меня сразу арестовать. Я напряженно ждала его возвращения около дома.

После массового расстрела рабочих в апреле 1912 года в Бодайбо, что вызвало возмущение по всей России и в Королевстве Польском, хозяева золотых припсков как раз к этому времени выбросили на мостовую тысячи шахтеров с семьями, и уже несколько пароходов, проплывавших из Бодайбо на юг мимо Орлинги, были полны этими несчастными.

Прибывший 26 или 27 августа пароход, последний в этом навигационном сезоне, также был переполнен шахтерами, изгнанными из Бодайбо. Они лахотились под надзором многочисленной полиции. Это не было бы еще так страшно, но на пароходе оказался урядник из Орлинги, знавший меня хорошо и обязанный следить, чтобы все ссыльнопоселенцы Орлингской волости, в том числе, значит, и я, были на месте. О присутствии урядника на пароходе мне немедленно сообщил Львов. Ясно было, что ехать на этом пароходе мне было нельзя. Но оставаться дольше в Орлинге тоже нельзя было. Лена могла вскоре замерзнуть, и тогда поездка была бы невозможной из-за отсутствия теплой одежды и недостатка денег, так как единственная дорога по реке на санях стояла значительно дороже, чем на пароходе.

Что тут было делать?

Мы собрались втроем с Львовым и Ржепецким и, посоветовавшись, пришли к выводу, что мне следует ехать на почтовой лодке. Но это стоило значительно дороже, чем поездка на пароходе, и уплатить всю стоимость одна я была не в состоянии. Помог мне случай. Моя хозяйка, жена волостного писаря, зная, что я собираюсь ехать в Шаманово, сказала мне, что какая-то женщина, приехавшая в гости к своим родным в Орлингу из Томска, как раз собирается возвращаться домой. Чтобы сократить дорожные расходы, она ищет спутника. Я этому очень обрадовалась и воспользовалась оказией. Сразу же на следующий день — 28 августа, рано утром, я попрощалась с товарищами и моими хозяевами и отправилась в путь по Лене. Все переговоры с почтой вела моя полутчица. Это было мне очень на руку. Я отправилась на берег, провожаемая Львовым и Ржепецким. Из полиции никого не было. Мы сели в большую лодку с круглым навесом над двумя поперечными скамейками в центре лодки.

Спереди и сзади был открытый вид. Почтовую лодку тащили на канатах две лошади, шедшие гуськом одна за другой по узкой тропинке берегом Лены. На одной из лошадей сидел почтовый работник, второй почтальон сидел на лодке у руля.

Местами тайга так близко подходила к реке, что лошади не могли пройти по берегу. Тогда сидящий на передней лошади человек направлял их в реку, и они шли по воде до места, где снова можно было выйти на берег. Мы плыли на лодке двое или трое суток, восхищаясь видами Лены. В первую же ночь ударил мороз, и за одну ночь тайга стала неузнаваемой. Еще совершенно свежие зеленые листья на деревьях и кустах сразу пожелтели и покраснели. Освещенные солнцем, они были очень красивы. У нас в Польше листья на деревьях вянут постепенно, морщатся прежде, чем пожелтеют, и никогда не имеют такого свежего вида, за исключением клена. Тут все деревья еще были полны соков и полностью сохранили свою свежесть, изменив только цвет листьев. Никогда не забуду я эту картину берегов Лены в золотом и ярко-красном одеянии.

На почтовых станциях меняли лошадей. Мы тогда выходили из лодки и шли в буфет на станцию, чтобы согреться горячим чаем, порядком продрогнув ночью. На одной из почтовых станций, в Верхоленске, я встретилась в сенях с двумя солдатами и услышала, как один из них, показывая на меня, сказал другому:

— Смотри, вот барынька, которую мы везли паузком на север.

Я поняла, что это были солдаты нашего паузка, конвоировавшие нас по Лене, а теперь, по-видимому, они сопровождали почту, везшую из Иркутска посылки и деньги.

Я забеспокоилась, опасаясь, что они могут меня выдать, и, чтобы им больше не показываться на глаза, попросила свою спутницу договориться и заплатить за нашу дальнейшую дорогу на почтовой лодке, а сама спряталась за дверями в сенях и стояла там, пока не пришло время отправиться дальше. Мне тогда не удалось даже выпить горячего чаю. Мы поплыли дальше на лодке до Жигалова. Тут я чуть не засыпалась. На берегу было много полиции, сопровождавшей рабочих, уезжавших из Бодайбо. Солдаты, которые меня узнали в Верхоленске, были, по-видимому, порядочными людьми и не относились враждебно к нам, революционерам. Как оказалось, о встрече со мной они не донесли.

Все же нужна была большая осторожность. Из Жигалова мы ехали дальше степью до Иркутска на почтовых лошадях в повозках, похожих на варшавские пролетки, с той только разницей, что они были без всякого сиденья. Это было связано с тем, что в сибирских условиях путники брали с собой сундуки и постели, которые клали в повозки, и сидели на них. Так же сделала и моя попутчица. Она сидела в этой повозке на своем сундуке и мягкой постели. Я же не имела ни сундука, ни постели, ни даже чемодана, а всего лишь небольшую кучку вещей в холстине. Хол-

стпна эта с обопх концов стягивалась п завязывалась тесемкой, а посредине застегивалась на пуговицы п имела пришитую ручку из этого же холста. Поэтому в повозке я сидела почти на ее дне, п меня немилосердно трясло, переворачивал все внутренности. Наша «пролетка» была без рессор, а ехали мы по обыкновенной проселочной дороге. На лошадях я ехала 5 суток до Иркутска. Последние двое суток, чтобы не останавливаться на почтовых станциях п избежать встреч с полицией п солдатами, мы ехали не на почтовых лошадях, а наняли частную бричку у жителя одной из бурятских деревень. Это стоило дороже, чем на почтовых лошадях, но было необходимо, чтобы не засыпаться.

Мне пришлось сразу же после отплытия из Орлиги сказать моей спутнице, что я еду не в Шаманово, а в Иркутск, якобы за тем, чтобы добиваться замены мне Киренского уезда на Балаганский или Верхотелский, где легче было найти уюок.

Я сказала ей также, что еду в Иркутск без разрешения орлигских властей, поэтому за пределами Киренского уезда мне может угрожать арест. Она согласилась ехать дальше на крестьянских подводах. Это стоило, как я уже сказала, дороже, чем почтовые лошади, но все же дешевле, чем если бы она одна ехала на почтовых лошадях. Помню один участок дороги между Жигаловом п Качугом, который мы проехали в повозке, запряженной тройкой лошадей. Дорога круто поднималась к берегу Лены, п возница понукал лошадей ехать рысью. Лошади понеслись в гору вихрем. Это была необычайно приятная езда. Мне казалось, что нас мчат не лошади, а несут собственные крылья. Когда мы въехали на горку на берег Лены, возчик остановил лошадей, чтобы дать им отдохнуть. Они были в мыле. Я уппалась красотами Лены п ее берегов. Я подумала тогда, как было бы хорошо, если бы я могла когда-нибудь еще увидеть Лену п проехать по этой же дороге в условиях полной свободы, когда царизм будет лежать в прахе п развалинах. Тогда можно было бы без всякого опасения ареста наслаждаться сибирской природой. Однако это желание мне не удалось осуществить.

Дорога на лошадях п недоедание в пути замучили меня ужасно. В Иркутске у меня был адрес, данный мне кем-то из товарищей, где я должна была провести несколько часов до отхода поезда. Но я чувствовала себя до того изнуренной, что не была в состоянии двинуться с места. И все время, несмотря на безрассудство этого, ибо мне грозила опасность быть арестованной, я сидела в зале ожидания на вокзале, где меня могли увидеть жандармы п сыщики. Я купила билет до Самары. Это оказалось неправильным, потому что в Самаре я с большим трудом достала затем билет до Москвы. В Иркутске я распрошлась с моей попутчицей из Орлиги п села в плацкартный вагон на самую верхнюю полку, чтобы как можно меньше бросаться в глаза. На какой-то сибирской станции за Иркутском я неожиданно встретилась с моей попутчицей, которая

ехала в этом же поезде до Томска и, видимо, по ошибке, вошла в мой вагон. Она не должна была знать, что я еду из Иркутска на запад. Встреча эта была не из приятных, так как эта женщина могла невольно проговориться о моем побеге. Но ничего не поделаешь, пришлось ехать дальше в надежде, что она этого не сделает.

Из вагона я старалась выходить как можно реже. В буфеты я не заходила, а только брала бесплатный кипяток на перроне, чтобы в кружке заварить себе чай, и кое-что покупала на пристанционных базарах. В Челябинске нужно было пересестъ в другой поезд: иркутский дальше не шел. Как я уже упоминала выше, в случае ареста в Сибири мне грозили несколько месяцев тюрьмы и обратная высылка в Киренский уезд, но дальше, чем Орлэнга, на север. В случае же ареста в Челябинске, который считался границей между Европой и Азией, или же западнее Челябинска в Европе сибирским ссыльнопоселенцам угрожалo уже наказание более тяжелое: суд и по меньшей мере три года каторги, после отбытия которой снова поселение на дальнем севере в Сибири. В Челябинске, насколько помню, не пришлось долго ждать поезда на Самару. Но нужно было перейти на другой перрон. А там полно было жандармов и полиции. Благоприятным обстоятельством оказалось то, что как раз в это время довольно много сибирской молодежи, в том числе и женщины, ехало через Челябинск на курсы, в училища и высшие учебные заведения в Москву и Петербург. Среди этой молодежи я не бросалась в глаза и не обратила на себя особого внимания полиции.

На всякий случай, желая усилить бдительность железнодорожных жандармов, я поступила так, как когда-то в Варшаве, когда везла на пролетке огромный тюк партийных изданий: я напрямик подошла к одному из жандармов и спросила его, где стоит поезд на Самару. Жандарм любезно указал мне нужный перрон и поезд. Я села в поезд и дальше ехала спокойно. Самое страшное осталось позади. Я убедилась в том, что моя попутчица из Орлэнга оказалась женщиной благородной и сохранила тайну моего побега. Позднее, уже миновав русско-австрийскую границу и приехав в Краков, я написала ей сердечное письмо на томский адрес, который она мне дала, сообщая об успешно завершeнном побеге, и поблагодарила ее за оказанную мне помощь.

В Москве, прибыв на Казанский вокзал, я первым делом справилась, когда отправляется поезд на Люблин. Оказалось, что не скоро и что придется ждать несколько часов. У меня был дайный Львовым московский адрес какой-то учительницы, сочувствующей социал-демократам, которая работала в Институте благородных девиц. Я отправилась к ней. Она приняла меня очень сердечно, накормила, порасспросила о Львове. Я пробыла у нее несколько часов, после чего поехала на Александровский вокзал (ныне Велорусский), купила билет до Люблина и села в вагон III класса.

В Варшаве тогда из моей семьи никого не было. Отец с Ясиком был в Клецке. В Люблине жил мой старший брат Станислав. Туда я и поехала. Мне предстоял выезд за границу на длительное время и разлука с семьей надолго. Мне обязательно хотелось до отъезда за границу увидеться с отцом. В Клецк ехать я не могла. Если в Орлише обнаружится мой побег, то искать стали бы меня прежде всего в Варшаве или Клецке, где находился мой ребенок. Поэтому я послала из Москвы отцу телеграмму, подписав ее своим именем: «Выезжай немедленно в Люблин».

Получив телеграмму, отец понял, что я уже бежала из Сибири и что скоро буду в Люблине. Он немедленно выехал. Случилось так, что мы встретились еще в Белоруссии, на одной из железнодорожных станций — в Несвеже, куда из Клецка надо было ехать на лошадях. Поздно вечером, когда было совсем темно, я выглянула в окно и увидела своего отца в момент, когда он садился в соседний вагон III класса моего поезда. Сердце мое радостно забилося, но я заставила себя стоять спокойно и, вернувшись на свое место, стала ждать, пока наступит глубокая ночь и все крепко заснует. Тогда я спустилась с полки, перешла в следующий вагон и нашла на одной из нижних полок спящего отца. Я колебалась, будить ли его, боясь сильно взволновать его, но не выдержала и осторожно погладила руку. Он открыл глаза, и, увидев меня в полумраке вагонного освещения, рывком вскочил и сел. К счастью, он не крикнул. Я сделала ему знак рукой, чтобы он молчал. Мы обнялись, горячо поцеловались и долго сидели рядышком, разговаривая шепотом. Мы договорились, что будем вести себя так, как будто не знаем друг друга. Затем я вернулась в свой вагон.

Всю дорогу от самого Иркутска я ехала в состоянии странного спокойствия. Меня даже не слишком встревожила встреча в вагоне с моей попутчицей, ехавшей в Томск. Но теперь, после встречи с отцом, у меня не было ни минуты покоя. Я боялась, что меня арестуют у него на глазах и что это будет страшнейшим ударом для него. В Брест-Литовске нужно было пересест в другой поезд, так как этот, на котором мы ехали, шел в Варшаву.

В другом поезде мы снова ехали в разных вагонах. Прпехав в Люблин, согласно нашей договоренности мы пошли отдельно. Отец ненадолго остался на вокзале, а я взяла извозчика и поехала на квартиру брата. Это было в рабочее время, и я не застала ни брата, ни его жены. Дома была только домработница, которая меня не знала. Я сказала, что я родственница хозяйки квартиры и хочу дожидаться его или его жены. Через несколько часов пришли брат и его жена. Они очень обрадовались мне, но боялись оставить меня ночевать у себя даже на одну ночь. Они направили мне более безопасное пристанище за плату у каких-то своих знакомых двух пожилых женщин-сестер, у которых не было прислуги. Те

жили одиноко и согласились меня взять к себе с условием, чтобы я днем не выходила из квартиры на улицу, ни на двор, ни даже на лестничную площадку. Я, конечно, согласилась и целыми днями сидела в добровольном заключении.

Выходила я во двор только ночью ненадолго, чтобы немного подышать воздухом. Время от времени меня навещали отец или брат с женой.

Сразу же после приезда в Люблин я написала Феликсу на краковский адрес, сообщив ему адрес брата для писем мне. Я не знала, находится ли Феликс в Кракове или же где-нибудь нелегально работает в Королевстве Польском. Я ждала. Если он в Королевстве Польском, то, узнав о моем приезде в Люблин, при первой возможности явится ко мне. Я ждала этого момента с тоской и нетерпением, но он не появлялся.

Наконец пришел ответ из Кракова, но писанный не его рукой, а Стефана Братмана. Это подтверждало мою догадку, что Феликс находится нелегально в Королевстве Польском. Братман прислал мне адрес Францишки Ган в Домброве Гурничей. Я поняла, что она поможет мне достать проходное свидетельство для проезда через границу в Галицию. Поэтому я сразу же распрощалась с отцом, братом, невесткой и гостеприимными хозяйками квартиры, где скрывалась, и поехала в Домброву. К поезду, разумеется, меня никто не провожал по конспиративным соображениям.

В Домброве я явилась к Ф. Ган и переночевала у нее. В разговоре она поделилась со мной печальной и тяжелой новостью:

— Знаете, — сказала она, — партию постигло большое несчастье, арестовали Эдмунда.

Я задумалась на мгновение и ответила, что не знаю, кто это такой. Я не знала, что после выезда в 1912 году на подпольную работу в страну у Феликса была новая партийная кличка Эдмунд. Я много лет знала его кличку Юзеф.

— Как не знаете? Не может быть! Нет такого человека в нашей партии, который бы не знал Эдмунда!

— Нет, — ответила я, — такого товарища не знаю.

— Но не может этого быть, — твердила Францишка, — у него жена в Спбири и маленький сынышка, который родился в тюрьме.

Францишка не знала меня лично, не знала, кто я такая. Она только выполняла, как это делала обычно, поручение партии. Ее обязанностью было организовать мой нелегальный переезд через границу. Я не ответила ни слова, но, как видно, на лице моем отразилось такое отчаяние и страдание, что Ган сразу все поняла: и то, что перед ней жена Эдмунда, мать его ребенка, и что я бежала из Сиббири. Она заплакала, уронила голову мне на плечо, и мы обе долго не могли успокоиться. На следующее утро мне пришлось попрощаться с Францишкой и выехать в Бендзян к товарищу, которая должна была подготовить для меня на свое имя про-

ходное свидетельство. Такое свидетельство выдавалось лицам, проживавшим, кажется, в 30-верстной пограничной зоне по обе стороны границы.

После нескольких дней ожидания в Бендзине проходного свидетельства и после приезда туда из Кракова Лазоверта мы вместе с ним сели в поезд и благополучно пересекли через границу. Как я переехала границу, как доехала до Кракова, ничего не помню. Я была совершенно убита сообщением об аресте Феликса.

Из Кракова я сообщила отцу о своем благополучном переезде через границу. Сообщила и о новом страшном несчастье — аресте Феликса, что неизбежно должно было кончиться для него каторгой.

Начался тяжелый и долгий период эмиграции.

В эмиграции в Галиции

Пробыв в Кракове 26 сентября 1912 года, я отправилась на партийную квартиру по ул. Сташца, 3, где жил с женой Марией и годовалым сынишкой Флорпан (Стефан Братман). Стефан был тогда секретарем Главного Правления СДКППЛ и осуществлял связь Главного Правления с подпольной партийной организацией в Королевстве Польском. В то же время он был секретарем Бюро заграничных секций СДКППЛ.

Флорпан передал мне открытку Феликса с фиктивной подписью: Леопольд, адресованную мне на фиктивную фамилию «София Велецкой» по адресу: Краков, ул. Сташца, 3. Феликс жил в Варшаве под фамилией Леопольд Велецкий и под этой фамилией был арестован. Открытку Феликс написал в день своего ареста 14 сентября 1912 года, по всей вероятности, в полицейском участке и выслал через солдата-конвоира. В открытке Феликс писал: «Моя дорогая! Со мной случилось несчастье. Я сильно заболел¹. Пожалуй, не скоро уже тебя увижу. Целую тебя и маленького Ясика от всего сердца.

Твой Леопольд».

Увы, слова Феликса сбылись: мы не виделись с ним лет восемь — до самой осени 1918 года.

Феликса слова поместили в X павильон Варшавской цитадели, где он раньше уже сидел столько тяжелых лет. На этот раз он пробыл в X павильоне до первой мировой войны, затем был переведен в тюрьму в глубь России.

Получив от Стефана открытку Феликса, я немедленно написала ему в X павильон о моем благополучном побеге из Сибири и приезде в Краков.

¹ Это означало, что он арестован.

Первое письмо Феликса ко мне из Х павильона было датировано 20 январь 1913 года. Ему не разрешали иметь в камере письменных принадлежностей, и письмо пришлось писать под надзором жандарма. Он сообщил мне, что время коротает за чтением и что надеется вскоре получить первое свидание с братом Игнатием. Значит, в течение четырех месяцев ему не давали свиданий.

В этом письме Феликс выражал беспокойство обо мне и Яснке, который все еще был далеко от меня. Он находился у моего дяди Мариана в Клецке в Белоруссии. Взять его к себе я не могла в течение долгих месяцев. У меня не было никакого заработка и не было необходимых условий жизни.

Через несколько дней после приезда в Краков я наняла маленькую комнатку и начала искать уроки. Но найти их было нелегко.

В Кракове существовал основанный в 1910 году по инициативе члена СДКПил, бывшего политкаторжанина Александра (Сергея Багоцкого), Краковский союз помощи политическим каторжанам и ссыльнопоселенцам в России. С. Багоцкого я знала еще с 1910 года. Он предложил мне работу за скромную плату в этом союзе в качестве секретаря. Я охотно приняла его предложение и работала секретарем союза вплоть до начала империалистической войны.

В Кракове я застала среди членов нашей партии очень тяжелую атмосферу, вызванную расколом, возникшим в краевой организации СДКПил. Этот раскол распространился и на заграничные секции СДКПил. Краковская секция раскололась на две части, причем большинство краковских товарищей встало на сторону «розламовцев». На стороне Главного Правления были Братман, Фредэк (Альфред Гршбань), Ромап (Самуил Лазоверт), Розенгартен (из Кракова) и несколько краковских рабочих.

О расколе мне было известно только то, что я могла узнать из конспиративных писем Феликса ко мне в «Сербию» и в Сибирь, а также из присланных им в Орлину вырезок из «Червоного Штандара» и органа «розламовцев» «Газеты Роботничей». Подробности я узнала только в Кракове от Братманов, Ромапа и Фредэка. Узнала я также о серьезных подозрениях Феликса насчет провокации в варшавской организации СДКПил. Все это страшно меня удручало.

Между обеими краковскими секциями отношения были настолько напряженными, что сторонники Главного Правления совсем не встречались и не разговаривали с «розламовцами». Как я уже сказала выше, у меня были большие сомнения насчет правильности методов борьбы Главного Правления с варшавской организацией, но я считала преступлением раскол в партии, особенно в таких тяжелых условиях, в каких она в ту пору находилась. Доверие мое к Феликсу, к его преданности делу, знанию людей, к его самоотверженному служению партии и революции

было безгранично. И поэтому я присоединилась к секции, поддерживавшей Главное Правление.

Только находясь в Кракове, я почувствовала, насколько я измучена и изнурена тюрьмой, этапом и обратной дорогой во время побега. У меня были такие сильные головокружения, что при длительном разговоре с товарищами, особенно с Марией Братман, которая говорила чрезвычайно быстро, я чувствовала потребность немедленно лечь. Такое состояние продолжалось несколько месяцев.

Сразу после приезда в Краков, я написала Франке Гutowской и товарищам в Орлину: Львову, Ржепецкому и Андрееву о моем благополучном приезде за границу. Франке я описала подробно свой побег, чтобы ей самой легче было бежать. Еще до ареста Феликса я просила его в завуалированной форме в письме из Сибири помочь Франке совершить побег.

Он, по-видимому, дал соответствующее поручение Флорпану, потому что последний, после моего приезда в Краков, послал Франке «левый» паспорт и деньги для побега. Через некоторое время Франка благополучно бежала из Балаганского уезда и приехала в Краков.

Франка поселилась у меня и во время наших бесед рассказывала о том, что пережила в ссылке. Она не была пока еще членом ни одной из наших партийных организаций, хотя считала себя социал-демократкой и была приговорена за принадлежность к СДКПНП на вечное поселение в Сибири. Сообщение о расколе в партии действовало на нее удручающе. Через несколько месяцев Франка примкнула к «розламовцам». После начала первой империалистической войны в 1914 году и вторжения австро-венгерских войск в Домбровский угольный район Франка переехала туда. Там она вышла замуж. В двадцатых или тридцатых годах она умерла в Варшаве от диабета.

Кажется, осенью 1913 года ко мне неожиданно явился Ржепецкий. После побега из Сибири он поселился во Львове. В Краков Ржепецкий приехал, чтобы повестить меня. Через несколько месяцев я узнала, что он покончил с собой. Что было причиной его самоубийства — не знаю, может быть, он разочаровался в правооппортунистической ППС.

После приезда в Краков я написала также нашим сибирским ссыльнопоселенцам Брошиславу (Юлиан Гемборек) и Вицеку (Даниэль Эльбаум). Оба они уже знали от Феликса, а также от Ганецкого о расколе. Гемборек встал на сторону «розламовцев», а Эльбаум — Главного Правления. Оба, как я уже упоминала, кажется, в 1913 году бежали из ссылки за границу.

Во второй половине июня 1914 года в Краков прибыл член СДКПНП Юзеф Ротштадт (Красный), бежавший с поселения в Сибири после отбытия каторги. Уехав затем в Швейцарию, он примкнул к «розламовцам».

Письма от Фелпкса приходили редко. Меня мучило беспокойство.

О Ясике я теперь меньше волновалась, он был в хороших руках. Дядя Мариан часто писал мне о Ясике, который медленно, день за днем становился крепче, набирал вес и был веселенький, но долго еще не мог удержаться на ножках и не ходил.

После ареста Фелпкса, посылавшего на содержание Ясика ежемесячно 15—20 рублей, деньги стала высылать Бернштейн — мать друга Фелпкса, горячо его любившая. Она жила где-то в Седелцкой губернии.

Мой отец в то время все еще был без работы. Брат Станислав содержал отца и помогал мне материально. А у дяди Мариана, у которого находился Ясик, было четверо детей, и средств семье не хватало. Весной 1913 года, после долгих полсков, я стала давать два раза в неделю уроки музыки в семье Буйвидов. Я учила их дочурку игре на рояле. Одо Буйвид был известным врачом в Кракове и профессором Ягеллонского университета. Это был человек по тем временам прогрессивный. Он первый в Польше начал лечить от бешенства методом Пастера.

Жена его была буржуазной общественной деятельницей — феминисткой. Урок у Буйвидов и деньги, получаемые мной за работу в Краковском союзе помощи политическим каторжанам и ссыльнопоселенцам в России, а также надежда получить еще и другие уроки усилили мое стремление взять к себе Ясика. Тоска о нем все время терзала меня. Я могла также рассчитывать на помощь старушки Бернштейн. Она написала, что когда Ясик будет у меня, то будет присылать для него по 15 рублей в месяц, что она регулярно и делала до самого начала войны — 1 августа 1914 года. Фронт отрезал нас от нее.

Посоветовавшись с Братманами, я сняла в их новой трехкомнатной квартире на улице Словацкого, 21 одну комнату и стала готовиться к приезду Ясика. Я купила ему в рассрочку кроватку. В мае прошлого 1913 года мне привезли Ясика.

Поезд пришел в Краков в вечеру. Я схватила Ясика из рук Юлии и понесла его к пролетке. Удивленными глазенками смотрел он на незнакомую ему женщину, которая нежно, как никто другой, прижимала его к себе и покрывала его личико и ручки горячими поцелуями. Он улыбался мне и не вырывался из моих рук, хотя совсем не помнил меня. Приехали мы домой довольно поздно, накормили малыша и уложили его спать. Свою кровать я уступила Юлии, а сама легла рядом с Ясиком на кушетке. Всю ночь, конечно, я не спала, переполненная чувством несказанной радости.

Я не зажигала света, чтобы он не увидел, что его взяла не привычная ему тетя, и не испугался. Но он почувствовал, что его подняли другие,

не те привычные рукп. Не издавая ни звука, он сильно отталкивал меня обеими ручками.

Юлия Мушкат осталась на день или на два в Кракове, чтобы осмотреть город, в котором много древних национальных памятников и замечательных произведений искусства. Мы осмотрели рынок с Сукеиниппам¹ и памятник Адама Мпдкелича, Национальный музей с неповторимыми произведениями Матейки, Марпацкий костел (13—15 в.) с знаменитым скульптурным алтарем XV века работы Вита Ствоша. Посетили мы древний Вавель на высоком холме с королевским замком и изумительным видом на город, готический собор в Вавеле с гробницами польских королей. Побывали на кургане Костюшки и в костеле св. Флорнана с прекрасными витражами работы Станислава Выспяского. Осмотрели великолепные произведения архитектуры — двор Ягеллонской библиотеки.

На большинство из этих экскурсий мы брали с собой Ясика, что меня несколько утомляло. Сынишка мой ведь не умел еще ходить, а коляски для него у меня не было, и мне приходилось носить его на руках. Юлия же была значительно старше меня, и почти двухлетний толстячок был для нее слишком тяжел.

Навсегда я сохранила безграничную благодарность к Юлии и дяде Маршану за спасение сына.

Сразу после приезда ко мне Ясика я написала об этом Феликсу, делилась с ним своим счастьем. Я подробно описала, как он выглядит, какие рожицы он строит, как и что делает, какой серебристый смех у него. Говорил тогда наш малыш еще мало, только отдельные слова.

Когда он хотел чего-нибудь от меня, то протягивал ручонки и звал: «Пая». Я ломала себе голову над тем, что это значит. Давала ему то один предмет, то другой, но он все повторял: «Пая». Я не могла додуматься до смысла этого непонятного слова. В письме к Юлии спросила ее об этом. Она ответила, что «пая» у Ясика значит «панп». Слово это ребенок слышал часто в Клецке от своей няни, когда она обращалась к Юлии.

Разумеется, он скоро понял, что называть меня нужно иначе. Но он никак не мог выговорить слова «мамуся» и называл меня «муся».

У Братманов был сынишка Янек, на четыре месяца моложе Ясика. Он рос в нормальных условиях и был здоровым, жизнерадостным и очень подвижным ребенком. Ясик играл со своими игрушками на кушетке, а Янек бегал по всей квартире. Подходя к Ясику и заинтересовавшись его резновыми игрушками, Янек вырывал их у него из рук и убегал в другую комнату. Ясик же был беспомощен, не мог побежать за ним и начинал плакать. Слезы таким ручьем лились из его глаз, что непольно хотелось смеяться при всем сочувствии к огорченно малышу. Янек не пони-

¹ Сукеиниде — здание цеха сукожников XIV века, находится посреди площади. С обеих сторон длинного двухэтажного здания — магазины, а на втором этаже — Национальный музей.

мал, что обидел своего ровесника, а когда Марыля втолковывала ему это, он становился серьезным и возвращал игрушку. Так мальчики-одиночки росли вместе с небольшими перерывами до 1918 года. Вместе играли, бывало и дрались, вместе пошли в школу, когда им исполнилось по 6 лет. Когда я уходила из дому, детьми занималась Марыля. Когда ей нужно было куда-нибудь пойти, а она любила под вечер ходить в Народный университет почитать газеты, то я оставалась с ребятишками. Стефан Братман очень любил Ясика и относился к нему точно так же, как и к своему сынышке. И хотя он был очень загружен работой, в свободное время играл с мальчиками.

Вскоре после того как Ясика привезли в Краков, Стефан, прекрасный фотограф-любитель, снял обоих малышей в рубашонках сидящими рядышком на кровати Ясика. Снимок получился очень удачный, и я послала его Феликсу. Через некоторое время Феликс в письме от 28 июля 1913 года подтвердил получение фотографии, выражая радость по поводу того, что Ясик уже вместе со мной. Он писал, что карточка Ясика, его улыбка — счастье для него, она озаряет ему всю камеру.

В начале июля 1913 года мы с Марылькой и малышками выехали в дачную местность Быстра в Силезии, где сняли две дешевые комнаты. Приехала туда и младшая сестра Марыльки Люция Ляуэр. Время от времени приезжал Стефан, навещали нас также Роман и Фредэк. На свежем воздухе Ясик окреп и начал наконец в возрасте двух лет ходить. Стефан снова фотографировал ребятишек, сидящих на сене на столе и смеющихся. За ними, придерживая их, стояла Люция. Эта необычайно милая, цветущая и способная девушка через несколько лет умерла от чахотки. Фотографию смеющихся малышей с Люцией я сразу же послала Феликсу.

В Быстре я получила письмо от Феликса. Он сообщал, что следствие подвигается очень медленно и не скоро еще кончится. Это меня сильно огорчило, ибо время, проведенное в тюрьме до суда, не засчитывали в приговоре.

Под конец нашего пребывания в Быстре Ясик заболел. Ночью меня разбудил его плач. Ребенок жаловался на сильную головную боль. Началась рвота. Я пригласила врача, но он не мог определить причины болезни. Днем малыш производил впечатление совершенно здорового ребенка, был только несколько вялым и бледнее обычного. Следующей ночью, однако, рвота и головная боль повторились.

Днем он снова чувствовал себя хорошо, а ночью опять та же история. Врач осмотрел его вторично и сказал, что это типичная мигрень, но причину ее установить не мог. С тех пор приступы мигрени повторялись у Ясика в течение ряда лет почти каждый месяц.

Лишь в 1917 году в Швейцарии, в Цюрихе, какой-то врач высказал предположение, что причина этой болезни — плохое зрение Ясика. Я обра-

тилась к окулисту. Он нашел астигматизм и прописал очки для постоянного ношения. Через некоторое время приступы мигрени стали появляться все реже и реже, а потом совсем прекратились.

Вернувшись из Быстры в Краков, я снова стала давать уроки музыки дочери Буйвидов и работать в Краковском союзе помощи подпаторянкам и ссыльнопоселенцам в России.

Осенью 1913 года Ясик заболел скарлатиной. Детский врач, которого я пригласила, разрешил мне не отправлять ребенка в больницу при условии, что в нашей квартире, кроме меня и Ясика, никого не будет и что я в течение 6 недель не выйду за порог квартиры. Марылька со своим сыпичкой Янском немедленно уехала в Варшаву к своим родителям. Стефан перебрался в свой партийный кабинет в близлежащем доме на углу Кроводорской улицы и улицы Словацкого. Мы с Ясыком остались вдвоем в квартире, из которой я не выходила 6 недель. Врач часто посещал Ясика. Стефан и Роман приносили нам продукты, оставляя их на лестничной клетке у дверей квартиры. Они давали мне знать об этом звоночком. Скарлатина у Ясика была в тяжелой форме, но благодаря внимательному отношению врача, советы которого я тщательно выполняла, болезнь прошла без осложнений.

В течение дня мне часто приходилось отлучаться то в кухню, то в ванную, чтобы что-то приготовить поесть или постирать, и хотя я поминутно заглядывала к нему в комнату, случалось, что заставала его стоящим в кроватке. Однажды, увидев его в такой позе, обеспокоенная тем, что он может простудиться, я прикрикнула на него и слегка шлепнула по ручонке. Это было впервые в его жизни. Нужно было видеть, как был возмущен этот двухлетний человечек. Он в ответ замахнулся на меня несколько раз ручкой, сердито крикнув:

— А ты! А ты!

Это было так смешно и в то же время так мило, что я обняла его и горячо расцеловала. Я была таким образом наказана ребенком за отступничество от признаваемого мной принципа, что ребенка нельзя бить.

Через 6 недель, после тщательной дезинфекции всей квартиры, Стефан, а потом и Марылька с Янском вернулись домой, а я впервые вышла на воздух.

Вскоре после выздоровления Ясика, в конце ноября, в Краков по партийным делам приехал Тышка (Леон Иогихес). У него не было детей, но он пришел к нам, чтобы увидеть сына Юзефа. Это было вечером. Ясик уже был в кроватке. Тышка обошел кроватку с трех сторон и подал руку малышу. Ясик, не спуская глаз, внимательно присматривался к нему. Тышка потом с удивлением говорил об этом внимательном, серьезном взгляде ребенка.

В конце ноября приехал также в Краков Адольф Варский, член Главного Правления СДКПиЛ, чтобы быть ближе к Королевству Польскому

п помогать своими советами Флорпану в партийной работе. Он поселился в партийном помещении в доме на углу улиц Кроводарской и Словацкого, а столовался у Братманов. Поэтому мы с ним виделись ежедневно. Адольф (так его все называли) очень любил детей и в свободное от работы время возился с нашими двумя малышами.

Вскоре после приезда Варского мы написали Феликсу коллективно открытку: Братманы, Варский, Лазоверт п я. Это доставило большую радость Феликсу. Получив эту открытку, он писал 15 декабря 1913 года:

«Ваше коллективное письмо. Идея объединяет людей, идея, вытекающая из глубины души. Она открывает их сердца и заставляет помогать друг другу. И работа во имя идеи не замыкается в узком кругу, а дает человеку способность охватить весь мир. И моя мысль улетает отсюда и соединяется с вами и говорит мне о бессмертии силы, связующей человеческие мысли и сердца, о победе жизни».

Осенью 1913 года и в 1914 году Феликс в течение нескольких месяцев сидел в одной камере с Тадеушем Длугошовским. Это был член ППС, интеллигент, поэт-любитель, горячо полюбивший Феликса.

Длугошовский был вскоре выпущен под залог, а потом сослан в Сибирь. После Октябрьской революции он некоторое время находился в Москве и виделся с Феликсом Эдмундовичем. По возвращении в буржуазную Польшу он издавал там газету «Валька», в которой поместил часть «Дневника заключенного», написанного Феликсом в X павильоне Варшавской цитадели в 1908—1909 годах. Дневник этот был в 1909—1910 годах напечатан в органе СДКПН «Пшеглонд социаль-демократичный». Перепечатка в буржуазно-помещичьей Польше дневника Ф. Э. Дзержинского свидетельствовала о смелости Длугошовского и о том, что он не изменил своего отношения к Феликсу, в то время занимавшему пост председателя ВЧК.

Сидя в X павильоне в одной камере (№ 12) вместе с Феликсом, Длугошовский 25 ноября 1913 года написал стихотворение «Ясику, сыну Фелека». Это стихотворение Феликс переписал своим мелким бисерным почерком и нелегально переслал мне в Краков 21 января 1914 года.

Привожу здесь это стихотворение.

Ясику, сыну Фелека

На стене у Фелька сип
с фотоснимков смотрит трех,
держит мякиш их тюремный...
Гляжу на первый — просто смех...
На втором — сосредоточен,
будто хочет мир познать,
в глазках же застыли слезы...
и младенца влор отцу
все сказал о муках родов
одинокой заключенной...

Третий снимок — тень решетки,
но с улыбкой, лукавой,
хоть и в камере, ребенок.
Крошка заключенный!

L Ю

Из чрева матери
он в жизнь пошел, и вновь отец
в тюрьме его тут держит пред собою...
и хоть смеется он, по видно, что в могиле
тюремный свет увидел белый,
закованный решетками певолл.

Отец на сына смотрит часто...
Как только оторвется снимок,
опять его прикленит хлебом,
пускай портрет висит и смотрит...

Здесь каждая стена в крови,
но ран не видно в белом камне,
хоть и звучит, как бы живая,
воспоминаньем почти мрачной,
легендой о порешке смертной.
прошедших дней и настоящих.
больших надежд и горьких слез.

Отец о Ясике мечтает,
когда с ним встретится — не знает...
Малютка Ясик веселит нас,
смеется, все ему ничто!
Не знает он, что здесь творилось,
какие страшные злодейства
свершались тайно и незримо
и что здесь факелы пылали
живых сердец в тиши почей...

А слезы матери по капле
долбили долго камень этот,
пока не родилась Психея
и ожила, мечтой согрета.

Отец прикленит бы к кровью
к груди своей, а не к стене,
чтоб не расстаться с милым сыном...

В тюрьме родился Ясик...
В глазках светится пасмошка,
и смотрит долго и влюбленно
отец на малыша родного.

Я знаю: слово станет делом,
но прежде кровь еще прольется,
а крошка Ясик, может быть,
прочтет на этой самой стенке
отца фамилию, где ныне
его рукой портрет приклеен.

Малютка узник!.. смейся, смейся
над нам, над людскою злобой,
живи, да будешь не повешен
иначе как отда рукою
на стенку камеры тюремной
(она омыта кровью мука):
довольно крови...

И слышу, ночью Феликс стонет
и шорох будит, точно слышит
он, как стучит сердечко сына
со стенки, где висит портрет...

Во сне и то отец страдает,
и грудь сжимается тоской,
а сердце сердца сына ищет
и, кажется, издалека
он слышит голосок желанный...

Малышка ты, смешной товарищ,
тебе наследство от отца
оставлено в стенах тюремных...

Ищи же, Яеник...
отца соратник, хоть далеко,
на плечи высоко поднимет
(перзала он, признался, Феликс)
и от отца тебя обнимет...

Когда-нибудь меня поближе
узнаешь, мальчик, ты, пожалуй...
и крепко друг тебя обнимет.

Написано в камере № 12
утром 25 ноября 1913 года.

Чудесные письма Феликса ¹

Замечательные тюремные письма Феликса, полные правды, глубоких мыслей и чувств, еще шире раскрывали передо мной его душу коммуниста, всего его, как бы выкованного из цельного куска породы, преданного без остатка борьбе за счастье человечества.

Находясь в тюрьме, Феликс ил на мигу не терял силы духа и непоколебимой веры в победу революции и святого дела коммунизма. После семнадцати месяцев пребывания в X павильоне он 15 февраля 1914 года писал мне: «Тюрьма мучает и очень изнуряет, но это сейчас цена жизни, цена права на высшую радость, возможную теперь для людей свободных, и мука эта преходящая, она ничто, в то время как радость эта всегда жива, она высшая ценность».

Феликс интересуется тем, что слышно на свете, и спрашивает меня, «улучшились ли сейчас цензурные условия печати и, может быть, выйдут новые печатные издания у нас и в России». Он, разумеется, имел в виду социал-демократическую печать.

В письме от 21 апреля 1914 года Феликс пишет, что мысли его все время уносятся за пределы тюремных стен, ему все время кажется, что там, на воле, происходит что-то важное, и он постоянно ждет новых вестей. По-видимому, отголоски жизни извне, оживление рабочего

¹ Письма опубликованы в кн.: *Феликс Дзержинский, Дневник. Письма к родным*, М., 1958.

движения, несмотря на строгий жандармский надзор, все же пропикали за тюремную ограду в камеры цитадели.

В этом письме Феликс сообщает, что после нескольких недель одиночного заключения у него в камере снова товарищ — молодой рабочий. Он пишет: «Я заметил, что лучше всего чувствую себя в обществе детей и рабочих... В таком обществе я больше чувствую себя самим собой. Тут больше простоты и искренности в общении, меньше условных форм в быту, а интересы и заботы этого круга мне более понятны и близки. И только тогда мысли мои... становятся плотью и кровью и приобретают силу».

Сидя в тюрьме, Феликс всегда заботился о находившихся в этой тюрьме товарищах. В X павильоне заключенные были так изолированы, что помогать друг другу, если они не сидели вместе в одной камере, не могли. В письме от 21 января 1914 года Феликс просил меня посылать по несколько рублей в месяц нашему товарищу Заграничному (Мартину Пакошу), бывшему без гроша денег. Он не смел семьи и шпоткуда не получал помощи.

После долгих лет, проведенных в тюрьме, Феликсу казалось иногда, что когда он выйдет на свободу, то не будет способен работать, бороться. Но тогда он говорил себе: «Тот, у кого есть идея и кто жив, не может быть бесполезным, разве только если сам отречется от своей идеи. И только смерть, когда придет, скажет свое слово о бесполезности. А пока теплится жизнь и жива сама идея, я буду землю копать, делать самую черную работу, дам все, что смогу. И эта мысль успокаивает, дает возможность переносить муку. Нужно свой долг выполнить, свой путь пройти до конца. И даже тогда, когда глаза уже слепые и не видят красоты мира, душа знает об этой красоте и остается ее слугой. Муки слепоты остаются, но есть нечто высшее, чем эта мука, — есть вера в жизнь, в людей, есть свобода и сознание неизменного долга».

Почти все свои письма Феликсу приходилось писать в присутствии жандарма, и они проходили через тюремную и жандармскую цензуру. Часто жандармы применяли и химическую цензуру, проверяя, нет ли между строчками письма текстов, написанных лимонным соком или молоком. На таких письмах кроме штампа «просмотрено прокурорским надзором» были следы ляпис в виде широких желтых полос, покрывающих крест накрест все страницы письма.

Чрезвычайно редко удавалось Феликсу выслать письмо без проверки цензурой скорее всего через сагитированного им жандарма. Но не всегда такие письма доходили до меня. Так, например, не дошло письмо Феликса от 1 декабря 1913 года, высланное нелегально. Что случилось с письмом, неизвестно.

12 мая 1914 года в Варшавском окружном суде слушалось дело о побеге Феликса Эдмундовича с поселения в Сибирь. Обвинительное заключение ему вручили лишь за неделю до разбора дела. Суд приговорил

Ф. Э. Дзержинского к трем годам каторги. Об этом приговоре я узнала из газет раньше, чем пришло письмо от Феликса.

Только в письме от 18 мая того же года, высланном нелегально, Феликс сообщал мне о суде, о приговоре, подробно и ярко описывая разбор дела, а также свои чувства и мысли во время поездки в тюремной карете в ручных кандалах до здания суда и обратно. Улицы города, магазины, вывески, уличное движение, трамваи, вид детей после двадцатимесячного заключения, звуки и краски — все это, по его словам, хлынуло на него, переполнило его душу, вызвало в нем множество воспоминаний о пережитом, виденном, о слышанной когда-то музыке, о радостях жизни. В этом трагическом положении он чувствовал себя счастливым.

О суде и приговоре Феликс написал также (2 июня) своей сестре Альдоне. В письме он успокаивал Альдону, чтобы она не огорчалась по поводу приговора к каторге, писал о своей любви к людям и о своей вере в лучшее будущее человечества: «И чем ужаснее ад теперешней жизни, тем яснее и громче я слышу вечный гимн жизни, гимн правды, красоты и счастья... Жизнь даже тогда радости, когда приходится носить кандалы».

Тюремные письма Феликса полны любви к сыну и заботы о том, чтобы он вырос настоящим человеком, продолжателем нашей борьбы за свободу, социализм и коммунизм. В своих письмах Феликс давал мне советы, как воспитывать Ясика, чтобы он вырос настоящим коммунистом. В письме от 15 декабря 1913 года он писал:

«...Мне кажется необходимою, что он должен выполнить наши — твои и мои — стремления и пойти дальше. Он имеет тебя и сердца наших друзей. Пусть видит только, — и не закрывай ему глаза, когда он сможет уже понять, — и радость нашу, и надежду в страдании, и красоту жизни. Надо, чтобы ласка дала ему силы и умение страдать и чтобы (в будущем) ничто не сломило его. Он должен видеть, чтобы понять и вместе с тобой по-своему пережить твои страдания, чтобы, таким образом, научиться самому любить и понимать, а не только быть любимым и понимаемым. Но в то же время он должен видеть и радость твоей жизни, вытекающую не только из него, а из твоей жизни вне его... Любовь к ребенку, как и всякая великая любовь, становится творческой и может дать ребенку прочное, истинное счастье, когда она усиливает размах жизни любящего, делает из него полноценного человека, а не превращает любимое существо в подла. Любовь, которая обращена лишь к одному лицу и которая исчерпывает в нем всю радость жизни, превращая все остальное лишь в тяжесть и муку, — такая любовь несет в себе яд для обоих».

Феликс в этом письме указывал, что в тогдашних условиях капиталистического строя яд жизни неизбежно будет проникать в душу ребенка, и выражал убеждение, что самой здоровой средой для воспитания

нашего сына является рабочая среда, среда сознательных рабочих, где меньше всего этого яда, «где легче всего сохранить и обогатить душу, где недостает лишь внешней формы — «хороших манер». Это мир объединения жизни и идеи, мир страдания и великих радостей. Я не идеализирую этой жизни, я понимаю весь ее ужас, но там живо стремление к свету и красоте, и там легче всего привить ребенку это стремление».

Рабочую среду Феликс противопоставлял среде интеллигенции, в которой мы оба выросли и где было много эгоизма, лицемерия и фальши. Почти в каждом письме ко мне Феликс добавлял несколько слов, обращенных к Ясику, а иногда вкладывал отдельное письмо для него.

Так, например, 9 марта 1914 года он приложил письмецо Ясику следующего содержания: «Дорогому сыночку Ясику Дзержинскому в Кракове в собственные ручки.

Папа не может сам приехать к дорогому Ясику и поцеловать любимого сыночка и рассказать сказки, которые Ясик так любит. Поэтому папа пишет Ясику письмо с картинкой и в письме целует Ясика крепко-крепко и благодарит за письма Ясика. Пусть Ясик будет хорошим, здоровым и послушным и поцелует дорогую мамочку от Фелека и паю всех сил обнимет ее. Пусть Ясик поцелует Янека, Марыльку и папу Янека и скажет, что Фелек здоров и вернется.

... Твой папа Фелек».

«Картинка» к письму Ясека — это силуэт профиля Феликса, сделанный чернилами Тадеушем Длугошовским в камере № 5 Х павильона.

Знаменательно, что даже это маленькое письмецо к ребенку было жандармами подвергнуто химической цензуре.

В отосланном нелегально письме от 24 июля 1914 года Феликс снова много места уделяет вопросам воспитания Ясика. Мысль о сыне, как он пишет, наполняет его счастьем, но его тяготит сознание, что сам он не может быть с ним и влиять на формирование его души.

Он снова возвращается к мысли о благотворном влиянии на ребенка рабочей среды и вредном влиянии мелкобуржуазной среды интеллигенции, выражает желание, чтобы Ясик не стал «тишным» (буржуазным. — С. Д.) интеллигентом... слова и мысли которого большей частью являются лишь «позвней» жизни, декорацией, не имеющей ничего общего с его поступками, с его действительной жизнью. В современном интеллигенте — два обособленных, почти не соприкасающихся друг с другом мира: мир мысли и мир действий, тончайший идеализм и грубейший материализм. Современный интеллигент совершенно не видит ни окружающей его действительной жизни, ни своей собственной. Не видит, потому что не желает видеть. Слезы при виде игры на сцене — и полное равнодушие, а то и жесткий кулак на практике, в жизни. Вот поэтому-то так важно внушить Ясику отвращение и омерзение ко лжи и комедианству,

лесьма распространённым среди детей, берущих пример с нашего (т. е. буржуазного. — С. Д.) общества, а также защищающихся от власти взрослых. Это последнее ему не угрожает, ибо он имеет тебя. Но لكي, источником которой являются социальные условия, устранить нельзя, и ограждать Яска от этих условий не следует. Он должен познать и осознать их, чтобы проинкнуться чувством отпадения ко لكي... Не тепличным цветком должен быть Ясь. Он должен обладать всей диалектикой чувств, чтобы в жизни быть способным к борьбе во имя правды, во имя идеи. Он должен в душе обладать святостью более широкой и более сильной, чем святое чувство к матери или к любимым, близким, дорогим людям. Он должен суметь полюбить идею, — то, что объединит его с массами, то, что будет озаряющим светом в его жизни... Это святое чувство сильнее всех других чувств, сильнее своим моральным наказом: «Так тебе следует жить и таким ты должен быть!»

Феликс обращал также внимание на то, что для воспитания в ребенке чувства долга нужны соответствующие общественные условия. И он снова возвращается к мысли, что самой подходящей средой для Яска была бы среда пролетариата, где «растет, крепнет и распространяется как непреодолимая сила наша идея, без лицемерия, без противоречий между словом и делом».

Феликс заявляет, что он не аскет, но что тот, кто борется за свободу и социализм, должен уметь отказываться от материальных благ. «Надо обладать внутренним сознанием необходимости идти на смерть ради жизни, идти в тюрьму ради свободы и обладать силой пережить с открытыми глазами весь ад жизни, чувствуя в своей душе взятый из этой жизни великий, возвышенный гимн красоты, правды и счастья».

Этими словами Феликс несколько охарактеризовал самого себя.

В том же письме от 24 июня он пишет о глубоком влиянии, какое оказали на него рассказы его матери о национальном и религиозном преследовании поляков, белорусов и литовцев царскими властями. Это определило его решение стать революционером. Каждое насилие, о котором он слышал, например Крожи¹, принуждение гимназистов говорить по-русски, ходить в церковь в табельные дни, система шпионажа в гимназии, он ощущал как насилие, совершенное над ним лично. И Феликс добавляет: «И тогда-то я вместе с кучкой моих ровесников дал (в 1894 году) клятву бороться со злом до последнего дыхания². Уже тогда мое сердце

¹ Крожи — местечко в Литве, где в 1893 году царская полиция и казачьи устроили массовую резню населения за отказ признать православную церковь.

² З. Млынарский в своих воспоминаниях о Ф. Э. Дзержинском, с которым в 1914—1915 годах сидел в Орловской губернской тюрьме, сообщает со слов Феликса Эдмундовича, что клятву свою в 1894 году он дал вместе с горсточкой одноклассников в день коронации Николая II, когда царские власти заставляли студентов и учащихся старших классов Виленской гимназии привести присягу в верности царю.

и мозг чутко воспринимали всякую несправедливость, всякую обиду, испытываемую людьми, и я не падаю зло. Но идти мне пришлось ошупью... Но у Ясика — ты и все мы, ему не придется идти ошупью, и он обретет свою святину как наследие от нас».

В этом же письме от 24 июня Феликс упоминает, что 21 и 22 мая п 21 июня он выслал нелегально «друзьям» два письма и беспокоится — дошли ли они до адресатов. Письма дошли. Это были партийные письма, писанные химическим способом между строчками фиктивного письма и зашифрованные двойным шифром. По поручению Флориана мы с Марией Братман их расшифровали. Мы корпели над ними с утра до вечера в течение двух недель. Просто удивительно, как мог Феликс в тюремных условиях зашифровать эти письма и химическим способом переписать. Феликс писал там о своих подозрениях и об установленных им фактах, касавшихся провокации в партийных организациях СДКПнЛ в Королевстве Польском. Письма эти, к сожалению, до сих пор не найдены.

* *
*

В своих письмах Феликсу я много писала о Ясике. Я писала Феликсу о том, что наш малыш очень впечатлителен. Еще в первые годы своей жизни его приводила в восторг природа: зелень травы, деревьев и кустов, пение птиц, цветы, живые существа. Феликс из этого делал вывод, что Ясик в будущем сможет стать достойной сменой нашего святого дела, если условия жизни объединят это чувство прекрасного в его душе с сознанием необходимости бороться за то, чтобы и человеческая жизнь стала такой же прекрасной и возвышенной.

Сам Феликс необычайно любил природу — лес, поля, луга, звездное небо, шум деревьев, ручья, море. И часто говорил, что красота природы всегда вызывала у него мысли о коммунизме и жажду борьбы за светлое будущее человечества.

«Я помню, что почти всегда красота природы, — писал он 24 июня 1914 года, — вызывала во мне мысли о нашей идее... И от этой красоты, от этой природы никогда не следует отказываться. Она — храм скитальцев, у которых нет уютных «гнездышек», усыпляющих и убаюкивающих всякий более широкий порыв души. А те, которые в настоящее время теряют собственный очаг, обретают весь мир, если они идут по пути полетарпата».

29 июня Феликс сообщал мне, что наконец закончилось следствие по его второму делу и что в течение четырех дней по пять часов подряд ему и другим привлеченным к суду по его делу зачитывали следственные материалы. Это его очень утомило, но еще больше расстроило и удручило, ибо материалы эти подтверждали его подозрения, что в варшавской организации свила себе гнездо провокация.

В этом письме Феликс опять пишет о той радости, какую ему доставляет любовь трехлетнего Ясика к природе. Он вспоминает свое счастливое детство, общение с природой, которая так его поглощала, что он сам чувствовал себя ее частицей, будто «сам был облаком, деревом, птицей».

Одновременно он с ненавистью вспоминал о гимназических годах, которые, как он говорил, вместо того чтобы обогатить ему душу, сделали ее более убогой. Он, мысленно минув эти годы, переходил к более поздним временам, «когда было так много страданий, но когда душа приобрела столько новых богатств».

Первая встреча с В. И. Лениным

Работая секретарем Краковского союза помощи политкаторжанам и ссыльнопоселенцам в России, я однажды отнесла на квартиру В. И. Ленина, на улице Любомырского в доме 51, адресованное ему письмо, переданное мне С. Багоцким. Двери открыла мне Надежда Константиновна Крупская, которой я и отдала это письмо. Самого Владимира Ильича тогда не было дома.

Впервые я имела счастье увидеть Владимира Ильича Ленина и услышать его выступление 21 марта 1914 года в Кракове, в помещении студенческого общества «Спуйня». Владимир Ильич выступил с докладом «Российская социал-демократия и национальный вопрос»¹. Ни одна из социалистических партий, действовавших в то время среди рабочего класса в Польше, не занимала правильной позиции по национальному вопросу.

Правая «революционная» фракция ППС (фрак) была мелкобуржуазной националистической, шовинистической партией, прикрывавшей свою подлинную буржуазную сущность названием «социалистическая».

ППС-левица, хотя и порвала с правой фракцией ППС в 1906 году и вступила на путь совместной борьбы польского и русского пролетариата, не избавилась тогда еще полностью от национализма.

СДКП(Л), которая, по словам В. И. Ленина, была единственной марксистской интернационалистической, действительно пролетарской партией в Польше, занимала по национальному вопросу неправильную

¹ Доклад Владимира Ильича, изложенный на русском языке, к сожалению, не был записан. Сохранились только записи выдержек из выступлений оппонентов, сделанные В. И. Лениным. Эти записи позднее, уже после смерти Ленина, подготовила к печати Мария Ильинична Ульянова. Они были опубликованы в Ленинском сборнике XVII в 1931 году, стр. 224—235.

люксембургскую позицию. Она не признавала ленинского лозунга «Право наций на самоопределение» в программе РСДРП.

Социально-демократическая партия Галиции и Силезии, а также прусская ППС были тоже мелкобуржуазными националистическими партиями.

На собрании 21 марта присутствовали находившиеся в Кракове члены всех этих трех партий, действовавших в Королевстве Польском. Из числа польских социал-демократов присутствовали «розломовцы» Владислав Штейн, его брат Генрих Штейн-Каменский и другие, а также сторонники Главного Правления — Стефан Братман с женой Марией и я.

Выступая с докладом, В. И. Ленин хотел помочь польским социалистам, в первую очередь польским социал-демократам, покинуть свои ошибки в национальном вопросе и занять по этому вопросу единственно правильную большевистскую позицию, без чего партия пролетариата не была бы в состоянии вести за собой широкие народные массы к победе. Доклад В. И. Ленина был выслушан присутствующими с величайшим вниманием. Но, к сожалению, как пересовцы, так и польские социал-демократы (и сторонники Главного Правления, и «розломовцы») продолжали оставаться на своих ошибочных позициях.

Через несколько дней состоялось продолжение собрания, на котором обсуждался доклад В. И. Ленина. В своих выступлениях «розломовцы» Владислав и Генрих Штейн по-доктринерски защищали позицию СДКПП в национальном вопросе, приводя известные аргументы Розы Люксембург. Из сторонников Главного Правления на этом собрании никого не было.

Догматизм, тяготевший тогда над умами польских социал-демократов, слепая вера в правильность позиции Розы Люксембург были причиной того, что ни доклад В. И. Ленина, ни его известные статьи по национальному вопросу не были ими поняты.

В своей работе «О праве наций на самоопределение» В. И. Ленин, резко критикуя ошибочные взгляды Р. Люксембург по национальному вопросу, писал: «Боясь «помочь» националистической буржуазии Польши, Роза Люксембург своим отрицанием *права* на отделение в программе *российских* марксистов помогает на деле черносотенцам великорусам. Она помогает на деле оппортунистическому примирению с привилегиями (и хуже, чем привилегиями) великорусов».

Увлеченная борьбой с национализмом в Польше, Роза Люксембург забыла о национализме великорусов, хотя именно *этот* национализм и страшнее всего сейчас, именно он менее буржуазен, но более феодален, именно он главный тормоз демократии и пролетарской борьбы»¹.

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 25, стр. 275.

Возвращаясь к этому вопросу, В. И. Ленин добавляет: «Среди угнетенных наций выделенные пролетариата в самостоятельную партию приводит иногда к такой ожесточенной борьбе с национализмом данной нации, что перспектива превращается и забывается национализм угнетающей нации».

Но такое превращение перспективы возможно лишь ненадолго. Опыт совместной борьбы пролетариатов разных наций слишком ясно показывает, что не с «краковской», а с общероссийской точки зрения должны мы ставить политические вопросы»¹.

Начало первой мировой войны

В начале июня 1914 года ко мне в Краков приехал на несколько дней мой отец, чтобы повидать Яска. Яск не помнил дедушку, но он постоянно слышал от меня и моих товарищей о своем отце и очень хотел его увидеть. Мой отец приехал поздно вечером, когда Яск уже спал. Я уложила отца на свою кровать, а сама постелила себе на полу. Яск, проснувшийся очень рано, увидев дедушку, страшно обрадовался и бросился ко мне с вопросом: «Это мой папа?» Пришлось его разочаровать. Но он быстро познакомился с дедушкой и до самого отъезда его не отходил от него ни на шаг. Ребенок сразу чувствует, кто его любит, и отвечает взаимностью.

Отец мой тогда впервые был в Кракове. Я показала ему все достопримечательности, все исторические памятники, все то, что так украшает этот город и делает его дорогим сердцу каждого поляка. Познакомился отец и с моими партийными товарищами. Особую симпатию его завоевал Варский.

Это была моя последняя встреча с отцом. Вскоре разразилась война, которая разделила нас навсегда. Отец умер в 1919 году в Люблине, о чем я узнала лишь в 1920 году в Москве.

В конце июня 1914 года мы с Ясыком и Марылька Братман с Янеком выехали на лето в горную деревушку Зарытэ, расположенную близ детского курорта Рабка. Поселились мы вместе в хате одного горца, сняв у него довольно большую комнату с кроватью, столом и широкой скамьей. Детские кроватки с матрасиками и постели мы привезли с собой.

Немного погодя к нам приехала из Королевства Польского на несколько дней старушка Бернштейн, которая еще ни разу не видела

Ясика. Малыш ей очень поправился. Она нашла в его тонких чертах необычайное сходство с Феликсом.

Мы совершили с ней несколько чудесных прогулок по окрестностям, где луга на горных скатах пестрели яркими сочными цветами. Нашей охоты не хотелось расставаться с Ясиком, но нужно было уезжать домой, где ее ждали дела. Я видела тогда в первый и последний раз эту благородную женщину, которая с лета 1912 года непрерывно заботилась о Ясике.

В Зарытэ приехал к нам ненадолго отдохнуть Адольф Варский. Он поселился у нашего хозяина на сеновале. Вместе с ним и ребятишками мы с Марылькой ходили на прогулки в горы, откуда открывался живописный вид на высокие Татры.

В Зарытэ я получила письмо Феликса от 20 июля 1914 года. Он писал о своей тоске по Ясику, о том, что добивается, чтобы ему разрешили еще в Х павильоне, до того как на него наденут кандалы и серый халат каторжанина, свидание с сыном без решеток. Но осуществить это не удалось.

Вскоре (1 августа) вспыхнула первая мировая война. Она надолго разделила нас с Феликсом фронтом военных действий и на полгода полностью прервала нашу переписку.

Война застала нас в Зарытэ. Нужно было немедленно возвращаться. В ту же ночь мы с Марылькой уложили вещи и рано утром поехали на лошадях до Рабки, а оттуда поездом в Краков.

На этот переезд у нас совершенно не было денег. Что делать? Мы оставили в залог у своих хозяев-горцев обе детские железные кровати, дав им письменное обязательство выкупить кровати при первой возможности, не указывая точной даты. Взамен мы получили небольшую сумму денег на проезд до Кракова. Кроваток этих нам не удалось выкупить ни во время войны, ни после нее. Но хозяева наши не были обижены нами, ибо кровати стояли значительно дороже, чем те деньги, которые мы за них получили.

Приехав в Краков, мы застали там инспирированный и раздуваемый австрийскими властями и их пилсудчиковской агентурой военный психоз. По улицам непрерывно двигались воинские части с бравурной музыкой для поднятия духа солдат, утомляемых на убой за чуждые им интересы. Шли толпы новобранцев, еще одетых в штатское. Молодежь, одурманенная пилсудчиковской ППС, массами тянулась в польские легионы, которые готовились сражаться якобы за независимость Польши, а в действительности прислуживали немецко-австрийскому империализму. В этом море людей, охваченных военным угаром, единственно трезвой, антивоенной интернационалистической горсточкой среди поляков были мы, члены СДКПил, и несколько находившихся в Кракове интернационалистов из ППС-левицы.

Но и наша позиция не была целиком последовательной. Только В. И. Ленин и партия большевиков заняли в вопросе первой мировой войны — с обеих сторон захватнической, империалистической войны — совершенно последовательную революционно-марксистскую позицию. Ленин поставил перед пролетариатом России, как и перед пролетариатом других стран, ведших войну, задачу бороться за превращение войны империалистической в войну гражданскую и выдвинул лозунг «о поражении своего правительства».

Русские меньшевики и эсеры, а также социалисты всех других воюющих стран заняли оппортунистическую социал-шовинистическую позицию, призывая трудящиеся массы к защите буржуазного отечества, голосуя в парламентах за бюджеты на ведение империалистической грабительской войны, входя в некоторых странах даже в империалистические правительства, подстрекая рабочих своей страны против рабочих из стран противоположного военного лагеря. II Интернационал, таким образом, отрекся от антивоенной позиции, занятой входящими в него партиями на конгрессах в Штутгарте и Базеле, и окончательно распался.

Среди деятелей немецкой социал-демократии только Карл Либкнехт, Роза Люксембург, Клара Цеткин и Франц Меринг выступили против империалистической войны, против социал-шовинистической и центристской позиции руководителей немецкой социал-демократии. Но и они не были до конца последовательными. Роза Люксембург назвала 4 августа 1914 года немецкую социал-демократию «смердящим трупом», что В. И. Ленин отметил с одобрением в своей статье «Задачи пролетариата в нашей революции»¹.

В. И. Ленин заклеймил шовинизм вождей немецкой социал-демократии и социалистических партий других воюющих стран как предателей рабочего дела. Не менее резко критиковал Владимир Ильич и центристов (Каутского, Мартова, Троцкого), считая их еще более вредными, чем явных шовинистов.

Польские социал-демократы, как сторонники Главного Правления, так и «розламовцы», ограничились лозунгом «Война войне» и общими призывами к социальной революции.

Вскоре после начала войны находившийся в Кракове А. Варский совместно с одним из руководителей ППС-левицы, Г. Валецким, составил декларацию против войны. Ганецкий также присоединился к этой декларации. Она клеймила политику сотрудничества с немецко-австрийским империализмом, пилсудчиковской ППС, а также политику сотрудничества с русским империализмом, проводимую национал-демократами. Но декларация эта не была лишена черт оппортунизма.

Вскоре после вторжения австрийских войск на территорию Королевства Польского и захвата ими Домбровского угольного бассейна Варшкский выехал туда и вместе с руководителем ППС-левизны В. Костшевой¹ издавал там совместный орган «Глос Роботнични», который, выступая против войны, провозглашал, однако, оппортунистическую концепцию «защиты отечества» протектариятом таких государств, как Англия, Франция.

* *
*

Через несколько дней после нашего возвращения из Зарытэ в Краков я пошла к Буйидам, чтобы возобновить прерванные па лето уроки. Но Буйиды отказали мне, не объясняя причин. Думаю, что они отказали мне потому, что не хотели иметь неприятностей со стороны австрийских властей из-за учительницы — русской подданной. Таким образом, я осталась без всяких средств к существованию. Помощь папи Бернштейн для Ясика также прекратилась в связи с войной. Мы тогда падолго оказались совершенно отрезанными от Королевства Польского, от наших семей, находящихся па русской стороне. В течение длительного времени я абсолютно ничего не знала, что происходит с Феликсом. А его, как оказалось, сразу же после начала войны, 8 августа, перевели из Х навильона в каторжную Мокотовскую тюрьму. Тут его одели во все тюремное и заковали в кандалы. 10 августа его вместе с сотнями других политических заключенных увезли из Королевства Польского в глубь России, сперва в Орловскую губернскую тюрьму, затем в Миценскую уездную тюрьму Орловской губернии. Собственное белье, одежду и обувь у Феликса, как у каторжанина, отняли. Ни денег, ни собственных вещей взять с собой не разрешили. Обеспечить себя продуктами па дороге заключенные не успели.

Юлиан Лещинский, вывезенный тогда вместе с Феликсом Эдмундовичем из Варшавы в Орел, вспоминает, что па пути в поезде политических заключенные на всех остановках пели революционные песни. В наказание их лишили тюремной пищи. Голод давал себя знать все чувствительнее. Через некоторое время отдельные товарищи стали терять сознание от истощения.

На требование заключенных выдать им продукты начальник конвоя заявил: «Пусть подыхают с голоду!»

¹ Вера Костшева (Мария Кошутска) (1879—1939) — видный деятель польского революционного движения, активный участник революции 1905—1907 годов. Возглавляла левое движение в ППС и была членом ЦРК ППС-левизны после раскола. С момента образования в 1918 году КРПП — член Центрального Комитета. Сыграла большую роль в разработке программных документов КПП по аграрному и национальному вопросам. Участник V и VI конгрессов Коминтерна.

Тогда Дзержинский категорически потребовал, чтобы начальник конвоя явился к ним. Он явился, окруженный охраной. В ответ на требование Феликса он заявил, что и не собирается уступать и что, если заключенные осмелятся протестовать, он прикажет стрелять в них как в «бутовщиков». Возмущенный до глубины души Дзержинский рванул рубаху и, обнажив грудь, крикнул: «Мы ваших угроз не боимся. Стреляйте, если хотите быть палачами, но мы от своих требований не отступим!»

В этих словах была такая внутренняя сила, что начальник остановился как вкопанный. Все заключенные столпились около высокой, напярженной как натянутая струна фигуры Феликса. Глаза начальника скрестились со сверкавшими гневом глазами Дзержинского. Это был бескровный поединок. Начальник отвернулся и вышел из вагона. Не прошло и часа, как заключенным выдали хлеб, селедку и махорку.

В Закопанэ и в Вене

В конце октября австрийские власти приказали Братманам и мне, как русским подданным, немедленно покинуть Краков. Нужно было на время нашего отсутствия обеспечить сохранность партийного архива и партийной литературы. Все это было сложено в подвале дома на углу улиц Словацкого и Кроводзёрской, где на одном из этажей была небольшая партийная квартира. Братман дал хозяину дома какую-то сумму денег в виде аванса, и тот согласился сохранить эти ценные вещи до того времени, пока за ними не явится Братман или кто-нибудь из наших товарищей. Оставленный у него партийный архив был после войны перевезен Стефаном Вольфом в Варшаву в Публичную библиотеку.

Изгнанные из Кракова, мы с Братманами поехали в Закопанэ, где надеялись найти какую-нибудь работу. Закопанэ было тогда переполнено беженцами из Восточной Галиции, и мы с трудом нашли комнату у одного горца, в которой поселились все вместе. Иза стояла на дороге, ведущей из Поронина в Закопанэ, откуда открывался прекрасный вид на гору Гевонт. Обстановка у нас не была никакой, и мы вместе с детьми спали на сенниках прямо на полу. Ни у кого из нас не было средств к существованию. Марылька Братман была совершенно оторвана от своих родителей, живших в Варшаве, и лишена их материальной поддержки. Стефан Братман в связи с тяжелым положением, в котором оказалась наша партия, перестал находиться на содержании партии.

На следующий же день после приезда в Закопанэ мы все трое — Стефан, Марылька и я — отправились на биржу труда в поисках работы.

230 Но ня я, ни Марылька в течение нашего месячного пребывания в Зако-

паня не нашли абсолютно никакой работы. Только Стефан, который был инженером-электриком, нашел работу электромонтера. Он и содержал нас всех.

Погода в Закопане в тепле всего ноября была чудесная. Ночи холодные, даже морозные, со звездным небом, а дни ясные, солнечные. Мой Ясик, часто болевший в Кракове, тут чувствовал себя превосходно, ни разу не болел, заметно окреп. Мы с Марылькой целые дни проводили в Закопане на бирже труда, попеременно готовя скромную пищу и занимаясь детьми. Только однажды, в воскресенье, когда Стефан был дома, мы оставили на него домашнее хозяйство и детей и отправились на прогулку в горы к Гонсеницовым гаям. Нам хотелось дойти хотя бы до озера Чарны Став. Последний раз видела я тогда эти прекрасные высокогорные луга. В памяти ожили воспоминания о походе с Кларой и Закопником, а потом с Феликсом через Заврат к Морскому Оку.

Вскоре в Восточной Галиции началось наступление русских войск под командованием Бруслова, и австрийские власти выгнали нас из Закопана и вообще из Галиции. Нас заставили немедленно сесть в поезд и отправиться в Краков, а затем в Австрию. Вместе с нами выехал из Кракова Феликс Кон¹ с женой и дочерьми. Их тоже изгнали из Галиции.

На вокзале в Кракове была неопиcуемая давка и толчея. Толпы беженцев из Восточной, а частично и Западной Галиции переполняли вокзал и перрон. Крик и гам стоял такой, что трудно было понять друг друга. Людей скопилось так много, что все не могли поместиться в поезде. Началась паника. Люди давили друг друга. Не знаю, каким чудом нам удалось сесть с детьми в вагон.

За несколько часов до Вены на какой-то станции, где разветвлялась железная дорога, австрийские власти стали освобождать вагоны от беженцев, заставляя их перейти в другой стоявший там поезд. Братман и Кон, хорошо владевшие немецким языком, узнали от железнодорожников, что этих людей увезут в концлагерь. И нам с детьми угрожало то же самое. В невероятно тяжелых лагерных условиях мы бы погибли. Но, к счастью, Братману и Кону удалось уломать австрийские власти (скорее всего за взятку), и нас оставили в поезде, который вскоре отправился в Вену.

На вокзале в Вене возникло новое затруднение: в город выпускали только тех презжых, кто мог доказать, что имеет достаточно денежных средств на жизнь в столице. Ни у Братманов, ни у меня таких средств

¹ Феликс Кон (1864—1941) — видный деятель польского и международного рабочего движения. В 1882—1884 годах — член партии «Первый Пролетариат». В 1894 году вступил в ППС. С 1906 года член ЦРК ППС-левяцы. Вступил в 1918 году в большевистскую партию. Член Временного польского революционного комитета (1920 г.). Активный деятель коммунистического движения.

не было. К счастью, Феликс Кон вез с собой большую сумму денег ИПС-левизы. Он показал их австрийским властям, говорил, что это средства на содержание нас всех. Разумеется, никто из нас не имел намерения воспользоваться хотя бы одним грошем из этих денег. С вокзала Феликс Кон позвонил по телефону лидеру социал-демократической партии Австрии, депутату австрийского парламента — Виктору Адлеру и сообщил ему о своем и нашем прибытии в Вену. Адлер поместил нас на несколько недель в Доме железнодорожников. Мы сразу же начали искать работу, но снова без всякого результата. Только Стефан, как и в Законопау, нашел работу электромонтера.

В Доме железнодорожников меня ждала приятная неожиданность. Я застала там Ванду Краль, и мы с Ясиком поселились в одной комнате с ней. В Вене нас ежедневно заставляли отмечаться в полицейском управлении.

Климат в Вене был очень нездоровый, город утопал в густом черном тумане. Ясик мой заболел. Через две недели нам пришлось выселиться из Дома железнодорожников. Я сняла маленькую комнатку.

Через некоторое время в Вену из Домбровского угольного бассейна приехал А. Варский. Пребывание в Вене не давало никому из нас надежды найти работу, и положение наше становилось все более тяжелым. Мы решили уехать в Швейцарию. Я с болью в сердце попрощалась с Вандой, оставляя ее одну. Больше я ее уже не видела. После того как немцы 5 августа 1915 года оккупировали Варшаву, она вернулась туда, а через несколько лет умерла.

В Швейцарии

Мы — Братманы с сынишкой, Варский и я с Ясиком — приехали в Швейцарию, в Цюрих, в конце декабря 1914 года. Братман устроился тут вскоре на работу электромонтером или инженером, а я принялась искать уроки музыки.

Переписываться из Швейцарии непосредственно ни с отцом, находившимся в Люблине, ни с Феликсом не было никакой возможности.

В Дании, которая, как и Швейцария, не принимала участия в войне, в ее столице Копенгагене, была одна из самых сильных заграничных секций СДКП(Л). Секретарем ее был Гравт (Кунце). Я не знала его лично, но, будучи секретарем Бюро заграничных секций СДКП(Л), постоянно с ним переписывалась. Это был рабочий, немец, эмигрировавший из Лодзи, где он работал на одной из текстильных фабрик. Сразу же после приезда в Цюрих я обратилась к нему с просьбой посредничать в моей переписке с отцом и Феликсом. Он охотно согласился. Я послала

письмо отцу, который очень беспокоился обо мне и Яснке, ничего не зная о нас с самого начала войны.

Письма в Россию и из России проходили военную цензуру, поэтому шли значительно дольше, чем обычно.

Первое письмо от отца с копией письма Феликса к нему от 29 января 1915 года я получила лишь в конце марта. Письмо Феликса было написано по-русски из Орловской губернской тюрьмы, куда его снова перевели из Мценска. Письмо его было полно беспокойства за Ясню и меня. С момента отъезда из Варшавы он не имел никаких сведений о нас. О себе он сообщал, что сидит в Орловской тюрьме в общей камере с 70 заключенными тоже из Варшавы. Все были издерганы и измучены тюремной жизнью, в вечной тревоге за близких и «с постоянным ожиданием, что что-то должно произойти важное, всю нашу жизнь долженствующее изменить». Уже тогда Феликс Эдмундович ждал революции, которая свергнет самодержавие, положит конец войне и вернет свободу политическим заключенным. В Орловской тюрьме были очень плохие условия. Несмотря на это, Феликс писал: «Стараемся осмыслить эту жизнь заботами и чтением. Разрешено нам иметь карандаш и тетрадь, и многие учатся писать и математике». Он добавляет, что в Орловской тюрьме имеется неплохая библиотека, что они коротают время за чтением; спрашивает моего отца о жизни в Люблине, как отразилась на ней война. Брат Феликса выпсал ему единственную дозволенную в тюрьме во время войны газету «Правительственный вестник». Из нее он узнавал о военных событиях.

Из первого письма Феликса видно, что все личные вещи заключенных, отобранные у них перед выездом из Варшавы тюремными властями, пропали.

16 февраля 1915 года Феликс писал сестре Альдоне, что получил мое первое письмо из Цюриха и несколько успокоился. Мое письмо шло до Орла 24 дня.

Примерно в конце мая 1915 года я получила пересланное мне моей двоюродной сестрой Юлией Мушкат из Клецка второе письмо от отца. Оно было написано 23 апреля 1915 года и адресовано Юлии. К этому письму отец приложил переписанное им письмо Феликса без даты, которое он получил 3 апреля. Письмо, по-видимому, было написано в первой половине марта. Феликс сообщал отцу, что получил еще два моих письма из Цюриха от 15 января и 5 февраля 1915 года.

Письмо Феликса моему отцу было послано нелегально и поэтому написано по-польски. Феликс описывает ужасные условия, в которых находились в Орловской губернской тюрьме политические заключенные из Польши.

В первом своем письме из Орла Феликс не писал об этом подробно, не желая волновать своих родных. И только тогда, когда вест **233**

об этих ужасах проникла за тюремные стены и дошла до семей заключенных, когда, в частности, узнал о них мой отец, Феликс в ответ на его вопрос, соответствуют ли действительности эти слухи, описал то, что творилось в Орловской тюрьме. «То, что вы узнали о наших условиях, — писал Феликс моему отцу, — это правда. Условия эти прямо-таки невыносимы. В результате этих условий ежедневно кого-нибудь вывозят отсюда... в гробу. Из нашей категории (т. е. политических заключенных из Польши. — С. Д.) умерло уже в течение 6 последних недель пять человек, все от чахотки. Троем из них давно уже назначили место поселения, но их не вывозили, так как в течение семи месяцев не успели привести в порядок «бумаги». Все они были привезены сюда из Петрова, помощи из дому у них, конечно, не было никакой, так как семьи их находились уже за пределами государства, а здешние условия убийственные. В последнее время многие заболели брюшным и сыпным тифом. Говорят, что ежедневно хоронят двоих-троих и что с 5 февраля (старого стиля) по 4 марта умерло 30 человек. Тех, которые заболевают тифом, вывозят из нашего «заедения» в бывшее женское «заедение» (т. е. в тюрьму. — С. Д.), где теперь устроили якобы «больницу» для тифозных. Но пока придет сюда к больному, чтобы определить болезнь, проходит 4—5 дней, и больной лежит вместе с другими в переполненной камере в сильном жару. Теперь трудно добиться здесь даже фельдшера, не говоря уже о враче, видеть которого может только умирающий, и то не от заразной болезни. Это некий г. Рыхлинский, поляк, который передразнивает польскую речь поляков-«пенсионеров»¹, не умеющих говорить по-русски, и который ругает их последними словами. Все называют его патачом и рассказывают о его недавних издевательствах над больными каторжанами в так называемом Орловском центре»²...

Больные оставлены на произвол фельдшера, который к больным относится хуже, чем к собакам. А болен здесь почти каждый, плаче и бить не могло. Пища отвратительная, вечно безвкусная капуста — 5 раз в неделю и нечто вроде горохового супа — два раза; дают также 1—2 ложки каши ежедневно, но без масла, а что может дать такое количество? Единственное питание для тех, кто не имеет помощи из дому, — это полтора фунта черного хлеба (чаще всего с песком) или один фунт белого. Долго выдержат на такой пище нельзя. Все бледные, зеленые или желтые, апатичные. Белье меняют раз в 2 недели и дают грязное, вшивое. От паразитов избавиться невозможно, ибо в камерах тесно. Я, например, живу в камере вместе с 60 другими (пару недель тому назад нас было 71 человек) в камере на 37 человек. А мы, каторжане, еще в привилегированном положении, ибо в таких же камерах пересыльные и военно-

¹ Так ради конспирации Феликс называл заключенных. — С. Д.

² Т. е. в центральной каторжной тюрьме в Орле. — С. Д.

обязанные сидели по 150 человек. Не удивительно, что среди них раньше всего появился тиф и больше всего унесит жертв. Я сижу сейчас в камере сухой, но большинство камер до того сырые, что капает с потолка и стены мокрые. Ко всему, однако, человек привыкает и становится нечувствительным, равнодушным, старается занять свои мысли чем-нибудь другим. У меня лично есть все, что тут можно иметь. Я живу вместе с несколькими другими в одной коммуны, мы занимаемся вместе, некоторым я помогаю в учебе, и время быстро бежит, так быстро, что трудно поверить, что вот уже 8-й месяц с тех пор, как нас вывели из Варшавы... Мы живем в своей тесной компании, так как в камере помещаются разные, совершенно чуждые нам люди и наши враги — те, кто попал сюда за предательство, за деньги, за шпионство. Отвратительные это люди. Но и среди остальных есть разные типы. Ничто в такой степи, как эта совместная жизнь, не открывает души человека. Познаешь ее, и тоска по другим условиям, по другой жизни становится еще сильнее, однако она исцеляет и предохраняет от пессимизма и разочарования».

В этих ужасных условиях Феликс сохранил спокойствие и силу духа, веру в рабочий класс и в победу революции: «И если бы я мог писать о том, чем живу, то не писал бы ни о тифе, ни о капусте, ни о вшах, а о нашей мечте, представляющей сегодня для нас отвлеченную идею, но являющейся на деле нашим насущным хлебом».

«...Когда я думаю о том, что теперь творится — о повсеместном якобы крушении всяких надежд, я прихожу к твердому для себя убеждению, что жизнь зацветет тем скорее и сильнее, чем сильнее сейчас это крушение. И поэтому я стараюсь не думать о сегодняшней войне, о ее военных результатах, а смотрю дальше и вижу то, о чем сегодня никто не говорит».

Но ни в том письме, ни в следующих своих письмах Феликс ни словом не упомянул о голодовке политкаторжан и ссыльнопоселенцев в Орловской губернской тюрьме. Голодовки имели место: первая — в авгу-

Ф. З. Державский
в Орловском центральном. 1914 г.

сте, а вторая — в октябре 1915 года; участники ее подробно описывают роль Ф. Э. Дзержинского во второй из этих гололодок. Но Феликс Эдмундович в мае 1915 года был переведен из Орловской губернской тюрьмы в Центральную каторжную тюрьму в этом же городе и оставался там до 13 марта 1916 года. По-видимому, голодовки эти имели место не в 1915 году, а в 1914 году.

Первая из этих гололодок вспыхнула в результате отказа тюремной администрации удовлетворить требования политзаключенных об улучшении условий содержания в тюрьме, о человеческом обращении с заключенными, о том, чтобы их не «тыкали». На третий день гололодки орловский тюремный инспектор обещал выполнить требования заключенных, и они прекратили гололодку.

Но условия еще больше ухудшились, вдобавок в Орловскую губернскую тюрьму перевели надзирателя Козленкова, который «прославился» своим зверским обращением с заключенными в Центральной каторжной тюрьме в Орле.

Начались новые издевательства. Начальник тюрьмы требовал, чтобы политкаторжане и ссыльнопоселенцы приветствовали его словами: «Здравия желаем, ваше благородие!» Заключенные отказались выполнять это наглое требование. В наказание у них отняли соломенные тюфяки и лишили прогулок. В связи со всем этим вспыхнула новая гололодка. Об этом пишет бывший заключенный польский революционер Феликс Фонферко:

«Мы решили бороться не на жизнь, а на смерть. Собрались в углу, тов. Дзержинский вполголоса произнес речь: Мы должны бороться и в тюрьме. Царизм в этой войне потеряет корону, рухнет кровавый царь. Победа будет за нами. С нами пролетариат всего мира, и мы тут, в тюремных казематах, объединимся с его революционной борьбой. Не уступим в этой борьбе и начнем гололодку, а кто не с нами, пусть уходит из нашей камеры.

Ушло из камеры только четверо заключенных, которые чувствовали, что не выдержат гололодки. Это была тяжелейшая гололодка, так называемая сухая гололодка. Состояла она в том, что заключенные не только не брали в рот никакой пищи, но даже ни капли воды.

Чтобы сломить волю заключенных и заставить прекратить гололодку, их бросили в карцер, находившийся в подвале, где были только одни голые нары. У них отняли соломенные тюфяки. Ежедневно в камеру приносили хлеб и кипяток, но заключенные выбрасывали хлеб в коридор, а воду выпивали. Через 4 дня несколько заключенных умерло, но остальные продолжали гололодку».

По словам другого участника гололодки, бывшего лодзинского ткача З. Млынарского, которому тогда был 21 год, «Дзержинский ободрял слабых товарищей, которые на третий день гололодки не могли уже вставать. На третий день гололодки вечером Дзержинского перевели в башню.

Хотя в тройку, которая вела переговоры с тюремными властями, Дзержинский и не входил, но о его организаторской роли в борьбе политических заключенных за свои права тюремщики знали хорошо. Они рассчитывали на то, что, переведя Дзержинского в другую камеру, ослабят дух голодающих и сломят наше сопротивление. Но они просчитались. Долгие месяцы совместного пребывания в одной камере с этим мужественным и сильным духом человеком сцементировали нас, и наш коллектив оказался твердым и крепко спаянным. Вдобавок Дзержинскому удалось дать знать о нашей голодовке политическим заключенным других камер, и в знак солидарности с нами в тюрьме вспыхнула всеобщая голодовка.

События в Орловской губернской тюрьме не на шутку встревожили губернские власти. На четвертый день голодовки в тюрьму лично явился губернский прокурор и принял наши требования. Основные требования были выполнены, и голодовка прекратилась».

В своих воспоминаниях Млынарский рассказывает, что из всех заключенных «самым привлекательным, в первые же минуты завоевавшим симпатию всех нас был Ф. Э. Дзержинский. Этот обаятельный, скромный, простой в обращении с окружающими человек был поистине человеком большого сердца».

Больше всего Феликса Эдмундовича тянуло к молодым рабочим нашей камеры... и особенно из лодзинских ткачей. И мы, молодежь, чувствовали к нему такое доверие и такую привязанность, что обращались к нему со всеми сомнениями, горестями, недоуменными вопросами.

Феликс Эдмундович всегда внимательно выслушивал нас, давал советы, тактично разъяснял нам наши ошибки. Дзержинский всегда занимал по идеологическим вопросам твердую и принципиальную позицию. Половинчатости, соглашательства, беспринципности Феликс Эдмундович органически не выносил.

Всегда после душевной беседы с Феликсом Эдмундовичем я чувствовал, что приобрел что-то ценное, новое, и мне становилось легче переносить тюремные тяготы.

Нам старший товарищ постоянно был деятельным и никогда не падал духом. Своей бодростью, оптимизмом, неутомимой верой в светлое будущее он заражал нас всех.

Ф. Э. Дзержинский организовал в камере две группы из лодзинских ткачей и сам занимался с нами... Кроме того, по вечерам на парах он читал нам лекции на политические темы и по естественному из явным атеистическим уклоном...

Ф. Э. Дзержинский на память читал нам выдержки из произведений классиков польской литературы — Адама Мицкевича, Юлиуша Словацкого, Марии Конопницкой и др.

В долгие зимние вечера Феликс Эдмундович рассказывал интересные случаи из своей богатой встречами и событиями жизни. Мы слушали

затаив дыхание. Иногда он просил кого-нибудь из товарищей рассказать о себе и сам внимательно слушал. Он обладал и этим ценным человеческим качеством — умением внимательно слушать других...»

* *
*

Климат в Цюрихе не был здоровым. Весной там бушевал горный ветер, так называемый фэн. По нескольку дней и ночей он непрерывно свирепствовал с такой силой, что весь дом дрожал, хлопали окна, и ветер гулял по комнате. После такого вихря всегда наступала длительная злукоть. Весной 1915 года все время были попеременно то вихри, то дожди или снег. Зимой в хорошую погоду город был окутан густым белым туманом, который рассеивался лишь к часу-двум дня. Только тогда появлялось яркое лучистое солнце, но ненадолго. Цюрихский климат вредно отражался на здоровье Ясика, и он часто болел ангиной с очень высокой температурой. В конце концов он заболел бронхитом, и врач посоветовал мне уехать с ним в другое, более здоровое место. Товарищи советовали мне перебраться по французскую Швейцарию, в Кларан, где климат более здоров и где, как говорили, легче было тогда найти уроки. Туда в связи с войной бежало много зажиточных семей из Польши и России. В конце марта 1915 года я покинула Цюрих и уехала с Ясиком и Янеком Братманом в Кларан, расположенный на берегу Женевского озера.

Марылька Братман раньше несколько лет училась на химическом факультете Цюрихского университета, но в связи с отъездом в Краков вынуждена была его оставить, не закончив. Сейчас она продолжила учебу, и ей совершенно некогда было заниматься Янеком.

В начале марта я получила в Цюрихе при посредстве петроградского банка 60 франков. Таким образом, у меня были деньги на дорогу и на первое время пребывания в Кларане. Марылька и Стефан Братманы мне дали деньги на содержание Янека. В Божик, над Клараном, я сняла небольшую солнечную комнату в одноэтажном доме у некой госпожи Фоповой, русской, бывшей фельдшерицы-акушерки, пенсонерки, проживавшей в Швейцарии уже несколько лет. Арендный ей домик был расположен на склоне горы, высоко над озером, по дороге в Шайн. Через некоторое время в Кларан приехал Адольф Варский. Навестила нас также и пробыла с нами несколько дней Марылька Братман.

В сентябре 1915 года Варский выехал на международную социалистическую конференцию в Циммервальде (Швейцария). Вместе с другими революционерами интернационалистами он в основном поддерживал позицию В. И. Ленина. В апреле 1916 года Варский принимал участие в работе второй международной социалистической конференции (в Киптале). Его позиция еще более приблизилась к большевистской.

Летом 1915 года в Кларане находилось несколько русских социал-демократов: известный большевистский поэт Демьян Бедный, Трояновский, в то время меньшевик, потом член ВКП(б), видный советский дипломат. Была там также член СДКПил Ирена (Наталья Шер) со своим мужем — меньшевиком Семковским. Некоторые из них имели хорошо оплачиваемые уроки. Я также через некоторое времяшла урок в семье Потока, одного из совладельцев лодзинской фабрики Познанского. У Потока в Кларане была красивая вилла на берегу Женевского озера. Я учила дух его сыпоев. Старший, 16—17-летний, был недо-развитым. Я обучала его музыке, польскому языку и литературе. Второму — семилетнему, живому, способному, светловолосому мальчику я преподавала польский язык, арифметику и музыку. Он делал большие успехи. Эти уроки хорошо оплачивались и обеспечивали мне жизнь. Когда я уходила на уроки, Фонова оставалась с детьми. В Кларане я пробыла до осени 1915 года, до того времени, когда семья Потоков вернулась в Лодзь, оккупированную немцами, и я потеряла уроки.

Кларан — это местность с прекрасным видом на горы, окружающие Женевское озеро. Однажды в апреле или мае меня поразило необычное явление. Одна из невысоких гор, куда вела зубчатая электрическая железная дорога, на которая, как говорили, никогда не покрывалась снегом, вдруг вся побелела. Удивленная, я спросила Фонову, что это значит, неужели выпал снег, когда кругом все уже давно зелено, и услышала в ответ: «Нет, это не снег, это расцвели нарциссы».

Я загорелась желанием посмотреть поближе эту гору, покрытую нарциссами. Через несколько дней мы с Фоновой и мальчиками поехали на электричке на эту гору. Перед нашими глазами предстал чудесный вид. Вся гора была усеяна цветущими нарциссами так густо, как растет трава. Это был сплошной огромный белый ковер с желтыми пятнышками, наполняющий воздух одуряющим ароматом. Мальчики стояли как зачарованные, смотря на это волшебное зрелище. Мы нарвали столько нарциссов, сколько можно было удержать в охапках. По совету Фоновой мы рвали еще не распустившиеся цветы. Они расцвели дома в воде. Также по совету Фоновой я завернула букеты нераспустившихся нарциссов во влажную вату, положила их в коробку и послала почтой друзьям в Цюрих. По их словам, они дошли совсем свежими, распустились там и долго цвели.

Только в Кларане в конце мая или в начале июня я получила первое с начала войны письмо непосредственно от Феликса. Это была открытка от 3 мая 1915 года, написанная по-польски и высланная нелегально из Орловской губернской тюрьмы. Феликс сообщал, что его в тот день перевезут в Центральную каторжную тюрьму в Орле. Из приписки одного из его товарищей на открытке видно, что его туда увезли 4 мая.

Каторжная тюрьма в Орле славилась по всей России исключительно зверским обращением с политическими заключенными. Но Феликс, сообщая мне о переводе туда, успокаивал меня: «Ничего ужасного. Говорят, что и там теперь не так плохо. Я иду туда совершенно спокойный, жаль только расставаться с товарищами... Физически и морально я чувствую себя хорошо, а последние сведения, если они верны, обещают и мне свободу».

Из этой открытки видно, что первое письмо Феликса, писанное непосредственно мне из Орла, не дошло. Второе письмо из Орла было датировано 14 августа 1915 года.

Из письма видно, что Феликс ни на минуту не терял надежды на близкую победу революции, которая вернет ему свободу. Он знал, что по второму возбужденному против него делу — о партийной деятельности в 1910—1912 годах — он получит не меньше шести лет каторги, но в упомянутом выше письме говорит: «Придет ведь время, а я так уверен, что скоро уж и я увижу вас и буду с вами».

Он беспокоился о близких ему товарищах по партии и спрашивает о них: «Когда Роза вернется с отдыха?»¹ Пошли ей от меня самые сердечные приветы». В другом письме он пишет: «Я слышал, что Юленька заболела scarlatinной. Прошло ли это без следа?»²

В каторжной тюрьме Дзержинский сидел сначала вдвоем с товарищем в одной камере. Писать семье можно было только раз в месяц и лишь одно письмо. Покупать продукты за собственные деньги разрешалось очень редко и то в весьма ограниченном количестве: только хлеб, сало и сахар. Делиться продуктами с товарищами из других камер не разрешалось. Белье и одежду можно было носить лишь тюремные.

* *
*

В Кларане после отъезда моих учеников в Королевство Польское я не могла найти новую работу, поэтому в начале октября вернулась с мальчиками в Цюрих. Тут Ясик, чувствовавший себя в Кларане в основном хорошо, снова начал болеть.

Уроков в Цюрихе найти мне не удалось, и я по совету врача выехала на некоторое время с Ясыком и Янеком в Цугский кантон, в курортную местность для детей Унтер-Эгерп, на берегу озера Эгерп среди гор.

¹ Роза Люксембург вскоре после начала войны была арестована и сидела в германской тюрьме. — С. Д.

² Дзержинский имел в виду Юлиана Мархлевского, его арест и заключение в Германии в тюрьму, что являл предостережением.

Нас проводила Марылька. Она лучше меня знала немецкий язык и легче могла найти квартиру и договориться об условиях.

В Унтер-Эгерн, в горах, находился детский санаторий для больных главным образом костным туберкулезом.

Марылька нашла нам две меблированные маленькие солнечные комнаты в самом городке у некой фрау Бюргн в ее трехэтажном доме. Это была вдова, немка из Западной Германии, владелица небольшого фотоателье, которое обслуживала она сама вместе с двумя сыновьями, 16- и 14-летними мальчиками. Старший сын 21 года был в армии. То, что мама хозяйка была немкой, а не швейцаркой, устраивало меня вполне. Я совсем не знала швейцарского языка, а детям полезнее было учиться немецкому языку.

Около дома был небольшой садик с огородом, обнесённый забором. Хозяйка и ее сыновья собственноручно обрабатывали этот клочок земли с чисто немецкой аккуратностью. Каждая грядка была засажена. В огороде росли всякие овощи, которые заготавливались на зиму. Было также несколько яблонь. Ветки их из-за отсутствия пространства хозяйка распластала по стене дома.

Хозяйка моя была немецкой патронташницей и живо интересовалась ходом войны. Она подписывала одну из самых реакционных газет — «Нейе Цюрихер Нахрихтен».

Через некоторое время я нашла в Унтер-Эгерн два урока музыки: один у немки, проживавшей там с мужем. От скуки она захотела учиться игре на фортепиано. Второй урок я получила у своей хозяйки. Я обучала музыку ее старшего сына, вернувшегося из армии.

В Унтер-Эгерн, хотя это и была курортная местность, также бушевали спящие фены, но там не было цюрихских туманов. Несмотря на это, Ясик мой и тут почти каждый месяц болел ангиной. Систематически повторялись у него также приступы мигрени.

В доме Бюргн царил здоровая атмосфера труда. Весной и летом 1916 года мои мальчики видели всю ее семью постоянно за работой или в фотоателье и фотолаборатории, или в огороде. Ребятишки начали помогать в меру своих сил при поливке грядок. В садике было много цветов. Их очень любил мой Ясик. Были там даже эдельвейсы, которые растут только в горах. Я совершала с мальчиками прогулки в горы или к озеру. Убирала комнаты и готовила еду я сама.

В том же году мы отправились из Унтер-Эгерн с Марылькой Братман, которая время от времени навещала нас, и Адольфом Варским пешком вокруг озера Эгерн в Люцерн, а оттуда — смотреть восход солнца на Ригикульм. С вершины этой горы перед нами раскрылся необыкновенный вид.

Под нами было море облаков, среди которых выделялась вершина горы Пилатус. На востоке горела утренняя заря. Отблеск ее падал на

облака, окрашивая их в розовый цвет. Наконец из-за горизонта показалось солнце и залило своим сиянием все вокруг. Я тогда видела восход солнца в горах в первый и последний раз и была восхищена красотой. На Ригикульме был ресторанчик. Мы немного подкрепились и начали спуск с горы. Сначала мы шли под облаками, затем в облаках, которые постепенно под горячими лучами солнца испарялись или удалялись, уносясь ветерком.

С Ригикульма* мы отправились на берег озера Четырех кантонов. Оттуда открывалось чудесное зрелище на зеркальные воды и покрытые лесом горы противоположного берега. Мы дошли до южного края озера — до Флюэлен, там сели на небольшой пароходик и поплыли через озеро к северному его берегу, а оттуда по железной дороге до Цюриха. Это была замечательная, незабываемая прогулка.

В следующем году, летом, мы вдвоем с Марылькой совершили еще одну экскурсию на ледник, с которого стекает река Рона. У подножия ледника пришлось взять проводника, так как одним идти было опасно. Ледник был прорезан ущельями шириной около трех, а глубиной в несколько десятков метров. Мы прошли весь ледник и спустились с противоположной его стороны, а потом шли по берегу Роны, любуясь водопадами и прекрасными видами, описанными Юлиушем Словацким в его поэме «В Швейцарии».

Чудесные прогулки да изредка симфонические концерты и оперы Вагнера в Цюрихе были единственной усадой нашей невеселой жизни в эмиграции.

Весной 1916 года из Цюриха приехал к нам Варский, чтобы попроситься. Он получил от немецких властей, оккупировавших Польшу, разрешение вернуться в Варшаву. В мае 1916 года он выехал туда, по уже через месяц был арестован немцами и отправлен в концлагерь в Гавельберг, где сидел тогда также Юлиан Мархлевский. Варский был освобожден оттуда в конце 1917 года, а Мархлевский — лишь в мае 1918 года благодаря вмешательству Советского правительства и отправлен в Москву.

* *
*

В Цюрихе и Уинтер-Эгерс я продолжала получать письма от Феликса примерно раз в месяц, иногда реже.

В открытке от 14 сентября 1915 года, в третью годовщину с момента последнего его ареста, Феликс писал, что чувствует себя хорошо, живет верой в свое освобождение, т. е. в близость революции, что очень тоскует по Ясику и просит меня не беспокоиться за него. Он спрашивает, удалось ли нашим товарищам после оккупации Королевства Польского немцами и отступления оттуда русских войск вернуться из эмиграции

в страну. Снова конспиративным образом спрашивает, когда будет освобождена Роза Люксембург.

Не все письма Феликса доходили до меня. Так, например, пропало его пространное письмо от 15 ноября 1915 года, хотя было послано заказным.

В декабре Феликс не мог мне написать. Таким образом, несколько месяцев я не имела от него никаких вестей.

В письме от 17 января 1916 года Феликс из Орловской каторжной тюрьмы сообщал мне, что два месяца уже сидит один в камере и что он доволен этим. Однако письмо это носит печать усталости. Сказались долгие годы пребывания в тюрьме, оторванность от жизни, вынужденная бездеятельность, тоска по свободе. Как обычно, письмо полно дум о сыне. Феликс писал о радости, которую доставили ему посланные мной новые фотографии Ясика. Больше всего ему понравилась одна из ранее посланных, где мальчик смеется. В письме снова проявляется беспокойство о здоровье Ясика и кончается оно горячими словами, обращенными непосредственно к сыну.

В следующем письме от 17 февраля 1916 года Феликс объясняет свое плохое настроение отсутствием вестей от меня. Но в тот момент, когда он отправлял то письмо, пришли два моих к Ясика письма. Они его успокоили, однако сам он мог послать нам следующее письмо только через месяц. Письмо это полно любви и радости жизни: «И даже тогда, когда тоска как бы одолевает меня, все-таки в глубине души я сохраняю спокойствие, любовь к жизни и понимание ее, себя и других. Я люблю жизнь такой, какая она есть в ее реальности, в ее вечном движении, в ее гармонии и в ее ужасных противоречиях. И глаза мои видят еще, и уши слышат, и душа воспринимает, и сердце не очерствело еще. И жизнь живет в сердце моем... И мне кажется, что тот, кто слышит в своем сердце эту песню, никогда, какие бы мучения ни переживал, не проклянет жизни своей, не заменит ее другой, спокойной, нормальной. Ведь эта песня все, она одна остается — эта песня любви к жизни. И здесь, в тюрьме, и там, на поле, где теперь столько ужасов, она жива, она печна, как звезды».

В этом письме Феликс советует мне, если возможно, вернуться на родину, в Варшаву, не считаясь с тем, что это может вовсе прекратить нашу переписку. Самое главное, добавляет он, чтобы я жила полной жизнью. Он, разумеется, имел в виду мою партийную работу среди польских трудящихся масс, от которых меня так давно оторвала тюрьма, ссылка и эмиграция. Феликс спрашивает о ППС-левых и взаимоотношениях между левыми и нашей партией.

Письмо заканчивается словами, полными любви, обращенными к Ясику: «Солнышко мое, моя звездочка, Ясик мой милый, дитя мое, люблю тебя крепко я, татусь твой, Фелек. Когда меня освободят, я сейчас

же прпеду к тебе, едду на поезд, и он все ближе и ближе к тебе меня будет везти и привезет к тебе, и ты выйдешь с мамусой мне навстречу, и я увижу первый тебя и узнаю, и подыму высоко-высоко, и обниму крепко-крепко, и поцелую Яська моего горячо-горячо. Будь же здоровый и хороший и расти, Яшеньку милый мой. Твоей татусь Фелекс».

По совету Фелпкса, через несколько дней после получения Варским разрешения на возвращение в Польшу, и я, и Стефан Братман с женой обратились к немецким оккупационным властям с просьбой разрешить нам также вернуться в Варшаву. Но и мне, и Братманам было отказано. Выходить же в Варшаву нелегально с ребенком было слишком рискованно.

Пришлось нам оставаться в эмиграции.

13 марта 1916 года кончился срок трехлетней каторги, к которой Фелпкс был приговорен за побег из ссылки в Сибири. В тот же день его перевезли обратно в Орловскую губернскую тюрьму. Фелпкс сообщил мне об этом в письме от 26 марта 1916 года, сообщил он одновременно и о том, что второе его дело (за партийную работу в 1910—1912 годах) перешло в Московскую судебную палату.

Снова Фелпкс коротает время за чтением и за обучением товарищей. «Почти целый день учу грамоте товарищей», — пишет он 2 апреля из Орловской губернской тюрьмы.

В начале апреля Фелпкса перевезли из Орла в Москву, в губернскую тюрьму на Таганке. Сделал он там вместе с другим заключенным. Условно в Таганской тюрьме были сносные, и там он не был так оторван от жизни, как в Орле. В Таганке письма Фелпкса снова в течение некоторого времени подвергались химической цензуре.

17 мая 1916 года в Московской судебной палате состоялся суд над Фелпксом и его товарищами по партийной работе в 1910—1912 годах. На суде присутствовали наши товарищи и родные Фелпкса. По словам его сестры Ядвиги, он был в хорошем настроении и весел, но так слаб, что еле держался на ногах. Его приговорили к 6 годам каторги, засчитав три года по делу за побег. Оставалось ему, таким образом, еще отбыть 3 года каторги.

Об этом приговоре Фелпкс сообщил мне в письме от 26 мая, добавив, что будет хлопотать, чтобы его оставили отбывать каторгу в Москве, в Бутырках. Он продолжал сидеть в губернской тюрьме вдвоем в камере. Но на прогулки выводили одновременно 10 заключенных, и он не был поэтому так одинок, как раньше.

Прошел месяц, другой, а Фелпкса продолжали держать в тюрьме на Таганке. Из этой тюрьмы Фелпкс написал 6 июля 1916 года пространное письмо Ясiku в ответ на его письмо от 11 апреля, которое он мне продиктовал. В своем письме Ясик сообщал отцу о нашей двухдневной экскурсии пешком вместе с Марылькой и Янеком из Ултер-Эгерн на гору Губель с ночевкой в небольшом пансионе. Прогулка эта произвела на

Ясика большое впечатление. Он восхищался природой, но очень устал, и на обратном пути мне пришлось его нести на руках. Ножки у него были слабые. Несколько собранных на этой прогулке цветов Ясик засушил и послал вместе с письмом отцу. Ответное письмо Феликса сыну, как и всегда, было проникнуто глубокой верой в лучшее будущее, в скорую и радостную встречу.

В письмах от 29 июня и 16 сентября 1916 года Феликс снова советовал мне, если возможно, поехать в Польшу. Мысль о том, что в случае моего выезда в Варшаву совсем прекратится переписка с Феликсом, и связанное с этим полное неведение о его судьбе, естественно, были для меня тягостными. Но дальнейшее пребывание на чужбине, в Швейцарии, отрыв от партийной жизни и работы также были пеленками и бесцельными. И поэтому я снова начала ходатайствовать о разрешении вернуться в Варшаву.

В письме от 24 июля Феликс писал, что еще некоторое время останется в тюрьме на Таганке и будет там учиться шить на машинке, а потом в Бутырьках работать в швейной мастерской. Он успокаивал меня, что сил у него еще много и судьба его лучше, чем у многих других. Он выражал надежду, что за работой время пройдет быстрее и ближе станет день нашей встречи.

3 августа 1916 года Феликса перевели из Московской губернской тюрьмы в Бутырки, где он должен был отбыть срок каторги. Однако он вскоре заболел, и его увезли в больницу при Таганской тюрьме. Из больницы 30 августа Феликс в письме успокаивал меня, что болезнь его неопасна (растяжение мышц на ноге), вызвана, по-видимому, кандалами. В больнице Феликса навестили сестра Ядвига и Софья Викторовна — жена брата Владислава. Ядвига говорила мне потом, что от кандалов и сырости в тюремном подвале у Феликса открылась тяжелая рана на ноге, грозившая заражением крови. В справке, составленной врачом тюремной больницы, было сказано, что каторжанца Феликса Дзержинский болен «аксудативным плевритом правой стороны», в связи с чем необходимо снять с него ножные кандалы.

Справка эта была написана 14 августа 1916 года, а кандалы сняли с ног Феликса только 6 декабря того же года в Бутырьках и то лишь на время работы на ножной швейной машинке в тюремной мастерской, обслуживающей армию.

Из тюремной больницы Феликс написал также несколько писем своему младшему брату Владиславу. В одном из этих писем от 11 сентября он писал о себе: «Я весь сросся не только со своими мыслями (речь идет о его коммунистических воззрениях. — С. Д.), но с массами, и вместе с ними я должен пережить всю борьбу, муки и надежды... Я познавал сердца человеческие, и мне казалось, что я чувствую каждый удар этих сердец... Я жил, чтобы до конца выполнить свое назначение

[illegible]

и быть собой... Я все должен пережить, что мне суждено, — до самого конца. Иначе быть не может. И я спокоен. И хотя я не знаю, что меня ожидает... но мысль моя все время рисует образы будущего, которым все увенчается. Я оптимист помимо всего».

Находясь в тюремной больнице на Таганке, Фелпкс встретился с Станиславом Шешопеком, в свое время работавшим в одной из целегальных типографий СДКПыЛ. Вывезенный из Королевства Польского в Россию, он уже давно ничего не знал о своей семье. Фелпкс сообщил мне адрес матери и сестры Шешопека и просил написать им. Разумеется, я эту просьбу выполнила.

В первой половине сентября 1946 года Фелпкс вернулся из тюремной больницы в Бутырки и начал работать в тюремной мастерской. 16 сентября он писал мне из Бутырок, что в связи с состоянием здоровья его освободили от тяжелой работы; он подручный у портного, выполняет всю ручную работу при двух заключенных, которые шьют на машинах, и начал учиться шить на швейной машине. Несмотря на заключение врача тюремной больницы, как я уже упоминала выше, с него все еще не сняли кандалы. Сидел он в общей камере. Работа, по его словам, хорошо повлияла на его сон, аппетит и здоровье. Фелпкс выражал сожаление, что, научившись шить, не сможет ничего смастерить для Ясика.

Мысль о сыне, как обычно, вливалась в него силу и бодрость: «Столько лет уже прошло, столько страданий и мучений, и, однако, сердце способно все забывать и радоваться от одной мысли об улыбке — улыбке ребенка — уже человека, маленького Ясика, об его глазках без фальши, чистых и глубоких. И я теперь отдыхаю, думая об отдыхе, который они мне дадут в будущем. Ведь это будет праздник, какого никогда в жизни еще не было; и мне кажется, что при нем и с ним вернется даже моя молодость и весна».

В конце письма Фелпкс добавляет: «Я здоров, недомогание было только случайное, и я никогда не хотел бы, чтобы мысль обо мне могла мешать жить тем, которых я люблю. Пусть и Ясик так тебя и меня любит... чтобы любовь не связывала, а развязывала, обогащала жизнь любимо-го, заставляла его жить всей своей душой, широко и богатой».

* *
*

В сентябре в Унтер-Эгери я потеряла оба урока и в поисках работы мне пришлось вернуться в Цюрих. Не имея своего угла в Цюрихе, я не могла сразу взять с собой Ясика. Пришлось оставить его в Унтер-Эгери в небольшом частном детском доме, где уже несколько недель находилось двое польских детей: сын Братманов Янек и его ровесница, дочь одного из наших товарищей.

Весть о том, что я па время снова рассталась с Яснком, очень огорчила и обеспокоила Фелпкса.

В Цюрихе я дала объявление в газеты о том, что ищу уроки музыки. Я сняла меблированную комнату в квартире одной русской семьи эмигрантов, где было пианино. За соответствующую плату мне разрешили пользоваться инструментом для уроков. Возобновил занятия старший сын Бюрги, который снова жил в Цюрихе; получила я также два новых урока.

Снял комнату в Цюрихе и начал давать уроки, я взяла Яска к себе. У моих хозяев было двое детей — мальчик значительно старше Яска и девочка его возраста, с которой он охотно играл.

Взяв Яска к себе, я сразу же сообщила об этом Феликсу, и это его очень обрадовало. В письме от 19 ноября 1916 года он снова добавил несколько слов непосредственно Яска, пожелав ему быть здоровым, сильным и хорошим.

В письме от 3 декабря 1916 года Феликс пишет, что рад тому, что спит в общей камере, тут легче уединиться, чем когда приходится сидеть вдвоем в одной камере, легче найти людей симпатичных и сниться с ними.

На время работы заключенных уводили из камеры, поэтому воздуха было достаточно. Феликс снова пишет, что работа хорошо на него действует, укрепляются мышцы и нервы, что в октябре и ноябре он зарабатывал по 9 рублей. Просит не присылать ему денег, ибо «выписывать» (покупать через администрацию продукты) политкаторжане могут только за деньги, лично заработанные. Он добавляет при этом, что сестра Ядвига ежемесячно приходит к нему на свидание и приносит ему передачу.

В этом же письме Феликс спрашивает, «что с семей нашей» и могут ли я поддерживать с ней постоянную связь. Феликс имел в виду нашу партию, которая во время немецкой оккупации продолжала находиться в подполье. Ни я, ни Стефан Братман не имели тогда никакой возможности связаться с партийными товарищами в Польше. У нас не было даже никаких адресов их. Адольфу Варскому после его отъезда в Варшаву не удалось прислать нам оттуда ни одного письма. Мы получили от него несколько писем лишь из концлагеря в Гавельберге в Германии. Он сообщал, что в этом же лагере находится также Юлиан Мархлевский, что условия там ужасные и сам он страшно голодает.

Мы собрали среди товарищей немного денег и послали Адольфу несколько посылок с продуктами.

Мы были оторваны и от партийной организации в стране и от группы берлинских товарищей.

Феликс во многих письмах спрашивал меня про Юлиана Мархлевского, Тышку и Розу Люксембург. Всем им он посылал горячие приветия.

Многолетняя тюрьма оказывала свое действие, и Феликсом иногда овладевали черные мысли. Ему казалось, что когда он выйдет на свободу, то не сможет жить полной жизнью, «быть светлым лучом» для других.

«По тогда, — писал он, — меня спасает Ясик... чувство, что он сын мой, что в нем жить будет моя молодость, я сам, и что я увижу его еще, и что если сохранились еще во мне силы — он пробудит их и вызовет к действию. И у меня спокойно на душе... И если силы мои будут не те, что раньше, мир не перестанет быть прекрасным, а в душе не перестанет никогда раздаваться гимн жизни, гимн любви... Единственное счастье человека — это уметь любить и, благодаря этому, уловить идею жизни в ее вечном движении».

В середине февраля 1917 года из письма Феликса от 31 декабря 1916 г. я узнала о том, что с Феликса сняли кандалы. Хотя Феликс, чтобы успокоить меня, писал неоднократно, что после того, как раны на его ногах зажили, кандалы не очень его беспокоят, я по опыту знала (сама я кандалы не носила, но когда сидела в Х павильоне, слышала их звон на ногах товарищей из соседних со мной камер), как страшно мучает, раздражает и угнетает их постоянное бряцание при малейшем движении заключенного. Поэтому я очень обрадовалась, что с Феликса наконец сняли эти мучительные железные оковы.

* *
*

В Бутырках во время войны заключенным разрешали выписывать реакционные газеты «Правительственный вестник» и «Русский вивальд», из которых он узнавал о ходе войны.

В письмах из тюрьмы Феликс с ненавистью отзывался о грабительской империалистической войне, прокатившейся также по Польше, и тяжело переживал ужасы войны.

«Охватывает ужас, — писал он сестре Альдоне 20 октября 1914 года, — когда подумаешь, что должно происходить теперь в Польше, сколько горя, страданий и опустошений. Я должен отгонять от себя эти мысли и картины».

В одном из следующих писем Альдоне, жившей тогда в Вильно, он просит ее сообщить, как война отразилась на ее жизни и жизни других людей в Вильно. Он мысленно часто переносился в Польшу и в ту часть Литвы, где в то время разыгрывались военные действия и где «льются кровь и горячие слезы. Там — ужас и безумие, а здесь приходится мысленно переживать, а это подчас тяжелее, чем сама действительность».

В связи с новым, 1915 годом Феликс писал в письме, посланном нелегально Альдоне 31 декабря 1914 года: «Настоящий праздник души — слияние человеческих чувств. Сегодня, когда кругом посеяно столько ненависти, когда столько людей брошено друг против друга, — может быть, в сердце не одного человека... проснется жажда любви, братания. Так тяжело здесь сидеть теперь — бесполезным и бездейственным, когда там

гораздо хуже, чем здесь, ибо кажется мне, что скоро зло будет побеждено и что мои силы и мысли могли бы пригодиться. Будет объявлена война войне, и она навсегда устранил источник пенальсти. Поэтому-то сегодня моя мысль бежит ко всем, кого я люблю и кому хотел бы дать счастье, которое питается уверенностью, что любовь победит и будет хозяином земли... Можно ли представить себе что-либо более чудовищное, чем эта бойня? Я думаю только о ней».

В конце письма Феликс пишет, что хотел бы новогодние пожелания послать всем тем «миллионам, которые идут на бойню вопреки своей воле. Безнадежно тоскливо было бы жить сейчас, и здесь и там, на свободе, если бы не эта уверенность, что придет царство правды, любви и счастья».

В этих словах выражена глубокая вера Феликса в то, что война ускори революцию, которая сметет царское правительство и положит конец войне. Слова эти свидетельствуют также о том, что Феликсу известна была точка зрения В. И. Ленина о превращении войны империалистической в войну гражданскую и ленинский лозунг «братания между солдатами обеих воюющих групп»¹. Он верил, видимо, не только в скорое спереживание царизма, но также в близость мировой социалистической революции, ибо он выражал уверенность в том, что навсегда будут устранены источники ненависти.

И письма ко мне говорят о его вере в то, что война ускорит революцию. Из Москвы Феликсу не удалось послать мне ни одного письма легальным путем, а в тюремных письмах, подвергавшихся во время войны тройной цензуре — тюремной, жандармской и военной, открыто писать о революции было невозможно. Поэтому свою мысль о том, что война ускорит революцию, которая положит предел войне, Феликс выражал конспиративным образом, понятным для меня и для товарищей, читавших его письма ко мне. Почти в каждом своем письме он пользовался такими выражениями, как, например, «приближается день нашей встречи» (а он был приговорен к 6 годам каторги и обязательному после этого вечному поселению в Сибирь), «придет весна», «настанет лучшая жизнь».

В письме 31 декабря 1916 года он писал: «Вот уже пришел последний день и 16-го года, и хотя не видно еще конца войны — однако мы все ближе и ближе ко дню встречи и ко дню радости. Я так уверен в этом... Что даст нам 17-й год, мы не знаем, но знаем, что душевные силы наши сохранятся, а ведь это самое важное... Я так уверен, что вернусь...»

Из 12 заключенных, с которыми Феликс сидел в Бутырках в одной камере, только он один верил в неизбежность близкой революции, писал В. Мицкевич-Капускас со слов самого Феликса, записанных и

1922 году в поезде по пути из Москвы в Сухуми. С некоторыми товарищами своей камеры Феликс даже побился об заклад по этому поводу, обязуясь, в случае если проиграет, отдать товарищу весь свой тюремный заработок.

Товарищ А. И. Миколы впоследствии описал следующий эпизод: «Когда Дзержинский работал в ВСНХ, к Феликсу Эдмундовичу в присутствии тов. В. И. Межлаука пришел человек, про которого Дзержинский сказал: — Вот пришел мой «раб».

Оказалось, что это бывший эсер тов. К., теперь уже член нашей партии, с которым Дзержинский сидел когда-то в Бутырской тюрьме. Тов. К. тогда не видел никакого просвета в мраке реакции, начал терять веру в революцию, находился во власти упадочных настроений.

А Дзержинский горел, как всегда.

Он чувствовал всем своим существом, что приближается победа революции.

— Я убежден, — сказал Дзержинский тогда тов. К., — что не позднее чем через год (это было в 1916 г.) революция победит.

— Не может быть, — ответил тов. К.

— Ну, давай пари.

— Давай.

— Что же обещаешь?

— Если оправдается, Феликс, ваше предсказание, то я отдаюсь вам... я вечное рабство.

И вот, когда революция победила, даже несколько раньше, чем через год, Феликс Дзержинский шутя при встречах называл этого товарища своим «рабом».

Этот маленький эпизод, — добавляет А. И. Миколы, — яркая иллюстрация к характеристике Дзержинского как великого революционера, революционный дух которого не могли угасить ни тюрьма, ни ссылка, ни каторга».

В вышеупомянутом письме от 31 декабря 1916 года Феликс снова писал мне: «Кажется, теперь можно переписываться с родной, может быть, теперь у тебя есть известия о жизни наших родных...¹ Верно ли, что я теперь у них ужасно тяжелая жизнь?»

Большую радость доставляли Феликсу в тюрьме и на каторге письма от семьи и товарищей, письма от сына и сообщения о нем, а особенно фотографии. Ясик посылал ему свои картинки-вырезки и раскраски, а также продиктованные мне письма, которые я записывала дословно.

Получив одно из таких произведений Ясика, Феликс писал мне, что когда он увидел картинку-вырезку, сделанные собственными ручонками Ясика, то его залила волна несказанной любви и нежности, и

¹ Ф. Э. Дзержинский имеет в виду партийных товарищей в Польше.

Яшик Дзержинский. 1915 г.

он выражал горячее желание, чтобы Яшик, когда вырастет, был «ясным лучом — умел сам любить и быть любимым». В другом письме Феликс желает Яшику, чтобы он умел хорошо работать, чтобы работа доставляла ему радость и радовала других, чтобы он был для других примером. (Письмо от 4 марта 1917 года.)

Но тюремные власти мучили политкаторжан всякими способами, издевались даже над их отцовскими чувствами.

В Бутырках Феликсу не дали фотографию нашего сына, которую я ему послала, и не позволили взглянуть на нее, хотя он расписался в почтовом извещении о получении. «Здесь, — писал мне Феликс в письме от 4 марта 1917 года, — в камере карточек нельзя держать — даже малого сына, но я надеялся, что мне дадут хотя бы один день посмотреть на нее».

Сила духа и непоколебимая вера в победу революции падали отражение и в последнем тюремном письме Феликса из каторжной тюрьмы в Бутырках от 4 марта 1917 года. Он тогда сидел в одиночной камере вместе с другим политкаторжанином и работал уже не как подручный портного, а шил на машине по 5 часов в сутки. Читал он больше, чем раньше. Он просил меня не беспокоиться о нем и ничего ему не присылать. Жил он мыслю о будущем: «...я отворачиваюсь теперь от своей жизни — стоячего болота, — и не хочется мне о ней писать и рассписывать. Теперь я дремлю, как медведь зимой в своей берлоге, осталась только ясная мысль, что весна придет, и тогда перестану сосать свою лапу и все оставшееся еще в душе и теле силы проявятся. Буду жить».

В этом письме Феликс снова возвращается мыслью к Варшаве, спрашивает: «Можно ли теперь свободно переписываться с Варшавой? Как там живут наши родные (т. е. товарищи по партии. — С. Д.)?» — и добавляет: «Стремлюсь туда всей душой».

Через десять дней после этого Февральская революция освободила 252 Феликса с каторги.

Весть о Февральской революции в России застала меня в Цюрихе. Мы узнали о ней из швейцарских газет. Было в них также упомянуто об освобождении политзаключенных. Некоторое время, однако, я не знала, освобожден ли также Феликс. Но уже сама надежда, что он на свободе, была невыразимо радостной.

Первую весть об освобождении Феликса я получила только 10 апреля 1917 года от одной своей знакомой с детских лет — Функ. Она жила тогда в Берлине и прислала мне в Цюрих коротенькую телеграмму: «Ваш муж свободен». Через несколько дней я получила от нее открытку, датированную тем же числом — 10 апреля, следующего содержания: «...я только что прочитала в Реформе¹, что Феликс Дзержинский (Сод. Дем. Корол. Польши и Литвы — 6 лет), находившийся в заключении в Москве, освобожден в первые дни революции».

Феликс сразу же, как только оказался на свободе, отправил мне телеграмму, а через 10 дней открытку, но ни телеграмма, ни открытка до меня не дошли.

Значительно позднее уже в Москве я узнала, что 1(14) марта 1917 года революционные рабочие разбили ворота Бутырской тюрьмы, освободили в числе других политкаторжан Дзержинского и вывели его на руках на улицы Москвы.

Он сразу же направился на площадь Скобелева (ныне Советская), где выступил на митинге с пламенной речью.

В тот же день он включился в революционную работу, выполняя поручения Московского комитета партии большевиков. Он выступал ежедневно на многочисленных митингах рабочих и солдат, отстаивая политику недоверия Временному правительству, призывая к активной борьбе за мир, против империалистической войны.

Первое письмо от Феликса после его освобождения я получила лишь 9 мая. Оно было датировано 31 марта 1917 года. Часть этого письма была вырезана, часть замазана тушью русской военной цензурой. В этом письме Феликс сообщал мне: «Теперь уже несколько дней я отдыхаю почти в деревне, за городом, в Сокольниках, так как впечатления и горячка первых дней свободы и революции были слишком сильны, и мои нервы, ослабленные столькими годами тюремной тишины, не выдержали возложенной на них нагрузки. Я немного захворал, но сейчас, после нескольких дней отдыха в постели, лихорадка совершенно прошла, и я чувствую себя вполне хорошо. Врач также не нашел ничего опасного, и, вероятно, не позже чем через неделю я вернусь опять к жизни».

¹ Речь идет о краковской буржуазной газете «Нова реформа».

А сейчас я использую время, чтобы заполнить пробелы в моей ответственности (о политической и партийной жизни. — С. Д.) и упорядочить мои мысли...»

Однако уже в этом письме Феликс писал о партийных делах, об отношении польских социал-демократов в России к РСДРП (б): «Отношение к партии (большевистской. — С. Д.) мы урегулировали таким образом: являясь ее частью тут, не на своей территории, мы присоединяемся к наиболее близкой нам идейно группе, сохраняя свои принципы (организационного) партийного единства. Следовательно, мы [входим] в [организацию] фабрично-заводские, районные и т. д. Но представляя собой определенное идейное направление в партии, ставя перед собой задачу влиять на находящиеся здесь польские трудящиеся массы, учитывал условия работы среди них, а также то, что мы сами и эти массы вернемся после войны в Польшу, и составляя с СДКПП [в стране] одно целое — мы одновременно создаем нашу группу в Москве¹. Мы постараемся связаться с разбросанными по всей России нашими группами и товарищами, чтобы тут работать и чтобы вернуться в страну подготовленными и во всеоружии. Вопроса нашего раскола мы тут не касаемся, его не существует... К сожалению, список провокаторов варшавская охранка сожгла, как и многие другие документы, но думаю, что в бумагах департамента (полиции) имеются и варшавские списки. Но довольно об этом. Из всего этого ты видишь, дорогая, что я уже по уши влез в свою стихию. Не знаю, как я устроюсь. Пока время свое я в основном отдаю русским, но они предлагают мне войти туда совсем, там пока большая перазбериха. Но с каждым днем возвращаются старпки, прибывают новые, и, я думаю, обойдусь без меня, ибо все же тут среди польских рабочих большое поле (деятельности). Как устроюсь материально, еще не знаю, пока пользуюсь средствами помощи для освобожденных политзаключенных, но это только пока, и, вероятно, в ближайшее время буду искать работу. Я не могу быть спокойным до тех пор, пока не смогу давать средства для Ясика, и буду счастлив тогда, когда он будет здоров. Ведь это наш сын,

¹ Как известно, после Февральской революции 1917 года при комитетах большевистской партии на местах возникли группы СДКПП в России и затем объединяющий их Центральный Исполнительный Комитет групп СДКПП в России, в который входил также Феликс Дзержинский. После образования в Польше Коммунистической рабочей партии Польши эти группы и их ЦИК изменили свое название на группы КРПП в России. Эти группы и их ЦИК вели широкую агитационную работу среди польских трудящихся в России, на Украине и в Белоруссии. В 1919 году, когда большинство беженцев из Польши вернулось на родину, группы эти были ликвидированы. Для агитмассовой работы среди польского населения в Советской стране при отделах агитации и пропаганды губернских комитетов большевистской партии были созданы польские бюро, а также Польское бюро при отделах агитации и пропаганды ЦК РКП(б), ЦК РКП(б)У и ЦК РКП(б).

наше сокровище, и пужно работать также для него, чтобы он жил и вырос. Я послал тебе открытку (открытка эта до меня не дошла. — С. Д.) и думал, что, может быть, ты захочешь вернуться (в Польшу) в связи с революцией, но я тогда совсем забыл, что ведь возвращения в Варшаву нам революция еще не дала... Поэтому подождем дальнейших событий и, может быть, вскоре сможем с Востока и с Запада вернуться и встретиться в Варшаве. Я жду этой минуты, а пока снова окунусь в свою стихию, которая дает мне смысл жизни».

И дальше Феликс обращается к Ясику: «Ясенька мой милый, я счастлив, что теперь уже скоро мы обнимемся и я поцелую тебя так крепко, как тебя люблю, родной мой. Будь терпелив, дитя мое, время придет, будь здоров и весел, потому что папа твой сейчас счастлив».

В конце письма Феликс посылает горячие приветы Стефану и Марии Братманам, просит переслать приветы Розе Люксембург, Адольфу Варскому, Юлиану Мархлевскому и всем товарищам и знакомым, с кем я могла переписываться. Он просит меня и Стефана сообщить ему адреса наших товарищей, которые при царстве были сосланы на каторгу и поселение в Сибирь, в частности спрашивает адрес Весоловского, Магжика, Собоковича.

В этом письме Феликс сообщает адрес сестры для писем себе: Москва, Польский комитет, Большая Лубянка, 20, Ядвига Кушелевская для Феликса Дажиревского. Таким образом, я могла ему написать, что и сделала немедленно, приложив также продиктованное письмецо от Ясика. Он радуется освобождению отца, целует его и просит: «Поцелуй от меня хороших людей, которые тебя освободили».

Через несколько дней после получения этого письма пришла через Париж короткая телеграмма от Феликса с сообщением, что он выслал мне три письма. Одно из них было, по-видимому, вышеприведенное письмо от 31 марта, двух других я так и не получила. Долго после этого я снова ничего не знала о Феликсе.

* *
*

После Февральской революции в Цюрихе среди политических эмигрантов из России царил необычайное оживление. Передавали друг другу вести, поступавшие из России.

27 марта я имела счастье вторично видеть и слышать выступление В. И. Ленина. Это был реферат «О задачах РСДРП в русской революции», прочитанный на немецком языке (чтение продолжалось 2½ часа) в Цюрихском народном доме на собрании швейцарских рабочих.

В этом реферате В. И. Ленин охарактеризовал те исторические условия, которые привели к свержению царской монархии в России **255**

в течение всего нескольких дней. Затем он отметил, что первый этап русской революции, давший власть буржуазии, закончен и что на повестку дня встал вопрос о переходе ко второму этапу революции, который даст власть в руки рабочего класса и беднейших слоев крестьянства и проложит путь к социализму.

Ленин подверг резкой критике позицию меньшевиков и эсеров, которые, имея большинство в Петроградском Совете, добровольно отдали власть буржуазии.

Ленин указал, что нельзя оказывать ни малейшей поддержки правительству Гучкова — Милюкова. Это правительство не в состоянии дать народам России ни мира, ни полной свободы, ни земли крестьянам. Это может обеспечить лишь рабочее правительство в союзе с массами крестьянской бедноты и революционными рабочими всех стран, участвующих в войне.

Первоочередной задачей Ленин считал вооружение рабочего класса и создание по всей России Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

Дальше Ленин указывал на необходимость порвать все царские договоры с правительствами других государств и опубликовать их, а также немедленно обратиться ко всем воюющим странам с предложением заключить перемирие, а затем — мир на основе полного освобождения колоний и всех зависимых и цеполонправных народов.

Реферат Ленина произвел на нас, польских социал-демократов, огромное впечатление, ибо он указал путь, по которому должны идти революционеры. 8 апреля 1917 года В. И. Ленин покинул Швейцарию и 16 (3) апреля прибыл в Петроград. На следующий день на собрании большевиков Ленин обнародовал свои знаменитые Апрельские тезисы, где выдвинул лозунг: «Вся власть Советам!»

24 апреля (по ст. ст.) 1917 года открылась VII Всероссийская конференция РСДРП(б), рассмотревшая важнейшие, актуальные политические и программные вопросы и задачи, стоявшие перед партией.

В работе конференции принимал участие Дзержинский в качестве делегата московской областной организации большевиков.

По всем основным вопросам (в частности, по вопросу о переходе от буржуазно-демократической революции к революции социалистической) Дзержинский занимал правильную позицию, поддерживал В. И. Ленина.

Однако по национальному вопросу Феликс отстаивал ошибочные люксембургские взгляды СДКПШ и высказался против «права наций на самоопределение» в программе РСДРП(б). В. И. Ленин выступил на этой конференции с резкой критикой люксембургских взглядов СДКПШ, в том числе Дзержинского, по национальному вопросу.

«Громадная, историческая заслуга товарищей польских социал-демократов та, — говорил тогда Ленин, — что они выдвинули лозунг интернационализма и сказали: нам всего важнее братский союз с пролетариатом всех остальных стран, и мы никогда не войну за освобождение Польши не пойдем. В этом их заслуга, и поэтому мы всегда только этих польских товарищей социал-демократов считали социалистами. Другие — это патриоты, польские Плехановы. Но из-за этой оригинальной позиции, когда людям, чтобы спасти социализм, приходилось бороться против бешеного, большого национализма, получилось странное явление: товарищи приходят к нам и говорят, что мы должны отказаться от свободы Польши, от ее отделения.

...Нам предлагают стать шовинистами, потому что этим мы облегчим позицию социал-демократов в Польше... Но люди не хотят понять, что для усиления интернационализма не надо повторять одних и тех же слов, а надо в России палгать на свободу отделения угнетенных наций, а в Польше подчеркивать свободу соединения. Свобода соединения предполагает свободу отделения. Мы, русские, должны подчеркивать свободу отделения, а в Польше — свободу соединения»¹. Присутствовавшая на Апрельской конференции В. Ф. Алексеева рассказывала, что во время перерыва в заседаниях конференции Владимир Ильич, прохаживаясь под руку с Дзержинским, дружески и терпеливо разъяснял ему ошибочность его взглядов по национальному вопросу.

Как я уже упоминала, Феликс позднее подверг критике люксембургские взгляды СДКПП и свои собственные по национальному вопросу, подчеркивая, что единственно правильной является позиция Ленина, что только она «ведет к победе».

На Апрельской конференции была выдвинута кандидатура Дзержинского в Центральный Комитет большевистской партии, но он попросил снять свою кандидатуру, мотивируя плохим состоянием своего здоровья, подорванного долготелым пребыванием в тюрьме и на каторге. ЦК удовлетворил его просьбу.

* *
*

Вскоре после отъезда Ленина из Швейцарии в Цюрихе и других швейцарских городах среди политических эмигрантов из России началась подготовка к выезду на родину. В этом им помогали швейцарские социал-демократы. При помощи швейцарских товарищей был организован поезд, в котором большое количество политэмигрантов выехало через Германию

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 31, стр. 433—434.

и Швецию в Россию. У меня в то время еще не было ясного представления, хочет ли Феликс, чтобы я поехала в Россию. В тюремных письмах, как я уже выше указывала, он советовал мне постараться вернуться в Варшаву, что я и делала, но безрезультатно.

Из письма Феликса от 31 марта можно было заключить, что он сам при первой возможности вернется в Варшаву. Несмотря на это, я решила поехать в Россию.

Я бросила все уроки и записалась в число тех, кто должен был первым эшеленом ехать в Россию. Я взяла Ясика из детского дома в Уинтер-Эгери, где он снова находился уже некоторое время, и стала готовиться к отъезду. Но в последний момент Ясик тяжело заболел ангиной. Температура у него поднялась до 40°, и поехать с этим поездом мы не смогли. С товарищами-поляками, уезжавшими в Россию, я послала Феликсу письмо, немного шоколада и маленький подарок от Ясика. Это была цветная коробочка из палье-маше, в которой, как потом оказалось после моего приезда в Россию, Феликс держал табак, скручивая из него папирсы-самокрутки.

Так, я снова осталась без уроков и средств к жизни. Один из лучших уроков, оставленных мною в связи с подготовкой к отъезду, был уроком музыки в очень богатой помещичьей русской семье, бежавшей в связи с войной из России в Швейцарию. Жили они в большом доме на склоне Цюрихберга. Обращаться в эту семью для возобновления урока было бесцельно. Реакционно настроенные родители моего ученика были возмущены моим намерением выехать в революционную Россию, и они не доверили бы мне больше обучения своего сына.

Через некоторое время я все же получила урок музыки у певицы Рейн.

После долгого перерыва, 25 июля, я наконец получила открытку Феликса от 10 июня, а через несколько дней, 29 июля, открытку, написанную им раньше — 1 июня 1917 года. Феликс сообщал, что в тот же день выезжает на месяц в Оренбургскую губернию на лечение кумысом, чтобы поправить свое подорванное здоровье. Он советует мне приехать в Россию, где в том случае, если его еще не будет в Москве, займется мной и Ясиком наш товарищ Бронислав Весоловский, находившийся в Петрограде. Но возможности выехать тогда в Россию не было. Новый поезд с политэмигрантами в Россию был организован лишь в декабре 1917 года, и я опять записалась на выезд. Но так же, как и в прошлый раз, Ясик снова тяжело заболел и опять я не могла поехать.

Открытку от 10 июня Феликс писал уже из Оренбурга. Состояние его здоровья было, видимо, очень плохое и настроение мрачное. У него был такой уныл одок сил, что, как он писал мне, при встрече я увижу лишь его «тень». Он рассчитывал пробыть в оренбургских стенах 6 недель. Он писал, что с нетерпением ждет нашего приезда и что найти для меня

работу и женщину для присмотра за Ясиком в Москве будет нетрудно. Феликс сообщал также, что с момента выхода из тюрьмы он еще не получил от меня ни слова. Я же писала ему много раз, пользуясь посредничеством товарища Гранта (Кунце) из Копенгагена. Феликс не получил даже моего письма, отправленного из Стокгольма одним из товарищей, выехавшим из Швейцарии первым эшелонам в Россию. Он, по-видимому, после приезда в Россию лично сообщил Феликсу об этом письме. Лишь вернувшись в Москву в июле, Феликс застал там несколько моих открыток и писем.

В открытке от 18 июля он ставит меня в известность, что в тот же день должен выехать на несколько дней в родное Даержиново¹, где задвиги с целью грабежа убили его старшего брата Станислава, а оттуда поедет в Петроград.

В следующей открытке от 7 августа 1917 года Феликс сообщает мне, что уже два дня находится в Петрограде и что его избрали в Центральный Исполнительный Комитет Советов. В той же открытке Феликс добавляет: «В настоящее время условия настолько трудные, что, может быть, и хорошо, что вы не приехали. Нужно ждать конца войны».

Феликс приехал в Петроград на VI съезд большевистской партии как делегат от московской организации. Съезд начался 8 августа, но об этом Феликс писать мне не мог: съезд проходил нелегально. На съезде Феликса избрали в ЦК большевистской партии, членом которого он был до самой смерти.

В открытке от 11 августа Феликс писал: «И снова не знаю, советовать ли тебе приехать к Ясиком... Мы переживаем тяжелые времена, но у меня столько веры в будущее, что я не пессимист. Только сам я потерял много сил, постарел, и это меня мучает. Молодость прошла».

Как член ЦИК, Феликс был материально обеспечен и при первой возможности выслал нам на адрес кредитного банка в Цюрихе 300 рублей, живя сам более чем скромно. Феликс отмечал, что о политических делах не пишет, ибо такие письма военная цензура задерживает. О себе он добавляет: «Я занят работой, но после стольких лет отрыва уже не могу столько дать, сколько бы хотелось, и производительность моя минимальна, это меня мучает. Приходится, однако, философски мириться с тем, что есть. Больше всего мне сейчас хочется дождаться встречи с вами. Я постоянно живу сейчас в Петрограде, мой адрес: Кавалергардская ул., № 22, кв. 17».

¹ Дом в Даержинове, в котором Феликс провел свое детство, был разрушен гитлеровцами во время второй мировой войны. В настоящее время там находится обелиск с надписью, указывающей год рождения Феликса Эдмундовича в Даержинове и годы, проведенные им там.

В письме от 17 октября 1917 года, которое я получила только 5 января 1918 года, Феликс писал: «Не могу и не хочу много писать о себе, ибо я мало ценю свою работу, ее производительность; быть может, причина тут в том, что я согласился войти в Центральный Комитет партии — взялся за обязанности, превышающие мои силы».

Далше он пишет о позиции и задачах польских социал-демократов в России: «Мы, поляки, тут в России не можем составлять в общих вопросах отдельной партии со своей политикой. Тут в этих вопросах должно быть органическое слияние. И наша польская группа, кроме борьбы с польской реакцией и представительства польского пролетариата, имеет единственное задание: призывать польские массы органически включиться в общие ряды. Это обязывает, это заставляет нас не быть сторонней, а частью; поэтому тут для нашей польской дипломатии, для нашей польской политики (кроме польского вопроса) нет места. Отсюда вытекает, что тут раскола (среди польских социал-демократов) на фоне русской революции быть не может, не должно быть, что для нас фактически не может существовать зависимость от Главного Правления или краевого правления, которые фактически являются фикцией для нас и для страны. Раскол же мы ликвидировали таким образом, что приняли решение о том, что никто здесь не имеет права поднимать вопросов раскола. Эти вопросы будут рассмотрены и ликвидированы потом в стране, в Польше, соответствующими инстанциями. Таким образом мы тут работаем вместе. И в совместной работе тут постепенно стираются следы взаимной ненависти».

Из вышеприведенных слов видно, что ни Феликс, ни другие польские социал-демократы в России, так же как и мы, польские социал-демократы в Швейцарии, не знали, что раскол в СДКПЛ уже был ликвидирован в Польше на объединительной конференции обеих частей СДКПЛ в начале января 1916 года.

Работа в ЦИКе поглощала все силы Феликса. «Я лично так глубоко зарылся в общероссийскую работу, — писал он, — что, собственно говоря, в польской работе сейчас, со времени съезда, участия не принимаю. Но довольно об этом. Одно только: мы издаем еженедельник «Трибуна», 10 тысяч экземпляров, вышло 18 номеров».

В конце письма Феликс благодарит Яска за первое письмо, написанное его собственной ручкой. Это была открытка от 27 августа 1917 года с нарисованными на ней детьми. Яск написал печатными буквами карандашом: «Дорогой паночка, я тебя очень люблю и целую. Яск». Открытку эту Феликс хранил до конца своей жизни, а сейчас ее храню я.

В письме от 17 октября Феликс сообщает новый адрес для писем: Петроград, Смольный институт, члену ЦИК, 1-й этаж, 18-я комната, Феликсу Дзержинскому.

О Великой Октябрьской социалистической революции в России, о Советской власти и образовании Советского правительства во главе с Лениным мы узнали из швейцарских газет. Весть эта глубоко взволновала нас и переполнила радостью.

Но подробных сведений о том, что происходило в России, у нас долго не было. С нетерпением набрасывались мы на газеты и по вечерам обсуждали прочитанные в них сообщения.

Не получала я писем и от Феликса. Он был, вероятно, так поглощен партийной и государственной работой в Военно-Революционном Комитете, а потом в ВЧК, что не мог урвать ни минуты для личных дел.

Тяжелое внутреннее положение, бойкот молодого социалистического государства правительствами буржуазных стран, продолжающаяся война с Германией и Австрией, вооруженная борьба белогвардейцев против Советской власти — все это делало невозможным всякую письменную связь Советской России с заграницей.

Первое письмо Феликса, написанное им после победы Великого Октября, было датировано 27 мая 1918 года.

Это письмо Феликс прислал мне с оказией. Он писал: «Я пахожусь в самом огне борьбы. Жизнь солдата, у которого нет отдыха, ибо нужно спасать наш дом. Некогда думать о своих и себе. Работа и борьба адская. Но сердце мое в этой борьбе осталось живым, тем же самым, каким было и раньше. Все мое время — это одно непрерывное действие...

Кольцо врагов сжимает нас все сильнее и сильнее, приближаясь к сердцу... Каждый день заставляет нас прибегать ко все более решительным мерам. Сейчас предстал перед нами величайший наш враг — настоящий голод. Для того чтобы получить хлеб, надо его отнять у тех, у кого он имеется, и передать тем, у которых его нет. Гражданская война должна разгореться до небывалых размеров. Я выдвинут на пост передовой линии огня, и моя воля — бороться и смотреть открытыми глазами на всю опасность грозного положения и самому быть беспощадным...

Физически я устал, но держусь нервами, и чуждо мне уныние. Почти совсем не выхожу из моего кабинета — здесь работаю, тут же в углу, за ширмой, стоит моя кровать. В Москве я нахожусь уже несколько месяцев. Адрес мой: Б. Лубянка, 11.

Быть может, ты найдешь ocasión, чтобы написать мне о себе и Яске. Меня охватывает беспокойство, когда думаю, что с ним, так давно ничего не знаю о нас, не имея ни косвенных, ни непосредственных вестей».

Феликс спрашивает, получила ли я от него деньги, высланные через Багодкого и Ганецкого. Багодкий еще раньше вместе с женой приехал в Швейцарию в качестве представителя Советского Красного Креста.

Буржуазная печать всего мира, в том числе и швейцарская печать, писала всякие ужасы о социалистической России, о большевиках, и в особенности о Феликсе, возводя на него всякую грязную клевету. С отвращением и возмущением читали мы эту отвратительную ложь. Но Феликс не знал, что мы обо всем этом думаем. Последнее письмо, которое он от меня получил, было написано еще до создания ВЧК в декабре 1917 года. Поэтому он писал мне в этом же письме от 27 мая: «Ничего не знаю, что с вами. А обо мне ты, может быть, имеешь искаженные сведения из печати и, может быть, уже не стремишься так ко мне. Мысль моя заставляет меня быть беспощадным, и во мне твердая воля идти за мыслью до конца... Вижу, как тяжела доляна быть твоя жизнь — и не раз говорю себе, почему я не написал: прпезжай сюда, к нам (чтобы) быть вместе в огие борьбы, принять участие в борьбе титанов».

Вскоре в Швейцарию, в Берн, прибыла Советская миссия во главе с Я. Берзинным. Стефан Братман был приглашен на должность секретаря Советской миссии и выехал из Цюриха в Берн. После отъезда из Цюриха Стефана Братмана я заняла его должность секретаря русских эмигрантских касс.

В июле 1918 года швейцарские газеты сообщили об убийстве в Москве 6 июля левыми эсерами германского посла Мирбаха с целью сорвать Брестский мир и спровоцировать снова войну с Германпией, а также о контрреволюционном восстании левых эсеров. Газеты напечатали также страшное для нас сообщение об аресте левыми эсерами Дзержинского, который после убийства Мирбаха без охраны отправился в логово врага, чтобы найти и арестовать убийцу.

В течение нескольких дней мы ничего не знали о дальнейшей судьбе Феликса. Это были страшно тяжелые дни для меня и моих друзей.

Только лишь 10 июля советский посол в Берне Берзин получил телеграмму на немецком языке из Берлина от секретаря Советского посольства в Германии Якубовича следующего содержания: «Сообщите семье Дзержинского, что нет никаких оснований для беспокойства. Он чувствует себя хорошо и продолжает оставаться на своем посту».

Ни у кого из нас в Цюрихе не было телефона. Поэтому телеграмму эту Стефан Братман переслал мне спешной почтой. Значительно позже, лишь после приезда в Советскую Россию, я узнала подробности об этом мятеже, о героизме Феликса, о том, что Ленин лично руководил подавлением этого мятежа и объявил, что за жизнь Дзержинского ответят головой тысячи левых эсеров.

В конце августа я получила несколько слов от Феликса, присланных с дипломатическим курьером в Советскую миссию:

«Прости, что не пишу. Душой с вами, а времени нет. Я постоянно, как солдат, в бою, быть может, последнем...

К письму были приложены 250 рублей.

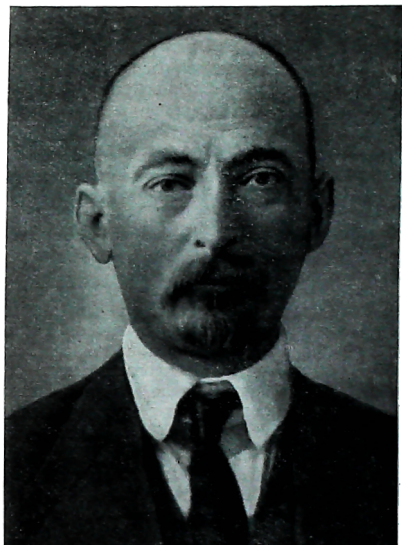
Как я узнала позднее, Феликс в то время возвращал частями долг товарищу Юлиану Мархлевскому, который в течение некоторого времени, когда я в Швейцарии была без работы, помогал мне материально.

Через неделю тем же путем пришло следующее письмо от Феликса от 29 августа 1918 года.

«В постоянной горячке, я не могу сегодня сосредоточиться, анализировать и рассказывать.

Мы — солдаты на боевом посту. И я живу тем, что стоит передо мной, ибо это требует сугубого внимания и бдительности, чтобы одержать победу. Моя воля — победить, и, несмотря на то что весьма редко можно видеть улыбку на моем лице, я уверен в победе той мысли и движения, в котором я живу и работаю. Это дает мне силы...

Я думаю о вас, хотелось бы, чтобы ваш приезд не совпал с моментом наивысшего напряжения борьбы».

Ф. Э. Дзержинский. 1918 г.

* *
*

В Швейцарии существовал закон всеобщего обязательного обучения детей с 6-летнего возраста. Школьный год начинался 1 апреля и продолжался до конца июня, затем были двухмесячные каникулы. В сентябре школьные занятия снова возобновлялись.

1 апреля 1918 года, согласно швейцарским законам, Ясик и его товарищ Янек, сын Стефана и Марии Братман, поступили в первый класс цюрихской школы на Университетской улице, недалеко от дома, где мы жили. Обоим уже исполнилось по 6 лет. В первых классах учеба велась на швейцарском языке, но букварь был составлен на немецком языке, и детей учили читать и писать по-немецки, а одновременно приучали говорить по-немецки. Это было хорошо для Ясика и Янека, так как они уже

у нашей хозяйки фрау Бюрги в Унтер-Эгерп немного научились говорить по-немецки, а швейцарского языка совершенно не знали.

Детей в первом классе было много — около 50 человек. Учеба началась утром в 8 часов и кончалась в 11.

К моему удивлению, учитель первого класса в беседе со мной заявил, что Ясик и Янек выделяются среди учеников его класса своим умственным развитием.

Ясик охотно ходил в школу и был доволен, но с возмущением рассказывал мне, что учитель ходил с большой линейкой, которой бил детей по головам.

В Цюрихе я посещала лекции в университете по педагогике как вольнослушательница. Ходила я также некоторое время на практические занятия студентов педагогического факультета, которые проводились в специально предназначенной для этого школе. В те времена много говорили о прогрессивности швейцарской школы, однако я наглядно убедилась, что эта «прогрессивность» была весьма сомнительной. И в той показательной школе, где подготавливали учителей, «образцовый» учитель, умеющий заинтересовать класс, держал в руке для соблюдения тишины и дисциплины большую линейку. Расхаживая между партами, он ударял ею по голове и рукам учеников, не сидевших спокойно. Этот метод воспитания был, разумеется, пассивно-реакционным.

Летом 1918 года в Цюрихе свирепствовала сильная эпидемия гриппа, называвшаяся тогда испанкой. Заболевали ею главным образом мужчины, причем поголовно все. Были дни, когда на улицах Цюриха почти не видно было миллионеров — все были больны гриппом.

В квартире, где я снимала комнату, также болели все мужчины. Я боялась за Ясика и по совету врача увезла его в детский санаторий курорта Рейнфельден, где были соляные источники для рахитичных детей и детей лечили соляными ваннами в естественных условиях. Но вскоре я получила сообщение, что Ясик заболел. Я немедленно поехала в Рейнфельден, где узнала, что и там свирепствует испанка. Был даже смертельный случай. Оказалось, однако, что Ясик болен не гриппом, а ветряной оспой. Поскольку болезнь начиналась с высокой температуры, думали, что это грипп, и его в течение нескольких дней пичкали большими дозами аспирина. В результате оспа высыпала очень обильно и бедного мальчонку невыразимо мучили короста и зуд.

Я хотела остаться и ухаживать за ним днем и ночью, но в санатории мест для матерей не было, и владельцы санатория не разрешили мне там остаться. Оплачивать же номер в гостинице в Рейнфельдене я не могла, у меня не было на это средств. Пришлось уехать в страшной тревоге.

После выздоровления Ясика я его взяла к себе, но, опасаясь, чтобы оп в Цюрихе не подхватил грипп, отвезла его в детский дом в Унтер-

Эгерн. Сама же поехала в Берн, где мне предложили работу в Советской миссии секретарем советника миссии. Я приступила к этой работе в начале сентября.

Непосредственно моим начальником в Советской миссии был старый большевик советник миссии Шкловский, давно уже живший в Берне. После возвращения в Советскую Россию он, однако, стал ярым троцкистом и был исключен из партии. Секретарем миссии, как я уже упоминала, был Стефан Братман-Бродовский. Вторым секретарем был Любарский. Отделом печати миссии заведовал старый большевик Сергей Петропавловский. В миссию поступало большое количество писем, работы было много. Зато вечера были свободные, и я могла их посвящать сыну. По воскресеньям мы совершали чудесные прогулки в окрестностиерна, откуда были видны высокие снежные вершины Альп, в том числе Юнгфрау.

Вскоре в Берн приехала также Мария Братман и получила работу в Советском Красном Кресте. Вместе с Братманами мы сняли две меблированные комнаты у одной швейцарки, жившей тем, что сдавала внаем комнаты и обслуживала жильцов. В начале октября я взяла Ясика к себе. Одновременно Марылька взяла также Янека, который длительное время пахотился в детском доме в Унтер-Эгерн.

В Берне мальчики снова начали ходить в школу. Но в Берне школа оказалась более консервативной, чем в Цюрихе. В Цюрихе детей учили писать латинскими буквами, здесь же — готическими, что создавало дополнительные трудности для наших мальчиков.

* *
*

Еще до моего переезда в Берн мы получили в Цюрихе ужасное сообщение о поджоге покушении правой эсерки Каплан на В. И. Ленина и о его тяжелом ранении.

Долгие дни и недели жили мы в большой тревоге за жизнь вождя пролетариата всего мира. Мы успокоились только тогда, когда пришла радостная весть о том, что Ленин уже здоров и приступил к работе.

Я не видела в эти тяжелые дни Фелюкса, но представляла себе, как он должен был переживать покушение на Ленина и его болезнь. На белый террор контрреволюции Советское правительство по требованию шпироких масс рабочих ответило массовым красным террором.

Это сообщение мы приняли с чувством удовлетворения.

Встреча после долгой разлуки

Тяжелые переживания после покушения на жизнь В. И. Ленина и непрерывная работа днем и ночью очень истощили силы Феликса. Здоровье его уже давно было подорвано тюрьмой и напряженным трудом. В то время ему, естественно, было не до того, чтобы писать письма. Поэтому целый месяц я не пиела от него никаких вестей. Только в начале октября получила я от Феликса письмо от 24 сентября 1918 года. От него веет большой усталостью: «Тихо сегодня как-то у нас в здании, — писал он в этом письме, — на душе какой-то осадок, печаль, воспоминания о прошлом, тоска. Сегодня — усталость может быть — не хочется думать о делах, хотелось бы быть далеко отсюда и ни о чем, ни о чем не думать, только чувствовать жизнь и близких около себя... Так солдат видит сон наяву в далекой и чужой стране... Так тихо и пусто здесь в моей комнате — и чувствую тут близость с вами. Как когда-то там, в тюрьме. Я сейчас все тот же. Мечтаю. Хотелось бы стать поэтом, чтобы пропеть вам гимн жизни и любви... Может, мне удастся прехватить к вам на несколько дней, мне необходимо немного передохнуть, дать телу и мыслям отдых и вас увидеть и обнять. Итак, может быть, мы встретимся скоро, вдали от водоворота жизни после стольких лет, после стольких переживаний. Найдет ли наша тоска то, к чему стремилась.

А здесь танец жизни и смерти — момент постигшие кровавой борьбы, титанических усилий...»

Весть о предполагаемом приезде Феликса к нам в Швейцарию несказанно обрадовала нас с Ясиком, и мы с нетерпением стали ждать. Значительно позднее, через 10 лет после смерти Феликса, в Музее Революции в Москве на собрании, посвященном памяти Ф. Э. Дзержинского, я узнала из выступления Клавдии Тимофеевны Свердловой, что инициатором этой поездки был Яков Михайлович Свердлов. Об этом же пишет она и в своей книге «Яков Михайлович Свердлов»:

«Пойдем-ка к Феликсу Эдмундовичу, — предложил Яков Михайлович, — не нравится он мне в последнее время. Вид у него архискверный, на квартире у себя совсем не бывает, пропадает круглые сутки на работе, надо посмотреть, как он живет.

Пришли мы на Лубянскую площадь¹, в ВЧК... Дошли до кабинета Дзержинского. Заходим. Феликс Эдмундович согнулся над бумагами. На столе перед ним полупустой стакан чаю какого-то мутно-серого цвета, небольшой кусочек черного хлеба. В комнате холод. Часть кабинета отгорожена ширмой, за ширмой — кровать.

Увидев пас, Феликс Эдмундович с радостной улыбкой подвинулся навстречу. С Яковым Михайловичем их связывала большая, горячая дружба. Мы сели к столу, причем я ясно видела кровать Дзержинского, покрытую простым суконным солдатским одеялом. Поверх одеяла была небрежно брошена шпатель, подушка смята. Было ясно, что Дзержинский как следует не спит, разве приляжет ненадолго, не раздеваясь.

Просидев у Дзержинского около часа, мы вышли на улицу. Яков Михайлович был необычайно сосредоточен и задумчив. Некоторое время мы молча.

— Плохо живет Феликс, — заговорил Свердлов, — спит по-человечески, питается отвратительно. Нельзя так дальше. Надо предпринять что-то, с Ильичем посоветоваться, но без семьи ему нельзя, пропадет Дзержинский... Семью обязательно надо вытащить. И им без него тяжело, и ему тяжело. Приедет семья, квартира оживет, Дзержинский хоть изредка станет бывать дома, сможет отдохнуть в домашней обстановке».

Клавдия Тимофеевна добавляет, что Свердлов не успокоился, пока Феликс не съездил к нам за границу и пока мы не переехали в Москву.

Однажды в начале октября меня вызвал к себе в кабинет советский посол Берзип и под большим секретом сообщил, что Феликс уже находится в пути к нам.

А на следующий день или через день после 10 часов вечера, когда двери подъезда были уже закрыты, а мы с Братманами сидели за ужином, вдруг под нашими окнами мы услышали насвистывание нескольких тактов мелодии из оперы Гуно «Фауст». Это был наш условный эмигрантский сигнал, которым мы давали знать о себе друг другу, когда приходили вечером после закрытия ворот. Феликс знал этот сигнал еще со времен своего пребывания в Швейцарии — в Цюрихе и Берне в 1910 году. Пользовались мы им и в Кракове. В Швейцарии был обычай, что жильцы после 10 часов вечера сами отпирали ворота или двери подъезда. Мы сразу догадались, что это Феликс, и бегом помчались, чтобы впустить его в дом. Мы бросились друг другу в объятия, я не могла удержаться от радостных слез. Феликс только что приехал в Берн вместе со своим товарищем членом коллегии ВЧК Варлаамом Аванесовым. Остановились они оба в гостинице напротив вокзала. Феликс изменился неузнаваемо. Он приехал никогнит, под другой фамилией (Феликс Доманский) и, чтобы не быть узнаанным, перед отъездом из Москвы сбрил волосы, усы и бороду. Но я его, разумеется, узнала сразу, хотя был он страшно худой и выглядел очень плохо.

Мальчики уже спали, поэтому я показала Феликсу Ясика, спящего в кровати. Феликс долго всматривался в него, не в силах оторвать глаз. Он тихонько поцеловал его, чтобы не разбудить. На лице его отражалось сильное волнение и растроганность.

Мы вместе поужинали и провели несколько часов в беседе, потом Феликс вернулся в гостиницу. На следующий день утром он пришел к нам, чтобы увидеть Ясика. Сын, разумеется, знал уже от меня о приезде отца и с нетерпением ждал его прихода. Но когда я открыла входные двери Феликсу и Ясик увидел его лицо, не похожее на то, которое он хорошо знал по фотографии 1911 года, постоянно стоявшей у нас на столе, а также по другим фотографиям его с густой шелелорой, с усами и бородкой, мальчик с плачем убежал и спрятался за дверями, ведущими в столовую, и в течение нескольких минут не хотел выходить оттуда.

Мы оба, я и Феликс, убеждали ребенка, что это и есть его собственный отец, но Ясик хоть и успокоился, однако долго не хотел верить, что это его отец.

Феликс великолепно умел говорить и играть с детьми, поэтому вскоре завоевал доверие и симпатию Ясика. Он привез сыну купленный в Берлине замечательный подарок: большую коробку «мекано» (конструктор) с металлическими частями разной величины и формы. Из них можно было собирать самые различные предметы по приложенным образцам: здания, ветряные мельницы, мосты и т. д.

Ясик очень обрадовался подарку и многие годы часами строил различные конструкции. А когда вырос, подарил эту коробку «мекано» воспитанникам польского детского дома имени Розы Люксембург в Москве.

На время пребывания Феликса в Швейцарии мне дали в Советской миссии отпуск. Мы все втроем пошли гулять в город. Ясик сводил отца в свое любимое местечко, где среди деревьев и цветочных клумб в глубокой яме находились бурые медведи. Ясик любил часами наблюдать за медведями, кормить их пряниками и любоваться их смешными движениями.

В тот же день Феликс тяжело заболел гриппом и несколько дней пролежал в постели с высокой температурой. В течение этого времени он не мог видеться с Ясыком. Я сидела около него целыми днями, ибо в гостинице некому было за ним ухаживать. Но на третий день, когда температура спала, Феликс ни за что не захотел остаться в помещении и, несмотря на мои просьбы, на большую слабость и предостережения врача, уговаривавшего его полежать еще несколько дней, встал, и вышел со мной на воздух. Я очень боялась каких-либо осложнений после гриппа. Но, по-видимому, его сильная воля, желание преодолеть болезнь победили, и преждевременная прогулка не принесла ему вреда.

В Берне не было условий для отдыха, который был так необходим Феликсу, и мы решили поехать на неделю в Лугано, где был чрезвычайно здоровый климат и прекрасные виды. Поехали мы втроем поездом сначала в Люцерн, а переночевав там, — в Лугано. Феликс был еще очень слаб после перенесенной болезни, но счастлив и весел. В вагоне было мало людей, и мы сидели только втроем в купе. Нет слов, чтобы описать ту

Ф. Э. Дзержинский и С. С. Дзержинская с сыном Яном
в Лугано (Швейцария). Октябрь 1918 г.

радость и счастье, какое испытывали, сидя рядышком, разговаривая и играя, сын и отец. Они ведь, собственно, впервые были вместе и знакомились друг с другом. Феликс рассказывал Ясику разные интересные и смешные вещи, учил его всевозможным фокусам и веселым проделкам. А Ясик весело смеялся до упаду. В Лугано мы приехали вечером и остановились в гостинице на самом берегу озера с чудесным видом на него и на окружающие это озеро горы.

В Лугано мы совершали замечательные прогулки и катались на лодке. Феликс очень любил грести и садился на весла, а я управляла рулем. Мы сфотографировались на берегу озера, затем на подвесной дорожке поднялись на вершину ближайшей горы, где провели несколько часов.

Однажды произошел неприятный случай. В тот момент, когда мы на пристани в Лугано садились в лодку, тут же рядом с нами, с правой стороны, пристал пароходик, на палубе которого рядом с трапом стоял... Локкарт, английский шпион. В Советской России он занимал высокий дипломатический пост и был организатором ряда контрреволюционных заговоров против Советской власти. Незадолго до этого он был арестован в Москве, и Дзержинский лично допрашивал его. Как официального дипломата, его не подвергли заслуженному наказанию, но выслали за пределы Советского государства.

Феликс узнал его сразу. Об этой встрече он сказал мне, когда мы уже отплыли от пристани. Английский же шпион, к счастью, не узнал Феликса: так была изменена его внешность. Притом этому врагу даже в голову не могло прийти, что председатель ВЧК находится в Швейцарии.

Увы, через несколько дней в Лугано испортилась погода, густой туман окутал озеро, пошел дождь, и прогулки наши пришлось прекратить. Мы ждали день, другой не улучшится ли погода, проводя время в длительных задушевных беседах. Феликс отсыпался и немного отдохнул от своих сверхчеловеческих трудов. Потом мы вернулись в Берн. 25 октября Феликс должен был с Аванесовым уехать из Берна, кончался срок их отпуска. Они торопились с отъездом еще и потому, что пришло сообщение о начале революции в Германии.

Нам с Ясином ехать в Москву вместе с Феликсом было нельзя, поскольку Феликс был в Швейцарии пьянкой. Кроме того, Феликс боялся, что тяжелые условия, какие в то время были в Москве, плохо отразятся на здоровье Ясика. Поэтому он советовал мне еще немного повременить с отъездом в Советскую Россию.

Мы распрощались с ним, как оказалось потом, на несколько месяцев.

Еще до переезда швейцарско-германской границы из Випертура 25 октября Феликс послал мне небольшое прощальное письмо с обещанием часто писать.

Но обстоятельства сложились так, что наша переписка снова прервалась на продолжительное время.

В Берлине Феликс задержался всего на несколько дней и 28 октября выслал мне на адрес Советской миссии в Берне письмо. Из этого письма видно, что в Германии начался революционный подъем. Еще до отъезда Феликса в Берлин, 23 октября, был освобожден из тюрьмы вождь немецких революционных рабочих Карл Либкнехт. В тот же день перед зданием Советского посольства в Берлине собралась демонстрация рабочих, выражая свои симпатии к Советской России. Феликс писал мне в вышеупомянутом письме:

«Только сегодня в 12 часов мы едем дальше. Вчера здесь состоялся ряд собраний, на которых выступал Либкнехт, а потом — демонстрация. Демонстрантов разогнали палками, плеются тяжелораненые. Часть демонстрантов прорвалась через полицейские cordоны и остановилась перед (Советским) посольством, приветствуя его, размахивая шапками и платками, провозглашая лозунги. Это лишь начало движения. Массы ждут переломного момента. Недостает лишь группы пионеров с достаточной волей и авторитетом.

Роза (Люксембург. — С. Д.) все еще сидит, и неизвестно, когда ее освободят. Ожидают, что скоро. Либкнехт полностью солидаризируется с нами. В более широких кругах партии¹ слаба еще вера в собственные силы, и отсюда чисто «пораженческие» настроения.

Над нами (Роспей), по-видимому, собираются тучи не только со стороны Антанты, но и Германии, и нас, вероятно, ожидает период очень тяжелой борьбы.

Карского австрийцы не пустили, и вчера он обратно уехал в Москву, чтобы поехать в качестве нашего консула в Варшаву².

Я все думаю о возможностях вашего приезда в Россию, и снова мысль о тяжелых переделках, в которых вы можете оказать помощь, заставляет меня советовать тебе воздержаться. Когда наступит зима, тогда в связи с общим положением будет легче решиться. Все проходит как сон, и в этой горячке вся жизнь кажется такой странной. Сердце мое переполнено благодарностью тебе и Ясику... Напиши мне. Жажду твоих и Ясика слов. Обнимаю и шлю приветы Марыльке, Стефану и Янеку...»

¹ Речь тут идет о «Союзе Спартака», который был предшественником компартии Германии.

² Карский — Юлиан Мархлевский — должен был поехать в Вену в качестве дипломатического представителя РСФСР. Консулом в Варшаве Мархлевский тоже не был.

А между тем революционные события в Германии продолжали развиваться. 3 ноября там возникли первые Советы рабочих депутатов.

В страхе германское правительство 5 ноября выслало из Германии Советское посольство, а 9 ноября под влиянием всеобщей стачки и революции в Германии отрекся от престола Вильгельм II, монархия в Германии пала.

В конце октября началась также революция в Австро-Венгрии, пришедшая 11 ноября к падению монархии Габсбургов. В Вене, Будапеште и других городах возникли Советы рабочих депутатов. Австро-Венгерское государство распалось, и народы, входившие в его состав, обрели независимость.

Напуганное буржуазно-демократическими революциями в Германии и Австрии и начавшимся революционным движением рабочих в самой Швейцарии, швейцарское правительство выслало за пределы своего государства Советскую миссию. В течение 24 часов посадили советских дипломатов в машины и отвезли их на германскую границу.

Узнав о том, что Советская миссия высылается из Берна, я хотела вместе с Ясином присоединиться к ней, чтобы ехать в Москву. Но швейцарские власти выслали только тех, у кого были дипломатические паспорта. Поэтому уехали только Берзин, Любарский, Стефан Братман, жена известного русского историка, члена коллегии Народного комиссариата просвещения М. Н. Покровского и, если не ошибаюсь, Шкловский.

В день высылки Советской миссии в Берне была всеобщая забастовка. Рабочие массами вышли на улицы и выражали свое возмущение по поводу высылки Советской миссии. Швейцарские власти выкатили пушки на улицы, а оппортунистическое руководство швейцарской социал-демократической партии выпустило обращение к рабочим, призывая их отправиться на загородные экскурсии-прогулки.

С болью в сердце попрощалась я с уезжавшими товарищами. Той же ночью полиция пропала у меня и Мария Братман обыск, во время которого у меня взяли все дорогие мне письма Фелiksa. Перед нашим домом поставили шпинов, совершенно открыто следивших и днем и ночью за мной и Марылькой, за каждым нашим шагом.

На другой день после обыска наша хозяйка, темная и трусливая жепщина, выбросила нас из квартиры, заявив, что мы ее якобы опозорили тем, что к ней в дом являлся полиция и делала обыск. Мы перебрались временно в Народный дом (работал гостиница), а потом каждая из нас нашла себе меблированную комнату. Материально мы были, к счастью, обеспечены, так как Советская миссия перед отъездом из Берна всем остающимся работникам выплатила трехмесячную зарплату.

Через несколько дней Мария Братман, жена Любарского и, кажется, жена Шкловского были интернированы на продолжительное время, а сотрудник миссии Рейх был заключен в тюрьму. Я удивилась, что меня

судьба интернированных обошла. Я это объясняла себе тем, что швейцарские власти не знали, что я жена председателя ВЧК.

Однако вскоре после обыска меня вызвали в полицейское управление на допрос. Меня обвиняли в том, что вечером и ночью накануне высылки миссии я ягла «компрометирующие» бумаги миссии. Это было правдой. Я действительно по поручению своего начальника Шклового отобрала все секретные документы и сожгла их в печке в комнате, где работала.

Как потом оказалось, один из техпических работников миссии, политемигрант латыш, был провокатором и после высылки миссии сообщил швейцарским властям разные данные о работниках миссии, оставшихся в Берне. Он знал, видимо, и то, что я уничтожила документы миссии. К счастью, он не знал, что я жена председателя ВЧК, не знал он и о приезде Феликса в октябре в Берн.

Швейцарская полиция, по-видимому, не имела такого опыта в политической борьбе, как русская охранка, и не разобралась в том, чьи письма изъяла у меня при обыске, и через несколько месяцев по моему требованию вернула все взятые у меня письма Феликса.

После отъезда из Швейцарии Советской миссии вопрос моего выезда в Россию повис в воздухе. Долго не было никаких признаков того, что мне удастся туда поехать. Оставаться же дольше в Швейцарии, когда шпикля ходили по пятам, когда нечего было и думать найти заработка, было просто невозможно. Вскоре, однако, появилась надежда на возвращение в Польшу.

После падения монархии в Германии и Австро-Венгрии начался подъем национально-освободительного и революционного рабочего движения в Польше. В начале ноября во всех промышленных центрах Польши возникли Советы рабочих депутатов. Началось разложение в среде германских и австрийских оккупационных властей. Польская буржуазия и помещики, опасаясь завоевания власти в Польше рабочим классом, стремились захватить поскорее власть в свои руки.

7 ноября 1918 года в Люблине возникло так называемое народное правительство — в действительности буржуазное правительство — с галицийским социал-демократом, буржуазным националистом Игнацием Дашинским во главе. Это правительство просуществовало неделю и было заменено также буржуазным, но называвшимся «рабоче-крестьянским» правительством Морачевского. Декретом этого правительства 28 ноября враг польских трудящихся и враг Советской России Юзеф Пилсудский был провозглашен «начальником государства», т. е. по существу диктатором Польши.

После создания в Польше правительства Морачевского в Швейцарию прибыло представительство этого правительства. Я обратилась к нему с просьбой разрешить мне вернуться в Варшаву. Но «народные» польские

власти отказали мне в праве вернуться на родину, разрешив поехать в Польшу только 7-летнему ребенку Ясику.

Это было издевательством над нами обоими.

Не осталось ничего другого, как терпеливо ждать случая выезда в Москву. Случай такой представился лишь в середине января 1919 года.

■ Наш выезд в Москву

Представитель Советского Красного Креста Сергей Багоцкий, перо-отно, при помощи швейцарских социал-демократов получил разрешение отправить из Швейцарии через Германию в Россию большое число русских военнопленных, бежавших из германского плена в Швейцарию, где они довольно долго были интернированы. Был организован специальный эшелон, которым отправлялись на Восток 500 русских военнопленных.

С этим эшелоном выехала также небольшая группа политэмигрантов из России, коммунистов и членов других партий: Сергей Петропавловский (старый большевик) с женой и двумя сыновьями, я с Ясином, бывший сотрудник Советской миссии Рейх, интернированная в Берне жена Любарского и, кажется, еще два-три лица. Комендантом эшелона был Петропавловский. До границы, до Базеля, эшелон сопровождал швейцарский левый социал-демократ, потом коммунист Ф. Платтен, который в 1917 году сопровождал В. И. Ленина во время его возвращения из Швейцарии в Россию. Он же организовывал и предыдущие эшелоны с политэмигрантами в Россию.

В Базеле мы узнали от Платтена о преступном убийстве германским социал-демократическим правительством Шейдемана — Носке вождей Коммунистической партии Германии Карла Либкнехта и Розы Люксембург.

Весть эта удручила меня страшно, и я всю дорогу не могла прийти в себя.

Везли нас в неудобных швейцарских вагонах, не приспособленных к длительным поездкам, с короткими скамейками на два сидячих места. Поэтому всю дорогу, продолжавшуюся свыше двух недель, невозможно было лечь и отдохнуть.

Вагоны были запломбированы, поезд на станциях нигде не останавливался. Германские социал-демократические власти, точно так же как власти императора Вильгельма II, боялись «коммунистической заразы». Польское буржуазное правительство не дало, видимо, разрешения на проезд нашего эшелона кратчайшим путем через Польшу. Поэтому мы ехали через Пруссию до Кенигсберга (ныне Калининград), а оттуда в Белосток и дальше, в сторону Минска.

Однажды вечером мы прибыли на станцию Зампрье (Белоруссия), находившуюся в то время еще в руках немцев. Там нужно было наш поезд перевести на другой железнодорожный путь. Но паровоза не было.

Поздно ночью ко мне подошел товарищ Петропавловский и под большим секретом от других товарищей и от своей жены, чтобы их не волновать, сказал мне об угрожающей нам опасности. Он узнал, что противоположный перрон, к которому должен быть подан наш состав, и часть пути к Минску находятся в руках петлюровцев, люто ненавидевших большевиков. Они могли с нами расправиться. Петропавловский и я провели ночь в большой тревоге. Среди ехавших в нашем эшелоне были анархисты, враждебно настроенные по отношению к большевикам и вообще недовольные Петропавловским и мной за противодействие их авантюризму еще во время нашего пребывания в Цюрихе и моей работы в секретариате русских эмигрантских касс.

К счастью, паровоза ночью не подали, а когда рассвело, мы неожиданно, к величайшей радости, услышали крики «ура!» и увидели солдат в красноармейской форме. Оказалось, что ночью Красная Армия протгнала петлюровцев, очистила от них противоположный перрон и дальнейший путь к Минску. Мы были спасены. Нас охватила неописуемая радость при виде красноармейцев. Мы были среди самых близких друзей. Выйдя из вагона, я с удивлением и радостью увидела в руках нескольких красноармейцев газету. Такого зрелища в царское время, чтобы русский солдат читал газету, невозможно было себе представить. А теперь, всего только через год после завоевания власти рабочим классом, простой советский солдат сосредоточенно читал революционную газету.

Вскоре продали паровоз и нас перевели на другой путь. Мы благополучно доехали до Минска. Хотя это было уже недалеко, но ехали мы несколько дней. Поезду приходилось останавливаться и протсавать часами, чтобы пропускать следующие на фронт эшелоны с советскими войсками.

В Минске мы переночевали в совершенно пустом, без всякой мебели, вокзале на голом полу, но счастливые тем, что мы на советской земле. Из Минска товарищ Петропавловский послал телеграмму Дзержинскому, сообщая о прибытии эшелона с русскими пленными и нами.

На следующее утро в Минске нам подали уже русский состав, а швейцарский вернулся обратно.

Поезд наш состоял исключительно из товарных вагонов. Была только одна теплушка — пассажирский вагон четвертого класса. Этот вагон обогревался. Все остальные вагоны не отапливались, а ведь был тогда конец января и морозы стояли трескучие. В теплушку поместили нас — женщин и детей, а также больных эмигрантов и военнопленных. Петропавловский и Рейх ехали в неотапливаемом вагоне. Только время от времени, когда поезд стоял, они заходили к нам в теплушку, чтобы немного обогреться.

Мы продолжали двигаться вперед очень медленно, пропуская военные эшелоны. От Смоленска движение пошло быстрее. Нам сказали также, что из Москвы поступило указание, чтобы ускорить продвижение нашего эшелона. Видимо, тут сказалась рука Дзержинского.

В первом в мире социалистическом государстве

Первого февраля 1919 года, в субботу, мы прибыли в Москву, в столицу первого в истории мира социалистического государства. Советская Россия была тогда единственным государством, в котором власть принадлежала рабочим и беднейшим крестьянам. Поэтому пролетариат не только Советской России, но и всего мира видел в ней свою родину.

На Александровском вокзале (ныне Белорусский) нас встречал Феликс вместе со своим помощником чекистом Абрамом Яковлевичем Бельским.

Феликс занялся прежде всего устройством прибывших из Швейцарии политэмигрантов и военнопленных. Политэмигранты временно были помещены в третьем Доме Советов. Покончив с этими делами, Феликс вернулся к нам, и мы поехали на машине по Тверской улице (ныне ул. Горького) в Кремль на квартиру Феликса, которую он получил незадолго до нашего приезда. Это была просторная, высокая комната с двумя большими окнами на втором этаже так называемого кавалерского корпуса. Рядом с нами жил секретарь ВЦИКа А. С. Енукидзе. С другой стороны двери из нашей комнаты вела в большую комнату с тремя окнами, где тогда помещалась столовая Совета Народных Комиссаров. Кухня была на противоположной стороне коридора, и ею пользовались все товарищи, жившие в этой части корпуса.

Через некоторое время мы переехали в небольшую квартиру на первом этаже этого же кавалерского корпуса.

За несколько дней до нашего приезда Феликс прибыл с Восточного фронта, куда был послан Центральным Комитетом партии и Советом Обороны для расследования причин сдачи Перми колчаковцам и для принятия мер к восстановлению партийной и советской работы в районе действий Красной Армии на Восточном фронте.

На следующий день после нашего приезда, несмотря на то что было воскресенье, Феликс, как обычно, пошел на работу в ВЧК на Большую Лубянку, 11 (ныне улица Дзержинского).

Мы вышли с ним вместе. Феликс вывел нас из Кремля через Троцкие ворота. Это были тогда единственные открытые ворота Кремля как

для пешеходного движения, так и для машин. Только позднее для въезда и выезда были открыты Спасские ворота. Фелпкс пошел с нами через Александровский сад на Красную площадь. Здесь он показал нам могилы борцов, погибших в дни Великой Октябрьской революции и похороненных у Кремлевской стены. Показал он нам также памятники старины на Красной площади: храм Василия Блаженного, памятник Минину и Пожарскому, Лобное место. Потом мы вышли на площадь Революции, где как раз проходили учебные занятия Красной Армии: Фелпкс с гордостью и любовью говорил нам о молодой Красной Армии и ее героических подвигах. Тут мы распрощались. Фелпкс пошел на работу в ВЧК, а мы с Ясином походили еще немного по городу и вернулись домой.

Зима в тот год была исключительно хороша: морозная и солнечная. За весь февраль не было ни одного пасмурного дня, температура держалась постоянная — 20° мороза.

Я была восхищена московской зимой, особенно в сравнении с цюрихской зимой с ее туманами даже в хорошие дни. Москва имела тогда необычный вид. Почти все магазины из-за отсутствия товаров были закрыты, витрины забиты досками. В просветы окон, между досками, было видно, как бегают крысы в поисках съедобного. На улицах вдоль домов тянулись высокие валы обледевшего снега. Даже в Кремле горы снега были так высоки, что закрывали весь первый этаж. Трогуары были покрыты толстым слоем льда. Движения, кроме пешеходного, на улицах почти не было. Изредка лишь проходили трамваи, переполненные людьми. Сесть в такой трамвай было невозможно. Легковых машин было очень мало и из-за их малого количества и нехватки бензина ими пользовались лишь ответственные партийные и государственные работники для служебных целей.

Вскоре мне посчастливилось быть в Большом театре на совместном заседании ВЦИК и Московского Совета с партийными, военными и

Ф. Э. Дзержинский. 1919 г.

общественными организациями. Огромный зрительный зал театра был так набит людьми, что казалось, ярусы не выдержат их тяжести. Собрание открыл Яков Михайлович Свердлов.

Я его видел тогда впервые. Был он невысокого роста, худощавый, по голосу у него такой сильный, что, хотя тогда в Москве не было еще микрофонов, слышно его было великолепно в самых дальних рядах зрительного зала. На этом собрании с большой речью выступил В. И. Ленин, встреченный горячими овациями.

Ленин говорил о текущем моменте, о переломе на колчаковском фронте, о необходимости мобилизации всех сил партии и рабочего класса для победы над врагами, которые еще в 1918 году начали интервенцию против молодого Советского государства.

Помню полные гнева и возмущения слова В. И. Ленина по адресу убийц Карла Либкнехта и Розы Люксембург и глубокую скорбь по поводу утраты вождей революционного пролетариата Германии. Зал слушал речь Ленина, затаив дыхание. На меня это выступление и вся атмосфера, царившая в Большом театре, произвели незагладимое впечатление. Я никогда не забуду чувства, вызванного во мне пением «Интернационала», который все присутствующие исполняли с огромным подъемом и силой под звуки военного оркестра после окончания собрания. Зал представлял в тот момент необычное зрелище. Все, как в партере, так и на балконах и ярусах, стояли плечом к плечу, создавая как бы одну живую стену людей, полных страстного подъема и готовых идти на смерть для защиты Советской родины. Слезы волнения невольно навертывались на глаза.

Потом я имела счастье еще много раз слышать выступления В. И. Ленина на торжественных собраниях, партийных конференциях, VIII, IX, X, XI съездах партии, конгрессах Коминтерна, Красной площади в годовщины Великой Октябрьской социалистической революции. Навсегда сохранился в памяти образ великого гения человечества, вождя и друга всех угнетенных и эксплуатируемых, творца великой Коммунистической партии Советского Союза, создателя Советского государства.

Глубокое и незагладимое впечатление производил на меня выступление В. И. Ленина — пламенного народного трибуна. Говорил ли он о союзе рабочих и крестьян как об основе Советского государства, или о задачах нашей партии и пролетариата всего мира, или бичевал врагов рабочего класса, разрушителей единства партии, — слова его поражали непреодолимой силой логики и страстной, горячей любви к трудящимся, они были путеводной звездой в борьбе за светлое будущее человечества, за коммунизм. Ленин говорил быстро, живо, жестикуюлируя, шагая по сцене, чтобы быть ближе к слушателям. Голос у него был сильный и звучный.

Однажды я имела счастье также пожать руку великого вождя трудящихся и всего угнетенного человечества. Это было в одно из воскресений, кажется, в 1919 году. Мы вышли с Феликсом в Ясиком из Кремля через Троицкие ворота. На мосту, который ведет вниз от кремлевских ворот, мы неожиданно встретились с идущим из города без всякой охраны Владимиром Ильичем. Феликс, увидев его издали, побледнел и, сильно обеспокоенный, прибавил шагу, а потом, здороваясь с Лениным и пожимая ему руку, упрекнул его в том, что он ходит в город один, без всякой охраны, на что Владимир Ильич быстро бросил в ответ:

— А вы? А вы?

Феликс также шел без всякой охраны. Феликс представил меня и Ясика Ленину, Владимир Ильич поздоровался с нами и обменялся несколькими словами.

Феликс не только тогда, но и позднее не раз ходил один, без всякой охраны, из Кремля в ВЧК, потом в ОГПУ или в Высший Совет Народного Хозяйства.

Однажды, в 1924 или 1925 году, возвращаясь с работы из Центрального Комитета партии, я встретила его на Никольской улице (сейчас ул. 25 Октября) и с ужасом увидела, что никто его не охраняет. Я хотела его проводить, но он не позволил. Несмотря на это, я шла за ним в некотором отдалении, пока не успокоилась, увидев, что он благополучно вошел в здание ОГПУ на Лубянской площади (сейчас площадь Дзержинского).

Через несколько дней после нашего с Ясиком приезда в Москву Феликс познакомил меня с товарищем Я. М. Свердловым, его женой Клавдией Тимофеевной и их детьми.

Феликс с большой теплотой и любовью говорил мне о Свердлове, о его таланте агитатора и организатора, о том, что он прекрасно знает огромное количество членов партии и великолепно умеет подбирать кадры на разные партийные и советские должности.

Я. М. Свердлов с семьей жил в Кремле. В Аде, как уменьшительно звали их мальчика, Ясик нашел товарища своих детских игр. Они вместе ходили в детский сад, организованный для детей рабочих и служащих Кремля. Потом мальчики вместе посещали начальную школу в Кремле. Заведовала этой школой Клавдия Тимофеевна Свердлова.

Когда мы уезжали из Швейцарии, Ясик ни слова не знал по-русски. По пути в Москву, находясь в русском окружении, он научился кое-что понимать и усвоил какое-то количество русских слов, но говорить по-русски не умел. Чтобы иметь возможность работать, я отдала Ясика в детский сад. Там он в течение нескольких недель настолько овладел русским языком, что свободно понимал и мог говорить.

* *
*

В марте 1919 года партию, советский народ и семью Свердловых постигла тяжелая утрата. 16 марта, заразившись во время агитпоездки на Украину испанкой, вызвавшей крупозное воспаление легких, после непродолжительной болезни умер в расцвете сил один из ближайших соратников Ленина, первый председатель ВЦИК — Яков Михайлович Свердлов.

Это было большим ударом для нас всех, а Феликс Эдмундович понес двойную утрату. Яков Михайлович Свердлов был для него не только товарищем, боевым соратником, но и близким сердечным другом.

Через несколько дней после смерти Якова Михайловича Свердлова в Кремле открылся VIII съезд Российской Коммунистической партии большевиков — РКП(б). Съезд проходил в бывшем, уже не существующем сейчас, дворце Екатерины II. Я тогда впервые присутствовала как гость на съезде большевистской партии. На этом съезде В. И. Ленин выдвинул величайшего значения вопрос о прочном союзе рабочего класса с крестьянско-середняком при опоре на деревенскую бедноту для борьбы с кулачеством и всякими врагами Советской власти. Съезд принял решение, вытекающее из доклада В. И. Ленина.

Еще раньше, 2—6 марта, состоялся I конгресс Коминтерна, на котором я также присутствовала. В работах конгресса участвовали представители коммунистических партий и левых социалистических организаций 30 стран.

До принятия решения об образовании III Интернационала этот конгресс заседал как международная конференция. Открыл конференцию по поручению ряда делегаций В. И. Ленин. Делегаты и гости встретили вожда трудящихся всего мира бурной овацией.

В. И. Ленин выступил на конгрессе с докладом о буржуазной демократии и диктатуре пролетариата. Все делегаты конгресса единодушно голосовали за тезисы Ленина по этому вопросу. Конгресс принял решение о создании III, Коммунистического Интернационала, утвердил платформу Коминтерна и обратился с Манифестом к пролетариату всего мира. От имени РКП(б) Манифест подписал В. И. Ленин. От Заграничного Бюро Коммунистической Рабочей партии Польши (КРПП) — Юлиан Мархлевский¹.

Через несколько месяцев, 23 июля, ЦК КРПП официально заявил о своем присоединении к Коммунистическому Интернационалу.

¹ Коммунистическая Рабочая партия Польши образовалась в декабре 1918 года на объединительном съезде СДКПП и ППС-левых. Съезд утвердил политическую платформу, принял устав партии и обратился с манифестом «К пролетариату Польши».

По примеру пролетарпата России па борьбу за власть Советов поднимались также рабочие других стран.

В феврале 1919 года возникла Советская власть в Литве и Белоруссии, образовалась Литовско-Белорусская Советская Республика.

Вскоре после образования Советской власти в Литве и Белоруссии народный комиссар иностранных дел РСФСР Г. В. Чичерин и руководители Литовско-Белорусской Советской Республики В. С. Мпцкевич-Капсукас и А. Ф. Мясников обратились в январе 1919 года к буржуазному польскому правительству Игнацы Падеревского с предложением мирного урегулирования отношений между Польшей и Россией. Но польское правительство скрыло от своего народа это мирное предложение Советского правительства. Начальник польского государства Пилсудский бросил белогвардейские польские войска против Литовско-Белорусской Республики и захватил ее столицу — Вильню. Советская власть в Литве и Белоруссии пала. Вест об этом мы восприняли с большой болью.

21 марта 1919 года под руководством Бела Купа образовалась Венгерская Советская Республика, которая просуществовала до 1 августа того же года, а 13 апреля возникла Советская Республика в Баварии. В конце апреля контрреволюция задушила Баварскую Советскую Республику.

В Польше под влиянием социалистической революции в России еще осенью 1918 года возникли Советы рабочих депутатов. Коммунистическая Рабочая партия Польши вела усиленную агитационную и организационную работу среди городских рабочих, среди безработных, а также в деревне, призывая к борьбе за Польскую Советскую Республику, борясь против антирабочей политики буржуазного правительства.

КРПП выражала свою солидарность с советскими республиками и Красной Армией, указывая, что решающим фактором освобождения польских трудящихся является их собственная борьба. Выступая против нападения войск Пилсудского на советские республики, КРПП ставила перед польским пролетариатом задачу бороться за свержение власти помещиков и капиталистов, за создание Польской Республики Советов рабочих депутатов, связанной братским союзом с рабочими республиками других народов. Но тогда, к сожалению, рабочим и крестьянам в Польше не удалось завоевать власть. Причин для этого было много. Одной из них, чрезвычайно важной, было отсутствие единства в польском рабочем классе как результат оппортунистической раскольничьей политики ППС. Эта партия привела к расколу в Советах рабочих депутатов, вызвав таким образом их ослабление и облегчив польскому правительству разгром революционных рабочих советов, которыми руководила КРПП.

Другой важной причиной были массовые репрессии буржуазных властей по отношению к рабочим, выступавшим против войны с Советской Россией, против капиталистического гнета, за диктатуру пролетариата. Репрессии сыпались также на крестьян, которые в некоторых районах Польши вырубали леса, запахивали помещичьи земли и добивались аграрной реформы.

Не менее серьезную роль в неудачах борьбы за рабоче-крестьянскую власть в Польше сыграли ошибки, совершенные СДКПиЛ, а также КРПП в первый период ее существования. Обе эти партии недооценивали революционную роль крестьянства и необходимость ликвидации пережитков феодализма в Польше. Они не выдвигали лозунга передачи земли мало-земельным крестьянам, ограничивались лишь созданием Советов рабочих депутатов. СДКПиЛ и КРПП не понимали сути вопроса о гегемонии и диктатуре пролетариата как о союзе рабочих и крестьян при руководящей роли пролетариата, недооценивали руководящую роль партии в революции и т. д. На ошибочных люксембургских позициях оставалась КРПП и по национальному вопросу.

В итоге всех этих причин польский рабочий класс и трудовое крестьянство были обречены на тяжелые десятилетия ужасной помещичье-капиталистической эксплуатации, на гнет и зверский террор со стороны буржуазно-помещичьих правительств Польши, доведших страну своей позорной внешней и внутренней политикой до роковой катастрофы в 1939 году.

* *
*

В течение всего 1919 года Феликс Эдмундович работал целыми днями в ночам в своем кабинете на Большой Лубянке, 11, заходя лишь наскоро пообедать, и то не всегда, в кремлевскую столовую и заглядывая на минутку к нам. Мы с ним мало виделись. Раз а два я была у Феликса в кабинете на Лубянке. Это была небольшая комната с одним окном, выходящим во двор. Большой письменный стол стоял прямо против входа. На небольшой этажерке кроме книг стояла в деревянной рамке фотография 5-летнего Ясика с грустным, задумчивым личиком. Эту фотографию я послала Феликсу в тюрьму. Она всегда была с ним и стояла у него в кабинете до последней минуты его жизни. Старая больничка М. И. Сулямова недавно говорила мне, что однажды, зайдя по делу к Феликсу Эдмундовичу и увидев эту фотографию, она стала смотреть на нее. Феликс, заметив это, объяснил: «Я так мало бываю дома, так редко вижу сына».

На стене позади письменного стола висела в плюшевой рамке фотография Розы Люксембург, а также плакат с надписью: «Дорога каждая минута». Феликс сам умел использовать каждую минуту для работы и

требовал, чтобы приходившие к нему товарищи отнимали у него не больше времени, чем это было необходимо для решения вопроса, по которому они пришли. С левой стороны кабинета, за ширмой, стояла простая железная кровать, покрытая старым солдатским одеялом, на которой Феликс отдыхал после нескольких бессонных ночей. Вход из коридора в кабинет Феликса Эдмундовича вел через комнату, где работал его помощник Абрам Яковлевич Беленький, секретарь Веньямин Герсон и технический секретарь Эрнестсон.

Вскоре после приезда в Москву я вступила в группу СДКПил при Московском комитете РКП(б).

По решению VIII Всероссийской конференции РКП(б), состоявшейся 2—4 декабря 1919 года, были организованы из коммунистов части особого назначения (ЧОН). Все коммунисты и комсомольцы были обязаны входить в ЧОН для того, чтобы обучиться владеть оружием.

Мы, члены партийной организации, в которую я входила, мужские и женщины, собирались 2—3 раза в неделю на военные занятия на Страстном бульваре. Там нас знакомили с устройством винтовки и проводили с нами строевые занятия.

После определения Ясика в детский сад я начала работать в Народном комиссариате просвещения сначала инструктором в школьном отделе, а потом в отделе национальных меньшинств в качестве заведующей польским подотделом. Отделом национальных меньшинств Наркомпроса руководил Феликс Кон. Наркомпрос помещался тогда на Zubовском бульваре. В 1919 в последующих годах не хватало топлива. В квартирах и советских учреждениях было холодно. В Наркомпросе, где я работала до весны 1920 года, было так холодно, что замерзали чернила. Приходилось сидеть в зимних пальто и невозможно было выдержать больше нескольких часов. Это, конечно, отражалось на работе.

Снабжение населения продуктами питания было тогда очень плохим. По карточкам выдавали по четверти фунта (100 граммов) ржаного хлеба, часто с соломой. В государственных учреждениях для работников были организованы столовые, но обеды там были скверные. О мясе не было и речи. В кремлевской столовой, которая снабжалась лучше, чем другие столовые, обеды состояли главным образом из пшенной каши. В Наркомпросе кормили кислыми щами, изредка сушеной воблой, поэтому уже при входе в здание в нос ударял запах кислой капусты.

Несмотря на голод, холод и страшные трудности, переживаемые Советской страной в первые годы революции, дети были окружены особым вниманием и заботой. Для них существовали особые продуктовые карточки. Отказывая себе в самом необходимом, детям давали все, что только было возможно.

Лето 1919 года наша семья провела в Москве. Только раза два или три мы вдвоем с Феликсом выезжали на воскресенье в Сокольников, где **283**

несколько руководящих работников МЧК жили на небольшой даче. Это были председатель МЧК В. Н. Мапцев с женой и члены коллегии МЧК Маршан и Рославец. Ясика мне удалось на короткий срок поместить в летнюю колонию для детей сотрудников ВЧК в Пушкино под Москвой.

*
*
*

Рассказывая дальше о работе Феликса в СССР, я буду опираться почти исключительно на его речи и статьи, опубликованные в печати, а также на его письма ко мне, на архивные материалы и воспоминания товарищей, работавших с ним. Личных воспоминаний о работе Феликса в СССР у меня нет, ибо я работала в иной области, чем он. О своей работе в СССР я буду упоминать лишь отрывочно.

Ф. Э. Дзержинский на страже завоеваний Октября

Сразу же после победы Великой Октябрьской социалистической революции и создания Советского правительства помещики, буржуазия, бывшие царские генералы, офицеры, контрреволюционные партии кадетов, правых эсеров, анархистов, а также меньшевики начали борьбу против Советской власти с целью ее свержения.

Уже 8 ноября 1917 года (п. ст.) был создан так называемый Комитет спасения родины и революции, поставивший своей целью восстановить власть помещиков и капиталистов. Этот Комитет сразу же разработал план мятежа юнкеров петроградских военных училищ для поддержки начавшегося 9 ноября контрреволюционного наступления войск бывшего царского генерала Краснова на Петроград.

В первое время защитой молодой Советской власти и борьбой с контрреволюцией руководил Военно-Революционный Комитет (ВРК) при Петроградском Совете рабочих и солдатских депутатов, в состав которого входил и Ф. Э. Дзержинский. Благодаря энергичным мерам ВРК мятеж юнкеров был успешно ликвидирован в самом зародыше. В конце ноября под непосредственным руководством Ф. Э. Дзержинского была раскрыта и ликвидирована другая крупная контрреволюционная организация — «Русское собрание», возглавляемая известным черносотенцем Пуришкевичем, ставившая своей целью восстановление в России царской монархии.

Пуришкевич был приговорен к 4 годам лишения свободы с освобождением условно через 1 год; приговор остальным членам этой организации был еще более мягок.

Мягкость приговоров по делу «Русского собрания» не являлась исключением. Еще раньше, после ликвидации контрреволюционного «Комитета спасения родины и революции», все участники этого заговора были отпущены на свободу под честное слово. Были также освобождены по приказу ВРК под честное слово из Петропавловской крепости бывшие министры-социалисты Временного правительства.

Все эти факты неопровержимо свидетельствуют о том, что Советская власть в первый период своего существования проявляла исключительную мягкость к своим врагам. Эти факты также показывают, насколько лживы и подлы были клеветнические измышления буржуазной русской и зарубежной печати о мнимой жестокости Советской власти.

Лишь яростная борьба русской контрреволюции, иностранная интервенция, мятежи, заговоры, убийства, покушения на видных советских деятелей, массовый белый террор вынудили Советскую власть прибегнуть впоследствии к красному террору.

Под влиянием антисоветской агитации эсеров, меньшевиков и кадетов с первых дней революции начался массовый саботаж бывших чиновников царского правительства, служивших в советских государственных учреждениях. Они не желали признавать Советской власти, отказывались работать, срывали снабжение населения продовольствием, товарам, топливом, задерживали выдачу заработной платы рабочим и т. д.

Саботаж не был стихийным выступлением чиновников: он организован, поддерживался и финансировался русскими и иностранными капиталистами. Стачечники получали жалованье за 3 месяца вперед для того, чтобы не работать.

Ф. Э. Дзержинскому быстро удалось при помощи преданных Советской власти рабочих и честных служащих раскрыть крупный подпольный центр, руководивший саботажем. Этот центр называл себя «Подпольным правительством», был связан с иностранными дипломатическими миссиями, различными антисоветскими организациями и ими финансировался.

Совнарком и ВРК приняли ряд предупредительных и административно-карательных мер против саботажников. В результате этих мероприятий, а также разъяснительной работы среди служащих и чистки советских учреждений от враждебных элементов саботаж стал постепенно затухать и в марте 1918 года был сломлен.

Выполняя постановления Советского правительства, ВРК уделял огромное внимание борьбе со спекуляцией, погромами, скрыванием продовольственных запасов, со злостной задержкой грузов, воровством и т. д.

Дзержинскому пришлось также принять решительные меры для установления в Петрограде общественного порядка, для ликвидации провоцируемых буржуазией погромов винных складов, пьянства и хулиганства. Старая, созданная при Керенском милиция была упразднена 10 ноября

1917 года, и вместо нее была создана советская рабоче-крестьянская милиция.

Большую работу провел ВРК и лично Дзержинский по охране художественных ценностей музеев, галерей, дворцов, расхищаемых буржуазией, пытавшейся вывезти эти ценности за границу. Благодаря принятым мерам большая часть похищенных ценностей была найдена и возвращена на место.

Однако контрреволюция предпринимала все новые попытки свержения Советской власти.

В связи с этим 4 декабря 1917 года при ВРК была создана по инициативе и под руководством Ф. Э. Дзержинского комиссия из 5 человек для борьбы с контрреволюцией. Спустя несколько дней, 18 декабря 1917 года, ВРК, выполнивший свои задачи, был ликвидирован.

Но так как враги Советской власти продолжали активизировать свою деятельность, возникла необходимость создания авторитетного боевого государственного органа для борьбы с контрреволюцией и саботажем.

20 декабря 1917 года В. И. Ленин послал Дзержинскому записку, в которой говорилось:

«Буржуазия, помещики и все богатые классы напрягают отчаянные усилия для подрыва революции, которая должна обеспечить интересы рабочих, трудящихся и эксплуатируемых масс...

Необходимы экстренные меры борьбы с контрреволюционерами и саботажниками»¹. Исходя из принципиальных указаний В. И. Ленина, Дзержинский разработал проект создания специальной комиссии по борьбе с контрреволюцией. В этот же день, 20 декабря 1917 года, по докладу Ф. Э. Дзержинского Советом Народных Комиссаров был создан при Совнаркоме специальный орган для защиты диктатуры пролетариата, названный по предложению Дзержинского Всероссийской Чрезвычайной комиссией по борьбе с контрреволюцией и саботажем (ВЧК).

Совнарком одобрил внесенное Дзержинским предложение о создании ВЧК. В задачи ВЧК должно было входить пресечение и ликвидация контрреволюционных и саботажных попыток, проведение предварительного расследования и передача дел контрреволюционеров и саботажников суду Революционного трибунала. В качестве карательных мер предлагались: конфискация имущества, выселение, лишение продовольственных карточек, опубликование списков контрреволюционеров и т. д.

Вскоре ВЧК пришлось взять на себя борьбу с усилившейся спекуляцией, широко используемой контрреволюцией в антисоветских целях. В связи с этим комиссии было присвоено название Всероссийская Чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией, саботажем и спекуляцией.

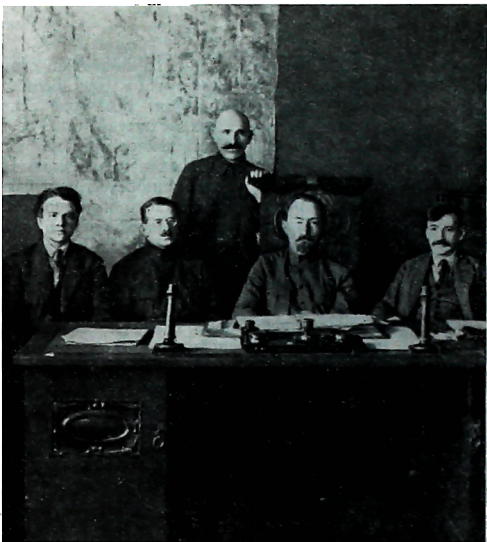
Председателем ВЧК был назначен закаленный в многолетней революционной борьбе, беззаветно преданный делу партии Ф. Э. Дзержинский. Назначение Ф. Э. Дзержинского председателем ВЧК свидетельствовало о большом доверии к нему В. И. Ленина и ЦК партии.

С первого дня существования ВЧК Ленин и ЦК партии уделяли этому органу неослабное внимание. В. И. Ленин повседневно направлял деятельность Чрезвычайной комиссии и давал ей ценные советы. Партия послала для работы в ВЧК самых стойких, преданных, испытанных большевиков-подпольщиков преимущественно из числа рабочих, красногвардейцев и матросов, принимавших участие в борьбе за Советскую власть. И в дальнейшем партия пополняла этот боевой орган диктатуры пролетариата лучшими коммунистами.

Вначале в коллегию ВЧК кроме Дзержинского входили Г. К. Орджоникидзе, И. К. Ксенофонтов, Я. Х. Петерс и др. В разное время в коллегии ВЧК работали также М. Я. Ладис, В. Р. Менжинский, В. В. Фомин, М. С. Кедров, И. С. Уншлихт, С. Г. Уралов и другие активные участники Октябрьской революции.

Впоследствии были также созданы Чрезвычайные комиссии по борьбе с контрреволюцией сначала при губернских, а потом и при уездных Исполкомах Советов рабочих, красноармейских и крестьянских депутатов. Московскую Чрезвычайную комиссию возглавляли в разное время С. А. Мессинг и В. Н. Манцев.

По поручению Совпаркома в первой половине декабря 1917 года Дзержинским был организован вооруженный отряд для борьбы с контрре-

Члены коллегии ВЧК.
Сидят (слева направо): Я. Х. Петерс,
И. С. Уншлихт, Ф. Э. Дзержинский,
В. Р. Менжинский. Стоит: А. Я. Белевский.

волющей и спекуляцией. Вначале он состоял из 30 стойких и проверенных красногвардейцев. Этот маленький отряд явился зародышем будущих войск ВЧК. Летом 1918 года решением I Всероссийской конференции чрезвычайных комиссий был создан специальный корпус войск ВЧК, набравшийся исключительно из пролетарских элементов по рекомендации партийных и профсоюзных органов. Войска ВЧК сыграли огромную роль в подавлении внутренней контрреволюции.

Тем же летом, согласно изданному Совнаркомом 28 мая 1918 года за подписью В. И. Ленина декрету об охране границ, Дзержинским были организованы чрезвычайные комиссии в пограничной полосе. Впоследствии были созданы пограничные войска.

Дзержинский уделял огромное внимание охране советских границ и обеспечению пограничных войск всем необходимым для их работы, которая проходила в тяжелейших условиях. Он постоянно заботился о политическом воспитании пограничников; по его инициативе в 1923 году была создана Высшая пограничная школа.

В сентябре 1924 года Дзержинский обратился с письмом к первому выпуску командиров пограничных войск. В этом письме он так определил основные задачи пограничной охраны: «Ограждать страну от проникновения агентов международного капитала, их шпионов, организаторов восстаний, поджигателей, взрывателей; пресекать в корне попытки экономической контрабандой сорвать монополию внешней торговли, — вот основные задачи, которые лежат перед вами и пограничной охраной в целом».

В этом же письме Дзержинский указал, каким должен быть командир и воспитатель советских пограничных войск: «Чекист-командир и политработник, служащий примером преданности делу рабочего класса, передающий свои знания младшим товарищам, неустанно пополняющий собственные познания, чтобы лучше справиться с порученным делом, помнящий всегда, что он слуга рабочего класса и представитель боевого органа диктатуры пролетариата, — вот каким хочет видеть вас партия и Советская власть».

Большую работу провела ВЧК под руководством Дзержинского по раскрытию и ликвидации контрреволюционных военных штабов и их вербовочных пунктов в Петрограде, Москве и других городах, которые занимались собиранием враждебных Советской власти офицеров и отправкой их на Дон и Южный Урал к белогвардейским генералам Каледину и Дутову.

Так, например, в январе 1918 года была ликвидирована офицерская организация, связанная с правыми эсерами, ставившая своей целью свержение Советской власти, захват или убийство В. И. Ленина, установление военной диктатуры с Каледным во главе.

14 января 1918 года заговорщики обстреляли машину В. И. Ленина, возвращавшегося после выступления на митинге в Михайловском манеже, ранили ехавшего с Лениным швейцарского коммуниста Ф. Платтена. В. И. Ленин, к счастью, остался невредим.

ВЧК арестовала почти всех участников этой белогвардейской организации, и они предстали перед судом.

При ликвидации офицерских организаций и вербовочных пунктов была обнаружена их связь с иностранными посольствами и дипломатическими миссиями: английской, американской, французской, а также немецкой. Иностранные посольства и миссии оказывали финансовую помощь белогвардейским бандам, скрывали белогвардейских главарей контрреволюционных организаций и переправляли за границу ценности, награбленные в России.

18 февраля 1918 года, после срыва Троцким советско-германских мирных переговоров в Бресте, началось наступление немецких кайзеровских войск, которые, не встречая сопротивления, быстро продвигались на восток. В связи с нависшей над Советской Республикой грозной опасностью 22 февраля был опубликован написанный В. И. Лениным декрет-воззвание «Социалистическое отечество в опасности!». В этом воззвании трудящиеся массы призывались к вооруженному отпору врагу, к спасению завоеваний Октября. В воззвании говорилось: *«Неприятельские агенты, спекулянты, громилы, хулиганы, контрреволюционные агитаторы, германские шпионы расстреливаются на месте преступления»*¹. Этот документ предоставил ВЧК право непосредственной расправы с контрреволюционерами. 23 февраля 1918 года в «Известиях» было опубликовано заявление ВЧК, в котором говорилось: *«...До сих пор Комиссия была великодушна в борьбе с врагами народа, но в данный момент, когда гидра контрреволюции нагнет с каждым днем, вдохновляемая предательским нападением германских контрреволюционеров, ...Всероссийская Чрезвычайная комиссия... не видит других мер борьбы с контрреволюционерами, шпионами, спекулянтами, громилами, хулиганами, саботажниками и прочими паразитами, кроме беспощадного уничтожения на месте преступления»*.

В этот же день ВЧК разослала радиотелеграмму всем Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, в которой призывала Советы уничтожать врагов революции на месте преступления.

Первый смертный приговор был вынесен контрреволюционеру, авантюристу и бандиту князю Эболи, скрывавшемуся под разными фамилиями и злоумышленно выдававшему себя за работника ВЧК. Этот негодяй, обзаведясь подложными бляжками и печатями ВЧК, СНК, ЦИК и НКВД,

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 35, стр. 358.

проводил обыски по подложным мандатам ВЧК и приспавал себе лайденные при обысках ценности с целью дискредитировать ВЧК в глазах населения. По словам одного чекиста, он был опознан и разоблачен дворником дома, в котором раньше проживал.

В марте 1918 года Правительство и Центральный Комитет партии переехали из Петрограда в Москву. Накануне переезда ВЧК раскрыла эсеровский контрреволюционный заговор, имевший целью взорвать правительственный поезд и обезглавить революцию. Это злодеяние было предотвращено.

Сразу же после переезда в Москву ВЧК столкнулась с массовым бандитизмом, организованным анархистами и примкнувшими к ним уголовными элементами и белогвардейцами. Анархисты захватили 25 лучших особняков Москвы и обосновались в них, обзавелись оружием, установили пулеметы и бомбометы. Днем и ночью они грабили магазины, склады, квартиры, арестовывали, убивали людей и терроризировали население Москвы.

3 апреля 1918 года ВЧК опубликовала обращение «К населению Москвы» за подписью Дзержинского с указанием, что первою задачей ВЧК будет борьба за полную безопасность и неприкосновенность личности и имущества граждан от произвола и насилия. ВЧК призвала трудовое население активно помогать ей в борьбе с громиллами, спекулянтами, саботажниками и контрреволюционерами. Всем уголовно-преступным элементам ВЧК предлагала в течение 24 часов покинуть Москву или совершенно отречься от своей преступной деятельности.

Под личным руководством Дзержинского все анархистско-бандитские гнезда были окружены и ликвидированы отрядами ВЧК, воинскими частями и латышскими стрелками. Это было произведено всего за одну ночь с 11 на 12 апреля 1918 года. В течение апреля и мая 1918 года по указанию Дзержинского были ликвидированы и разоружены организации анархистов и в других городах.

Уже весной 1918 года началось вторжение войск американских, английских, французских и японских империалистов в Советскую страну. В мае на Средней Волге и в Сибири начался спровоцированный англичанами и французами антисоветский мятеж чехословацкого корпуса, созданного из пленных чехов и словаков еще до Октября для войны с Германией. К лету того же года огненное кольцо интервентов почти полностью опоясало молодую Советскую республику.

Одновременно с интервенцией капиталистических стран образовался внутренний фронт контрреволюции, организовавшей при активнейшей поддержке иностранных посольств многочисленные заговоры против Советской власти.

В конце мая 1918 года при непосредственном участии Ф. Э. Дзержинского была разоблачена и ликвидирована крупная контрреволюцион-

ная организация «Союз защиты родины и свободы», во главе которой стоял правозащитник главарь Борис Савинков. В нее входили наряду с правыми эсерами, царскими офицерами и генералами народные социалисты, левые эсеры, кадеты и меньшевики. Все они ставили своей целью свержение Советской власти. Одна часть этой организации была связана с правительствами Антанты, финансировалась ими и имела разветвления — филиалы в Казани, Ярославле, Рязани, Челябинске и других городах. Другая часть организации была связана с германским послом Мирбахом и ожидала помощи от Германии.

«Союз защиты родины и свободы» был разоблачен благодаря помощью двух рядовых советских людей: рабочего завода «Каучук» Нифонова и медицинской сестры. Нифонов сообщил в ВЧК о том, что частную лечебницу в доме № 1 по Молочному переулку, где он жил, часто посещали какие-то подозрительные люди, не похожие на больных. Медицинская сестра Иверской больницы (Покровская община) рассказала командир латышского стрелкового полка в Кремле, что в Москве ожидается восстание, о чем предупредил ее лежащий в больнице влюбленный в нее юнкер Иванов, умоляя ее поспешить на это время Москву. Латышский командир сообщил об этом в ВЧК.

Раскрытием этой организации и всем следствием руководил Ф. Э. Держинский, который, по словам Я. Х. Петерса, лично расшифровывал найденные у заговорщиков весьма сложные шифры и документы, в том числе донесение Деникину о существовании в Москве контрреволюционной организации.

Подлейшим актом контрреволюции был мятеж левых эсеров в Москве летом 1918 года. Левые эсеры, признавшие на словах Советскую власть, по предложению большевиков и по настоянию делегатов крестьянских съездов в декабре 1917 года вошли в состав Советского правительства (в частности, левый эсер Штейнберг возглавил Народный комиссариат юстиции).

20 января 1918 года на заседании Совнаркома Штейнберг потребовал предоставления ЦК партии левых эсеров права вводить в ВЧК своих представителей по своему усмотрению. Ф. Э. Держинский категорически отверг это требование Штейнберга, считая, что состав коллегии ВЧК должен утверждаться непосредственно Совнаркомом.

Совнарком признал «желательным» преобразование комиссии (ВЧК. — С. Д.) в том смысле, чтобы назначить товарищем председателя Чрезвычайной комиссии члена от фракции левых с.-р. Центрального Исполнительного Комитета.

Утверждать кандидатов в члены Чрезвычайной комиссии Советом Народных Комиссаров.

Заместителем председателя ВЧК Совнарком утвердил левого эсера Александровича. Впоследствии в ВЧК были приняты другие левые эсеры. . 291

Левые эсеры тормозили ее работу, а летом 1918 года открыто перенесли в лагерь прагов, организовав контрреволюционный мятеж.

В июле 1918 года левые эсеры сделали попытку в угоду империалистам Антанты сорвать мирный договор с Германией и спровоцировать войну. С этой целью по поручению ЦК левых эсеров было совершено в Москве 6 июля 1918 года убийство германского посла Мирбаха.

Получив сообщение об убийстве Мирбаха, Феликс немедленно отправился в германское посольство. Тут он узнал, что Мирбаха убил бывший сотрудник ВЧК левый эсер Блюмкин, проникший в германское посольство, предъявив подложное удостоверение с поддельными подписями Ф. Э. Дзержинского и заместителя председателя ВЧК Ксенофопова и подлинной печатью ВЧК, хранившейся у другого заместителя председателя ВЧК левого эсера Александровича.

Дзержинский, предварительно посоветовавшись с В. И. Лениным и Я. М. Свердловым, сейчас же без охраны с тремя товарищами поехал в отряд ВЧК, возглавляемый левым эсером Поповым, надеясь найти там и арестовать убийцу Мирбаха. Но оказалось, что Попов вместо преданных Советской власти солдат этого отряда, ушедших на фронт, принял в отряд без ведома Ф. Э. Дзержинского большое количество психически больных, деморализованных черноморских матросов. Отряд, одурманенный левыми эсерами, поднял мятеж против Советской власти. Начальник отряда Попов отказался выполнить требование Дзержинского выдать ему Блюмкина. Окруженный прагами и обезоруженный ими, Феликс крикнул Попову: «Дайте мне ваш револьвер, я вам пушу пулю в лоб как изменнику». Попов в испуге убежал.

Когда после этого главари левых эсеров объявили Дзержинскому, что он задержан ими как заложник за члена ЦК левых эсеров Спиридонову, отправившуюся на проходивший в то время в Большом театре V Всероссийский съезд Советов, то, по словам очевидца А. Я. Бельского, Феликс ответил: «В таком случае вам надо заранее меня расстрелять, потому что, если Спиридонову арестуют, я первый потребую, чтобы ее ни в коем случае не освобождали».

После того как Феликса и его товарищей разоружили, главари левых эсеров с триумфом предательски заявили: «...Вы стоите перед свершившимся фактом, Брестский договор сорван, война с Германией неизбежна. Пусть Германия займет Россию до Волги».

Феликс в присутствии главарей левых эсеров через их головы обращался к вооруженным до зубов, деморализованным и подпоеным водкой солдатам отряда с речами, разъяряя их, что они являются орудием в руках предателей Советской власти — левых эсеров.

Подавлением левоэсеровского мятежа лично руководил В. И. Ленин; он заявил, что за голову Дзержинского и других арестованных мятежников товарищи ответят тысячи левых эсеров.

Когда советские пушки стали обстреливать лагерь взбунтовавшихся левых эсеров, их главаря, по словам Дзержинского, бежали, переодетые в штатское платье. Дзержинский сагитировал часть взбунтовавшегося отряда и, получив оружие от оставшихся верными Советской власти солдат, вышел под их охраной со своими товарищами из здания отряда.

Л. А. Фотлева вспоминает, что когда, вырвавшись из левозерского плена, Феликс пришел в Кремль, в Совнарком, то «Владимира Ильича почему-то не было в это время в Совнаркоме и вместо него Дзержинского встретил Я. М. Свердлов. Больше всего презиравший неискренность и вероломство в людях, Феликс Эдмундович был потрясен подлым предательством левых эсеров, среди которых было немало сотрудников ВЧК, и подавлен тем, что попал к ним в руки. Прохаживаясь по залу заседания, он очень возбужденно рассказывал об этом Свердлову.

— Почему они меня не расстреляли? — вдруг воскликнул он. — Жалко, что не расстреляли, это было бы полезно для революции».

Этим словам, я полагаю, Феликс хотел сказать, что гибель его от рук левых эсеров была бы для германского правительства доказательством того, что убийство Мирбаха не было делом Советской власти, а делом ее врагов, а это могло бы предотвратить войну с Германией, которую хотели спровоцировать левые эсеры.

«Яков Михайлович, — продолжает Л. А. Фотлева, — горячо любивший Дзержинского, с большой нежностью обнял его за плечи и сказал:

— Нет, дорогой Феликс, хорошо, очень хорошо, что они тебя не расстреляли. Ты еще немало поработал на пользу революции».

Из Кремля Дзержинский направился на заседание большевистской фракции V съезда Советов, где рассказал подробности об убийстве Мирбаха, о «петушином восстании» левых эсеров (как он его назвал) и позорном бегстве их руководителей при первых выстрелах советских орудий.

После своего освобождения Дзержинский активно участвовал в полной ликвидации мятежа, которая и была быстро осуществлена.

Одновременно с мятежом левых эсеров в Москве по требованию и при поддержке англо-французских и американских империалистов были организованы эсерами и белогвардейцами контрреволюционные мятежи в ряде приволжских городов — в Рыбинске, Муроме и Ярославле. Все они были подавлены.

Контрреволюция в своей борьбе с Советской властью не останавливалась ни перед какими злодеяниями и прибегла к террористическим актам против руководящих деятелей партии и Советской власти.

В конце июня 1918 года был убит в Петрограде из-за угла видный большевик В. Володарский. Рабочие Петрограда хотели ответить на это немедленным массовым террором против буржуазии и ее агентов. В. И. Ленин, узнав, что питерские цеклисты и работники Петроградского

комитета партии сопротивлялся этому, возражал против сдерживания революционной инициативы масс и в письме Зиновьеву писал:

«Террористы будут считать нас тряпками. Время архивное. Надо поощрять энергию и массовидность террора против контрреволюционеров, и особенно в Питере, пример коего *решает*»¹.

30 августа был убит председатель Петроградской ЧК М. С. Урицкий. Ф. Э. Дзержинский по предложению В. И. Ленина немедленно выехал в Петроград, чтобы расследовать на месте это преступление. Но, прибыв в Петроград, он получил страшную весть о том, что вечером 30 августа было совершено правой эсеркой Каплан покушение на жизнь вождя революции В. И. Ленина. Дзержинский сразу вернулся в Москву, чтобы принять срочные меры против контрреволюционеров.

Весть о ранении Ленина взволновала и возмутила широчайшие массы народа и вызвала единодушное требование беспощадной расправы с врагами рабочего класса.

1 сентября 1918 года в газете «Известия» было опубликовано обращение ВЧК к народу. «Преступная авантюра с.-рев., белогвардейцев и всех других лжесоциалистов заставляет нас на преступные замыслы врагов рабочего класса отвечать массовым террором, — говорилось в обращении. — Карающая рука рабочего класса разрывает цепь рабства, и горе тем, кто встанет на пути рабочего класса, кто осмелится ставить рогатки социалистической революции».

На следующий день ВЦИК по докладу Я. М. Свердлова вынес постановление, в котором указывалось, что «на белый террор врагов рабочей крестьянской власти рабочие и крестьяне ответят массовым красным террором против буржуазии и ее агентов».

5 сентября на заседании Совета Народных Комиссаров Ф. Э. Дзержинский выступил с докладом о деятельности ВЧК. В постановлении, принятом Совнаркомом по этому докладу, говорилось, что «при данной ситуации обеспечение тыла путем террора является прямой необходимостью». Совнарком дал указания ВЧК расстреливать всех лиц, причастных к белогвардейским организациям, заговорам и мятежам, и опубликовывать в печати имена расстрелянных. В то же время для укрепления аппарата ВЧК Совнарком решил направить туда возможно большее количество ответственных партийных товарищей.

В. И. Ленин неоднократно указывал, что красный террор был вынужденной мерой, вызванной зверным террором Антанты и ее прислужников — белогвардейцев. «После революции 25 октября (7 ноября) 1917 г., — писал позже Ленин, — мы не закрыли даже буржуазных газет, по террору не было и речи. Мы освободили не только многих миллионов Керевского, но и воевавшего против нас Краснова. Лишь после того, как

эксплуататоры, т. е. капиталисты, стали развешивать свое сопротивление, мы начали систематически подавлять его, вплоть до террора. Это было ответом пролетариата на такие поступки буржуазии, как заговор совместно с капиталистами Германии, Англии, Японии, Америки, Франции для восстановления власти эксплуататоров в России...»¹

Под руководством и при личном участии Дзержинского в конце августа и в начале сентября 1918 года был ликвидирован крупнейший заговор всех иностранных разведок (Англии, США, Франции), известный под названием «заговор послов». Этот заговор возглавлялся матерым шпионом с дипломатическим паспортом — английским посланником Локкартом.

Уже в августе в ВЧК поступали сведения о заговорщической деятельности иностранных дипломатов. 30 августа 1918 года, после убийства Урицкого, уезжая в Петроград, Дзержинский отдал приказ об аресте Локкарта и о производстве ряда обысков в Москве, а также в английском посольстве в Петрограде, где, по имевшимся в ВЧК данным, должно было состояться совещание англичан с русскими контрреволюционерами.

В результате обыска в английском посольстве были арестованы 40 боевой охранцы, найдено много оружия и документов, уличавших английское посольство в подрывной работе. В ночь на 1 сентября был арестован Локкарт. Допрашивал его Ф. Э. Дзержинский. Но Локкарт пользовался неприкосновенностью дипломата, вследствие чего он и был выслан за пределы Советской страны.

Целью заговора послов было свержение Советской власти, арест Советского правительства, убийство В. И. Ленина и других руководителей партии, вовлечение Советской России в войну с Германией на стороне Антанты.

Следствие показало, что мятеж левых эсеров, контрреволюционные мятежи в приволжских городах, мятеж чехословацкого корпуса, убийство В. Володарского и М. С. Урицкого, покушение на жизнь В. И. Ленина — все это были составные части «заговора послов».

Впоследствии Ф. Э. Дзержинский писал: «В так называемом деле Локкарта выяснилось, что представитель Англии Локкарт, представитель Америки Пуль, представители Франции Лаверн и Гренар имели широкое разветвление своей агентуры, в задачи которой входили не только шпионаж, но и борьба с Советской властью. Борьба эта выражалась в дезорганизации сил молодой Республики, особенно Красной Армии, в поджоге продовольственных складов, взрыве мостов и снарядов и многих тому подобных преступлениях.

Иностранные шпионы были связаны с патриархом Тихоном и с московскими богачами, которые одалживали им огромные деньги для

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 39, стр. 113—114.

организации контрреволюционных акций. Эти займы должны были им быть возвращены в Лондоне в английской валюте.

В течение сентября — ноября 1918 года ВЧК раскрыла и ликвидировала многочисленные контрреволюционные организации в Москве, Рязани, Костроме, Астрахани, Царицыне и в ряде других городов.

В первую годовщину Октябрьской революции, 7 ноября 1918 года. В. И. Ленин дал следующую оценку работе ВЧК за истекший период ее существования: «Для нас важно, что ЧК осуществляют непосредственно диктатуру пролетариата, и в этом отношении их роль неоценима. Иного пути к освобождению масс, кроме подавления путем насилия эксплуататоров, — нет. Этим и занимаются ЧК, в этом их заслуга перед пролетариатом»¹.

1919 год был тяжелым годом гражданской войны, борьбы с контрреволюцией и интервенцией капиталистических государств против молодого социалистического государства. Англичане и американцы на севере, Колчак на востоке, Деникин и французы на юге, Петлюра и польские белогвардейцы на западе кольцом сжимали со всех сторон Советскую Республику.

Белогвардейцев на всех фронтах снабжали деньгами, оружием и боеприпасами империалистические государства.

Коммунистическая партия мобилизовала все силы для отпора врагу. В. И. Ленин бросил лозунг: «Все для фронта! Все для обороны!»

Ленин, Центральный Комитет РКП(б) призывал партийные организации к превращению Республики Советов в один большой военный лагерь. Проводились мобилизации в Красную Армию коммунистов, рабочих, советских служащих. Комсомольцы целыми организациями добровольно вступали в Красную Армию и уходили на фронт.

В конце декабря 1918 года на Восточном фронте создалось опасное положение: была сдана врагам Пермь. ЦК партии и Совет Труда и Обороны направили туда, как я уже упоминала выше, партийно-следственную комиссию в составе Ф. Э. Дзержинского и И. В. Сталина для расследования причин сдачи Перми, для укрепления боеспособности Красной Армии и создания перелома на этом фронте.

Следственная комиссия выявила огромные недостатки в 3-й армии, а также в работе партийных и советских органов в тылу и на фронте и приняла меры для их устранения. Красная Армия и Советы на востоке были очищены от враждебных элементов, в Вятке создан Военно-революционный комитет и укреплены руководящие партийные органы в восточной части Европейской России и на Урале. Вскоре Красная Армия, начав наступление, нанесла Колчаку ряд новых ударов, освободила Уфу, Оренбург, Уральск. После возвращения в Москву партийно-следственная

комиссия доложила В. И. Ленину и ЦК партии о результатах своей работы.

По инициативе Дзержинского существовавший тогда в армии военный контроль, который был засорен чуждыми элементами, был ликвидирован и вместо него был создан Особый отдел ВЧК под руководством Дзержинского и особые отделы ЧК фронтов и армий. Особые отделы ЧК сыграли огромную роль в борьбе с контрреволюцией и шпионажем в армии и флоте.

Одновременно с иностранной интервенцией внутри страны продолжали действовать бесчисленные контрреволюционные организации. Все они стремились к одному — к свержению Советской власти.

Снова оживилась деятельность левых эсеров. Под их влиянием и руководством в марте 1919 года в ряде районов страны вспыхнули вооруженные кулацкие мятежи. По предложению Дзержинского районы, охваченные кулацкими восстаниями, были объявлены на военном положении. Местные ЧК были пополнены путем возвращения ранее отозванных работников этих органов, усилена работа по разоблачению контрреволюционной деятельности левых эсеров. Кулацкие мятежи были подавлены отрядами войск ЧК, коммунистов и рабочих. Левые эсеры наряду с организацией антисоветских восстаний подстрекали рабочих к забастовкам и совершали различного рода диверсионные акты.

В связи с этим 2 апреля 1919 года в «Известиях» было опубликовано следующее предупреждение за подписью председателя ВЧК Ф. Э. Дзержинского:

«Ввиду раскрытия заговора, ставящего целью посредством взрывов, порчи железнодорожных путей и пожаров призвать к вооруженному выступлению против Советской власти, Всероссийская Чрезвычайная Комиссия предупреждает, что всякого рода выступления и призывы будут подавлены без всякой пощады.

Во имя спасения от голода Петрограда и Москвы, во имя спасения сотен и тысяч невинных жертв Всероссийская Чрезвычайная Комиссия принуждена будет принять самые суровые меры наказания против всех, кто будет причастен к белогвардейским выступлениям и попыткам вооруженного восстания».

30 марта 1919 года Ф. Э. Дзержинский, оставаясь председателем ВЧК, был назначен народным комиссаром внутренних дел РСФСР. В результате этого советская милиция была подчинена его руководству и были объединены усилия этих двух важнейших государственных органов в борьбе с контрреволюцией, шпионажем, спекуляцией и другими преступлениями.

В начале мая 1919 года началось наступление войск контрреволюционного генерала Юденича на Петроград, и в тылу Красной Армии активизировалась контрреволюционная работа шпионов и диверсантов. 297

БЕРЕГИТЕСЬ ШПИОНОВ!

Смерть шпионам!

Наступление белогвардейцев на Петроград с очевидностью доказало, что во всей прифронтовой полосе, в каждом крупном городе у белых есть широкая организация шпионажа, предательства, взрыва мостов, устройства восстаний в тылу, убийства коммунистов и выдающихся членов рабочих организаций.

Все должны быть на посту.

Вседе удвоить бдительность, обдумать и провести самым строгим образом ряд мер по выслеживанию шпионов и белых заговорщиков и по поимке их.

Железнодорожные работники и политические работники во всех без изъятия воинских частях в особенности обязаны удвоить предосторожности.

Все сознательные рабочие и крестьяне должны встать грудью на защиту Советской власти, должны подняться на борьбу с шпионами и белогвардейскими предателями. Каждый пусть будет на сторожевом посту — в непрерывной, по-военному организованной связи с комитетами партии, с Ч. К., с надежнейшими, с опытнейшими товарищами из Советских работников.

Председатель Совета Рабоче-Крестьянской Обороны В. Ульянов (Ленин).

Наркомвнудел ф. Дзержинский.

Обращение Совета Рабоче-Крестьянской Обороны
и Народного комиссариата внутренних дел.
Май, 1919 г.

31 мая в «Правде» и в «Известиях» было опубликовано воззвание за подписью председателя Совета Рабоче-Крестьянской Обороны В. Ульянова (Тенина) и наркоминудела Ф. Дзержинского «Берегись шпионов!».

«Наступление белогвардейцев на Петроград с очевидностью доказывало, — сказано в этом воззвании, — что во всей прифронтовой полосе, в каждом крупном городе у белых есть широкая организация шпионажа, предательства, взрыва мостов, устройства востанний в тылу, убийств коммунистов и выдающихся членов рабочих организаций.

Все должны быть на посту.

Везде удвоить бдительность, обдумать и провести самым строгим образом ряд мер по выслеживанию шпионов и белых заговорщиков и по поимке их...

Все сознательные рабочие и крестьяне должны встать грудью на защиту Советской власти».

В середине июня был разоблачен и ликвидирован контрреволюционный заговор и военный мятеж на Петроградском фронте — в фортах Красная горка и Серая лошадь. Ликвидация этого заговора помогла отразить нашествие белогвардейцев на Петроград.

После раскрытия и ликвидации этого контрреволюционного заговора и мятежа ВЧК обратилась 12 июля 1919 года с последним предупреждением ко всем, кто по неосмотрительности и излишней доверчивости оказался втянут в белогвардейские организации. ВЧК потребовала, чтобы такие лица в недельный срок явились к ней, и гарантировала явившимся и раскавшимся полную безнаказанность. ВЧК предупреждала, что по истечении этого срока даже самое поверхностное отношение и связь с участниками белогвардейских организаций повлекут за собой неизменно высшее наказание — расстрел, конфискацию имущества и заключение в лагерь взрослых членов семьи.

Особенно опасное положение для Советской Республики сложилось осенью 1919 года. Кольцо врагов сжималось, приближаясь к Москве с юго-востока и с юга. В Москве было введено военное положение. 6 сентября решением специального заседания Московского комитета партии Ф. Э. Дзержинский был введен от ВЧК в Комитет обороны г. Москвы. Опасность для Москвы нарастала. 21 сентября денкинцы захватили Курск, Орел и угрожали Туле.

Оживились контрреволюционные элементы в самой Москве. 24 сентября открылась общегородская конференция Московской организации РКП (б). Дзержинский выступил на этой конференции с докладом о работе ВЧК за последние недели. ВЧК, по его словам, удалось за это время открыть не только главари, но и всю контрреволюционную организацию, так называемый Национальный центр, созданную на средства англо-франко-американских империалистов, финансируемую ими и связанную с армией Деникина. Кроме того, ВЧК раскрыла также и ликвидировала штаб

и контрреволюционную военизированную организацию «Национального центра», так называемую добровольческую армию Московского района. В руках заговорщиков были три советские Высшие военные школы и нелегальные склады оружия. В этих контрреволюционных организациях участвовали как кадеты, так и черносотенцы и правые эсеры. Общее политическое направление этой заговорщической организации давали кадеты. Их целью было захватить Москву и дезорганизовать руководящие органы партии и Советской власти. У них был даже назначен срок выступления. Они хотели захватить Москву хотя бы на несколько часов, чтобы завладеть радио и телеграфом, оповестить фронты о минимом падении Советской власти и вызвать таким образом панику и разложение в Красной Армии. Заговорщики были настолько уверены в своей победе, что заготовили даже ряд позваний и приказов. У них было около 800 кадровых офицеров, и, кроме того, они рассчитывали на некоторые воинские части, где имели своих людей.

В своей контрреволюционной деятельности заговорщикам удалось использовать наших товарищей, отметил Дзержинский, их легкомыслие и привычку уступать на работу своим знакомым с недостаточно ясным политическим лицом. В заключение Феликс Эдмундович призвал московских большевиков к усилению бдительности и подчеркнул, что борьба ВЧК с заговорами может быть успешной лишь в том случае, если намеченные ВЧК меры встретят поддержку всех членов партии. Московская партийная конференция приветствовала ВЧК «за ее энергичную деятельность в деле уничтожения контрреволюционных гнезд в сердце революции».

Как и многие другие контрреволюционные организации, «Национальный центр» был раскрыт благодаря бдительности широких трудящихся масс и их большому доверию к ВЧК. Узнав о каких-либо подозрительных лицах, советские люди немедленно сообщали о них в ВЧК.

Первые сигналы о существовании контрреволюционной организации «Национальный центр» ВЧК получила еще в мае 1919 года из Петрограда. Летом 1919 года на прием к Дзержинскому попросилась учительница 76-й московской школы и сообщила ему о том, что к директору этой школы Алферову часто приезжают какие-то лица с Южного фронта. По приказу Дзержинского за директором школы было установлено наблюдение.

Вскоре ВЧК были перехвачены записки одного из арестованных агентов Колчака, адресованные кадетам Алферову и Щепкину, как оказалось потом, главным руководителям «Национального центра».

При обыске у Алферова, произведенном членом коллегии ВЧК В. А. Афанасовым и Ф. Т. Фоминным, в массивном мраморном пресс-папье были обнаружены списки заговорщиков.

Щепкин был арестован в момент, когда он принимал связного от Деникина. Во дворе его дома в дровах была обнаружена жестяная коробка

со шпionскими шифрованными и нешифрованными донесениями о Красной Армии, дислокации ее частей и ее стратегических планах. Московскую военную организацию Добровольческая армия Московского района помог разоблачить врач одной из военных школ, втянутый в эту контрреволюционную организацию и усомнившийся в правильности политики заговорщиков.

Благодаря его показаниям был арестован весь штаб Добровольческой армии Московского района и разоружены курсанты и преподаватели трех Высших военных школ, среди которых оказалось много заговорщиков.

Но не все еще контрреволюционеры были раскрыты и обезврежены. 25 сентября «анархисты подполья» и левые эсеры бросили бомбу в здание Московского комитета партии, в Леонтьевском переулке, где происходило заседание Московского комитета РКП(б) вместе с представителями районов. На этом заседании должен был обсуждаться вопрос о партийной работе в связи с положением на фронтах и раскрытием ВЧК белогвардейского заговора в Москве против Советской власти. Жертвами взрыва в Леонтьевском стали секретарь МК РКП(б) Загорский (В. М. Лубочкий) и 11 других членов партии.

Взрыв бомбы в Леонтьевском вызвал большое возмущение в Москве и во всем Советском государстве. Все убитые были похоронены на Красной площади. Помню похороны этих жертв. Невыносимо тяжело было смотреть на длинный ряд гробов, которые товарищи несли на Красную площадь к Кремлевской стене.

ВЧК удалось раскрыть виновников преступного террористического акта в Леонтьевском переулке. Это были член ЦК левых эсеров Донат Черепанов и лидер «анархистов подполья» Казимир Ковалевич.

После взрыва бомбы в Леонтьевском переулке нам ради безопасности Феликса велели переселиться из квартиры на первом этаже в другую квартиру на втором этаже в здании, где помещается Оружейная палата. Это была очень хорошая, солнечная, трехкомнатная квартира с видом на Большой Кремлевский дворец. Мы жили там много лет, там и умер Ф. Э. Дзержинский.

Бдительность советских граждан помогла также ВЧК осенью 1919 года разоблачить контрреволюционную организацию в Петрограде, которой руководили агенты Антанты, в том числе матерый английский шпион Поль Дюк.

Однажды красноармеец, проходя по улице в Петрограде, заметил, что шедшая впереди него девушка уронила бумажный сверток. Он поднял сверток и окликнул девушку, но последняя, увидев свой сверток в руках красноармейца, попыталась скрыться. Заметив это, а также какие-то чертёжки в свертке, красноармеец задержал девушку и доставил ее в Петроградскую ЧК. В свертке оказались шпионские материалы. Следствие вел лично Феликс Эдмундович.

Арестоваппый по этому делу француз, отец девушки, пагло заявил Дзержинскому: «Вы меня поймали только благодаря случайности». «Ошибаетесь, — ответил ему Дзержинский. — Если бы масса нас не поддерживала, еслп бы каждый рабочий, каждый красноармеец не сознавал, что раскрытие заговора — это дело не только ВЧК, но всех трудящихся Страны Советов, тогда то обстоятельство, что ваша дочь уронила сверток, не привело бы к раскрытию заговора. Ваша дочь случайно уронила сверток, но красноармеец не случайно поднял его, не случайно арестовал ее. Бдительность рядового красноармейца не случай. Именно в этом — сила ЧК».

Ликвидация в Петрограде заговора Поля Дюкса была ударом для интервентов и Юденича и способствовала разгрому северо-западной белогвардейской армии.

Заговорщическая организация Поля Дюкса была связана с «Национальным центром» и «Тактическим центром», который являлся всероссийским штабом всех крупных контрреволюционных организаций. «Тактический центр» был раскрыт и ликвидирован в ноябре 1919 года. Ликвидацией этого «центра» был завершен разгром обширного заговора английских, французских и американских империалистов против Советского Союза.

Раскрытие контрреволюционных организаций способствовало созданию во второй половине октября перелома на Южном и Юго-Восточном фронтах. Были освобождены Орел, Курск, Харьков, Киев и 8 января 1920 года Ростов-на-Дону.

Через несколько дней после взятия Красной Армией Ростова-на-Дону, еще до окончательного разгрома Денкиппа, в газете «Известия» от 15 января 1920 года было напечатано постановление ВЧК за подписью Ф. Э. Дзержинского об отмене смертной казни (расстрела) в отношении врагов рабочего класса по приговорам ВЧК и ее местных органов.

А 17 января было принято постановление ВЦИК и Совета Народных Комиссаров об отмене смертной казни как по приговорам ВЧК и ее местных органов, так и по приговорам местных трибуналов, а также Верховного трибунала при ВЦИК. Постановление это предостерегало, однако, врагов Советской России, что если Антанга возобновит попытку вооруженного нападения и будет материально поддерживать мятежи царских генералов, то Советская власть будет вынуждена возобновить методы красного террора.

В докладе о работе ВЦИК и Совнаркома на первой сессии ВЦИК 7-го созыва 2 февраля 1920 года Ленин отметил, что отмена смертной казни была проведена по инициативе Дзержинского. «Тотчас же после главной победы над Денкиппым, после взятия Ростова, — говорил тогда В. И. Ленин, — тов. Дзержинский, руководящий ВЧК и Наркомвнудел,

ниие предложение в Совнарком и провел его у себя в ведомстве, чтобы всякое зависящее от ЧК применение смертной казни было отменено»¹.

В момент величайшего напряжения борьбы с контрреволюцией и интервентами Феликс однажды сказал мне:

— Когда кончится гражданская война, мне очень бы хотелось, чтобы Центральный Комитет поручил мне работу в Народном комиссариате просвещения.

Эти слова говорили о горячем желании Феликса заниматься творческим, мирным трудом, строить новую, социалистическую жизнь, о его большой любви к детям, о его стремлении работать над воспитанием новых людей — строителей будущего, коммунистического общества, они говорили о его вере в то, что благодаря своей неиссякаемой энергии, организаторским способностям и настойчивости ему удастся улучшить материальные условия учебных заведений и других культурно-просветительных организаций, которые в то время находились в плачевном состоянии.

28 января 1920 года президиум ВЦИК принял постановление о награждении Ф. Э. Дзержинского за большие заслуги в борьбе с контрреволюцией орденом боевого Красного Знамени.

Постановление это гласит:

«С того момента, как побежденная рабочим классом буржуазия перешла в борьбе с Советской властью к организации заговоров, террористических покушений и мятежей, тяжелая и полная опасностей задача борьбы с контрреволюцией была возложена ВЦИК на Феликса Эдмундовича Дзержинского.

В порученном ему ответственном деле тов. Дзержинский в качестве председателя Всероссийской Чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и саботажем проявил крупные организаторские способности, неутомимую энергию, хладнокровие и выдержку, постоянно ставя интересы рабочего класса выше всех личных соображений и чувств. Работа товарища Дзержинского, обеспечивая спокойный тыл, давала возможность Красной Армии уверенно делать свое боевое дело».

Ф. Э. Дзержинский, как верный сын партии, на трудном и ответственном посту председателя ВЧК работал под руководством ЦК и лично В. И. Ленина. Он постоянно следил также за тем, чтобы ВЧК и ее местные органы проводили свою работу под руководством партии, чтобы никогда от нее не отрывались и точно выполняли ее директивы. Дзержинский неустанно напоминал чекистам слова из письма Центрального Комитета РКП(б), обращенные 8 февраля 1919 года к коммунистам — работникам всех Чрезвычайных комиссий: «ЧК созданы, существуют и работают лишь как прямые органы партии под ее директивами и под ее контролем».

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 40, стр. 100.

В этом же письме Центральный Комитет партии дал высокую оценку деятельности ВЧК и местных Чрезвычайных комиссий.

Отмечая большое значение органов ВЧК в деле упрочения Советской власти в стране, ЦК указывал:

«Ныне ЦК РКП считает важным заявить, что основная задача, возложенная партией на ВЧК, выполнена ею с успехом, что в работе над порученным им делом работники ВЧК и местных ЧК проявили в полной мере ту решительность, преданность пролетарской революции и сознание своего долга перед партией, на которое партия рассчитывала, создавая ВЧК. ЦК партии хорошо известны недостатки и ошибки ЧК, ЦК партии знает, что, так же как и другие органы пролетарской борьбы, ЧК не избежали промахов». Но В. И. Ленин подчеркивал, что ошибки ВЧК совершенно незначительны в сравнении с ее заслугами перед Советским государством. Он говорил: «Когда я гляжу на деятельность ЧК и сопоставляю ее с нападками, я говорю: это обывательские толки, ничего не стоящие»¹.

Ф. Э. Дзержинский систематически информировал Центральный Комитет партии и Совнарком о работе ВЧК, спрашивал их мнение по важнейшим вопросам деятельности ВЧК и местных ЧК, добивался систематического пополнения ЧК новыми кадрами стойких и испытанных коммунистов. Дзержинский требовал, чтобы руководители местных Чрезвычайных комиссий постоянно информировали партийные комитеты о своей деятельности и чтобы комиссии эти работали под руководством и контролем соответствующих партийных организаций.

Говоря впоследствии о работе ВЧК, Ф. Э. Дзержинский отмечал: «Этот орган никогда еще не нарушил партийных директив и линии, а всегда был и есть слугой и борцом партии».

В отчете ВЦИК и Совнаркома на IX Всероссийском съезде Советов 23 декабря 1921 года В. И. Ленин следующим образом охарактеризовал роль ВЧК: «...Это то учреждение, которое было нашим рязищим оружием против бесчисленных заговоров, бесчисленных покушений на Советскую власть со стороны людей, которые были бесконечно сильнее нас... Иначе, как репрессией, беспощадной, быстрой, немедленной, опирающейся на сочувствие рабочих и крестьян, отвечать на них нельзя было. Это — достоинство нашей ВЧК»².

Враги Советской власти возводили на ВЧК и Дзержинского самую подлую клевету. В связи с этим Ленин говорил:

«Господа капиталисты, российские и иностранные! Мы знаем, что вам этого учреждения не полюбить. Еще бы! Оно умело ваши интриги и ваши происки отражать как никто, в обстановке, когда вы нас удушали, когда вы нас окружали нашествиями, когда строили внутренние

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 37, стр. 173.

² В. И. Ленин, Соч., т. 33, стр. 150.

заговоры и не останавливались ни перед каким преступлением, чтобы сорвать нашу мирную работу. У нас нет другого ответа, кроме ответа учреждения, которое... умело бы быть не уговаривающим, а карающим немедленно. Без такого учреждения власть трудящихся существовать не может, пока будут существовать на свете эксплуататоры, не имеющие желания преподнести рабочим и крестьянам на блюде свои права помещиков, свои права капиталистов»¹.

Ф. Э. Дзержинский, по словам В. Р. Менжинского, «был самым строгим критиком своего детища (ВЧК. — С. Д.)». Он чрезвычайно боялся, чтобы в ней не заведлась червоточина, чтобы она не стала самодолеющим органом, чтобы не получилось отрыва от партии, наконец, чтобы ее работники не разложились, пользовались громадными правами в обстановке гражданской войны. «ЧК должна быть органом Центрального Комитета, иначе она предна, тогда она выродится в охранку или в орган контрреволюции», — постоянно говорил Дзержинский... Никогда не удалось бы построить той ВЧК — ГПУ, которую знает история первой пролетарской революции, если бы Дзержинский при всех его качествах организатора-коммуниста не был великим партийцем, законопослушным и скромным, для которого партийная директива была всем, и если бы он не сумел так слить дело ЧК с делом самого рабочего класса, что рабочая масса постоянно все эти годы и в дни побед, и в дни тревог воспринимала чекистское дело как свое собственное, а ЧК принимала нутром как свой орган, орган пролетариата, диктатуры рабочего класса».

Ф. Э. Дзержинский и руководимая им ВЧК, а потом ОГПУ во всей своей работе опирались на массы, и большинство контрреволюционных заговоров, как это было показано выше, было разоблачено благодаря помощи советских граждан — рабочих, красноармейцев, трудовой интеллигенции. Уже в резолюции I Всероссийской конференции Чрезвычайных комиссий, состоявшейся в июне 1918 года, подчеркивалась необходимость для успешной борьбы ВЧК с врагами Советской власти иметь постоянную тесную связь с широкими рабочими массами, постоянно обращаться за их помощью и содействием. «Силой бывшей ВЧК, ныне ГПУ, — говорил впоследствии Дзержинский, — в борьбе с силами и заговорами контрреволюции была та помощь, которую всегда и постоянно мы имели со стороны трудящихся масс».

В. И. Ленин, выступая в декабре 1919 года на VII Всероссийском съезде Советов, сказал: «...Когда среди буржуазных элементов организируются заговоры и когда в критический момент удастся эти заговоры открыть, то — что же, они открываются совершенно случайно? Нет, не случайно. Они потому открываются, что заговорщикам приходится идти среди масс, потому что им в своих заговорах нельзя обойтись без рабочих

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 33, стр. 150.

и крестьян, а тут они в конце концов всегда патыкаются на людей, которые идут в... ЧК и говорят: «А там-то собрались эксплуататоры»¹.

Внимательно относясь к поступающим в ВЧК от советских людей сигналам о подозрительных лицах и требуя от своих сотрудников такого же отношения к этим сигналам, Дзержинский руководствовался указаниями В. И. Ленина и строго наказывал клеветников за ложные доносы, имевшие целью опорочить честных советских людей.

Так, например, в апреле 1919 года, узнав, что некий И. И. Павлов систематически присылает в ВЧК ложные доносы на ни в чем не повинных советских людей, Дзержинский внес на утверждение коллегии ВЧК собственноручно написанное им постановление о расстреле И. И. Павлова за сознательную, злостную провокацию, в результате которой был арестован ряд лиц.

Дзержинский воспитывал кадры чекистов в духе беззаветной преданности партии и делу коммунизма, непримиримости к врагам Советской власти, высокой требовательности к себе. Он призывал их крепить связь с массами, учил неусыпной революционной бдительности, умению обращать внимание на мелочи, что неоднократно помогало разоблачать врага.

Феликс Эдмундович личным примером воспитывал у работников ВЧК бесстрашие, дисциплинированность, скромность, учил их заботиться о людях, требуя чуткого отношения к ним, даже к тем, кто подозревался в преступлениях против рабоче-крестьянской власти.

Дзержинский неоднократно говорил, что чекистом может быть лишь человек с холодной головой, горячим сердцем и чистыми руками.

Выступая на собрании в Большом театре, посвященном пятилетию ВЧК — ОГПУ, Ф. Э. Дзержинский, обращаясь к чекистам, сказал: «Кто из нас очерствел, чье сердце уже не может чутко и внимательно относиться к терпящим заключение, те уходите из этого учреждения. Тут больше, чем где бы то ни было, надо иметь доброе и чуткое к страданиям других сердце».

Он требовал от чекистов строго соблюдать революционную законность и сурово наказывал тех, кто нарушал эту законность. Однажды Дзержинский узнал, что незаконно задержали женщину, которая пришла за справкой об арестованном родственнике. Феликс Эдмундович показал виновного в этом незаконном действии, а женщину велел освободить и отправить домой на своей машине.

Когда один из работников ВЧК ударил арестованного им контрреволюционера, Дзержинский приказал судить этого работника и лично выступил против него обвинителем на товарищеском суде, который происходил в присутствии всех сотрудников ВЧК. Присутствовавшая на этом

товарищеском суде бывшая сотрудница ВЧК М. М. Браслова привела мне следующие слова Феликса Эдмундовича из его обвинительной речи: «Как смел он ударить арестованного?! Что арестованный заслужил, то и получит, по издеваться, применять физические приемы никогда не позволю». Провинившийся сотрудник ВЧК понес большое наказание.

В марте 1918 года по предложению Дзержинского была издана инструкция о производстве арестов и обысков, в которой, между прочим, говорилось, что те, кому поручено произвести обыск и лишить человека свободы, должны бережно и чутко обращаться с людьми, арестуемыми и обыскиваемыми, помня о том, что лишенные свободы не могут защищаться и находятся во власти ВЧК.

«Каждый должен помнить, — сказано в этой инструкции, — что он представитель Советской власти — рабочих и крестьян и что всякий его окрик, грубость, нескромность, невежливость — пятно, которое ложится на эту власть».

Дзержинский требовал от чекистов добросовестного выполнения своих обязанностей и строго наказывал за преступления по должности и за нарушения служебной дисциплины. В 1919 году он подписал приговор о расстреле члена Петроградской ЧК Чудина за использование служебного положения и освобождение арестованного врага Советской власти в угоду близкому человеку.

Старый чекист Ф. Т. Фомин вспоминает, что одной из форм работы Дзержинского по воспитанию чекистов были систематически проводимые им совещания сотрудников ВЧК. Такие совещания он созывал, в частности, после ликвидации контрреволюционных организаций и заговоров, разъясняя чекистам характер, цели и задачи данной организации. Ф. Т. Фомин добавляет, что такие совещания были отличной школой для молодых работников ЧК.

Дзержинский добивался от чекистов строгого соблюдения государственной тайны, ненавидел болтунов и не раз повторял, что болтун — это находка для врагов. Сам Дзержинский всегда строго соблюдал правила конспирации и учил этому других. Один из старых чекистов рассказывал мне, что Феликс однажды, поручая одному из своих помощников раскрыть какой-то контрреволюционный заговор, запретил ему при этом делиться с кем бы то ни было из работников ВЧК известными ему данными по этому вопросу. Разумеется, что так же тщательно хранил Феликс Эдмундович известные ему как члену Оргбюро ЦК и кандидату в члены Политбюро ЦК ВКП(б) партийные и государственные секретные сведения.

Дзержинский, по рассказам его сотрудников, систематически обходил все помещения ВЧК и контролировал работу своих подчиненных, проверяя, не залеживаются ли без движения дела арестованных.

Бывшая сотрудница ВЧК недавно умершая Ушакова рассказала о следующем характерном для Дзержинского факте. Однажды Феликс Эдмундович вошел в кабинет, в котором работала Ушакова и несколько других сотрудников. По своему обыкновению он подошел к Ушаковой, просмотрел все бумаги, лежащие на столе, потом открыл ящики стола и проверил, нет ли там залежавшихся, необработанных дел. Найдя все в порядке, он похвалил ее. В тот момент, когда Дзержинский входил в кабинет, один из работавших там сотрудников забеспокоился и стал лихорадочно просматривать бумаги в ящиках своего стола. Это не ускользнуло от внимания Дзержинского и всех остальных присутствующих в комнате. Когда Феликс Эдмундович стал проверять бумаги этого сотрудника, то оказалось, что в ящиках лежали нерассмотренные и необработанные дела. Дзержинский возмущился и строго отчитал этого сотрудника, сказав, что за каждой бумагой стоит живой человек, с нетерпением и беспокойством ожидающий решения по своему делу. Затягивание рассмотрения и обработки столь важных дел является преступлением. Ведь каждый день ожидания — это день человеческого страдания.

Чекисты ценили это гуманное отношение Дзержинского к людям, даже к врагам, глубоко уважали Феликса Эдмундовича и горячо любили его. Систематический контроль за работой своих подчиненных был постоянным методом работы Дзержинского.

Феликс с огромной любовью относился к своим верным соратникам и помощникам — чекистам и яростно защищал их от незаслуженных обвинений обывателей, порою даже с партийным билетом, недооценивавших роль ВЧК и необходимость беспощадной борьбы с контрреволюцией для спасения завоеваний Великого Октября. Феликс Эдмундович постоянно заботился о чекистах — как о ближайших своих помощниках, так и о рядовых работниках. Ввиду огромной напряженности и опасности работы чекистов, ввиду того что им часто приходилось недоесть, работая целыми сутками без отдыха, Феликс Эдмундович делал все возможное, чтобы улучшить их материально-бытовые условия. Обходя систематически своих сотрудников, он интересовался не только их работой, но и их здоровьем и условиями жизни их и их семей. Об этом рассказывали и бывшие комиссары ВЧК, и технические работники: комиссар Рогов, охранявший его с 1919 года до самой смерти, оперативный работник ВЧК В. Н. Сидорова, бывший шофер Феликса С. Г. Тихомолов, машинистка М. М. Браслова, курьер Г. К. Сорокин, уборщица Уткина и многие другие. Считаясь с особыми условиями жизни и работы пограничников, вынужденных нести службу часто под открытым небом, иногда в сырых и болотистых местах, Дзержинский проявлял особую заботу об обеспечении их всем необходимым.

6 февраля 1922 года ВЧК была реорганизована в Государственное
308 Политическое Управление (ГПУ) при Народном комиссариате внутрен-

Ф. Э. Дзержинский с сотрудниками ВЧК А. Я. Белецким и В. Герсоном.

них дел. После образования Союза Советских Социалистических Республик ГПУ в сентябре 1923 года было преобразовано в Объединенное ГПУ при СНК СССР. Председателем ГПУ и ОГПУ был Ф. Э. Дзержинский.

Накануне пятилетия ВЧК в ознаменование этой даты в Москве на Красной площади 17 декабря 1922 года в 12 часов дня состоялся парад войск ГПУ, который принимал Феликс Эдмундович.

В своей речи к войскам ГПУ он сказал:

«Пять лет тому назад в огне победоносной пролетарской грозы была создана Совнаркомом организация по борьбе с контрреволюцией, шпионажем, саботажем, спекуляцией, организация диктатуры пролетариата — ВЧК. И подобно тому как наша великая Красная Армия преодолела и сокрушила всех врагов и освободила землю русскую для власти рабочих и крестьян, для свободной жизни народов всех наций, так и на внутрен-

нем фронте ВЧК вела свою борьбу с врагами Советской власти. Вы все помните длинную цепь заговоров, бандитских выступлений, террористических актов против Советской власти и ее вождей и дезорганизацию нашего хозяйства.

Где теперь эти заговорщики? — спрашивает Дзержинский. —

Их нет, мы сокрушили и уничтожили наших врагов. Но чрезвычайные органы все же не должны быть совсем упразднены. У рабочих есть еще и будут враги в деле хозяйственного восстановления страны. С ними и должно бороться ГПУ — детище ВЧК».

В тот же день вечером в Большом театре состоялось торжественное собрание, посвященное пятилетию ВЧК. Я присутствовала на этом собрании. Собрание открыл Ф. Э. Дзержинский. Он предложил почтить установлением памяти борцов, погибших на фронте гражданской войны. Указав, что дело, за которое боролась ВЧК, победило, он подробно остановился на задачах, стоявших тогда перед Советской властью, по восстановлению промышленности, сельского хозяйства и транспорта и привел ряд имен видных работников ВЧК, перешедших на хозяйственную работу.

Феликс Эдмундович призвал работников ГПУ строго следить за революционной законностью, пресекать всякого рода попытки дезорганизовать наше народное хозяйство. «Необходимо зорко следить за деятельностью платных и бесплатных приказчиков буржуазии», — говорил он.

На собрании выступили с приветствиями юбилярам М. И. Калинин, представители ВСНХ, Красной Армии, немецких и итальянских коммунистов. От группы чекистов, ушедших на хозяйственную работу, выступил М. Я. Лацис. В своей речи он горячими словами обрисовал личность Феликса Эдмундовича, подчеркнув особые его заслуги в борьбе с контрреволюцией. Впоследствии в своих воспоминаниях о Ф. Э. Дзержинском М. Я. Лацис писал:

«...Счастьем нашей революции было назначение председателем ВЧК Феликса Эдмундовича Дзержинского.

Кристалльно чистый, самоотверженный, волеустремленный, человек немедленного действия, не отступающий перед препятствиями, подчиняющий свои личные интересы интересам революции, забывающий себя, справедливый даже по отношению к своим врагам, — вот каким тов. Дзержинский показал себя за долгие годы работы вплоть до своей смерти...»

Феликс сидел в президиуме собрания. Я смотрела на него и видела, что он был страшно взволнован, смущен и прямо подавлен обильным похвал по своему адресу. В конце собрания он сказал несколько слов, подчеркнув, что ВЧК своими заслугами обязана не ему, а самоотверженной работе и борьбе чекистов.

В связи с пятилетием ВЧК корреспондент «Правды» беседовал с Дзержинским. Беседа эта была опубликована в «Правде» 17 декабря 1922 года. Вот часть сказанного Ф. Э. Дзержинским:

«Создание ВЧК было ответом на организованное сопротивление Советской власти со стороны буржуазно-помещичьих кругов. Белый террор, саботаж, выстрелы в вождей революции, противодействие советскому строительству и покушения на самое существование диктатуры пролетариата сделали ВЧК боевым органом революции, поставили ее в авангард борьбы рабочего класса с капиталом.

ВЧК сделалась грозным символом для всех тех, кто не мог примириться с завоеванными трудящихся, кто мечтал о воскрешении старого режима, кто готовил петлю для рабочих и крестьян. ВЧК стала на страже революции и с честью выполняла возложенную на нее трудную задачу.

В самый разгар гражданской войны, когда нас сжимало огненное кольцо блокады, когда нас давили голод, холод и разруха, когда внутренние белогвардейцы и иностранные империалисты подбирались к сердцу республики, ВЧК и ее органы на местах развпвали самоотверженную героическую работу.

Длинной черенгой тянутся раскрытые заговоры и восстания. Зоркий глаз ВЧК проникал всюду, ВЧК была орудием диктатуры трудящихся. Пролетарнат выделял для работы в органах ЧК лучших сынов своих. И не удивительно, что враги наши бешено ненавидели ЧК и чекистов. Их ненависть — вполне заслуженная. ВЧК может гордиться тем, что она была объектом неслыханной травли со стороны буржуазии. ВЧК гордится своими героями и мучениками, погибшими в борьбе...

Только доверие рабочих и крестьян дало силу ВЧК и затем ГПУ выполнить возложенную революцией на них задачу — сокрушить внутреннюю контрреволюцию, раскрыть все заговоры низверженных помещиков, капиталистов и их прихвостней. Это доверие пришлось завоевывать долгой, упорной, самоотверженной, полной жертв борьбой, в результате которой ВЧК стала грозной защитницей рабоче-крестьянской власти».

Выступая на собрании чекистов, посвященном 15-летию ВЧК — ГПУ, С. М. Киров сказал: «История ВЧК — ГПУ — это концентрированная история всей нашей великой революции. Все, что было высокого, победного, крепкого в нашей революции, все это было в наших ЧК и ГПУ... Нет более надежного, более органически связанного с нашей партией рычага, как наш орган ГПУ...»

Говоря о создателе и руководителе ВЧК — ГПУ Дзержинском, С. М. Киров особенно отметил, что ВЧК — ГПУ успехами своей работы «обязаны тому, что тов. Дзержинский был совершенно исключительным организатором».

Высокую оценку деятельности Ф. Э. Дзержинского дал Н. С. Хрущев в апреле 1958 года на приеме в посольстве Польской Народной Республики по случаю 13-й годовщины Договора о дружбе, взаимной помощи и последовательном сотрудничестве СССР и ПНР.

«Польский народ выдвинул из своей среды такого выдающегося революционера, как Феликс Дзержинский, который был пламенным борцом за дело трудящихся, замечательным человеком и другом великого Ленина. И не случайно В. И. Ленин после победы Октябрьской социалистической революции предложил именно Дзержинского утвердить председателем Чрезвычайной Комиссии. Ему, сыну польского народа, было оказано огромное доверие. И Дзержинский, как верный сын своего класса, нашей Коммунистической партии, до последнего дыхания служил пролетарской революции, делу рабочего класса, делу трудового крестьянства».

* * *

В период культа личности Сталина были нарушены ленинские нормы партийной и государственной жизни, в том числе ленинские нормы в работе органов государственной безопасности.

Контроль партии над органами безопасности был заменен единоличным контролем Сталина, обычное отправление правосудия заменялось его единоличными решениями. В органы государственной безопасности пробралась вражеская банда во главе с Берией. Враги партии и народа пытались поставить органы государственной безопасности над партией, изолировать их от трудящихся.

В результате всего этого были допущены необоснованные массовые репрессии, произвол и беззакония.

XX и XXII съезды партии, осудив культ личности Сталина, восстановили ленинские нормы партийной и государственной жизни. Партия и ее ЦК приняли решительные меры по разоблачению врагов, пробравшихся в органы государственной безопасности, очистили их от лиц, нарушавших социалистическую законность, и послали в них проверенных, стойких коммунистов. Сейчас полностью восстановлены руководство и контроль над органами государственной безопасности со стороны партии, укреплена связь этих органов с широкими массами трудящихся. В жизни и работе органов государственной безопасности возрождены славные традиции ВЧК.

Короткая передышка

После победы над интервентами и белогвардейцами Советское государство получило на короткий срок передышку и немедленно приступило к заживлению ран, нанесенных империалистической и гражданской войнами, приступило к хозяйственному строительству. Экономическое состояние страны было чрезвычайно тяжелым. На хозяйственной работе были

использованы вооруженные силы Красной Армии. Из вопиющих частей создавались трудовые армии. Их бросали на восстановление железнодорожного транспорта, топливной промышленности и другие важные участки народного хозяйства.

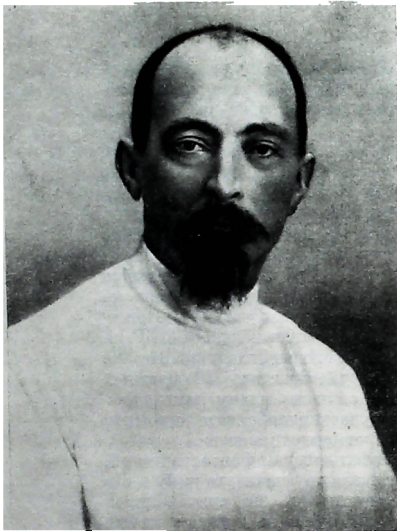
В начале 1920 года Ленин выдвинул знаменитый план электрификации России в течение 10—20 лет. В марте того же года Совнарком выделил Государственную комиссию по вопросам электрификации России (ГОЭЛРО) во главе с Г. М. Кржижаковским. Совнарком поручил этой комиссии разработать план, рассчитанный на построение в течение 10—20 лет 30 крупных электростанций мощностью 1,5 млн. *квт*. План этот рассматривался на VIII Всероссийском съезде Советов в декабре 1920 года, который происходил в Большом театре. Я присутствовала на этом съезде. С докладом об электрификации России выступал Г. М. Кржижаковский. На стене над президиумом висела огромная карта РСФСР, на которой в тот момент, когда с трибуны раздались слова докладчика о плане электрификации Советского государства, вдруг зажиглись 30 цветных электрических лампочек в тех местах, где согласно плану намечалось строить электростанции. Это произвело на участников съезда огромное впечатление, вызвало небывалый подъем и бурю аплодисментов.

Как известно, буржуазия высмеивала этот план как фантастический. Даже такой фантаст, как Герберт Уэллс, назвал этот план утопией, а его создателя В. И. Ленина — кремлевским мечтателем, не считающимся с реальной обстановкой в России. Советский строй, в котором власть принадлежит трудящимся, таит, однако, в себе такие величайшие возможности, такие могучие творческие силы, что первый план электрификации России, названный Лениным второй программой партии, был успешно и досрочно выполнен.

Короткую передышку Советская власть использовала также для усиления работы на культурном фронте.

30 декабря 1919 года был издан декрет Совнаркома о всеобщей ликвидации неграмотности в Советском государстве. Закипела работа в отделе внешнего образования Наркомпроса. Мы в отделе наименьшими энергично принялись за организацию борьбы с неграмотностью среди национальных меньшинств, в том числе среди польского населения.

Работа эта была гораздо труднее, чем среди русского населения, потому что польское население было рассеяно среди русских, украинцев и белорусов. Нужно было подготовить буквари для взрослых соответствующего содержания. Таких не было ни в России, ни в Польше, ибо до того времени никто не занимался ликвидацией неграмотности среди взрослых. По примеру русских товарищей, в том числе Анны Сергеевны Курской, руководившей ликвидацией неграмотности среди русского населения, мы — я и товарищ Тадеуш Радванский (член редакции польской газеты «Трибуна», выходившей в Москве) — составили польский букварь

Ф. Э. Дзержинский. 1920 г.

набирался и печатался букварь, я ходила в типографию, где работали 2 польских наборщика, и проверяла каждое слово, чтобы в книге не было ни одной ошибки. Увы, букварь, в который мы вложили столько труда и надежд, ожидая, что он сыграет значительную роль в ликвидации неграмотности среди поляков в СССР, не выполнил своего назначения. Он не попал к польским трудящимся массам. Я спрашивала польских партийных и культпросветработников на Украине и в Белоруссии, получили ли они этот букварь и как о нем отзываются люди, пользующиеся им. Но мне отвечали всюду, что букварь этот не поступал. Я сама неоднократно выезжала в районы с польским населением и нигде не нашла ни одного экземпляра этого букваря. Его никто не видел. Несомненно, что в организации, которая занималась распространением польских изданий, сидел заклятый классовый враг, постаравшийся уничтожить весь тираж этого букваря из-за его революционного

для взрослых под названием «Давайте учиться читать». Содержание букваря было революционное. Был он кратким и без всяких иллюстраций из-за недостатка бумаги и ограниченности денежных средств, которые государство тогда могло выделить для этой цели. К букварю был приложен картонный алфавит для разрезывания с достаточным количеством букв, чтобы из них можно было составлять слова. Были приложены также краткие методические указания, составленные мной.

Через несколько лет уже в значительно лучших условиях мы вместе с Региной Будзынской¹ составили новый, более обширный и богато иллюстрированный польский букварь для взрослых под названием «Долой темпугу!».

Букварь этот содержал также краткие тексты для чтения для лиц, закончивших ликбез. Содержание этого букваря от начала до конца носило революционный характер. Он был напечатан в Москве. Все время, пока

¹ Р. Будзынская позднее стала троцкистской и была исключена из ВКП(б).

содержания. В течение долгих лет, занятая другой работой, я делала попытки отыскать этот букварь, но безрезультатно. Лишь недавно я обнаружила его в Москве в Государственной библиотеке имени В. И. Ленина и получила микрофильм этого учебника.

* *
*

Осенью 1919 года, зимой 1919—1920 годов и в последующие годы проводились субботники, т. е. добровольная бесплатная работа в пользу всего общества в субботу или воскресенье и праздничные дни. В них принимали участие рабочие и советские служащие, в первую очередь, конечно, коммунисты. Во время моей работы в Наркомпросе для проведения субботников мы отправлялись на железнодорожные станции и выгружали вагоны с дровами для больниц, школ, детских домов и т. д. Иногда субботники проводились на больших дровяных складах, и тогда мы укладывали поленья в сажени. Субботники проводились и в восстановительный период, и в период первых пятилеток.

В конце 20-х годов, когда я работала в Институте Ленина, мы также ездили на субботники на железную дорогу и разгружали вагоны с капустой. Кроме субботников, организованных партийными ячейками тех учреждений, в которых я работала, я много раз принимала участие в субботниках, проводившихся в Кремле. Они проводились главным образом весной, и целью их было очистить Кремль от обледеневшего снега.

Помню один такой субботник, где плечом к плечу с Юлианом Мархлевским мы работали на кремлевской площади около Троицких ворот, а потом на мосту от ворот вниз до Кутафьей башни.

Мы работали лопатами, передвигая огромные глыбы льда, которые потом сбрасывались с моста в Александровский сад. Работа шла быстро и весело. Ю. Мархлевский был примером для других в работе, шутил и смешил товарищей.

Помню, что на субботниках всегда царил подъем, дело спорилось. Все работало с большой охотой. В. И. Ленин назвал субботники «великим почином», зародышем коммунистического труда.

1 мая 1920 года вместо военного парада и демонстрации на Красной площади был объявлен Всероссийский субботник. Главным организатором субботника в Москве был Феликс Эдмундович как председатель Главного комитета по делам всеобщей трудовой повинности.

На эту должность Дзержинский был назначен 19 февраля 1920 года решением Совнаркома. Нелегким делом было обеспечить такое огромное количество участников первомайского субботника орудиями труда.

В Наркомпросе не хватало лопат, поэтому партийная организация направила нас работать в библиотеку Наркомпроса. Нужно было перенести с одного этажа на другой около двадцати больших шкафов с книгами и расставить книги соответствующим образом, что мы и сделали.

* *
*

В связи с 50-летием со дня рождения вождя и создателя партии и Советского государства Владимира Ильича Ленина 23 апреля 1920 года Московским комитетом РКП(б) было организовано в помещении МК, на Большой Дмитровке, торжественное собрание, посвященное этой знаменательной дате. Я удостоилась чести присутствовать на этом памятном собрании. С речами выступили М. С. Ольминский, А. М. Горький, И. В. Сталин, А. В. Луначарский и др.

Помню пламенную речь А. М. Горького. Он сказал: «Есть люди, значение которых как-то не объемлется человеческим словом... Вот таким человеком только не для России, а для всего мира, для всей нашей планеты является Владимир Ильич... Я думаю, что я не найду, хотя и считаюсь художником, слов, которые достаточно ярко очертили бы такую коренастую, такую сплытую, огромную фигуру... Ленин в политике велик, но в то же время он реальный, земной, простой человек».

Дальше Горький на ряде примеров охарактеризовал Ленина как простого, милого, душевного человека, обычного, как каждый из нас. «На ваше счастье, на счастье всей страны существует этот человек. Очень надо ценить его, очень надо любить, очень надо помочь ему в его великой, в его всемирной, в его планетарной работе... И лучшее, чем можем почтить его огромную работу, и лучшее, чем вы поблагодарите его за все, что он сделал не только для России, но для всего человечества, — это честный труд, это напряженный труд, это любовь к труду, это та духовная бодрость, которую я вам всем от всей души моей желаю...»

В. И. Ленин долго не приходил на это собрание. Наконец после ряда выступлений он появился на трибуне и был встречен громом аплодисментов.

В краткой ответной речи В. И. Ленин поблагодарил за горячие поздравления, но высказался вообще против юбилейных торжеств и еще дальнейшую часть своего выступления посвятил партии, ее великой роли. В конце своей речи он предостерег каждого члена партии и партию в целом от великой опасности зазнайства, от переоценки себя. Это в прошлом привело многие партии к гибели. Огромное впечатление на меня, как и на всех присутствующих, произвела исключительная скромность Владимира Ильича.

Перемирие в начале 1920 года продолжалась недолго. Она была нарушена новым наступлением Антанты, бросившей на этот раз против Советского государства с запада буржуазно-помещичью Польшу, с юга — белогвардейские войска Врангеля.

Советское правительство с первых дней своего существования проводило мирную политику. Еще до восстановления независимости польского государства, 29 августа 1918 года, Советское правительство по инициативе В. И. Ленина издало декрет об аннулировании всех договоров и актов о разделах Польши, заключенных правительством бывшей Российской империи с правительством Пруссии и Австро-Венгрии, противоречащих принципу права наций на самоопределение.

Начиная с 1 ноября 1918 года Советское правительство неоднократно обращалось к польскому правительству и народу с предложением установить мирные, добрососедские отношения между Советской Россией и Польшей. Несмотря на это, польские власти систематически оставляли без ответа или отклоняли советские мирные предложения, стремясь сохранив власть над литовским, белорусским и украинским народами.

В конце 1919 и в начале 1920 года Советское правительство возобновило переговоры с польским правительством.

А в это время польская буржуазия распространяла среди трудящихся Польши лживые слухи о том, что якобы польские коммунисты толкают Советскую Россию к захвату Польши. Узнав об этом, мы, коммунисты-поляки, жившие в Москве, собрались в нашем клубе на Молчановке и постановили обратиться во ВЦИК с заявлением, которое подписали все во главе с Дзержинским, Мархлевским и Коном. Это заявление было вручено на заседании ВЦИК 2 февраля 1920 года.

В заявлении было сказано, что мы, польские коммунисты, работающие в России, солидарны с политикой Коммунистической Рабочей партии Польши, которая протестует против нападения польских войск на Советскую Россию и добивается окончания войны, доказывая, таким образом, «что ей чужда мысль введения коммунизма в Польшу при помощи оружия русской армии».

Дальше в этом документе мы заявляли, что целиком и полностью солидарны с мирной политикой Советского правительства по отношению к Польше и готовы содействовать этой политике. «Но если польское правительство отвергнет мир и будет продолжать наступление, мы, польские коммунисты, будем защищать, как защищали до сих пор, пролетарскую Россию от этого нападения».

На этом же заседании ВЦИК принял обращение к польскому народу. В обращении указывалось на то, что враги польских и русских трудя-

щихся масс пытаются толкнуть польский и русский народы на войну друг против друга. С этой целью они распространяют клеветнические измышления, будто русский народ готовится напасть на Польшу, закабалить ее п силой русского оружия навязать польскому народу коммунизм.

ВЦИК подчеркнул, что своими мирными предложениями польскому правительству русский народ доказал на деле, что он стремится не к завоеванию Польши, а к мирным, добрососедским и дружественным отношениям с ней. «Русские рабочие и крестьяне, — напоминалось в обращении, — поспешили первыми признать независимость польского народа, признали ее безоговорочно и раз и навсегда» и сделали это с сознанием того, что независимость Польши соответствует интересам не только польского, но и русского народа. «Свобода Польши является необходимым условием свободного развития России».

«Мы, представители русского рабочего класса и крестьянства, — говорилось дальше в обращении, — открыто перед всем миром выступали и выступаем как борцы за коммунистические идеалы; мы глубоко убеждены, что трудовой народ всех стран выйдет на тот путь, на который уже вступил русский трудовой народ... Коммунистический строй возможен только там, где громадное большинство трудового народа прониклось мыслью воздвигнуть его собственными силами... Коммунисты России сейчас стремятся только защитить свою собственную землю, свою мирную созидательную работу, они не стремятся и не могут стремиться к насильственному водворению коммунизма в чужих странах. Преобразование Польши соответственно интересам польских трудовых масс должно явиться делом этих трудовых масс».

Дальше в этом обращении ВЦИК снова повторил мирные предложения, сделанные Советским правительством, и призвал польский народ положить конец кровопролитной войне, с тем чтобы оба народа — польский и русский — могли бросить все свои силы на борьбу с гнетущими их бедствиями — голодом, голодом, тифом и безработицей.

Обращение заканчивалось выражением твердой уверенности в том, что путем установления мирных и добрососедских отношений удастся устранил все, что разделяет оба народа, и что совместными усилиями будут созданы самые дружеские отношения между народами Польши и Советской России.

Однако на мирные предложения Советского правительства польское правительство ответило 6 марта 1920 года началом нового наступления против Советской Республики.

КРПП продолжала вести усиленную агитацию против нападения польских войск на Советскую Россию. По инициативе КРПП проходили антивоенные политические забастовки в Варшаве, Домбровском угольном бассейне и в других промышленных центрах Польши.

В деревне крестьяне все чаще выступали против призыва в армию.

В связи с усиливающимися недовольством трудящихся масс польское правительство предложило Советской России начать мирные переговоры в Борисове. Но это был лишь макевер, рассчитанный на обман и успокоение трудящихся Польши, ибо Борисов находился на линии фронта, непосредственно в зоне военных действий. Советское правительство не могло поэтому принять польского предложения и противопоставило ему предложение общего перемирия и перенесения переговоров в одну из нейтральных стран или в Петроград, Москву или Варшаву.

Но предложение это не было принято, и Пилсудский при помощи Антанты готовился к наступлению по всему фронту. 25 апреля войска Буржуазно-помещичьей Польши вторглись на территорию Украины, захватили Житомир, Бердичев, 7 мая — Киев.

Накануне взятия Киева Пилсудским, действовавшим в союзе с украинским контрреволюционером Петлюрой, В. И. Ленин, провожая уходящих на польский фронт красноармейцев, говорил:

«Товарищи! Вы знаете, что польские помещики и капиталисты, подстрекаемые Антантой, навязали нам новую войну. Помните, товарищи, что с польскими крестьянами и рабочими у нас нет ссор, мы польскую независимость и польскую народную республику признавали и признаем. Мы предлагали Польше мир на условии неприкосновенности ее границ, хотя эти границы простирались гораздо дальше, чем чисто польское население. Мы шли на все уступки и пусть каждый из вас помнит это на фронте. Пусть ваше поведение по отношению к полякам там докажет, что вы — солдаты рабоче-крестьянской республики, что вы идете к ним не как угнетатели, а как освободители... Мы все должны сегодня здесь дать клятву, дать торжественное обещание в том, что мы все будем стоять как один человек за то, чтобы не допустить победы польских панов и капиталистов. Да здравствуют крестьяне и рабочие свободной независимой польской республики! Долой польских панов, помещиков и капиталистов! Да здравствует наша Красная рабоче-крестьянская армия!»¹

В связи с начавшимся наступлением войск Пилсудского на Белоруссию в Украину Всероссийский Центральный Исполнительный комитет Советов рабочих, крестьянских, солдатских и казачьих депутатов 7 мая 1920 года обратился с манифестом к польским рабочим, крестьянам и солдатам.

Этот манифест разъяснял, что начатая польскими господствующими классами агрессивная война против советских республик ведется не в интересах польских рабочих и крестьян, а в интересах польских помещиков и капиталистов, а также капиталистов Антанты, которая толкнула Польшу на эту преступную войну. Манифест призывал польских рабочих,

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 41, стр. 110—111.

крестьян и солдат не верить лжи польского правительства, якобы Советское правительство хочет покорить Польшу. В манифесте говорилось, что Советское правительство не только не желает польской земли, но, наоборот, готово, руководимое одной лишь мыслью о заключении мира, уступить Польше значительные территории, вовсе не населенные и своим большинством поляками.

В конце манифеста было сказано: «Не верьте, что Красная Армия несет вам рабство или собирается насильно навязать вам коммунизм. Разгромив ваших панов, Советская власть предоставит польскому народу право устроить свою жизнь по собственному усмотрению. Захотите ли вы сохранить у себя современный порядок или возьмете землю и фабрики в собственные руки — это решите вы сами, польские рабочие и крестьяне.

Не войну и насилие, а мир, братство и союз предлагаем мы вам!

На наших знаменах начертан огненными буквами тот ключ, под которым сражались когда-то польские борцы за свободу, — *«За нашу и вашу волю»»*.

Дзержинский на Юго-Западном фронте

5 апреля 1920 года ЦК РКП(б) постановил послать Дзержинского на Украину для укрепления тыла Юго-Западного фронта и для ликвидации анархо-бандитских шайк и петлюровских контрреволюционных организаций, которые активизировались в связи с нашествием на Украину войск буржуазно-помещичьей Польши. Не помню точно, когда Феликс выехал в Харьков.

В первом коротеньком письме ко мне без даты он писал, что живет у председателя Украинской ЧК В. Н. Манцева, и описывал впечатление, какое произвел на него Харьков: «...Адская спекуляция. Здесь надо страну еще завоевать продолжительной работой. Не умею быть гастролером. Надо бы здесь поселиться. Не знаю, как решит всемогущий ЦК. А мы увидимся еще во всяком случае — поэтому без сентиментов. Будьте здоровы. Целую вас

Ваш Фел.»

29 мая Дзержинский был назначен начальником тыла Юго-Западного фронта.

320 В течение июня и половины июля Феликс работал в Харькове, руководя борьбой с бандитизмом, кулачеством и контрреволюцией, раскрытием

п ликвидации контрреволюционных организаций, действовавших на Украине, в тылу Красной Армии.

Работа Феликса Эдмундовича в Харькове была трудной и требовала много сил, энергии и времени. В связи с этим на личные дела и переписку со мной у него совсем не оставалось времени. Два полученных мной в то время от него письма были посланы с оказией.

В одном из них, от 13 июня, он писал: «...А я собой недоволен. Вижу и чувствую, что мог бы дать больше, чем даю. Мог бы... Быть может, я слишком червно истощен, не могу сосредоточиться и взять себя в руки, чтобы щадить силы так, чтобы они дали возможно больше при наименьшей усталости. Надо уметь работать так, чтобы ежедневно давать отдых мыслям, нервам. Я пишу об этом, часто думаю, но знаю, что это для меня лишь благие пожелания. Нет у меня соответствующего характера.

Вообще мое пребывание на Украине оживило здесь работу, придало ей больший размах и дает результаты. Вероятно, я должен буду остаться здесь на более продолжительное время, пока ЦК не ответит меня обратно в Москву...

Украина до сих пор не является советской организески. Рабочие массы только лишь сейчас втягиваются в творческую работу. Деревня переполнена эмиграцией городских враждебных нам элементов, и верховодят там кулаки.

Отсюда страшный недостаток людей и порядка. Капитализм процветает в спекуляции и в свободной до последнего момента торговле. Сюда необходимо направлять дельных людей для работы во всех областях жизни. Эта работа втягивает меня, и я не имел бы ничего против того, чтобы здесь для нее остаться на более продолжительное время.

Как быть тогда с тобой и Ясником? Что касается Ясика, то боюсь, что климат тут для него неподходящий. Ночи холодные, а дни жаркие — легко простудиться. Поэтому не знаю, что тебе и советовать. Я не хотел бы вернуться в Москву раньше, чем мы не безвредим Махно. Мне трудно с ним справиться, ибо он действует коварней, а у меня нет кавалерии. Если бы, однако, удалось его разгромить, то я приехал бы в Москву на несколько дней, чтобы получить дальнейшие указания и разрешить вопросы в Москве».

Феликс успокаивает меня в этом письме, что о его питании заботятся товарищи. Однако, как выяснилось, питался он плохо.

Письмо это Феликс прислал мне со своим курьером Григорием Сорокиным, которого взял с собой в Харьков из Москвы. Сорокин рассказывал мне об условиях, в каких жил Феликс в Харькове, и о его работе по целым дням и ночам.

В следующем письме, от 27 июня 1920 года, Феликс просит меня прехесть к нему на некоторое время, сообщая, что в Харькове много польских рабочих и есть несколько польских школ, что не мешало бы мне

по поручению Наркомпроса проверить, как поставлена там культурно-просветительная работа среди польского населения. Феликс высказывал лишь опасения, смогу ли я оставить в Москве Ясика, считал, что брать его с собой в Харьков не следует из-за климата и условий.

Поднявшаяся пастойным просьбам харьковских товарищей, Феликс показался известным в Харькове врачам, и те нашли, что сердце и легкие в порядке и что «причина слабости исключительно из-за первого истощения. Слишком долго в напряжении была воля в работе, — писал мне Феликс. — У меня здесь теперь не так уж много работы с приездом Мандела. Каждый день утром я хожу в водолечебницу, прекрасное лечение. Продолжится месяц. Если я уеду раньше, то закопчу лечение в Москве. Хочу иметь здоровые нервы и быть сильным».

К своему письму Феликс приложил письмецо для сына.

Ясик был тогда на даче под Москвой, в Тарасовке, с патней домработницей Еленой Ефимцевой. Я ежедневно после работы приезжала к ним поездом. Жили мы в комнате на втором этаже небольшой дачи. На первом этаже жил с женой и двумя дочерьми Демьян Бедный. Жена его обещала мне заботиться о Ясике во время моего отсутствия. Поэтому через несколько дней после получения письма Феликса я выехала к нему, получив одновременно от Наркомпроса задание проверить в Харькове культурно-просветительную работу среди польского населения.

Я посетила все польские школы в Харькове. Отношение учителей этих школ к Советской власти было в то время еще очень недоброжелательным. Я познакомилась и с работой польского клуба. Благодаря энергичной деятельности польских коммунистов работа в этом клубе была поставлена неплохо. Возглавлял эту работу Скарбек, хороший агитатор.

Во время своего пребывания в Харькове Феликс неоднократно выступал на массовых собраниях и митингах. Одно из таких его выступлений ярко описал академик И. П. Бардин.

«Впервые в своей жизни я слушал такого пламенного оратора, видел такого большого политического борца, слова которого... выходили из самого сердца, возникали из кристаллических глубин человеческой души.

Я смотрел вокруг себя на людей, обросших бородами, усталых, исхудавших, по уверенных в своей победе, опытных правдой, которой, точно пламенем, обжигал их Дзержинский.

Да, да! Необычайной силой правды, неотразимой силой убеждения дышали слова Дзержинского, и я это почувствовал с первых же слов, брошенных им в зал. Его слушали, зажав дыхание. Дзержинский говорил о том, что такое Советская власть:

Это — власть народа, власть рабочих и крестьян, разбивших цепи рабства, опрокинувших коронованных палачей и их золотопогонных сатрапов. Это — власть тружеников, унятоживших кабалу, притеснение, эксплуатацию человека человеком. Это — вы сами, красноармейцы, бойцы,

рабочие и крестьяне, сидящие в этом зале. Это — великий трудовой советский народ, уничтоживший царя, помещиков и капиталистов, — вот что такое, товарищи, Советская власть!

В зале бушевало море, стоял несмолкаемый гул, а Дзержинский, пламенел, рисовал суровому и разгневанному воображению людей задачу завтрашнего дня. В его коротких фразах вставали картины разрушений, припленных войной, навязанной рабочим и крестьянам белыми генералами, помещиками и фабрикантами.

— Но для чего же мы воюем, для чего мы боремся на фронте гражданской войны? — спрашивал Дзержинский. И отвечал:

— Для того, чтобы с оружием в руках отстоять нашу власть, нашу свободу, наше право на жизнь, на труд, на счастье для всех, для того, чтобы завоевать свободу и счастье нашим детям и внукам.

Мы сами должны ковать свое счастье! Уже сегодня мы должны начать войну с разрухой, восстановить разрушенный транспорт, оживить заводы и фабрики, озеленить поля и пашни, накормить и одеть наших детей, сделать цветущим, радостным, могучим наше Советское государство.

Только не на одну минуту не забывайте о мече, держите винтовку на боевом взводе, потому что враги наши не дремлют!

Сдавленный со всех сторон человеческими телами, я уже ничего не замечал вокруг себя. Я видел только пылающие гневом и решимостью глаза людей, так же как я, потрясенных до глубины души простыми, но такими волнующими словами Дзержинского.

Правда, ясная, неотразимая правда — я это увидел и почувствовал, — вот что захватило людей в зале, вот что поразило и мое сознание, и сердце. Я видел перед собой не просто трибуна, но и храброго воина, чье имя ввергало в трепет врагов, чьи слова, словно разящий меч, с сокрушающей силой рассекали все мои сомнения...

Я не забуду этот митинг в тускло освещенном зале, где слова большого человека зывали к сердцам людей, заставляли их кипеть гневом, воспламеняли надежду. Я не забуду неотразимый образ Дзержинского, «железного Феликса», «рыцаря революции», глубоко запавший мне в душу образ храброго воина с несокрушимой волей и всепобеждающей верой в великую правду, которую он убежденно и гордо нес вперед себя, как боевое знамя. Дзержинский закончил свою речь.

...Все поднялись... Люди пели «Интернационал». Волнение душило меня, мешало петь. Что-то важное, большое совершилось во мне в тот вечер. Я понял, что не только рассудком, — сердцем приобщусь к новой жизни.

Пребывание наше в Харькове было недолгим. Фелпкс был неожиданно отозван в Москву в связи с изменением положения на Польском фронте.

**Контрнаступление
Красной Армии
на Западном фронте
и Временный польский
революционный комитет**

Еще 14 мая Красная Армия, отражая наступление контрреволюционных войск Пилсудского, перешла в наступление. 25 мая был взят Борисов, 9 июня — Житомир, а 12 — Киев.

Уже тогда Ленин предостерегал: «Самое опасное в войне, которая начинается при таких условиях, как теперь война с Польшей, самое опасное — это недооценить противника и успокоиться на том, что мы сильнее. Это самое опасное, что может вызвать поражение на войне...»¹

К сожалению, это предостережение Ленина не было учтено командованием Красной Армии.

4 июля началось общее наступление Красной Армии на Польском фронте. 10 июля Красная Армия заняла Минск, Молодечно, Простукров и другие города, 14 — Вильно, а 19 — Гродно, Барановичи и приблизилась к этнографическим польским землям.

16 июля 1920 года ЦК РКП(б) назначил Дзержинского членом делегации РКП(б) на II конгресс Коминтерна, который открылся 19 июля в Петрограде и продолжил свою работу в Москве до 7 августа.

На первое заседание II конгресса как представитель Коммунистической Рабочей партии Польши выехал в Петроград Ю. Мархлевский. На конгрессе он выступил с речью о политическом положении в Польше. Но ни Ю. Мархлевский, ни Феликс не присутствовали на всех заседаниях конгресса.

II конгресс Коминтерна обратился к рабочим всего мира с призывом встать на защиту революции в России. По инициативе Польского бюро агитпропа ЦК РКП(б), секретарем которого тогда был Эдвард Прухняк, ЦК РКП(б) объявил мобилизацию коммунистов-полков на Польский фронт. Многие из них стали политическими руководителями в частях Красной Армии. Одновременно с этим ЦК РКП(б) создал новый польский партийный орган — Польское бюро ЦК РКП(б) во главе с Феликсом Дзержинским для руководства работой сотен и тысяч польских коммунистов, двигавшихся вместе с наступающей Красной Армией в западном направлении. В Польское бюро ЦК РКП(б) кроме Дзержинского вошли Юлиан Мархлевский, Феликс Кон, Эдвард Прухняк и Юзеф Уншлихт.

Ф. Дзержинский, Ю. Мархлевский и Ф. Кон — члены
Временного польского революционного комитета. 1920 г.

Был изменен и личный состав Польского бюро агитпропа ЦК РКП(б), которое вело работу среди польского населения в РСФСР. Секретарем этого бюро вместо Э. Прухняка была назначена Я.

23 июля Ф. Дзержинский, Ю. Мархлевский, Ф. Кон и Ю. Ун-шлицхт, а также около двадцати других польских коммунистов выехали поездом в Смоленск, а оттуда в Минск. Прухняк остался временно в Москве для введения меня в курс дел Польбюро. Из Минска на трех автомашинах они поехали в Вильно, чтобы присоединиться к Красной Армии, преследовавшей войска Пилсудского, и двигаться дальше вместе с ней.

Из Вильно Феликс отправил мне 30 июля следующее коротенькое письмо:

«Через полчаса мы едем дальше — в Гродно, а оттуда в Белосток. Пишу лишь несколько строк, ибо нет времени для сантиментов. До сих пор все идет хорошо. Напрягайте с Сэвэром¹ силы, чтобы поскорее пригласить сюда людей. Они нужны не только нам, но во все армии Польского фронта, ибо мы сами не сможем непосредственно охватить всю линию фронта. Уншлихт переезжает в Минск, хочет работать, но сомневаюсь, хватит ли ему сил и позволят ли врачи². Целую тебя и Ясика

Твой Феликс.

30 июля Феликс и его товарищи (за исключением Уншлихта) выехали в Белосток. В тот же день был образован Временный революционный комитет Польши (Польревком) — первое в истории Польши рабочее-крестьянское правительство. В освобожденном Красной Армией Белостоке было опубликовано сообщение о его возникновении, о его личном составе и задачах, а также Манифест Польревкома к польскому трудовому народу.

Председателем Польревкома был Юлиан Мархлевский, членами — Феликс Дзержинский, Феликс Кон, Эдвард Прухляк и Юзеф Уншлихт.

Манифест Польревкома указывал, что Красная Армия идет к Польше со старым лозунгом героев польского восстания: «За нашу и нашу свободу!»

«Наши русские братья, — говорилось в Манифесте, — не затем вступают в пределы Польши, чтобы поработить ее. Эту войну им навязало польское правительство. Они борются прежде всего за мир для себя, — за мир, который даст им возможность возвратиться на родину и приступить к творческой работе, к созданию нового строя».

Далше Манифест призывал рабочих и крестьян к активной борьбе и указывал цели этой борьбы: «...вырвать фабрики и каменноугольные копи из рук капиталистов и помещиков-спекулянтов. Они переходят в собственность народа, под управление рабочих комитетов.

Поместья и леса равным образом переходят в собственность и под управление народа. Помещики подлежат изгнанию — управление имением переходит к сельскохозяйственным рабочим. Земля трудящихся крестьян остается неприкосновенной.

В городах управление переходит к рабочим депутатам, в деревнях создаются сельские советы.

¹ Сэвэр — Эдвард Прухляк.

² По пути в Вильно, в окрестностях Лиды, члены будущего Польревкома попали в автомобильную катастрофу, в результате чего у Уншлихта оказался перелом ноги, а у одного из шоферов, Сергея Тихомолова, перелом ключицы.

Когда по всей Польше будет свергнуто кровавое правительство, втянувшее страну в преступную войну, съезд депутатов рабочего люда городов и сел образует Польскую Социалистическую Республику Советов.

Рабочие! Ваше будущее в ваших руках».

Манифест заканчивался словами: «Да здравствует освобожденная рабочая Польша, социалистическая Польша!»

В этом Манифесте не было ни слова о земле для малоземельных крестьян. Тут сказались недооценка большинством членов Польревкома революционной роли крестьянства и рабоче-крестьянского союза как основы рабоче-крестьянской власти.

Вследствие этого Манифест не смог мобилизовать широкие массы трудящегося крестьянства на борьбу за народную Польшу.

Феликс Кон в своем биографическом очерке о Феликсе Дзержинском вспоминал: «Обычно спокойный, Дзержинский сильно волевался при составлении этого документа на заседании комитета. Тут столкнулись две линии: Дзержинский настаивал на необходимости занять по отношению к крестьянству такую же позицию, какую проводили большевики после Октября в России, и звать крестьянство к организации на местах комитетов для передачи всей земли крестьянству. Большинство же членов комитета, ссылаясь на то, что в Польше существует довольно многочисленный сельский пролетариат, настояло на том, чтобы помещичьи имения передать на коммунальных началах сельским рабочим, работавшим в данном поместье, а крестьянам давать лишь небольшие участки (отрезки), чтобы не ослаблять будущей коммуны. Дзержинский остался в меньшинстве, и некоторые члены комитета только впоследствии поняли, как глубоко он был прав. В этом вопросе Дзержинский был проводником ленинской политики укрепления союза со средним крестьянством...»

Слова Феликса Кона о разногласиях внутри Польревкома по аграрному вопросу и о позиции, занятой по этому вопросу Дзержинским во время составления Манифеста Польревкома, находят подтверждение в телеграмме Дзержинского Ленину, посланной еще из Вильно 30 июля 1920 года. В телеграмме этой читаем:

«...Высказываюсь за включение предполагаемого требования в редакции: передачи помещичьей земли батракам и малоземельным крестьянам... Сегодня выезжаем (в) Гродно, завтра-послезавтра Белосток... Приступлено (к) спешной организации поль(ской) дивизии в Минске. (Это) поручено Лонгве... Беспоконт (нас) продовольственный вопрос...»¹

Когда Ленин ознакомился с Манифестом Польревкома и узнал, что в Седлецкой губернии малоземельные крестьяне начали захватывать помещичьи земли, он послал Дзержинскому и всем членам Центрального Комитета Коммунистической Рабочей партии Польши следующую теле-

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 76, оп. 1, ед. хр. 1234.

грамму с необычайно важным советом: «Если в Седлецкой губернии малоземельные крестьяне начали захватывать поместья, то абсолютно необходимо издать особое постановление польского ревкома, дабы обязательно дать часть помещичьих земель крестьянам и во что бы то ни стало помирить крестьян малоземельных с батраками. Прошу ответа

Ленин».

В. И. Ленин и дальше продолжал поддерживать связь с Польревкомом через Дзержинского.

Со своей стороны Дзержинский информировал Ленина, посылая телеграммы и письма о деятельности Польревкома и о положении на территории, находившейся под властью Польревкома, а также о положении в Польше по ту сторону фронта.

В телеграмме от 6 августа 1920 года Дзержинский сообщает В. И. Ленину о полученных Польревкомом новых сведениях из Варшавы, об образовании там коалиционного правительства во главе с Витосом, лидером кулацкой партии («Пяст»), Дашинским, пепесовцем, предателем интересов рабочих, помещиком Сапегой и эндеком Грабским. Дзержинский сообщает о перемехах в командовании польской армии, о привлечении к командованию эндека Галлера и об огромном дезертирстве в польском войске, о расколе в ППС и бегстве из Варшавы польской буржуазии и вывозе ею капиталов в Познань, о массовых арестах коммунистов и рабочих.

Дзержинский далее сообщает о работе Польревкома среди польского населения и среди коммунистов-поляков в Красной Армии и что Польревком считает своей важнейшей задачей организацию польской Красной Армии.

В следующей телеграмме, от 15 августа, Феликс сообщал Ленину о волнениях в Варшаве, о требовании сдачи белыми властями города без боя, о том, что настроения крестьян в районе Млавы — Влоцлавека нейтральные, зато настроения рабочих Белостока повышенные.

Дзержинский информировал Ленина также о том, что в Белостоке состоялся многотысячный праздник труда по поводу открытия фабрик. Белостокская организация пепесовских рабочих присоединилась к коммунистической организации. Железнодорожники, оставшиеся на освобожденной территории, с подъемом восстанавливают пути, ведется подготовительная работа по выборам Белостокского Совета рабочих депутатов, приступлено к организации добровольческого польского советского полка в Белостоке.

Дзержинский отмечает, что организационная работа по налаживанию экономической, продовольственной и административной работы продвигается вперед медленно из-за недостатка опытных инструкторов и быстроты продвижения вперед Красной Армии.

В конце телеграммы Дзержинский подчеркивает, что вопрос о земельной политике будет рассмотрен в полном объеме в Варшаве.

Эти последние слова Дзержинского были скорее всего ответом на выпесприведенную телеграмму Лепина, в которой он советовал, чтобы Польшевком часть помещичьей земли отдал крестьянам.

15 августа Феликс Кон послал мне следующее письмо:

«Через каких-нибудь два часа мы отправляемся из Белостока в сторону Варшавы. Феликс так занят, что ни на минуту не может оторваться, чтобы написать письмо. Не хочу, чтобы Вы беспокоились, зато хочу, чтобы Вы сохранили обо мне хорошую память, поэтому сообщаю, что и он, и мы все чувствуем себя превосходно, как и подобает Революционному правительству Польши. Через каких-нибудь день-два, может быть, мы будем уже в Варшаве, где, как доходят до нас слухи, рабочие добиваются, чтобы город был нам отдан без боя. По городу расклеены воззвания, в которых грозят Пилсудскому, что в случае, если бой под Варшавой не прекратится, его войска не будут выпущены из Варшавы...

...В доказательство того, что он жив и здоров, Феликс «руку прикладывает».

Затем следуют слова, написанные рукой Дзержинского: «Целую. Твой Феликс».

Красная Армия, а вместе с ней Польшевком быстро двигались на запад и приближались к Висле. Обстановка в Польше была чрезвычайно напряженной.

Польская буржуазная печать так характеризовала настроения польских трудящихся в связи со вступлением Красной Армии на территорию Польши.

«Газета Варшавская» от 22 августа отмечала, что сельские рабочие и малоземельные крестьяне «с нетерпением ожидали прихода большевиков, которых они представляли себе как избавителей «рабочего люда» из неволи».

Та же газета сообщала, что в Цехановском уезде крестьяне «надеялись получить из большевистских рук после раздела имений землю, жилой и мертвый инвентарь, а также надеялись отомстить «буржуям» — словом, ждали обещанного «нового строя».

«Курьер Варшавский» от 27 августа, описывая бой под Белостоком, вынужден был признать, что рабочее население города стоит на стороне советских войск и активно борется с оружием в руках. Газета эта добавляла, что «в этом городе сформировался полк добровольцев-коммунистов под названием I Варшавского полка, который выступает вместе с армией неприятеля».

Та же газета вынуждена была констатировать, что обещание частичного раздела земли и агитация красноармейцев — русских, украинских и белорусских крестьян, получивших благодаря Октябрьской революции

помещичью землю, вызвали колебания среди польского крестьянства. А тогдашний премьер буржуазного польского правительства Винценти Витос писал позднее в своих мемуарах, что «опасность большевизма» в Польше «была ип на шутку», что рабочие помещичьих имений «во время нашествия большевиков в подавляющем большинстве шли с ними, уничтожали помещичье добро, служили проводниками и даже убивали хозяев. То же самое происходило в городах и местечках, где жители активно помогали большевистским войскам, создавая подчиненные им управления... устрояя законные власти».

Познанская «Газета Польска» в № 284 писала о «военной стачке в авиационной части в Лавицах, волнениях в цитадели, солдатском Совете в казармах, мятеже солдат в Бедруске, волнениях в Гнезне».

По словам эндецкого генерала Галлера, дух в польских войсках совершенно пал, когда началось наступление Красной Армии: «Были случаи... бегства целых крупных воинских частей без всякого повода. Гродно было занято обычным большевистским разъездом, а вся паша дивизия в панике бежала».

Галлер сильно ошибался. Польские солдаты бежали не без причины. Бежали они потому, что не хотели воевать за чуждые им интересы, за несправое дело польских помещиков и капиталистов, не хотели идти против Красной Армии, несшей польским трудящимся освобождение.

16 августа Польревком был в пятидесяти с небольшим верстах от Варшавы, в Вышкове, но на следующий день вынужден был оттуда уехать, так как Красная Армия потерпела поражение в битве у Вислы и отступила.

Причиной тогдашней неудачи были ошибки, совершенные командованием: Красная Армия продвигалась на запад слишком быстрыми темпами, не закрепляясь на занятых позициях, оторвалась от своего тыла, в результате чего не хватало питания и боеприпасов.

Поспешное отступление польских войск с белорусской и украинской земли было расценено командованием Красной Армии как разгром армии Пилсудского. Между тем поляки отступили, чтобы сохранить свою живую силу и технику.

«При нашем наступлении, — говорил В. И. Ленин, — слишком быстрым продвижении почти что до Варшавы, несомненно, была сделана ошибка... И эта ошибка вызвана тем, что перевес наших сил был переоценен нами»¹.

С другой стороны, польская буржуазия, используя вековую ненависть польского народа к русскому царизму, подняла бешеную папноналистическую шумиху, лживо заявляя, что русская армия якобы намеревается снова поработить Польшу.

Этой липовой агитацией польской буржуазии удалось одурачить часть рабочих, а особенно мелкую буржуазию и молодежь. Не понимая, что им придется воевать за интересы польских имущих классов и империалистических держав, они стали вступать в ряды войск Пилсудского. Негудачи Красной Армии объяснялись также и тем, что ей пришлось воевать на двух фронтах — на западе против Пилсудского и на юге против войск генерала Врангеля. Немалую роль сыграла также экономическая разруха в России и плачевное состояние железных дорог, что было вызвано многолетней империалистической войной и иностранной интервенцией.

17 августа Фелпкс писал Ленину: «Вернулись до взятия Варшавы и Белосток. По сообщениям пленных, перебежчиков и жителей Вышкова, крестьяне относятся безучастно к войне и уклоняются от мобилизации, рабочая масса Варшавы ждет прихода Красной Армии, но сама активно не выступит за отсутствием руководителей и из-за господствующего террора. Огромная масса коммунистов арестована и увезена... ППС развивает бешеную агитацию за защиту Варшавы. Влияние ее еще большое среди квалифицированных, хорошо зарабатывающих рабочих. По-видимому, и ППС, и Пилсудский приписывают огромное значение сохранению Варшавы к моменту переговоров¹. Делаются облавы, и мужчины и женщины тысячами отправляют на рытье окопов. Устраивают провололочные заграждения. Пускают в ход слухи об устройстве баррикад на улицах. Для поддержания воинственного настроения поляками выпущен целый ряд воззваний, в которых отмечается, что Красная Армия утомлена и ослаблена и что, стоит ей нанести только один мощный удар, и вся она откатится назад очень далеко. Для этого удара мобилизуется все. Организованы женские ударные отряды. Добровольческие отряды, составленные по преимуществу из буржуазных сынков и интеллигенции, дерутся отчаянно. В добровольцы для поощрения других записываются и такие лица, как Патеке².

Наряду с этими приготовлениями к обороне продолжается по-прежнему борьба за власть. В «Народе» от 13 августа прямо говорится о распространяющихся по городу слухах, будто бы зидеки собираются совершить переворот в Познани, а такое намерение в такой момент клеймится как измена.

В общем, несмотря на воинственные клики, в господствующих сферах угнетенное настроение. Статьи в газетах об отношении Антанты полны горькой иронии и упреков. Все польские кардиналы, архиепископы и

¹ 17 августа в Минске началась польско-советская мирная конференция.

² Патеке — известный адвокат. В период революции 1905—1907 годов защищал политических заключенных. Во время польско-советской войны был министром иностранных дел польского буржуазного государства.

епископы обратились с воззванием к католическому епископату всего мира за помощью, характеризовал нас как антихристов. На переговоры в Мишке поляки возлагают большие надежды. В Варшаве и в польской армии масса французских офицеров. В Домбровском районе забастовка углекопов.

Дзержинский»

В тот же день, 17 августа, Феликс отправил мне из Белостока следующее письмо:

«...Вчера мы были в Вышкове, в 50 с лишним верстах от Варшавы, и вернулись в Белосток — мы думали, что уже вчера будем в Варшаве, произошло, однако, как думаю, непродолжительная отсрочка.

Страшные чувства рождаются во мне при приближении к Варшаве, как будто не хочется туда ехать, а вернее это опасение, что Варшава сейчас уже не та, какой она была раньше, и что, быть может, встретит нас не так, как бы мы желали. Наша Варшава, терроризированная и давленная, молчит, и мы не слышим ее ясного голоса. По-видимому, и наш ЦК¹ не сумел овладеть ни массами, ни политическим положением. Недостает там вождя — Ленина, политика-марксиста. Одно знаю: мы на переломе; борьба в России превращается в международную — решается судьба мира.

У нас тут страшный хаос и миллион недостатков, как обычно вначале. Но так как мы приходим извне, а не выдвинуты внутренней борьбой в самой Польше, мы должны этот хаос преодолеть как можно скорее, ибо к нам, а не к себе будут предъявляться требования...

Тем важнее для нас помощь Москвы в указаниях, инструкциях, людях, хлебе. Не рвись поэтому сюда на Запад — у тебя столько работы, что трудно справиться. Будь здорова, поделуй от меня Ясика...

Твой Феликс».

К этому письму Феликс приложил маленькую веточку вереска из наших подваршавских лесов. Эту веточку я храню до сих пор.

Вернувшись в Белосток, Польревком возобновил свою энергичную деятельность.

18 августа Дзержинский сообщал по телеграфу ЦК РКП(б): «Вчера состоялась в Белостоке конференция сельских рабочих из окрестных имений. Отношение — великолепное. Многие пришли пешком за двадцать верст. Снабжение города продовольствием налаживается. Из окрестных имений доставлено уже две тысячи пудов хлеба, на днях рассчитываем получить еще несколько тысяч. Земельческие работы постепенно налаживаются. Уже работает несколько паровых плугов. Ощу-

иается недостаток лошадей. Рогатый скот пмееетс. В пятницу — субботу предполагается выдавать хлебный паек пятнадцати тысячам рабочих через Центральное бюро профсоюзов и рабочие кооперативы. Имеется в запасе соль, сельди, спички, табак, папирсы. Со вчерашнего дня цена на хлеб понизилась на 50 процентов. Восемь фабрик работают. На днях откроется еще пять.

Дзержинский

Кипучая деятельность Фелпкса, отдававшего все свои силы революционному делу, производила большое впечатление даже на враждебно относившихся к коммунистам людей.

«Вся польская буржуазная пресса вела против Дзержинского самую гнусную агитацию, называя его палачом, кровопийцей, — вспоминает Ф. Коп. — Всегда мог найти человек, который, подстрекаемый к этому, мог из-за угла убить Дзержинского. Он это знал, но это абсолютно ни в чем не отражалось на его работе. Но стоило человеку, даже враждебно настроенному по отношению к Дзержинскому, встретиться с ним, чтобы он убедился в том, что на Дзержинского возмутительно клеветают. Даже Ксендз в Вышкове, у которого Дзержинский вместе с другими членами Революционного комитета остановился на несколько часов, не мог не выразить своего удивления, когда Дзержинский ему сказал, кто он. Под впечатлением прочитанного о Фелпксе Эдмундовиче в польских газетах он с испугом глядел на Дзержинского и вместе с тем не мог находящегося перед ним Дзержинского отождествить с тем, каким его представляли газеты...»

А сопровождавший в Вышков Временный революционный комитет Польши И. И. Скворцов-Степанов писал: «Волнующее противоречие между тем, что кричат о Дзержинском буржуазные газеты всего мира... и действительным Дзержинским не может не поражать всякого, кто хотя бы один раз поближе встретился с ним. В самом деле, кто мог бы подумать, что этот закаленный в битвах революционный боец, с 20-летнего возраста много раз отбывавший и тюрьмы, и этап, и ссылку, и каторгу, что этот «мрачный Торквемада» большевик — удивительно деликатный, мягкий, на редкость привлекательный человек с ясной душой, с нежным сердцем? А Ксендз при его большом жизненном опыте должен был сразу почувствовать это».

В Белостоке Дзержинский, как и всегда, был связан с широкими массами. Он почти ежедневно выступал на митингах и собраниях рабочих, крестьян и солдат, организовывал распространение воззваний Польского фронта, выезжал на фронт, в действующую армию, налаживал работу советского государственного аппарата.

Один из участников собрания текстальщиков Белостока, на котором выступал Дзержинский, характеризует его следующими словами: «Душа,

ле человек, выслушает, посоветует, разъяснит. Именно такой пождь нам и нужен».

«Трудно, почти немислимо отобразить в словах ту энергию, какую Дзержинский проявлял в эти памятные дни, — писал Ф. Кон, — приче все делалось им так естественнo и просто, что только самые близкие к нему люди могли оценить всю значительность его работы... Ведь дело с большим энтузиазмом, фактически будучи душой тогдашнего Польского ревкома, он внешне ничем не выделялся от других. И только когда над Красной Армией нависла опасность, Дзержинский сразу стал заметен для всех. Каждое сказанное им тогда слово, словно стрела, пронизывало всех, к кому бы он ни обращался, — к рядовому красноармейцу, к командиру армией, к шоферу, к ямщику или к кому-либо из товарищей по совету. Случилось как-то так, что он сразу превратился в распорядителя всеми мероприятиями, а окружавшие его — в исполнителей. Ему никто не прекословил. Все молча признали в нем вождя.

Ему угрожала самая большая опасность, но на это он не обращал внимания и отступал последний, сам наблюдая за отступлением каждого отряда, сам руководя отправкой раненых».

Феликс Кон говорил мне, что Дзержинский выехал из Белостока в Минск последним, только тогда, когда убедился, что опасность паники миновала и что эвакуация раненых и белостокских работников Ревкома закончена.

23 августа Дзержинский прибыл в Минск, где через несколько дней включился в работу Реввоенсовета Западного фронта, членом которого он был назначен еще 9 августа.

Из Минска 25 августа Феликс отправил мне следующее письмо:

«Ты наверно в обиде на меня за то, что я не написал до сих пор после оставления Белостока. Причина этому не перегрузка работой, а какое-то отсутствие воли ко всякому действию и словам после слишком сильных переживаний, требовавших огромного напряжения внимания и воли. Опасение, что нас может постигнуть катастрофа, давно уже гнездило в моей голове, но военные вопросы не были моим делом, и было ясно, что политическое положение требовало риска. Мы делали свое дело и... узнали о всем объеме поражения лишь тогда, когда белые были в 30 верстах от нас, не с запада, а уже с юга. Надо было сохранить полное хладнокровие, чтобы без паники одних эвакуировать, других организовать для отпора и обеспечения отступления. Кажется, ни одного из белостокских работников мы не потеряли.

Позавчера мы приехали в Минск. Военное положение еще не ясно, очевидно лишь одно, что нужны будут огромные усилия, чтобы достигнуть равновесия, а потом перевеса... Быть может, я должен буду принять участие в работе Реввоенсовета фронта.

А в Польше у нас не весело. По-видимому, партия разгромлена и дезориентирована. Рабочий класс парализован и пассивно принимает репрессии. Население повсюду принимало нас хорошо; даже пепезовцы-рабочие присоединялись к нам, однако не чувствовалось силы, не было активных революционных действий, ожидали благоприятных от нас.

Я должен, однако, подчеркнуть, что наша Красная Армия в общем (с немногочисленными исключениями) была действительно на высоте Красной Армии и благодаря своему поведению должна была быть революционным фактором. В общем не было грабежей, солдаты понимали, что они воюют только с панам и шляхтой и что они пришли сюда не для завоевания Польши, а для ее освобождения. И я уверен, что последствия этой работы нашей Армии в скором времени обнаружатся.

Наше поражение — результат не восстания Польши против «нашествия», а нашей превышающей человеческие силы усталости и бешеной деятельности шляхетских сынов — польской белой гвардии.

Пепезовцы не дали реальной силы — они парализовали рабочий класс и позволили безнаказанно разгромить коммунистов. Они воспрепятствовали классовой борьбе в самой Польше и, таким образом, дали возможность белой гвардии организовать и ударить по утомленной Красной Армии.

Из задач, которые стоят перед тобой в Москве, самая важная сейчас — работа среди пленных. Надо их завоевать на нашу сторону, надо привить им наши принципы, чтобы потом, вернувшись в Польшу, они были заражены коммунизмом. Надо окружить их товарищеской заботой, чтобы наши слова не были мертвы. Надо их привлечь к работе в самой России, чтобы они почувствовали душу новой России, пульс ее жизни, чтобы все недочеты и недостатки они воспринимали как то, что мы преодолеем и преодолеем. Пришли нам подробный отчет о всей работе, о людях, органах, программе, средствах и т. д.»

Задачей Польского бюро агитпропа ЦК РКП(б), секретарем которого я была, в период войны с буржуазно-помещичьей Польшей было прежде всего оказывать помощь ЦК РКП(б) в проведении мобилизации коммунистов-поляков на Западный и Юго-Западный фронты. Эта работа была возложена на меня. В Советской России было тогда огромное количество коммунистов-поляков. С разных концов России: из Петрограда, с Украины, с Северного Кавказа, из Нижнего Новгорода и других городов Поволжья, с Урала, Сибири — ежедневно по призыву Центрального Комитета съезжались в Москву десятки коммунистов-поляков. Они являлись в Польское бюро. С каждым из них я беседовала, подробно и всесторонне выясняя, из каких мест Польша происходит, какую может вести партийную или хозяйственную работу, каковы его семейные условия, и в зависимости от ответов направляла их в учетно-распределительный отдел ЦК со своим мнением, кого на какой фронт целесообразнее

отправить — Западный или Юго-Западный — и для какой работы кто подходит.

Другой чрезвычайно важной задачей Польского бюро в это время была работа среди польских военнопленных. Прежде всего нужно было позаботиться, чтобы их поместили в подходящие условия, чтобы питание их было соответствующим (т. е. как у красноармейцев или командиров Красной Армии). Бюро занималось подбором и посылкой полпработников для агитработы в лагеря военнопленных. Польское бюро продолжало издавать для польского населения в РСФСР свой еженедельник «Трибуна Коммунистична».

Много времени заняла у нас подготовка специального агитпоезда для освобожденных районов Польши. Этот поезд, организованный Отделом агитпоездов при ВЦИК, возглавлявшимся Буровым, должен был быть передан Временному революционному комитету Польши. Поезд состоял из спальных вагонов и ряда специально устроенных вагонов с типографией, библиотекой польских книг, с вагоном-салоном для собраний и вагоном-рестораном. Предполагалось, что работники этого поезда будут издавать воззвания, листовки, может быть, газету и вести устную агитацию.

На вагонах с внешней стороны были нарисованы масляной краской картины агитационного характера и написаны лозунги на польском языке, рассчитанные на рабочих, крестьян и трудовую интеллигенцию. Лозунги эти, разумеется, были составлены Польским бюро. Многие часы проводили мы, члены Польского бюро, на вокзале, в настоящее время называемом Белорусским, где на запасном пути стоял этот польский агитпоезд. Мы проверяли, не вкрался ли ошибок в подписях, правильно ли сделаны картины. Поезд был уже совершенно готов. Его сфотографировали. Оказалось, однако, что он не может быть отправлен в Польшу в связи с изменившимся военным положением.

Как я недавно узнала, наша работа по подготовке агитпоезда все же не пропала даром. Поезд этот объезжал Белоруссию, обслуживал жившее там польское население, а также лагеря польских военнопленных, среди которых проводилась большая агитационная работа. По словам тов. Бурова, фотографии этого поезда были переданы в Государственный музей Революции в Москве.

* *
*

Вступление Красной Армии на территорию Польши подняло революционное настроение рабочих капиталистических государств: Англии, Франции, США, Италии и др. Усилилось массовое движение под лозунгом: «Руки прочь от Советской России!» Рабочие отказывались грузить оружие для буржуазной Польши, устраивали забастовки. Еще 12 августа в Анг-

лии возник «Комитет действия» для борьбы с вмешательством английского правительства в войну Польши против Советской России.

Левые шведские социалисты издали Манифест, протестующий против третьего похода Антанты на Советскую страну.

Международный конгресс моряков принял решение, призывающее не перевозить оружие для Польши в Врангеля.

В Париже и Страсбурге состоялись массовые демонстрации и митинги протеста против нападения Польши на Россию.

С протестом против снабжения Польши оружием выступали также австрийские рабочие.

В конце августа советские войска на Западном фронте получили подкрепление, остановили наступление польской белой гвардии и готовились к новому наступлению.

Об этом Феликс писал мне 30 августа из Минска следующее: «Положение на фронте должно вскоре измениться в нашу пользу, приехали уже (поенные части) из Питера, привезли колоссальный энтузиазм, а у поляков нет, по-видимому, достаточно сил, чтобы развернуть во всей полноте успех и временное преимущество. Не питаю, однако, иллюзий, что победа легко вернется к нам — нужно еще в течение длительного времени напрягать все свои силы.

И злит меня, что в такое время я не умею развернуть свою энергию... Ведется военная подготовительная работа. Я, собственно, мог бы приехать на несколько дней в Москву, но не хочу этого делать, руководствуясь побуждениями исключительно личного характера: вернуться, не доехав до Варшавы, — досадно».

В следующем письме из Минска, от 12 сентября, Феликс писал: «Не знаю, смогу ли до выяснения военно-политической обстановки вернуться в Москву и взять отпуск. Сейчас, хотя, собственно говоря, и нет у меня никакой определенной работы, уехать отсюда было бы неправильно. Приходится поэтому тут сидеть, кое-что делать п... быть терпеливым. Фронт лихорадочно работает, готовится к новым боям... Польская работа пока прозябает, я обращаю больше внимания на ЧК и Особый отдел. Живу вместе с Юлианом¹ и Герсоном²... В армию выехал Кон и Будкевич. Пестковский пошел в Политотдел вместо Радванского... Погода несносная, не могу сказать, что я доволен собой, скорее недоволен, впрочем это глупое время пройдет».

Несмотря на достигнутый в результате предпринятых мер перевес сил Красной Армии, Советское правительство, желая избежать злыней военной кампании, по инициативе Ленина снова предложило Польше заключить мир.

¹ Юлиан Маршлевский.

² Венямин Герсон — секретарь Даержинского в ВЧК.

Польское правительство, сознавая неспособность Польши продолжать войну, приняло советское предложение.

Еще 17 августа, как упомянуто выше, начались советско-польские мирные переговоры в Минске. А 21 сентября они возобновились в Риге. 12 октября было подписано соглашение о перемирии и о предварительных условиях мира. Мирные переговоры продолжались еще несколько месяцев: мир с Польшей был окончательно заключен в Риге 18 марта 1921 года.

Итоги польско-советской войны Ленин поднял на IX Всероссийской конференции РКП(б), которая состоялась в Москве 22—25 сентября 1920 года в Кремле, в прекрасном круглом зале имени Свердлова в здании ВЦИК.

На эту конференцию приехал Дзержинский из Минска, закончил обследование работы ЧК и Особого отдела ЧК. Я также присутствовала на этой конференции в качестве гостя.

С большим нетерпением ждала я выступления В. И. Ленина. Он выступил с речью 22 сентября. Ленин констатировал в своей речи: «Война с Польшей, вернее, июльско-августовская кампания, коренным образом изменила международное политическое положение». Тяжелое положение, создавшееся в результате отступления Красной Армии от Варшавы, по словам В. И. Ленина, вовсе не было исключительно нашим поражением. «Мы жестоко обманули, — говорил Ленин, — расчеты дипломатов на нашу слабость и доказали, что Польша нас победить не может, мы же недалеко от победы над Польшей и были и есть. Затем, мы и сейчас имеем сотни верст завоеванной территории. Наконец, наше продвижение к Варшаве оказало столь могучее воздействие на Западную Европу и всю мировую ситуацию, что совершенно нарушило соотношение борющихся внутренних и внешних политических сил.

...Другим последствием нашего пребывания под Варшавой было могущественное воздействие на революционное движение Европы, особенно Англии»¹.

Ленин имел в виду возникновение в Англии «Комитета действия», который, по его словам, был подобен русскому ЦИК после Февральской революции 1917 года, когда там хозяйничали меньшевики и эсеры.

За несколько дней до конференции или же во время самой конференции из Варшавы неожиданно приехал польский коммунист Уляновский. Это был первый партийный товарищ, прибывший из Польши с момента начала польско-советской войны. Помню, что он пришел к нам в Кремль и долго рассказывал Феликсу о положении в Польше и в Коммунистической Рабочей партии Польши, а также о страшном терроре, применяемом буржуазным польским правительством по отношению к коммунистам,

городским и сельским рабочим, крестьянам, получившим или высказывавшим надежды на получение помещичьей земли из рук Польреволюкома.

Вот что писал орган КРПП «Громада» в № 17 от 15 ноября 1920 года о терроре в тех районах, где ранее находился Временный революционный комитет Польши: «Буржуазия утопает в рабочей крови. Мало того, что она закрывает рабочие организации, бросает в тюрьмы лучших товарищей, пытает, выбрасывает с предприятий рабочих... Эксплуататоры вместе со своим правительством, возглавляемым «крестьянником» Витосом и «социалистом» Дашинским... применяют массовые убийства рабочих... Тысячами арестовывают городских и сельских рабочих, стариков, женщин, даже детей. В тюрьме их морят голодом, секут, ломают ноги, руки, ребра. Массами убивают... Через так называемые летучие военно-полевые суды... убивали рабочих по указке помещиков. Жандармы, отряды польских войск и помещики стреляли в рабочих, как в диких зверей... И сейчас буржуазия и польское правительство мстят рабочим за то, что их намерения разгромить Россию копчались ничем. Мстят за свой страх перед возможностью возникновения рабочей власти в Польше...»

Товарищ Ульяновский был приглашен на IX Всероссийскую конференцию РКП(б), где выступил с докладом о положении в Польше. Выслушав этот доклад, конференция приняла резолюцию, отмечавшую, что «переводные рабочие Польши вполне солидарны с образом действий РСФСР и оценивают события последних месяцев так же, как оценивают их коммунисты России...»

Конференция с удовлетворением констатирует, что «отдельные» «критические» голоса польских коммунистов, раздававшиеся в Берлине¹ (статьи в «Роте Фане»), не являлись голосом польской коммунистической партии.

В полной солидарности взглядов польских и русских коммунистов конференция видит залог того, что окончательная победа будет нашей, несмотря на все тяжести предстоящей еще борьбы».

IX Всероссийская конференция РКП(б) постановила создать Центральную Контрольную комиссию, «которая должна состоять из товарищей, имеющих наибольшую партийную подготовку, наиболее опытных, беспристрастных и способных осуществлять строго партийный контроль».

Временно, до партийного съезда, конференция утвердила состав Контрольной комиссии, в которую в числе других вошли два члена ЦК, одним из них был Феликс Дзержинский, несмотря на то что конференция в своем решении подчеркнула, что члены ЦК вообще не должны избираться в ЦКК.

¹ Одним из этих «голосов» была статья Домского (Генриха Штейн-Каменского), появившаяся в тридцатых годах.

Это было доказательством величайшего доверия к Дзержинскому со стороны В. И. Ленина и конференции.

В последних числах сентября 1920 года Феликс после длительной, напряженной нервной и изнурительной работы получил отпуск. Е. Д. Стасова, которая в то время была секретарем ЦК РКП(б), в своих воспоминаниях писала об огромной заботе В. И. Ленина по отношению к товарищам и, в частности, к Дзержинскому: «Когда В. И. Ленин узнал, что Ф. Э. Дзержинский доработался до кровохарканья, — пишет Стасова, — он позвонил мне и предложил записать решение ЦК о том, что Дзержинскому предписывается поехать на две недели в отпуск в Нарофоминск. Тогда в Нарофоминске был лучший под Москвой совхоз, и Дзержинский мог получить там хорошее питание. Владимир Ильич, продумывавший все до мелочей, учитывал и то, что в совхозе отсутствовал телефон, следовательно, Дзержинский не будет звонить в Москву и поэтому лучше сможет отдохнуть».

У Феликса не было тогда желания брать отпуск, но он был очень дисциплинирован и выполнил директиву ЦК. Мы поехали троим (Феликс, я и Ясик) не в город Нарофоминск, а в Нарофоминский уезд, в совхоз Любаново, куда нас отвез на машине А. Я. Белецкий. Нам отдели комнату в доме, где находилось правление совхоза. Телефона в совхозе действительно не было, и Феликс был полностью оторван от Москвы и работы.

Мы пробыли там около двух недель, за это время только один раз, в середине нашего пребывания там, А. Я. Белецкий привез газеты за прошедшую неделю. Целые дни мы проводили на воздухе, гуляли и раз даже катались на лодке по небольшой речушке. Феликс очень любил грести. Он наслаждался природой и возможностью быть вместе с сыном, которого вообще видел очень редко, а тем летом вовсе не видел.

Упражнялся в стрельбе из револьвера и охотничьей двустволки (а стрелял он очень метко), Феликс убил однажды ястреба к большому удовольствию Ясика. Ястреб упал на верхушку высокой ели и застрял там. Феликс влез на дерево и радовался как ребенок, когда ему удалось достать с самой верхушки ястреба. Он собственноручно набил туело этого ястреба, и получилось это у него очень удачно.

Во время отпуска Феликс отоспался за все проведенные за работой бессонные ночи и с новыми силами вернулся в Москву к своей напряженной работе.

Через несколько дней после нашего возвращения в Москву, 15 октября, Центральный Комитет РКП(б) назначил Феликса Эдмундовича председателем Комиссии для выработки мер по усилению охраны государственной границы, а 20 октября Совет Труда и Оборона (СТО) назначил его председателем Московского комитета Оборона.

Уже 26 октября Ф. Э. Дзержинский выступил с докладом о работе Московского комитета Оборона на пленуме Московского Совета рабочих депутатов.

* *
*

В конце сентября 1920 г. в Москву вернулся Э. Прухняк и снова приступил к исполнению своих обязанностей секретаря Польского бюро агитпропа ЦК РКП(б). По моей просьбе меня освободили от работы в Польском бюро, и я вернулась на работу в области народного просвещения, получив назначение руководить польской школой при детском доме имени Розы Люксембург в Москве, в Хлебном переулке.

Большой друг детей

Феликс горячо любил детей за чистоту их душ, за их непосредственность, за то, что они не знают фальши и лицемерия, присущих часто взрослым людям в капиталистическом обществе. В тюрьме и на свободе, полный забот о партийных делах, обращал он свои мысли и чувства к детям. В них он видел будущее человечества, им, юному поколению, должны были достаться плоды его неутомимой работы, его самоотверженной борьбы. 6 октября 1902 года Дзержинский писал своей сестре Альдоне: «Не знаю почему я люблю детей так, как никого другого... Я никогда не сумел бы так полюбить женщину, как их люблю, и я думаю, что *собственных* детей я не мог бы любить больше, чем *несобственных*... В особенно тяжкие минуты я мечтаю о том, что я взял какого-либо ребенка, подкидыша, и вношу с ним, и нам хорошо. Я живу для него, ощущая его около себя, он любит меня той детской любовью, в которой нет фальши... Часто, часто мне кажется, что даже мать не любит детей так горячо, как я...»

С болью думал Феликс о судьбе пролетарских детей. «Я встречал в жизни детей, — писал он 21 октября 1901 года из Седлецкой тюрьмы сестре Альдоне, — маленьких, слабеньких детей с глазами и речью людей старых, — о, это ужасно! Нужда, отсутствие семейной теплоты, отсутствие матери, воспитание только на улице, в пивной превращают этих детей в мучеников, ибо они несут в своем молодом, маленьком тельце яд жизни, испорченность. Это ужасно...»

В своих тюремных письмах периода 1897—1902 годов Феликс, высказывая свою любовь к детям, делился с Альдоной взглядами на то, как следует их воспитывать, чтобы они не выросли эгоистами, чтобы

был честным и спланным духом, чтобы не давал себя сломить никаким страданиям, чтобы уметь жить для других. Феликс писал, что если они будут жить только для себя и заботиться лишь о своем благополучии, то горе им. В своих письмах Феликс подчеркивал, что только любовью и добротой можно правильно воспитать ребенка, и предостерегал сестру от применения розог или иных телесных наказаний. «Розга и презмерная строгость, — писал он, — учат их лицемерию и фальши, учат чувствовать и желать одно, а говорить и делать другое из-за страха... Всякое наказание, исходящее извне, никогда никого исправить не может, а только искалечит... Исправить может только такое средство, которое заставит виновного осознать, что он поступил плохо, что надо жить и поступать иначе... Розги и телесное наказание для ребят — это проклятие для человечества. Запугиванием можно вырастить в ребенке только низость, испорченность, лицемерие, подлую трусость, карьеризм. Страх не научит детей отличать добро от зла...»

Я уже писала выше, как горячо любил Феликс своего собственного сына и как заботился о том, чтобы он вырос человеком в подлинном смысле слова. Феликс был лишен счастья видеть своего сына в детском возрасте и влиять на формирование его души. Он вынужден был ограничиваться высказыванием своего мнения и советов мне по этому вопросу лишь в письмах. О них я писала выше.

Любовь к детям Феликс сохранил до конца своей жизни. И когда Советскую Россию в результате империалистической и гражданской войн постиг голод, Феликс Эдмундович возглавлял борьбу за улучшение жизни детей, борьбу с их беспризорностью.

Советская власть с самого начала своего существования, несмотря на тяжелые условия, в каких находилась страна, несмотря на необходимость сосредоточить главное внимание на борьбе с интервентами и внутренней контрреволюцией, окружала детей особой заботой. Изданный в 1919 году специальный декрет Совета Народных Комиссаров предписывал органам свабжения выдавать всем детям до 14 лет продукты питания бесплатно за счет государства. Вскоре после Октябрьской революции по инициативе В. И. Ленина при Наркомпросе был организован Совет охраны детей, состоявший из представителей наркоматов здравоохранения, просвещения, внутренних дел, социального обеспечения и др.

По поручению этого Совета А. Д. Калинин в конце 1920 года объездил освобожденные от белогвардейцев юго-восточные районы Европейской России, чтобы выяснить, в каких условиях находятся там дети. Вернувшись в Москву, она вручила Ф. Э. Дзержинскому письменный отчет о своей поездке. В этом отчете она так описывает положение детей: «Война, голод и эпидемия с каждым часом все больше и больше уносят в могилу отцов и матерей. Количество сирот и беспризорных детей растет с ужасающей быстротой. Дети, как это наблюдается во всех не только

голодающих, но и производящих губерниях... десятками ходят голодные, холодные по миру за подавками, научаются разврату, обворовывают и наводят панику и ужас на села и деревни...»¹

А. Д. Калинин сообщала далее, что количество беспризорных детей донико до катастрофических размеров, дети неорганизованной беспорядочной массой направляются куда-то на юг, где тепло и не голодно. По пути они объединяются, создают настоящие эшелоны, располагая на больших узловых станциях целыми лагерями. Этот детский поток растет со дня на день и принимает угрожающий характер. В поисках выхода из этого положения начальник эвакуационного пункта Кавказского фронта издал совершенно недопустимый приказ: поставить заслон и не пропускать ни одного такого ребенка в пределы Кавказа. Такие же заслоны поставлены на Дону и в других местах. Ребенок попадает тут, как в западню, и, куда бы ни повернулся, всюду наталкивается на оружие. Он думает, становится похож на звереныша, начинает искать средства, чтобы прорвать эту сеть любым способом, даже оружием.

А. Д. Калинин посетила и детские приюты во многих губерниях центральной и восточной части Европейской России и сообщила Феликсу Эдмундовичу о их невероятно тяжелом положении. Дети в этих приютах страдали от голода и холода, чесотки и других болезней.

В детских домах, рассчитанных на 40—50 детей, находились 150—200. Дети спали по 6—8 человек на одной койке, ели из консервных банок просто руками. В ряде губерний ощущался страшный недостаток одежды, обуви, одеял. Не было даже тряпья на обмотки. Дети ходили босиком и обмораживали ноги.

Ознакомившись с отчетом Калининной, Дзержинский вызвал ее к себе и внимательно выслушал.

Бывшая заведующая отделом кадров полпреда НКПС Б. М. Барова рассказывает, что Дзержинский, ознакомившись с материалами об ужасающем положении беспризорных и голодающих детей, немедленно позвонил Владимиру Ильичу, советуясь, как бороться с этой бедой.

С этого момента началась борьба Ф. Э. Дзержинского за детей. Нужно было немедленно принимать меры, чтобы спасти десятки тысяч детей от голодной смерти, улучшить положение детей в приютах и детских домах.

27 января 1921 года при Президиуме ВЦИК была создана Комиссия по улучшению жизни детей. Ее председателем был назначен Ф. Э. Дзержинский.

Как видно из протокола заседания Президиума ВЦИК от 27 января 1921 года, этой комиссии были присвоены функции контроля и помощи. Деткомиссия состояла из 7 человек, каждый из которых должен был

¹ ЦГАОР, ф. 5207, оп. 1, ед. хр. 43, л. 7—16.

быть утвержден Президиумом ВЦИК. Кроме Дзержинского, председателя, в комиссию входили представители пародных комиссариатов снабжения, здравоохранения и просвещения, рабоче-крестьянской инспекции, ВЦСПС и ВЧК. От ВЧК в Деткомиссию в качестве заместителя Дзержинского вошел тов. Корнев.

Вот что писал о возникновении этой комиссии А. В. Луначарский:

«В один из дней того периода Феликс Эдмундович позвонил мне и предупредил меня, что сейчас придет для обсуждения важного вопроса... Феликс Эдмундович пошел ко мне, как всегда, горящий и торопливый. Кто встречал его, знает эту манеру: он говорил всегда, словно торопясь, словно в сознании, что времени отпущено недостаточно и что все делается спешно. Слова волнами догоняли другие слова, как будто они все торопились превратиться в дело.

Я хочу бросить некоторую часть моих личных сил, а главное сил ВЧК, на борьбу с детской беспризорностью, сказал мне Дзержинский. Я пришел к этому выводу... исходя из двух соображений. Во-первых, это же ужасное бедствие. Ведь когда смотришь на детей, так не можешь не думать — все для них. Плоды революции — не нам, а им. А между тем сколько их искалечено борьбой и нуждой. Тут надо прямо-таки броситься на помощь, как если бы мы видели утопающих детей. Одному Наркомпросу справиться не под силу. Нужна широкая помощь всей советской общественности. Нужно создать при ВЦИК, конечно при ближайшем участии Наркомпроса, широкую комиссию, куда бы вошли все ведомства и все организации, могущие быть полезными в этом деле. Я уже говорил кое с кем; я хотел бы стать сам во главе этой комиссии; я хочу реально включить в работу аппарат ВЧК. К этому меня побуждает второе соображение: я думаю, что наш аппарат один из наиболее четко работающих. Его разветвления есть повсюду. С ним считаются. Его побаиваются. А между тем даже в таком деле, как спасение и снабжение детей, встречается и халатность, и даже хищничество. Мы все больше переходим к мирному строительству; я и думаю: отчего не использовать наш боевой аппарат для борьбы с такой бедой, как беспризорность?.. Тут нужна большая четкость, быстрота и энергия. Нужен контроль, нужно постоянно побуждать, тормозить. Я думаю, мы всего этого достигнем».

В тот же день, 27 января 1921 года, сразу после утверждения Президиумом ВЦИК Комиссии по улучшению жизни детей, Дзержинский направил циркулярное письмо ВЧК всем местным ЧК «О принятии срочных мер по улучшению жизни детей». В этом письме сказано:

«Сейчас пришло время, когда, воздохнув легче на внешних фронтах, Советская власть может со всей энергией взяться и за это дело, обратить свое внимание в первую очередь на заботу о детях, этой будущей нашей опоре коммунистического строя.

И чрезвычайные комиссии, как органы диктатуры пролетариата, не могут остаться в стороне от этой заботы, и они должны помочь всем, чем могут, Советской власти в ее работе по охране и снабжению детей. Для этой цели, чтобы втянуть аппарат ЧК, Президиум ВЦИК назначил меня председателем упомянутой комиссии при ВЦИК по улучшению жизни детей. Пусть это будет указанием и сигналом для всех чрезвычайных комиссий.

Каждая чрезвычайная комиссия должна рассмотреть, что и как она может сделать для детей, назначив для этой работы ответственного руководителя и подыскав соответствующих работников... Работа чрезвычайных комиссий в этой области будет, однако, плодотворна лишь при том условии, если она будет проводиться не параллельно с работой органов, ведающих обеспечением и снабжением детей, а в ближайшем с ними контакте, в согласии с ними.

С этой целью губернские чрезвычайные комиссии должны немедленно связаться с соответствующими отделами Наробраза, Наркомаздрава, Собеса, Компрода и др. и оказывать им всяческое содействие и поддержку в их работе, получая от них задания и давая им свою информацию».

Дальше Феликс Эдмундович подробно перечислял задачи, стоящие перед чрезвычайными комиссиями в борьбе за улучшение жизни детей: обследовать положение и количество беспризорных детей в соответствующей губернии, состояние всех детских учреждений; наблюдать за тем, чтобы точно выполнялись декреты о детском питании и снабжении; постоянно оказывать помощь губернским советским учреждениям в деле питания и снабжения детей; следить за тем, чтобы детские учреждения были обеспечены соответствующими помещениями, снабжены достаточным количеством топлива и предметами оборудования; выявлять всякого рода хищения, злоупотребления, факты преступного отношения к детям и разгильдяйства и привлекать виновных к ответственности через Революционный и народные суды. Письмо Дзержинского обязывало районные транспортные ЧК заботиться о беспризорных детях на железнодорожных вокзалах и в поездах и помогать отделам народного образования в организации распределителей и домов для этих детей. Письмо заканчивалось словами: «Забота о детях есть лучшее средство предотвращения контрреволюции».

В советской периодической печати появился ряд статей, отмечавших создание Комиссии ВЦИК по улучшению жизни детей и назначение ее председателем Ф. Э. Дзержинского как поворотный момент в жизни советских детей. Народный комиссар просвещения А. В. Луначарский в статье «Защита детей» писал: «Я был бесконечно обрадован, когда узнал, что Ф. Э. Дзержинский с его неукротимой энергией и его золотым сердцем согласен взять на себя общее руководство таким органом».

В Деткомиссии ВЦИК было создано 14 подкомиссий, немедленно развернувших огромную работу. Заседания Деткомиссии проводились два раза в неделю.

К борьбе с детской беспризорностью Дзержинский привлек профсоюзы, комсомол и женотделы, а также представителей отделов охраны труда детей и Высшего совета физической культуры. Стремясь установить действительное положение детских учреждений для оказания им помощи и устранения недостатков в их работе, Деткомиссия приступила к обследованию детских учреждений по всей стране. Обследование было поручено Народному комиссариату рабоче-крестьянской инспекции с привлечением всех учреждений, обслуживающих детей, и названных выше общественных организаций, а также рабочих, крестьян и педагогического персонала. Всероссийское обследование школ, детских садов, детских яслей, детских домов, колоний, приемников, детских столовых вскрыло явно неудовлетворительное состояние детских учреждений почти во всех губерниях РСФСР.

Деткомиссия ВЦИК напомнила всем губернским исполнительным комитетам Советов и уполномоченным по борьбе за улучшение жизни детей о том, что «для детей в Советской России нет ни судов, ни тюрем»; губернским было поручено немедленно создать комиссии по делам несовершеннолетних там, где их еще не было, а также организовать детские дома.

Губернским отделам народного образования и женотделам предложили увеличить количество работников для юридической защиты детей. При вокзалах были организованы убежища для беспризорных детей, снятых с поездов; на железных дорогах, вокзалах и пристанях ввели постоянные дежурства специальных инспекторов.

16 марта 1921 года был издан приказ по войскам ВЧК, в котором сообщалось о создании Деткомиссии ВЦИК во главе с Ф. Э. Дзержинским. Приказ разъяснял задачи Деткомиссии и поручал командирам и политработникам войск ВЧК оказывать всяческую помощь органам защиты прав детей и губернским уполномоченным по борьбе за улучшение жизни детей.

Согласно распоряжению В. И. Ленина лучшие загородные дачи и здания в солхозах были переданы под детские учреждения. Специальный декрет обязывал транспорт отправлять поезда с продуктами питания для детских учреждений без всякой задержки наравне с воинскими эшелонами.

Когда Дзержинский узнал, что Особый отдел Тамбовской ЧК занял только что отремонтированный дом, а помещения для детской больницы не было, он 14 апреля 1921 года отправил следующую телеграмму председателю Тамбовской губчека: «Немедленно примите меры к полному оказанию содействия и изысканию средств для помощи губуполномочен-

ному по улучшению жизни детей. Запятый особотделом отремонтированный дом передать под детскую больницу, а также отведенные огороды. Вопрос улучшения жизни детей — один из важных вопросов республики, п губчека должна идти всемерно навстречу, а не ставить препат-стий.

Предвечека Дзержинский».

Уже в первом полугодии своего существования Деткомиссия ВЦИК добилаь значительных результатов. Она привлекла внимание государственных учреждений и общественных организаций к вопросу о детях. Объединились усилия разных учреждений, направленные на улучшение жизни детей, были увеличены предназначенные для этого материальные средства.

Весной 1921 года было организовано 26 школ-санаториев для больных детей. Летом этого же года количество летних детских лагерей увеличилось в 3—4 раза по сравнению с 1920 годом. Значительно улучшилось снабжение детей в детских домах, детских садах, детских и школах бельем, одеждой, обувью.

Для оказания помощи детям Украины, особенно пострадавшей в итоге гражданской войны и интервенции, было послано 9 вагонов тканей, обуви, одежды и других необходимых вещей для детских домов. Была оказана материальная помощь детским учреждениям Ярославской, Тамбовской и других губерний.

В Москве и Московской губернии в течение весны 1921 года было обследовано 250 детских учреждений и оказана необходимая помощь.

В результате засухи 1920 года и еще более сильной засухи и неурожая в Поволжье и в части Украины в 1921 году (всего в 34 губерниях с 30-миллионным населением, из которых 30% составляли дети) осенью 1921 года царил страшный голод. Чрезвычайно ухудшилось положение детей, количество беспризорных выросло до небывалых размеров.

В августе Деткомиссия приступила к организации переселения детей из Поволжья в местности, не пораженные неурожаем. Детей вывозили целыми коллективами, в основном в возрасте от 6 до 14 лет. Следует отметить, что советские люди с готовностью оказывали помощь государству в спасении голодающих детей.

Уже в августе Ф. Э. Дзержинский получил сообщение, что Украина может принять 25 тыс. детей, Сибирь — 10 тыс., Витебская губерния — 5 тыс., Туркестан — 10 тыс., Новгородская губерния — 5 тыс. детей.

Огромная волна детей из голодающих губерний хлынула в Москву и другие города Центральной России. Пришлось и в Москве организовать для них большую сеть детских домов. Беспризорные дети ютились в подвалах, в больших котлах для варки асфальта. По поручению Дзержинского в Москве освободили много особняков и отдали под детские дома.

Для детских домов не хватало столов, скамеек, кухонной утвари и столовой посуды. Дзержинский лично следил за устройством и оборудованием детских домов, за снабжением их всем необходимым: мебелью, посудой, одеждой, бельем, обувью, топливом, продуктами питания. В Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма сохранилась собственноручная записка Феликса Эдмундовича: «120 тысяч кружек, нужно сшить 32 тыс. ватных пальто, нужен материал на 40 тыс. детских платьев и костюмов, нет кожи для подошв к 10 тыс. пар обуви» и т. д.

Советское государство приняло решительные меры для ликвидации голода и снабжения Москвы, Петрограда и других городов продуктами питания, а губернии, пораженных неурожаем и голодом, также зерном для посева весной. Это было сделано осенью и зимой 1921—1922 годов.

В марте 1922 года по предложению комиссии тов. Леплевского, введенной Совнаркомом, Президиум ВЦИК принял постановление о ликвидации Деткомиссии, по-видимому, считая, что эта комиссия выполняла свою роль. Узнав об этом, Дзержинский 25 марта послал Председателю ВЦИК М. И. Калинину письмо с протестом против постановления о ликвидации Деткомиссии. В этом письме сказано: «...ввиду свой категорический протест против подобного постановления и считаю, что с той помощью детям, которую до сих пор оказывала Комиссия ВЦИК, другое ведомство абсолютно не в состоянии будет справиться... а потому прошу Президиум ВЦИК об аннулировании вышеуказанного постановления».

Председатель Комиссии ВЦИК
по улучшению жизни детей Ф. Д.»¹

Протест Дзержинского возымел действие, и Деткомиссия ВЦИК продолжала свою работу.

Дзержинский систематически знакомился по поступающим информации с состоянием детдомов. Он выступил с предложением прикрепить детские учреждения к промышленным предприятиям, советским и военным учреждениям для их шефства над детьми.

По инициативе Дзержинского Деткомиссия ВЦИК поручила местным органам просвещения улучшить снабжение школ продовольствием, бельем и одеждой и для этого создать собственные пошивочные мастерские.

Не забыл он также и такого важного вопроса, как учебники и книжки для школ и вновь созданных детских домов. Для этого президиум Деткомиссии ВЦИК выступил с предложением издавать книги и школьные учебные пособия для детей. По инициативе Деткомиссии была организована сеть лечебно-профилактических медпунктов и таких же поездов.

Деткомиссия систематически проверяла их работу. Были также организованы отряды пращей для борьбы с массовым заболеванием трахомой.

О результатах работы Деткомиссии ВЦИК Дзержинский информировал высшие партийные и советские органы, и в самые трудные для государства и для детей моменты он обращался за помощью в эти инстанции.

По инициативе Дзержинского, при активном участии чекистов были созданы детские трудовые коммуны, которые перевоспитали тысячи беспризорных детей. Одной из первых была создана Болшевская коммуна под Москвой, которую часто посещал Дзержинский. После его смерти ей было присвоено имя Дзержинского.

Старая большевичка Анна Сергеевна Курская приводит следующие слова Феликса Эдмундовича о создании трудовых коммун для беспризорников, сказанные им однажды осенью 1921 года в разговоре с Анной Сергеевной и ее мужем наркомюстом Дмитрием Ивановичем Курским:

«Не поверьте, но эти чумазы — мои лучшие друзья. Среди них я нахожу отдых. Сколько бы талантов погибло, если бы мы их не подобрали! Всему их надо учить: и рожцу вымыть, и из карманов не тянуть, и книжку полюбить, а вот общественной организованности, мужеству, выдержке — этому они нас поучить могут. Стойкость какая, солидарность — никогда друг друга не выдадут...»

Трудовые коммуны воспитали из беспризорников и правонарушителей честных советских людей. Дзержинский заботился не только о материальном положении этих детских учреждений, но и о правильном воспитании детей, об оздоровлении их морального состояния. Он считал, что важнейшим фактором морального оздоровления деморализованных детей является общественно полезный труд, доверие к ним и самоуправление детей под руководством опытных педагогов.

В связи с этим по инициативе Ф. Э. Дзержинского в детских коммунах были организованы различные производственные мастерские, а в сельских местностях — сельскохозяйственные хозяйства. В то же время Дзержинский рассчитывал на то, что эти мастерские и хозяйства будут дополнительным средством улучшения материального положения коммун.

20 июля 1936 года, в десятую годовщину со дня смерти Феликса Эдмундовича Дзержинского, в «Правде» была напечатана статья А. Макаренко об одной из трудовых коммун, созданных при помощи чекистов. Статья была озаглавлена «Прекрасный памятник». Этим «памятником» А. Макаренко справедливо назвал трудовую коммуну имени Ф. Э. Дзержинского в Харькове.

«Как прекрасна была жизнь Феликса Эдмундовича, — сказано в этой статье, — так же прекрасна история коммунаров. Ни одного дня в ее истории не было такого, когда бы имя Ф. Э. Дзержинского звучало укором. И это случилось вовсе не потому, что в коммуны приходили как-либо особые дети, здоровые и радостные. В коммуны приходили именно

те, о которых Ф. Э. Дзержинский сказал: «Сколько их искалечено борьбой и нуждой!»»

Главное в воспитании беспризорников и несовершеннолетних правонарушителей, пишет дальше Макаренко, — это «новое отношение к человеку, новая позиция человека в коллективе, новая о нем забота и новое внимание. И только поэтому искалеченные дети, пришедшие в коммуны, переставали нести на себе проклятие людей «третьего сорта». Они становились дзержинцами. Вот ты пришел в коммуну, — ты только воспитанник; ты уже пошел вперед, — ты получаешь звание коммунара, наконец, ты ведешь других, ты борешься вперед, ты хорошо знаешь, за что борешься, — ты получаешь звание коммунара-дзержинца».

Многие воспитанники Харьковской коммуны стали потом инженерами, врачами, педагогами, летчиками, актерами и т. д. В своей жизни они нашли те пути, за которые боролся Ф. Э. Дзержинский.

Дзержинский от имени Деткомиссии ВЦИК вместе с народным комиссаром здравоохранения Н. А. Семашко в сентябре 1922 года послал циркулярное письмо всем губернским и уездным уполномоченным по делам улучшения жизни детей. В этом письме Феликс Эдмундович снова обращал внимание уполномоченных на необходимость укрепления и расширения сети детских учреждений, и особенно детских домов. В связи с тяжелым экономическим положением Советской России и непреодоленным еще голодом выполнение этого задания было связано с большими финансовыми трудностями. Ни центральные, ни местные государственные органы не были в состоянии выделить для этой цели достаточных материальных средств. Поэтому циркулярное письмо призвало уполномоченных Деткомиссии, а также губернские отделы народного образования и здравоохранения общими усилиями организовать, а там, где уже имеются, расширить производственные мастерские и сельскохозяйственные хозяйства в детских трудовых колониях, снабдить их средствами производства, облегчить им продажу их продукции, тщательно и детально согласовать эту работу с требованиями педагогики, гигиены и охраны труда.

Циркуляр указывал, что введение в детских учреждениях трудовых процессов поможет воспитать детей полезными членами общества. В то же время материальные средства, полученные от продажи продукции детского труда, явятся дополнительным источником улучшения положения детских учреждений, жизни и быта детей.

Феликс Эдмундович неоднократно лично посещал детские учреждения в Москве, знакомился с их состоянием, пробовал еду, записывал недостатки, чтобы помочь их устранить. Вместе с В. И. Лениным и Н. К. Крупской Ф. Э. Дзержинский посетил детский дом на 3-й Тверской-Ямской улице, в доме № 46, где сейчас находится детский сад.

Однажды мы вместе с Феликсом пошли в детскую больницу для больных трахомой. Сам Феликс в молодости, находясь в тюрьме и в ссылке

и Вятской губернии, болел этой тяжелой болезнью. Фелпкс обошел все палаты, беседовал с больными детьми и с медицинским персоналом, подробно расспрашивал о нуждах больницы, а потом принял необходимые меры к удовлетворению этих нужд и улучшению положения в больнице. В другой раз, посетив Успенский приют, он записал у себя в блокноте:

«...Вобла, рыба — гнилые.

Сливочное масло — испорчено.

Жалоб в центр не имеют права (подавать).

Хлеба и продуктов меньше (чем полагается) выделяют».

В другой записке Фелпкса сказано: «Ясли Басм (аннин) район.

Приют на Покровке. Не хватает кроватей. Холодно.

25 грудных детей — одна няня.

На общем столе кухарка и заведующая».

Обнаружив недостатки, Фелпкс принимал меры к их устранению.

В течение 1921—1922 годов Деткомиссия ВЦИК провела огромную работу в области улучшения жизни детей Поволжья. Около 5 миллионов детей голодающих губерний получали питание и одежду на месте. 150 тыс. детей были переброшены в другие губернии, не пострадавшие от неурожая, и помещены во вновь организованные детские дома. Около 175 тыс. детей приняла на свое содержание профсоюзы, свыше 40 тыс. — Красная Армия, около 40 тыс. — крестьяне¹.

Осенью 1922 года, когда самые тяжелые последствия голода в Поволжье были устранены, Деткомиссия ВЦИК приступила к частичному возвращению детей домой. Это было необходимо потому, что многие дети начали самостоятельно возвращаться в родные места. Было необходимо это еще и потому, что следовало хотя бы частично освободить профсоюзы и Красную Армию от заботы по содержанию детей из Поволжья, тем более что приходилось оказывать также помощь безработным и инвалидам гражданской войны. Однако круглых сирот не отправляли назад в родные места.

А было в Советском государстве сирот к началу 1923 года около 4 миллионов, из них 3 миллиона были на содержании государства или получали помощь от него и от общественных организаций. Оставалось еще большое количество детей, нуждавшихся в немедленной помощи.

Для того чтобы спасти огромную массу осиротевших, голодающих и беспризорных детей, Москва нуждалась в помощи всей страны, и Дзержинский от имени Деткомиссии ВЦИК разослал за своей подписью обращение, в котором было сказано: «Во время голода Москва настежь распахнула двери детских домов для детей голодавшего Поволжья. Только через один Московский центральный приемник прошло 17 566 детей. Всех их Москва сберегла, полуживых выходила.

¹ ЦГАОР, оп. 5, д. 7, л. 16, 24.

В период ликвидации голодной кампании только 12,7% общего числа голодавших детей Москва отправила на родину по желанию родителей.

Целую армию детей-сирот Москва оставила у себя, продолжает питание и образование их, невидя на свои хозяйственные недостатки. Ликвидация голодной кампании потока детей в Москве не уменьшилась, а, наоборот, приумножила.

После ликвидации голодной кампании около 13 000 чел. беспризорных малышей снова стали питомцами Москвы...

Трудно найти во всей республике город или селение, откуда бы не было папиночества в Москву выброшенного за борт ребенка.

Всероссийская задача может быть выполнена только всей страной, а не губернией. Одной Москве она не под силу.

Изнемогая под этой тяготой, Москва бьет в набат и бросает громкий призыв.

Присоединяясь к ее голосу, Деткомиссия ВЦИК со своей стороны призывает все живые организации прийти на помощь в борьбе с общероссийским несчастьем — детской беспризорностью.

Председатель Деткомиссии ВЦИК
Ф. Дзержинский¹.

На этот призыв откликнулись другие губернии, где не было такого большого наплыва детей и на которых голод так не отразился. Эти губернии организовали у себя детские дома и взяли к себе часть беспризорных детей. Но оставалось еще большое количество детей бездомных, требующих заботы и внимания. Кроме того, существовавшие детские дома находились в тяжелых условиях. В связи с этим 30 апреля — 6 мая 1923 года по всей стране была проведена «Неделя беспризорного и больного ребенка». В газете «Известия» 31 марта 1923 года было напечатано обращение Деткомиссии ВЦИК «Все на помощь детям» за подписью Ф. Дзержинского. Это обращение было перепечатано всей периодической печатью страны. В обращении сказано: «Несколько миллионов детей-сирот требуют немедленной реальной помощи... Существующая сеть детских учреждений не в силах вместить всей армии беспризорных детей, для открытия же новых не хватает средств.

Более того: и существующие учреждения, дающие приют более чем миллиону детей-сирот, недостаточно обеспечены самым необходимым... Кроме того, всем детям вообще нужна организованная медицинская помощь. Различные эпидемические заболевания косят детей. Как и до войны, так, к нашему глубокому сожалению, и теперь еще детская смертность чрезвычайно, а местами угрожающе велика...

Учитывая это тяжелое положение громадного числа детей и все грозные последствия его, Деткомиссия ВЦИК, организуя совместно с Наркомпросом и Наркомздравом при деятельном участии партийных и профессиональных организаций с 30 апреля по 6 мая с. г. «Неделю беспризорного и большого ребенка», обращается ко всем рабочим и крестьянам и всем трудящимся Советской Республики с горячим призывом прийти во время ее на помощь детям.

Не стесняйтесь ни формой, ни размером вашей помощи. Помните, что только общими, объединенными усилиями широких рабоче-крестьянских масс мы можем выйти с честью из борьбы на этом тяжелом фронте детской беспризорности...

Дальше Деткомиссия обращается к Исполкому Коминтерна, Профштерну, Комштерну молодежи и Межрабпому с просьбой взять на себя задачу информировать рабочих и крестьян за границей о целях и задачах проводимой кампании и привлечь их к участию в ней. Обращение кончалось словами: «Все на помощь детям!»

Это обращение встретило широкий отклик во всей стране. Рабочие, крестьяне, трудовая интеллигенция щедро несли в течение «Недели беспризорного и большого ребенка» денежные пожертвования, а также одежду, белье и т. д. Многие советские семьи брали на воспитание беспризорных или осиротевших детей. Неделя помогла основать новые детские учреждения и улучшить состояние существующих.

И в последующие годы, уже после ликвидации комиссии ВЦИК по улучшению жизни детей, несмотря на то что Ф. Э. Дзержинский, как председатель ВСНХ, был занят чрезвычайно трудной и поглощающей все его время работой, он не забывал о детях. В своей речи на XIV Московской губернской конференции РКП(б) о советской промышленности

Ф. Э. Дзержинский среди детей на Красной площади в Москве. 1925 г.

в декабре 1925 года Фелпкс Эдмундович сказал: «Я думаю, что Наркомпрос имеет колоссальнейшую работу по поднятию нашего культурного уровня. У нас масса детишек еще не ходит в школы. Сюда должны быть направлены все заботы с нашей стороны, со стороны промышленности и со стороны партии и для поддержки Наркомпроса...»

В 1926 году, за несколько месяцев до смерти, Фелпкс Эдмундович писал одному из своих помощников по линии ОГПУ о необходимости заняться вопросом об улучшении состояния детских домов для беспризорников. «Я уверен, — писал он, — что если бы заняться этим делом, то можно бы достигнуть огромных результатов, если в своей работе опереться на *доверие и самостоятельность и помощь самих детей*. Для этого не жаль послать хороших работников»¹.

Воспитанники детских домов и трудовых коммун с большой любовью относились к Дзержинскому, называя его «Всероссийским попечителем о детях». Они посылали ему множество сердечных писем, альбомы и фотографии трудовых коммун, групповые снимки воспитанников этих коммун, фотографии своих спален, столовых, мастерских, в которых работали, садов и огородов, библиотек и читален и т. д. с соответствующими надписями². Дети писали Дзержинскому из Крыма, Ташкента, Харькова, Полтавы, Барнаула и других местностей. Посылали отчеты о своей художественной самодеятельности, о любительских спектаклях, своих хороших и танцевальных кружках и т. д., присылали рисунки, портреты Дзержинского. Вот два детских письма, присланных Дзержинскому: «Всероссийскому попечителю о детях товарищу Дзержинскому от бывших беспризорных детей уллицы, юных пролетариев Красного Черноморья, воспитанников 1-й Черноморской детской трудовой колонии «Детский городок» от чистого детского сердца искренний привет. Помни и в будущем о беспризорных детях. Память же о твоих заботах долгие годы будет храниться в наших сердцах. Прими наш детский поцелуй».

«...Товарищ Дзержинский, будь добр, пришли нам свой увеличенный портрет из новых снимков и, если есть, свою полную биографию, так как та, которую мы изучали, по мнению старых чекистов, не полная, а мы хотим знать и изучать твою полную биографию».

Фелпкс Эдмундович бережно хранил эти детские письма и, несмотря на то что был перегружен работой, находил время, чтобы на них отвечать.

И польские дети в Советском Союзе знали о любви Ф. Э. Дзержинского к детям и его заботах о них. Они присылали нам свои работы. В квартире у меня до сих пор висит деревянная тарелка с портретом

¹ ЦПА ИМЛ.

² Несколько таких детских альбомов я передала Государственному музею Революция в Москве.

Феликса Эдмундовича. Портрет выжигал по дереву польскими детьми из деревни Полуево, Смоленского уезда. Этот портрет он прислал мне в подарок к 1 мая 1925 года.

Поглощенный ответственной партийной и государственной работой, Феликс Эдмундович находил все-таки время интересоваться пионерскими организациями и со многими из них поддерживал непосредственную связь. Разным пионерским отрядам было присвоено имя Дзержинского. Сообщал об этом Феликсу Эдмундовичу пионеры города Воронежа, Астрахани, Крыма и др. «Дорогой товарищ Дзержинский, — читаем в одном из этих писем, — мы, юные пионеры вновь организованного 30-го отряда Второго района г. Воронежа (при губотделе ОГПУ), шлем Вам горячий пионерский привет и сообщаем, что своему отряду мы присвоили Ваше имя, и избираем Вас почетным пионером. Называя свой отряд Вашим именем, мы даем свое крепкое пионерское слово, что будем достойны носить Ваше имя стойкого большевика-ленинца и имя нашего дорогого Ильича.

...Товарищ Дзержинский, 6 июля с. г. наш отряд дает торжественное обещание и получит Красное знамя. Посылая Вам красную косынку, просим пасть ее 6 июля в 7 час. вечера, т. е. в то время, когда мы будем давать торжественное обещание. И если Вас не затруднит, напишите нам письмо и пришлите свою автобиографию. Все это мы хотели бы иметь к 6 июля, дню своего праздника. Да здравствует наш пионер, идейный наш вождь, твердокаменный большевик-ленинец тов. Дзержинский!

2 июля 1926 года».

На это письмо Феликс Эдмундович ответил телеграммой:

✓ «Приветствую 30 отряд юных пионеров с днем торжественного обещания. Сегодня ваши старшие товарищи большевики-ленинцы вручат Вам Красное знамя. Это знамя означает, что вы должны крепнуть, расти и учиться, чтобы стать закаленными душой и телом верными защитниками за дело рабочего класса, за освобождение всех трудящихся от рабства капитала. Так будьте верными и достойными внуками Ильича. С вручением вам знамени, юные пионеры 30 отряда, воспитывайтесь по заветам Ильича. И с этим знаменем будьте всегда готовы. 6 июля 1926 г.

Ф. Дзержинский»¹.

В Центральном партийном архиве сохранился пионерский галстук и пионерский значок вместе с письмом сбора пионеров Ямского района, Донецкой области. Вот отрывок из этого письма: «Мы, юные ленинцы, 950 человек детей рабочих железнодорожного транспорта Ямского района, на своем районном сборе, изучив вашу биографию, забрали вас почетным

¹ ЦПА ИМЛ.

пионером Ямского района и посылаем к Вам двух делегатов нашего района, которым поручаем передать от имени 950 человек юных ленинцев привет и передать нашему почетному пионеру значок и галстук юных ленинцев, который бы всегда напоминал Вам о нас».

Прислал Дзержинскому также письмо 3-й отряд пионеров имени Дзержинского из Астрахани в составе 50 детей водников. Дети сообщают, что отряд организован в 1923 году, просят Феликса Эдмундовича прислать им свою биографию и портрет и прилагают к письму пионерский галстук и значок для него.

Пионеры 38-го отряда имени Дзержинского при ГПУ Крыма посылают Феликсу Эдмундовичу горячие приветствия, сообщают о слабой дисциплине в своем пионерском отряде и обещают исправиться¹.

Феликс Эдмундович не только интересовался жизнью пионерских организаций, но когда узнавал о каком-нибудь недостатке в работе какого-нибудь их звена, то принимал меры, чтобы устранить их и предотвратить возможность повторения этих недостатков в других пионерских организациях.

Однажды пионеры Московской опытно-показательной школы им. П. Н. Лепешинского после школьных занятий, начинавшихся у них с раннего утра, были неожиданно для них и для их родителей направлены на районный слет пионеров, который продолжался до 11 часов вечера. Дети, естественно, были голодны и крайне переутомлены. Узнав об этом факте, Феликс Эдмундович на следующий же день позволил заведующему агитпропом ЦК ВКП(б) и просил его принять меры, чтобы пионерская работа велась более организованно, с учетом возраста и физических сил учащихся. В то же время Феликс Эдмундович считал, что все члены пионерской организации должны быть дисциплинированными и должны строго выполнять пионерские законы, и этого же неукопительно требовал от своего сына.

Как-то наш сын, Ясик, заболел мигренью, продолжавшейся несколько дней, и врач посоветовал давать ему чай, прибавляя в него ложечку коньяку. Ясик отказался пить чай с коньяком, ссылаясь на пионерский закон, запрещающий пионерам пить вино. Присутствовавший при этом Феликс поддержал сына, сказав: «Пусть он честно выполняет пионерский устав. А болезнь его и так пройдет. Нельзя приучать мальчика к сделкам со своей совестью».

Феликс хорошо понимал огромное значение труда в деле воспитания детей. В начале октября 1924 года, находясь на отдыхе в Крыму, он писал мне в Москву: «Ясик в этом году отдыхал и поправился, теперь он должен усердно учиться. Было бы хорошо, если бы можно было посылать его на 1—2 часа в день в какую-нибудь мастерскую».

Сын наш, Ян, впоследствии в своих воспоминаниях об отце писал: «Как воспитатель отец был ко мне строг и требователен, но одновременно чуток и отзывчив. Он призывал прежде всего преданность родные, смелость, трудолюбие, скромность и честность. Он не любил давать наставлений, а воспитывал живым показом, личным примером. Больше всего он ненавидел ложь и мещанское сюсюканье, сентиментальничанье, не имеющее ничего общего с подлинным большим чувством.

Отец систематически следил за моими успехами в школе и в свободную минуту помогал мне, особенно по математике. Я всегда удивлялся его блестящей памяти, тому, как хорошо он помнил сложные алгебраические формулы, которые изучал еще в школьные годы. Отец горячо интересовался моим пребыванием в пионерском лагере, расспрашивал о жизни отряда, о моих товарищах и т. д. Особенно настойчиво он стремился приучить меня к трудовым навыкам, дисциплину и любовь к учебе».

Не только при жизни Феликса Эдмундовича пионеры горячо любили его и стремились подражать ему.

Узнав о его смерти, пионеры выражали свою глубокую скорбь. В пионерском журнале «Барабан» № 14 (61) за июль 1926 года было помещено следующее письмо пионеров 24-го и 51-го отрядов Замоскворецкого района Москвы: «Воспитаем из себя тысячи Дзержинских.

Мы... скорбим совместно с нашими старшими братьями по поводу безвременной кончины ближайшего соратника Ильича тов. Дзержинского. Обещаем быть такими же дисциплинированными, как тов. Дзержинский. Своей работой воспитаем из пролетарских детей тысячи таких же борцов, как т. Дзержинский. Это будет для него лучшим памятником».

И сейчас, спустя несколько десятилетий после смерти Феликса Эдмундовича, многие пионерские отряды, дружины разных городов и сел, носящие его имя, изучают жизнь Дзержинского, переписываются со мной, выражая свою горячую любовь к нему и свое стремление быть похожими на него. Другие пионерские дружины, детские дома и школы-интернаты борются за то, чтобы им было присвоено имя Ф. Э. Дзержинского.

Пионерской дружине школы № 259 г. Москвы много лет тому назад одной из первых было присвоено имя Ф. Э. Дзержинского. В день 40-летия пионерской организации имени В. И. Ленина пионеры этой школы прислали мне следующее письмо:

«Мы всегда помним, что воспит имя пламенного революционера, героя Октября, выдающегося деятеля Коммунистической партии и Советского государства Феликса Эдмундовича Дзержинского.

Вся замечательная жизнь и деятельность Феликса Эдмундовича, который очень любил детей, для нас является вдохновляющим примером.

Мы живем в счастливое время, когда наш народ под руководством Коммунистической партии строит коммунистическое общество.

Нам, нынешнему поколению, жить при коммунизме, нам строить коммунизм.

Будем готовить себя к тому, чтобы быть активными строителями коммунизма».

К письму был приложен рапорт дружины имени Ф. Э. Дзержинского этой школы о выполнении ею пионерской двухлетки, в котором говорится об успехах пионеров в учебе, участии их в различных кружках и об их многосторонней общественной работе.

Пионеры школы № 99 г. Москвы, ул. Чайковского, 13, писали мне 17 февраля 1958 года: «Мы провели сбор, посвященный Феликсу Эдмундовичу... потому что мы его любим, помним как бесстрашного, смелого, умного, железного и непримиримого к врагам народа, доброго, чуткого, нежного к людям и ребятам...»

Воспитанники 52-го ленинградского детского дома, ул. Марата, 64, оставшиеся сиротами после Великой Отечественной войны, писали мне в конце 1957 года: «Много раз мы читали о замечательной жизни Ф. Э. Дзержинского и всегда восхищались его героической жизнью. Мы знаем, как много (оп. — С. Д.) сделал для детей. Вот почему мы решили просить о присвоении нашей пионерской дружины имени славного большевика товарища Дзержинского. Но нам хочется еще больше узнать о его жизни. И мы обращаемся к Вам... напишите, пожалуйста, как можно больше о Феликсе Эдмундовиче...»

В марте 1958 года, в день 10-летия этого замечательного детского дома, его пионерской дружине было присвоено имя Дзержинского. До сих пор эти юные дзержинцы переписываются со мной, рассказывают о своей учебе, своих пионерских делах, о своей общественно полезной работе. Они прислали мне свои фотоснимки, альбом фотографий Феликса Эдмундовича, приготовленный самими ребятами, создали у себя уголок, посвященный Феликсу Эдмундовичу; два раза пионеры этого детдома приезжали в Москву и навещали меня.

Расставаясь в 1961 году со своим детдомом в связи с его ликвидацией и переводом ребят в школы-интернаты, юные дзержинцы писали мне в сентябре 1961 года: «...мы навсегда сохраним светлый образ Феликса Эдмундовича... Всю свою жизнь мы будем стремиться хотя бы немного быть похожими на него».

Воспитанники киевского детдома № 13, отцы которых погибли в годы Великой Отечественной войны на полях сражений, а матери и сестры замучены в застенках гестапо и концлагерях, писали мне в марте 1957 года, что, посмотрев фильм «Вихри враждебные», они «увидели образ великой человеческой души, кристально чистый и смелый, увидели подлинного

борца за счастье людей, отдавшего всю свою жизнь до последнего удара сердца делу коммунизма... и каждый из нас дал клятву — быть в жизни таким, как наш дорогой и любимый Феликс Эдмундович, любить родину так, как он любил, любить партию так, как любил он, быть таким смелым, мужественным и бесстрашным в борьбе с врагами революции, жить и учиться по Дзержинскому».

Учащиеся керченской средней школы-интерната № 1 и пионеры 67-й средней школы г. Львова писали мне в 1961 году о том, что они борются за право «носить имя славного сына Коммунистической партии Феликса Эдмундовича Дзержинского». Завоевали уже это право школа № 3 г. Ессентуки и многие другие. Пионеры харьковской (бывшей железнодорожной, а ныне средней) школы № 73 с большой любовью пишут мне о Феликсе Эдмундовиче и сообщают, что им уже присвоено имя Дзержинского, рассказывают о своих славных делах: к XXII съезду КПСС они отправили целый эшелон с собранным ими металлоломом для нефтепровода «Дружба», собрали много макулатуры и принимали участие в посадке липовой аллеи в честь XXII съезда партии. Знакомится с жизнью и деятельностью Феликса Эдмундовича пионеры школы № 1 имени Янки Купалы в г. Молодечно (БССР).

Летом 1961 года они побывали в г. Ивентце, где ознакомились с музеем Ф. Э. Дзержинского, встретились с лицами, знавшими родных Феликса Эдмундовича, посетили хутор Дзержиплово, где он родился и провел детские годы. Привезенный оттуда материал пионеры использовали на сборе, посвященном годовщине со дня рождения Феликса Эдмундовича. Музей Ф. Э. Дзержинского в г. Ивентце и хутор Дзержиново посещают большие группы учащихся многих школ Белоруссии. Хочется отметить еще работу переписывающегося со мной уже несколько лет историко-краеведческого кружка средней школы № 27 (бывшая железнодорожная школа) г. Вильнюса (руководитель Фролов Павел Максимович). Кружок этот глубоко изучает жизнь и деятельность Феликса Эдмундовича. Кружковцы организовали стенд с фотографиями Ф. Э. Дзержинского, издают стенгазеты, в которых пишут о его юных годах, борьбе и работе. Они разыскивали в г. Вильнюсе совсем запущенную могилу матери Ф. Э. Дзержинского Елены Янушевской-Дзержинской, горячо любимой им, привел ее в порядок и систематически ухаживают за ней. Они выполняют весьма важную и полезную работу, разыскивая лиц, боровшихся за освобождение г. Вильнюса от немецких фашистов, ведут переписку с различными музеями и архивами, получая много сведений о погибших в боях за освобождение Советской Литвы. И для многих других пионерских дружин и отрядов образ Дзержинского, беззаветно преданного делу партии, делу коммунизма, служит примером и помогает им воспитывать черты человека зрелого уже коммунистического общества.

Народный комиссар путей сообщения

8—16 марта 1921 года состоялся X съезд партии, который по инициативе В. И. Ленина принял постановление о переходе от политики военного коммунизма к новой экономической политике (нэп).

Гражданская война и иностранная интервенция вынудили Советскую власть ввести продовольственную разверстку. Продразверстка обязывала крестьян все излишки продовольствия отдавать государству, что лишало их возможности торговать своими продуктами на рынке. После окончания гражданской войны и иностранной интервенции продразверстка вызывала недовольство крестьян, угрожала срывом смычки рабочего класса с крестьянством, являющейся основой Советской власти. В то же время продразверстка, лишая крестьян стимула для поднятия своего хозяйства, тормозила развитие сельского хозяйства страны в целом, без чего нельзя было восстановить и промышленность.

Чтобы устранить это, X съезд партии по инициативе В. И. Ленина решил заменить продразверстку продовольственным налогом, предоставив крестьянам право свободной продажи на рынке оставшихся у них после сдачи продналога продовольственных излишков. Введение продналога и свобода торговли означали некоторое временное оживление капитализма в Советской стране, рост кулачества, появление мелких частных предприятий и разрешение частной торговли. Однако командные высоты (земля и ее недра, средства производства, банки, железнодорожный и водный транспорт, внешняя торговля) народного хозяйства сохранялись в руках пролетарского государства. Это был единственно правильный путь, приведший потом страну к социализму. Новая экономическая политика была рассчитана на укрепление союза пролетариата и крестьянства, на укрепление диктатуры пролетариата, на развитие производительных сил страны в социалистическом направлении; она была рассчитана на допущение в известных пределах капитализма при сохранении командных высот народного хозяйства в руках пролетарского государства; она была рассчитана на борьбу социалистических элементов с капиталистическими, на победу социалистических элементов, на уничтожение эксплуататорских классов, на построение социализма в СССР.

После X съезда партия развернула работу по разъяснению и осуществлению новой экономической политики и направила ряд видных партийных деятелей, в том числе и Дзержинского, на решающие участки хозяйственной работы. 14 апреля 1921 года Президиум ВЦИК по предложению В. И. Ленина назначил Ф. Э. Дзержинского народным комиссаром путей сообщения с оставлением его на посту руководителя ВЧК и НКВД.

Еще до X съезда партии Феликс Эдмундович наряду с работой в ВЧК выполнял ряд поручений партии, касающихся хозяйственных вопросов.

В январе — феврале 1921 года он ездил на Украину, где занимался вопросом восстановления угольной и металлургической промышленности Донбасса. После возвращения в Москву, 10 февраля, Дзержинский выступил с докладом о нуждах Донбасса на заседании Временного совещания при СТО по Донбассу.

7 марта того же года он был утвержден Московским комитетом РКП(б) председателем комиссии по улучшению быта рабочих. По этому вопросу в беседе с сотрудником газеты «Известия» 27 апреля 1921 года Ф. Э. Дзержинский, между прочим, сказал: «Комиссии по улучшению быта рабочих могут удовлетворить экстренные, неотложные нужды рабочих почти исключительно путем изыскания распыленных, неучтенных или плохо использованных материалов и имущества. Но и из этих ресурсов можно извлечь очень много, призвав к самостоятельности широкие рабочие массы и дав им возможность принять активное участие в деле улучшения своего быта».

Дзержинский уделял огромное внимание обеспечению рабочих жильем и указывал на большие недостатки в этой области. Распределение жилой площади производилось тогда безотносительно к классовому признаку. Различные темные силы, обладающие средствами, нажитыми спекулятивным путем, подкупали людей, ведающих распределением жилищной площади, в результате чего в отдельных домах большое количество подлежащих уплотнению комнат не заселялось. Дзержинский сделал вывод, что «бюрократическим путем с этим злом никогда не справиться и, лишь вовлекая в борьбу с ним широкие рабочие массы, непосредственно в успешности борьбы заинтересованные, можно что-нибудь сделать».

Выполнение заданий хозяйственного характера явилось для Дзержинского некоторой подготовкой к последующей его огромной работе в качестве народного комиссара путей сообщения и потом председателя Высшего Совета Народного Хозяйства.

И вот Дзержинский — народный комиссар путей сообщения.

Еще в конце апреля 1918 года, выступая на заседании ВЦИК, В. И. Ленин говорил: «...Без железных дорог не только социализма не будет, а просто околеют все с голоду, как собаки... Ибо железные дороги — это гвоздь, это одно из проявлений самой яркой связи между городом и деревней, между промышленностью и земледелием, на которой основывается целиком социализм»¹.

Однако лишь только после окончания гражданской войны возникли реальные условия для восстановления разрушенного транспорта.

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 36, стр. 271—272.

Ф. Э. Дзержинский в рабочем кабинете. 1921 г.

Выступая 27 марта 1921 года на Всероссийском съезде транспортных рабочих, В. И. Ленин говорил об огромном значении транспорта для восстановления всего народного хозяйства Страны Советов.

«Едва ли есть, — сказал он, — другая часть пролетариата, которая так ясно входит своей повседневной экономической деятельностью в связь с промышленностью и земледелием, чем железнодорожники и водники...

От работы этой части пролетариата непосредственно больше зависит судьба революции, чем от остальных частей его»¹. Советский транспорт находился тогда в состоянии огромной разрухи, а без восстановления и укрепления железных дорог нельзя было ни поднять промышленность и сельское хозяйство, ни снабдить голодающие города продовольствием, а сельское население промышленными товарами. Империалистическая, а

затем гражданская войны катастрофически отразились на транспорте. Из имеющихся тогда в Советской России 63 тыс. верст железнодорожных путей 40 тыс. верст во время гражданской войны находились во власти белых и были сильно разрушены. Было взорвано, сожжено и повреждено свыше 4000 мостов, много станций и различных железнодорожных зданий. За время войны огромное количество паровозов и вагонов вышло из строя.

В 1913 году из общего числа паровозов 20 320 больных было только 17%, а к 1 января 1921 года число их составляло 62,2%. К 1 сентября 1922 года число больных паровозов увеличилось еще на 0,5%.

Что касается вагонного парка, то в 1913 году в России было более 502 тыс. вагонов, из них больных — всего 5,5%. В 1921 году больных вагонов в среднем было 27,3%, а к 1 июля 1922 года процент их увеличился до 34,7, причем и все остальные рельсы было считать вполне здоровыми. Транспорт испытывал огромный недостаток топлива, и 75% сети работало на дровяном топливе.

Весьма часто поезда должны были останавливаться в пути, не доходя до станции, и стоять часами, пока железнодорожники вместе с пассажирами заготавливали в лесу дрова для паровоза.

Несмотря на чрезвычайно упавший грузооборот, на транспорте оставалось громадное, совсем ненужное и лишь вредящее делу число служащих и рабочих, притом абсолютно материально не обеспеченных. Среди высшего технического персонала были тогда еще люди, враждебно относящиеся к Советской власти и саботирующие работу.

Не лучше обстояло дело и с водным транспортом.

В момент назначения Фелпкса наркомом путей сообщения он был охвачен огромной тревогой: ведь дело было для него совершенно новое и у него не было никакого опыта руководящей хозяйственной работы. Но Фелпкс никогда не останавливался ли перед какими трудностями. Наоборот, трудности лишь разжигали в нем еще большую энергию, побуждали его к новым героическим усилиям. Он непоколебимо верил в творческие силы трудящихся масс, освобожденных от капиталистического гнета и ставших хозяевами своей страны.

Глеб Максимиланович Крижановский в своих воспоминаниях о Фелпксе писал: «С какой настороженностью встретили это название опытные работники ж.-д. транспорта: никто не сомневался, что Фелпкс умеет поражать мечом революции, но сумеет ли та же рука правильно направить рычаги полусокрушенного и такого сложного транспортного аппарата? Вспоминаю, как быстро рассеялись опасения, как быстро Фелпкс стал подлинной центральной фигурой в шеренгах действительных борцов с транспортной разрухой, как он в краткий срок сумел заразить своей несокрушимой энергией десятки тысяч людей, вдохновить своей пламенной верой в неизбежные успехи пролетарского строительства на всех путях его».

В своем докладе на заседании Петроградского Совета 13 декабря 1921 года о состоянии транспорта Дзержинский, обрисовав его все еще тяжелое положение и трудности его восстановления, спросил, сможет ли советский транспорт справиться со стоящими перед ним задачами? И ответил: «На первый взгляд может взять сомнение, но если вспомним, в каком положении находились рабочие и крестьяне, когда они брали власть в свои руки... то у нас должен быть один ответ: мы выполним все стоящие перед нами задачи, как бы велики они ни казались, если только у нас будет твердая воля к победе».

У Дзержинского не было ни высшего, ни специального технического образования, но он горел страстным желанием созидательной работы на пользу социализма, не стыдился учиться и умел учиться. Он посещал железнодорожные станции, депо и мастерские, беседовал с рабочими, с машинистами, со стрелочниками, с начальниками станций, расспрашивал их о недостатках и нуждах транспорта. Стоял в очереди у железнодорожной кассы, проверяя порядок продажи билетов, выявляя недостатки и злоупотребления. Он учился у рабочих, у своих товарищей по коллегии НКПС и у высококвалифицированных специалистов. Часть старых буржуазных специалистов, а также отдельные оппортунистические элементы из числа членов партии не верили в возможность восстановления советского транспорта внутренними силами страны и предлагали сдать в аренду иностранному капиталу некоторые железные дороги.

Разоблачая эту капитулянтскую позицию, Дзержинский говорил: «...те господа, которые направляют мысль нашу в сторону привлечения иностранного капитала на транспорт, в глубине души в основе своей имеют в виду не интересы хозяйственно-экономического развития страны, а имеют интересы политические, которые мы должны отвергнуть».

Дзержинский очистил транспортный аппарат от контрреволюционных элементов, мобилизовал и организовал массы железнодорожных рабочих и служащих, которые быстро почувствовали в нем пламенного и стойкого борца за восстановление транспорта и горячо полюбили его. Фелпкс Эдмундович уважал и высоко ценил добросовестных специалистов, прислушивался к их словам, учился на их опыте, окружал их вниманием и товарищеской заботой. Он сумел объединить вокруг себя лучшие силы специалистов транспорта.

Один из крупных специалистов, бывший начальник ЦУЖЕЛ инженер О. О. Дрейзер, так писал после смерти Фелпкса:

«При первом появлении Дзержинского специалисты-транспортники были сильно подавлены в ожидании наказания, но все эти мрачные ожидания быстро рассеялись и заменились небывалой до той поры уверенностью и спокойствием, как только все поняли, что заботливое отношение к вверенному нам огромному хозяйству и успешная работа на транспорте всегда найдут поддержку и правильную оценку со стороны т. Дзержин-

ского. Умный и твердый начальник, он вернул нам веру в наши силы и любовь к родному делу!»

Своим горением на работе, своим огромным энтузиазмом Ф. Э. Дзержинский заражал всех работников транспорта — от рабочих до крупных специалистов, благодаря чему в короткое время в восстановлении транспорта были достигнуты большие успехи.

12 мая 1921 года по поручению ЦК РКП(б) Дзержинский поехал на юг Советской России для подготовки транспорта к предстоящим продовольственным и топливным перевозкам. Будучи в Харькове, Дзержинский получил телеграмму В. И. Ленина от 27 мая о необходимости принять экстренные меры по борьбе с мешочничеством на Украине, которое дезорганизовало транспорт и грозило подорвать заготовку хлеба для голодающих промышленных центров страны. Дзержинский в ответной телеграмме В. И. Ленину сообщил о принятых им мерах по борьбе с упомянутым злом. Из Харькова Феликс Эдмундович направился на юг и ознакомился с состоянием портов Черного моря: Одессы, Николаева, Новороссийска. В Николаеве, Херсоне и Одессе он выступал на собраниях портовых рабочих и моряков по вопросам о восстановлении портов и улучшении их работы. Он уделял большое внимание перевозке нефти, ремонту нефтеналивных барж, важнейшей проблеме организации судоподъема, обеспечению портов рабочей силой, требовал укрепления трудовой дисциплины и указывал на необходимость улучшения снабжения портовых рабочих и служащих.

В конце того же 1921 года Дзержинский ездил в Петроград, где также изучал состояние железнодорожного узла и порта и выступил 13 декабря 1921 года с докладом о транспорте на заседании Петроградского Совета.

В конце 1922 г., будучи на отдыхе в Сухуми, Дзержинский ознакомился с состоянием портов Батуми и Сухуми и принял необходимые меры для их восстановления. Он проявлял также заботу о развитии морского флота на Белом и Каспийском морях.

Уже в первые годы своей работы на транспорте Дзержинский понимал огромное значение морского флота и 3 октября 1922 года в докладе на II съезде работников транспорта сказал, что водный транспорт, особенно морской, приобретает уже не только чисто русское значение, но и значение международного фактора.

Транспорт играл большую роль в борьбе с последствиями небывалого неурожая 1921 года и вызванным им голодом. Дзержинский принял ряд мер по привлечению к этой борьбе транспортников. Коллегией НКПС и ЦК профсоюза транспортников была создана Центральная транспортная комиссия по борьбе с голодом. Такие же комиссии были потом созданы на местах; они проводили сборы денег, продуктов питания и предметов широкого потребления для голодающих.

В Обращении к железнодорожникам и водникам, напечатанном в органе НКПС «Гудок» от 30 июля того же года, Дзержинский писал: «...от вас зависит усиленный выпуск из ремонта паровозов и вагонов для перевозки семян и хлеба голодающим. Только вы можете без малейшей задержки продвигать продовольствие и семена на поддержку умирающих».

22 сентября 1921 года В. И. Ленин и Дзержинский направили телеграмму всем губисполкомам, начальникам железнодорожных округов и начальникам дорог о задачах транспорта в борьбе с голодом. В этой телеграмме указывалось на необходимость совместными усилиями ускорить ремонт паровозов и вагонов для более быстрого продвижения продовольственных грузов в голодающие города и районы.

31 декабря 1921 года ЦК РКП(б) назначил Дзержинского членом комиссии ЦК по наблюдению за вывозом продовольственных и семенных грузов из Сибири, Украины и из-за границы. 2 января 1922 года Дзержинский был назначен особоуполномоченным ВЦИК и СТО и 4 числа этого же месяца выехал в Сибирь во главе экспедиции из 40 человек для принятия чрезвычайных мер по продвижению продовольственных грузов из Сибири в Москву, Петроград и голодающие районы Поволжья.

В состав экспедиции входили сотрудники ВЧК и транспортного отдела ВЧК, Наркомпрода, представители Военно-транспортной коллегии Верховного трибунала и других ведомств, а также ответственные работники Центрального комитета профсоюза транспортников.

Состояние железных дорог Сибири было тогда очень тяжелое, и, как выяснила экспедиция на месте, они были совсем не подготовлены к выполнению предстоящей ответственной задачи.

Между тем за 1921 год Сибирский округ путей сообщения обследовало огромное количество специально направленных туда комиссий, но проведенные ими обследования носили поверхностно-бюрократический характер, не вскрывали истинного положения дел и сообщали о полной готовности сибирских железных дорог к перевозкам.

Кроме того, в Сибири продолжали орудовать остатки кулацко-колчаковских банд, эсеры и агенты Японии, производились поджоги, готовились взрывы железнодорожных мастерских, станций, поездов.

Прибыв в Омск, Дзержинский издал 10 января 1922 года приказ № 6, в котором было сказано: «...жизнь важнейших наших промышленных предприятий, нашей крупной промышленности... зависит теперь от того, будут ли своевременно доставлены заготовленные в Сибири хлеб и мясо; движение на железных дорогах Республики зависит от того же; засев яровых хлебов в голодающих местностях зависит также от того, будет ли подвезено зерно для посева из Сибири, хлеб для голодающих. От этого

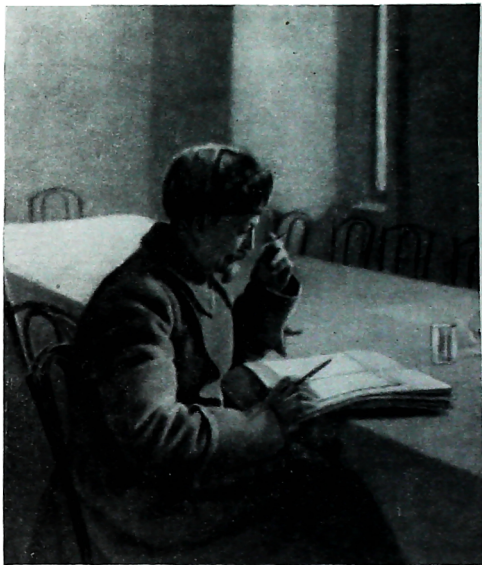
зависит, следовательно, и самое существование Республики Советов...

По заданию Республики по вывозке продовольствия из Сибири не выполняется...

...Я обращаюсь ко всем вам, от рядового чернорабочего до ответственного работника включительно, и требую, чтобы немедленно, объединенными усилиями, на железных дорогах Сибири создан был образцовый революционный порядок, чтобы задания и требования Республики по ремонту дорог и подвижного состава, по нагрузке и вывозу продмаршрутов были выполнены на все 100 %».

Свою работу в Сибири Дзержинский проводил в тесном контакте с партийными и советскими организациями Сибири и телеграфно информировал ЦК РКП(б) и лично В. И. Ленина о ходе работы по вывозу продовольствия из Сибири.

Железные дороги Сибири наряду с другими трудностями испытывали тогда колоссальные затруднения с топливом, что тормозило их работу и вывоз продовольствия. Дзержинский потребовал от инженеров-специалистов представить ему норму расхода угля на маневровке паровоза. Эти нормы показали Феликсу Эдмундовичу завышенными. Он поручил одному из машинистов произвести тщательную проверку расхода топлива. Машинист в течение почти 48 часов производил маневровую работу, отмечая расход топлива и принимая все меры к его экономии. Полученные данные опровергли вычисления специалистов, считавшиеся непреложными, но оказавшиеся значительно преувеличенными. Узнав результаты проверки, Дзержинский созвал общее собрание железнодорожников Омской железной дороги и Сибирского округа путей сообщения, на котором предложил уменьшенную против прежней норму потребления топлива, что и было принято.

Ф. Э. Дзержинский во время поездок в Сибирь. 1922 г.

4 февраля 1922 года Держипиский выступил в Омске на заседании губернского экономического совещания с докладом о положении сибирского транспорта и мерах к его поднятию.

Назначение работы транспорта в Сибири было очень трудным делом и потребовало от Феликса большого напряжения сил. Об этом свидетельствует ряд писем, написанных им из Сибири.

Еще по пути в Сибирь из Екатеринбурга (ныне Свердловск) 7 января 1922 года он писал мне: «...мы остаемся здесь на сутки для выполнения ряда дел, связанных с моей миссией... последнее время в Москве — ты видела это — я работал уже из последних сил. Предполагаю, что здесь в Сибири, несмотря на ожидающую меня огромную работу, я обрету прежнее равновесие. А в Москве привыкнул и без меня справляться в ВЧК и в комиссариате путей сообщения...»

22 января он мне прислал письмо из Ново-Николаевска (ныне Новосибирск): «...здесь работы очень много, и идет она с большим трудом. Она не дает тех результатов, которых мы ожидали и к которым я стремлюсь. Чувствую, что там, в Москве, не могут быть нами довольны. Но работа здесь была так запущена, что, для того чтобы наладить все, нужно более продолжительное время, а Республика ожидать так долго не может. Итак, работаю мрачные, напрягая все силы, чтобы устоять и чтобы преодолеть все новые трудности. Конечно, вина наша — НКПС. Мы не предвидели, не обратили внимания месяца 3—4 тому назад. Правда, сюда приезжал Емшанов¹, но ничего здесь не сделал...»

Я вижу, что, для того чтобы быть комиссаром путей сообщения, недостаточно хороших намерений. Лишь сейчас, зимой, я ясно понимаю, что летом нужно готовиться к зиме. А летом я был еще желторотым, а мои помощники не умели предвидеть.

...Видишь, невеселое у меня настроение... Как долго я здесь остаюсь — не знаю. Думаю, что до марта... Я здесь нужен, и хотя не видно непосредственных результатов, но мы проводим большую работу, и она даст свои результаты, она приостановила развал, она начинает сплачивать усилия всех в одном направлении и дает уверенность, что трудности будут преодолены. Это меня поддерживает и придает сил, несмотря ни на что...»

В следующем письме ко мне из Омска, от 7 февраля 1922 года, Феликс писал: «Тебя пугает, что я так долго вынужден буду находиться здесь, возможно, что я смогу выехать в первых числах марта, не знаю... но я должен с отчаянной энергией работать здесь, чтобы наладить дело, за которое я был и остаюсь ответственным. Адский, сизифов труд. Я должен сосредоточить всю свою силу воли, чтобы не отступить, чтобы устоять

Ф. Э. Дзержинский в Омске.

и не обмануть ожидания Республики. Сибирский хлеб и семена для весеннего сева — это наше спасение и наша опора в Генуе¹.

Не раз я доходил здесь до такого состояния, что почти не мог спать — бессильный гнев наводил меня на мысль о мести по отношению к этим негодям и дуракам, которые здесь сидят (Дзержинский имел в виду местных работяшек путей сообщения. — С. Д.). Они нас обманывали —

¹ Ф. Э. Дзержинский имеет в виду Генуэзскую конференцию. Она состоялась 10 апреля — 19 мая 1922 года в Генуе (Италия) с участием представителей Советской России, Англии, Франции, Италии, Бельгии, Японии, Германии и других государств. Представитель США присутствовал в качестве «наблюдателя». Имperialистические державы пытались на конференции использовать хозяйственные затруднения Советской России, чтобы навязать ей кабальные условия соглашения. Они требовали уплаты всех царских долгов, включая и довоенные, возвращения иностранцам владельцам национализированных предприятий и др. Советская делегация отвергла наглое притязание империалистов, внесла предложение о всеобщем разоружении и аннуляции всех военных долгов. Переговоры в Генуе (и их продолжение в июле — июле 1922 года в Гааге) закончились безрезультатно.

здесь было совершенно пустое место. А среди масс, даже партийных, было равнодушие и непонимание того, какой грозный период мы переживаем. Нам самим нужно было заняться всем — сгладить между собой и с округом разрозненные части вытянутой нити сибирских дорог. Необходимо наблюдать за каждым распоряжением, чтобы оно не осталось на бумаге, необходимо было всех поднять, чтобы приняли участие в выполнении поставленной перед нами боевой задачи. Я вынужден сдерживать свой гнев, чтобы окончательно не разрушить организацию. К тому же и в политическом отношении здесь неблагополучно. Дает себя знать рука эсэров и агентов Японии. В такой атмосфере я должен здесь работать. Правда, я имею с собой дельных помощников — партийных товарищей и спецов — и в конечном счете надеюсь, что мы свою задачу выполним. Но так выехать отсюда я не могу, несмотря на то что здесь очень тяжело... и я хотел бы вернуться скорее.

Я не мог бы никому смотреть в глаза, и это было бы для меня невыносимой мукой, и она отравила бы нам жизнь. Сегодня Герсон в большой тайне от меня по поручению Ленна спрашивал Белянского о состоянии моего здоровья, смогу ли я еще оставаться здесь, в Сибири, без ущерба для моего здоровья. Несомненно, что моя работа здесь не благоприятствует здоровью. В зеркало вижу злое, нахмуренное, постаревшее лицо с опухшими глазами. Но если бы меня отозвали раньше, чем я сам мог бы сказать себе, что моя миссия в значительной степени выполнена, — я думаю, что мое здоровье ухудшилось бы. Меня должны отозвать лишь в том случае, если оценивают мое пребывание здесь как отрицательное или бесполезное, если хотят меня осудить как наркомпути, который является ответственным за то, что не знал, в каком состоянии находится его хозяйство. Этот месяц моего пребывания и работы в Сибири научил меня больше, чем весь предыдущий год, и я внес в ЦК ряд предложений.

И если удастся в результате адской работы наладить дело, вывести все продовольствие, то я буду рад, так как и я и Республика воспользуемся уроком, и мы упростим наши аппараты, устраним централизацию, которая убивает живое дело, устраним излишний и вредный аппарат комиссаров на транспорте и обратим больше внимания на места, на культурную работу, перебросим своих работников из московских кабинетов на живую работу на местах...»

20 февраля 1922 года по пути из Омска в Ново-Николаевск (Новосибирск), где 22-го на заседании Спббюро ЦК РКП(б) Дзержинский делал доклад о положении сибирского транспорта и мерах по вывозу продовольствия, он мне писал:

«...Почту за две недели я получил уже в поезде. Уже поздняя ночь — только сейчас я закончил чтение писем из Москвы. Я хочу сейчас же написать тебе, так как завтра у меня не будет времени. Я еду всего на один день в Ново-Николаевск — обсудить дела с Ревкомом. У нас огром-

ные трудности. Когда работа округа (имеется в виду округ железных дорог. — С. Д.), казалась, начинала входить в норму, метели и снежные бураны опять дезорганизовали работу. А в недалекой перспективе новая угроза — продовольствия, оказывается, меньше, чем предполагалось. Я не могу разорваться на части и все предвидеть, а заменить знания и опыт энергией нельзя. Я только лишь учусь... Я не могу вернуться прежде, чем выяснится ситуация. Хлеб из Сибири для Республики — спасение. А когда я вернусь, то мне не хотелось бы, чтобы текущие дела, как обычно, поглотили меня целиком — взяли меня в плен. Ибо сибирский опыт показал мне основные недостатки в нашей системе управления — их необходимо устранить. Без длительной борьбы это не удастся... Я пришел к неопровержимому выводу, что главная работа не в Москве, а на местах, что $\frac{2}{3}$ ответственных товарищей и спецов из всех партийных (включая и ЦК), советских и профсоюзных учреждений необходимо перебросить из Москвы на места. И не надо бояться, что центральные учреждения развалятся. Необходимо все силы бросить на фабрики, заводы и в деревню, чтобы действительно поднять производительность труда, а не работу перьев и канцелярий. Иначе не вылезем. Самые лучшие замыслы и указания из Москвы даже не доходят сюда и висеают в воздухе. Я только теперь глубже погрузился в жизнь и хочу бороться за эту жизнь... Среди моих товарищей и сотрудников заметно желание вернуться поскорее. Их измучила непрерывная работа и оторванность от семей. Я должен был обратиться к ним с напоминанием, что Москва ожидает не нас, а хлеб от нас. Они восприняли эти слова и работают самоотверженно. Даже «специалисты» и те, насколько могут, напрягают силы. Мы жились друг с другом... И я вижу, как здесь без комиссаров и специалистов становятся пыным. Институт комиссаров у нас в НКПС уже изжил себя, и надо будет ликвидировать его поскорее... Но довольно об этом.

Я живу теперь лихорадочно. Сплю плохо, все время беспокоят меня мысли — я ищу выхода, решения задач. Однако я здоров...» Последние слова Феликс написал для моего успокоения, ибо здоровье его было не в порядке и он был страшно переутомлен.

Несмотря на перегруженность работой, Феликс нашел время, правда поздней ночью, написать несколько слов своему сыну, притом в шутилом тоне, и послать ему газету «Сибирский гудок» с папчатанной в ней остроумной сатирической задачей. Вот отрывок из этого письма:

«Дорогой мой Ясик! Поезд везет меня из Омска в Ново-Николаевск, трясет, поэтому буквы моего письма становятся похожими на твои. Они качаются в различные стороны и шлют тебе поцелуй и привет. Я чувствую себя хорошо — работы у меня много... А ты что делаешь? Хорошо ли учишься и играешь ли?.. Поцелуй от меня маму 14 с половиной раз, а сам будь здоров. Целую тебя крепко. До свиданья.

Твой папа» 371

В течение всего пребывания в Сиббири Дзержинский вместе со своими сотрудниками жил в поезде и работал в вагоне днями и ночами. Несмотря на крайнюю перегруженность работой, Феликс Эдмундович находил время и силы и для других более мелких, но важных дел.

В годы пана была разрешена частная торговля, за исключением продажи спиртных напитков; однако практиковалась незаконная продажа их из-под полы. В связи с этим Феликс Эдмундович обратился ко всему личному составу экспедиции с предписанием соблюдать революционный порядок и в ночь с 12 на 13 февраля в Омске передал своему помощнику следующий приказ:

«Прошу находящееся в нашем поезде у кого бы то ни было, в каком бы то ни было количестве и какого бы сорта вино или спиртной напиток уничтожить, поскольку нет предписания врача. Прошу вместе с тем сообщить всем, кому следует, что за нахождение вина в моем поезде буду карать самым беспощадным образом.

Наркомпутъ и Наркомвнудел
Ф. Дзержинский».

Несмотря на огромные трудности, задачи возглавляемой Дзержинским специальной экспедиции по восстановлению сибирского транспорта были выполнены. Все семешные и мясные погрузки транспорт выполнил на 100% и в заданный срок.

По мнению Дзержинского, основными причинами неподготовленности сибирского транспорта к продовольственным перевозкам были: развал административного аппарата Сибирского округа путей сообщения, отсутствие связи его с местными хозяйственными органами, полная небеспечность топливом. Самой же главной причиной плохой работы сибирского транспорта Дзержинский считал отвратительную постановку дела со снабжением рабочих.

Экспедиция урегулировала ряд больных вопросов.

На основании опыта, приобретенного в Сиббири, Дзержинский сделал ряд выводов о реорганизации транспортного дела. Он считал необходимым провести децентрализацию управления транспортом и предоставить большие права местам, установить более тесную связь транспорта с местными органами, создать внутри самого транспорта органы, которые ведали бы хозяйственно-коммерческой стороной дела, урегулировать вопрос снабжения рабочих.

После возвращения в Москву Дзержинский сделал на заседании Политбюро ЦК РКП(б) в марте 1922 года доклад о состоянии транспорта и о политическом положении в Сиббири, а также внес ряд предложений, направленных на улучшение работы транспорта. В скором времени была проведена реформа системы управления транспортом, была ликвидирована чрезмерная его централизация, созданы правления

железных дорог, был отменен институт комиссаров на транспорте, чем было выражено доверие местным работникам, в том числе специалистам. Был упрощен и сокращен центральный аппарат НКПС. Личный состав аппарата НКПС был уменьшен почти на 50%.

По инициативе Дзержинского были созданы органы общественной самодеятельности хозяйственников и инженерно-технического персонала: Бюро правлений железнодорожного транспорта и Клуб транспорта. Эти организации способствовали развитию инициативы и самодеятельности хозяйственных и технических работников транспорта, а также обмену опытом их работы. Бюро правлений сыграло большую роль в увязке работы Наркомпути с местными правлениями железных дорог.

Ф. Э. Дзержинский направлял всемерные усилия на подготовку новых специалистов из среды рабочего класса и трудового крестьянства, овладевших сложной транспортной техникой.

В своей работе на транспорте Дзержинский опирался на партийные организации, с которыми поддерживал непосредственную связь, придавая огромное значение ведущей роли коммунистов на железных дорогах. В то же время он считал необходимым привлечение широких масс железнодорожников, в том числе рабочих от станка, в борьбу за улучшение работы транспорта, за технические усовершенствования и изобретения. Указывая, что на транспорте царит неслыханное рутинство, Дзержинский подчеркивал, что необходимо «внести дух новаторства и в техническую область», разбудить творческую инициативу рабочих масс, особенно рабочих от станка, и создать для изобретателей соответствующие материальные и общественные условия.

«У капиталистов, — говорил он, — изобретения были делом чисто коммерческим, у нас — они должны стать проявлением воли пролетариата к победе».

По инициативе Дзержинского был организован при техническом комитете НКПС специальный орган, ведающий изобретениями на транспорте. Дзержинский лично интересовался изобретениями и оказывал их авторам всемерное содействие и поддержку. «...Советский транспорт восстановить и поставить на крепкие ноги, — говорил Дзержинский, — без использования изобретений рабочих, работающих у станков, без их воодушевления в этой области, по-моему, невозможно...» Эти изобретения, по мнению Дзержинского, должны иметь своей целью поднять наш рабочий транспорт технически выше, чем при буржуазном режиме.

С негодованием Дзержинский говорил о «неслыханных мытарствах» рабочих-изобретателей и дал конкретные указания для поощрения изобретательства на транспорте и привлечения к нему широких масс железнодорожников.

Рабочий-железнодорожник Трегер изобрел жезл, превосходивший по своим качествам английские жезлы, которые применялись тогда на **373**

советских железных дорогах. Но вместо поддержки со стороны работников транспорта Трегер подвергся увольнению с работы. Дзержинский взял его под свою защиту, потребовал у компетентных лиц оценки жезла Трегера, который был признан ценным изобретением в финансовом и техническом отношении и широко использовался на советском транспорте.

Оказал помощь Ф. Э. Дзержинский изобретателю Ф. Г. Матросову, изобретателям тепловоза профессорам А. И. Шелесту и Я. М. Гаккелю и многим другим.

Огромную работу Феликс Эдмундович провел по борьбе со взятничеством и массовыми хищениями. Корни этих позорных явлений были в общем расстройстве хозяйства, в падении дисциплины работников транспорта, их материальной необеспеченности. Дзержинский со всей энергией привнес за ликвидацию этого зла. Он выступил с обращением к железнодорожникам 6 декабря 1921 года, в котором заклеил позором взяточников и призвал всех честных граждан прийти на помощь для того, чтобы обнаружить и изобличить преступников. В листовке «Хищникам и ворами народного достоинства нет пощады» за подписью председателя ВЧК и Наркомпути Дзержинский призвал всех честных транспортных работников на борьбу с ворами и бандитами, разрушающими благосостояние Республики.

«Суровые кары, — говорилось в этой листовке, — вплоть до высшей меры наказания — расстрела, будут применяться не только к непосредственным участникам в хищениях на транспорте, но и пособникам и скупщикам краденого». По инициативе Дзержинского были организованы специальные комиссии по борьбе со взятничеством и хищениями в центре и на местах. Одновременно были приняты меры по повышению ответственности и дисциплины среди железнодорожников и по улучшению материального положения транспортников. Все это привело к резкому сокращению уже в 1923 году указанных преступлений на транспорте.

Целый ряд чрезвычайно важных и сложных вопросов пришлось решать Дзержинскому, чтобы вывести транспорт из разрухи и полностью восстановить его. В связи с переходом в начале 1922 года железных дорог на хозрасчет и их большой дефицитностью необходимо было провести огромную работу по ликвидации бесхозяйственности, по экономии топлива, по снижению себестоимости перевозок, по увеличению грузооборота и т. д. В 1923 году дефицитность железных дорог была уже ликвидирована, и в дальнейшем они стали давать государству доход.

Дзержинский постоянно заботился об улучшении материального положения транспортников — рабочих, служащих и специалистов. К 1924 году заработная плата транспортников была увеличена более чем на 50% без дополнительных ассигнований государства.

Подъем транспорта был немалым без улучшения и удешевления продукции металлургической и топливной промышленности, и Дзержинский, не ограничиваясь рамками своего ведомства, занялся изучением состояния этих отраслей индустрии. 20 ноября 1923 года он направил в ЦТО обширную докладную записку о металлопромышленности, в которой наметил ряд мер по упорядочению ее работы, а также работы топливной промышленности.

Во всей своей деятельности на транспорте Дзержинский исходил не из ведомственных, а из общегосударственных интересов и считал необходимым постоянное единство усилий всех трех отраслей народного хозяйства.

Особо хочется мне сказать о том огромном внимании, с которым Феликс относился к вопросу о культурно-просветительной работе среди транспортников и их детей. Он считал, что «без просвещения не может быть транспорта... Там... где нет культуры, там нет пролетарской власти, там будет взяточничество, шкурничество, но не будет сознания той миссии, которую пролетариат выполняет». По инициативе Дзержинского между НКПС и Наркомпросом было заключено соглашение, по которому клубы, библиотеки для железнодорожников и школы для их детей были изъяты в административном отношении из Наркомпроса и переданы в ведение НКПС. С тех пор Наркомпуть взял на себя материальное обеспечение этих учреждений, финансирование и снабжение их всем необходимым; лишь педагогическое руководство осталось за Наркомпросом.

А. В. Лупатарский в своей статье о Дзержинском приводит горячую аргументацию последнего в коллегии Наркомпроса в пользу такого временного решения вопроса о школах для детей железнодорожников. «Я не ведомственник и вам не советую им быть», — сказал Дзержинский. — Руководство — пожалуйста... Обеспечьте за собой руководство полностью... Вам и книги в руки. Но администрировать, но финансировать — дайте нам. В чем дело? У нас есть какая-то лишняя копейка. Мы можем прибавлять какие-то гроши к каждому билету. И вот возможность несколько тысяч детей учить немного лучше, чем остальных... Ведь мы же общий уровень поднять не можем? Эти наши деньги мы вам отдать на все дело образования не можем? Зачем же вы хотите помешать, чтобы дети рабочих хоть одной категории имели эту, скажем, «привилегию» — учиться немножко лучше? Придет время, и это совсем не нужно будет... Что хотите, какие условия, только без вреда для самих детей».

Благодаря одобрению Советским правительством предложения Дзержинского и переходу в административном отношении школ для детей железнодорожников в ведение НКПС эти школы и другие культурно-просветительные учреждения на транспорте оказались в более благоприятных материальных условиях и смогли лучше развернуть свою работу.

Только недавно в связи с колоссальным ростом народного хозяйства СССР и огромным увеличением государственных ассигнований на нужды народного образования железнодорожные школы перешли полностью в ведение Министерства просвещения.

XIII Всероссийская конференция РКП(б), оценивая в январе 1924 года результаты почти трехлетней работы Дзержинского на посту наркома путей сообщения, констатировала, что «транспорт находится в таком состоянии, когда он без особых затруднений способен удовлетворить все предъявляемые к нему народным хозяйством требования».

9 февраля 1924 года, накануне перехода Дзержинского из НКПС на работу в ВСНХ, состоялось собрание Президиума Бюро правлений железных дорог и Правления Клуба транспорта, на котором работники транспорта прощались со своим руководителем.

От имени транспортников выступал заместитель Феликса Эдмундовича по Наркомпути В. И. Межлаук. Охарактеризовав методы работы Дзержинского, позволившие транспорту под его руководством достичь огромных успехов, В. И. Межлаук отметил, что полптика Дзержинского по отношению к специалистам-транспортникам волеюкла их полностью в дело социалистического строительства и что и в центре, и на линии коммунисты и специалисты плечом к плечу работают над воссозданием советского транспорта. Свою речь В. И. Межлаук закончил следующими словами: «С глубоким сожалением встречая уход уважаемого руководителя и любимого старшего товарища от непосредственной работы на транспорте, мы уверены, что расширение поля Вашей деятельности на всю необъятную область народного хозяйства Республики позволит выдвинутый Вами лозунг единства хозяйства транспорта превратить в реальное осуществление единства всего народного хозяйства — промышленности, сельского хозяйства и транспорта — и тем создать несокрушимую базу пролетарской диктатуры».

Смерть вождя

21 января 1924 года партию, советский народ и все трудовое человечество постигло великое несчастье: скончался Владимир Ильич Ленин.

В ночь с 21 на 22 января Феликс не приходил домой. Он был на почном заседании ЦК Коммунистической партии, экстренно собравшегося в связи со смертью В. И. Ленина. Ф. Дзержинский был назначен председателем комиссии Президиума ЦИК СССР по организации похорон Владимира Ильича. Я никогда не видела Феликса таким убитым горем, как в эти дни. Он понимал, как трудно будет партии без Ленина. Но Феликс верил в силы пролетариата и его партии, в победу ленинизма.

Никогда не забуду тяжелых январских дней, когда непрерывно днем и ночью тысячи и тысячи людей стояли на трескучем морозе на улицах Москвы, согреваясь у костров, в ожидании доступа в Колонный зал Дома Союзов, чтобы взглянуть на дорогое лицо и отдать последний долг безвременно ушедшему от нас великому вождю, отцу и другу.

25 января 1924 года Дзержинский, как председатель комиссии по похоронам В. И. Ленина, разослал по радио всем республикам, областям, губисполкомам СССР, Реввоенсовету, ВСНХ и всем Наркоматам Союза распоряжение, согласно которому 27 января в 16 часов по московскому времени в момент опускания гроба В. И. Ленина был произведен одновременный военный салют по всей территории СССР. На фабриках и заводах СССР в течение трех минут раздавались траурные гудки; работа на всех предприятиях и движение на транспорте были приостановлены на 5 минут.

О смерти великого вождя вместе с советским народом скорбили трудящиеся всего мира; в день похорон рабочие многих капиталистических стран остановили на 5 минут работу.

Не забыть той минуты, когда боевые соратники и друзья под гром артиллерийских залпов внесли останки Владимира Ильича на вечный покой в Мавзолей.

По желанию народа правительство приняло решение о балзамировании тела В. И. Ленина. Это было поручено группе ученых во главе с акад. В. П. Воробьевым. Дзержинский, являвшийся членом комиссии по увековечению памяти Ленина, всемерно помогал ученым в их трудной и ответственной работе. Об этом ярко написал принимавший непосредственное участие в сохранении тела В. И. Ленина проф. Б. И. Збарский в своей брошюре «Мавзолей Ленина».

Первые дни В. П. Воробьеву и Б. И. Збарскому приходилось круглые сутки непрерывно работать в Мавзолее. Без сна и отдыха они настолько переутомились, что едва держались на ногах. Узнав об этом, Дзержинский вызвал к себе проф. Збарского и взял с него слово, что он и акад. Воробьев будут поочередно отдыхать.

В тот же день Федикс Эдмундович распорядился проложить к Мавзолею трамвайные рельсы и провода, что и было сделано в течение одной ночи. На следующий день возле Мавзолея появился специально оборудованный вагон трамвая с постелями, умывальными принадлежностями, электрическими плитами и т. д. В этом вагоне ученые отдыхали и получали горячую пищу.

После месяца трудной работы над консервацией тела В. И. Ленина акад. Воробьев уехал на несколько дней в Харьков. В его отсутствие проф. Збарскому показалось, что на лице Владимира Ильича появились некоторые изменения.

В 2 часа ночи проф. Збарский направился в ОГПУ и из комнаты секретаря Дзержинского, срочно вызвав по телефону акад. Воробьева, требовал его немедленного приезда. По словам Б. И. Збарского, он был крайне взволнован, разговаривая с В. П. Воробьевым. Когда разговор был окончен и Збарский повернулся, он с изумлением увидел перед собой Феликса Эдмундовича.

«Что с Вами? — спросил Дзержинский. — На Вас лица нет. Разве так можно волноваться?» Он пригласил проф. Збарского в свой кабинет и в течение двух часов разговаривал с ним, успокаивая его.

«Я ушел успокоенный, — рассказывает Збарский. — Вспомнил много раз ту ночь, я вижу перед собой чудесного Феликса Эдмундовича».

И в течение всей трудной работы ученых в Мавзолее Дзержинский продолжал оказывать им помощь. «Он это выполнял с такой чуткостью, — вспоминал Б. И. Збарский, — с таким тактом, что удачными результатами нашей работы мы во многом обязаны ему».

В траурные дни в партийные организации поступили от рабочих тысячи заявлений о приеме их в партию. ЦК объявил ленинский призыв, по которому вступили в партию свыше 240 тыс. рабочих. Ленин умер, но он живет в сердцах сотен миллионов трудящихся всего мира, и его идеи, воодушевляя эксплуатируемые и угнетенные массы на борьбу за свое освобождение, ведут их к новым и новым победам. Нам ленинские идеи указывают путь к коммунизму.

На посту председателя ВСНХ

21 февраля 1924 года, после смерти В. И. Ленина, партия поставила Дзержинского на еще более трудный пост — председателя Высшего Совета Народного Хозяйства. Это был орган, руководивший всей нашей социалистической промышленностью. В то же время Дзержинский продолжал возглавлять коллегию ОГПУ. Промышленность находилась тогда в чрезвычайно плачевном состоянии. Многие фабрики и заводы стояли. На других оборудование было изношено и требовало капитального ремонта. Лучшие кадры рабочих погибли в гражданской войне и в войне с интервентами. На их место пришли тысячи новых рабочих из деревни, не переварившихся в пролетарском котле и не привыкших к трудовой дисциплине.

Нехватка и нерегулярный подвоз сырья и топлива вызывали частые простои, в связи с чем 8-часовой рабочий день — величайшее завоевание революции — фактически сводился к 4—5 часам полезной работы. В результате всего этого продукция промышленности не достигала тогда

и половины уровня довоенного, 1913 года¹ и ее рост значительно отставал от роста потребностей страны. Наряду с этим к концу 1923 года насчитывалось около миллиона безработных. Существовали чрезвычайно высокие цены на промышленные товары, в частности на сельскохозяйственные орудия, при низких ценах на продукцию сельского хозяйства. Это вызвало кризис сбыта, мешало дальнейшему развитию промышленности, угрожало срывом смычки рабочего класса с крестьянством. Момент, когда Дзержинский стал председателем ВСНХ, был тяжелым и в том отношении, что тогда начала осуществляться денежная реформа, призванная дать стране устойчивую валюту и подвести надежную основу под торгово-промышленный оборот. Дзержинский горячо поддерживал проведение денежной реформы и призвал все подведомственные ему организации всемерно содействовать успешному переходу промышленности на рельсы нового денежного обращения.

Работа Дзержинского в ВСНХ сильно осложнялась преступной деятельностью агентов буржуазии — троцкистов. Еще в октябре 1923 года Троцкий и группа его сторонников, пользуясь тяжелой болезнью В. И. Ленина и трудностями восстановительного периода, выступили против политики ЦК. Стремясь подорвать единство партии, они навязали ей дискуссию, пытались захватить руководство партией, свернуть страну с ленинского пути строительства социализма на путь капитализма. В такой сложной обстановке работа председателя ВСНХ была чрезвычайно трудной. Дзержинский со всей твердостью и большевистской непримиримостью выступил против троцкистов в защиту линии партии и с присущей ему добросовестностью и революционным энтузиазмом взялся за новое, еще более трудное дело.

Опять ему нужно было заново учиться. Еще накануне перехода в ВСНХ, прощаясь с товарищами по трехлетней работе на транспорте, Дзержинский сказал, что для работы в ВСНХ он так же не подготовлен, как это было тогда, когда он был назначен народным комиссаром путей сообщения. «...Но я имел тогда смелость... учиться и приобретать необходимые мне знания. Это может позволить себе только пролетарская революционная республика назначать наркомов... людей, которые имеют твердую железную волю учиться и побеждать, не зная еще самого дела».

И он снова начал учиться. Учился у рабочих, мастеров, инженеров, ученых, знакомился с оборудованием, с технологическими процессами различных производств, вникая во все детали работы предприятий. Он целые ночи просиживал над докладами, цифрами, справками. Через 12 дней после своего назначения председателем ВСНХ в речи на пленуме Совета съездов государственной промышленности и торговли, обращаясь к присутствующим хозяйственникам, Дзержинский сказал: «Я сейчас

¹ 42—45%, по словам Ф. Э. Дзержинского.

должен учиться делу и должен учиться этому у вас. Если я научусь, то этим я оправдаю то доверие, которое выразило мне правительство». Спустя пять месяцев в письме к начальнику Грознефти И. Косиору он повторил: «Пока я должен учиться — поэтому моя просьба к Вам помнить об этом и помочь мне в этом. Смотреть глазами своего аппарата — это гибель для руководителя».

Учась, он работал не зная отдыха, закиная своим примером и неистощимой энергией хозяйственников, специалистов, рабочих. Держинский сравнительно быстро вошел в детали сложного дела промышленного строительства, нащупал наиболее уязвимые места советской промышленности и со всей страстью революционного борца взялся за их оздоровление. Он выдвинул ряд основных проблем, которые следовало решить в первую очередь, и мобилизовал на это работавших с ним товарищей.

Одной из таких проблем был вопрос о преодолении узковедомственного, местнического подхода советских хозяйственников к решению вопросов промышленности, транспорта и торговли. В своих выступлениях, служебных записках и письмах руководителям различных отраслей промышленности Держинский, как и раньше, будучи парком путей сообщения, подчеркивал вред местничества и ведомственного подхода к решению хозяйственных задач, в результате чего часто противопоставлялись интересы транспорта и промышленности и отдельных ее отраслей друг другу. Это, указывал он, являлось наследием недавнего прошлого, наследием капиталистического строя. «Я, — говорил Держинский через две недели после его назначения председателем ВСНХ, — работая почти три года на транспорте, убедился, что нельзя восстановить транспорт и железные дороги, не разрешая проблем металла, топлива, не разрешая вопросов товарообмена между городом и деревней. Но это сознание, к сожалению, среди очень ответственных наших работников еще не является господствующим... В результате мы имеем неслыханно тяжелые затруднения для отдельных отраслей хозяйства...»

«Моя точка зрения, — писал И. Косиору Держинский, — такова, что мы должны всю нашу национализированную промышленность... особенно основную: топливную, металлургическую и всю тяжелую, а также и транспорт — рассматривать с точки зрения рабочего государства — как единую, органически связанную интересами своего развития...»

Я мечтаю о том, чтобы все наши руководители... представляли единую целое — единую государственную линию, единую государственную цель, единый блок во главе со мной, раз я назначен Председателем ВСНХ».

Работая в ВСНХ, Держинский, как и всегда в всюду, поддерживал тесную связь с массами, опирался на них, чутко прислушивался к их советам и учил тому же своих товарищей — хозяйственников. Он требовал, чтобы они развивали в рабочих творческую инициативу, ценили

и использовали их опыт. *«Задачи, стоящие перед нами, — говорил он, — смогут быть успешно разрешены лишь при одном условии, если эти задачи станут задачами самых широких пролетарских масс...»*

Если хозяйственник не знает массы, не умеет стать ее вождем, не сумел завязать в ней постоянных живых связей — то он не может быть ни хорошим членом партии, ни хорошим хозяйственником».

Лучшей формой связи с рабочими массами Фелпкс Эдмундович считал производственные совещания. В одной из своих записок он перечислил круг вопросов, которые должны быть предметом обсуждения производственных совещаний: недочеты в производстве, производительность труда, трудовая дисциплина и прогулы, режим экономии, себестоимость продукции, вопросы снабжения сырьем и топливом, правила внутреннего распорядка и т. д.

Огромное значение Дзержинский придавал широкому развитию соревнования и всестороннему обсуждению его итогов на производственных совещаниях. «Нельзя ввести технические улучшения в настоящее время, — говорил он 8 мая 1926 года на Всеукраинском съезде горнорабочих, — без самой тесной спайки хозяйственников с рабочей массой и профессионалистами. Те хозяйственники, которые думают, что они в своих кабинетах могут сами, без рабочих замечать недостатки и устранять их, такие хозяйственники глубоко ошибаются... Какой орган может служить местом объединенных усилий хозяйственников и рабочих для разрешения производственных вопросов? Это — производственные совещания. Производственные совещания не должны быть говорилкой. Они должны детально изучать нужды производства, намечать мероприятия для улучшения его... Мы не должны бояться того, что рабочая масса на производственном совещании щелкнет нас по носу за что следует, а иногда и за что не следует».

Уже в самом начале своей работы в ВСНХ Дзержинский, знакомясь с работой различных предприятий, убедился в чрезвычайно быстрой производительности труда при одновременном сравнительно быстром росте заработной платы. Помня указание В. И. Ленина, что «производительность труда, это, в последнем счете, самое важное, самое главное для победы нового общественного строя»¹, Дзержинский согласно директивам партии вместе с профсоюзами развернул широкую кампанию за повышение производительности труда.

В первую очередь он призвал рабочих и хозяйственников к борьбе за поднятие дисциплины труда, за уплотнение рабочего дня, за использование внутренних ресурсов. Неустанно заботясь об улучшении условий труда и жизни рабочих, он разъяснял им, что единственным путем для поднятия реальной заработной платы, для улучшения их быта может

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 39, стр. 21.

быть лишь повышением производительности труда. Он клеймил лодырей, пьяниц, прогульщиков, открыто критиковал отсталые настроения среди рабочих. Дзержинский указывал, что задача хозяйственников совместно с профессиональными союзами — находить меры для того, чтобы вновь влившиеся в производство рабочие массы получали соответствующее, достаточное и нужное воспитание, «чтобы они сроднились, органически спаялись и связались с фабрикой...».

Феликс не выносил всякую демагогию и подобно В. И. Ленину со всей прямотой говорил рабочим в тяжелое время восстановительного периода о трудностях, о невозможности повысить заработную плату и в то же время призывать их поднять дисциплину труда на предприятиях, направляя все силы для увеличения производительности труда, чтобы по мере роста промышленной продукции обеспечить рост реальной заработной платы.

«Можем ли мы выбросить лозунг, что надо увеличивать сейчас зарплату?» — спросил Дзержинский в декабре 1925 года на XIV Московской губернской конференции РКП(б) и ответил: «Я, товарищи, перед вами должен прямо сказать: нет. Мы партия, мы авангард рабочего класса должны предупредить рабочий класс, что сейчас этого лозунга не можем выбрасывать. Почему? Потому, что перед нами стоит основной вопрос, вопрос нашего существования, вопрос нашего развития — проблема основного капитала».

Рабочие правильно восприняли его слова и, несмотря на недостаточную заработную плату, самоотверженно работали.

Глеб Максимиланович Кржижановский, хорошо знавший и очень любивший Дзержинского, работавший с ним в июне 1924 года в одной правительственной комиссии по разработке положений о нормировке и урегулировании заработной платы, в своих воспоминаниях о Феликсе рассказывал: «В разгар спора я написал ему маленькую записку, в которой предупреждал его относительно некоторого риска перенапрягать идеалистическую самоотверженность пролетариата. Вот что ответил он мне на мою записку: «Я помню мои молодые годы. Я был массовым агитатором. Я помню, как эти массы жертвовали всем, шли под расстрелы, как рабочие готовы были всем жертвовать, как их беспробудная жизнь приобретала красочность и радость именно благодаря идее, т. е. идеализму, не философскому, а рабочему». В этих словах весь Феликс Дзержинский и вся сущность его отношений к рабочему классу.

Д. Сверчков, являвшийся комиссаром Омской железной дороги в период пребывания Дзержинского в Сибири в начале 1922 года, так описывает влияние Феликса Эдмундовича на рабочих в тяжелые годы разрухи и голода.

«Я был свидетелем бесед Феликса Эдмундовича с железнодорожными рабочими в Сибири в начале 1922 года, — вспоминает Д. Сверчков. — Они

приходили к нему с протестами против ничтожной заработной платы и против показавшихся им непосильным требованием производственной программы. И нескольких минут разговора было достаточно, чтобы личные интересы их совсем исчезли из поля зрения и чтобы они превратились незаметно для себя в его собеседников, занятых вместе с ним одной задачей: как при нищенской заработной плате и полуразрушенных орудиях производства осуществить в наискорейший срок преподаанные задания, как их даже увеличить в той или иной части...»

Кампания за поднятие производительности труда, дружные усилия хозяйственников и рабочих, меры по улучшению организации труда привели уже к весне 1925 года к значительному повышению производительности труда на наших фабриках и заводах. В докладе на III Всесоюзном съезде Советов 15 мая 1925 года Дзержинский говорил:

«Так называемая кампания за поднятие производительности труда и есть выражение того неслыханного героизма, который проявил рабочий класс, чтобы сделать нашу промышленность источником развития всего народного хозяйства Союза ССР...

...Успехом в отношении производительности труда мы обязаны почти исключительно... сознательности и воле рабочего класса».

Но для дальнейшего роста производительности труда, полного восстановления и развития промышленности недостаточно было одной лишь сознательности и героизма рабочих. Для этого необходимы были также усовершенствование технического оборудования, оснащение предприятий новыми машинами, рационализация всего производства и строительство новых заводов. Поэтому Дзержинский уделял огромное внимание науке, технике и изобретениям.

Он организовывал научно-исследовательские институты, всеми силами поддерживал преданных делу социалистического строительства специалистов, заботился о подготовке молодых технических и хозяйственных кадров из числа рабочих и крестьян, призывал коммунистов овладевать техническими и экономическими знаниями.

Выступая на XIV Всероссийской конференции РКП(б) 29 апреля 1925 года с докладом «О металлопромышленности», Дзержинский говорил, что «без поддержки науки, которая именно имеет целью поднять нашу промышленность и подвести научную базу под производственные процессы, мы без этого не сможем выполнить той задачи по поднятию производительности труда, которая перед нами поставлена...».

В докладе на III Всесоюзном съезде Советов Дзержинский подчеркивал огромное значение науки и техники для СССР. «На нашей необъятной территории, — говорил он, — имеются несметные богатства и растительного царства, и ископаемых, и минералов, и металлов, которые ждут научных методов для того, чтобы быть использованными...

Когда мы, крепкие своим союзом рабочих и крестьян и наций, заселяющих наш Союз, будем опираться на науку, тогда только мы сможем выполнить безболезненно те цели и те задачи, которые мы ставим перед собой».

Дзержинский посещал научно-исследовательские учреждения и лично знакомился с их работой. В июне 1925 года Феликс Эдмундович поехал в Ленинград, где посетил Институт прикладной химии (ИТО — ВСНХ) и его горно-металлургическую лабораторию. Там он беседовал с акад. Н. С. Курнаковым и другими научными работниками, ставя перед ними задачи, связанные с восстановлением и развитием промышленности.

Из Ленинграда он направился на Волховстрой, подробно ознакомился со строительством этой первой в СССР гидроэлектростанции, долго разговаривал с руководителем этой стройки инженером Графтио.

Дзержинский высоко ценил старые кадры честных специалистов, заботливо относился к условиям их работы, к их нуждам, оказывал им доверие и призывал членов партии — хозяйственников с таким же вниманием и чуткостью относиться к ним. «Нам необходимо, — говорил он, — создать для технической мысли, для технической науки, для технического персонала такие товарищеские и материальные условия, в которых знания могли бы найти почву для произрастания, в которых они могли бы видеть успехи своих работ».

Редактор «Торгово-промышленной газеты» (органа ВСНХ) М. А. Савельев в своей статье о Дзержинском писал, что в результате его чуткого, внимательного отношения к специалистам, к их нуждам и условиям работы постепенно таял лед замкнутости в кругах специалистов, росло громадное уважение к личности Дзержинского.

В народном хозяйстве СССР, в том числе в промышленности, ощущался большой недостаток технических кадров. Дзержинский глубоко верил в силы подрастающего поколения, в его энтузиазм и заботился о подготовке новых кадров путем привлечения рабочих-крестьянской вузовской молодежи к практической работе. В октябре 1924 года по согласованию с ЦК РКП(б) он организовал при ВСНХ институт практикантов из числа студентов-партийцев, главным образом студентов старших курсов. На работе в ВСНХ они должны были проводить около 15 часов в неделю, за что получали по 50 рублей в месяц. Студенты пользовались библиотекой ВСНХ, имели право посещать заседания Президиума ВСНХ, главных управлений и т. д. В ВСНХ попали 75 студентов, из них 40 человек были направлены в комиссии по поднятию производительности труда, 35 человек — в различные отделы ВСНХ.

В своем письме заведующим отделами ВСНХ и председателям комиссий Дзержинский указывал, что вузовцев надо «не только распределять, но каждого из них узнать, проинструктировать и давать указания уже в процессе самой работы». Главную задачу практикантов Феликс Эдмундович определял так: «...учиться делу самим, учиться видеть и

анализировать, учиться выискивать все то, что способно подлить производительности, достигнуть и перешагнуть заграничку, имея всегда в перспективе великую цель и великие задачи».

Если наша молодежь, говорил он, кроме своей собственной учебы поможет нам в первое время вылить все недочеты, то и тогда это будет большим достижением.

Дзержинский подчеркивал, что надо обращать внимание на борьбу с коммунизмом среди практикантов и «на поддержку молодого оптимизма и энтузиазма — остальное приложится».

Он указывал руководителям управлений ВСНХ, что при посылке студентов на заводы необходимо обеспечивать им внимательное и дружелюбное отношение со стороны администрации и рабочих.

Феликс Эдмундович лично следил за работой студентов, обсуждал с руководителями отделов и комиссий методы лучшего использования практикантов и выправлял обнаруженные недочеты, лично общался со студентами, периодически созывая их на совещания, заслушивая их отчеты о проделанной работе и о встретившихся трудностях. На одном из таких совещаний студенты жаловались на тяжелые условия и препятствия в работе. Тогда он обратился к ним с горячей речью, в которой напомнил об огромной роли молодежи, ее активности и энтузиазме в решительные моменты борьбы русского пролетариата в царское время, на подпольной работе, в период Февральской и Октябрьской революций, во время гражданской войны и советского строительства.

Дзержинский разъяснял им важность и значение их практики для подготовки новых кадров промышленных специалистов, ободрил их и, прощаясь, сказал: «А разочаровываться не следует — большие трудности нужно преодолевать с удвоенной энергией». В то же время Дзержинский считал, что через студентов-практикантов надо завязать прочную связь с вузами и обеспечить влияние на их жизнь и работу¹.

Ф. Э. Дзержинский. 1925 г.

¹ ЦПА ИМЛ.

Феликс Эдмундович горячо приветствовал выпускников технических вузов, которые шли работать на производство, и стыдил тех, кто отказывался ехать на места и цеплялся за канцелярскую работу. Студенческая молодежь видела в Феликсе Эдмундовиче своего большого друга. Когда в феврале 1926 года он приехал в Ленинград для участия в XXIII Чрезвычайной Ленинградской губпартконференции, студенты Ленинградского политехникума путей сообщения, которому присвоено было имя Ф. Э. Дзержинского, пригласили его посетить это учебное заведение, хотя он уже давно не был руководителем транспорта. «Ваше присутствие, — писалл ему онп, — вложит в нас еще более энергии, и мы приложим все силы в строительстве пролетарского государства, и в частности нашего учебного заведения, посящего столь дорогое для нас имя».

Дзержинский заботился не только о подготовке новых кадров для промышленности из молодежи, но и о поднятии квалификации рабочих масс, об их профессиональном образовании. Это требовалось особенно в связи с тем, что процесс восстановления промышленности и начало строительства новых заводов вызывали ежегодно прилив сотен тысяч совсем не подготовленных рабочих, преимущественно от совхп.

Дзержинский считал, что профессиональное образование рабочих должно быть «делом хозяйственным и войти в производственную программу». Ввиду того что фабрично-заводское ученичество не удовлетворяло растущих потребностей промышленности в квалифицированной рабочей силе, Дзержинский ставил вопрос об организации наряду с фабзучем «бригадного индивидуального ученичества» и о привлечении к обучению рабочих Центрального института труда.

В своей работе на хозяйственном фронте Дзержинский всегда глубоко интересовался вопросами технического и организационного улучшения производства. На Всесоюзном совещании по рационализации он призывал использовать громадный производственный опыт заграницы и высмеивал тех хозяйственников, которые говорили: «Зачем нам заграница, папкии ее закидаем». В то же время он придавал колоссальное значение изобретательству советских специалистов и особенно рабочих.

В своем приказе № 34 по ВСНХ от 11 апреля 1925 года «О рабочем изобретательстве» Дзержинский говорил, что «с переходом средств производства в руки Советского рабоче-крестьянского правительства перед рабочим у станка открылись совершенно новые возможности использования изобретательских способностей, которые таятся в нем...

Рабочий, — продолжал он, — знает в настоящее время, что он работает не для усиления превосходства своего классового врага — капиталиста, что он не дает ему новых средств для усиления эксплуатации и угнетения рабочих, но, наоборот, даст *своему* же государству, *своему* же классу возможность повысить производительность труда... улучшить

положение трудящихся. Это сознание создает сильный стимул к творческой изобретательской работе рабочих и техников».

И Дзержинский призывал хозяйственников и специалистов *«помочь рабочему-изобретателю преодолеть те трудности, которые стоят перед ним на пути к осуществлению его изобретения, вследствие недостатка научных и технических знаний»*. Кроме того, в целях поощрения широкого коллективного творчества рабочих у станка — премияровать их за каждое усовершенствование, предложенное и разработанное ими на заводе. Дзержинский обязывал хозяйственные органы всемерно содействовать продвижению всяких усовершенствований, деловых предложений, новых приспособлений и изобретений.

Лишь таким путем, говорил он, «...мы сумеем достичь высокой производительности труда, снизить себестоимость наших промышленных изделий, оставляя за собой довоенные и приближаясь к заграничным нормам».

Наряду с этим Дзержинский указывал, что часто изобретение или усовершенствование, произведенное на каком-нибудь отдельном предприятии, не применяется на других фабриках и заводах той же отрасли, и в специальном циркуляре (№ 76 от 4 августа 1925 года) требовал использования и самого широкого распространения полезных изобретений. Дзержинский был глубоко убежден, что «коллективная мысль, воля и коллективное творчество самих рабочих, будучи поддержаны руководящими лицами, могут сделаться новым фактором небывалого гигантского роста промышленности и транспорта».

Дзержинский был пламенным сторонником ленинской линии партии на социалистическую индустриализацию страны, на превращение СССР из страны, ввозящей машины и оборудование, в страну, производящую машины и оборудование, в страну индустриальную, оснащенную новейшей техникой. Только индустриализация СССР могла обеспечить обороноспособность страны и ее независимость от капиталистических государств.

За социалистическую индустриализацию СССР Дзержинский боролся со всем своим энтузиазмом, со всей своей неутомимой энергией, отдавая этому делу все свои силы и организаторские способности. С исключительной непримиримостью он отстаивал эту линию в борьбе с ее противниками — троцкистами и зинovieвцами, отвергавшими возможность построения социализма в СССР без государственной помощи завоевавшего власть западноевропейского пролетариата. Для индустриализации страны необходимо было развернуть строительство тяжелой промышленности.

Еще работая на транспорте, Дзержинский уделял большое внимание улучшению состояния угольной промышленности. Став председателем ВСНХ, он создал при ВСНХ Центральный комитет содействия Донбассу и добивался увеличения добычи и расширения потребления угля.

Ввиду достигнутых к весне 1924 года успехов в угольной промышленности и транспорте первоочередной задачей явилось поднятие металлургии и машиностроения, без чего нельзя было развивать ни легкой промышленности, ни транспорта, ни сельского хозяйства, ни выполнить ленинский план электрификации СССР, ни обеспечить обороноспособность страны.

Выполняя директиву состоявшегося в мае 1924 года XIII съезда РКП(б) о необходимости развернуть борьбу за металл, за подъем тяжелой промышленности, за налаживание внутри страны производства средств производства, Дзержинский огромное внимание уделял восстановлению и развитию тяжелой промышленности, и в первую очередь металлургии и производству средств производства.

Будучи еще наркомом путей сообщения, выступая на заседании Президиума Госплана 17 ноября 1923 года по вопросу о пересмотре программы вагоно- и паровозостроения, он говорил: «Если мы теперь развивая, лапотная Россия, то мы должны стать металлической Россией, металлургия — все наше будущее». В выступлении на IV пленуме ЦК союза металлистов 21 июня 1924 года о значении металлопромышленности, Дзержинский подчеркивал, что на ней покоится мощь всего государства и что в рабочем государстве значение ее увеличивается еще тем, что металлисты являются основными кадрами пролетариата и поэтому металлопромышленности играют огромную роль в деле смычки рабочего класса с крестьянством.

Вскоре Дзержинский взял на себя непосредственное руководство металлопромышленностью, которая стала его любимым детищем. Он глубоко изучил состояние металлопромышленности, выдвинул задачи поднятия производительности труда металлистов, снижения себестоимости их продукции, внедряя на предприятиях хозяйственного расчета и разработав конкретный план развития металлопромышленности в целом и ее отдельных отраслей.

Дзержинский лично знакомился с работой металлургических и машиностроительных заводов на местах. В июне 1925 года он посетил ленинградские промышленные предприятия и выступил на совещании хозяйственников с речью о положении и задачах ленинградской промышленности.

Получив весной 1926 г. кратковременный отпуск, Дзержинский не использовал его полностью и поехал в Харьков для ознакомления с состоянием украинской промышленности и для помощи в устранении имеющихся недостатков. Там он провел ряд совещаний с хозяйственниками по вопросам режима экономии и сдерживания розничных цен, а также выступил с речью на всеукраинском съезде союза горнорабочих.

Вернувшись в Москву, Дзержинский вскоре узнал из доклада специальной комиссии, обследовавшей работу заводов Югостали и Южного машиностроительного треста, о их неудовлетворительной работе и финансовых затруднениях. Он снова уехал в Харьков, Екатеринослав и в Донбасс, объехал металлургические и машиностроительные заводы и вместе с украинскими хозяйственниками провел большую работу по устранению имеющихся недостатков в работе этих предприятий; при его содействии на заводах Югостали и Южмаштреста был введен хозяйственный расчет, сыгравший большую роль в оздоровлении предприятий этих трестов. Во время второй поездки в 1926 году в Харьков Феликс Эдмундович написал мне 20 мая:

«...Я нахожусь здесь второй день и чувствую себя хорошо, лучше, чем в прошлый приезд сюда.

Вьеду отсюда в Екатеринослав и Донбасс, по-видимому, через какую-нибудь неделю-полторы. Я вижу здесь новых людей, проблемы здесь ближе к земле и приобретают больше черт конкретности, к моим мыслям больше прислушиваются и откликаются на них... Я охотно переехал бы в провинцию на постоянную работу...»

Уделяя особое внимание развитию тяжелой промышленности как основы индустриализации страны и лично руководя металлопромышленностью, Дзержинский заботился о всех других отраслях промышленности, изучая их одну за другой, состояние и нужды и принимая меры для их восстановления и улучшения работы. В Центральном партийном архиве ИМЛ имеется много материалов, свидетельствующих о том, что Дзержинский занимался вопросами текстильной промышленности, имевшей большое значение для смычки рабочего класса с крестьянством, а также вопросами хлопководства, снабжавшего эту промышленность сырьем, способствовал развитию химической промышленности, резиновой, кожевенной, лесной и лесохимической, спичечной промышленности, сахарной и винокуренной, стекольной и фарфоровой, кустарной промышленности и промысловой кооперации.

Дзержинский придавал большое значение геолого-разведывательским работам по добыче нефти, цветных металлов, платины, золота и других полезных ископаемых. Его глубоко интересовали вопросы строительной промышленности. Знаменательно, что он выступил с предложением организации опытного дела по строительству¹.

К весне 1925 года перед ВСНХ встал во весь рост вопрос о необходимости постройки новых заводов по всем почти отраслям металлопромышленности.

Дзержинский, выступая с докладом «О металлопромышленности» на XIV партийной конференции, указал на растущие потребности тран-

¹ ЦПА ИМЛ.

спорта, легкой промышленности, сельского хозяйства и металла и внос предложение о строительстве новых металлургических и машиностроительных заводов.

В принятой по его докладу резолюции XIV конференция РКП(б) признала необходимым в том же 1924/25 хозяйственном году разработать и утвердить трехлетний план постройки новых металлостроительных и признать постройку таких заводов первоочередной задачей. Дзержинский со всей энергией принялся за осуществление этого решения. Еще 28 июля 1924 года он обратился с письмом в Политбюро ЦК с протестом против решения ЦО о закупке тракторов за границей вместо разрешения попроса о строительстве тракторов на своих заводах¹.

В 1924/25 году было начато строительство своих тракторов на заводе «Красный путловец» (ныне Кировский завод), на Коломенском и Харьковском паровозостроительных заводах.

Там же велась подготовка кадров для новых тракторных заводов.

Вскоре после XIV партийной конференции Дзержинский поручил своему заместителю В. И. Междлауку организовать проектирование постройки новых тракторных заводов и расширение существующих заводов сельскохозяйственного машиностроения. И еще при жизни Фелпса было начато строительство гигантов-первенцев Ростовского завода сельскохозяйственного машиностроения и Сталинградского (ныне Волгоградского) тракторного завода.

В этом же хозяйственном году было положено начало постройки автомобилей на заводе АМО в Москве и начато давным-давно прерванное строительство торговых судов. Успешно выполнялся план ГОЭЛРО, были построены Кизеловская, Шатурская, Каширская электростанции, а также Нижегородская, в 1925 году заканчивалось строительство Волховской и Штеровской электростанций.

Проводя ленинскую национальную политику, Дзержинский считал, что новые заводы надо строить в национальных республиках, где в результате царской политики не было пролетариата и пролетарских центров, а также ближе к источникам сырья и топлива. По его инициативе в план ВСНХ было включено строительство текстильных фабрик в Узбекистане и Туркменистане. Металлургические заводы, по мнению Дзержинского, следовало строить на Урале и на Украине, а заводы сельскохозяйственного машиностроения — на юго-востоке и в Сибири. Дзержинский считал, что ВСНХ должен уделить особое внимание развитию промышленности в Закавказье, чтобы связать кавказские народы экономически со всей Советской страной, «чтобы для всего населения была очевидной польза в принадлежности к Союзу ССР».

Еще при жизни Дзержинского наряду с тракторостроением и судостроением было положено начало созданию и других новых отраслей промышленности: турбиностроения и дизельостроения, авиа- и моторостроения и радиопромышленности.

В августе 1924 года в письме к В. Н. Манцеву по вопросу о создании авиатреста и о составе его правления Дзержинский указывал, что в состав правления этого треста должны войти «живые, любящие и болеющие за дело работники, умеющие подойти и воодушевить великими задачами авиации всех рабочих и работников...»¹.

В служебной записке в авиатрест от 25 апреля 1925 года Дзержинский со всей силой подчеркнул, что «сейчас нужна... кропотливая, плу-тренильная работа. Дело авиастроения надо во что бы то ни стало поставить на крепкие ноги»².

Дзержинский придавал огромное значение развитию в СССР радиопромышленности и радиовещания как могучего средства воспитания пи-рочайших народных масс. 13 июня 1925 года он посетил выставку советской радиотехники и в книге записей отметил большие успехи в области радиопромышленности, добавив: «Эти успехи и темп достижения их все-ляют нам полную уверенность, что через немного лет мы догоним и обго-ним капиталистические страны в этой области».

Когда по инициативе партии в СССР создавалось Общество дру-зей советской кинематографии (ОДСК) и в ноябре 1925 года было со-звано в Москве учредительное собрание этого общества, Дзержинский прислал ему приветственное письмо: «Кинематограф может и должен стать могучим орудием культурного подъема нашей рабоче-крестьян-ской страны...»

Первые успехи развития нашего хозяйства и перспектива дальней-шего быстрого подъема нашей промышленности подводят крепкую базу под общекультурный подъем рабочих и крестьянских масс.

В этом деле кинематограф должен будет сыграть немаловажную роль».

Приветствуя учредительное собрание ОДСК и желая ему всяческого успеха в работе, Дзержинский закончил: «Кино и радио в деревню и ра-бочие кварталы, — пусть это будет нашим лозунгом, пусть кино и радио помогут скорейшему преодолению нашей некультурности».

Дзержинский был избран председателем ОДСК и 3 апреля 1926 года на пленуме Совета ОДСК, подытожив первые результаты деятельности Общества и подвергнув критике отдельные стороны проделанной Обще-ством работы, указал на главные его задачи: «практическое, а не только словесное содействие строительству кино, киновфикация окраин, сел и

¹ ЦПА ИМЛ.

² Там же.

рабочих районов, планомерная материальная помощь кинопромышленности».

Характерно, что Дзержинский интересовался и занимаясь и таким вопросом, как проблема межпланетных полетов. Когда в 1924 году было организовано Общество изучения межпланетных сообщений, то в число членов президиума этого общества наряду с К. Э. Циолковским, Ф. А. Цандером и другими был избран и Ф. Э. Дзержинский.

В связи с задачей индустриализации страны, строительства новых и переоборудования старых заводов возник серьезнейший и трудный вопрос о том, откуда взять средства на это великое важное дело.

Советский Союз был тогда единственной социалистической страной в море окружающих его капиталистических государств. От всего капиталистического мира не только нельзя было ждать какой-либо помощи в восстановлении и развитии народного хозяйства СССР, но, наоборот, капиталисты всего мира и их правительства делали все, чтобы помешать социалистическому строительству, и готовились к новой войне против СССР, чтобы ликвидировать Советскую власть. На займы в капиталистических странах Советская власть рассчитывать не могла, ибо в них капиталистические государства нам отказывали. Кроме того, капиталистические займы, если бы их удалось получить, были бы возможны лишь на таких кабальных условиях, которые привели бы Советскую страну к зависимости от иностранного капитала.

Следовательно, средства для индустриализации надо было искать лишь внутри Страны Советов. Троцкисты предлагали осуществить индустриализацию страны за счет крестьянства, путем увеличения сельскохозяйственного налога на крестьян и повышения цен на промышленные товары. Но такое решение было бы в корне неправильно, ибо подорвало бы союз рабочего класса с трудовым крестьянством — основу диктатуры пролетариата, неизбежную основу Советской власти.

Источники средств на социалистическую индустриализацию таились в существующем в Советской стране в результате Великой Октябрьской социалистической революции социально-экономическом строе: в общественной собственности на землю, ее недра, средства производства, транспорт и банки, в государственной внешней и внутренней торговле. Прибыль от всего этого, которая раньше оставалась в руках эксплуататоров, теперь принадлежала Советскому государству, и оно использовало ее для великого дела индустриализации страны.

Таким образом, в условиях советского строя единственным и надежным средством для осуществления социалистической индустриализации был труд рабочих и крестьян и повышение его производительности.

Но накапливаемые средства надо было умело использовать. Для этого необходим был строжайший режим экономии и ликвидация всех непроизводительных расходов. Руководствуясь указаниями, содержащи-

мися в последних статьях В. И. Лепина, в частности в статье «Лучше меньше, да лучше», Феликс Эдмундович выступил инициатором проведения режима экономии, бережного, истинно пролетарского подхода к расходованию государственных средств. Он развернул в ВСНХ широкую кампанию за режим экономии, привлекая к ней орган ВСНХ — «Торгово-промышленную газету» и другие печатные органы. Дзержинский указывал при этом, что сама кампания за режим экономии должна быть «экономной», что «не нужно больших дорогостоящих комиссий и какой-либо излишней шумихи» вокруг этого вопроса.

Борьба за режим экономии, говорил Феликс Эдмундович в беседе с представителями печати 4 марта 1926 года, *«должна стать основной руководящей директивой для повседневной будничной работы каждого хозяйственника и всей промышленности в целом»*.

«Экономия — это одна из важнейших партийных директив в области нашего хозяйственного строительства».

Дзержинский подчеркивал необходимость строжайшей экономии и в области торговли, ибо уменьшение накладных расходов в торговле снизит розничные цены.

«Режим экономии, таким образом, есть борьба за смычку с крестьянством, есть борьба за действительное социалистическое строительство». Позже, 16 апреля 1926 года, в докладе на совещании руководителей московской печати Дзержинский отметил, что «начатая со стороны ВСНХ кампания за режим величайшей экономии и бережливости, распространявшаяся ныне на все области народного хозяйства, должна быть подхвачена и проведена всей нашей партийной и советской общественностью».

В одной из своих служебных записок от 19 марта 1926 года Русанову, Савельеву и Самсонову Дзержинский указал пути борьбы за экономию, а именно: сокращение и улучшение хозяйственного аппарата, сокращение накладных расходов, отмена торжеств, запрещение юбилеев, реклам, объявлений, всяких незаконных поборов и обложений, ликвидация нецелесообразных организаций и других излишеств (излишний транспорт, свои склады, избыточные ремонты, роскошная обстановка и т. д.).

За экономию государственных средств Феликс боролся с момента создания Советской власти во всех учреждениях, в которых он работал, и в быту, уделяя внимание даже мелочам. Так, вернувшись однажды поздно ночью в ВЧК, Феликс обнаружил в одном из пустых помещений ВЧК горящий электрический свет. В эту же ночь он оставил своему секретарю В. Герсону записку о паложении взыскания на одного из сотрудников ВЧК за оставление в помещении света после работы¹.

¹ ЦПА ИМЛ.

В апреле 1922 года, занимаясь хозяйственными вопросами ВЧК, Феликс Эдмундович указал своему заместителю по линии ВЧК И. С. Минихту и всем членам коллегии: «Наше (Республики) финансовое положение катастрофично, и надо проявить скупость во всем. Мелочи в совокупности вырастают в колоссальные цифры».

Упрощение хозяйственного аппарата и улучшение его работы занимало внимание Дзержинского в течение всего времени его руководства промышленностью. Но особенно сильно волновал его этот вопрос в последние месяцы жизни.

В своих докладах, в служебных записках и в личных беседах со своими помощниками по работе в ВСНХ и даже в разговорах со мной он постоянно затрагивал вопрос о болезнях хозяйственного аппарата и указывал пути его оздоровления. Первоочередной задачей Дзержинский считал сокращение слишком разбухших штатов ВСНХ, всех подчиненных ему аппаратов на местах, трестов и предприятий. Незадолго до своей смерти в одной из своих речей он указывал, что в одном крупнейшем тресте расходы на содержание управленческого аппарата составляли до 40% общей суммы заработной платы рабочих, занятых на предприятиях этого треста. А в другой речи, критикуя чрезмерный рост хозяйственных аппаратов, Феликс Эдмундович сказал: *«В стране пролетарской никоим образом нельзя терпеть, чтобы труд непроизводительный, т. е. такой, который не создает ценности, настолько развивался»*. Дзержинский считал, что упрощение хозяйственного аппарата может дать дополнительные средства для индустриализации страны и для удовлетворения потребностей рабочих.

Особенно резко выступал Дзержинский против господствовавшего тогда в хозяйственном аппарате бюрократизма и волокиты, являвшихся наследием проклятого капиталистического прошлого. Он с ужасом говорил об отчетном, справочном, бухгалтерском, статистическом, контрольном потоке, заливающим работников ВСНХ.

«Доклады, доклады. Отчеты, отчеты. Цифры, таблицы, бесконечный ряд цифр, — возмущался он... Нет при этой системе времени изучить вопрос. Знают дело не люди, а справки, доклады. Пишутся горы бумаги. Читать их некому и нет физической возможности».

Чтобы устранить эти недостатки, Дзержинский предлагал максимально сократить отчетность, заменить систему бумажной переписки системой личного общения (премы, выезды на места, на заводы, в клубы), запретить писать большие доклады, перейти в деле рационализации управления к «системе доверия».

«Нельзя управлять промышленностью, — говорил он, — иначе, как доверяя тем, кому ты сам вручаешь данное дело, уча их и учаешь от них...

...Из этого вытекает: побольше личного общения по линии глав — трест — завод, сведение переписки и бумажной отчетности до необходи-

мого минимума, замена в органах управления чиновников-бюрократов людьми, лично знающими дело и умеющими учиться ему; частые выезды руководящих работников на места, на заводы...»

Наряду с «системой доверия» к работникам Дзержинский считал необходимым ввести личную ответственность каждого из них за выполняемую им работу. Нужно, чтобы было известно, кто чем занимается, что изучает и за что отвечает, в какой мере. Он требовал, чтобы предоставляемые ему доклады подписывались теми, кто лично их составлял.

«Возьмите доклады, которые мной формально подписываются, — казалось бы, не может быть на свете более умного и всезнающего человека, чем Дзержинский. Он пишет доклады о спичках, о золоте, о цедрах, он пишет абсолютно обо всем, нет такого вопроса... по которому бы Дзержинский не писал, и доклада, под которым бы не подписывался. А это ведь и есть выражение нашей бюрократической, никуда не годной системы, ибо тот, кто фактически работает, кто прорабатывает вопрос, его не видно нигде, он скрыт. И поэтому нам надо внимательно подойти к нашему аппарату, чтобы он работал четко и ясно, чтобы была полная ответственность всех».

Дзержинский считал, что слишком много ценного времени уходит на совещания, комиссии, согласование различных вопросов, и требовал максимально их сократить. Понимая, что главное в улучшении хозяйственного аппарата — это правильный подбор работников и их воспитание, Дзержинский во многих своих речах и беседах со своими помощниками говорил о том, какими чертами должен обладать советский хозяйственник.

Так, еще будучи народным комиссаром путей сообщения, Дзержинский сказал 6 декабря 1923 года: «Самый скромный труженик — практик должен иметь цель перед собой и в себе. Значит надо быть борцом в самом малом деле — торговли и производства, иначе ничего не выйдет. А это значит — быть честным прежде всего и уметь подобрать честных людей, готовых в «малом» деле служить великому делу».

В Центральном партийном архиве ИМЛ сохранились написанные рукой Фелдкса тезисы на тему: «Каким должен быть и что помнить и знать должен каждый хозяйственный работник Советского государства, коммунист в особенности». (Тезисы эти без даты.)

В этих тезисах мы, между прочим, читаем: «От труда и руководства хозяйственника зависит все будущее нашего Союза. Это накладывает на него огромную ответственность и требует от него критического отношения к себе и к своей работе, осознания своих недостатков, мешающих выполнению его «миссии», и ожесточенной борьбы с этими недостатками». Дзержинский указывает, что советский хозяйственник прежде всего должен осознавать, что цель каждого хозяйственного дела в СССР — это «создание и укрепление мощного рабоче-крестьянского государства, а не хозяйственное дело само по себе».

Каждое советское хозяйственное дело, говорится дальше в тезисах, «не должно жить за счет государства, а, наоборот, должно давать прибыль государству на содержание армии, школ, больниц, государственного аппарата... Отсюда вытекает главнейшая задача — борьба с убыточностью, дефицитом. Но прибыль не должна получаться от вздувания цен — такая прибыль убыточна, так как делает изделия недоступными и сокращает сбыт. Прибыль должна быть в результате улучшения организации производства, уменьшения расходов, увеличения производительности и производства». Руководители предприятий, дающих прибыль, должны помнить, что вся она должна пойти государству, а также на те отрасли промышленности, которые не могли еще восстановиться и не могут давать прибыль.

Далее в тезисах перечислены основные недостатки, вредящие делу хозяйственного развития страны, с которыми каждый хозяйственник должен постоянно вести непримиримую борьбу. Привожу основные из них:

«Местничество и неомошенность. Слишком быстрый темп восстановления одних — смерть других; слишком большое нетерпение пз-за медленного темпа роста зарплат. Разнобой в уровне зарплат в тех же квалификациях; обман в калкуляциях, чтобы урвать; комчанство, не учатся; невниманье к мелочам; прикрытие недостатков и даже преступлений; отрыв от партии и от масс»¹.

Дзержинский неоднократно указывал на вредность практики подлаживания хозяйственников к рабочим массам. Так, обращаясь к правлениям синдикатов, трестов и красным директорам, 18 июня 1924 года он писал: «Каждый хозяйственник должен вести борьбу за завоевание авторитета и доверия рабочих масс, но борьба за это доверие никоим образом не должна пользоваться орудием демагогии, подлаживания к массам, удовлетворения их в ущерб и за счет государства, за счет интересов союза с крестьянством, местнических требований. Этот путь демагогии самый, пожалуй, вредный путь, усыпляющий массы, отталкивающий их от основных задач рабочего класса в производстве».

Как настоящий ленинец, Дзержинский был непримирим ко всяким недостаткам в партийной, государственной и хозяйственной работе и неуклонно проводил директиву партии о критике и самокритике.

«Вся сила нашей пролетарской власти», — писал он 3 сентября 1924 года, — именно в том, что мы не скрываем своих ошибок и недостатков — наоборот, сами их вскрываем и гласно анализируем и, опираясь на сознание и волю миллионов, вовлекая в творчество эти миллионы, преодолеваем эти ошибки и недостатки и выходим победителями, идем вперед быстрым темпом, в то время как враги наши все более и более разлагаются, как смердящий труп».

Несколько раньше, в июне 1924 года, указав, что некоторые хозяйственники боятся критики рабочих масс, ошибочно думая, что она подрывает их авторитет и разлагает производство, Дзержинский сказал: «Не надо бояться критики, не надо затушевывать недостатки — наоборот, надо обелгать их выявление и не видеть во всем дискредитирования. Дискредитирован может быть только тот, кто скрывает свои недостатки, кто со злом не желает бороться, т. е. тот, кто и должен быть дискредитирован. Надо уметь видеть правду и воспринимать ее от масс и от всех участников производства. Нет ничего хуже самопохвалы и самодовольства».

И позднее, в своем заключительном слове на XXIII Чрезвычайной Ленинградской конференции ВКП(б) 12 февраля 1926 года, Дзержинский сказал: «Мы ошибок не должны бояться, но под одним условием — если у нас нет комчанства, «шапка» закидаем» и проч., если мы знаем самих себя, знаем свои силы, знаем свои ошибки и не боимся их открывать».

А. И. Микоян в своей речи о Дзержинском в десятую годовщину со дня его смерти вспоминал: «Дзержинский беспощадно вскрывал недостатки работы аппарата, которым он руководил, недостатки того дела, которое было ему поручено. Он умел пользоваться оружием большевистской самокритики, без которой нельзя побеждать».

Он умел призывать на помощь миллионы людей для ликвидации прорыва, для обеспечения успеха дела, смело вскрывая перед ними недостатки и слабости, указывая ясный путь для их преодоления.

Он никогда не боялся говорить массам правду, зная, что большевистская правда всегда побеждает».

В апреле 1925 года в своей речи о проблемах советской торговли, критикуя серьезные недостатки в этой отрасли хозяйственной работы, Дзержинский отметил, что белоохранительные и западноевропейские капиталисты именно его, который вывез в металлопромышленности и в других отраслях промышленности болячку, «провоолащали в белоохранительской прессе своим союзником, думаю, — добавил он, — что от таких союзников им не поздоровится... То, «что советскому строю здорово, то буржуазному каюк», — и мы эту роскошь выявления недочетов позволить себе можем».

В октябре 1925 года Дзержинский, выполняя решение ЦК РКП(б), развернул широкую кампанию по борьбе за снижение розничных цен на промышленные изделия и по борьбе с широко развившейся на почве существовавшего тогда товарного голода спекуляцией. Промышленные товары, вместо того чтобы идти кратчайшим путем к потребителю — рабочему и крестьянину, попадали в руки посредников-спекулянтов, которые извешивали розничные цены. Спекуляция пропала также и в торговые органы ВСНХ, и в потребительскую кооперацию, которые, закупая товары по твердым отпускным ценам, перепродавали их с целью барыша спекулянтам втридорога. Эта спекуляция в розницу понижала реальную

зарплату рабочих и служащих, ущемляла интересы крестьян-поземельцев, вбивая клин между ними и рабочими, вела к повышению цен на хлеб и на сельскохозяйственные продукты, срывала советскую экспортную и импортную программу, угрожала советской валюте и вела к дезорганизации всего народного хозяйства. Развернутая по инициативе Дзержинского кампания за снижение розничных цен велась под лозунгом: «Долой спекулянтов и спекуляцию, как посредников между госпромышленностью и широким потребителем — рабочим и крестьянином».

«Вахханалии роста розничных цен, — говорил Дзержинский, — должны быть положены конец». Он отдал по ВСНХ приказ обследовать деятельность государственных торговых органов, очистить их от всякой спекуляции и спекулянтов и привлечь виновных к судебной ответственности, а также организовать государственную мелкую оптовую и розничную торговлю ближе к непосредственному потребителю. Дзержинский считал необходимым использовать для борьбы со спекуляцией печать, профсоюзы, производственные совещания, вовлечь в эту кампанию широкие рабочие массы. В то же время Дзержинский поручил Экономическому управлению ОГПУ усилить наблюдение за злоупотреблениями и преступлениями в области торговли и еженедельно представлять доклады об этом ему лично. Трестам, производящим недостающие на рынке изделия, Дзержинский дал указание принять все меры для расширения своего производства. Руководство всей кампанией по борьбе со спекуляцией он поручил своему заместителю по ВСНХ В. Н. Манцеву.

Напряженная работа рабочих, специалистов, хозяйственников под руководством партии дала огромные результаты. За два с половиной года деятельности Дзержинского в ВСНХ советская промышленность повысила свою продукцию в 2—3 раза. Целый ряд отраслей нашей промышленности перешагнул к середине 1926 года рамки довоенного уровня производства. Металлопромышленность поднялась на 350—400%, превзойдя довоенный уровень. Оптовые цены, непомерно вздутые в конце 1923 года, постепенно снижались. Производительность труда рабочих в общем и целом выросла почти на 50%; приблизительно на 50—60% выросла и заработная плата. Промышленный экспорт вырос не менее чем в 3 раза. К 1926 году в целом заканчивался восстановительный период народного хозяйства.

А. И. Микоян в упомянутой выше речи констатировал, что Дзержинский под руководством партии «успел не только восстановить промышленность до довоенного уровня, но заложил своей рукой первые гиганты нашей современной индустрии... Надо было иметь железную волю, действительно большевистское сознание и выдержку, чтобы преодолеть трудности восстановления и реконструкции народного хозяйства в обстановке ожесточенной классовой борьбы, при колебаниях середняка и отсталой части рабочих».

В апреле 1925 года состоялась XIV конференция РКП(б), которая решительно и единодушно осудила капитулянтскую позицию троцкистов, утверждавших, что построение социализма в СССР невозможно без государственной поддержки победившего западноевропейского пролетариата.

Однако вскоре после XIV партийной конференции оказалось, что члены Политбюро ЦК Зиновьев и Каменев, двурушнически голосовавшие на этой конференции за резолюцию, осудившую троцкизм, сами скатились на его позиции. Осенью 1925 года они стали утверждать, что без социалистической революции на Западе построить социализм в СССР нельзя.

Это был рецидив капитулянтской позиции Зиновьева и Каменева в октябре 1917 года, когда они выступили против социалистического переворота, не веря в силы пролетариата и его возможность повести за собой трудовое крестьянство.

Эта «новая оппозиция» выступала против курса партии на индустриализацию страны, отрицала социалистический характер советской государственной промышленности, называя ее государственно-капиталистической. Она боролась против ленинской линии партии на союз рабочего класса с середняком, что повело бы к подрыву устоев диктатуры пролетариата. «Новая оппозиция» клеветнически обвиняла партию в пережидании.

Дзержинский, возмущенный двурушничеством Зиновьева и Каменева и их раскольнической работой, гневно обрушился на них на собрании членов ЦК осенью 1925 года.

Емельян Ярославский в своих воспоминаниях о Дзержинском писал: «...он был одним из тех, кто наиболее резко боролся против оппозиции. Он не боялся называть вещи своими именами. Выступая на оппозиции на XIV съезде он иначе не мог квалифицировать, как замену интересам партии».

XIV съезд партии разоблачил и осудил троцкистско-меньшевистскую сущность «новой оппозиции». В резолюции по отчету ЦК съезд констатировал, что Советская страна имеет «все необходимое для построения полного социалистического общества» (*Ленин*) и что «борьба за победу социалистического строительства в СССР является основной задачей нашей партии».

В той же революции съезд осудил два уклона по крестьянскому вопросу: «уклон, состоящий в недооценке дифференциации в деревне, не видящий опасностей, связанных с ростом кулачества», и другой уклон, пытавшийся «затушевать основной вопрос коммунистической политики в деревне, вопрос о борьбе за середняка, как центральную фигуру земледела, и о кооперации, как основной организационной форме движения

дерево к социализму». Съезд подчеркнул особую важность борьбы с последним уклоном.

«Новая оппозиция» заявила о своем неподчинении решениям XIV партийного съезда и развернула антипартийную работу в Ленинграде, где Зиновьев имел сторонников своей антипартийной позиции.

ЦК направил в Ленинград ряд виднейших деятелей партии, которые разоблачили антипартийную раскольническую деятельность «новой оппозиции»; в результате этого 97% ленинградских коммунистов одобрили решения съезда и осудили «новую оппозицию».

В феврале 1926 года состоялась XXIII Чрезвычайная Ленинградская губернская конференция, которая отстранила зиновьевское руководство и избрала новый губернский комитет партии во главе с С. М. Кировым.

На этой конференции с докладом «О хозяйственном строительстве СССР» выступил Дзержинский. Он говорил о больших успехах в области восстановления и развития советской промышленности, достигнутых без всякой посторонней помощи благодаря правильной политике партии и героическим усилиям рабочего класса. Он указал также на огромные трудности, которые пришлось преодолеть, равно как и на трудности, которые в дальнейшем встретятся на пути индустриализации страны и строительства социализма. «...Разрешение стоящих перед нами задач требует, — сказал Дзержинский, — величайших усилий. Этого мы сможем достигнуть лишь при стальном единстве. Поэтому ваша XXIII Чрезвычайная конференция должна вбить основной кол в попытки разбить стальное ленинское единство. Эта конференция должна быть ...началом борьбы, жестокой борьбы за преодоление трудностей, в полосу которых мы вошли и которые стараются использовать наши заграничные враги».

Но троцкисты и зиновьевцы не унимались и продолжали вести антипартийную работу, мешая созидательной деятельности партии.

Последние месяцы жизни Феликса протекали в напряженной работе в чрезвычайно трудных условиях борьбы с троцкистско-зиновьевской оппозицией.

Смерть на боевом посту

В июле 1926 года состоялся пленум ЦК и ЦКК ВКП(б).

Феликс был болен. Еще в конце 1924 года у него был первый приступ грудной жабы. Врачи потребовали, чтобы он ограничил свою работу до четырех часов в день, но он категорически отверг это требование и по-прежнему продолжал работать 16—18 часов в сутки.

За несколько недель перед пленумом ЦК и ЦКК он начал тщательно готовиться к нему, подбирая материалы и цифры для опровержения

живых данных о положении народного хозяйства, распространяемых троцкистско-зиновьевской оппозицией.

По воскресеньям, будучи на даче за городом, вместо отдыха он сидел над бумагами, проверял представляемые ему отделами ВСНХ таблицы данных, лично подсчитывал целые столбцы цифр (он, как и раньше, не чурался никакой черной работы). Я помогала ему в этом.

В последнее воскресенье перед смертью Феликс сразу после обеда вернулся с дачи в Москву и работал в ОГПУ до поздней ночи, готовясь к своему выступлению на пленуме. В понедельник, как и всегда, в 9 часов утра он был уже на работе, а потом на заседании президиума ВСНХ, где выступил с речью по вопросу о контрольных цифрах промышленности на 1926/27 год. В этот день я увиделась с ним лишь в 2—3 часа ночи, когда он страшно усталый вернулся домой.

На следующий день, 20 июля 1926 года, он встал в обычное время и к 9 часам утра уехал в ОГПУ, чтобы взять недостающие ему материалы. Он ушел из дома без завтрака, не выпив даже стакана чаю. Обеспокоенная этим, я позвонила в ОГПУ секретарю Феликса В. Герсону и попросила его организовать для Феликса завтрак, но его самочувствие было, по-видимому, настолько плохое, что он отказался что-либо взять в рот. И так, совсем натошак, он направился в Большой Кремлевский дворец на очередное заседание пленума.

В 12 часов он выступил на пленуме с большой пламенной речью, посвященной исключительно хозяйственным вопросам. Но как раз по этим вопросам троцкистско-зиновьевская оппозиция направляла свои нападки на ленинское руководство Центрального Комитета. Это было его последняя речь. В ней он резко критиковал троцкистов и зиновьевцев, мешавших партии в ее созидательной работе. Державинский горло чавкало, отстаивая линию партии, которая была единственно правильной. Оппозиционеры прерывали его, бросали реплики, пытались вывести из равновесия, но Феликс, приводя факты, продолжал разоблачать их антиленинскую линию, изобличать их антипартийную деятельность.

В этой речи он произнес знаменательные слова, правдиво характеризующие его: «...вы знаете отлично, моя сила заключается в чем? Я не щаду себя... никогда. И поэтому вы здесь все меня любите, потому что вы мне верите. Я никогда не кривлю своей душой; если я вижу, что у нас непорядки, я со всей силой обрушиваюсь на них».

Этими словами он невольно дал не только верную характеристику себе, но и отношения к нему партии. Речь свою Феликс закончил словами, направленными против оппозиции: «...все те данные и все те доводы, которые здесь приводила наша оппозиция, основаны не на фактических данных, а на желании во что бы то ни стало помешать той творческой работе, которую Политбюро и пленум ведут».

Присутствовавший на польском пленуме ЦК и ЦКК член ЦК Чехословацкой компартии Б. Шмераль так описал эту последнюю речь Феликса Эдмундовича: «Он говорил с большой энергией, абсолютно деловито, но со страстной горячностью, когда он в своей речи касался интересов партии. Последнюю фразу... он произнес твердо и почти с торжественной серьезностью. На поверхностного наблюдателя он мог произвести впечатление крепкого, здорового человека. Но от тех, которые особенно внимательно присматривались, не ускользнуло, что он часто судорожно прижимал левую руку к сердцу. Позже он обе руки начал прижимать к груди... Мы знаем, что свою последнюю большую речь он произнес, несмотря на тяжелые физические страдания. Это прижатие обеих рук к сердцу было сознательным жестом сильного человека, который всю свою жизнь считал слабость позором и который перед самой смертью не хотел, пока он не закончит своей последней речи, показать, что физически страдает, не хотел казаться слабым».

Я со своей стороны думаю, что главной причиной того, что Феликс, несмотря на сильную физическую боль, довел свою речь до конца, было чувство партийного долга, стремление высказать все, что он считал необходимым для разоблачения оппозиции.

Еще за несколько дней до выступления на пленуме ЦК и ЦКК у Феликса было несколько сердечных приступов, о которых он, однако, никому ничего не говорил.

Об этом стало известно лишь после смерти Феликса из сделанных им в блокноте записей. Эти записи он сделал, по-видимому, потому, что после пленума хотел показаться профессору. До пленума он набегал врачей, боясь, что они запретят ему выступить.

Во время речи на пленуме ЦК и ЦКК у Феликса повторился тяжелый приступ грудной жабы. Он с трудом закончил свою речь, вышел в соседнюю комнату и прилег на диван.

Здесь он оставался несколько часов, отсылал врачей и вызывал к себе из зала заседания товарищей, расспрашивая их о дальнейшем ходе прений и выдвигая новые факты и аргументы против оппозиции, которые сам не успел привести.

Спустя три часа, когда закончилось заседание и сердечный приступ у Феликса прошел, он с разрешения врачей поднялся и медленно по кремлевским коридорам пошел в свою квартиру, находившуюся в корпусе против Большого Кремлевского дворца рядом с Оружейной палатой.

Я в это время работала в агитпропе ЦК ВКП(б), где руководила Польским бюро. Надеюсь встретиться с Феликсом в кремлевской столовой во время перерыва в заседаниях пленума ЦК и ЦКК, я раньше обычного пошла в столовую, находившуюся тогда в Кремле в несуществующем уже сейчас так называемом кавалерском корпусе. (Сын наш был тогда на даче.) Феликса там не было, ~~мне~~ мне сказали, что обедать он еще не при-

ходил. Вскоре в столовую пришел Я. Долецкий (руководитель ТАСС'а) и сказал мне, что Феликс во время речи почувствовал себя плохо; где он находится в данный момент, Долецкий не знал. Обеспокоенная, я побежала домой, думая, что Феликс уже вернулся на нашу квартиру.

Но и здесь его не было. Я позвонила в ОГПУ секретарю Феликса В. Герсону и узнала от него, что у Феликса был тяжелый приступ грудной жабы и что он лежит еще в одной из комнат Большого Кремлевского дворца. Не успев я закончить разговор с Герсоном, как открылась дверь в нашу квартиру и в столовую, в которой я в углу у окна говорила по телефону, пошел Феликс, а в нескольких шагах за ним сопровождавшие его А. Я. Бельский и секретарь Феликса по ВСНХ С. Реденс. Я быстро положила трубку телефона и пошла навстречу Феликсу. Он крепко пожал мне руку и, не произнося ни слова, через столовую направился в прилегающую к ней спальню. Я побежала за ним, чтобы опередить его и приготовить ему постель, но он остановил меня обычными для него словами: «Я сам». Не желая его раздражать, я остановилась и стала здороваться с сопровождавшими его товарищами. В этот момент Феликс нагнулся над своей кроватью, и тут же послышался необычный звук: Феликс упал без сознания на пол между двумя кроватями.

Бельский и Реденс подбежали к нему, подняли и положили на кровать. Я бросилась к телефону, чтобы вызвать врача из находившейся в Кремле амбулатории, но от волнения не могла произнести ни слова. В этот момент вошел в комнату живший в нашем коридоре Адольф Варский и, увидев лежащего без сознания Феликса, вызвал по другому телефону врача. Почти моментально пришел кремлевский врач Л. А. Вульман, сделал Феликсу инъекцию камфары, но было уже слишком поздно. Феликс был уже мертв. Это произошло 20 июля 1926 года в 16 часов 40 минут. Ему не исполнилось еще 49 лет.

В обращении ЦК и ЦКК ВКП(б) «Ко всем членам партии. Ко всем рабочим. Ко всем трудящимся. К Красной армии и флоту» от 20 июля 1926 года говорилось:

«Товарищи!

Сегодня партию постиг новый тяжелый удар. Скоропостижно скончался от разрыва сердца товарищ Дзержинский, гроза буржуазии, верный рыцарь пролетариата, благороднейший борец коммунистической революции, неутомимый строитель нашей промышленности, вечный труженик и бесстрашный солдат великих боев.

Товарищ Дзержинский умер внезапно, придя домой после своей речи — как всегда страстной — на пленуме Центрального Комитета. Его большое, в конце перетруженное сердце отказалось работать, и смерть сразила его мгновенно. Славная смерть на передовом посту!

Наша партия в лице товарища Дзержинского теряет одного из самых выдающихся и самых героических своих вождей. В застенках царской

Россп, в сибирской ссылке, в нескончаемо долгие годы каторжной тюрьмы, в кандалах и на свободе, в подполье и на государственном посту, в Чека и на строительной работе — всегда, везде, всюду Феликс Дзержинский был на передовой линии огня. Он строил с беззаветным героизмом пролетарскую партию Польши и Литвы, в самые опасные годы был неустрашимым подпольным революционером и, как только великая революция расковала его кандалы, сразу стал в боевую большевистскую шеренгу. Герой Октябрьского восстания и один из его руководителей, Дзержинский вскоре стал на самый тяжелый и мучительнотрудный пост. Под его руководством отражала Чека натиски врагов. В самые тяжелые времена, времена бесконечных заговоров и контрреволюционных восстаний, когда советская земля пылала в огне и кровавое кольцо врагов окружало бившихся за свое освобождение пролетариев, Дзержинский проявлял нечеловеческую энергию, дни и ночи, ночи и дни, без сна, без еды, без малейшего отдыха работая на своем сторожевом посту. Ненавидимый врагами рабочих, он пользовался громадным уважением даже среди них. Его рыцарская фигура, его личная отвага, его глубочайшая принципиальность, его прямота, его исключительное благородство создали ему громадный авторитет. Его заслуги громадны. Переоценить их нельзя.

Но вот кончилось время гражданских боев. И тов. Дзержинский посылается на новую передовую позицию. Он собирается в поход против разрухи, с нечеловеческой энергией борется за наш транспорт, а потом за нашу промышленность.

«Мирная полоса», которая для других стала временем отдыха, для Дзержинского этого отдыха не дала. И теперь он работал и днем и ночью. И теперь он не знал «праздников». И теперь он все силы своей личности, своего огромного темперамента, своего ума и своей воли отдавал делу, за которое сражался всю жизнь. Его дело было прекрасно. Прекрасной была его замечательная жизнь. Прекрасна его смерть на боевом посту.

Мы склоняем свои боевые знамена над твоим телом, бесстрашный наш друг! Мы призываем всех трудящихся, всех пролетариев отдать свой последний долг бойцу, имя которого незабвенно, дело которого завоеует мир.

Да здравствует коммунизм!

Да здравствует наша партия!

В связи со смертью Дзержинского Исполнительный Комитет Коммунистического Интернационала обратился «Ко всем коммунистам. Рабочим всех стран» со следующими словами:

«20 июля 1926 года внезапно умер от разрыва сердца Феликс Дзержинский. В его лице российская и мировая революция теряет одного из наиболее храбрых, решительных борцов, одного из величайших организаторов, одного из крупнейших вождей.

С ранней молодости до своего последнего вздоха Дзержинский стоял в рядах большевиков на фронте пролетарской революции. Жизнь Дзержинского — это десятилетия подпольной работы, десятилетия беспрестанных жертв, десятилетия незабвенных подвигов в деле освобождения рабочего класса.

Как член и вождь социал-демократической партии Польши и Литвы — впоследствии Коммунистической партии Польши, Дзержинский в период подпольной работы при царизме являл живой пример упорного партийного работника, презирающего смерть. Он прошел тюрьму и каторгу. Он прошел сибирскую ссылку. Он изведal эмиграцию в Австрию и Германию. Он стоял перед судом и с невозмутимым спокойствием встречал самые суровые приговоры. Много раз арестованный, сосланный, осужденный и изгнанный, Дзержинский и на минуту не прерывал своей революционной работы. Он бежал из тюрьмы, из Сибири, он спешил из эмиграции, чтобы броситься в самые опасные места фронта пролетарской классовой борьбы.

Освобожденный из тюрьмы российской Февральской революцией, Дзержинский принимал самое активное участие в подготовке и проведении большевистской революции. Как член Центрального Комитета партии большевиков и Военно-Революционного Комитета Петроградского Совета, он был одним из величайших военных вождей победы в Октябре 1917 года.

В борьбе за защиту пролетарской диктатуры Дзержинский создал и руководил ВЧК, этим неотразимым, метким, смертоносным оружием против всех врагов трудящихся.

С тех пор с именем Дзержинского неразрывно связаны бессильная ненависть всех предателей, палачей и белогвардейцев, слепая злоба разбитой контрреволюции, но вместе с тем и гордость, уважение и любовь трудящихся всех стран.

По окончании гражданской войны Дзержинский посвящал все свои силы восстановлению Советской страны, восстановлению и развитию ее хозяйства. Как народный комиссар путей сообщения, он добился подъема разрушенного транспорта. Как председатель Высшего Совета Народного Хозяйства, он стоял в первых рядах в борьбе за строительство социализма.

Его последние слова, произнесенные им за несколько часов до смерти, были посвящены заветам Ленина — победе социализма, делу международной пролетарской революции.

Феликс Дзержинский, самый близкий боевой товарищ Розы Люксембург, верный ученик и соратник Ленина, принадлежит не только русским, польским и литовским рабочим, но всему международному пролетариату.

Его неутомимая, бесконечно разнообразная энергия, его организаторский гений, его храбрость, его непоколебимая верность партии, его образ-

повая, полная борьбы жизнь должны сохраниться в памяти всех коммунистов, всех рабочих, всех трудящихся. После Ленина и Фрунзе мы потеряли Дзержинского. Незаменимые утраты! Но дело революции живет и будет жить. Ленинизм непобедим.

Да здравствует партия большевиков!

Да здравствует международная пролетарская революция!»

Горе народа, понесшего тяжелую утрату, выразил пролетарский поэт Демьян Бедный, хорошо знавший и ценявший Фелпкса. Он посвятил ему после смерти следующие строки:

ПАМЯТИ РЫЦАРЯ НАШЕЙ ПАРТИИ

Сердце щемит от известия, бессмысленно злого.
Рыцарь рядов героических пал в неустойной борьбе.
Сердца последний удар и свое последнее слово,
Партия паша стальная, он отдал тебе.

Настоящий коммунист, настоящий человек

Фелпкс был образцом высоко идейного коммуниста, политическим деятелем ленинского типа, безгранично преданным делу партии и рабочего класса. Для него, как для Ленина, не было жизни вне борьбы за счастье народа и всего человечества. Глубочайшая партийность, внутренняя потребность отстоять всего себя революционному делу, полное подчинение личных интересов интересам партии — вот что являлось главной чертой характера Дзержинского.

Еще семнадцатилетним юношей на школьной скамье он дал торжественную клятву бороться до последнего дыхания «со всяким злом» — с гнетом, эксплуатацией и несправедливостью, и эту свою юношескую клятву он свято выполнил.

Уже в первые годы своей революционной деятельности Фелпкс находился под влиянием Ленина и созданного им петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». Из статей Фелпкса, помещенных в печатных органах Литовской социал-демократии, видно, что он был знаком с работой В. И. Ленина «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» и уже тогда придерживался ленинского взгляда о необходимости политической борьбы рабочего класса и привлечения к ней крестьянства.

Приехав в 1902 году после двукратного ареста и побега по ссылке в Берлин, Фелпкс познакомился с ленинской «Искрой» и кляпой В. И. Ленина «Что делать?», которые произвели на него глубокое впечатление.

Начинал с первой русской революции, с объединения СДКП и РСДРП, у Феликса Эдмундовича установилась с Владимиром Ильичем личная связь и деловое сотрудничество. Феликс Эдмундович становится верной опорой Ленина в революционной борьбе.

Отношение Дзержинского к Ленину, огромную любовь и уважение, заботу о нем характеризуют многие факты. На VI съезде большевистской партии (8—16 августа 1917 года) обсуждался вопрос о явке Ленина на суд контрреволюционной буржуазии. Дзержинский вслед за Серго Орджоникидзе резко выступил против предложения Троцкого и Рыкова о том, чтобы В. И. Ленин явился на этот суд. С большим волнением Дзержинский сказал: «...травля против Ленина... — это травля против нас, против партии, против революционной демократии... Мы не доверяем Временному правительству и буржуазии... Мы не выдадим Ленина... Мы должны от имени съезда одобрить поведение товарища Ленина».

В. И. Ленин скрывался в то время у рабочего большевика Н. А. Емельянова близ станции Разлив. По словам Емельянова, в числе других товарищей несколько раз павещал Ленина в Разливе Дзержинский. Емельянов рассказывает, что однажды, когда Феликс вместе с сыном Емельянова возвращался от Ленина через озеро в непогоду, сильный ветер опрокинул лодку. Вымокший до нитки, уставший и продрогший, Дзержинский отказался вернуться назад, чтобы высушить одежду и обогреться, так как он спешил выполнять поручение Ленина. Когда Владимир Ильич узнал об этом, он очень беспокоился о здоровье Дзержинского.

Емельянов добавляет, что Ленин говорил ему тогда о Феликсе как о вернейшем человеке, прошедшем тяжелую школу революционной борьбы.

И позже, в советский период, когда Феликс Эдмундович находился на руководящей государственной работе, В. И. Ленин высоко ценил его. Старый большевик крупный советский хозяйственник И. И. Радченко вспоминает свою встречу с Владимиром Ильичем, на которой присутствовал Феликс Эдмундович.

Когда Феликс вышел из кабинета, Ленин дал Дзержинскому блестящую характеристику как работнику, говоря о нем как-то радостно, как о верном и надежном товарище. Позже, продолжает И. И. Радченко, В. И. Ленин в затруднительных случаях, когда бывало какое-нибудь дело не клеилось, говаривал: «Ну, надо, значит, поручить Дзержинскому — он сделает»¹.

С величайшим вниманием и глубокой верой в гениальность В. И. Ленина Дзержинский всегда прислушивался к его советам, читал и перечитывал его произведения, искал в них ответа на сложнейшие

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 78, оп. 2, ед. хр. 3, л. 24. Цит. по подготовленной к печати книге доцента Московского государственного университета имени Ломоносова С. С. Хромова «Ф. Э. Дзержинский в Сибири».

вопросы, выдвигаемые жизнью. Когда Фелпкс разговаривал с Владимиром Ильичем по телефону, то и, хотя и не зная, с кем он соединился, сразу догадывалась, с кем он говорит — огромная любовь и уважение к Ильичу звучали в голосе Фелпкса.

Фелпкс был исключительно дисциплинированным членом партии и воспитывал своих подчиненных в духе строгой партийной и советской государственной дисциплины. Случалось, что при обсуждении важных вопросов, как, например, вопроса о Брестском мире, Фелпкс расходился с Лениным, но он никогда не голосовал против позиции Ленина и после принятия Центральным Комитетом решения по данному вопросу неизменно проводил в жизнь партийную линию.

* *
*

Борясь за рабочее дело, Фелпкс постоянно преследовался царскими властями, шесть раз был арестован, одиннадцать лет — почти четверть своей жизни — провел в тюрьмах, в ссылке, на каторге, три раза бежал из ссылки, чтобы немедленно продолжать свою революционную работу. Тюрьмы, ссылки, каторга и чрезмерная работа в тяжелых условиях подполья рано подорвали здоровье Фелпкса, но ничто не могло сломить его воли к борьбе. Еще юношей в ноябре 1898 года Фелпкс писал сестре из первой своей ссылки из Нюлииска, Вятской губернии (ныне Кировской области):

«...теперь, как мне кажется, я могу уже называть себя взрослым, с установившимися взглядами человеком, и жизнь может меня лишь уничтожить, подобно тому, как буря валит столетние дубы, но никогда не изменит меня. Я не могу ни изменить себя, ни измениться. Мне уже невозможно вернуться назад. Условия жизни дали мне такое направление, что то течение, которое захватило меня, для того только выкинуло меня на некоторое время на безлюдный берег, чтобы затем с новой силой захватить меня и нести с собой все дальше и дальше, пока я до конца не изношусь в борьбе, то есть пределом моей борьбы может быть лишь могила...»

Родные, обеспокоенные тяжелой участью вторично арестованного Фелпкса, пытались в письмах склонить его отойти от революционной работы, но получили от него из Седлецкой тюрьмы твердый ответ в январе 1901 года: «...путь мой остался все тот же; как раньше, я ненавижу зло, так и теперь ненавижу; как и раньше, я всей душой стремлюсь к тому, чтобы не было на свете несправедливости, преступления, пьянства, разврата, изливств, чрезмерной роскоши... угнетения, братоубийственных войн, национальной вражды... Я хотел бы обнять своей любовью все человечество, согреть его и очистить от грязи современной жизни...»

408 В 1902 году после очередного побега из слобирской ссылки Фелпкс был болен туберкулезом, но в письме из Берлина к члену СДКПЛ Цеза-

рине Войпаровской¹ он писал, что хотел бы возможно скорее вернуться в Польшу на подпольную работу и отдать «уже последние свои силы» борьбе за дело социализма.

И каждый раз, когда Феликсу удавалось вырваться из лап царских тюремщиков, он немедленно возвращался к партийной работе.

Прибыв в 1902 году в Берлин, Дзержинский впервые встретился с руководителями СДКПП Розой Люксембург, Юлианом Мархлевским, Адольфом Варским и Яном Тышкой и, по словам Варского, «сразу стал душой этой группы».

«Как трудно было нам заставить его лечиться! — вспоминал А. Варский. — Ведь в партию ждало его так много работы. Он с жадностью набросился на вышедшую до его приезда за границу польскую и русскую марксистскую литературу. Одновременно он своим сверхчеловеческим напряжением воли и энергии поставил на ноги транспорт литературы и наши связи с бывшей российской частью Польши, часто отправлялся туда лично для подпольной работы, и с тех пор начинается неуклонный рост организации и влияния революционной СДКПП».

Молодой Дзержинский, рассказывал мне А. Варский, с первых дней вызвал к себе величайшую привязанность и восхищение Розы Люксембург. Для нее он был воплощением революционных достоинств; больше всего Роза ценила в нем отсутствие какого бы то ни было налета интеллигентщины, его полное слияние с рабочим классом.

«У него большевистское сердце», — говорила она.

Уже после смерти Фелпкса А. Варский о нем писал: «Юзефу тогда не хватало времени и сил, чтобы согласовать «веру» (в торжество коммунизма. — С. Д.) с «делами», день был для него слишком коротким, сутки слишком малы, человеческие силы слишком ограничены. Но по мере роста движения и приближения 1905 года Юзеф вырастал в какого-то гиганта воли и энергии, а когда наступили январские дни и он сразу же в январе перешел на постоянную работу в Варшаву, силы его как-то удесяттерились, он был вездесущий, полон свежей инициативы и энергии, неутомимый, заражающий других своей волей и энтузиазмом. В наступившем разрыве революционной стихии, на этом все расширяющемся поле действия Юзеф жил всеми фибрами души, это была его стихия, его жизнь, кипучая, полная, богатая радостями партийных успехов в нарастающем движении».

Таков был молодой революционер Юзеф, таким он вступил в ряды Великой Октябрьской революции, умудренный мучениями многих лет тюрьмы и борьбы, и таким он по существу своей личности остался до конца короткой, но богатой жизни.

¹ В то время представитель СДКПП в Международном социалистическом бюро.

И не удивительно, что именно этот бесстрашный и благороднейший рыцарь пролетарской революции, в котором никогда не было ни тени позы, у которого каждое слово, каждое движение, каждый жест выражал лишь правдивость и чистоту души, призван был стать во главе ВЧК, стать спасающим мечом революции и грозой буржуазии».

Феликс всегда и везде, как в дооктябрьский период, так и после победы социалистической революции в России, брал на себя самую трудную и опасную работу и готов был жертвовать собой для дела партии и рабочего класса.

Е. П. Пешкова вспоминает, что однажды она в период работы Феликса в ВЧК спросила его:

— Почему Вы взяли на себя такую тяжелую работу? Ведь с Вашими способностями Вы могли бы выполнять любую работу.

— Партия поручила мне эту работу. Она очень трудная. Но почему же эту трудную работу должен исполнять кто-то другой, а не я?

В этих словах весь Феликс.

Он отличался также необыкновенным мужеством.

Г. М. Кржижановский в своих воспоминаниях о Феликсе писал: «...он стоял с таким беззаветным мужеством на передовых постах лицом к лицу с заклятыми врагами революции, что личность его еще при его жизни приобрела своеобразный легендарный характер».

Широко известно его героическое поведение летом 1918 года в плену у левых эсеров, убивших германского посла Мирбаха с целью срыва мирного договора с Германией и свержения Советской власти. Смелость и мужество Феликса Эдмундовича вызвали восхищение советских трудящихся. Видный польский коммунист Станислав Бобинский¹ рассказывает о появлении вырвавшегося из логова мятежников Дзержинского на заседании большевистской фракции V съезда Советов.

«Вся коммунистическая Москва в течение нескольких часов с затаенным дыханием ожидала известий о Дзержинском. Вдруг... в президиум собрания появился Феликс. Зал содрогался в течение десяти минут от неумолившего урагана рукоплесканий и возгласов необыкновенного энтузиазма»... Когда с трибуны слышались слова, характеризовавшие

¹ Станислав Бобинский — видный член СДКППл с 1903 года, а потом ВКП(б), доктор философии и инженер лесного хозяйства. Участник революции 1905—1907 годов в Польше (в Варшаве, Лодзи, Ченстохове, Домбровском бассейне). Пять раз арестовывался. С 1907 по 1912 год был в эмиграции. Арестованный в последний раз в Варшаве в 1915 году, был вывезен в Петербург. Освобожденный Февральской революцией, активно работал среди польского населения как член групп СДКППл в России. Активный участник Октябрьской социалистической революции в Москве. В 1918—1919 годы — член Реввоенсовета Западного фронта. В 1920—1922 годах — член Польского бюро АПО ЦК РКП(б), с 1926 года — работник Польской секции ИККИ.

героический поступок Дзержинского «как проявление чувства ответственности, как пример неустрашимости и заботы об интересах революции», Юзеф, по словам Бобинского, слушая эти похвалы, «чувствовал себя плохо, он был прямо, удручен».

«Наконец, — продолжал Бобинский, — Юзеф взял слово для отчета и информирования фракции съезда о положении у «левых» эсеров.

Это был... солдатский рапорт, сухой и краткий.

Он был произнесен в таком тоне, как будто бы то, что он совершил, должен был сделать каждый порядочный и честный партиз.

О своем беспримерном героизме он говорил, как о выполнении каких-нибудь будничных дел.

О своих ошеломляющих, прямо-таки неправдоподобных поступках он говорил не только не хвастая ими, но даже не гордясь хорошо выполненным долгом.

Наоборот, его речь была сплошным актом самообвинения. Сухим тоном рапорта он рассказывал, как его предали те, которым он неосторожно доверял; как он пошел без охраны в штаб мятежников, чтобы «призвать избунтовавшихся предателей к порядку...»; как он третировал левых эсеров в их собственном логове, называя их изменниками... Закапчивая речь, Дзержинский сказал, что моральная сила бунтовщиков уже сломлена, что сами они перестали верить в свою победу, что мятеж не может расширяться и вскоре будет ликвидирован».

Дзержинский после своего освобождения активно участвовал в полной ликвидации мятежа, которая и была быстро осуществлена.

«Героическое поведение Дзержинского, — писал С. Бобинский, — вызвало людей во всех уголках республики и каждую воинскую часть. Трудно сейчас установить, для какого количества героев гражданской войны эти его действия послужили стимулом к, казалось бы, самым возможным подвигам».

Никогда и нигде не щадя самого себя, рискуя неоднократно своей жизнью, Феликс в то же время всегда и везде заботился о других, о людях близких и далеких. Сидя в 1900—1902 годах в Седлецкой тюрьме, Феликс, сам больной туберкулезом, заботился о своем тяжелобольном товарище, который уже не мог самостоятельно ходить, молодом рабочем Антоне Росоле и выносил его каждый день на руках на прогулку.

Летом 1905 года, не боясь каторги, Феликс взял на себя ответственность за все нелегальные вещи, найденные у арестованных вместе с ним товарищей, чтобы спасти их от длительного тюремного заключения.

Когда Феликс осенью 1909 года был сослан в Сибирь на вечное поселение, по пути в ссылку он встретился в Красноярской тюрьме с ссыльнопоселенцем М. Траценко, который был незаконно закован в ножные кандалы.

Возмущенный этим, Фелпке энергично поддерживал требование Траценко расковать его. Но безрезультатно. Тогда, придя на кухню за обедом, он тайно унес оттуда под полой тюремного халата топор для рубки дров и сам пытался разбить им кандалынные кольца на ногах Траценко. Но парские кандалы были крепки, кольцо гнулось, но не разбивалось и грозило разозлить погу Траценко.

Дзержинский боролся с безаконием тюремщиков до тех пор, пока они не сняли с Траценко кандалы.

Прбыв в назначенное ему место поселения — волостное село Тасеево, Канского уезда, Енисейской губернии, Феликс узнал, что одному из сыльных угрожает арест, каторга или смертная казнь за то, что он, защищая свою жизнь, убил напавшего на него бандита.

Необходимо было помочь этому сыльному немедленно бежать. Фелпкс, решив еще в Варшаве бежать из ссылки при первой же возможности, запаса паспорт на чужое имя и деньгами на проезд, которые он умело спрятал в одежду.

Желая помочь товарищу, он, не задумываясь, отдал ему этот паспорт и часть своих денег, сам же, не дожидаясь, пока сможет получить от товарищей новый документ, спустя несколько дней бежал из Тасеевки без всякого паспорта, что было связано с большой опасностью, и благополучно прибыл в Варшаву, а затем за границу¹.

В советский период Феликс постоянно заботился о сплх товарищах по работе, в том числе и о рядовых работников учреждений, которыми он руководил.

Возвращаясь однажды в ВЧК, Дзержинский увидел, что пожппая уборщица, согнувшись, моет тряпкой пол. Придя в свой кабинет, он оставил своему помощнику записку с указанием на необходимость приобрести для всех уборщиц ВЧК швабры, чтобы облегчить их тяжелый труд.

Когда в 1925 году В. Р. Менжинский — заместитель Дзержинского по ОГПУ — заболел, Феликс 6 июля написал одному из своих помощников следующую записку: «На здоровье и лечение тов. Менжинского надо обратить серьезное внимание. Прошу организовать консилиум по специальности, для того чтобы наметить лечение, где, при каких условиях, на сколько времени и т. д. О решении консилиума прошу мне сообщить»².

¹ «Каторга и ссылка», 1926, стр. 98—99. М. Траценко, рассказывал об этих фактах, путает даты и, кроме того, ошибочно говорит, что Феликс якобы бежал из Тасеевки лишь через полгода после прибытия туда. На самом же деле Фелпкс, по его собственным словам, бежал из Тасеевки в ноябре 1909 года, через семь дней после приезда туда.

² ЦПА ИМЛ, ф. 76, ед. кр. 3734.

В. Р. Менижинский был тогда направлен для лечения в Кисловодск; когда срок лечения его истекал, а здоровье не поправилось в достаточной степени, Феликс обратился 25 августа в ЦК РКП(б) с просьбой разрешения Вячеславу Рудольфовичу продолжить свое лечение до октября. ЦК поддержал просьбу Ф. Э. Дзержинского и разрешил продлить отпуск В. Р. Менижинскому.

Еще раньше, в период работы Феликса в НКПС, одному из его заместителей врач предписал вследствие болезни сердца работать не более 4 часов в сутки. Феликс, который сам был болен, но работал по 16—18 часов, звонил ему ежедневно в 2 часа, напоминая, что пора уходить с работы.

Когда в 1924 году заместитель Дзержинского по ВСНХ Владимиров был по болезни направлен на лечение в Германию, Феликс просил советского посла в Берлине следить за тем, чтобы Владимиров, отличавшийся исключительной скромностью, не нуждался в деньгах. Феликс просил в случае надобности выдать Владимирову необходимые средства, а также сообщать ему, Феликсу, о ходе лечения¹.

В годы больших продовольственных затруднений многие сотрудники ВЧК, работая днями и ночами, плохо питались, сильно изнуряли себя и расшатывали свое здоровье. Узнав о плохом состоянии здоровья руководителя одного из отделов ВЧК Самсонова, Феликс дал своему секретарю Б. Герсону указание позаботиться об улучшении его питания².

Когда Феликсу в октябре 1925 года сообщали, что талантливый поэт Сергей Есенин болен туберкулезом, то Феликс позаботился о помещении его в санаторий³.

Е. П. Пешкова рассказала мне о том, какую помощь Дзержинский оказал далекому и незнакомому ему племенн ламутов, кочевавшему по обеим сторонам Верхоянского хребта, на северо-востоке Якутии. Это было племя оленеводов и охотников, насчитывавшее всего 350 человек. Ламуты несли государственную службу, поддерживая почтовое сообщение через Верхоянский хребет, перевозили государственные грузы и обслуживая предприятия по добыче свинца в Верхоянском уезде.

В период гражданской войны было запрещено продавать населению свинец. Это было распространено и на ламутов, живших главным образом за счет охоты и оленеводства. Не имея возможности приобрести свинец для охоты и для защиты оленей от волков, ламуты потеряли значительную часть своего стада, были лишены питания и средств к жизни, в результате чего это маленькое племя начало вымирать.

Видный хозяйственный и общественный деятель Якутии А. А. Семенов, ходатай по материальным и культурным делам якутского народа,

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 76, ед. хр. 671.

² ЦПА ИМЛ, ф. 76, ед. хр. 635.

³ ЦПА ИМЛ, ф. 76, ед. хр. 571.

написал в феврале 1921 года лично знакомому ему А. М. Горькому о бедственном положении ламутов.

Позднее жена Семенова Наталья Петровна, приехав в Москву, передала Е. П. Пешковой заявление ламутов с просьбой о помощи. Е. П. Пешкова вручила это заявление Дзержинскому. Феликс немедленно поручил своему секретарю С. Реденсу проверить правильность фактов, изложенных в заявлении. Получив подтверждение, Дзержинский отменил запрет на продажу ламутам свинца.

Как подлинный ленинец, Феликс был образцом скромности. И в годы Советской власти, занимая высокие государственные посты, он оставался таким же скромным в личной жизни, каким он был во времена подполья.

«Мы, коммунисты, — говорил он мне неоднократно, — должны жить так, чтобы широчайшие массы трудящихся видели, что мы слуги народа, что победой революции и властью мы пользуемся не для себя, а для блага и счастья народа». Эти слова он говорил не только мне, но и своим помощникам — чекистам.

Как я уже упомянула выше, Феликс, будучи председателем ВЧК, долгое время не имел своей комнаты, работая дни и ночи в своем большом кабинете по Большой Лубянке, 11. Тут же за широкой стояла его кровать, где он наскоро отдыхал после нескольких суток непрерывной работы.

В те годы был большой недостаток товаров широкого потребления, и у Феликса был один-единственный полувоенный костюм, но он не разрешал спать ему новый и вообще покупать ему что-либо лишнее из одежды. Он одевался в скромную военную гимнастерку и красноармейскую (кавалерийскую) шинель.

Однажды близкий его товарищ Стефан Братман-Бродовский, работавший в то время секретарем советского посольства в Германии, прислал ему из Берлина прекрасный шерстяной свитер. У Феликса был старенький, заштопанный и мало уже гревший свитер. Но он не мог позволить себе иметь два свитера, когда у многих товарищей не было ни одного. В тот же день он отдал новый свитер одному из своих помощников.

Феликс был также скромен в пище и не позволял, чтобы ему давали лучшую еду, чем другим. Чтобы его заставить съесть что-нибудь попитательнее или повкуснее, приходилось прибегать к хитрости, но это не так легко удавалось.

В Кремле Феликс не раз ходил сам в кубовую за кипятком, не позволяя мне это делать. До конца своих дней он сам чистил себе обувь и стелил постель, запрещая это делать другим. «Так приучила меня мать», — говорил он, когда я пыталась это сделать за него.

В 1920 году в день 25-летия революционной деятельности Феликса товарищи по работе подарили ему на память массивный серебряный портсигар с сердечной надписью и многочисленными подписями этих

товарищей. Он никогда не пользовался им, считая это излишней роскошью, и отдал его А. Я. Беленькому для передачи в фонд помощи голодающим. Но Беленький без ведома Феликса сохранил этот портсигар и после его смерти передал его мне. Сейчас он находится в московском Государственном музее Революции. Точно так же в Санитарный отдел ВЧК Феликс передал подаренный ему в 1922 году рабочими Главных гомельских железнодорожных мастерских серебряный чернильный прибор, считая для себя невозможным пользоваться такой дорогостоящей вещью.

Когда в январе 1921 года председатель Азербайджанской ЧК Хандалов прислал Феликсу «для поправления здоровья» посылку (несколько бутылок вина и 3 банки икры), он передал ее в Санитарный отдел ВЧК для больных. Хандалову, поблагодарив его, написал: «Должен Вам, однако, как товарищу, сообщить, что не следует Вам, как предчека и коммунисту, ни мне, ни кому бы то ни было другому посылать такие подарки»¹.

Для скромности Феликса характерны следующие факты: увидев на стене одного из помещений ВЧК свой портрет, он в записке от 5 декабря (кажется, 1919 года) своему заместителю категорически потребовал немедленно снять его портреты во всех подведомственных ему помещениях, оставив лишь групповые снимки. «Неприлично это», — писал он в этой записке².

В первые годы революции было мало легковых машин, не хватало покрышек, камер, горючего. Государство переживало финансовые трудности, и Феликс перед своим заместителем И. С. Уншлихтом и всеми членами коллегии ВЧК поставил вопрос об упразднении в ВЧК всех персональных машин. «Полагаю, — писал он Уншлихту 29 апреля, вероятно, 1922 года, — что пришло время, когда можно и следует упразднить персональные машины, в том числе и мою... Пользование машинами сократить максимально, заменив, где возможно, лошадьми. Надо проявить скупость во всем. Мелочи в совокупности вырастают в колоссальные цифры»³.

Узнав, что туркестанские товарищи без его согласия назвали его именем Семиреченскую железную дорогу, Феликс послал им телеграмму с возражением и написал в Совнарком записку с требованием отмены этого решения⁴.

В октябре 1925 года в связи с восстановлением и пуском Ивотской стекольной фабрики в Брянской области коллектив этой фабрики решил присвоить ей имя Ф. Э. Дзержинского. Феликс в письме к рабочим и служащим Ивотской фабрики поблагодарил их, но предложил назвать фаб-

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 76, ед. хр. 350.

² ЦПА ИМЛ, ф. 76, ед. хр. 4019.

³ ЦПА ИМЛ, ф. 76, ед. хр. 216.

⁴ ЦПА ИМЛ, ф. 76, ед. хр. 4244.

рпку «именем какого-либо передового борца рабочего из стекольников, так как возрождение промышленности... обязано прежде всего усилиям рабочего класса и его партии...».

Феликс был исключительно цельной натурой, как бы вылитой из одного куска. Все его мысли, желания, стремления были направлены к одной цели — к борьбе за дело коммунизма. Этой борьбе он отдавал всего себя, все свои силы и время, работая и в дореволюционное время, и после Великого Октября с раннего утра и до поздней ночи, а когда надо было, проводя без сна по нескольку суток. Он совсем не заботился о себе, о своем здоровье. Я уже упоминала выше, что, даже находясь в эмиграции, он не отдыхал и по воскресеньям. В советское время, руководя ответственной государственной работой, он также трудился без отдыха. Его отпуска очень часто превращались в поездки для обследования транспорта или промышленных предприятий и новостроек или использовались им для партийной работы. Случалось, что, будучи больным и чрезвычайно усталым, он отказывался от давно неиспользованного отпуска. Когда на заседании Политбюро ЦК РКП(б) 3 октября 1923 года был поставлен вопрос об очередном отпуске, он просил снять этот вопрос с повестки дня, мотивируя тем, что его отпуск был бы в данный момент вреден для дела, а следовательно, и для него лично. Он ссылался на положение дел в ОГПУ и в НКПС, требующее его присутствия, на неликвидированный еще вопрос о «рабочей оппозиции» и на международную обстановку. Все это вызывало необходимость величайшего темпа работы и напряжения всех партийных сил. «В такой критический момент, — писал Феликс, — покидать мне Москву и работу было бы преступно... Уходить в отпуск мне сейчас и психологически было бы очень трудно — и отпуск не дал бы мне того, что требуется от отпуска».

За все годы Советской власти ему ни разу не удалось побывать в кино и только 2—3 раза он был в Большом театре, и то не на всем спектакле, а лишь на 1—2 действиях. Помню, что однажды из-за его занятости мы с опозданием пришли на оперу Бородина «Князь Игорь», но после 2-го действия его вызвали на работу, и он должен был уйти. Из-за того, что он не мог бывать в театре, и я редко его посещала.

Зато когда партия заставляла его отдыхать и он уезжал на несколько недель в Крым, на Кавказ или в Подмосковье, то всей душой наслаждался красотой природы, морем, горами, лесом, цветам, звездным небом, совершая многочасовые прогулки. При этом он любил ходить не по проторенным дорогам и тропинкам, а продираться сквозь лесную чащу, бродить по каменистому берегу Черного моря, взбираться на горы. Он очень любил купаться в море, кататься на лодке, увлекался грейбей, упражнялся в метком бросании камешков с берега в торчащие из моря скалистые выступы. Любил он и хорошо умел ездить верхом, но это удавалось ему очень редко.

Ф. Э. Дзержинский и С. С. Дзержинская на даче под Москвой. 1923 г.

Поздней осенью 1922 года, отдыхая в Сухуми, Феликс восхищался его окрестностями и чудесными видами. Он писал мне оттуда 10 ноября: «Тут солнце, тепло, море безбрежное и вечно живое, цветы, виноградники, красиво как в сказке... Кругом пальмы, мимозы, эвкалипты, кактусы, оливковые, апельсиновые и лимонные деревья, цветущие розы, камелии, магнолии — повсюду буйная растительность, вдали же цепи покрытых снегом гор, а ниже огромные леса».

Находясь в 1924 году в Крыму, мы из Мухалатки совершали длительные прогулки по берегу моря или через горы в Кастрополь, а также в противоположную сторону. Однажды мы поднялись на вершину горы и шли по хребту до Байдарских ворот, любуясь осенними красками леса, покрывающего горные склоны, и восхищаясь раскрывшейся перед нами живописной картиной Байдарской долины.

В августе — сентябре 1925 года Феликс после болезни провел месяц в Кисловодске на небольшой даче «Карс». Часть его отпуска я провела там вместе с ним. Мы ходили к «Храму воздуха», наслаждаясь чистым горным воздухом, который Феликс называл «вкусным». Только один раз поднялись мы к «Красному солнышку», любясь раскрывшимся перед нами видом на Кисловодск, его окрестности и хребет Кавказских гор. Совершали мы экскурсии также к Медовому водопаду, к Кольцо-горе, в Пятигорск. Особенно нравился Феликсу вид на покрытый вечным снегом Эльбрус, озаренный заходящим солнцем.

Но и во время своего пребывания в Крыму и на Кавказе Феликс не отрывался полностью от работы. Он встречался с местными руководителями товарищами и обсуждал с ними волнующие, актуальные вопросы.

Несмотря на слабое здоровье, Феликс отличался необыкновенным трудолюбием и трудоспособностью, которая всегда поражала сотрудничавших с ним товарищей. Мало кто мог бы подобно ему руководить одновременно несколькими важнейшими государственными учреждениями и в то же время возглавлять разные комиссии и участвовать в работе ЦК партии, Оргбюро и Политбюро.

* *
*

Партийные и советские законы были для Дзержинского святы, и он также строго применял их к себе, как и к другим.

В первом своем письме сестре Альдоне после Великой Октябрьской социалистической революции Феликс писал 15 апреля 1919 года: «Посылаю тебе вещи из Дзержинова. Очень массивные ценности были конфискованы, согласно нашим законам... Я знаю, что эта конфискация фамильных ценностей огорчит тебя, но я не мог иначе поступить — таков у нас закон о золоте...»

Феликс организационно не выносил даже малейших признаков лести и подхалимства.

Был такой случай. Один ответственный работник железнодорожного транспорта, желая угодить Дзержинскому, являвшемуся тогда наркомом путей сообщения, перевел сестру Феликса Ядвигу Эдмундовну на значительно лучше оплачиваемую работу, для выполнения которой у нее не было никакой квалификации. Феликс возмущился этим, распорядился не принимать его сестру на эту ответственную работу, а работницу транспорта — подхалима, по словам Ядвиги Эдмундовны, — снял с занимаемой им должности.

Феликс не выносил никакой фальши и сам отличался необыкновенной душевной чистотой, честностью и правдивостью.

Бывали случаи, когда Феликс ошибался, обвиняя кого-нибудь из товарищей в упущении или неправильном действии, но, убедившись в своей ошибке, он не стыдился признаться в этом и немедленно извинился перед данным товарищем.

Л. А. Фотиева рассказывает, что однажды на заседании Совета Народных Комиссаров при обсуждении вопроса, поставленного Феликсом Эдмундовичем, оказалось, что нет подготовленных для обсуждения этого вопроса материалов. Дзержинский вспыхнул и упрекнул в этом Фотиеву, сказав, что материалы из ВЧК отправлены, а секретариат Совнаркома их затерял. Когда же Феликс убедился, что материалы из ВЧК только отправляются, но еще не доставлены, то он попросил на заседании СНК внеочередное слово и извинился перед Фотиевой, заявив: «Всплывает не секретариат СНК, а секретариат ВЧК». Л. А. Фотиева добавляет: «Этот маленький эпизод прибавляет лишнюю черту для характеристики щепетильной правдивости Феликса Эдмундовича». Таких примеров много.

Убедившись в своей неправоте по отношению к председателю Югвостпромбюро т. Иванову, Феликс в июле 1924 года написал ему: «Я, безусловно, ошибся и несправедливо отнесся. Прошу извинения»¹.

Все, кто знал Феликса Эдмундовича, отмечали его чуткость и большую справедливость.

Е. П. Пешкова, будучи представительницей Польского Красного Креста в СССР, многократно обращалась к Феликсу по поводу лиц, арестованных ВЧК и потом ГПУ по политическим мотивам. Когда Екатерина Павловна выражала свои сомнения насчет виновности какого-либо арестованного, Феликс внимательно выслушивал ее и всегда располагался доследовать дело. По словам Екатерины Павловны, он проявлял заботу о семьях арестованных контрреволюционеров, особенно

Ф. Э. Дзержинский
и С. С. Дзержинская с сыном Яном
в Сестрорецке. 1925 г.

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 76, ед. хр. 4222.

о детях, расспрашивал об условиях их жизни. Она привела следующий пример.

Однажды к ней обратилась жена одного из арестованных членов ЦК правых эсеров и пожаловалась на то, что в связи с арестом мужа ее сылал с работы детвора, а двоих детей школьного возраста не принимают в школу, и сказала, что хотела бы лично говорить с Дзержинским.

Она была принята Феликсом Эдмундовичем и после разговора с ним пришла к Е. П. Пешковой, разрыдалась от волнения и сказала, что впервые встретила такое внимательное и чуткое отношение. Феликс Эдмундович расспросил ее о положении и был странно возмущен тем, что ее детей не принимают в школу, сам позвонил в Наркомпрос. Дети были приняты в школу.

Впоследствии каждый раз, когда эта женщина встречалась с Екатериной Павловной, она, вспоминая о Феликсе, называла его «нашим другом».

О глубокой справедливости Феликса хорошо знали товарищи по партии и широкие массы трудящихся.

Старый польский революционер Феликс Кон рассказал о следующем факте: «На Украине в разгар петлюровщины и денкинцищины кто-то был приговорен к расстрелу. Уже после приговора ему удалось бежать. Он не скрылся, а явился в Москву, в Чека, к Дзержинскому и просил о пересмотре дела, уверенный, что Дзержинский не допустит расстрела невиновного. Вера его в Дзержинского доходила до того, что он не поколебался уже приговоренный явиться к нему»¹.

Алексей Максимович Горький, узнав от Екатерины Павловны Пешковой о смерти Дзержинского, писал из Италии: «Совершенно ошеломлен кончиной Феликса Эдмундовича. Впервые я его видел в 9—10 годах, и уже тогда сразу же он вызвал у меня незабываемое впечатление душевной чистоты и твердости. В 18—21 годах я узнал его довольно близко, несколько раз беседовал с ним на очень щекотливую тему, часто обременял различными хлопотами, благодаря его душевной чуткости и справедливости было сделано много хорошего. Он заставил меня и любить и уважать его. И мне так понятно трагическое письмо Екат. Павловны, которая пишет мне о нем: «Нет больше прекрасного человека, бесконечно дорогого каждому, кто знал его»... Нет, как неожиданна и несвоевременна и бессмысленна смерть Феликса Эдмундовича!»

Феликс глубоко любил людей, верил людям. Неоднократно говорил он о том, что нет плохих из природы людей, что такими их делает несправедливый капиталистический строй, угнетение и эксплуатация. Он считал, что у каждого, даже самого плохого, человека сохранилась хотя бы

¹ Писатель Ю. Герман установил, что это был коммунист Сидоренко. Дзержинский снял с него необоснованное обвинение и отпустил в родной город.

побольшая крупница добра, совести и душевной красоты, которую можно пробудить и оживить.

Не раз Феликс говорил мне о том, что вообще относится к людям с доверием и лишь когда замечает в ком-нибудь хоть малейшую фальшь или узнает о нем что-то нехорошее, то настораживается и принимает меры к тщательному выяснению подлинного лица этого человека.

Если он знал кого-нибудь хорошо как честного человека, то верил ему.

Е. П. Пешкова рассказывает такой случай. В перерыв работы Феликса Эдмундовича в ВЧК был арестован один эсер, которого Дзержинский хорошо знал по Вятской ссылке как честного, прямого человека и искреннего, хотя и идущего по ложному пути, революционера.

Узнав об его аресте, Феликс Эдмундович через своего помощника пригласил его к себе в кабинет. Но тот сказал:

— Если на допрос, то пойду, а если для разговора, то не пойду.

Когда эти слова были переданы Дзержинскому, он рассмеялся и велел допросить этого эсера, сказав, что, судя по ответу, он остался таким же, каким был, и поэтому если он заявит, что не виновен в том, в чем его обвиняют, то надо ему верить. В результате допроса он был освобожден.

Глубоким пониманием интересов трудящихся, своей заботливостью, вниманием к их пущам, простотой обращения и сердечностью Феликс завоевывал их сердца с первого разговора. Большой любовью и доверием платил ему за это народ.

В издаваемой в Сочи «Курортной газете» от 5 октября 1937 года помещена «Легенда о Дзержинском», записанная Львом Метелевым со слов 79-летнего колхозника Алексея Дмитриевича Випокурова (колхоз имени Дзержинского Кайского района, бывшей Вятской, ныне Кировской, области, где Феликс в 1898—1899 годах находился первый раз в ссылке).

В этой «легенде» в простых бесхитростных словах рассказано о том, какое впечатление произвел Феликс на кайгородских крестьян, о том, как он умел понять их нужды, заботы, чаяния и как пробуждал в них волю к борьбе за свободу.

...И приехал Феликс Эдмундович,
К нам в лесные болота приехал он.
Просиял наш край, просветил наш Кай.
Будто солнце взошло выше прежнего,
Будто ель, сосна расступились.
Веселой поют птахи лодыжи.
Повстречаемся — улыбнется он,
Остановится побалакать —
Молодеет кровь, радость слышится,
Говорить начнет — голова свежей.
Ой, ходила мы по лесной глуши
Порыбачить, поохотничать;

Заведет костер, затрещит костер,
 Искры красные так и прыскают.
 И начнет Феликс под трескучий шум
 Речи ясные проповедовать,
 Будто смолоду в твоей горнице
 Оп живет с тобой, все прошедшими.
 И расскажет он — душу тайную
 Мужиковскую словно вывернет.
 А в глазах его тепло стелется,
 Будто жгут они ярче солнышка.
 Слово вымолвит — словно молния.
 Оп поведает нам про свободушку,
 Оп зажжет сердца истинным пламенем.

* *
 *

Во всей своей жизни и деятельности Феликс руководствовался пламенной любовью к людям, ко всему человечеству, особенно к трудящимся. Это была не абстрактная, а действенная любовь, вдохновлявшая его и помогавшая ему преодолевать все трудности и стойко переносить все страдания.

В письме к сестре Альдоне от 15 апреля 1919 года Феликс, грозный председатель ВЧК, писал: «...я остался таким же, каким и был, хотя для многих нет имени страшнее моего.

Любовь сегодня, как и раньше, она все для меня, я слышу и чувствую в душе ее песнь. Песнь эта зовет к борьбе, к неслепяемой воле, к неутомимой работе. И сегодня помимо идеал, помимо стремления к справедливости — ничто не определяет моих действий».

Во всей своей тяжелой, самоотверженной революционной работе Феликс, по его словам, «искал опоры и источника для новых усилий в сознании того, что эта работа служит делу освобождения рабочих масс и ведет к коммунизму. И эта моя работа, — говорил он, — была плодотворной постольку, поскольку мне удавалось найти связи с этой рабочей массой...». Неутомимый труд, лишения и страдания, перенесенные во имя счастья народных масс, были его великим личным счастьем. «Быть светлым лучом для других, самому излучать свет — вот высшее счастье для человека, какого он только может достигнуть. Тогда человек не боится ни страданий, ни боли, ни горя, ни нужды. Тогда человек перестает бояться смерти, хотя только тогда он научится по-настоящему любить жизнь», — писал он еще в 1913 году из тюрьмы своей сестре Альдоне.

20 июля 1936 года на общегородском собрании московского партактива и работников НКВД, посвященном десятой годовщине со дня смерти Ф. Э. Дзержинского, с большой речью выступил А. И. Микоян.

«Наша партия и трудящиеся массы Советского Союза в течение 10 лет, которые прошли со дня смерти Феликса Эдмундовича Дзержинского, ежегодно склоняют свои революционные знамена в память об этом пламенном революционере-большевике, светлый образ которого всегда живет в наших сердцах.

С каждым годом, чем дальше в прошлое уходит день его смерти, тем более ярко вырастает его фигура в сознании всего человечества. Но лишь после детального изучения всей жизни Феликса Эдмундовича его образ встает во всем своем величии.

Изучение и описание жизни и деятельности этого великого революционера особенно необходимы для молодежи, которая не имела счастья лично знать Дзержинского и работать с ним, героем Октября, красой и гордостью советского народа и Коммунистической партии.

...Это был пламенный борец с великим сердцем, которое горело любовью к трудящимся, к поработанному капитализмом человечеству. Он шел всю свою жизнь к одной цели, к коммунизму, без колебаний, без отступлений, без оглядки. У него была страстная, непоколебимая вера в победу коммунизма, в генеральную линию партии Ленина.

У него был огненный темперамент. Непоколебимая вера в победу пролетариата приобрела у него яркость необыкновенной силы».

**Дзержинский —
символ братства и дружбы
польского и советского народов**

Во всей своей сознательной жизни Феликс руководствовался выдвигнутым Марксом и Энгельсом призывом: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» — и всегда неуклонно, со всей силой и энергией воплощал этот призыв в жизнь.

Еще юношей с первых шагов своей революционной деятельности в Литве вопреки шовинистической пропаганде ППС, внушавшей польским рабочим ненависть ко всему русскому и неверие в революционные силы русского рабочего класса, он был горячим сторонником объединения польского и литовского пролетариата с русским в совместной борьбе против царизма и буржуазии.

Когда в 1898 году правые лидеры Литовской социал-демократии отказались принять участие в I съезде РСДРП, Дзержинский решительно осудил их позицию.

Он помнил послание Маркса и Энгельса международному митингу в Женеве в 1880 году, организованному пионерами польского социалистического движения с Людвигом Варыньским во главе, по случаю 50-летия **423**

польского восстания 1830 года. Создатели научного социализма указывали в этом послании, что польские социалисты должны объединить свою борьбу с русскими братьями.

За все время своей многолетней работы в СДКПил Дзержинский неуклонно и последовательно проводил марксистскую, интернационалистскую линию этой партии на совместную с РСДРП борьбу против царизма и капитализма.

Будучи последовательным пролетарским интернационалистом, он и то же время был пламенным польским патриотом, мечтавшим о свободной рабоче-крестьянской социалистической Польше, и остался им до конца своей жизни. Находясь в первой ссылке в Вятской губернии, он сильно тосковал по родине и революционной работе в рядах польского пролетариата. После побега осенью 1899 года и возвращения на родину он снова был арестован. Феликс писал сестре Альдоне 21 марта 1900 года из Хавиишоа Варшавской цитадели, как мучила его тоска по родине, «...которая, — говорил он, — так врезалась в мою душу, что ничто не сможет вырвать ее, разве только вместе с самым сердцем».

После этого Феликса ссылали еще дважды, но каждый раз он бежал и возвращался в ряды борцов за свободу Польши и социальное освобождение трудящихся.

Во время первой мировой войны, находясь в тюрьмах и на каторге в России, он, как я уже выше об этом писала, тяжело переживал страдания польского народа, на земле которого бушевала война и который подвергся австро-германской оккупации. В своих письмах он неоднократно расспрашивал о товарищах по польской с.-д. партии, писал о своей тоске по революционной работе. Его письма были пронизаны глубокой верой в близкую победу революции, которая освободит его и положит конец войне. Он писал, что всей душой стремится в Варшаву, и выражал надежду, что все мы — он с востока, а я с Ясыком — польские эмигранты — социал-демократы с запада — в скором времени встретимся в Варшаве.

Жизнь не оправдала этих надежд Феликса. Освобожденный Февральской революцией 1917 года, он и тогда надеялся вернуться в Польшу, но в России назревала величайшая в истории Великая Октябрьская социалистическая революция, положившая начало новой эры в жизни человечества, сыгравшая решающую роль в судьбах не только российского пролетариата, но и пролетариата других стран, в том числе и Польши.

Дзержинский не мог стоять в стороне от титанической борьбы русского рабочего класса за Советскую власть, от борьбы этого передового отряда мирового пролетариата, возглавляемого славной партией Ленина. Продолжая славные традиции польских революционеров-интернационалистов, он принимал активнейшее участие в подготовке социалистической революции в России и Октябрьского вооруженного восстания, стал одним из 424 ближайших соратников великого Ленина. Проникнутый пламенным со-

петским патрпатизмом, Ф. Э. Дзержинский до конца своей жизни боролся за защиту завоеваний Октября, за укрепление Советской власти и строительство социализма в первом в мире государстве рабочих и крестьян.

Борясь за Советскую власть и затем отстаивая завоевания Великого Октября, строя в Советском Союзе социализм, Феликс понимал, что он одновременно и притом самым действенным образом борется за национальное и социальное освобождение многотрадального польского народа, за освобождение угнетенных и эксплуатируемых во всем мире. Поглощенный напряженной и ответственной партийной и государственной работой в Советской стране, Феликс был тем не менее тесно связан с польским рабочим классом и его революционной борьбой, глубоко переживал страдания польских рабочих и крестьян, которые и после Великого Октября пахотились под игом помещиков и буржуазии, и стремился помочь этим массам.

После освобождения Февральской революцией из тюрьмы Феликс работал в московской большевистской организации, являлся членом Центрального Исполнительного Комитета групп СДКПил в России¹ и вел большую агитационную и организационную работу среди эвакуированных из Польши польских рабочих и солдат. Так, например, 19 марта 1917 года он выступил на общегородском митинге, на котором присутствовало несколько тысяч польских рабочих, резко критикуя буржуазное Временное правительство и его антинародную политику. 17 апреля 1917 года Дзержинский выступал на собрании солдат — поляков Московских мастерских тяжелой артиллерии. Он разоблачил империалистический, антинародный характер продолжаемой Временным правительством войны, а также националистическую политику эсдеков и «фраков» и призвал польских солдат к отказу идти на фронт и к совместной с русскими братьями борьбе за интересы рабочих и крестьян. Особенно много внимания Феликс уделял работе среди эвакуированных в Россию польских железнодорожников Привислянской и Варшавско-Венской железных дорог. Сохранился написанный рукой Феликса документ, озаглавленный «Протест». «Протест» является, по всей вероятности, проектом резолюции, принятой собранием рабочих-железнодорожников, на котором выступил Дзержинский.

Этот документ разоблачает махинации эсдеков, избравших в железнодорожные комитеты указанных дорог, а также в Московский Совет рабочих и солдатских депутатов своих сторонников из числа служащих без педомы и участия в этих выборах рабочих-железнодорожников.

¹ Группы СДКПил в России были созданы после Февральской революции при соответствующих городских комитетах РСДРП(б) в губерниях со значительным количеством польского населения. ЦИК группы СДКПил в России объединял все местные группы СДКПил и работал под руководством ЦК большевистской партии.

В этом же документе выражено требование провести новые выборы в Московский Совет от рабочих Варшавско-Венской и Привислянской железных дорог и послать туда рабочих, а не чиновников.

Собрание рабочих-железнодорожников, принявшее резолюцию, предложенную Дзержинским, избрало комиссию, которой поручило создать новые железнодорожные комитеты от рабочих Варшавско-Венской и Привислянской дорог. Этой же комиссии было поручено организовать новые выборы в Московский Совет от рабочих вышеуказанных железных дорог.

На II съезде Советов 25—26 октября (7—8 ноября) 1917 года, на котором была провозглашена Советская власть, Дзержинский выступил при обсуждении Декрета о мире со следующим заявлением от имени СДКПил:

«Польский пролетариат всегда был в рядах вместе с русским. Декрет с энтузиазмом принимает Соцпал-демократия Польши и Литвы. Мы знаем, что единственная сила, которая может освободить мир, это — пролетариат, который борется за социализм. Когда восторжествует социализм, будет раздавлен капитализм и будет уничтожен национальный гнет... У нас будет одна братская семья народов, без распри и раздоров».

Дзержинский за все время своей работы в Стране Советов систематически следил за развитием событий в Польше, за борьбой польских коммунистов и польского рабочего класса и старался передать компартии Польши опыт партии великого Ленина.

Как уже говорилось выше, Дзержинский принимал активное участие в работе Временного революционного комитета Польши в 1920 году.

На IV конгрессе Коминтерна, который состоялся осенью 1922 года, Дзержинский был членом делегации компартии Польши, а в июне — июле 1924 года как член делегации РКП(б) участвовал в работе Польской комиссии V конгресса Коминтерна. Эта комиссия была создана в связи с кризисом, возникшим в КРПП. Причиной кризиса было то, что пленум ЦК КРПП по инициативе руководящих деятелей ЦК А. Варского, Г. Валецкого и В. Костшевы («три В») обратился в декабре 1923 года к Президиуму ИККИ и Политбюро ЦК РКП(б) с письмом, в котором высказаны были опасения, что острая внутрипартийная борьба против Троцкого (выступившего с антипартийной платформой против ленинского руководства РКП(б)) может довести до раскола в РКП(б) — авангардной партии Коммунистического Интернационала.

Комиссия V конгресса Коминтерна предложила Коммунистической партии Польши отстранить «три В» от руководства, что и было потом осуществлено.

В связи с ошибочной позицией Варского, Валецкого и Костшевы по отношению к Троцкому польские коммунисты в СССР принимали резолюции, осуждавшие их. Ознакомившись с такой резолюцией польских коммунистов-поляков, Феликс, желая выяснить исторические корни ошибки

А. Варского, в письме ко мне, как к секретарю Польского бюро агитпропа ЦК РКП(б) (от 18 декабря 1924 года, из дома отдыха в Архангельском под Москвой), поставил, как я уже отметила выше, перед Польским бюро задачу — критически проанализировать политическую позицию СДКППЛ на протяжении всей ее деятельности, начиная со II съезда РСДРП, и выяснить, были ли у нее расхождения с большевками и «точка соприкосновения» с меньшевками и Троцким.

Еще раньше Фелпкс сам подверг критике неправильную позицию Социал-Демократии Польши и ЛПтвы и свою собственную по национальному и крестьянскому вопросам.

Выступая 3 января 1924 года на объединенном собрании партийных ячеек НКПС и ЦК союза железнодорожников, Фелпкс сказал:

«...Далее — национальный вопрос, являющийся частью основного вопроса взаимоотношений между крестьянством и пролетариатом. В этом вопросе Вл. Ильич внес то великое, что обеспечило нам победу... А (польские) социал-демократы впоследствии многие из нас, коммунистов, несмотря на это, к разрешению национального вопроса подходили схематически»¹. В письме к рабочим г. Довбыша (Мархлевска), центра существовавшего тогда польского района на Украине, Фелпкс опять подверг критике ошибочные взгляды СДКППЛ по крестьянскому и национальному вопросам, указав на огромное значение для Польши ленинской политики союза пролетариата с крестьянством при руководящей роли рабочего класса. В этом письме Фелпкс писал:

«Для Польши, для ее судеб является решающим дело союза рабочего с крестьянином под руководством коммунистической партии. Во время империалистической войны, если бы мы тогда понимали это ленинское учение, то, может быть, судьба Польши была бы иной и мы имели бы социалистическую Польшу — свободную и не зависящую от капиталистических держав, сильную союзом с Союзом Советских Республик... Не менее важен и второй вопрос. Национальный вопрос... И в этой области необходимо идти путями, указанными Лениным.

Нашей ошибкой (бывшей СДКППЛ) было отрицание независимости Польши, в чем всегда нас упрекал Ленин... Отрицая вообще независимость, мы... проиграли в борьбе за независимую социалистическую Польшу. Лишь выяснение и исправление этой ошибки, применение учения Ленина ведет к победе».

В 1924—1925 годах польское буржуазное правительство Владислава Гравского усилило репрессии против революционного движения рабочих и крестьян, а также против национально-освободительного движения народов Западной Украины и Западной Белоруссии.

¹ ЦПА ИМЛ.

Оно жестоко преследовало массовые революционные организации, и первую очередь коммунистическую партию; распускало левые профсоюзы, закрывало их помещения, арестовывало их руководителей; широко применяло систему провокаций, засылало своих агентов, шпионов и провокаторов в ряды КПП и в связанные с ней рабочие-крестьянские организации, применяло зверские пытки по отношению к арестованным, подвергаемым в коммунистических убеждениях. Коммунисты содержались в столь невыносимых условиях, что вынуждены были прибегать к голодовкам. Только лишь с марта по сентябрь 1924 года в разных тюрьмах Польши было 28 случаев голодовок коммунистов, которые неоднократно приводили к смертельному исходу.

Весной 1925 года полиция арестовала тысячи революционных рабочих и крестьян в Западной Белоруссии и Западной Украине и глумилась над ними.

Правительство Грабского стало выносить смертные приговоры коммунистам и комсомольцам. Так, в июне 1924 года по приговору военного полевое суда в Лодзи за убийство провокатора был расстрелян девятнадцатилетний комсомолец Самуил Энгель. Убийство молодого революционера вызвало большое возмущение как в Польше, так и за ее пределами.

Польские буржуазные власти вероломно убили двух польских революционных офицеров Валерия Багинского и Станислава Вечоркевича, приговоренных к смертной казни. По договору с Советским Союзом они должны были быть обменены на польских контрреволюционеров, заключенных в одной из советских тюрем. Но по пути в СССР они были зверски убиты сопровождавшими их польскими жандармами на станции Столбцы, недалеко от советской границы.

6 февраля 1925 года два молодых коммуниста — Мечислав Гайчик и Францишек Пилиарчик, уничтожившие по приговору партии провокатора Каминского, были окружены в Домброве Гуричей полицией и после семи часов героической защиты погибли от примененных к ним отрядами полиции ядовитых газов.

Возмущенный и обеспокоенный разгулом террора в Польше против революционных масс, Феликс 6 марта 1925 года обратился с письмом к представителю компартии Польши в ИККИ Вацлаву Богущаку и в Польское бюро агитпропа ЦК ВКП(б), в котором писал: «Необходимо поднять мопровескую кампанию против условий в польских тюрьмах. Товарищи, которые в последнее время были обменены (на заключенных в СССР польских контрреволюционеров. — С. Д.), могли бы, наверное, дать очень ценный достоверный материал. Необходимо заняться этим вопросом, собрать этот материал, обязать всех подробно описать, помочь им, если сами не сумеют сделать, и т. д. Одновременно следовало бы привести статистику политических арестов и описание политического тер-

рора. Думаю, что Вам следовало бы заняться этим вместе с Польским бюро и МОПром. Ваш Ф. Дзержинский»¹.

В июле 1925 года три польских революционера: член Исполкома Варшавского Комитета КПП Владислав Гибнер и два видных работника Коммунистического Союза молодежи Польши — Генрих Рутковский и Владислав Кневский — были задержаны полицией в день, когда они должны были по приговору партии убить вкравшегося в ряды КПП и выдавшего полицию ряд коммунистов злостного провокатора Цехновского. Вырвавшись из рук агентов полиции, они пытались убежать и, отстреливаясь от преследовавшей их полиции и жандармов, убили двух агентов полиции. Они были преданы военно-полевому суду по обвинению в убийстве двух и в попытке убийства 14 жандармов и полицейских.

Всем троим угрожала смертная казнь. Узнав о предстоящем военно-полевом суде над тремя польскими товарищами и угрожавшем им смертным приговором, Фелпкс пытался их спасти.

Екатерина Павловна Пешкова, являвшаяся тогда представительницей польского Красного Креста в СССР, рассказала мне, что в начале августа 1925 года Фелпкс Эдмундович позвонил ей на квартиру, сообщил об угрозе смертного приговора Гибнеру, Рутковскому и Кневскому и предложил ей поехать в Варшаву, чтобы принять меры для предотвращения смертного приговора.

Е. П. Пешкова в это время была больна фурункулезом и лежала в постели. Поезда в Варшаву ходили тогда через 2 дня, но времени терять было нельзя. Поэтому Екатерина Павловна, надев на больную ногу домашнюю обувь, в тот же день вечером выехала туда через Ригу. Здесь при содействии советского посольства ей была оказана хирургическая помощь, что позволило ей без промедления ехать дальше в Варшаву.

На Варшавском вокзале ее встретила известная польская общественная деятельница Стефания Семполовская, которая посоветовала обратиться к премьер-министру Владиславу Грабскому.

При содействии секретаря польского Красного Креста Анны Пашковской Екатерина Павловна была на следующий день принята Грабским. Пешкова просила Грабского повлиять на смягчение приговора Гибнеру, Рутковскому и Кневскому. Грабский ответил, что на решение военно-полевого суда повлиять он не в состоянии, но в случае вынесения смертного приговора, он, Грабский, сделает все, что в его силах, чтобы приговор был смягчен.

Считая, что ее миссия выполнена, Екатерина Павловна вернулась в Москву. Однако Грабский ничего не сделал. 21 августа в 5 часов утра Гибнер, Рутковский и Кневский были расстреляны на склонах Варшавской цитадели. Они все трое мужественно погибли, не дав завязать

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 76, № 1144.

себе глаза, с возгласами: «Да здравствует социальная революция!», «Да здравствует Польская республика Советов!», «Да здравствует коммунизм!»

Получив сообщение о казни Ботвина¹, Гибнера, Рутковского и Киевского, Феликс писал мне 25 августа 1925 года из Кисловодска: «В Польше для наших (для коммунистов. — С. Д.) пришли тяжелые времена. Я был уверен, что их расстреляют. Боюсь, что это начало неслыханного террора. Наши, к сожалению, не сумели занять правильной позиции».

Последние слова относятся к ультралевой, сектантской позиции забранного на III съезде КПП в марте 1925 года Центрального Комитета во главе с Л. Домским.

Ошибки руководства КПП привели к новому кризису в польской партии, который был ликвидирован IV конференцией КПП в ноябре — декабре 1925 года, осудившей политическую линию Домского и других и избравшей Центральный Комитет в новом составе, без Домского.

Внимательно следя за развитием революционного движения в Польше, Феликс в то же время придавал большое значение участию польских коммунистов и польских трудящихся в строительстве основ социализма в СССР. Руководя НКПС, а потом ВСНХ, он привлекал в эти учреждения хорошо известных ему товарищей-поляков, считая, что хозяйственная работа в Советской стране будет хорошей подготовкой к их деятельности в будущей рабоче-крестьянской Польше. В ВСНХ работали видный деятель КПП Генрих Ляуэр (Бранд²), бывший член Главного Правления СДКП(Л) Э. Ледер и опытный специалист по теплофикации Ян Таненбаум (Таннер). В НКПС Феликс привлек бывшего члена СДКП(Л), потом члена ВКП(б) Л. Пренткого (Адамского) и члена КПП Казимир Ляуэра. В письме к Адамскому от 24 сентября, по-видимому, 1923 года он писал: «Вы инженер-электротехник, и постоянно грешно не работать в своей отрасли... Участие в созидательной хозяйственной работе в РСФСР — это лучшая подготовка к работе в Польской республике Советов»².

В вышеупомянутом письме к рабочим Довбыша Феликс высказывает свои мысли о значении работы трудящихся польского района в УССР для революционизирования трудящихся Польши.

«Казалось бы, — писал Дзержинский, — что это вещь несопоставимые — крохотный советский польский район на Волыни и огромная помещичье-буржуазная Польша. Но это не так. Наша большевистская партия тоже была когда-то малой и слабой по сравнению с силой царя

¹ Еще до суда над Гибнером, Рутковским и Киевским провокатор Цеховский был убит молодым польским комсомольцем Нафталием Ботвином, расстрелянным по приговору военно-полевой суда во Львове 6 августа 1925 года.

² ЦПА ИМЛ.

и его Россией, и, однако, эта партия свергла не только царя и русский капитализм, но и потрясла до основания весь капиталистический мир.

Такой же, как и царя будет судьба теперешних владельцев Польши...

II Коммунистическая партия Польши, борющаяся там в Польше, кажется сейчас малой и слабой, но, подобно русской партии, она призвана выполнить историческую миссию освобождения Польши.

Ваша работа в небольшом польском районе может иметь огромное значение для дела освобождения пролетариата и крестьянства в Польше. Вы можете уже не на словах, а на деле доказать, что большевистский лозунг союза пролетариата с крестьянством не является фразой... Искоренить бюрократизм и взяточничество — это пережитки капитализма и царских порядков, установить неразрывную связь между рабочим-пролетарием и большинством крестьян — середняками и беднотой — в борьбе за подъем общего уровня жизни — культурной и материальной... И этот живой пример вашей работы, ее результатов будет лучше всего убеждать рабочих и крестьян в Польше.

Работать так, чтобы можно было пригласить к вам делегацию рабочих и крестьян из Польши и чтобы ей было о чем рассказать польским рабочим и крестьянам...»

Феликс глубоко изучал экономическое положение Польши и польских трудящихся масс.

Антинародная и антисоветская политика польских буржуазных правительств, отказывавшихся от развития торговли Польши с Советским Союзом, от использования традиционных для Польши богатых российских рынков, привела к колоссальному падению экспорта польских товаров, пассивному балансу внешней торговли и к политической и экономической зависимости Польши от иностранного капитала. Результатами этой политики были: слабое развитие промышленности, постоянная массовая безработица, обнищание крестьянских масс и эмиграция из Польши сотен тысяч рабочих и безземельных крестьян за границу, где они печально эксплуатировались, являясь «белыми рабами» на полях, в шахтах и на заводах капиталистических государств.

Руководя советской промышленностью и разъясняя во многих своих речах правильность финансовой и экономической политики СССР, важность строгого режима экономии и необходимость активного баланса внешней торговли, Феликс неоднократно приводил пример буржуазной Польши, ставшей в результате преступной политики ее правительств полуколонией крупных империалистических государств, и с горечью и болью говорил о тяжелом положении польских рабочих и крестьян. Так, например, в речи на XXIII Чрезвычайной Ленинградской губернской конференции ВКП(б) 11 февраля 1926 года Дзержинский сказал: «Иметь

пассивный баланс во внешней торговле — это значит... попасть в то положение, которое переживает сейчас Польша, когда именно благодаря дефициту бюджета, благодаря пассивному балансу торговли с заграницей Польша пришла к государственному банкротству и благодаря падающей валюте в Польше крестьянское население было экспроприровано, ибо оно не могло иметь никаких сбережений. Сбережения эти утрачивали по дня в день свою ценность. Благодаря этому спрос на промышленные изделия сократился, и половина польского пролетариата осталась без работы. Поэтому совершенно ясно, что наш ЦК и наше Советское правительство не могли идти по той дороге, ...по которой идет Польша.

Феликса сильно беспокоило положение Польши весной 1926 года.

10 мая 1926 года пришло к власти правительство «сильной руки» вожака кулацкой партии «Пяст» — Витоса.

Это вызвало еще большее недовольство масс. Пилсудский воспользовался этим недовольством и в половине мая при активной поддержке ППС и крестьянских партий «Вызволене» и «Строинництво хлопске» совершил военный фашистский переворот. Широкие массы рабочих, крестьян и интеллигенции, обманутые руководителями ППС и «Вызволене», создавшими Пилсудскому репутацию «спасителя отечества», «демократа», даже «социалиста», не увидели в Пилсудском своего злейшего врага и поддерживали его военные действия против правительства Витоса.

В момент переворота руководство КПП и партийный актив не разобрались в характере этого переворота и поддержали его, а центральный орган КПП «Червоный Штандар» даже призвал с оружием в руках поддержать Пилсудского.

В июне 1926 года ЦК КПП в своем решении осудил поддержку, оказанную в мае Пилсудскому, и отметил, что ошибка партии заключалась в том, что она не увидела реакционной сущности политики Пилсудского, считая его представителем интересов мелкобуржуазных масс, и в ходе переворота не разоблачила его как классового врага. В обращении ЦК КПП в июне 1926 года Пилсудский был уже охарактеризован как «польский Муссолини», а созданный им режим как «фашистская диктатура».

Более глубокий анализ и критику майской ошибки КПП дал состоявшийся летом 1927 года при участии представителей ИККИ IV съезд компартии Польши.

Держинский еще до переворота Пилсудского не питал никаких иллюзий относительно него и считал, что в случае прихода Пилсудского к власти он станет польским Носке¹, т. е. палачом трудящихся масс Польши.

¹ Носке — немецкий правый социал-демократ, социал-империалист, который в 1919 году, будучи членом правительства Шейдемана, приказал убить Карла Либкнехта в Розу Люксембург.

В мае 1926 года, в дни борьбы Пилсудского за власть против правительства Витоса Зигмунда, являвшийся тогда председателем Президиума ИККИ, при обсуждении членами польской комиссии ИККИ и ЦК ВКП(б) вопроса о положении в Польше заявил, что «в данный момент в Польше, когда борьба сил, стоящих за Пилсудского, и сил, стоящих за польское правительство Витоса, разгорается, что в этот момент политика нейтральности со стороны коммунистической партии недопустима и что *не надо пока делать острых выступлений против Пилсудского*». Несколько человек, в том числе и Дзержинский, возражали против такой постановки вопроса, говоря, что это было бы неправильно и что «недопустима не только политика нейтральности, но и политика поддержки Пилсудского». Таким образом, Дзержинский и в дни переворота выступал против поддержки Пилсудского.

Еще задолго до майского переворота Пилсудского Феликс высказывал мне свою тревогу по поводу того, что рвущийся к власти Пилсудский вынашивает планы новой войны против Советского Союза. А потом после прихода Пилсудского к власти говорил мне, что опасность войны со стороны Польши утихла.

Дзержинский был воплощением единства польского и российского рабочего класса в их революционной борьбе против царизма и капитализма за свободу, демократию и коммунизм.

Являясь одним из создателей марксистской партии польского пролетариата — СДКПП и в течение многих лет одним из руководителей этой партии, он в то же время с 1906 года был членом ЦК РСДРП, а с августа 1917 года — бессменным членом ЦК и потом, с апреля 1920 года кандидатом в члены Оргбюро, а с июня 1924 года кандидатом в члены Политбюро ЦК большевистской партии вплоть до последнего дня своей жизни.

ЦК компартии Польши в письме в ЦК ВКП(б) по поводу смерти Феликса писал: «Партия ваша и ее ЦК понесли громадную потерю. Но такую же громадную потерю понесла и наша партия, партия пролетариата Польши. В кругу создателей нашей партии, в маленькой группе

Ф. Э. Дзержинский. 1925 г.

польских марксистов, которые под руководством Розы Люксембург закладывали основы социал-демократии Польши и Литвы, Юзеф занимал совершенно исключительное место... Тем, кто главным образом способствовал тому, что эта идеология (идеология марксизма и пролетарского интернационализма. — С. Д.), овладев массами, стала силой, тем, кто построил фундаменты организации этих масс, был тов. Юзеф.

...После разгрома осколков организаций Социал-Демократии Королевства Польского товарищ Юзеф ценой неслыханных усилий, неустойчивой энергии собрал вокруг себя цвет польского пролетариата, восстановил его организацию (в 1899 г. — С. Д.) и был бесменным вождем и душой этой организации в годы перед революцией 1905 г., в период революции, в годы черной реакции 1907—1908 гг. и в годы нового подъема рабочего движения 1910—1912 гг. ...

Выванный в последний раз в 1912 г. царскими жандармами из рядов польской партии, Юзеф после нескольких лет каторги перешел целиком на службу российской революции и уже больше не возвращался к непосредственной работе в польской партии. Но за все это время, до самой смерти Юзефа, вся наша партия считала его своим естественным вождем. В переломные моменты, как в 1920 г., в процессе идеологической борьбы, переживаемой партией в ее стремлении стать партией подлинно большевистской, при изживании программных и тактических разногласий, отделявших партию польского пролетариата от ленинизма, в своей работе над слиянием отдельных составных частей партии в единый большевистский монолит — партия наша получала бесценные советы и помощь со стороны тов. Дзержинского. Его громаднейший авторитет, его пронзительность, изжитие им самим фракционной и групповой пристрастности, вытекающей из исторических делений нашей партии, использование уроков и опыта польского рабочего движения — все это облегчило нашей партии изживание наиболее тяжелых идеологических и организационных кризисов.

Партия наша потеряла теперь этого своего вождя и мудрого советника...»

Имя Феликса Дзержинского является символом братства и дружбы польского и советского народов. Никита Сергеевич Хрущев говорил на митинге дружбы народов Советского Союза и Польской Народной Республики в Москве 10 ноября 1958 года:

«...Пролетарские революционеры России и Польши всегда выступали за единство борьбы польского и российского пролетариата, понимая, что свобода Польши невозможна без свободы России...

Ярким олицетворением боевого содружества польского и российского рабочего движения был выдающийся революционер, один из ближайших соратников Ленина — Феликс Дзержинский. Советские люди всегда с любовью и восхищением будут помнить этого великого сына польского народа, сочетавшего пламенную любовь к трудящимся с ненавистью к угнетателям».

1. Руководящие деятели СДКПН

Варский, Адольф (Варшавский) (1868—1937) — один из старейших деятелей марксистского крыла польского рабочего движения, один из основателей СДКПН. В 1893 году эмигрировал из Королевства Польского в Швейцарию; вместе с Р. Люксембург, Ю. Мархлевским и Я. Тышкой издавал газету «Справа роботничка», а затем журнал «Пшеглонд, социаль-демократичный». Член Главного Правления СДКПН; делегат от СДКПН на II и IV съездах РСДРП. На V (Лондонском) съезде РСДРП избран в члены ЦК. В 1909—1910 годах был членом редакции ЦО РСДРП, вместе с В. И. Лениным вел борьбу против ликвидаторов. С начала войны занял интернационалистскую, хотя и не вполне последовательную, позицию. В 1916 году вернулся в Польшу, где был арестован. Один из основателей КРПП, член ЦК и Политбюро КРПП. С 1926 года делегат сейма и председатель комфракции. В 1929 году эмигрировал в СССР.

Ганецкий, Миколай (Фюрстенберг Я. С.) — один из старейших членов СДКПН. Участник IV, V и VI съездов СДКПН, член Главного Правления. В 1910 году возглавил оппозицию против Главного Правления, был одним из организаторов раскола и создания «розломовской» организации, член ее Краевого правления. Как представитель СДКПН участвовал в работе II, IV и V съездов РСДРП. На V съезде был избран в ЦК РСДРП. Во время первой мировой войны находился на позициях интернационализма. В 1917 году член Заграничного Бюро ЦК. После Великой Октябрьской революции работал в Наркомфин и Наркоминделе, был членом коллегии Наркомторга СССР.

Карский (Мархлевский Юлиан) (1866—1925) — видный деятель польского, германского и русского рабочего движения. Эмигрировал в Швейцарию, где вместе с Р. Люксембург, Я. Тышкой и А. Варским издавал газету «Справа роботничка» и журнал «Пшеглонд социаль-демократичный». Один из основателей и руководителей СДКПН. Окончив в 1895 году Цюрихский университет, переехал в Германию, где участвовал в деятельности германской социал-демократии. В 1905 году Мархлевский приехал в Варшаву и принял активное участие в революции 1905—1907 годов. В 1906 году был арестован. После освобождения в 1907 году был делегатом V (Лондонского) съезда РСДРП и Штутгартского конгресса II Интернационала. С 1909 года являлся одним из руководителей левого крыла германской социал-демократии. Во время войны принял участие в создании «Союза Спартака». В 1916 году был арестован и только в 1918 году по требованию Советского правительства освобожден в обмен на немецких военнопленных в России. В 1918 году был избран в члены ВЦИК, участвовал в создании Коминтерна. В 1920 году возглавил Временный поль-

ский революционный комитет. Ректор КЭИМЗ, профессор Московского государственного университета.

Ледер, Эдислав (Вл. Файнштейн) (1882—1938) — член СДКПНЛ с 1903 г., на V и VI съездах СДКПНЛ избирался членом Главного Правления. С лета 1910 года представитель СДКПНЛ в ЦО РСДРП. После июльского совещания 1911 года эмигрировал РСДРП вместе с Тышкой поддерживал группу «большевиков-примиренцев» в ее борьбе против большевиков-ленинцев. С 1921 года в Советской России на руководящей работе.

Ленский, Юлиан (Лещинский) (1889—1939) — видный деятель польского рабочего движения, член СДКПНЛ. В 1913 году член Варшавского комитета СДКПНЛ. В том же году был арестован и выслан. После Февральской революции приехал в Петроград. На первой конференции групп СДКПНЛ в России был избран в Центральный Исполнительный Комитет и являлся редактором газеты «Трибуна», с ноября 1917 г. руководил Комиссариатом по польским делам (в составе Наркомнаца). В 1924 году вернулся в Польшу, был избран членом секретариата ЦК КПП. С 1929 года — генеральный секретарь ЦК КПП, участник V, VI и VII конгрессов Коминтерна. В 1929 году избран членом Президиума ИККИ.

Люксембург, Роза (1871—1919) — выдающаяся деятельница польского и германского рабочего движения, одна из основательниц СДКПНЛ. Родилась в Польше. С 1897 года жила в Германии, где активно участвовала в деятельности германской социал-демократии, возглавляя ее левое крыло. Зимой 1905 года приехала нелегально в Варшаву, по вскоре была арестована и выслана в Германию. Участвовала в работе V (Лондонского) съезда РСДРП. На Штутгартском конгрессе II Интернационала вместе с В. И. Лениным внесла поправку в резолюцию о милитаризме и войне. В борьбе большевиков с ликвидаторами занимала примиренческую позицию. С началом мировой войны заняла интернационалистскую позицию, не решаясь, однако, организационно порвать с социал-демократией.

В 1915 году была арестована германскими властями. В дни польской революции 1918 года была освобождена и являлась одним из организаторов Коммунистической партии Германии. В январе 1919 года была арестована социал-демократическим правительством Шейдемана и убита. Имел огромные революционные заслуги перед рабочим классом. Р. Люксембург допустила ряд ошибок полуменьшевистского характера (в вопросах о роли партии, об империализме, в национальном и крестьянском вопросах и др.).

Малэцкий, Ксёндз (А. Рубинштейн) — видный деятель СДКПНЛ. С 1904 года работал в Лодзи, затем в Варшаве. Был делегатом от СДКПНЛ на V (Лондонском) съезде РСДРП. На V и VI съездах СДКПНЛ был избран членом Главного Правления. Один из организаторов раскола и член Краевого правления «роздамовской» организации. Участник Штутгартского и Базельского конгрессов II Интернационала. В годы первой мировой войны занимал оборонческую позицию. В 1921 году приехал в Советскую Россию, спустя некоторое время вступил в РКП(б). Работал в Наркоминделе, затем в ИККИ; был преподавателем комвузов.

Мартин (Винценты Матушевский) — член СДКПНЛ с 1900 г. На II съезде СДКПНЛ в августе 1900 г. был избран членом Центрального Комитета для Польши. Участник III, V и VI съездов СДКПНЛ, а также V (Лондонского) съезда РСДРП. Как член Варшавского комитета активно участвовал в революции 1905—1907 гг. Один из организаторов раскола в СДКПНЛ, член Варшавского комитета и Краевого правления «розрамонской» организации. Арестованный в третий раз в 1913 г., был сослан на вечное поселение в Сибирь. После Февральской революции член большевистской партии. Активный борец за власть Советов в Сибирь. Убит козачками в 1919 г.

Тышка, Ян (Л. Иогихес) (1867—1919) — деятель польского и германского рабочего движения. Эмигрировал в Швейцарию; принимал участие в издании газеты «Справа робитничка» и журнала «Пшеглонд социаль-демократичный». Один из руководителей СДКПНЛ, разделявший ошибочные взгляды Р. Люксембург. Осенью 1905 года приехал в Польшу, вскоре был арестован и приговорен к 8 годам каторги, но бежал из тюрьмы в Германию. Участник IV, V и VI съездов СДКПНЛ, V (Лондонского) съезда РСДРП. В годы реакции занимал примиренческую позицию по отношению к меньшевикам и ликвидаторам в РСДРП. Принимал активное участие в германском социал-демократическом движении, вместе с Р. Люксембург, Ф. Мерингом и др. находился во главе левого крыла. Был одним из организаторов «Союза Спартака». Освобожденный из тюрьмы ноябрьской революцией 1918 года в Германии, был одним из организаторов германской компартии. В марте 1919 г. был арестован и убит по приказу социал-демократического правительства Шейдемана.

II. Члены Варшавского и Мокотовского активов СДКПНЛ по воспоминаниям С. С. Дзержинской

Анджей (Стапислав Пестковский) — член СДКПНЛ с 1902 года, пропагандист и организатор, а в 1905—1906 годах был членом Лодзинского, Чештоховского, затем Варшавского комитетов партии. Несколько раз подвергался арестам. В 1907 году был приговорен к 4 годам каторги, после отбытия которой сослан в Сибирь на вечное поселение. Оттуда в 1913 году бежал за границу. После раскола в СДКПНЛ — сторонник Главного Правления. В 1914—1917 годах находился в Лондоне. После Февральской революции 1917 года приехал в Петроград. Принимал активное участие в Октябрьской революции, в захвате почт и телеграфа. Был первым народным комиссаром почты и телеграфа, потом членом коллегии Наркомата по делам национальностей, заместителем народного комиссара этого Наркомата. В 1920 году был на польском фронте. На X съезде РКП(б) прижмул к осужденной В. И. Лениным и партийной оппозиции, так называемой группе демократического централизма. В 1924—1926 годах был послом СССР в Мексике. С 1928 года — заместитель председателя и секретарь МОПРа, позднее работал в аппарате Коминтерна. Умер в 1943 году.

Анка (по мужу Мессипг) — молодецкая модистка, энергичная, очень преданная партии. Дважды арестовывалась; после второго ареста была сослана на 3 года во Владимирскую губернию. В СССР работала в 1917 году в Москве, в Соколыническом Совете рабочих депутатов, затем некоторое время в МЧК. Помогала в работе польской секции Коминтерна. В настоящее время находится на пенсии, живет в Москве.

Бродач и Коляж (фамплий не помню) — представители социал-демократической организации железнодорожников в Мокотовском районе.

Бронислав, Янек, Пшоляж (Юлиан Гемборек) — один из основателей организации СДКПил в Домбронском угольном бассейне, был глубоко предан партии, отличался необычайной энергией и трудолюбием. Прекрасный конспиратор и очень скромный человек. Был он делегатом VI съезда СДКПил. С 1907 по 1910 год Бронислав находился в эмиграции в Швейцарии, в Берне. В 1910 году он был направлен в Королевство Польское в качестве доверенного лица Главного Правления СДКПил, а осенью этого года его в третий раз арестовали. В ноябре 1911 года Варшавская судебная палата приговорила его к лишению всех прав и ссылке на вечное поселение в Восточную Сибирь. Летом 1912 года, отправленный вместе с Даниелем Эльбаумом в Киренский уезд, Иркутской губернии, он бежал оттуда. Еще находясь в ссылке, он объявил себя сторонником оппозиции («розаламвцем»).

Империалистическая война 1914—1918 годов застала его в Восточной Галиции. После занятия ее русскими войсками он скрывался в России. Принимал активное участие в Октябрьской революции (кажется, в Челябинске) как большевик. Был делегатом X и XI съездов РКП(б). В течение ряда лет работал областным прокурором сначала в Челябинске, потом в других городах. В 1926—1928 годах — член Польского бюро агитпропа ЦК ВКП(б). Активно боролся с троцкизмом. Окончил вечерний институт Красной профессуры, работал в Академии наук СССР до 1937 года.

Непрерывная работа, тяжелые переживания подорвали вконец его здоровье. Он умер в Москве во время войны (кажется, в 1943 году).

Бурак (Ян Лесневский) — сапожник. Член СДКПил с 1900 года. Активно участвовал в работе партийной организации сапожников в Варшаве. В 1900 году партия направила его в Лодзь. Наладив там работу партийной организации, он в 1901 году вернулся в Варшаву. В этом же году во время массовых арестов Лесневский был брошен в тюрьму, затем выслан на 5 лет в Восточную Сибирь. Вернувшись в 1905 году в Варшаву, он сразу же включился в активную партийную деятельность, возглавив партийную организацию Вольского района Варшавы. Был делегатом V съезда СДКПил и V (Лондонского) съезда РСДРП. В 1909 году был снова арестован, приговорен к каторге, а после отбытия срока сослан в Сибирь на вечное поселение. Освободила его Февральская революция 1917 года. Лесневский был большевиком, работал сначала в Сибири, а затем в Москве в качестве секретаря Польского бюро агитпропа МК ВКП(б).

Бялы (Цукервар) — пропагандист и агитатор. В СССР — член ВКП(б), преподаватель в польском секторе КУНМЗа под фамилией Елчи, потом профессор политэкономии Московского государственного университета. Умер в Москве в 1952 или 1953 году.

Верный (Владислав Штейн, А. Краевский) — член СДКПяЛ с 1905 года. В 1905—1907 годах работал в организациях: варшавской (в Повоназовском районе), лодзинской, чешеховской, в организации Домбровского угольного бассейна. В июле 1905 года был арестован на Варшавской общегородской конференции СДКПяЛ и освобожден по октябрьской амнистии. Был делегатом V (Лодзовского) съезда РСДРП. Арестованный в 1907 году, был административно выслан на 2 года в Усть-Сысольск в Вологодской губернии, откуда бежал в 1908 году за границу и по октябрь 1910 года жил в эмиграции, сперва в Берлине, потом в Швейцарии. В октябре 1910 года поехал на подпольную работу в Лодзь, где в декабре этого же года был арестован. Приговоренный к лечному поселению в Сиббири, был в октябре 1912 года сослан в Енисейскую губернию. В марте 1914 года бежал оттуда за границу и примкнул к «родамонадцам». В 1916 году вернулся в Польшу и работал секретарем Варшавского комитета СДКПяЛ, а потом КРПП до 1920 года. В 1920—1930 годах — член ЦК КПП. В начале 1924 года примкнул к группе Варского, Костыши и Валедского, в связи с чем в январе 1925 года был отстранен от работы в Польше. После образования в КПП группировок «большинства» и «меньшинства» примкнул к «большинству». С 1930 года жил в Москве, был членом редакции польского перевода сочинений В. И. Ленина, выпущенных издательством «Товарищество иностранных рабочих». С 1931 до мая 1937 года находился на ответственной работе в аппарате ИККИ. В 1935 году участвовал в работе VII конгресса Коминтерна и был избран членом Интернациональной контрольной комиссии.

Вёслаж (Антони Забойсца) — сапожник. В 1904 году его арестовали по делу Каспшака. Вторично он был арестован летом 1905 года на партийной конференции в Дембах Вельких. Был участником VI съезда СДКПяЛ. В последние годы реакции Забойсца отошел от революционного движения.

Вур (Феликс Миних) — сапожник, член СДКПяЛ с 1900 года. Арестованный в ноябре 1901 года, он был сослан на 5 лет в Сибирь. Вернулся в Варшаву в 1905 году после октябрьской амнистии, сразу же включился в активную партийную работу и был избран в районное правление мокотовской партийной организации. После этого был дважды арестован. Умер в 1912 году.

Вицек, Болек, Казик (Даниель Эльбаум) — член партии с 1903 года, в разное время член Варшавского комитета и комитета Домбровского угольного района. В 1905—1907 годах, а также в 1910 году — доверенное лицо Главного Правления и член Лодзинского комитета СДКПяЛ. Неоднократно подвергался арестам, в том числе в 1904 году по делу Каспшака. В 1910 году был приговорен к пожизненному поселению в Восточной Сибири, бежал оттуда за границу и был послан СДКПяЛ на партийную работу среди польского населения в США. Впоследствии компартия Польши отозвала его из Америки в Германию, где он работал в качестве уполномоченного КПП. С 1922 года жил и работал в Советском Союзе на хозяйственной работе, член ВКП(б).

Груга (Игнацы Грушковский) — каменщик, один из организаторов знаменитой забастовки варшавских каменщиков в 1904 году. Участник революции 1905 года, сосланный в период реакции в глубь России. Принимал активное участие

в Великой Октябрьской социалистической революции и в гражданской войне, пал в бою под Сызранью в 1919 году.

Даика (Францишка Квятковская) — фабричная работница. В августе 1900 года как член Варшавского комитета СДКППЛ была арестована и сослана на 3 года в Архангельскую губернию. После возвращения в Варшаву снова принимала активное участие в партийной работе. В известной демонстрации на Театральной площади 2 ноября 1905 года она попала под копыта казацких лошадей. Выздоровев, занялась организацией помощи нашим товарищам, находившимся в заключении. Умерла в 1909 году.

Заграницы (Марцин Пакош) — родом из Галиции, рабочий-гравёр, профессиональный революционер, член СДКППЛ с 1903 года, хороший организатор. В 1905—1908 годах — член Варшавского, а потом Лодзинского комитетов, в 1912—1913 годах — уполномоченный Главного Правления по работе в стране. Был делегатом V съезда СДКППЛ. Неоднократно арестовывался, в последний раз в 1913 году. Во время войны был перевезен в тюрьму в Россию. Здесь его освободила Февральская революция 1917 года. Пакош был активным участником Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войны, политкомиссаром Красной Армии, неутомимым партийным работником в рядах ВКП(б) и КП(б)У. В 1923—1930 годах — секретарь Мархлевского райкома КП(б)У (бывш. г. Довбыш) на Волыни. Умер в 1930 году.

Зофья (Михалина Файнштайн) — учительница, активная участница варшавской организации в 1904—1906 годах. Член Мокотовского районного правления и Варшавского комитета СДКППЛ в 1905—1906 годах. Арестованная в декабре 1906 года, после освобождения под залог эмигрировала за границу, где осенью 1909 года покончила жизнь самоубийством.

Ирена (Наталья Шер, по мужу Семковская) — с 1905 года активный член варшавской организации СДКППЛ. В 1907 году она была арестована, затем находилась в эмиграции, где работала в заграничной секции СДКППЛ и примкнула к «розламовцам». После Февральской революции 1917 года вернулась в Россию, но в партию большевиков не вступила. Работала в Народном комиссариате просвещения Украины как литератор и переводчик с иностранных языков. В настоящее время — на пенсии.

Кмициц, Володыёвский (Франц Перковский) — столяр, член СДКППЛ с 1900 года. Был трижды арестован царскими властями. Один из организаторов социал-демократического профсоюза деревообделочников, член правления этого союза. В 1905 году вел работу среди батраков и малоземельных крестьян в окрестностях Варшавы. В 1911 году руководил забастовкой на заводе швейных машин «Эпигер». В 1913 году уехал в Белосток, где работал на заводе Берпадиакевича в Свицдерского и в 1915 году вместе с заводом эвакуировался в Россию, в г. Ковров. Февральская революция 1917 года застала его в г. Чугуеве, Харьковской губернии. Там он активно участвовал в организации Совета рабочих и солдатских депутатов, был членом президиума Совета, уполномоченным по организации Красной гвардии. В октябрьские дни 1917 года являлся членом Ревкома в Чугуеве. Участвовал в национализации завода Борковского, на котором работал.

В 1918 году вернулся в Польшу, работал там в железнодорожных мастерских на ст. Лань и был арестован за большевистскую агитацию, но по требованию рабочих освобожден. В 1920 году он покинул Польшу вместе с отступающими частями Красной Армии. В 1920 году он был избран в Польское бюро агитпропа Московского комитета РКП(б), где работал инструктором до 1925 года, затем некоторое время работал дипломатическим курьером в НКВД, потом перешел на пенсию.

Колета (фамилии не помню) — представительница партийной организации лепточной фабрики Шенницца.

Кораль (Ипполит Филалек) — шорник по профессии, член СДКПыл с 1903 года, член Мокотовского районного правления, некоторое время член Варшавского комитета СДКПыл. Активный участник Октябрьской революции на Украине, один из руководителей восстания рабочих Арсенала в Киеве против контрреволюционной украинской Центральной рады, отличался мужеством и героизмом. Умер в 1935 году в Одессе.

Кристина (Мария Гольдман) — в период революции 1905—1907 годов работала агитатором и пропагандистом в Повонзковском и Долином районах варшавской организации СДКПыл. Во время реакции отошла от революционного движения.

Леон, позднее *Ян*, *Юровский* (Юзеф Уншлихт) — член СДКПыл с 1903 года. В 1905 году член Лодзвского, а в 1905—1907 годах член Варшавского комитетов и районного правления СДКПыл Мокотовского района. Был делегатом V съезда СДКПыл и V (Лондонского) съезда РСДРП. Был одним из организаторов раскола в СДКПыл и одним из руководителей организации «розламовцев». Арестованный в сентябре 1909 года, он вскоре был освобожден. Вторично арестованный в 1913 году, был приговорен к вечному поселению в Сибирь. Принимал активное участие в Октябрьской революции, был членом Военно-революционного комитета при Петроградском Совете рабочих и солдатских депутатов. Был членом ВЦИК, ЦИК групп СДКПыл в России и председателем Центроппленбежа¹. В 1919 году — член Ревкома Западного фронта. В 1920 году — член Временного польского ревкома. С 1921 по 1923 год — заместитель председателя ВЧК. В 1923—1927 годах — член коллегии Реввоенсовета, потом заместитель наркома по военным и морским делам СССР. В 1930—1933 годах — заместитель председателя Госплана СССР. В 1933—1937 годах — начальник Главного управления гражданского воздушного флота. Постоянный член ЦИК СССР. Начиная с XIV съезда и до 1937 года — кандидат в члены ЦК ВКП(б).

Марыся (Стефания Пшедецкая) — модистка шляпной мастерской на Давидовичевской улице. Энергичный организатор, участница расстрелянной царскими властями перемойской демонстрации 1905 года в Иерусалимских Аллеях в Варшаве. Одна из основательниц и руководительниц социал-демократического профсоюза работников иглы. В годы реакции эмигрировала за границу. Вернулась оттуда в 1910 году. Была арестована 27 декабря того же года и освобождена через несколько месяцев.

¹ Центроппленбеж — организация по делам военнопленных и беженцев первой мировой войны, созданная в России в первые годы после Октябрьской революции.

В период раскола СДКПП — активный член организации «розламовцев». Вновь арестовывался в 1912 или 1913 году, была сослана на вечное поселение в Сибирь. Освобожденная Февральской революцией 1917 года, принимала активное участие в Великой Октябрьской социалистической революции. Затем уехала в Польшу для работы в КРПП, где была вскоре арестована. В 1920 году по соглашению правительства Советской России с правительством буржуазной Польши была обменена в числе других видных польских коммунистов (Прухняк, Будзипский и др.) и вернулась в Советскую Россию. Здесь работала среди польского населения в Белоруссии секретарем Польского бюро агитпропа ЦК КП(б)Б, потом секретарем Польского бюро агитпропа Ленинградского горкома и членом Польского бюро агитпропа ЦК ВКП(б). После организации при Институте Маркса — Энгельса — Ленина (ИМЭЛ) польского архива была назначена его заведующей. Впоследствии была избрана секретарем парторганизации ИМЭЛ. Она была кристально чистым, трудолюбивым, скромным, безгранично преданным делу коммунизма товарищем.

Металлик (Франциск Гржелъцак) — металлист. Член Мокотовского районного правления СДКПП в 1905—1907 годах. Участник Великой Октябрьской социалистической революции. Вернулся в Польшу в 1918 году. В течение многих лет был членом ЦК КПП, начиная с I съезда. В КПП выступал под партийными кличками Марцин, Гржегожевский.

Млот (Кароль Малицкий) — металлист из Прушкава. В 1905—1907 годах постоянный представитель пружковской организации СДКПП в Мокотовском районе, член Мокотовского районного правления.

Мужик (Томаш Магжик) — сапожник. Участник II и V съездов СДКПП, а также V (Лондонского) съезда РСДРП. Арестованный в 1901 году, был после двухлетнего тюремного заключения сослан на 5 лет в Сибирь. После октябрьской революции 1905 года вернулся в Королевство Польское и сразу же включился в активную партийную работу. Снова арестованный в 1908 году, был приговорен к каторге, а затем сослан в Сибирь на вечное поселение. Его освободила Февральская революция 1917 года. Будучи большевиком, он остался работать в Иркутске. Во время гражданской войны Магжик был схвачен колчаковцами и умер от сыпного тифа в лагере для пленных на Дальнем Востоке в 1919 году.

Мышь (или Мыша) — рабочий, фамилию не знаю, был арестован в период реакции.

Надзея (Щепан Рыбакский) — каменщик. В 1905—1907 годах молодой, многообещающий, талантливый товарищ, хороший организатор и оратор. В период реакции был арестован и сослан на вечное поселение в Сибирь. В буржуазно-помещичьей Польше — член ЦК КПП, затем в СССР (под фамилией Мацевский) — редактор польской крестьянской газеты «Серп» в Киеве, член Польского бюро агитпропа ЦК ВКП(б).

Недведзъ (Миттельштедт) — пропагандист.

Ойцец (Леопольд Добровичский) — сапожник, с 1885 года член социально-революционной партии «Пролетариате», с 1893 года — член СДКПП. Многолетний работник нелегальных партийных типографий. Неоднократно арестовывался царскими

властями, впервые в 1885 году. После ареста в 1902 году он был административно выслаан в Якутск, освобожден по амнистии 1905 года. В 1907 году он был приговорен к 4 годам каторги, после отбытия которой был сослан в Киренский уезд Иркутской губернии. Его освободила Февральская революция 1917 года. Партия направляла его в Крым, затем в Царицын, где он работал в губчека. В 1920 году был мобилизован на польский фронт и по заданию Польревкома вел работу по организации батрацких комитетов.

С 1921 года — персональный пенсионер, жил в Москве, в Доме ветеранов революции имени Ильича. Умер в 1933 году, на 70-м году жизни.

Ольбихек (Мария Плохоцкий) — пекарь, член ППС с 1896 года. С 1900 года — член СДКПил. Арестованный в том же году, был сослан в 1901 году на 6 лет в Восточную Сибирь. После октябрьской амнистии 1905 года вернулся в Варшаву и работал секретарем с.-д. профсоюза работников мукомольной промышленности. С 1906 года — член Центральной комиссии с.-д. профсоюзов. Участвовал во II и V съездах СКДПил. Арестованный в январе 1907 года, был через несколько месяцев освобожден. В ноябре этого же года снова арестован и через 5 недель освобожден. В июле 1911 года вновь арестован и освобожден в декабре этого же года. Был опубликован в списке провокаторов в «Червоном Штандаре» (№ 183) за 1911 год. После революции 1917 года реабилитирован.

Польовны (Игнацы Братман) — способный агитатор и пропагандист, хороший организатор. После раскола в СДКПил — один из руководителей варшавской организации, признававшей руководство Главного Правления. Умер несколько лет назад в Польше, будучи членом Польской Объединенной Рабочей партии (ПОРП).

Пытлас (Ян Тарвацкий) — металлист. Был арестован в 1900 году и сослан на 3 года в Одессу. После возвращения в Варшаву принимал активное участие в работе СДКПил, руководил первой партийной организацией района Дол. Незадолго до начала первой мировой войны Тарвацкий уехал в Россию. Активный участник Великой Октябрьской революции, он возглавлял первое революционное правительство в Крыму. Во время захвата белогвардейцами Крыма он был ими зверски убит в 1918 году в Симферополе.

Рубинек (Генрих Руппштейн — Рубевский) — член СДКПил с 1904 года. В 1905—1906 годах велел партийной техникой, принимая одновременно участие в нелегальном социал-демократическом профсоюзном движении. Арестованный в 1906 году, после двухлетнего заключения был сослан в административном порядке в Астраханскую губернию, откуда бежал в 1908 году за границу. В 1914 году, незадолго до начала империалистической войны, он нелегально вернулся в Россию. Принимал активное участие в Великой Октябрьской социалистической революции. Потом он работал в Харькове заместителем народного комиссара социального обеспечения Украины, затем в Москве в Рабоче-крестьянской инспекции (РКИ). В настоящее время живет в Москве, персональный пенсионер.

Руды Адам (Адам Ягодзицкий) — пекарь, один из руководителей первой забастовки пекарей в 1897 году. Осенью 1899 года под влиянием агитации Ф. Дзержинского порвал с ППС, перешел сам и привел за собой весь цех пекарей Варшавы

в ряды восставленной Дасркинским организации СДКП. В 1905—1907 годах — член Мокотовского районного правления. Арестованный (вторично) в 1908 году, был приговорен к каторге. Освобожденный Февральской революцией 1917 года, работал в рядах ВКП(б) среди польского населения. В 1926—1930 годах учился в Коммунистическом университете национальных меньшинств запада имени Мархлевского (КУНМЗ), после окончания которого возвратился на партийную работу среди польского населения Советской Украины.

Сибирак (Болеслав Фальковский) — металлист, активный член варшавской организации СДКП. С 1899 года, член Мокотовского районного правления СДКП.Л, один из организаторов и многолетний член правления социал-демократического профсоюза металлистов. Неоднократно арестовывался, первый раз в 1901 году. В 1910 году был приговорен к вечному поселению в Сибирь. Принимал активное участие в борьбе за власть Советов в Сибири, где несколько раз арестовывался белогвардейцами. В 1921 году он был секретарем Польского бюро при Иркутском комитете РКП(б). В том же, 1921 году, тяжело больной, приехал в Москву. Умер он в Москве, кажется в 1932 году, будучи членом ВКП(б).

Смутный (Бронислав Весоловский) — был одним из основателей СДКП, руководил первым съездом партии. Арестованный осенью 1894 года и посланный в 1896 году в Сибирь, он после возвращения поселился в 1904 году в Киеве, где работал по своей специальности инженер-электрик и занимался партийной деятельностью в рядах РСДРП.

Летом 1905 года Весоловский приехал в Варшаву и активно участвовал в партийной работе, возглавляя Варшавский комитет. Он пользовался огромным авторитетом и уважением всех товарищей и обычно председательствовал на межрайонных конференциях. В ноябре 1906 года он был снова арестован, но освобожден под залог. В 1907 году был участником V (Лондонского) съезда РСДРП.

В 1908 году Весоловский был снова арестован и приговорен к 6 годам каторги. Освободила его лишь Февральская революция 1917 года. Он сразу же отправился в Петроград, где стал активным деятелем партии большевиков. С весны по ноябрь 1917 года Весоловский был одним из секретарей ЦК партии большевиков, а затем находился на ответственной работе во ВЦИК и Верховном трибунале.

В декабре 1918 года, возглавляя делегацию Советского Красного Креста, Весоловский выехал в Польшу для переговоров об обмене военнопленными. На обратном пути в РСФСР в ночь с 1-го на 2-е января 1919 года он вместе с другими членами делегации был зверски убит агентами Пилсудского неподалеку от советской границы.

Собек (Ян Собкович) — пекарь. Еще в 1898 году его арестовали за принадлежность к ППС. Выйдя на свободу, он приехал в Варшаву, связался с партийной организацией пекарей, которая к тому времени уже порвала с ППС и примкнула к СДКП. Он активно включился в партийную работу СДКП.Л. В 1900 году его снова арестовали и выслали на 3 года из Варшавы в глубь России. Но вскоре он нелегально вернулся и продолжал активную партийную работу вплоть до нового ареста в 1901 году. Посланный на 5 лет в Восточную Сибирь, он после октябрьской амнистии 1905 года возвращается в Королевство Польское, участвует в работе V съезда СДКП.Л

и V (Тондонского) съезда РСДРП. В 1907 или 1908 году его опять арестовали и приговорили к каторжным работам, а после отбытия каторги — к вечному поселению в Сибирь. Освобожденный Февральской революцией 1917 года, он остался в Сибирь, но участия в партийной работе не принимал.

Тадеуш (Францишек Горский) — конторский служащий, агитатор и пропагандист, с 1906 года член районного правления мокотовской организации СДКПиЛ. Арестованный в 1906 году, он был приговорен к 4 годам каторги.

Фала, брат Клары (Филяковский) — был искренне предан делу партии, по слухам горлч и вопреки отрицательному отношению партии к террору зимой 1905/06 года применил экономический террор во время забастовки портных. Был тяжело ранен полицией и через несколько дней умер в больнице Св. Духа.

Циос (Антони Собесяк) — каменщик, один из замечательных рабочих ораторов СДКПиЛ. Руководил упомянутой уже забастовкой каменщиков в 1904 году, один из основателей социал-демократического профсоюза каменщиков, был делегатом V съезда СДКПиЛ. В период реакции покончил с собой.

Шары (фамилии не знаю) — металлист, представитель организации СДКПиЛ с завода Яриушкевича.

Щербаты (Юлиан Решке, в Москве — Анчак) — рабочий, член СДКПиЛ с 1904 года. Работал в организации Домбровского бассейна под партийной кличкой Леон, с 1906 года — в Варшаве под кличкой Щербаты. Несколько раз арестовывался, в последний раз, осенью 1907 года, был приговорен к 4 годам каторги, после отбытия которой сослан на вечное поселение в Сибирь. Освобожденный Февральской революцией 1917 года, вступил в ряды большевистской партии. В 1923—1925 годах учился в польском секторе КУНМЗа. Потом вел партийную работу среди польского населения на Украине.

Эдвард (Владислав Ковальский) — металлист, позднее зубной техник, активный деятель СДКПиЛ с 1900 года. Работал в разных промышленных городах Королевства Польского, позднее на Советской Украине, член ВКП(б).

Юрек (Вацлав Мяллер) — член СДКПиЛ с 1905 года, активист мокотовской организации, член боевой дружины, участник Октябрьской революции в России. Был заместителем начальника артиллерии Красной гвардии и комиссаром Петроградского арсенала. Член ВКП(б), активный партийный работник среди польского населения в СССР. Позднее хозяйственный работник на Сахалине.

Дзержинская, Софья Сигизмундовна

В ГОДЫ ВЕЛИКИХ БОЕВ. Под ред. И. А. Хреннова.
М., «Мысль». 1964.
447 с.

ЗКП (092)

Редактор *Г. Повикова*

Младший редактор *А. Тарапова*

Оформление художника *С. Томилиной*

Художественный редактор *Г. Чеховский*

Технический редактор *Р. Москвина*

Корректоры *Г. Замани, С. Новицкая, О. Мельникова*

Сдано в набор 17 июля 1963 г. Подписано в печать 22 октября
1963 г. Формат бумаги 70×90/16. Бумажных листов 14. Печат-
ных листов 32,76. Учетно-издательских листов 30,64. Ти-
раж 31 000 экз. А09373. Заказ № 422. Цена 98 коп.

Издательство социально-экономической литературы «Мысль»,
Москва, В-71, Ленинский проспект, 15.

Ленинградская типография № 1 «Печатный Двор» име-
ни А. М. Горького «Главполиграфпрома» Государствен-
ного комитета Совета Министров СССР по печати. Гат-
чинская, 26.

На фоталию. Гажмилеву
Сигалову на память.

С. Дзержинская
30 августа 1964 г.

К 101^й годовщине со дня рождения
С.С. Дзержинской передано в дар музею
С.М.ММ им. Ф.Э. Дзержинского в г. Красноводе
Туркменской ССР. Н.Р. Сигалов.
г. Каунас, Литва ССР
2 декабря 1983 г.

С.С. Дзержинская род. 2 декабря 1882 г. в Варшаве. За революционную деятельность в Польше трижды арестовывалась. В ноябре 1911 года была приговорена к лишению всех прав состояния и на вечное поселение в Сибирь. В августе 1912 г. совершила побег с места поселения, скрылась за границу, где политэмигрантом проживала сначала в Австро-Венгрии, а затем в Швейцарии. Вернулась уже в Советский Союз в январе 1919 г. До 1924 г. работала в Наркомпросе, до 1924 г. в Польбюро агитпропа ЦК ВКП/б/, до 1934 г. ст. научным сотрудником в Инст-те марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, до 1937 г. - в издательстве литературы на иностранных языках, до 1943 г. - в Исполкоме Коминтерна, до 1945 г. - ст. редактором в Научно-исследовательском инст-те. С декабря 1945 г. - персональный пенсионер союзного значения.

Партийный стаж с 1905 г. В 1910 году связала свою жизнь с Ф.Э. Дзержинским. Награждалась правительственными наградами. Скончалась 27.11.1968 года. Похоронена в Москве на Ново-Девичьем кладбище.

**Софья Сигизмундовна ДЗЕРЖИНСКАЯ
с правнуком КИРЮШЕЙ ФЕЛИКСОВИЧЕМ
(снимок сделан на даче 21. VIII. 1967 г.)**

98 коп.

ИЗДАТЕЛЬСТВО

„МЫСЛЬ“